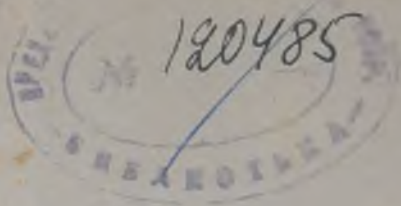

33(09)

3-59

В. П. ЗИГУР

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

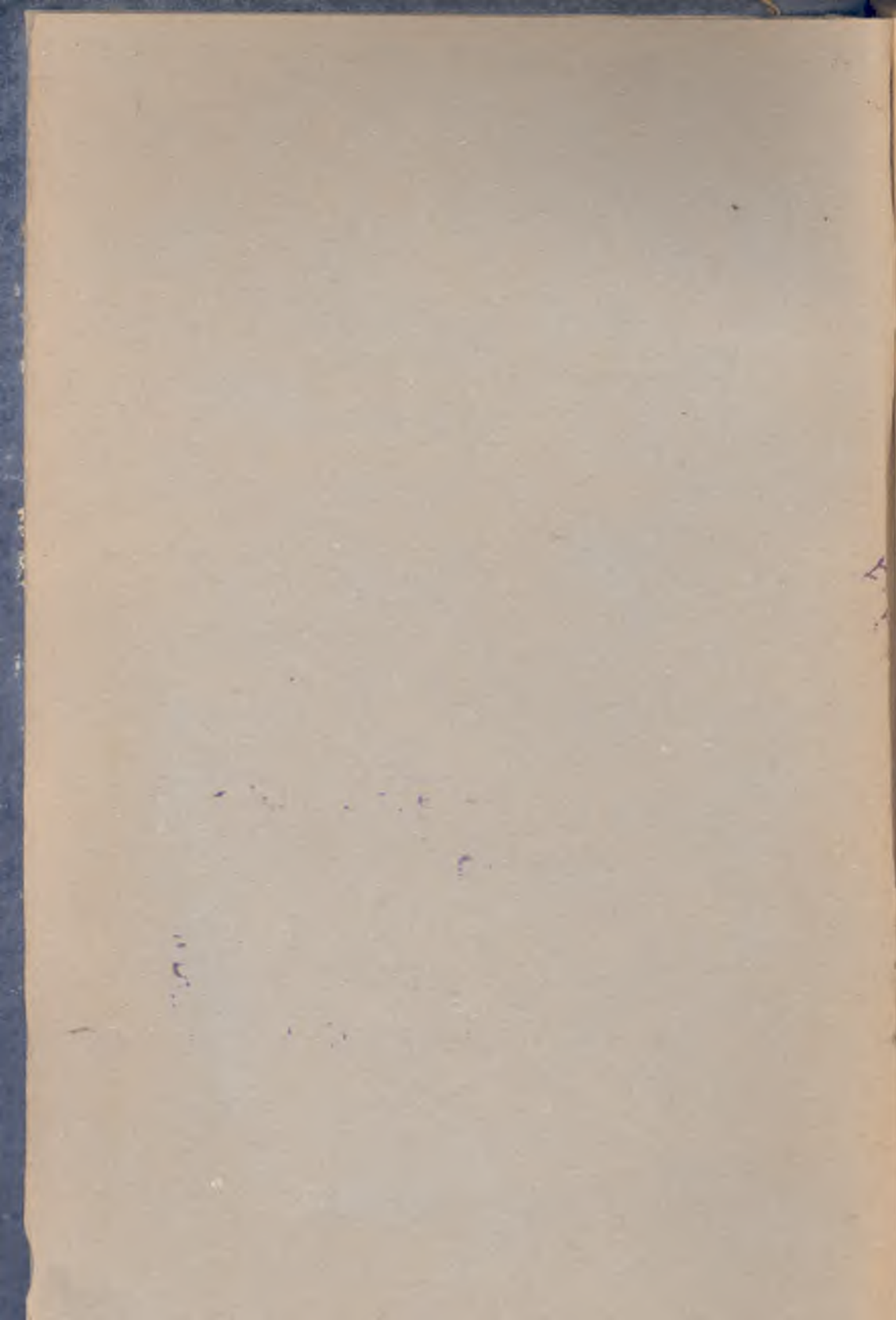
Film 1417

ap

1

1111

1111

02
755
03

Н. И. ЗИБЕР

Первое издание

~~901~~
~~3-59~~

33(09)

3-59

ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1718
5849

БИБЛИОТЕКА
№ 1717
1953 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО

6586
190485
БЕЛОРУССКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КИЕВСКИЙ
ИНСТИТУТ
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
19088
+7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

Книга Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» вышла первым изданием в 1883 г.

Эта работа представляет большой интерес как первая попытка русского экономиста на основе большого фактического материала осветить проблемы первобытного общества. Книга ценна для изучения истории экономической мысли в России.

О ПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
IV	10 снизу	1883	1888
105	4 сверху	на	в
227	14 снизу	отчуждать	отчуждать
358	25 сверху	Нила	Нила.
540	21 снизу	которой	который

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Работа Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» перепечатывается по первому изданию 1883 г. Второе издание 1899 г. вышло через 11 лет после смерти Зибера, и нет достаточно ясных указаний, в какой мере исправления во втором издании сделаны самим Зибером, к тому же это издание отличается исправлениями только стилистического характера. Отдельные слова, являющиеся явными опечатками, исправлены по второму изданию. В настоящем издании этнографические, географические и другие наименования даны в транскрипции Зибера.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки первобытной экономической культуры» написаны были Н. И. Зибером в 1881 г. и изданы в 1883 г. Второе издание книги вышло в 1899 г., т. е. уже после смерти автора (1888 г.). За истекшее с тех пор время было написано немало трудов о первобытном обществе, причем громадные успехи сделала и первобытная археология; из работ сводных можно указать несколько десятков книг, завоевавших себе всеобщую известность и признание, количество же исследований по отдельным вопросам и отдельным странам еще более велико.

Просмотр «Очерков» Зибера—глава за главой—и сверка выводов автора с тем, к чему сейчас пришла наука о первобытном обществе, показали, что работа Зибера далеко не устарела и что основные положения «Очерков», дающие характеристику первобытному обществу как эпохе первобытного коммунизма, подтверждаются научными исследованиями последующей эпохи. Зибер иронизирует по поводу тех путешественников и ученых, которые не видят отличия древних форм организации труда от современных европейских. Зибер подчеркивает общинный характер первобытного производства в отличие от частно-собственнического современного. Ни одна из выпущенных позже работ различных буржуазных авторов не заменила собою «Очерков первобытной экономической культуры» Зибера. Многие из новейших исследований превосходят «Очерки» богатством материала, некоторые—талантливостью изложения, блестящим стилем; но из богатейшего материала никто из этих авторов не сумел сделать правильных обобщений и научно обоснованных выводов.

Николай Иванович Зибер (1844—1883) после окончания юридического факультета в Киеве и защиты диссертации получил в 1871 г. степень магистра политической экономии. Затем он был командирован за границу. В 1873 г. по возвращении в Киев, Зибер был избран доцентом по кафедре политической экономии, но оставался в Киевском университете недолго. Через два года он выходит в отставку и едет в Швейцарию (родину своего отца). Н. И. Зибер вернулся в Россию лишь через 12 лет—незадолго до своей смерти.

Из работ Зибера наиболее известны: «Теория ценности

и капитала Д. Рикардо» (1871 г.), «Экономическая теория Карла Маркса» (1876), «История швейцарской альпемиды» (1881 г.), «Судьба общинного землевладения в Швейцарии» (1882 г.), «Очерки первобытной экономической культуры» (1883 г.), «Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885 г.)

Зибер был одним из первых популяризаторов марксизма в России, выступал неоднократно на страницах научных журналов с защитой теории Маркса. Его «Очерки первобытной экономической культуры» отличаются от книг буржуазных ученых, занимавшихся первобытной экономикой, своей методологией: знакомство с работой Маркса во многом помогало Зиберу в его исследованиях экономической жизни и придало выводам Зибера научную ценность, которую они сохранили до сих пор.

На выбор Зибером темы по первобытной экономике повлияло в значительной мере обострение споров среди русской передовой интеллигенции о судьбах русской сельской общины. Развитие капитализма в России к 80-м годам прошлого столетия сделало большие успехи. Идеологи молодого русского капитализма («русские либералы», «русские поклонники капиталистического строя», которые, по словам Маркса, хотели «...завести у себя капиталистическое производство и, будучи последовательными, превратить огромную массу крестьян в простых наемных рабочих»¹), приветствовали поступательный ход капиталистического развития, но интеллигенция народнического толка с громадной тревогой взирала на проникновение капитализма в деревню и разложение русской общины, которую народники считали единственно реальной базой революционного развития России. Для К. Маркса, который наблюдал этот процесс, был с ним достаточно глубоко знаком, было несомненно дальнейшее разложение общины. «С самого так называемого освобождения крестьян русская община поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными требованиями, она стала беспомощной, легкой добычей эксплуатации торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не все. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, насколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 688 (сноска).

талистического паразита, который высасывал и без того скудную кровь «сельской общины». К. Маркс приходит к выводу, что «это стечение разрушительных влияний, если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно естественно привести к гибели сельской общины»¹.

Известно, что К. Маркс интересовался вопросом о судьбах русской общины (письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» в конце 1877 г., письмо Николаю—оному и ответ В. Засулич—8 марта 1881 г.). Откликнулся на эти вопросы и Н. И. Зибер—сотрудник «Отечественных записок».

Н. И. Зибер своеобразно подошел к теме: он решил показать, что сельская община существует и существовала раньше не только в России и что, поэтому, основной тезис народничества о том, что община—«чисто русское явление и потому к России неприменимы никакие законы капиталистического развития»—этот тезис неправилен. В конце 1880 г. Зибер написал статью об «Общине и государстве в Нидерландской Индии» (помещена в «Отечественных записках» в марте месяце 1881 г.), в которой наглядно показывал наличие на островах Индонезии тех же земельных общинных порядков, которые существовали в России. Эта статья появилась в период, когда особенно остро стоял вопрос о судьбах русской общины. Вслед за этим Зибер начал готовить свою большую работу, в которой подвергнуты систематизации и критическому разбору все сведения об общинных формах хозяйства у разных народов.

В предисловии к «Очеркам первобытной экономической культуры» Н. И. Зибер пишет, что в результате исследований о древнейшей истории индо-европейских народов ученые пришли «...к тому предположению, пользующемуся более или менее всеобщим распространением, что общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития. Но как ни популярно означенное предположение, справедливость требует заметить, что для научного подтверждения его сделано еще очень мало, так как сведения, относящиеся к формам хозяйственной жизни народов Океании, Америки, Азии и Африки до настоящего времени почти не подвергались самостоятельной и цельной разработке»².

Пребывание за границей оказало большую услугу Зиберу в этой работе: под рукой были все необходимые материалы—записки путешественников, отчеты колониальных администраторов, сводные работы и монографии европейских ученых. Ничего этого в Киеве Зибер, конечно, достать не мог бы. Среди работ, обративших на себя внимание автора «Очерков», была

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, стр. 685—686.

² Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, стр. 1 настоящего издания.

также недавно вышедшая в свет (в 1877 г.) знаменитая работа Л. Моргана. Из нее Зибер почерпнул сведения о чистых родовых формах общества, т. е. получил от Моргана именно то, чего недоставало автору-экономисту для создания своей теории общинно-родового устройства народов, не дошедших еще до стадии образования классового общества.

Н. И. Зибер ограничил рамки своего исследования народами внеевропейских стран, отказавшись от анализа форм общественного устройства у древнейших индо-европейских народов; он считал, что после ряда публикаций европейских ученых о быте земледельческих народов индо-европейского происхождения вряд ли стоит повторять сведения, которые уже общеизвестны. Кроме того, автор «Очерков» принужден был отказаться и от использования литературы о русских «инородцах» вследствие невозможности получить ее за границей. Но кроме этих, оговоренных в предисловии, ограничений темы автор фактически сузил ее тем, что включил в рамки своего исследования только тот период истории человечества, который, по терминологии Л. Моргана, называется «периодом варварства».

Введенные Зибером ограничения темы лишили автора некоторых возможностей, которые оказались бы весьма полезными при исследовании таких сложных явлений, как древнейшие формы человеческого общежития. Исключив весь период «дикости» из поля своего научного наблюдения, Зибер сам затруднил себе поиски линии развития того или другого явления; отказ же от сравнения с формами первобытной общественности у народов Европы несколько ограничил выявление экономических форм, о всеобщности которых Зибер писал в своем предисловии.

Пользуясь методом Маркса, Зибер создал свои «Очерки». Но для Зибера пользование этим методом при изучении экономики первобытного общества представляло значительные трудности, так как за исключением первого тома «Капитала», где есть замечания Маркса о первобытном обществе, Зиберу не были известны никакие другие высказывания основоположников марксизма о первобытной истории человечества.

* * *

Установив, что основу всего разнообразия общественной жизни народов следует искать в характере работ, «...служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления»¹, Зибер шаг за шагом исследует форму общественного труда у различных внеевропейских народов и из-под груди словесной шелухи, которой заполнены сообщения миссионеров, шпионов

¹ Там же, стр. 2.

и путешественников, извлекает те факты, которые дают ему возможность делать широкие обобщения. Автор не строит своих заключений на случайно вырванной цитате или примере—он приводит текстуально целыми страницами фактический материал, сопоставляет его, очищает от противоречий и несуразниц и только после этого формулирует свои далеко идущие выводы.

От первых, наиболее примитивных форм кооперирования общественного труда в виде рыбной ловли, общинной охоты, пастушества автор «Очерков» переходит к описанию и исследованию более сложных форм кооперации: общинных работ по выжиганию лесов, работ по орошению земель, сооружению общественных домов, постройке судов, организации общественных запасек, уборке урожая. Сопоставляя различные пережитки с более ранними формами, Зибер определяет линию развития того или другого явления. А затем уже устанавливает распространенность, условия возникновения, роста и распада.

Сравнение обычаев множества народов, обитающих в Азии, Африке, Америке, Океании, приводит Зибера к выводу, что «простая кооперация труда в ловле рыбы, охоте, нападении и защите, уходе за скотом, очистке лесных участков под обработку, орошении, возделывании земли, построении домов и больших орудий, как сети, лодки и т. п., естественно обуславливает собою совместное потребление всего произведенного, а тем самым и общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество, насколько она может быть охраняема от посягательства соседних групп. Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого ряда нравственных и юридических воззрений, которые часто переживают на многие столетия вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию, и тем ясно доказывают живучесть и значение лежащих в ее основании начал»¹.

Но не только на самых ранних ступенях общественного развития наблюдается такое коллективное производство и потребление: и при более сложном кооперировании человеческого труда (например, в обществах земледельческих) совершенно известно обнаруживается одно и то же «общинное начало», «...Кооперативное земледелие, постройка домов, судов и пр. не более как частные случаи развития того самого общинного начала, которое проникает собою повсюду рыболовный, охотничий и кочевой быт»². Это положение автора подтверждается множеством примеров из жизни народов, у которых сохранились полностью или в виде пережитков формы кооперированного труда, общее пользование домами, имуществом и общее потреб-

¹ Н. И. Зибер, *Очерки первобытной экономической культуры*, стр. 5—6.

² Там же, стр. 66.

ление пицци. Еще резче подчеркиваются эти коммунистические черты, уходящие корнями в глубокую древность, черты, сохраняющиеся до наших дней в виде обычаев гостеприимства, дарения и пр.

По цензурным условиям Н. Зибер принужден был избегать слова «коммунизм»; поэтому он часто вместо «коммунистические начала» пишет «общинные начала»; вместо «первобытный коммунизм» — «первобытная кооперация». Тем не менее характеристика первобытной экономики с ее коммунистическими принципами дана Зибером достаточно четко и полно. В оценке первобытной эпохи автор «Очерков» не разошелся с основоположниками марксизма. В доказательство этого можно было бы привести ряд высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о первобытном обществе. Приведем одно из таких высказываний. Ф. Энгельс, давая обобщенную характеристику экономическому строю периодов «дикости» и «варварства», писал: «Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу общественным, равным образом и потребление шло при прямом распределении продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин»¹.

Зибер оперирует большим, интересным материалом. Современный читатель при помощи Зибера может заглянуть вглубь истории своего народа, вскрывая под привычными формами всем известного обычая несомненные пережитки древнейшей организации общественного труда и сопутствовавших этой организации форм общественной жизни. Материал «Очерков» во время Зибера был еще современностью, ныне же это — история. Исчезли многие обычаи, пропали последние пережитки первобытных форм жизни, и лишь при помощи этих во-время записанных и тем самым сохраненных для потомства «странных» поверий, обрядов, примет можем мы расшифровать то, что скрыло от нас время.

Главы о собственности (на движимое и недвижимое имущество) вводят нас в круг понятий первобытных народов о собственности на движимость и недвижимость. Зибер собрал множество примеров (из жизни разных внеевропейских народов), иллюстрирующих отсутствие собственности на средства производства. Он отмечает наряду с этим появление понятия *собственности на движимость* и пытается набросать в общих чертах ход развития. И здесь он делает ошибку, приводящую его к неправильным выводам.

Ф. Энгельс указывал в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что в родовом строе, и только в нем, «...существует придуманная юристами и эконо-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 230.

мистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», — последнее ложное правовое основание, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность»¹. О подобных формах собственности говорит и Н. Зибер: «В прямой зависимости от общинного труда по добыванию средств существования, движимые вещи... первоначально принадлежат сообща всем членам родственной или родовой охотничьей, рыболовной, пастушеской и земледельческой общины... Но мало-помалу труд отдельного члена общины, поставленного в изолированные от других условия производства, начинает служить естественным мотивом для выделения отдельной движимой собственности»². Из этого, совершенно правильного, заключения автор «Очерков» делает, однако, совершенно неправильные дальнейшие выводы, указывающие, что в этом вопросе он оказался в плену у тех самых «юристов и экономистов цивилизованного общества», о которых писал Энгельс. «Но обособление движимой собственности, — продолжает Зибер, — не останавливается на этом, а идет все далее и далее, пока каждый самостоятельный член семейства не будет признан действительным, отдельным собственником тех или других предметов оружия, орудий, украшений, одежды, утвари, скота, даже жен или рабов»³.

Появление рабства и взгляд на жен, как на собственность, относятся уже к классовому обществу, в котором *частная собственность — отнюдь не трудового происхождения* — стала непреложным явлением. Этот период выходит уже за рамки первобытности. В главе о происхождении обмена Зибер сам приводит немало доводов о влиянии обмена на расхождение общества, образование частной собственности на средства производства (скот и землю) и формирование первых общественных классов. Это не мешает ему в то же время продолжать считать себя приверженцем теории трудового происхождения собственности не только на движимое, но и на *недвижимое* имущество. «... Начавшись с обособления предметов движимой собственности, процесс приватизирования общинного имущества постепенно и незаметно переходит на плоды жатвы и деревьев, на более или менее постоянные жилища, на самые деревья и, наконец, на почву под ними, по мере постепенного выделения из общины все более и более прочного и постоянного индивидуального труда»⁴. Примеры, приводимые Зибером, далеки однако от убедительности, потому что он оперирует здесь обычаями народов, у которых давно уже существует не только частная собственность, но и развитое клас-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 210.

² Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, стр. 158.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 249.

совое общество. В самом деле, каким образом может «Малороссия» (Украина), «Московская губерния», Китай и Абиссиния служить примером первобытного общества? Ссылки же на австралийцев и таитян настолько маловесны, что автор приводит их, не слишком настаивая на их значимости и доказательности.

В склонности Н. Зибера к теории трудового происхождения частной собственности сказались его прежние воззрения, отраженные в статье «Община и государство в Нидерландской Индии». Зибер писал, что «самостоятельный труд представляет почти повсюду единственный титул на недвижимую собственность», совершенно не замечая, что у большинства народов, населяющих индийский архипелаг, существовало с давних пор классовое общество и земля была экспроприирована — частью государством, частью представителями знатных фамилий. Самостоятельный труд, поэтому, никаким «титулом», да притом еще «единственным», на недвижимость быть не мог. Познакомившись основательнее с К. Марксом («Капиталом», т. I), Зибер изменил многие свои прежние воззрения, но в этом вопросе все еще находился под влиянием буржуазных экономистов и юристов.

Нужно сказать, к чести Н. И. Зибера, что его научная добросовестность была необычайно велика и поэтому, подбирая материал о происхождении собственности, он не отбирал в нем лишь те факты, которые *подтверждали бы* его теорию. Анализируя общинные порядки на о. Яве, он должен был с удивлением констатировать, что нередко индивидуальная собственность поглощается собственностью общинной. «Достоинно замечания, — пишет Зибер¹, — что первоначальная недвижимая отдельная собственность проходит те же стадии, как и движимая собственность, а именно, подобно этой последней, она долгое время подчиняется общинной и даже иногда поглощается ею». Но в таком случае высказывания о трудовом происхождении частной собственности становятся малодоказательными. Это почувствовал и сам Зибер и принужден был сделать ряд оговорок. «Вообще, во всем предыдущем выражение «индивидуальная собственность» следует понимать не иначе, как в условном значении: оно означает различные стадии пользования землею постепенно обособляющихся внутри общины меньших групп, семейств и частных лиц на пути к образованию частной собственности; центральное же значение, вокруг которого тяготеют и которому подчиняются все обособившиеся интересы, попрежнему остается за правами на землю всей общины»².

Но окончательный удар своей теории трудового происхождения частной собственности автор «Очерков» наносит в том месте книги, где говорит о происхождении понятия воровства.

¹ Там же, стр. 251.

² Там же, стр. 252.

Отвечая на многочисленные обвинения путешественниками туземцев вневропейских стран в воровстве (многие путешественники утверждали, что у этих народов существует «врожденная склонность к воровству»), Зибер указывает, что «в пределах своих собственных общежитий первобытные народы, еще не вошедшие в торговые сношения с европейцами, или очень мало смыслят в виновности совершаемого ими воровства, или вовсе не имеют о ней понятия, что объясняется господствующим у них общением движимого имущества»¹.

Одновременно автор обращает внимание читателя на то, что у первобытных народов наказания за присвоение чужого имущества необычайно слабы; не существует ничего подобного карательной системе европейцев. Самым сильным наказанием бывает восстановление украденного с некоторым излишком, лишение же человека свободы за воровство (а тем более, обращение его в рабство) встречаются лишь как редкие исключения, да и то лишь у народов, у которых рабство и классовая структура общества сложились давно. «Причина столь легкого отношения к нарушениям частной собственности состоит, с одной стороны, в той сравнительно ничтожной роли, какую играет движимая собственность в хозяйственном укладе первобытного общества, а с другой, — в том важном обстоятельстве, что юридические обычаи последнего слагаются под давлением интересов и понятий целой массы населения, а не одного только богатого класса, имеющего что терять»². Здесь Зибер вскрывает свою собственную ошибку, ибо в этом то и все дело — в *классе, которому есть, что терять*, и который неизбежно существует в тот период, когда складывается частная собственность на скот и землю.

Второй раздел «Очерков» Зибера (с VIII главы) начинается беспощадной критикой теорий патриархального строя. Несмотря на десятилетия, прошедшие со дня издания книги, доказательства Зибера и сейчас сохранили свою остроту. Теории Клемма, Вайтца и других сторонников «патриархата» и извечной патриархальной семьи, как основы человеческого общежития — все эти теории опровергаются теми многочисленными примерами, которые приводит Зибер. Автор «Очерков» — сторонник Бахофена и считает матриархат древнейшей формой кровнородственной семьи. Зибер использовал и исследования Л. Моргана о роде и родовом строе («Древнее общество» Л. Моргана), хотя не вполне оценил всей исключительности этой работы.

Ф. Энгельс, выполняя в известной мере завещание К. Маркса, изложил «...результаты исследований Моргана в связи с выводами... материалистического изучения истории...».

¹ Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, стр. 197.

² Там же, стр. 198.

неоднократно делает в своем «Происхождении семьи, частной собственности и государства» экскурсы и добавления, восполняющие работу Моргана. В некоторых разделах он вводит специальные главы, посвященные исследованию общих экономических условий того или другого периода: «Освещение экономических вопросов, которое было достаточно для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточно, все переработано мною»¹. Возможно, что Зибер придал бы своей книге совершенно иной характер, если бы книга Ф. Энгельса вышла несколькими годами ранее; но он так же, как и Энгельс, чувствовал, что экономические обоснования Моргана совершенно недостаточны, и решил дополнить материал и выводы Моргана теми экономическими данными, которые были ему известны.

«После исследований Бахофена, Леббока, Моргана смешение семьи с родом, братством и племенем становится просто-напросто невозможным», — пишет Зибер. — «Вся задача, открывающаяся в этом направлении для дальнейших исследований, заключается, по нашему мнению, с одной стороны, в увеличении количества материала, могущего служить подтверждением и дополнением общинно-родовой теории, а с другой, — в разъяснении экономической основы различных родовых союзов, на которую, при всей ее глубокой важности, означенными исследователями не было обращено достаточного внимания. В конце концов, общинно-родовая организация имеет свой экономический *raison d'être*; даже более, она прежде всего экономическая, а потом уже родовая организация»². И в подтверждение этого положения автор «Очерков» приводит ряд данных из жизни и правового положения сербской задруги и русской общины. «Все наше предыдущее изложение, — продолжает Зибер, — в котором мы всюду отдавали предпочтение экономическому элементу перед родовым, должно вести к тому общему заключению, что не род создает общину, а община род»³. И здесь Зибер, подчеркивая значение «экономического элемента», прав, поскольку дело идет о *сущности* родовых отношений; но его рассуждения так же, как и последующее изложение, грешат все-таки недооценкой второго важного фактора — родового, имевшего в первобытном обществе немалое значение.

«Согласно материалистическому пониманию, — указывал Энгельс, — определяющим моментом в истории служит в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но оно, в свою очередь, бывает двойного рода. С одной стороны — производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — пра-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 7, 9.

² Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры стр. 267.

³ Там же, стр. 268.

изводство самого человека, продолжение рода. Общественные учреждения людей, живущих в определенную историческую эпоху и в определенной стране, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой—семьи. Чем меньше пока еще развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется доминирующее влияние на общественный строй уз родства¹. Если бы Н. Зибер понял значение этого второго фактора, он совершенно иначе отнесся бы к исследованиям Л. Моргана.

Глава о происхождении обмена—лучшая в книге. Зибер использовал в качестве основного тезиса известное положение К. Маркса об обмене и общественном разделении труда (из «Капитала», т. I). Зибер дал такое блестящее конкретное развитие этого тезиса—обосновав его многочисленными примерами из жизни разных народов,—что глава не требует изменений и по сие время. Конечно, можно было бы дополнить серию примеров, приведенных Зибером, новейшими данными, но все они будут лишь подтверждать то, что доказал автор «Очерков первобытной экономической культуры».

Не менее интересна глава об общественнодолжностной деятельности у различных первобытных народов, о ремесленных корпорациях, происхождении каст. Значительно слабее заключительная часть главы, трактующая о происхождении рабства—здесь Зибер не дает ничего оригинального.

* * *

«Очерки первобытной экономической культуры» Зибера не свободны от ошибок: мы видели уже, что в вопросе о происхождении частной собственности автор не всегда отчетливо представлял себе действительный ход процесса. Но есть в книге и более общие недостатки, зависящие частично от автора и частично от того состояния науки, которое было 50 лет тому назад.

Зибер не понял значения и не оценил в полной мере книги Л. Моргана, работа которого, по оценке Ф. Энгельса и К. Маркса, произвела настоящий переворот во взглядах на первобытную историю². В книге Моргана Зибер усмотрел, главным образом, систему классификации родства и определения родовых форм. Но он не увидел ни знаменитой схемы развития человеческой культуры, ни широких моргановских обобщений. А между тем, именно моргановская схема очень пригодилась бы автору «Очерков». Зибер был убежден, что включает в свою работу всю эпоху первобытной экономической культуры и что богатство материала, взятого им из разных периодов человеческой

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 8.

² Там же.

истории, даст ему возможность полностью осветить тему о происхождении и развитии общины. Получилось не так. Древнейший, наиболее первобытный период человеческого общежития (период «дикости» — по терминологии Моргана) выпал совершенно из поля зрения автора «Очерков», как выпал и период перехода к «цивилизации». В результате тот ход развития, который хотел выявить Зибер, оказался без начального и конечного звена, так как возникновение родовой общины непонятно без характеристики первобытной орды и тотемной организации, а переход ее в общину сельскую требует более подробного анализа условий образования классового общества.

Недооценив работы Л. Моргана, Зибер не придал достаточного значения и работе М. Ковалевского «Общинное землевладение» (остальные работы о родовом строе — «Родовой строй в его прошлом и настоящем», «Закон и обычай на Кавказе», «Современный обычай и древний закон» — вышли значительно позже, после смерти Зибера). А эта работа также заслуживала внимания. Как раз формы образования соседской и сельской общины М. Ковалевский дал ярко и исторически верно.

Правда, Морган не мог бы дать Зиберу ясной картины формирования первобытного рода, потому что подробное описание тотемной организации было сделано только через несколько десятилетий, но он мог бы натолкнуть автора на наличие более древних, родовых форм, а это было для Зибера крайне необходимо. Ф. Энгельс, написавший свое «Происхождение семьи, частной собственности и государства» через 3 года после «Очерков» Зибера, тоже не имел в своем распоряжении материалов о тотемной организации, но, используя указания Моргана и исследования Маркса, он набросал схему этой наиболее первобытной формы общественности так, что и публикации данных последних лет мало что могли в этой схеме изменить.

Зибер, отказавшись от моргановской схемы, необычайно затруднил для себя работу, так как материал затоплял его. В самом деле, разве легко было отсеять из всего бесчисленного количества сообщений путешественников об общинных формах труда и общежития именно те факты, которые действительно важны, если не иметь во время этой работы какой-то рабочей схемы, какой-то классификации. Зибер пошел иным путем: он расположил материал в такой последовательности, чтобы простые формы постепенно заменялись более сложными, исходя из логического предположения, что простейшие формы должны быть одновременно и древнейшими. Оказалось, однако, что это не так просто, потому что путешественники не имели таких отчетливых представлений, как сам Зибер, и путали достаточно, превращая простые формы в самые сложные и наоборот.

Нельзя обвинять автора «Очерков» в том, что он недостаточно критически отнесся к материалу, но материал не был им расположен во времени, а отсюда и получились ряд промахов.

Первобытности «вообще» — не существует; есть несколько периодов, ступеней первобытности, и поэтому каждое общественное явление, уходящее корнями в первобытную историю человечества, может — в зависимости от эпохи, в которой его наблюдать — выявляться в процессе своего зачатия, роста или упадка. Но так же, как не существует неизменной первобытности, так не существует и неизменных законов экономического развития, годных для объяснения *всех* периодов древнейшей человеческой истории. Каждой из стадий развития древнейшего человеческого общества присущи свои своеобразные законы развития и свои движущие силы.

Л. Морган тем и отличался от всех своих предшественников, что применил к исследованию первобытного общества *принцип развития* — свою знаменитую схему периодов и ступеней. Схема была основана на предварительном изучении материала, но она же облегчила дальнейшее исследование и формулирование окончательных выводов. «...Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом за сорок лет перед этим, и на его основании пришел в своих сопоставлениях варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»¹.

Зибер, опираясь на Маркса, признает экономикку основой общественного развития, но он не понимает материалистической диалектики Маркса. Зибер не имеет правильного исторического подхода к ряду явлений общественного развития. Зибер пытался установить *общие законы* для *всей* первобытной эпохи, открывая их в экономической базе родового строя, и своим односторонним объяснением ограничил анализ движущих сил отдельных периодов древнейшей человеческой истории.

«Экономизм» Зибера завуалировал от него развернутую картину общинной организации, а не увидев этой картины во всех ее красках, исследователь не смог представить себе отчетливо *внутреннюю динамику* этой общественной формы. В исследовании Зибера развитие общины *мало диалектично*, потому что методология исследователя страдала той же болезнью.

Глава «Очерков» о происхождении обмена потому так блестяща, что в распоряжении Зибера была ясная теоретическая установка К. Маркса, которую Зибер иллюстрировал. Подобных установок в отношении первобытного общества и, в частности, в отношении первобытной общины Зибер не знал. Но они были, они существовали, хотя Зибер и не мог ими воспользоваться. Громадное количество высказываний о первобытном обществе дает нам переписка К. Маркса и Ф. Энгельса. Множество обобщений и характеристик содержится в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса. И на-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 7.

конец, исключительной ценности указания Зибер мог бы получить, специально для выбранной им темы о происхождении и развитии общины, из опубликованных недавно черновых набросков писем К. Маркса к В. Засулич.

В понимании Н. И. Зибера, община у яванцев, маори, кафров, новокаледонцев и пр. была аналогична общине у сербов, древней общине германцев, общине русской. Это большая методологическая ошибка. К. Маркс говорит: «...было бы ошибочно ставить их всех (все первобытные общины.—И. К.) на одну доску и далее—«подобно геологическим образованиям, и в образованиях исторических есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.»¹. Крепостная община феодальной эпохи, например, вовсе не была прямым продолжателем развития первобытной родовой общины, хотя при ее формировании и были вновь восстановлены некоторые характерные черты бывших ранее типов общинного устройства (но уже не родового). Зибер часто не замечает этих различий типов, и потому в «Очерках» попадаются места, где автор представляет общинные отношения у того или иного народа значительно примитивнее, чем они были на самом деле. К примеру можно указать на попытку Зибера отрицать наличие сформировавшихся феодальных отношений на островах Таити (в эпоху, которая относится ко времени записи обычаев). Материал же, цитируемый автором, совершенно недвусмысленно указывает на классовую структуру общества у таитян, на существование государственной власти и наличие частной собственности (наряду с собственностью общинной) на средства производства.

В связи с тем, что у Н. И. Зибера не совсем отчетливы представления о типах и исторических формах общины, полезно привести отрывок из третьего наброска письма К. Маркса к В. Засулич.

«Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собою ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собою *русская община*. Ее эквивалентом на Западе является *германская община*, возникновение которой восходит к недавним временам². «Сельская община»,—пишет дальше Маркс,—встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собою *самый новый тип общины* и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*³.

Зибер детально исследовал процесс перехода родовой общины в территориальную (см. вторую часть главы VIII), собрав

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 679.

² Там же стр. 693.

³ Там же, стр. 694.

богатый материал, характеризующий этот переход. Но и здесь он впадает в ту же ошибку, о которой говорится выше, когда делает свои обобщения. Совершенно очевидно, что процесс превращения родовой общины в соседскую или сельскую в древности был несколько иным, чем у народов, окруженных капиталистическими странами и находящихся под разлагающим влиянием капиталистических отношений. Точно так же очевидно, что образование выселков из современных Зиберу типов сельских общин (связанное с появлением частной собственности на землю у семей выселившихся, при сохранении общинной собственности—у односельчан основной группы) резко стлчается от выделения на «выселки» членов первобытной родовой общины. Тем не менее исследователь обобщает обычаи черногорцев с албанцами, лопарей с коренниками, яванцев с черкесами, пытается вывести какой-то общий «закон расселения» и образования поземельной собственности. По Зиберу выходит так, будто бы уход на «выселки» есть одна из основных причин появления частной собственности на землю, между тем как из самого материала видно, что дело идет не о частной собственности на землю, а о процессе обособления (в родовых обществах) земельных угодий выделяющихся семей от общего земельного фонда родовой общины.

Процесс образования *сельской* общины, ее особенности, отличие от общин прежних типов в «Очерках» получили недостаточное отражение. От этого все исследование сильно проигрывает. И если в эпоху, современную Зиберу, когда о сельской общине (об южнославянской «задруге», о русской общине) писалось много, пробел не был так ощутим,—для нашего современного читателя незаконченность исследования Зиберы бросается в глаза. Рекомендуем прочесть три первоначальные варианта писем К. Маркса к В. Засулич: в них читатель найдет подробнейший анализ развития и условий распада земледельческой общины¹. Приведем здесь лишь один отрывок (из первого варианта письма), содержащий наиболее краткую характеристику земледельческой общины и ее отличие от общин более ранних типов.

«Прежде всего,—указывает К. Маркс,—все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов. Разрывая эту сильную, но узкую связь, земледельческая община оказывается более способной приспособляться, расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими.

Затем, внутри нее, дом и его придаток—двор уже являются частной собственностью земледельца, между тем как уже задолго до введения земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 677—697.

Наконец, хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделывается между членами земледельческой общины, так что каждый земледелец обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обработки, между тем как в более древних общинах производство ведется сообща и распределяются только продукты. Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства¹.

Но Маркс не ограничивается статическим описанием отличий земледельческой общины от общин родового типа, он выявляет и движущие силы ее развития и причины, могущие вызвать (и вызывающие) разложение.

«Легко понять, что свойственный «земледельческой общине» дуализм может служить для нее источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может со временем стать источником разложения. Оставляя в стороне все влияния враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко,—все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собою превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными *придатками* частной собственности. Именно поэтому «земледельческая община» повсюду представляет собой *новейший тип* архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной².

К. Маркс пользовался для своих выводов о генезисе общины материалом, современным Н. И. Зиберу, следовательно, не отсутствие материала вызвало промахи и недомолвки автора

¹ Там же, стр. 680—681.

² Там же, стр. 681.

«Очерков». Н. И. Зибер, воспринявший экономическое учение К. Маркса однобоко, не мог сделать из материала полностью всех тех выводов, которые сформулировал основоположник теории исторического материализма.

Мелкие погрешности, имеющиеся в «Очерках» (большинство из них), явились следствием недоброкачества литературного материала, которым принужден был пользоваться автор.

Следует отметить устарелость представлений Н. И. Зибера о феодализме. Господствовавшие в эпоху Зибера научные теории сводили понятие феодализма к тому общественному строю, который сформировался в Западной Европе после падения Римской Империи и просуществовал до XVI—XVII вв. Феодализм понимался, как европейское средневековье. Н. И. Зибер находится целиком под властью этих теорий, вследствие чего не видит феодальных отношений у многих внеевропейских народов, социальный строй которых он причисляет к строю родовому. Винить в этом автора «Очерков» нельзя, потому что лишь последующие десятилетия после смерти Зибера принесли ряд научных работ, «открывших» феодализм в древней Руси (и в России), в Японии, в государстве ников, в Индии и даже у некоторых кочевых народов (монголов и др.). Это был феодализм различных типов, в разных стадиях своего развития, но все таки, феодализм, со всеми присущими этому строю социальными отношениями. В свете новых научных данных некоторые общины, которые Зибер относит к эпохе родового строя, окажутся общинами более поздних типов, — «вторичных», «третичных», как говорил К. Маркс, а это заставит внести корректив и в выводы Зибера. Однако, таких коррективов будет немного, потому что в материале Зибера найдется достаточно и действительно «чистых» форм общины. «Очерки» имеют богатую базу фактического, разнообразного материала, и это их спасает от быстрого старения, вызываемого новейшим развитием исторической науки о древности человеческого общества.

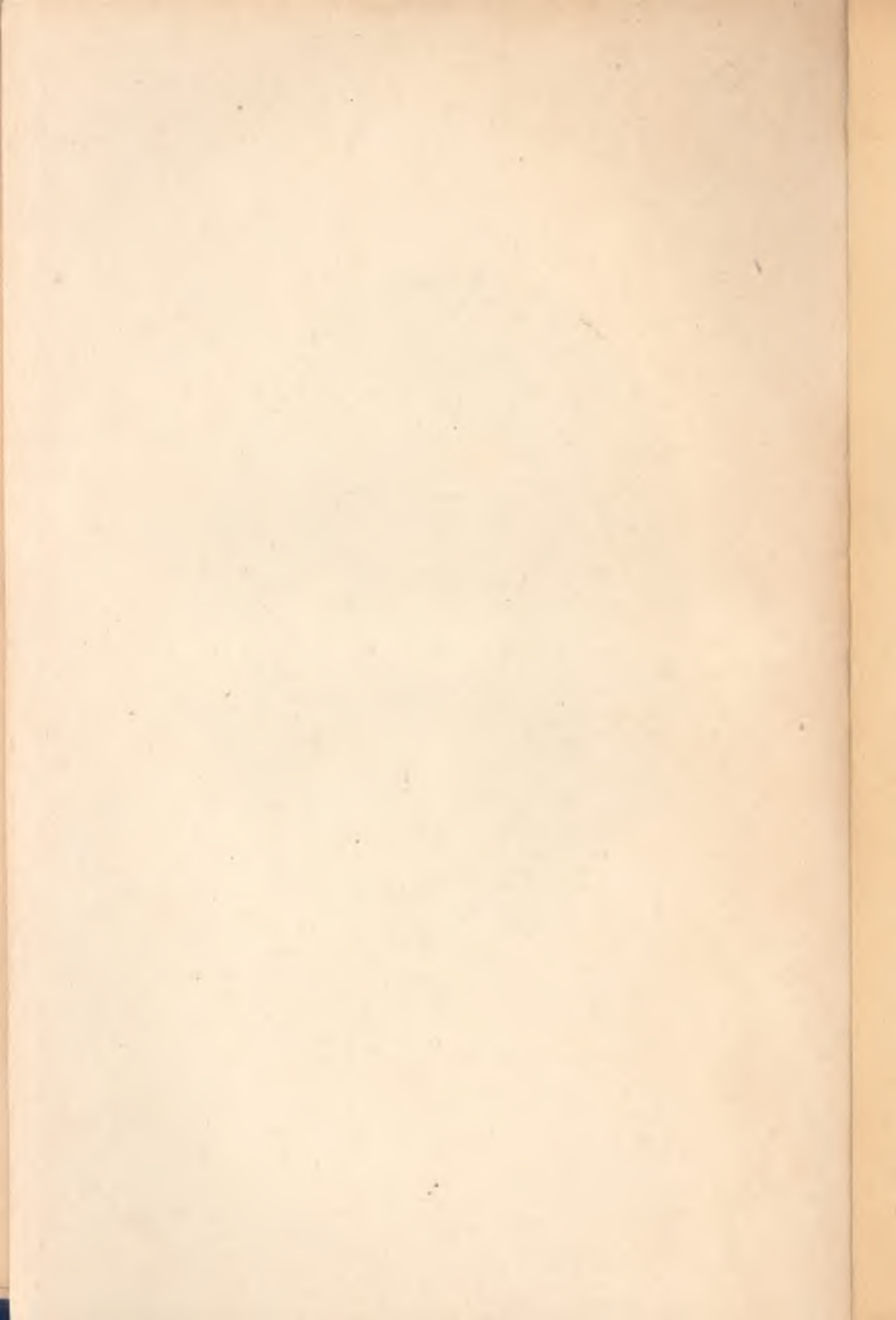
П. Кушнер (Книжес)

О Ч Е Р К И
ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Н. И. ЗИБЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящего труда—подвергнуть сравнительному рассмотрению и сближению известную долю материала, касающегося свойств экономической организации и некоторых учреждений права у первобытных народов, насколько он выясняется из показаний путешественников. Изучение различных сторон жизни первобытного общества сделало в последние десятилетия быстрые и блестящие успехи. В этом поступательном движении науки о человеке и обществе принимали одинаковое участие исследования антропологические, этнографические, лингвистические, изыскания в области религий и умственного развития, родового и семейного строя первобытных народов. Другой ряд важных исследований относился к общинному устройству быта народов преимущественно арийского происхождения и бросил новые лучи света на первоначальное общественно-хозяйственное их сложение. Результаты этих последних изысканий, между прочим, привели к тому предположению, пользующемуся более или менее всеобщим распространением, что общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития. Но как ни популярно означенное предположение, справедливость требует заметить, что для научного подтверждения его сделано еще очень мало, так как сведения, относящиеся к формам хозяйственной жизни народов Океании, Америки, Азии и Африки, до настоящего времени почти не подвергались самостоятельной и цельной разработке. Некоторое исключение из этого, правда, представляют отдельные места в общих курсах антропологии, а также две главы в сочинении Летурно¹, в которых, изображая генетическое развитие права собственности и политических учреждений, автор нередко обращается за сведениями к описаниям упомянутых частей света. Но и эти, достойные всякого уважения, попытки вникнуть в природу первобытных экономических учреждений отличаются, во-первых, крайней отрывочностью, а, во-вторых, отсутствием надлежащей критики источников. А, между тем, как бы ни были ценны многие показания путешественников относительно экономического сложения первобытных народов, но для правильной классификации их необходимо прибегнуть к значительным ограничениям. С одной стороны, сообщения различных путешественников об одних и тех же явлениях жизни первобытного общества находятся часто в вопиющем противоречии между собою. С другой, путешественники сплошь и рядом вносили свои европейские понятия в объяснение чуждых им общественных явлений и открывали феодальные учреждения, королевскую власть, право майората, отцовскую патриархальную власть, право частной собственности на землю и пр. там, где их вовсе не было. Ключ к устранению подобных недоразумений, насколько оно лежит в пределах возможного, состоит в том методологическом приеме, который допускает сосуществование одних явлений и исключает сосуществование других. Так, например, при существовании бродячего земледелия,—а таково именно состояние громадного числа первобытных народов, переставших заниматься исключительно охотой, рыбной ловлей и пастушеством—не может быть и речи о частной собственности

¹ «La Sociologie d'après l'Ethnographie», Paris 1880.

на землю, а, вместе с тем, естественно, и о феодальных учреждениях и о королевской власти, которые повсюду сосуществуют с прочною территориальною оседлостью. Трудно также совместить феодализм с принесением человеческих жертв или детоубийством и отцовскую патриархальную власть с преобладанием материнства. Только при помощи таких и подобных поправок показаний многочисленных путешественников можно составить себе более или менее цельное понятие об общественно-хозяйственном сложении первобытного общества, насколько то позволяет недостаточность и бессистемность весьма многих наблюдений. Основные черты этого сложения следует искать в форме организации работ, служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления. Одно только изучение организации общественного труда способно наглядным и правильным образом разъяснить внутреннюю природу и особенности политических, юридических, религиозных, умственных и многих других явлений общественной жизни первобытных народов. Возможно ли, например, составить себе правильную идею о происхождении общинного землевладения, не имея представления о тех общих работах, которые ему предшествуют и которые сопровождают его собою? Равным образом и понимание частного землевладения неразлучно с идеею о том, какие дальнейшие преобразования, в смысле разделения и обособления, испытывает комбинация общественных работ.

Взяв на себя рассмотрение общественных форм первобытного общества, мы не имеем однако ни малейшей претензии на полноту и всесторонность нашего исследования. Этому препятствовали бы весьма многие обстоятельства, из которых мы здесь упомянем только о двух следующих. Прежде всего, во избежание излишних повторений, мы обходим в настоящем сочинении молчанием большую часть изысканий по истории землевладения народов арийского происхождения, полагаясь на всеобщую известность таковых. Затем, по причине более частного характера, а именно по случаю пребывания за границею, мы, к сожалению, не могли ознакомиться, как следует, с содержанием литературы о русских инородцах, которая, насколько нам известно, может поспорить в подробностях и полноте с литературой иностранных путешествий. Мы ограничимся, поэтому, одним материалом для мало исследованных в общих сочинениях народностей внеевропейских частей света, насколько они представляются нам достопримечательными, но и тут мы остановимся на описании одних только общинных форм жизни, оставляя без рассмотрения встречающиеся здесь и там формы феодализма, как высшей фазы развития общества.

Астор

Берн, 6/18 октября 1881 года

ГЛАВА I

Общинные охота и рыбная ловля. — Общинное пастушество.

Ленге в своей «Теории гражданских законов» сделал весьма остроумное и меткое замечание, что охота есть первая форма кооперации, а охота на людей (война) одна из первых форм охоты. Соединение труда для добывания средств существования путем охоты, рыбной ловли, военных набегов и т. п. действительно является не только наиболее распространенной формой экономической организации народов, стоящих на ранних ступенях развития, но и исходным пунктом для всех дальнейших переложений и сочетаний экономического строя в направлении разделения и усложнения труда. «В течение ранних периодов существования наций», говорит Эллис¹, «когда общественные элементы сохраняют свою естественную и примитивную форму, члены общества имеют общие занятия. Если они живут на берегу моря, то каждый из них в одно и то же время есть кораблестроитель, моряк и рыболов; а если они обитают внутри страны, то каждый строит дома, возделывает землю, готовит орудия, преследует дичь и снабжает жизненными припасами свое семейство. Таково состояние общества южной Африки, туземцев Америки и островов южного Океана. Разделение труда, классификация профессий и их распределение между различными индивидуумами принадлежат к состоянию более или менее организованного (передового) общества». Простая кооперация труда в ловле рыбы, охоте, нападении и защите, уходе за скотом, очистке лесных участков под обработку, орошении, возделывании земли, построении домов и больших орудий, как сети, лодки и т. п., естественно обуславливает собою совместное потребление всего произведенного, а тем самым и общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество, насколько она может быть охраняема от посягательства соседних групп. Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого рода нравственных и юридических воззрений, которые часто

¹ Ellis, History of Madagaskar, I, 290.

переживают на многие столетия вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию, и тем ясно доказывают живучесть и значение лежащих в ее основании начал. Таковы понятия, относящиеся, например, к оказанию гостеприимства, к дарению, воровству, к коллективной ответственности и поддержке всех членов общегития в случаях того или другого правонарушения или долгового обязательства. Напомним, например, читателю, что и в настоящем европейском обществе, среди полнейшего господства системы общественного разделения труда,—щедрость или свойство характера, порожденное первоначальной организацией, продолжает считаться добродетелью, тогда как противоположное ему свойство—скупость, несмотря на свою органическую связь с разделением труда, считается не более, не менее, как пороком. Таким же образом мена и купля-продажа между близкими родственниками продолжает признаваться делом неловким и непристойным, способствующим нарушению прочных и дружеских родственных связей, в чем ясно отражается та истина, что отношения, вытекающие из разделения труда, в противоположность отношениям, основанным на его соединении, суть отношения антагонистические, лишённые прочности. В этих бессознательно одобрительных приговорах общественного мнения и общественного темперамента всему, что прямо или косвенно вытекает из равенства или простой кооперации труда, высказывается в сущности тот факт, что этот вид соединения работ представляет самую универсальную форму общественной организации, от которой человечество уклоняется лишь временно, с целью отыскания путей к восстановлению ее в новых и сложнейших формах. Так называемое «естественное право» представляет не что иное, как совокупность подобных переживаний тысячелетнего экономического строя.

Не ограничиваясь одними нравственными и юридическими воззрениями, система первобытного сложения труда отражается в самой физической и умственной организации людей. Следующие слова путешественника Миши¹, высказанные им относительно монголов, применяются и ко всем прочим народам ранних ступеней развития. «Среди подобных наций», говорит он, «индивидуальности почти нет места. Обычай и воспитание каждого индивидуума одни и те же. Все племя, в течение целого ряда поколений, прибегает к употреблению одних и тех же способностей, так что последние обращаются в наследственные и неразсторжимо срастаются с расою. Монгол, который бы не был хорошим наездником, представлял бы такую же аномалию, как и монгол, не оказывающий гостеприимства. Однообразие жизни всех членов этих кочевых племен, удерживая от развития многие способности, употребление которых необходимо для сущест-

¹ A. Michie, The Siberian Overland route, Lond. 1864, 193.

вования цивилизованных народов, делает тип всего племени постоянным, так что никто из них не отличается значительно своим внешним видом от других. В цивилизованном обществе, где разделение труда сделалось столь необходимым, что стало само великим критерием цивилизации, различие типов развивается даже в течение одного поколения. Портного всегда можно отличить от кузнеца, солдата от матроса; но племена, обычаи которых принуждают каждое семейство быть независимым, и, — как это справедливо относительно всего остального (кроме Европы) мира, — потребности которых ограничены средствами их удовлетворения и среди которых различные занятия почти неизвестны, — необходимо представляют значительное однообразие».

Ввиду упомянутого значения соединения труда для характеристики экономической организации первобытного общества, читатель, надеюсь, не посетует на нас, если мы сделаем попытку изобразить в подробностях обстановку и способ этого рода комбинация работ, насколько они выясняются из показаний путешественников и других исследователей. Каждый из сообщенных нами фактов может не представлять собою ничего ни нового, ни характеристического, но, будучи сведены вместе и обобщены, они получают совершенно иное освещение. Начнем с описания общей охоты и рыбной ловли, переходя в последующих главах к изображению работ по расчистке лесов, орошению, возделыванию земли и сооружению домов.

В широких реках Австралии, говорит Эйр¹, где вода низка и чиста, партии туземцев от 40 до 50 человек каждая, ловят рыбу копыями из твердого дерева, около 6 футов длиною и с острыми наконечниками. Образуя из себя широкий полукруг, они погружаются одновременно в воду с своим оружием и остаются под нею довольно долго. Если лов был неуспешным, они отплывают на несколько ярдов далее и снова ныряют с оружием в руках. Таким образом они часто перемещаются на протяжении одной или двух миль, пока не поймут рыбы, сколько им нужно. Автору случилось видеть партию в 30 человек, которая наловила в один час 7 или 8 штук рыбы, не менее 15 ф. каждая, а многие и более. Точность, с какою они занимают свои относительные положения, ловкость и порядок, с которыми они ныряют в воду, поистине удивительны для того, кто присутствует при этом впервые. Тот же путешественник описывает следующими живыми чертами ночную ловлю рыбы дикарями (266): «Движение целой флотилии этих лодок, скользящих вдали подобно множеству огненных шаров, которые сообщают еще более густую тень мраку, окружающему зрителя, и придают всей сцене чрезвычайно романический вид, производит на воображение странное и сильное впечатление... Вода была почти

¹ E. J. Eyre, Journals of Expeditions of Discovery into Central-Australia etc., Lond. 1845, II, 254.

оживлена блестящими огнями, движущимися туда и сюда, подобно болотным огням, и подобно им же, быстро и необъяснимо исчезающим, как только послышатся шаги приближающихся чужестранцев». Тот же общинный характер носил, по словам автора, ловля кенгуру, которых толпа детей гонит с криком и гвалтом на вооруженных копьями взрослых или загоняет в пропасть, а также ловля сетями гусей, уток, пеликанов, голубей и пр. Но все эти способы добывания дичи не исключают и ловли в одиночку при помощи остроумных и ловких приспособлений.

Животные, добываемые партией, отправляющейся на охоту, застигаются ею, по словам Грея¹, или в густых кустарниках, куда они прячутся от дневного жара, или на открытом месте. В первом случае их окружают и зажигают кусты, испуганные животные бегут тогда от пламени к открытому пространству, но прежде чем достигнуть опушки леса, встречают на дороге пламя, зажженное с противоположной стороны, и должны бежать назад, пугаемые громкими и ужасающими криками; они дико бегают кругом, пока не опалеют от страха и не кинутся в среду своих врагов, которые дают пощаду лишь немногим. Когда кенгуру окружены на равнине, то вообще избираемый пункт представляет открытую плоскость, окруженную лесом. Круг, обнимающий животных, суживается все более и более, пока некоторые из них не придут в тревогу и не пустятся в бегство. Но, прежде чем они сделают несколько шагов, бегство их останавливает страшный крик дикаря; придя в ужас, они опускаются на землю со своими перепуганными товарищами поразмыслить о средствах к спасению, но вооруженные дикари, махая копьями и испуская громкие крики, сбегаются к ним со всех сторон, и прежде чем животные придут в себя от первого удивления и страха, бойня уже началась и редко кончается, пока не падет большинство их. Такие большие общественные охоты ведутся при соблюдении некоторых правил. Собственник земли (?) приглашает других туземцев и должен быть сам налицо во время охоты, так как в случае нарушения этих правил, наверное, начнется кровавая расправа. Первое копье, которое ударит в кенгуру, независимо от того, легка или тяжела рана, решает вопрос, кому (т. е. какой группе туземцев) принадлежит животное.

Мужчины в Австралии часто собираются в многочисленные группы, охотятся и ловят рыбу по несколько часов в день, тогда как женщины собирают маис, корни или другие припасы, смотря по времени года, и все сходятся по вечерам для болтовни и иногда для танцев². В иных случаях в охоте за кенгуру принимает участие целое племя или несколько соединенных племен³.

¹ *Grey, Two Expeditions in Australia, II, 270 etc.*

² *Lang, The Aborigenes of Australia, 1865, 6.*

³ *Oldfield, The Aborigenes of Australia, 272.*

«Избравши место для охоты, мужчины ложатся на траву на близком расстоянии друг от друга, вдоль долины, а женщины и дети, образуя длинную линию, всходят на холмы, стараясь гнать кенгуру в долины, в которых размещены мужчины. Животные инстинктивно избирают это направление, потому что сюда легче бежать. По мере того, как стадо с шумом пробегает мимо охотников, каждый из них, по очереди, поднимается из засады и наносит удар копьём одному или двум животным. Таким образом они поддерживают друг друга, пока стадо не пройдет мимо последнего охотника, и тогда они начинают собирать свою добычу. Этот род охоты есть одно из самых крупных событий в быту дикарей: непрерывные громкие крики женщин и детей на холмах, шум и грохот, производимый быстрыми скачками большого числа кенгуру, дикие возгласы мужчин, выскакивающих из своих засад,—все это порождает всеобщее возбуждение. Но этот род охоты невозможен на землях, покрытых кустарником и плоских, где кенгуру мало, как, например, у племени ватчанди и у соседних с ним племен. Здесь общая деятельность племени состоит в охоте за мелкими животными, обитающими в самых густых кустарниках. С этою целью туземцы огораживают часть опушки кустарника, противоположную течению ветра, и становятся у отверстий этой ограды, вооруженные копьями и дубинами. Когда все это подготовлено, женщины и дети подкладывают огонь с подветренной стороны, во многих местах сразу, заставляя животных бежать в направлении, противоположном ветру, где, будучи остановлены оградой, эти последние стараются ускользнуть сквозь отверстия, охраняемые вооруженными мужчинами. Этим способом туземцы доставляют себе обильную пищу, но так как выжженный кустарник вырастает вновь лишь по прошествии нескольких лет и лишь тогда наполняется животною жизнью, то подобные времена выпадают туземцам не часто... Обычай (284), регулирующие раздел добычи между участниками ловли, повидному, глубоко обдуманы и выполняются весьма строго. Когда приходится делить эму, собаку или кенгуру между 8—10 людьми, раздел производится одним из стариков, который оставляет себе наибольшую долю. Всякий, получающий свою часть, остается сразу доволен ею и весело направляется к огню, чтобы готовить ее. В подобных случаях между ними никогда не бывает споров, как часто случается между белыми во время неурожая».

Отайтйе, говорит Моренго¹, изготовляли из коры растения *matifiens tinctoria* сети различных размеров, над которыми должен был работать почти целый округ, снося их отдельными кусками в дом начальника или собственника (?), где они складывались и соединялись в одно целое. Естественно, подобными сетями могли ловить исключительно сообща. На Новой Зелан-

¹ *Morenhaut, Voyage aux îles du grand Océan, 1837, II, 205.*

дни целые деревни принимают участие в ночной рыбной ловле¹. «Мужчины, женщины и дети на Пензайских островах² одинаково бесстрашно погружались в пену, в которой чувствовали себя, повидимому, столь же дома, как и на суше. Множество людей, плававших по морю и сначала разбрасывавшихся по большому пространству, теперь стали собираться в одно место, не только поддерживая непрерывный шум криками, но и выскакивая наполовину из воды и вслед затем опускаясь, ударяя локтями по бокам и хлопая руками, что производило звук, напоминающий пистолетный выстрел. Теперь я стал замечать стадо летучей рыбы, выскакивающей из воды и прыгающей во всех направлениях, часто перелетая через круг людей и ускользая из корзинок и внешней ограды женщин и детей. Когда круг был достаточно сужен для сосредоточения рыбы в массе, мужчины нырнули в него с своими сетями и переполнили их рыбою. Сети эти освобождались в корзины женщин, бывших вне круга, которые направлялись с ними к берегу, достигали места позади гряды, что обыкновенному пловцу могло бы стоять головы, и снова возвращались обратно, опустив свои корзины. Через полчаса вся толпа рассеялась, и у всякой семьи был большой запас летучей рыбы или *maaga*».

«В ловле рыбы сетями», говорит Уэст³, «тонганцы приучены тянуть очень тяжелые топи. Мы часто наблюдали эту операцию с глубоким интересом. Она состоит в следующем: избирается участок моря достаточной глубины и с постепенным повышением дна к берегу или к утесу. Захватывая широкий круг, два каное с соединенными сетями из фибр кокосового дерева, около 5—6 сажен длиною и около 2 глубиною каждая, плывут до места встречи, опуская сети по мере движения. В то же время на других двух каное, поставленных у песчаного берега, отвозится канат с целью образовать другой большой круг, внутри которого заключены движущиеся каное и большая сеть. Эти канаты плетутся из листьев кокосового ореха и сделаны настолько прочно, что, будучи опущены в море, представляют достаточное препятствие к ускользновению рыбы, гонимой вперед движущейся сетью. В довершение всего этого между двумя стоячими каное подвешена громадная и крепкая сеть. В нее-то в конце концов гонится вся рыба, по мере того, как все более и более суживается круг, образуемый движущимися вперед каное. В этом случае было таким образом поймано более 3 000 штук рыбы всех сортов и величин, не считая черепахи и нескольких акул. Рыба распределяется между различными собственниками сетей и снастей».

«Фиджийцы, опытные рыбаки», читаем у Кристман—Обер-

¹ Polack, Manners and Customs of the New Zealanders, 1840, I, 201.

² Lamont, Wild Life among the Pacific Islanders, Lond. 1867, 217—218.

³ Th. West, Ten Years in South-Central Polinesia, Lond. 1865, 119.

лендера¹, «и прибегают при этом занятии к употреблению сетей, крючков и вершей. В некоторых местностях употребляется особая сеть под названием *рау*. К длинным и гибким палкам одного выходящего растения прикрепляется множество кружевообразных листьев кокосового дерева, образующих бахрому значительной ширины и длины; подобный *рау* имеет иногда 3 400 метров длины от одного конца до другого. Когда туземцы отправляются на рыбную ловлю, то они бросают *рау* в воду, привязывая концы его к каное, которое его тянет за собою; потом они гребут к маленькой бухте, которую могут запереть этим *рау*, и вылавливают всю рыбу и других съедобных животных маленькими сетями и копиями. Всего чаще прибегают они к сети при ловле черепах. Рыбаки снабжают себя при этом сетями из крепкого шнура, которые бывают до 3½ метров ширины и около 200—400 длины. Туземцы растягивают сеть на берегу моря, так что черепаха, возвращаясь с берега, непременно запутается своими лапами в широких петлях сети».

«Крайне любопытно видеть этот народ (негритосов на Филиппинских островах)», говорит Эрль², «отправляющимся в охотничью экспедицию; мужчины, женщины, дети, — все идут вместе, подобно стаду оранг-утангов, идущему на грабеж».

«На поверхности внутреннего рифа Палау остров³ развивается в низкую воду живая жизнь. Целая толпа туземцев выезжает в большой лодке на ловлю «руля» — крупной породы ската, мясо которого они любят страстно и длинную хвостовую колючку которого, снабженную многими и очень твердыми крючками, они употребляют на наконечники копий. Вслед за первой является вторая, а потом и третья лодка, так как ловля этого животного не легка, а иногда даже опасна. Когда вода падает, то подобный скат часто дает себя уносить течению, и тогда его легко бывает отличить издали, подобно спящей черепахе. Если он попадет в глубокую воду канала, то ловля безуспешна; если же его тащить по поверхности широкого рифа, то несколько лодок располагаются вокруг него так, что его все более несет к постепенно выдвигающемуся из моря берегу. Все уже и уже стягивают они круг. У рыбы уже не хватает воды для плавания, она упирается колючим хвостом в землю и отчаянными прыжками пытается прорваться сквозь людей, которые уже повыскакали из приставших к берегу лодок. Тогда начинается дикая, но скоро оканчивающаяся травля. Со всех сторон летят копы и стрелы в животное, которое на этот раз, к счастью, не задело своим хвостом никого из охотников, и вслед затем, при громких криках радости, оно втаски-

¹ *Christman u. Oberlaender, Die Inseln der Oceanien, Süd-See, Leipz. 1863, 166.*

² *G. Earle, The Native Races of the Indian Archipelago. Papuans, Lond. 1853.*

³ *Semper, Die Palau-Inseln, Leipz. 1873, 84.*

вается в одну из лодок. Если же скат, умирая, попадает своим хвостом в человека, то он наносит своему преследователю тяжкое поражение». Участие в этой ловле, подобно всем прочим общинным работам (макезанг), обязательно для каждого, хотя самый скат, по словам автора, принадлежит всегда той лодке, руководитель которой первый увидел его и позвал приятелей на ловлю. Последнее утверждение автора кажется нам, однако, неверным. Что за смысл имела бы тогда обязательная работа? По всей вероятности, дело идет только об очереди различных «клеббергеллей» или братств, в зависимости от того, который из них первый открыл ската.

Те же самые общинные порядки рыбной ловли и охоты господствуют и в других частях света. По словам Врангеля¹, ловли рыбы на притоках сибирской реки Колымы ведется в строго установленном порядке, сети бросаются одна за другой и выручка каждой тони принадлежит владельцу сети; мелкое рыболовство производится сообща, и выручка при вынимании вершей и корзины делится между владельцами этих последних. Охота на птицу во время линяния ее также производится большими собраниями людей, частью, в лодках по реке, частью, на суше. Таким-то образом, говорит Врангель, меняются с каждым временем года разнообразные занятия здешних жителей, которым как низкая ступень образования, так и свойства и климат страны, не дают возможности подумать о чем-либо другом, кроме удовлетворения необходимейших жизненных потребностей. Весь их промысел, вся их деятельность ограничивается тем, чтобы не пропустить благоприятного для всякой работы короткого времени, и, при закрытии одного источника пропитания, воспользоваться минутою, когда открывается другой. Так, за рыбною ловлею в больших реках следует ловля в мелких речках, затем совершается переход к ловле морской рыбы, пока не настанет движение сельдей и все не закончится забрасыванием сетей под лед. Точно так же и охота за птицами имеет свои различные периоды, так как утки линяют всего раньше, гуси позже, а лебеди еще позже. Кроме того, эти птицы опять-таки распадаются на два класса, называемые здесь «детники» и «холостые», которые тоже линяют в различные эпохи. Первые—детеныши, которые еще не покинули родителей и ловятся или убиваются вместе с ними; вторые—взрослые молодые птицы, которые линяют позже старых, а потому и служат предметом более поздней охоты. Без этого благодетельного распорядка природы туземцы были бы не в состоянии добывать себе средства существования. Для ловли рыбы на Нижней Колыме (342) деревнею или несколькими сошедшимися лицами делается сообща поперек реки забор, который задерживает ход рыбы; посредине проделывается

¹ *F. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien etc., Berl. 1839, 202 и сл.*

отверстие, в которое вставляются лежащие корзины таким образом, что корзина каждого участника остается в воде в продолжение 24 часов и тогда вынимается, чтобы дать место корзине другого лица и т. д.; но в течение этого времени корзина подвергается многократному осмотру, и найденный при каждом осмотре лов разделяется на столько частей, сколько есть владельцев корзин в обществе¹. Эта ловля столь легка, что ею занимаются более женщины.

¹ Подобные этим обычаи рыбной ловли и охоты, повидимому, весьма распространены среди русских инородцев. У зырян (сборник в память первого стат. съезда 1870 г., изд. А. С. Гациским, 1875, ст. *Ф. А. Арсеньева*, Рыбная ловля у зырян, 467) желающие ловить вместе на одной тоне составляют артели и выбирают место для своего лова; при формировании артели к ней присгать может всякий, и вообще это разделение на артели делается полюбовно без всяких определенных правил. Осенью ловят одни артели неводами, другие поплавными последние рассчитывают преимущественно на лов семги, первые на лов белой рыбы, сига и омулей... Часто случается, что неводная и поплавная артели ловят на одних и тех же местах. Как та, так и другая разделяются всегда на две половины, чередуясь в лове поденно: пока у одной артели ходит невод, другая просушивает свои снасти. Улов делится между участвующими в артели свежую рыбу весом, сообразно количеству доставленных каждым снастей. Потом каждый солил уже про себя доставшуюся на его долю рыбу. Невод или поплавень или принадлежит весь одному семейству, если оно многочисленно, или бывает составной, т. е. принадлежит нескольким одиночим или малосемейным хозяевам, соединившимся вместе. У лопарей (Записки И. Р. Г. О. по отдел. этнографии, т. VIII, ст. *А. Я. Ефименко*, Юрид. обычаи лопарей) семьями тони составляют общую собственность целого погоста. Каждому погосту принадлежит не одинаковое число тоней, так как число их зависит от условий местности, но к каждой тоне одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизских душ. Забор устраивается общими средствами лопарей всего общества. У корелов (*ibid.*, Юрид. обычаи корелов) рыбная ловля находится в общем пользовании: они составляют собственность одной или нескольких деревень. Подужемским большим семейным забором пользуется зараз вся деревня, к которой он принадлежит; другими же малыми заборами пользуются десятки душ через каждые девять лет. В других местах тони, принадлежавшие известной деревне, делятся каждый год и отдаются ежегодно во владение 12 ревизских душ, приписанных к той деревне. У канинских самоедов (*ibid.*, Юрид. обычаи самоедов) тундра прежде была разделена по родам и семьям ныне владеют ею самоеды сообща: всякий размышляет где хочет в Большеземельной тундре это делается не так. Артельное начало очень развито. Артели составляются или из одних хозяев, или из хозяев с рабочими. Сговариваются, например, два хозяина ловить песцов вместе и ловят все лето, а потом делят добычу пополам. Так же сговариваются стрелять вместе диких оленей. Артели для ловли линяющих гусей и стрельба дичи на озерах и реках бывают, большею частью, от 2 до 10 человек: добычу также делят поровну, так как каждый из участвующих в артели имеет свое ружье и другие снаряды. Артели для морских промыслов имеют от 5 до 8 членов. Добыча делится между членами артели поровну, но один пай откладывается на судно. Каждый пайщик при отправке обязан внести в артель $1\frac{1}{2}$ —2 пуда ржаной муки, 1 пуд печеного хлеба или 6 ф. черных сухарей, до 4 ф. коровьего масла, 3 пуда оленьего мяса или соленой рыбы и достаточное количество пороха и свинца. Если артель состоит из хозяев и рабочих, тогда хозяину идет $1\frac{1}{2}$ пая, в том числе $\frac{1}{2}$ пая за ха ч, порох и снасть, а $\frac{1}{2}$ пая рабочему. См. также превосходный «Сборник материалов об артелях в России», выпуски I и II, 1873

У того же автора (ч. II, 11—12) мы находим интересное описание так называемой «поколюги» диких оленей в реке юкагирами во время осенней тяги оленей в леса севера. Их настигают в лодках во время переправы их через реку и бьют короткими копьями. «Тяга оленей есть нечто в высшей степени замечательное. В хороший год она состоит из многих тысяч и занимает иногда пространство от 50 до 100 верст. Хотя олени, повидимому, идут отделениями в 200—300 штук, но так как эти отделения держатся близко одно около другого, то целое представляет лишь одну сплошную и громадную массу. Хороший охотник убивает их до 100 и более в какие-нибудь полчаса. Если стадо многочисленно и приходит раз в беспорядок, то звери спутываются своими длинными рогами одни с другими, это еще более облегчает «поколюгу», уменьшая сопротивление оленей. Остальные лодки овладевают в то же время убитыми животными, связывают их ремнями вместе, и сколько захватит каждый, столько ему и принадлежит. При этом может показаться, что все убитое уносится, и самому охотнику не остается ничего за его тяжелый труд; во избежание этого обычай требует, чтобы

■ 1874 г., не имеющий себе равных в области европейской литературы по соответствующим предметам. О рыбных ловлях Уральского казачьего войска см. *А. Рябинин*, Уральское казачье войско, часть 1, Материалы для географ. и стат. России, собр. офицерами генерал. штаба, С.-Петербург, 1866. Особенно тут интересны предметы дележа улова (стр. 202 и сл.). Плавенное и аханное рыболовство, на которых каждое лицо составляет промышленную единицу, не имеющую нужды в посторонней помощи, полагают за основание при разделе добычи индивидуальный труд: каждый берет то, что он поймал; но на багренье, где преобладает случайность и удача, дележ совершается по артелям: ловы производятся здесь орудиями, по своей дешевизне доступными каждому, наем рабочих воспрещен, следовательно и богатый и бедный участвуют в них на равных условиях. Неводные рыболовства находятся в иных условиях: здесь промышленною единицею является артель, потому что невода стоят дорого и не всякий может их иметь, и потому что личное участие здесь стоит уже на втором плане, а вследствие этого справедливость требует, чтобы лица, более содействующие ловам, т. е. хозяева неводов, получали и большую долю. Таким образом при распределении улова за единицу принимается главным образом пай, которым делят добычу по числу членов артели, тянувшей неводы. Хозяину предоставляется 5 паев (на осеннем неводном лове), каждому из простых рабочих по одному паю, включая сюда хозяина, каждому иногороднему работнику также по одному паю, пай этот получается нанявшим его лицом... На зимнем неводном лове, где лов всеми неводами производится разом, в запертом пространстве, часто случается, что одни невода получают богатую добычу, другие попадают на такой участок, где рыбы почти нет, а потому дележ происходит сообща, именно, вся рыба складывается вместе и потом разделяется на кучи, или, как говорят здесь, на урсы. Каждый невод получает одинаковое число куч, которые уже делятся между казаками совершенно тем же порядком на пай, как и в осеннем лове, с небольшим только изменением в числе паев.— Из этих правил можно видеть, что общинное право продолжает господствовать над частным во всех тех случаях, где нет места обособлению индивидуального труда, в виде ли затраты на орудие ловли, или на самую ловлю. Где неравенство добычи происходит от одних естественных условий—удачи или неудачи, там оно устраняется общинной.

общее достояние составляли только немедленно убитые и плавающие по реке животные, между тем как все те, которые, будучи ранены, достигают берега и там умирают, принадлежали бы в собственность охотнику. Вследствие этого охотники довели свою ловкость до такой достойной удивления степени, что среди борьбы необычайной лютой, где их жизнь ежеминутно ставится на карту, где их физические и нравственные способности напряжены до последней крайности, они настолько обладают сознанием, что направляют свои удары не иначе, как убивая немедленно мелких и более слабых животных, а большим только нанося раны, чтобы они могли достигнуть берега. Правда, общественное мнение не одобряет этого образа действий и называет подобных охотников дурными людьми, однако, он все же, повидимому, пользуется значительным распространением. Подобная охота на оленей в воде представляет сцену в высшей степени интересную и превышающую всякое описание: рев тысяч плывущих оленей, громкий треск от столкновения их рогов, ангелы мщения, извивающиеся с быстротою молнии и с опасностью собственной жизни между испуганными животными, крики и возгласы остальных, которые шлют одобрения, предостережения, советы, окрашенные дотемна кровью волны реки,—все это нужно видеть самому, чтобы составить себе надлежащее понятие. По окончании охоты совершается дело добычи соответственно упомянутым принципам».

В летнюю пору русские, якуты и тунгусы, населяющие Жиганский улус Верхоянского округа Якутской области¹, по несколько семейств вместе, кочуют со своими стадами оленей по тундрам близ берегов Ледовитого моря и питаются продуктами промысла диких оленей. Два или три искусных стрелка каждый день отправляются с ружьями или луками к оленьим табунам и убивают по несколько штук. Воротясь домой, они извещают свой табор, что там-то подстрелены ими олени. Тотчас добычу привозят в табор и мясо этих оленей разделяется по числу наличных членов, а кожа, по общему приговору, дается кому-нибудь одному. В праве на этот дар соблюдается очередь, на которую не претендует только сам промышленник. Убьет ли он в течение лета 100 штук или одну, польза для него одинакова, т. е. он не получает себе ничего и не имеет никакого права нигде претендовать на это. Такой обычай основан у туземцев на том понятии, что стрелок убивает добычу не для себя, а для всех вообще, и если бы он начал спор о том, то должен навсегда лишиться охотничьего таланта.

Гренландцы² ловят тюленей тройным способом: отдельно с пузырьрём, совместно на *общей* охоте, в зимнее время на льду.

¹ Зап. Спб. отдела Геогр. общества, 1856, I, Хитрово, стр. 66—67, цит. у П. Соколовского, Экономический быт, Спб. 1872, 104—110. См. там же описание зверопромышленной артели бурят *аба*, стр. 104—103.

² D. Cranz, Historie von Grenland, 1770, B. II, 201 и 159.

Охота с пузырем ведется в одиночку в каюке, и в тюленя бросается копьё на веревке с пузырем. Пузырь поддерживает тюленя близ поверхности воды и поднимает его наверх после окончательного утомления, где и добивают его малым копьём. *Совместная* охота состоит в том, что партия туземцев в байдарках стогнает стуком тюленей под воду, чтобы их утомить, снова поднять на поверхность и добить копьями. Как только появится тюлень, все плывут на него, как птицы, с громкими криками и стуком, и так как он вслед затем ныряет, то все разбрасываются в разные стороны и каждый ищет места, где он покажется снова; место это им неизвестно, и оно обыкновенно бывает около $\frac{1}{8}$ мили от прежнего пункта появления тюленя. Таким образом они преследуют тюленя на вольной воде в разных направлениях, из пространства около 2 миль в продолжение около двух часов, пока не утомят его до того, что могут окружить его и убить. Если тюлени в тоске пожелают ретироваться на землю, то здесь их встречают палками и камнями женщины и дети, после чего мужчины их прикалывают. Эта охота считается у гренландцев весьма веселою и выгодною, так как на долю каждого может в один день достаться от 8 до 10 штук тюленей.—На льду тюленей бьют в одиночку и по-двое у прорубей гарпунами, или подделываясь под лежание, маханье головой и крик тюленя.

Охота гренландцев на китов (159) и на единорогов производится только на севере, на кашалотов же и на другие более мелкие сорта зверей также и в южных частях страны. Отправляясь на ловлю китов, гренландцы рядятся, как на свадьбу: если кто-нибудь из них будет в нечистом платье, особенно в том, в котором он прикасался к мертвому, то, следуя предсказанию волшебника, кит непременно ускользнет от них, или, будучи пойман, утонет. Женщины отправляются вместе с мужчинами для того, чтобы чинить им морское платье и, если понадобится, лодки. Гренландцы плывут в мужских и женских байдарках прямо на кита и колют его гарпунами, к которым прикреплены пузыри из кожи большого тюленя, поддерживающие тело кита близ поверхности воды. Когда кит утомляется, они убивают его своими мелкими копьями. После этого мужчины влезают на него в своих водяных шубах из непромокаемых оленьих кож, имея вокруг головы повязку из башмаков, чулок, рукавиц и шапки, которые крепко прикреплены к ней. Во всем этом они прыгают на кита и в море, причем шуба от движения в воде так надувается, что они не тонут, а держатся на воде стоя, режут жир и изловчаются своими дурными ножами вырезывать китовый ус (которого лучшие 500 штук стоят столько же, сколько и весь жир). При вырезке жира дело идет весьма беспорядочно. Мужчины, женщины, дети, все бегают в суматохе с острыми тонкими ножами, причем *каждый*, кто только присутствовал при ловле, имеет участие в добыче. Нужно удивляться, как они при всем этом настолько осторожны, что никому не наносится осо-

1717.

бленного вреда, хотя без крови дело и не обходится.—Если кто-либо приносит домой тюленя или другое животное, в особенности зимою, когда их бывает трудно добыть, то дает всем в доме по куску, в том числе и бедным вдовам, и, сверх того, приглашает в гости нескольких соседей. Но никто, даже самый бедный никогда не просит есть. В этом, впрочем, нет и надобности, так как гостеприимство соблюдается во всей стране, относительно как знакомых, так и незнакомых.

Главное занятие алеутов на Уналашке¹, кроме рыбной ловли, состоит в охоте за тюленями, важность которой для этого народа превосходит всякое представление, так как справедливо можно утверждать, что алеуту без тюленя было бы невозможно жить. Из кожи тюленя он делает себе платье, ковры, ремни, обувь и другие вещи, даже лодка, на которой он ежедневно выезжает, состоит из деревянного остова, обтянутого кожей этого животного. Мясо употребляется в пищу, жир частью для отопления, частью для освещения. Горло переделывается в непромокаемые сапоги и панталоны, а из пузыряреобразного желудка изготавливаются приемники для всевозможных жидкостей. Из внутренностей делается платье для дождливой погоды, и в то же время они служат вместо оконных стекол, чтобы впускать в хижину дневной свет; даже щетина бороды тюленя употребляется, как украшение и головной убор, наподобие страусовых перьев в Европе, так что трудно указать хоть одну часть этого животного, из которой не было бы извлекаемо какой-нибудь пользы. Здесь уместно будет упомянуть для параллели, что коряки представляют собой другой народ, которого благосостояние и богатство, род жизни и поддержание существования, пища и одежда столь же исключительно зависят от одного оленя, как алеута от тюленя. Шапки и одежда всякого рода изготавливаются ими из оленьих шкур, желудок оленя служит для сохранения различных жидкостей, а мясо повседневной пищей.

Кроме байдарок одно-, двух- и трехместной у алеутов имеются еще и большие, открытые байдарки для 15, 20 и более человек, которые прежде принадлежали *всей деревне*, а впоследствии были *отплаты* Российско-американской компанией и употребляются для общинных целей, например, для буксировки разбухших стволов дерева, при приходе и отходе судов, при доставке убитого кита, и т. д.²

¹ *с. Langsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, 1812, II, 38—41.*

² Классический пример последствий, которые влечет за собою внешнее и насильственное вторжение капитализма в первобытную общину, а также и глубокого различия между обычным и капиталистическим производством, представляют следующие замечательные слова Лангсдорфа: «Несправедливость и произвол», говорит автор (63), «которые дозволяют себе надсмотрщики и надзиратели Рос.-амер. компании над алеутами, идут так далеко, что последние лишились всей собственности,

Библиотека
№ 1717
1953
190485
6580
5849

Когда алеут подстережет и убьет кита, то он дает знать своей деревне, чтобы общими силами добиться получения добычи. Конец стрелы, который всегда находится в ране убитого животного, и который у каждого алеута отмечен особым знаком, как бы его гербом, служит также в сомнительном случае верным доказательством того, кому из стрелков принадлежит на основании обычного права добыча. Прежде существовали особые обычаи для раздела убитого животного, так что старей-

и вряд ли продолжают обладать даже собственным платьем. Уже в том, что компания успела захватить себе байдары или кожаные лодки туземцев, лежит главная причина угнетения этого племени, ибо если у человека, который всю свою пищу и одежду должен добывать на воде, *отнимает* его суда, то с тем вместе у него отрезаны все средства заботиться о своем существовании. Алеут в настоящее время настолько раб компании, что он получает от нее байдары, кости для стрел и даже самое платье, и *всю добычу* своей охоты каждый раз должен предоставлять в ее распоряжение. Надсмотрщик и надзиратель отрезают такое число людей обоего пола, какое необходимо для отправления охоты или других работ, для приготовления шкур, для шитья платья, для изготовления байдар, для ловли и сушки рыбы, так что алеут потерял всю свободу собственной воли и даже произвольное употребление ее. Возмутительно видеть этих людей голодными и почти нагими, когда тут же рядом видишь магазины компании, наполненные всякою провизией и платьем. Но не одни алеуты, а также и русские промышленники, которые служат не как ремесленники или надсмотрщики, а просто на работе для построек, для рубки деревьев, для гребли, как матросы и пр., отчасти разделяют ту же участь... Во времена Ванкувера здесь можно было встретить многие партии охотников на морскую выдру и притом гораздо более многочисленные, чем теперь. Означенный мореплаватель видел одну флотилию, которая состояла из 700 байдарок и 1 400 алеутов. Этот пример может служить новым доказательством обеднения страны в последние двадцать лет, так как в настоящее время Рос.-амер. компания во всех своих поселениях не в состоянии выставить даже 400 байдарок.—Любопытно, что совершенно подобную же эксплуатацию общинного труда на Целебесе—прекрасный натуралист, но очень плохой экономист А. Уаллас, рекомендует к подражанию и в распространению в других местах. «Эта система общественных полей и общей работы», говорит он, «не очень редка на первых ступенях цивилизации, и где она существует, ее следовало бы *заботливо поддерживать*, потому что она представляет громадные облегчения для введения новых сельскохозяйственных растений и новых способов обработки. Будучи приучен к этому способу возделывания своего риса, туземец *быстро усвоил культуру риску кофе* (для голландцев?) *тем же способом*; и представляет совершенное заблуждение думать (!), как многие это делают, что их выгоняют на работу подобно рабам. Они идут на свои работы с шутками, и сопровождению своих родственников и соседей: над ними нет никакого надсмотрщика по урокам: они работают довольно много (!), но как хотят, под общим управлением своего старейшины и «контролера». Сверх того они работают для самих себя (!), весь продукт принадлежит им самим (т. е. продается голландцам по принудительной низкой цене), и доля всякого семейства дает им возможность покупать предметы роскоши и комфорта, которых они прежде никогда не могли иметь. Таким образом общай, освещенный временем, сила общественного мнения и собственный интерес комбинируются вместе для того, чтобы обеспечить регулярное поведение рабочих на кофейных плантациях; и хотя, как я думаю, на них подчас налагаются наказания за леность (то-то же), но только по исключению, и в целом несправедливо применяют наименование «принудительной работы» к этой системе обработки». Какая идиллия, подумаешь!

шина поселения, стрелок и каждый другой согражданин получал свою определенную долю, впоследствии же Российско-американская компания стала брать одну половину добычи себе, предоставляя другую делить алеутам между собою, как хотят.

Коняги¹ в мае обыкновенно садятся в двухвесельные байдары и отправляются на отдаленные острова для отыскания морских выдр. Успех охоты требует тихого моря, за ними можно охотиться только в мае и июне, добывая их следующим образом: 50 или 100 байдар тихо движутся по воде, держась настолько близко одна от другой, что выдра не может ускользнуть от них. Как только животное открыто, немедленно, по данному сигналу, пространство, где животное должно подняться, чтобы подышать воздухом, окружается дюжиною байдарок и когда выдра появляется на поверхности, то встречается целую тучею стрел. За тюленями охота ведется с помощью копий в 10—12 футов длиною, на одном конце которого прикреплен надутый пузырь.—Команчи не обрабатывают земли и существуют исключительно охотой. Бизоны, проходящие громадными стадами через их страну, составляют главную их пищу, к которой единственною придачею служат немногие дикие растения и корни; поэтому они могут быть названы почти исключительно мясоедами. Преследуя бизонов, они развивают большую деятельность, ловкость и смелость. Когда появляется стадо, они подвигаются к нему тесною колонною, постепенно ускоряя быстроту хода, и на незначительном расстоянии разделяются на две или более группы и, кидаясь на стадо в загон, с большою быстротою разбрасывают свои стрелы направо и налево; другие охотятся за буйволами с копьями.—Обширные загородки и плотины, найденные у интуксов Маккензи (168), составляли результат ассоциации труда целого племени и находились под контролем начальника, без дозволения которого никто не мог ловить здесь рыбу.

Ловля лососины в Колумбии² славится в настоящее время во всем мире. Раз в течение года неисчислимые массы этой благородной рыбы входят в реку из океана для метания икры. Лосось начинает свое движение в апреле, но остается на несколько недель в более теплой воде у устья и там ловится в своем лучшем виде племенем чинуков, при помощи узкой сети из коры или корней, иногда длиною до 500 футов и глубиною до 15 с поплавками и подвесками. Один конец сети втаскивается в реку при высокой воде и влечется по ней с берега туземцами, которые берегут рыбу и препятствуют ей ускользать и перепрыгивать чрез сеть. Далее, в особенности у водопадов и у Вилламотты, туземцы колют лосося копьём, стоя на берегу или на

¹ Н. Н. Bancroft, *The Native Races of the Pacific States*, Lond. 1875, I, 76, 77.

² *Ibid.*, I, 232.

досках, помещенных над водою для этой цели, ловят его в мелкие и глубокие сети и на большой крючок с приманкой, прикрепленной короткою лесой к длинной палке. Независимо от рыбы, добываемой трудом туземцев, на утесы бросается такое громадное множество рыбы, вследствие собственных ее усилий пройти сквозь водопад, что воздух заражается на целые месяцы гниением этой массы, хотя значительная ее часть в этом вкусном состоянии собирается и употребляется в пищу туземцами.

Охота на бизона¹ совершается целым племенем и бывает два раза в год, около половины июня и в октябре, когда рассылаются оповещения по всем семействам окрестности собраться в определенный день в долине Белой Горы недалеко от форта Гарри. Здесь племя разделяется на три группы, на случай встречи со стадом бизонов. Каждая из этих групп сопровождается 500 повозок, сделанными исключительно из дерева и влекомыми волом или лошадыю. С прибытием партии на место начинаются приготовления к охоте. Начальник держит речь, в которой между прочим дает совет не застрелить друг друга. На стадо бросаются все вместе и каждый отмечает свою добычу, переходя к новой. Эти знаки никогда не оспариваются, но в случае сомнения в праве собственности туша разделяется поровну между претендентами. Множество мяса пропадает без пользы. Впрочем, истребление бизонов есть скорее дело белых, чем туземцев². По прибытии белых число бизонов стало уменьшаться все более и более, так как новые пришельцы проделывали среди них ежегодно невероятную бойню, частью для добычи шкур, частью языков, так что теперь они совершенно исчезли с левого берега Миссисипи. В 1824 году громадные стада бизонов были видны в долинах Медвежьей и Зеленой рек и даже в долине Колумбии. После 1834 года число их в этих областях стало уменьшаться, а с 1840 года их не встречалось более по рекам, впадающим в Тихий океан. В прежнее время стада бизонов тихо передвигались с севера на юг и с востока на запад, смотря по времени года, не имея других врагов кроме индейцев, которые охотились за ними, как и в настоящее время, чтобы питаться их мясом и одеваться в их шкуры, но которые сочли бы святотатством избивать этих животных больше, чем сколько им было нужно для личного потребления. Бизон представлял и представляет для индейца то же, что тюлень для алеута и эскимоса и олень для бурята, т. е. единственное средство прокормления и существования.

Индейцы Северной Америки отправляются на охоту за бизонами осенью³, по окончании жатвы, и возвращаются в деревню

¹ *Paul Kane, Indians of North-America, Lond. 1859, 75—76.*

² *A. Domenech, Seven Years' Residence in the gr. deserts. of N. America, Lond. 1880, II, 231.*

³ *N. Perrot, Mémoire sur les moeurs des sauvages de l'Amérique septentrionale, Paris 1864, 60—61.*

не раньше марта, когда начинаются посевы. По окончании посевов они снова уходят и возвращаются в июле, который представляет время, когда у бизонов начинается течка. Вся деревня отправляется на эту охоту сообща, а если она не довольно многочисленна, то соединяется с другою деревнею, и это по двум причинам: во-первых, чтобы оказать более сильное сопротивление в случае нападения врагов, во-вторых, чтобы быть в состоянии захватить большое количество добычи. Они собираются вместе вечером, накануне выступления на охоту, и избирают из своей среды в начальники охоты того, кого признают наиболее способным. Обыкновенно это один из наиболее уважаемых военных вождей. Он берет себе в помощники всех остальных вождей и входит с ними в соглашение относительно всего, что должно быть регулировано в походе, предпринимаемом для охоты за бизонами. В тот же день один из начальников держит речь в присутствии всего собрания, в которой излагает все, относящееся до границ, которые должны быть соблюдаемы во время охоты, и наказаний, предназначенных для нарушителей этих правил. Он объявляет, что им грозит отнятие их оружия, ломка их луков и стрел, хижин и всего, что в них будет найдено; этот обычай у них считается ненарушимым. Причина подобной строгости состоит в том, что, в случае нарушения правил охоты, все животные ускользнули бы, и деревня была бы в опасности умереть с голоду. Все начальники подчинены этому закону: если бы его нарушил даже самый высший из них, то и он не избежал бы наказания, несмотря на всю свою власть; в случае если бы он не захотел подчиниться, вся молодежь соединилась бы против него, и плохо досталось бы от нее всякому, кто взялся бы поддерживать его. Этот главный начальник с своими помощниками подразделяет народ на отряды для открытия дичи, и если найдет, что один из них находится в опасности, то возвращается обратно и охраняет его от нападения врага. Когда в деревне много сильной молодежи, способной носить оружие, то ее делят обыкновенно на три отряда, которые, следуя известным правилам, окружают в лесу стадо бизонов и загоняют их пожаром в предназначенные для них засады. Уверяют, что есть деревни, которые убивали таким образом до 1 500 бизонов, а иногда и более, смотря по числу людей и размеру ограды, делаемой ими во время охоты. Установив свой стан поблизости от места бойни, деревни приступают к разделу добычи между семьями, из которых одни получают больше, другие меньше, смотря по численности их. Вообще распределение происходит согласно распоряжению начальника, с соблюдением равенства и справедливости. Каждое семейство снимает шкуры с животных, доставшихся ему на долю, и все остаются на месте до окончательной просушки мяса.—В случае охоты на медведя, которая обыкновенно устранивается волонтерами по вызову одного из начальников и сопровождается соблюдением разных религиоз-

ных церемоний, как-то: усиленного поста, чернения лиц углем и т. д., если среди убитых животных найдется одно больших размеров и длины, чем прочие, то оно предназначается для торжественного пиршества по возвращении их в деревню и жаривается целиком. Все остальное мясо разделяется посемейно. Если есть на месте союзники или чужестранцы, им также делается подарок. Если охота была удачна, то приглашаются жители соседних деревень и получают двух или трех животных. Пиршество, на котором съедается большой медведь, дает сам начальник, приглашая на него до 20 человек и соблюдая большие церемонии. Бобров, зайцев, птицу, рыбу бьют больше в одиночку, или мелкими группами при помощи ручных орудий, как пика, сети, копыя, стрелы и пр.

«Все было у них общим имуществом», говорит о краснокожих Гентер¹, «жатва и охотничья добыча были разделяемы по погребности, или каждый брал из существующего запаса то, в чем нуждался». «У диких племен Панамского перешейка² и центральной Америки вообще и у племен куэба в частности старейшины определяют, кто именно из жителей должен заниматься сельским хозяйством, а кто охотой и рыбной ловлей». «Для охоты³ они (индейцы) соединяются по 50 человек, более или менее; потом они сушат мясо на решетках, чтобы оно не портилось; прибыв в поселение, они делают подарки сеньору(?), а остальное по-дружески распределяют между собою. Так же поступают они и с уловом рыбы».

Обычный порядок отправления на охоту у тегуэльчей⁴ состоит в следующем: кацик, распорядившийся походом и охотой, выходит на рассвете из своего *тольдо* и держит громкую речь, в которой излагает план и общую программу охоты. После этого он советует молодежи быть деятельною и веселою, припоминая свои собственные охотничьи подвиги в молодости. По окончании этой речи, которая обыкновенно выслушивается невнимательно, молодежь и мальчики ловят лошадей при помощи лассо, а женщины седлают и нагружают их всеми необходимыми вещами, начиная от палаток и кончая водою. Когда все готово, мужчины поручают лошадей женщинам, а сами уходят в лес и начинают охоту. Два человека уезжают вскачь и, описывая большой или меньший круг, зажигают огни для обозначения своих следов. Через несколько минут за ними отправляются несколько других и т. д., пока при кацике не останется лишь мало народу. Охотники размещаются полукругом, суживая круг у того пункта, куда уже прибыли первые посланцы. Полукруг этот покоится на основной линии, образуемой

¹ Цит. у Waitz, Anthropologie der Naturvölker, 2-te Aufl., Leipz. 1877, III, 128.

² Bancroft, op. cit., I, 759.

³ Diego de Landa, Relation des choses de Jucatan, Paris 1864, 130.

⁴ G. Masters, At Home with the Patagonians, Lond. 1871, 71.

медленно движущейся вперед полосой женщины, детей и рабочих лошадей. Страус и гуанаки бегут от передней линии, но встречают препятствия в расставленных на линии людях, и когда круг хорошо замкнут, то на них нападают с «облас», а иногда и с охотничьими собаками. Индийский закон раздела охоты предупреждает всякие споры и состоит в следующем: человек, поймавший страуса, поручает его нести в стан другому охотнику, а впоследствии делится с ним добычей, оставляя в свою пользу перья, мясо от головы до грудной кости и одну ногу; если убит гуанако, то ловцу принадлежит лучшая половина. Когда убитая птица жарится, то охотник получает от нее лишь самую маленькую долю, или вовсе не получает, рассчитывая отчасти на жаркое других лиц. Обычай этот, как увидим ниже, пользуется чрезвычайной распространенностью в различных странах света. Кацик вообще получает большую долю.

При восходе солнца, читаем мы у Depons¹, все индийцы отомаки, способные к работе, отправлялись к своим соответствующим начальникам, которые назначали из них тех, которые должны были идти в тот день на рыбную ловлю, или искать черепах, или на охоту за кабанями, смотря по времени года. Известное число лиц во время посева или жатвы назначалось также на полевые работы, плоды которых складывались в общественные житницы для распределения их начальником. Никогда одни и те же индийцы не ходили на работу два дня сряду. Остальные, на которых не падала очередь идти на работу, занимались игрою в мяч. Женщины все утро занимались приготовлением посуды из глины, одеял, корзин, мешков. В полдень и они также присоединялись к играющим в мяч. В четыре часа пополудни рыбаки возвращались в своих лодках, нагруженных провизией. Тотчас же прекращалась игра в мяч, все отомаки шли купаться в реку и расходились по домам. Женщины и дети разгружали лодки и сносили рыбу к дверям начальников, которые распределяли ее между всеми семействами, смотря по числу членов в них. После того вся деревня приступала к единственной еде в день, за исключением некоторых плодов и кусков земли (?), которые съедались в другое время. За обедом следовало второе купанье, а потом наступала ночь, и с нею начинались танцы, которые оканчивались только в полночь. То же самое повторялось каждый день. «Неизвестно на юге Америки никакого другого индийского племени, которое представляло бы зрелище подобной республики, более способной давать урок согласия некоторым цивилизованным государствам, нежели самой получать его», — иронически замечает автор. — Ежегодно при падении вод Ориноко, начинающемся в феврале, миллионы черепах кладут свои яйца на песке берегов реки и дожидаются, пока их

¹ F. Depons, Voyage à la partie orientale de la terre ferme, Paris 1806, I, 294. См. то же описание у I. Gumilla, Histoire de l'Orénoque, 1758, I, 265.

маленькие вылупятся, достаточно подрастут, чтобы обходиться без их услуг. Все индейцы по соседству Ориноко отправляются тогда на берега рек с своими семействами, чтобы заготовить черепахи, которых они сушат на огне, для сохранения их мяса. Ту же предосторожность соблюдают они и относительно яиц, кроме тех, из которых извлекают масло. Все эти продукты служат им для пропитания и для торговли с индейцами, живущими далеко от Ориноко, которых удерживают дома страх или лень.

У южноамериканских индейцев общественные охоты¹ принимаются против опасных хищных зверей, подобных тигру, или в видах скопления запаса. Особенно много убивают они обезьян, которых обдирают, потрошат и жарят на огне. Раздел, совершающийся между возвратившимися с таких охот, часто длящихся целые недели, отличается равномерностью. Тому, который доставляет стрелочный яд, следует особое вознаграждение. Старейшина не присваивает себе никакого особенного права охоты, и общие охоты в округе устанавливаются в условленные дни всею общиною. Все это совершается внутри границ территории, определенной договорами. Среди ботокудов вторжение в эти права охоты решается единоборством, посредством боя палками, в котором принимают участие многие члены племени. Рыбные ловли частью устраиваются сообща, и добычу умеют распределять тем лучше, что она весьма велика. Если кто-либо был столь счастлив, что убил ламантина, дельфина или большого крокодила, то в добыче большею частью принимают участие все семьи хижины, даже целой деревни, так как и без того одно семейство не могло бы потратить его достаточно скоро в свежем состоянии.

У басутов южной Африки частью происходят общие охоты под наблюдением и по назначению начальника. Охота состоит в устройстве засады и в загоне в нее антилоп, гну, квагг, газелей и т. п. Обычай требует, чтобы каждый приобретал в собственность ту дичь, которую он убил сам, но князю поклоняются первым убитым животным. Сыновья представляют ему головы, как символ его достоинства². Когда какое-либо животное было ранено многими охотниками, оно принадлежит по праву тому, кто нанес первый удар. После снятия кож и очистки спешат нагрузить мясо на рабочий скот, который идет в деревню под надзором стариков. Большие охоты однако не настолько часты, чтобы их доставало всем любителям дичи. Почти ежедневно организуются, поэтому, частные охоты, требующие более терпения и ловкости.

В зимние месяцы, когда высокая трава совершенно высохнет, вследствие сухого восточного ветра, и может легко воспла-

¹ C. F. v. Marzius, Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens, München 1832, 50.

² L. Magyar, Reisen in Süd-Africa in den Jahren 1849—1857, Pest und Leipzig 1859, I, 304—305.

меняться и гореть, в южной Африке приходят большие охоты. Жители многих местностей собираются в определенный день с ружьями и луками и отправляются в лес. Здесь зажигается во многих местах сухая трава; огонь, поддерживаемый правильно дующим ветром, распространяется с чрезвычайной быстротою и с громким треском бежит по густой траве среди деревьев и по сухим листьям, так что пламя поднимается до верхушки деревьев. Охотники еще заранее обступили все пространство непрерывною цепью и таким образом легко могут перестрелять перепуганную и гонимую во все стороны огненным морем дичь. При таких условиях различные дикие животные убиваются сотнями. Впрочем, подобная охота довольно опасна, потому что попадают и хищные звери, особенно львы, леопарды, которые продают свою жизнь недешево, и от них пропадает много охотников. Кроме того, устраивают на дичь так называемые *ваконго*, или заборы, начиная от ручья или реки, более чем на милю, оставляя на правильных расстояниях узкие отверстия. На прямо стоящем дереве прислоняется в наклонном положении тяжелый и большой обрубок дерева, прикрепленный посредством деревянного болта, к которому в свою очередь привязана тонкая веревка, протянутая поперек над отверстием в заборе. Этими-то колодами и убивают проходящих сквозь отверстия зверей.

У мандингов Гаиме путешественник Каллье видел большие сети, сделанные из бумажных веревок и из древесной коры, с которыми они ходят на охоту за газелями и за кабанями: они узнают в лесах следы этих животных, растягивают свои сети и ударяют тревогу, чтобы загнать их в эти последние. Как только животное попадет туда, оно убивается ударами кинжала. Они обыкновенно соединяются в большом числе, чтобы вести эту охоту.

«У некоторых источников близ Колобуга», говорит д-р Ливингстон¹, скопилось большая масса дичи—буйволов, зебр, жирафф, камас, гну, палласов, носорогов и пр.; вследствие того на землях, прилежащих к месту их истребления, была устроена западня под названием *нора*. Забор состоит из двух плетней в форме буквы V, которые очень высоки и плотны поблизости от угла. В этом углу, где плетни должны бы были соединиться, они образуют род переулка до 50 ярдов длины, в конце которого построена яма в 6—8 футов глубины и около 12—15 футов ширины. Поперек ямы, и особенно близ переулка, где ожидается падение зверей, и над дальним краем, куда животные могли бы попытаться ускользнуть, положены бревна. Бревна эти образуют род кровли и делают выход из ямы для животных почти невозможным. Все заботливо покрывается

¹ D. Livingstone, Missionary Travels and Researches in South Africa, Lond. 1857, 20.

короткими зелеными ветвями, превращая яму в род простой засады. Так как означенные плетни имеют часто около 1 мили длины и такое же расстояние между концами, то туземцы, делая круг в три или четыре мили по местности, соприкасающейся с отверстием ограды, и постепенно смыкаясь, почти убеждены в том, что запрут здесь много дичи. Гоня ее криками к узкой части *норы*, мужчины, спрятавшись в траву, бросают копьями в перепуганные стада, и все животные кидаются к отверстию, образуемому заборами, а оттуда в яму, пока она вся не наполнится живою массою. Некоторые, правда, ускользают, перепрыгивая через других. Суматоха ужасная: люди в диком возбуждении колют прекрасных животных с сумасшедшею радостью; другие бедные создания задавливаются тяжестью своих умерших и умирающих товарищей... Бакуэны часто убивали от 60 до 70 штук большой дичи в различных засадах в одну неделю, и так как каждый, и богатый и бедный, принимал участие в добыче, то они с успехом противодействовали этой пищею дурному действию исключительно растительной диеты.

Кафры¹ устраивают по временам большие охоты, при помощи которых они бесполезно уничтожают громадную массу дичи. Их способ охоты состоит в том, что они в числе нескольких сот окружают участок леса и сгоняют всю дичь в один пункт. Тогда избирается удобное место, из которого выпускают животных по одиночке. Здесь поставлены самые сильные мужчины и наносят животным удары при помощи асагаев и кирри (ножи и топоры), так что редкое животное уйдет живым. А так как, по удостоверению Мюллера, они часто в полдня убивают по несколько сот антилоп, зайцев, диких кошек, обезьян и пр., то они не в состоянии воспользоваться всей добычей, и многие животные гниют. По их собственным словам, подобные охоты устраиваются менее для добычи мяса, чем ради добычи шкур, нужных им для одежды. Другая народность Южной Африки, бушмены, веда бродячий образ жизни, редко связываются в сколько-нибудь обширные и продолжительные союзы. Здесь есть только мелкие подразделения племени, которые связываются половым чувством, инстинктивною любовью к детям или вошедшею в привычку взаимною привязанностью родственников. Самая недостаточность состоящих у них в распоряжении съестных припасов препятствует образованию больших обществ; даже означенные подразделения или семьи принуждены по временам расходиться, потому что одно место не дает им всем надлежащего количества пищи. Одна часть их странствует здесь, другая там, и только случай сводит их снова подчас вместе, и если обстоятельства благоприятны, если, наприм., охота дает им в руки больших животных, или если нужда

¹ *Lichtenstein, Reisen in Südlich. Africa in den Jahren 1803—1805, Berl. 1811, I, 375, 11, 317, 85.*

побудит их в конце концов предпринять совместный грабеж, который доставит им новый богатый запас съестного, тогда только они живут продолжительно вместе... Если одна шайка что-нибудь убила или украдала, она скрывает это от другой, так как, если другая узнает, что есть еда, то явится и станет потреблять вместе, не спрашивая согласия на то. Так как все есть общее благо, то всего менее может быть удержана добыча для кого-нибудь одного, или в части ее отказано тому, кто пожелает иметь ее. Отсюда вытекает невероятное обжорство бушменов. Чего не съедят, то истребляют, чтобы не досталось другим. Скот грабят в излишестве и убивают, чего не доедят. Справедливость, впрочем, требует заметить, что до подобного дикого состояния, несвойственного, как мы видели, даже большинству первобытных народов, бушменов довели в значительной степени притеснения со стороны голландцев и лишение скота, земли и всех прочих средств существования.

Правильную охоту на слона ведут кордофанские арабы бахара¹. Животные эти встречаются в громадном числе в дождливое время года в обитаемых арабами округах. Охота на слонов этих арабов описывалась следующим образом. Несколько всадников, каждый вооруженный многими копыями, отыскивают слона, отделившегося от стада; потом они разделяются на две партии, и в то время как одна партия старается занять внимание слона спереди, другая старается нанести слону в заднюю ляжку сильный удар копыем; атакуемый слон яростно оборачивается к своим врагам, которые спасаются быстрым бегством, между тем как первая партия всадников снова преследует зверя и старается нанести ему рану в то же место. Если это им удается, то слон снова оборачивается к ней и т. д., попеременно, пока рана не причинит животному такой боли и потери крови, что оно должно будет опуститься на землю. Тогда одна большая рана, нанесенная острым мечем, доканчивает слона.

Когда жители Аинама² проследили тигра до его логовища, то все охотники образуют большой или меньший круг, смотря по их числу, и достаточно раздвинутый, чтобы не препятствовать ничьим движениям. По окончании этих приготовлений, руководитель принимает меры к тому, чтобы животное не имело никакой лазейки для выхода. Некоторые из самых храбрых решаются тогда войти в центр и срезают кустарник, — в течение этой операции их защищают другие, вооруженные пиками. Тигр, преследуемый со всех сторон, вращает глазами, конвульсивно лижет свои лапы, готовясь таким образом к битве, потом с страшным рычанием он делает прыжок. Немедленно поднимаются все пики и животное падает, произведенное вдоль и поперек.

¹ *Ruppel*, Reisen in Nubien, Kordofan und petr. Arabien, Frankf. 1829, 146.

² *H. Mouhot*, Travels in the Central Parts of Indo-China, T. 1, 263.

Любимое удовольствие всех афганцев¹, которое достигается различными способами, соответственно природе страны и различию дичи, есть охота. Обширные партии часто собираются верхом и пешком и образуют полукруг, который выметает страну на большое пространство. Она наперед уверена в том, что возьмут всякую дичь, попавшую в их круг. Затем они стараются загнать ее в долину или другое удобное место. Замкнув круг, они нападают на дичь с собаками и ружьями и часто убивают от 100 до 200 штук дичи в один день. Еще чаще несколько человек ходят с гончими собаками и ружьями бить зайцев, лисиц, оленей, словом всякую дичь, какую встретят на пути.

Читатель вероятно обратил уже внимание на то, до какой удивительной степени сходны способы охоты и рыбной ловли первобытного общества во всех частях земного шара, от полюса до полюса. С одной стороны, почти повсюду распространено употребление огня для поджигания кустарников и леса и сгона дичи в общую засаду. С другой, еще более употребительно участие в охоте и рыбной ловле многочисленных групп населения, иногда одного или нескольких племен, с разделением занятий по полу и возрасту, почти без исключения, стремящихся захватить добычу в круг, чтобы таким образом поймать ее. Столь же сходен и способ распределения добычи, — в высшей степени демократический. Итак, наподобие того, как орудия первобытной охоты и рыбной ловли поражают своим сходством, почти тождеством под всеми широтами, точно так же схожи и самые способы кооперации труда и потребления людей, живущих охотой и рыбной ловлей.

Постепенное приручение стадных животных, пойманных на охоте, ведет, при благоприятных условиях местности (Азия, Африка, но не Америка), к превращению охотничьей общины в общину отчасти или всецело пастушескую. Одомашненные животных облегчается до известной степени их естественной или приобретенной склонностью к сожителю с человеком: так, по наблюдениям Эрмана, олень имеет влечение к человеческой моче, собака и свинья к экскрементам. Совместная пастыба скота позволяет уже сожителю большого числа лиц на данной территории и более тесной кооперации между ними. Среди прежнего единообразия занятий возникает род разделения труда по более или менее многочисленным группам. По словам Спармана, у южноафриканских кочевых племен каждому отводится какая-либо неотложная обязанность: одни должны постоянно стеречь стада, разбросанные по лугам, и не только препятствовать им разбегаться, но и защищать их от нападения хищных животных, которые постоянно залегают на пути в ожидании их; другие обязаны содержать скот в чистоте и доить ко-

¹ *H. Elphinstone, An Account of the Kingdom of Caubul etc., Lond. 1839, II, 304—310.*

ров два раза в день; третьи долины ткать ковры и собирать дрова для вечернего огня; четвертые—добывать пищу и отыскивать корни. Эти последние занятия принадлежат, главным образом, женщине, тогда как мужчина ходит на охоту, наблюдает за силками, поставленными в различных местах, и делает стрелы и все прочие орудия, в которых он нуждается. Самые перекочевки с места на место совершаются гораздо правильнее по различным временам года, чем беспорядочное преследование дичи. В определенное время года животные стоняются в одни места, причем одни из них холостятся, другие подвергаются клеймению. Различие между выгозами и лугами также ведет к установлению известного порядка в уходе за скотом. Пример животных, мирно сожительствующих вместе, пользование молоком, относящееся к определенному времени, мягкое обращение с чреватými животными не могут, по мнению Клемма¹, остаться без морального влияния на пастушескую общину и должны оказывать смягчающее действие на ее образ мышления, поступки и нравы. В особенности же, повидимому, послушание и податливость, которые проявляют стадные животные по отношению к своим господам и пестунам, должны были действовать существенным образом на настроение пастуха по отношению к его собственному начальству и старейшинам. По меньшей мере, мы встречаем у всех кочевых народов старейшин, которым оказывается уже большее послушание, нежели старейшинам охотничьих и рыболовных племен. У лапландцев, которые живут отдельными семействами, господни—отец; у тунгусов, но еще более у монголов и калмыков, племенной князь есть тот, которому подчиняется все, что относится к публичной жизни. Он определяет день, когда племя оставляет старое место стоянки и должно отправляться в новое странствование. Каждый повинуется его приказаниям без ропота, каждый подчиняется наказаниям, которые он произносит. Сверх того, каждый охотно признает, когда умер князь, сына его за наследника власти. Среди американских охотничьих народов господствовало вечное военное состояние, они всегда были вооружены и находились на страже против людей и животных. Пастушеская жизнь основана более на мире. Война здесь— требование необходимости, за отсутствием всяких других средств. Пастухи охотнее покидают страну, где им грозит опасность, чем отдают свои стада на произвол войны. Так, лапландцы подвинулись назад, сибирские номады также, и большая масса калмыков убежала за китайскую границу, когда им начала грозить опасность русского владычества. Подобный же мир прекрасно приспособляется к пробуждению религиозных идей и подобное устройство ведет обыкновенно и незаметно к образованию класса духовенства, которое до тех пор делило господство с светским начальством.

¹ Klemm, III, 3 и сл.

Душа охотника или находится в непрерывном и чрезмерном возбуждении, или спит и видит сны. Напротив, пастух, жизнь которого более обеспечена, который в своих стадах преодолел заботу о завтрашнем дне, не нуждается в том, чтобы сегодня предаваться чрезмерным усилиям, а завтра, насытившись, сну; его работа легка, но она *ежедневно повторяется*, потому он обыкновенно умереннее, веселее, спокойнее, чем охотник, но не имеет и энергии охотника, его уверенности в собственной силе и смелой гордости этой последней. Охотник грабит, пастух крадет, месть охотника кровава, пастуха скрытна, охотник имеет свободу дикаря в лесу, пастух приручен, как и его стада, и воспринял все ценные свойства такового. Подобно собаке, он предан и послушен своему старейшине, подобно овце, он дозволяет без ропота последнему отбирать свое имущество, и тот не берет его иначе, как зная, что пастух произведет его вновь. Характер пастуха есть умеренность во всем. Более приятная и спокойная жизнь пастухов, пока не наступают внешние препятствия, имеет бесконечную продолжительность. Вопреки насильственным нападениям врагов среднеазиатское пастушество, как доказано, существует около 4 000 лет в одних и тех же формах. Правда, оно не принесло никаких высших духовных плодов, где его не коснулось влияние активной расы. Но все же следует признать, что кочевые народы гораздо восприимчивее к культуре, нежели охотничьи¹.

Все эти различия между кочевым и охотничьим народом однако чисто относительны. Из того, что кочевой народ ведет более спокойную жизнь, нежели охотничий, несколько не следует, что в кочевом состоянии наступает царство мира. Хотя с первого взгляда простая жизнь пастушеских народов² не кажется способною произвести расу воинов, но самая простота их нравов специально приспособляет их к военным предприятиям. У странствующих народов, не имеющих никаких постоянных границ, не может недоставать поводов к войне, так как они постоянно вторгаются в границы пастбищ один другого. Таким-то образом возникают обычаи предательской войны. Их суровость и крепость дают им возможность выдерживать усталость продолжительных странствований, лишений и изнурений. Подобная община пастухов не нуждается ни в каком коммисариате. Пища их в виде мяса их быков или лошадей, которые привыкли есть одну только траву, может всегда пропитывать их на пути. Они могут даже обойтись без шатров и вместо последних может служить им почва. Их безразличие к жизни делает излишнею всякую предусмотрительность относительно заботы о больных и раненых. Они не стесняются в своих движениях никакою зависимою от местностей; весь мир одинаков

¹ Klemm, op. cit. III, passim.

² Michie, The Siberian Overland Route, Lond. 1854, 177—183.

для них. Их военная жизнь, включающая продолжительные странствования и возвращения, и истощающая в корень другие войска, мало отличается от обыкновенных их обычаев во время мира. Их энтузиазм делает их страшными. Они разрушали благороднейшие памятники науки и промышленности с таким же равнодушием, как и то, которое побуждает ребенка разбить в куски тончайший механизм. Они не придают никакой ценности ничему, и для них было веселым развлечением разрушать то, чего они не могли ни оценить, ни понять. Пороки цивилизации манили их к новым завоеваниям. Победа воспламеняла их организм. Поражение смиряло на время их дух, но они всегда имели открытое отступление в бесконечную пустыню, где они могли, по меньшей мере, спастись от мести цивилизованных наций, подвергавшихся их угнетению. В своей карьере опустошения они часто следовали простой необходимости. Когда их первые успехи привлекали большое число лиц к победному знамени, то удержать в неподвижном положении такую громадную массу не было возможности. Прежде всего их пастбища скоро были бы истощены, а во-вторых, их вожди могли поддерживать свое достоинство и свое высокое положение над единоплеменниками только при помощи активных операций. Иностранцы войска, широко входившие в состав их армий, были всегда готовы отпасть от насильственного союза. Всякий признак слабости или неспособности вождя сделался бы знаком общего распада. Из этой-то необходимости вечного движения возникла идея монгольской универсальной империи.

Ближайшую характеристику экономического быта кочевых народов читатель найдет ниже в главах о движимой и недвижимой собственности.

ГЛАВА II

Общинные работы по выжиганию лесов.—Общинные работы по орошению, как то, по сооружению каналов и резервуаров и регулированию рек.—Общинная эксплуатация систем орошения.

Мы видели в предыдущей главе, что общинная охота при помощи выжигания лесов и степей пользуется самым обширным распространением среди различных народов и в различных странах света. От лесного или степного пала, пущенного совместными силами, с целью охоты за животными, был только один шаг к кооперативной расчистке огнем лесных, болотных и степных пространств под земледельческую культуру. Этот род первоначального бродячего земледелия одинаково удобно совмещается как с охотничьим и кочевым бытом, так и с зачатками оседлого. К нему же прибегают в некоторых случаях высокообразованные народы Европы, а также европейские колонисты незаселенных лесных стран. Говоря вообще, высшие ступени каждой фазы экономического развития не только переходят за пределы низших ступеней последующих фаз, но уживаются и с самыми высшими фазами. Неудивительно поэтому, что к выжиганию лесов под обработку одинаково обращаются охотничьи народы Северной и Южной Америки, полукочевые народы Африки, кочевые Средней Азии и оседлые Европы. Вся разница состоит лишь в том, что чем ниже ступень развития, тем более господствующим способом земледелия является выжигание лесов. Способ этот, повидимому, представляет первый шаг более или менее систематического земледелия, наступающего за истощением предметов рыбной ловли и охоты, если не считать правильного собирания диких сортов хлеба и рису в Австралии и в Северной Америке.

«Лопаты и огня», говорит де Роша¹, «достаточно новокаледонцам для расчистки земли, деревянной пилы для посадки и обработки; этими простыми орудиями они обрабатывают земли ровно столько, сколько требуется их культурой и климатом».

Отсутствие оседлого образа жизни манобов (жителей Филиппинских островов)² имеет одну из причин самый способ

¹ *De Rochas, La Nouvelle Calédonie, Paris 1882, 169.*

² *Semper, Die Philippinen und ihre Bewohner, Würzburg 1869, 60.*

их земледелия. Незначительная густота населения, в связи с удивительным плодородием почвы, позволяют им следовать наклонности к уединению и освобождают их от искусственной обработки полей и от необходимости оставаться всегда на месте. Они предпочитают делать свои посевы, которые чрезмерно богатая почва возвращает им во сто крат, то здесь, то там, при помощи самого ничтожного труда. Система, которой они при этом следуют, характеристична для многих других малайских племен и употребляется также многими христианами Филиппинских островов. Она состоит в сущности в примитивнейшей обработке земли. Рубятся большие лесные деревья и нижняя поросль и после должного осушения солнцем, подвергаются сжиганию. При этом урожай иногда достигает сам-50. По истощении одних участков переходят на другие.

«На пути из Боа-Виста в Говерно», говорит С.-Илар¹, «я обращался с расспросами к некоторым неграм из Бенгуеллы, которые встречались мне по дороге. Они сказали мне, что в их стране (Африка) землю обрабатывают так же, как и в Бразилии, что там рубят деревья и жгут их, — это составляет занятие мужчин, а потом женщины и дети сеют и собирают жатву. Сходство способов обработки, которым следуют в Бенгуелле и в Бразилии, не должно однако заставлять думать, что варвары и рабы-негры были необходимо учителями в земледелии более образованных португальцев. Когда последние прибыли в Америку, они нашли здесь свой нынешний способ в употреблении у индийцев, и скорее этим последним, а не африканцам, следовало бы воздать честь его изобретения. Система земледелия, в настоящее время господствующая в Бразилии, есть система тупинамбов, кариёсов, тупиниквинов и других туземных племен, уничтоженной в настоящее время под-расы тупи. Но если бы португальцы и не имели перед глазами этого способа обработки земли, то повелительная необходимость, вероятно, весьма скоро научила бы их ему. Что в самом деле, другое могли они придумать, когда им приходилось сеять хлеб в девственном лесу, как не срубить деревья и не сжечь их? Если их можно порицать за что-либо, так это за то, что они до настоящего времени удержали эту систему и продолжают истреблять леса, лишая тем страну растительной почвы и воды, а потомков богатых ресурсов, представляемых лесами».

Относительно того, каких трудов стоило туземцам Южной Америки вырубить свои леса, читаем у путешественника Гумилла² следующее: «в первый раз, когда я прибыл к индийцам, то, при виде их грубости, я был уверен, что мне достаточно представить им, что у них нет орудий для обработки и очистки земли и для рубки деревьев, покрывающих ее, чтобы соблазнить

¹ *A. de St. Hilaire, Voyage au Brésil, Paris 1830, III Partie, I, 4848, 16, 17.*

² *J. Gumilla, Histoire de l'Orénoque, 1758, III, 168.*

их уйти поселиться в другом месте; но дело шло совсем не так, как я думал: вынув свои каменные топоры с двумя остриями и вложив их в деревянные рукоятки соответствующей прочности, они ответили мне, что своими маканнас (род лопаты) они расчищают землю, а топорами рубят деревья, в то время, как их жены занимаются сожиганием высохших. Я спросил их, сколько времени им нужно на то, чтобы срубить одно из этих деревьев? Они ответили, что употребляют две луны на то, что мы делаем в один час обыкновенным топором... Я спросил их далее, каким орудием они пользовались для фабрикации топоров из столь твердого камня? Они ответили, что резали эти камни при помощи других, а потом заостряли их и придавали им окончательную форму посредством мягких камней, которые они смачивали водою.

«Если кто в Бразилии», говорил Бурмейстер¹, «сkeletal обработать кусок земли, то он избирает себе участок леса, отличающийся вместе с легкой доступностью, сильною и тучною растительностью. Как только приходит к концу дождливое время года, он рубит поросли и мелколесье избранного участка и оставляет их лежать несколько недель, пока они не высохнут на солнце. Потом подкладывается огонь. Чем лучше горит дерево, чем выше поднимается под ним пламя, тем больше радость и надежда бразиланца. Пламя, развивающееся из бесчисленных пылающих стволов и ветвей, поднимается и до старых, более сильных деревьев, обугливает их кору, сжигает их листья и поглощает все нежнейшие части их сучьев. Этим дерево убивается, и если бы оно хранило еще какие-нибудь следы жизни, то снова появившиеся зеленые ветви обрубают, кору обрывают и предают старого тысячелетнего исполина медленной смерти и разложению под влиянием солнца, ветра и дождя. Пока эти три силы имеют материал для разрушения, дерево продолжает стоять среди поля, как свидетель преступления; но наконец оно становится трухлым, сильный удар ветра бросает его на землю, где ствол его распадается в прах и пыль. Когда пламя пожара улеглось, почва немного разрыхлилась и снова увлажнилась первыми потоками дождя, тогда начинается посадка; больших обугленных стволов не удаляют, а оставляют на месте и ждут удобрения земли процессом их гниения; клубни мани и зерна маиса опускаются по возможности в землю и поле огораживается забором, чтобы не забегал туда дикий или домашний скот. Подобный участок в лесу приносит доход лишь несколько лет, потом нужно устраивать новый, предоставляя старый его участю, вследствие чего он вскоре снова зарастает лесом.

Первый и самый грубый род земледелия у народов Индийского архипелага² состоит в снятии беглой жатвы риса или маиса

¹ *Burmeister, Reise nach Brasilien, Berl. 1853, 126.*

² *Crawford, History of the Indian Archipelago, 1820, III, 45.*

с девственной почвы, производительные силы которой увеличиваются от пепла, доставляемого сжиганием громадного леса, росшего на ней. «Этот убыточный и грубый способ, где бы он ни практиковался, по самой своей природе предполагает почву не состоящую в собственности».

Ведды на Цейлоне¹ возделывают мелкие клочки земли, очищаемые из-под леса для обработки. Джунгли сжигаются, жатва снимается и земля снова зарастает. Под обработку она снова поступает не ранее 5—10 лет.

Когда жители западного берега Африки хотят заложить плантацию² или лугар, то прежде всего ищут достаточно большого для этой цели места. Обыкновенно подобное место лежит неподалеку от их поселения и величина его определяется соответственно числу жителей последнего. Чтобы расчищать почву, они рубят мелкие деревья у корня, большие несколькими футами выше земли... Эту работу они совершают в сухое время года, и незадолго до наступления дождливого поджигают весь сваленный лес, причем пламя местами совершенно расчищает почву, местами же оставляет много несожженного дерева. В эту пору года по всей стране идут пожары—горят леса, горит трава вышиною в 5—8 футов.

Глава негритинского семейства в Сьерра-Леоне³ в сопровождении пяти или шести других негров отправляются в поле, которое они называют луган или лугар. Расчитивши почву, они подкладывают огонь под тростник и кустарники и берут лопату, имеющую форму башмачного носка, с тою разницею, что она шириною в руку, а рукоятка до 12 футов. Этим орудием они вскрывают перед собою землю, не проникая в нее более 2—3 дюймов, и идут один за другим, расставляя ноги по обе стороны борозды и каждый, последовательно поднимая почти одинаковое количество земли... Они смешивают землю с тростником и травю, которые предварительно сожгли. Когда борозды готовы, они бросают туда семена и прикрывают их землею. Но, благодаря лениности, не производят хлеба достаточно даже для самих себя.

Обработанные поля в юго-восточной Африке⁴ устраиваются не на открытых травяных пространствах, а среди лесов. Обыкновенно у деревьев обрубается сучья и набрасываются вокруг стволов кучею для того, чтобы поджечь их после того, как они высохнут в сухое время года. Огонь убивает деревья, но сожженные стволы оставляются на корню, пока не опрокинет их ветер. Посев в дождливое время растет весьма скоро и так сильно, что маис дает сам-180, а иногда и сам-200. Несмотря на

¹ *Bailey, Wild Tribes of the Veddahs of Ceylon, II, 281.*

² *Winterbottom, Native Africans of Sierra-Leone, Нем изд., 66.*

³ *Atkins, Voyage à Sierra-Leone, 223 (Walckenaer, Histoire gén. des voyages, Paris 1826, IV.*

⁴ *Magyar, op. cit., 299.*

подобное изобилие, народы эти часто терпят голод, так как, вследствие лени, они производят меньше, чем необходимо на годичное, хотя и скудное содержание семьи, и никогда не откладывают ничего из жатвы в запас на случай неурожая, а напротив, поступают с собранным хлебом столь расточительно, что у них обыкновенно за несколько времени до новой жатвы съестные припасы выходят все.

Народы Мадагаскара¹ ведут земледелие иначе и с меньшим трудом, нежели европейцы. Они не прибегают для обработки почвы ни к плугу, ни к быкам, а только к топору, чтобы срубить большие деревья, к серпу, чтобы срезать ветви, и еще к одному орудию, по имени фангали, чтобы вырвать корни и дурные травы. Когда деревья высохнут, то во время большого ветра они зажигают их ветви и стволы и превращают в пепел, чтобы впоследствии, когда почву смочит дождем, сеять на ней корни игнама, рис и другие растения, необходимые для жизни.

В России так называемое огневое хозяйство² было в общем употреблении встарь. Выжиг леса у нас называется *лядом*, кустарника *сыросеком*, а дерна *кубышом*. Общее же название подобных культур—огнища или палы. Сущность выжига состоит в следующем: весной валят сначала крупный лес, потом и молодняк и оставляют так до осени. Осенью лядо теребят, т. е. обрубая с поваленных деревьев сучья и ветви, выбирают что нужно на постройки, остальное сносят в кучи или в костры. Отобранные деревья отвозятся с ляда к перевозимью, а хворост остается до весны. Весною разваливают хворост и зажигают. Чем раньше, тем лучше, прямо по выжигу и сеют. Сеют на самом севере ячмень или репу, южнее ячмень и рожь, а еще южнее (в средних губерниях) и пшеницу. Иногда сеют несколько лет подряд, а где чернозем достигает $\frac{1}{2}$ аршина, там снимается до 10 жатв. Все это заключается часто травосеянием. Урожай бывает рожь и ячмень сам-7, сам-15, а иногда и больше. *Сыросек*, разумеется, менее плодороден,—это выжиг по заросли, образовавшейся на старой, запущенной без удобрения, по дальности от двора, земле. *Кубыш* есть выжигание дерна на плотной земле, поросшей мелкоколосьем, мхом, сорными травами, кочками, на старых выгонах и пр. Зажигают при помощи хвороста, бурьяна, соломы и поднятого плугом дерна. Дает в первый год от 10 до 20 зерен ржи, во второй 4, а в третий и овса не более 2. Употребляется в Финляндии, в Петербургской и в остзейских губерниях.—Сверх того, к огню прибегают при расчистке болот и степей. В первом случае осушенные предварительно болота иногда жгут два года подряд. Цель выжига состоит в истреблении с корнями болотной поросли, а иногда и леса. Степи жгут для очищения от сухой травы преимущественно в южной и в восточ-

¹ Dapper, Description de l'Afrique, Amsterdam 1786, 326—327.

² Советов, О системах земледелия, 1867.

ной России—в губерниях Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Пермской.—В Штирии, Греции, Испании часть земель, в виде лесов, болот и т. п., до настоящего времени возделывается по системе огневого хозяйства. В Голландии, в северной Германии и в Шварцвальде доселе зажигают торфяники. О существовании огневой системы у древних упоминают Катон, Палладий и Виргилий.

Расчистка лесов под посев, точно так же, как и вспашка земли, ведется якутами сообща¹, товариществами. Расчищенное место составляет общую собственность трудившихся и переходит по наследству ко всем потомкам тех лиц, которые его расчищали.

Дальнейшую категорию кооперативных работ, в порядке исторической последовательности, представляют работы по орошению земли, сооружению каналов, устройству водных резервуаров и регулированию рек. Нельзя найти достаточно сильных слов для выражения всей важности влияния, какое оказывали системы орошения на образование и развитие компактных и устойчивых общественно-экономических тел, более или менее повсюду, где они вводились. Можно сказать смело, что без кооперативно-общинного орошения были бы немыслимы общезжития египетское, персидское, индийское, китайское, японское, мексиканское, перуанское, арабское. Их политическое, сословное, экономическое устройство одинаково покоятся в последнем счете на системах орошения и находящихся от них в зависимости способах совместного возделывания почвы и заведывания общинными работами. Отсюда видно, насколько важно было бы подвергнуть сравнительному изучению все относящееся к системам орошения у различных народов и в различные времена, если бы имеющийся материал был достаточен для этого. К сожалению, должно сознаться, что в этом отношении приходится довольствоваться скорее отрывочными сведениями, сообщаемыми путешественниками, нежели сколько-нибудь полным и обработанным материалом. Последующее наше изложение представляет попытку соединить в одно целое некоторые существенные факты, относящиеся к системам орошения, насколько они нам известны.

Что орошение является одною из самых ранних общественно-экономических работ, о том свидетельствуют следующие показания путешественников. У туземцев горы Назира-Митчеля (в Австралии) Эйр² заметил в болотах многочисленные каналы, похожие более на дело рук цивилизованного народа, чем дикарей; они были значительной ширины; одна непрерывная тройная линия имела до 500 ярдов длины, 2 фута ширины и от 18 дюймов до 2 футов глубины. Эти тройные линии вели к широким,

¹ П. А. Костров, Очерки юридич. быта якутов, «Зап. И.Р.Г.О., по отдел. этногр.», гл. VIII, 1878, 285.

² E. Eyre, op. cit., I, 300—301.

разветвляющимся течением воды; все это покрывало пространство, по меньшей мере, в 10 акров и должно было стоить большого труда со стороны туземцев, — убедительное доказательство их предусмотрительного прилежания. Это были наиболее высокие образцы искусства туземцев, которые пришлось видеть автору; окончено было около 1 000 ярдов; горные потоки были направлены так, чтобы проходить через эти каналы.

«Большая часть обработанных участков (на Сандвичевых островах)», говорит Ванкувер¹, «была выше уровня реки, и я не мог понять, каким образом они так хорошо орошаются. Передние склоны холмов не обладали ручьями, а предполагая, что массы воды были на вершине, холмы эти так изрезаны, что оттуда не может дотекать большого количества воды на плантации тарро. Эти многочисленные разрезы ясно видны на оконечности гор, которые резко оканчиваются скалами с острыми вершинами на обработанных участках, и которые, по мнению автора, были произведены извержениями вулкана древнего происхождения. Но когда автор проник далее, то его внимание было живо возбуждено одним предметом, который показал ему, каким способом орошаются плантации: это была высокая гора с пиком, которая поднималась непосредственно над берегом реки, и которая оставила бы автора, если бы туземцы не поставили на ее фланге прекрасно сделанной из камня и глины стены, около 24 футов высоты, которая одновременно есть проход во внутрь страны и водопровод, питаемый водами, которые туземцы провели туда с очень дальнего расстояния и с значительным трудом. Эта стена, которая делает столько же чести уму архитектора, как и ловкости каменщика, была окончанием прогулки автора. Идя назад, он прошел через плантации, которых прекрасный вид дал ему благоприятное мнение о земледелии туземцев».

Образ правления на этих островах, следуя Джервсу², «был полный деспотизм, смягчаемый до некоторой степени известными обычаями или правилами, которые были провозглашены в более ранний период их истории и которые, по своей общепольности и древности, рассматривались в свете традиционного кодекса. Они относились главным образом к способу держания земли, к личной безопасности, к праву собственности и обмену. Такова была сила общественного мнения относительно этих предметов, что вожди не решались действовать наперекор ему. Обычаем до известной степени регулировалось количество налогов или труда, которые были должны доставить вождю его подданные, и его обязанности по отношению к последним. Этот род обычного права был в особенности обязателен относительно способов *орошения*, от которого зависела вся ценность их жатвы. Он регулировал количество воды для каждой плантации, изме-

¹ *Vancouver* (Bibliothèque Universelle des Voyages, XIV, 133).

² *I. Jarves*, *History of the Hawajian or Sandwich Islands*, Boston 1843, 33—34.

няя его сообразно сухости времен года. Ни на какой другой группе островов океана¹ земледелие не велось с такою энергиею, порядком и правильностью, как здесь. Обработка плодородных островов была поистине удивительна. Искусственное орошение поддерживалось даже на горных плантациях *тарро*, которые были вместе с тем рассадниками рыбы, и на плотинах, разделяющих их, были посажены всевозможные полезные растения.

Большая часть населения *напагос*² в Новой Мексике орошает свои земли при посредстве каналов и плотин, проводимых из рек или прудов, в которых накапливается дождевая вода для этой цели. Эти плотины поддерживаются всею общиною, но остальные земледельческие операции отправляются каждым семейством в его собственную пользу, что представляет достойное замечания изменение среди обычного коммунизма дикарей.

Последним занятием нашим в Тецкуко, говорит Тайлор³, было осмотреть кладку новой линии водяных труб для производства соли. Автор упоминает об этом потому, что трубы эти точно такие же, как и те, которые были введены в Испании маврами и привезены в Мексику испанцами. Трубы эти сделаны из блестящей глины; они конические с одной стороны, все входят в широкий конец соседней трубы. Цемент состоит из смеси глины, жира и волос, которые держатся крепко и прочно в холоде, но могут быть распущены от малейшего применения жара. Тысяча лет не внесла ни малейшего изменения в способ изготовления этих труб. Но здесь почва столь ровна, что не может быть обнаружена полная характеристика мавританских водопроводов. Автор разумеет колонны с водою, которые имеют эти черты в стране вокруг Палермо и в других местах, где еще сохранились системы орошения, введенные мавританскими завоевателями. Это квадратные столбы в 20—30 футов вышины, с цистерною наверху каждый, куда втекала вода с высшего уровня, и из которой вели и другие трубы; единственная цель всего аппарата была разбить колонну воды и привести давление, которое должны были выносить глиняные трубы, к 30 или 40 футам. Вопрос об орошении весьма интересен по отношению к будущему Мексики. Автор посетил две или три дачи на плато, где сады правильно орошаются искусственными каналами, результатом чего является здесь растительность чудесного изобилия и красоты, превращающая эти места в оазисы среди пустыни. На более низких уровнях (*tierra templada*), где возделывается сахарный тростник, дорогая система доставления воды была устроена в гациендах с наилучшими результатами. Даже в равнинах Мексики и Пуэблы хлебные поля до некоторой степени подвергаются орошению. Но, несмотря на этот прогресс, страна

¹ *Christman u. Oberlaender, op. cit., 324—325.*

² *Bancroft, op. cit., I, 538—539.*

³ *E. B. Taylor, Anahuac or Mexico and the Mexicans ancient and modern, Lond., 156 и сл.*

представляет в высшей степени жалкий недостаток одного из главных элементов богатства и благосостояния—воды. В этом отношении можно сравнить Испанию и высокие страны Мексики. Ни в одной из этих стран нет недостатка в дождях, и все же обе сухи и выжжены, между тем как число и размер русл потоков показывают, с какою силою горные потоки опускаются здесь в озера и реки, становясь скорее деятелями разрушения, нежели благоденствия для страны. Довольно странно также и то, что обе страны были в обладании рас, которые понимали, что вода есть истинная физическая кровь страны и сильно работали над сооружением системы артерий для распределения ее по поверхности земли. В обеих странах воинственные испанцы одолели эти расы, и уже готовые оросительные сооружения были предоставлены разрушению. Когда мавры были изгнаны из их родины—провинций Андалузии и Гранады, места их были постепенно заняты другими поселенцами, так что большая часть их водопроводов и каналов пришла в упадок в течение нескольких лет. Эти новые колонисты пришли большею частью из северных провинций, где мавританская система культуры была мало понятна, и вероятно, как можно это видеть, что, имея наглядную очевидность выгод искусственного орошения, они все же пренебрегли восстановлением водных каналов на своей собственной почве. Теперь путешественник, проезжая по южной Испании, может видеть в опустошенных и осиротелых долинах остатки мавританских сооружений, которые приносили плодородие полям и огородам столетия тому назад и делали страну садом Европы.

Была другая нация, которая, повидимому, далеко превзошла как мавров, так и ацтеков величию своих инженерных работ для этой цели. Перуанцы прорезали горы, наполнили долины и отвели целые реки в искусственные каналы для орошения своей жаждущей воды почвы. Исторические отчеты об этих водяных сооружениях, о том что они были, и даже описание путешественниками до сих пор сохранившихся развалин преисполняют нас удивлением. Может показаться почти какою-то фатальностью, что и эта нация должна была быть покорена тою же расою, и что вслед за завоеванием немедленно произошло разрушение ее великих национальных сооружений. Испания снова поднялась после многих столетий принижения и развивает энергию и ресурсы, которые, повидимому, поставят ее высоко среди европейских народов, и испанцы снова начинают приобретать свое собственное положение в этой среде. Но они должны были дорого заплатить за ошибки своих предков в великие дни Карла V. Древних мексиканцев нельзя, правда, сравнивать с испанскими арабами или перуанцами в знакомстве с земледелием и с способами орошения; но история и развалины, находящиеся в стране еще и в настоящее время, доказывают, что в наиболее густо населенных частях долин они сделали зна-

чительные успехи. Разрушенный водопровод Тецкоцинко был великим произведением искусства, служившим для снабжения водою больших садов Нецагуалькойотли, которые покрывали большое пространство и возбудили удивление завбевателей, вскоре потом разрушивших их в тех видах, чтобы они не напоминали завоеванным о днях прошлого язычества. Но сооружения, подобные этому, повидимому, не распространялись по всем провинциям, как было в Испании. В слабо населенных горных округах индейцы возделывали свои мелкие участки земли киркою и орошали их из глиняных сосудов, как они делают это до настоящего времени. Испанцы улучшили земледелие страны, введя европейский хлеб, фруктовые деревья и древнеримский плуг, который в употреблении в Мексике доныне, как и в Испании, где 2 000 лет не одержали верха над употреблением его и не внесли в него изменения. Сравнительно с этими улучшениями, стране была нанесена испанцами тяжелая несправедливость относительно ее обработки. Завоевание стоило жизни несколькимстам тысяч рабочего класса; и еще большее число было отнято от обработки земли и обращено в рабов, рабствовавших на завоевателей при постройке домов, церквей и в серебряных рудниках. Когда жители были взяты от земли, последняя лишилась обработки, и большая часть ее превратилась в пустыню. Еще до завоевания Мексика страдала много лет от непрерывных войн, в которых не только погибли тысячи на полях битвы, но еще более тысяч пленников приносилось ежегодно в жертву, причем голод уносил женщин и детей, у которых погибли мужья и отцы. Но бойня и голод первых лет испанского завоевания превзошли во много раз все, что выстрадала страна перед тем. Во время завоевания Мексика испанцы предоставили туземным оросительным сооружениям притти в упадок и приняли еще более решительные меры по лишению почвы необходимой ей воды своим преступным уничтожением лесов на горах, окружающих долины¹. Когда деревья были срублены, то нижняя зелень скоро погибла, и почва, которая служила препятствием для спуска воды в ее течении, была скоро снесена. В течение четырех дождливых месяцев каждый сильный ливень посылает поток вниз по руслу, который течет в реку или в океан, или в мексиканской долине в соленое озеро, где он только наносит вред окрестным землям. В обоих случаях он производит крайние опустошения.

В последние годы испанские землевладельцы поняли необходимость системы, навязываемой им силою обстоятельств, и громадные суммы были израсходованы на сооружение оросительных каналов даже в отдаленных государствах севера. В американской территории, недавно приобретенной от Мек-

¹ В древней Мексике налагалась строгие наказания за истребление лесов, в видах охранения в целости системы орошения. См. *W. H. Prescott, History of the Conquest of Mexico, Lond. 1878, 65.*

сики, та же история повторилась наиболее курьезным образом. Мы узнаем от немецкого путешественника Фрѣбеля, что американские поселенцы обошлись нелюбезно с системою орошения, которую они нашли действующею в стране. Они не обратились к ее употреблению, она была вмешательством в их идею свободы, ставя препятствия их образу действий, который они могли усвоить по желанию на своей общественной земле. Таким образом они допустили до разрушения многие из водяных сооружений. Но, естественно, они скоро стали находить, что сделали ошибку, и в настоящее время, вероятно, сильно заняты водоснабжением. Нельзя быть слишком строгим к испанцам XVI столетия за экономическую ошибку, в которую впадают американцы при подобных же условиях в XIX столетии.

От обыкновенного земледелия в средней Европе чилийское земледелие¹ отличается уже с первого взгляда большою особенностью, искусственным орошением, которое здесь принадлежит к неизбежным условиям успеха. Первое соображение для определения ценности земли в тех местах есть соображение об обилии воды, или о сравнительной легкости и дешевизне, с которою вода может быть туда проведена с значительного расстояния. Как ни плодотворна почва, особенно у подошвы Анд, где первобытные вулканические массы, благодаря своему тысячелетнему разложению и разрушению, представляют весьма благоприятные условия для земледелия, но климат все же таков, что растительность чрезвычайно ускоряется благодаря зимним дождям, непосредственно же вслед за тем бесследно погибает в наименее благоприятных странах от непрерывной засухи. Наученные долгим опытом, чилийцы обнаруживают немалую ловкость в обращении себе на пользу даже самого узкого ручейка воды. Подобно древним перуанцам, они умеют без искусственной нивелировки и орудий, употребляемых для той же цели в Европе, безошибочно вести каналы чрез весьма неблагоприятные поверхности; владение этими каналами представляет громадную важность и потому нередко ведет к спорам, которые, при помощи состоящего в силе древнеиспанского закона, часто не могут быть покончены в течение целого полуколония.

В древнем Китае с правильным распределением земли между жителями находилось в связи снабжение полей каналами². Император Ю в Шукинге говорит следующее: «Я открыл проходы девяти рек (провинций) и отвел их в море, я углубил каналы и отвел их в реки». И в другом месте: «Я устанавливаю границы полей, пролагаю каналы и окружаю поле плотинами с юга и востока». Итак, проложение здесь каналов относится к древнейшим временам. По словам Конфуция, «дом Ю был

¹ Ed. Pöppig, Reise in Chili, Peru und auf d. Amasonenstrom etc., 1832, I, 113.

² I. H. Plath, Die Beschäftigungen der alten Chinesen, München 1869, 7.

низкого происхождения, но он истощил свои силы в проложении каналов». Во времена Конфуция и Мен-тцу каналы упоминаются еще чаще. Закладка каналов велась правительством и пользование ими состояло под его надзором. Все рвы и каналы находились во взаимной связи. Работы были исполняемы барщиной под начальством правительственного должностного лица (Цян-чун). Во всем государстве размежевание земель производилось одинаковым образом и одинаковою мерою¹: квадрат земли в одну *ли*, соответствовавшей 900 му (му=133 кв. саж. 35 кв. фут.), делился на 9 частей в форме шахматной доски. Средний участок был общественный, и обрабатывался общими силами поселенных вокруг него 8 семейств, из коих каждому на собственное употребление выделялся в этом квадрате участок в 100 му. Из 100 му среднего казенного участка обрабатывалось только 80, а из остальных 20 му давалось поселенным вокруг него 8 семействам по 2½ каждому под дом и огород. Для орошения полей между каждым квадратом проведены были канавки, в которые текла вода из малых и больших каналов, устроенных между 10, 100, 1 000 и 10 000 таких участков. В подобном же размере рядом с каналами проложены были тропинки, большие и малые дороги. О дальнейших преобразованиях этого поземельного устройства мы скажем впоследствии, в главе о недвижимой собственности, теперь же заметим, что, опираясь на систему орошения, оно служило в то же время основанием для системы отправления воинской повинности, а тем самым и всего государственного строя. «Если вся страна», говорит Плат², «могла быть рассматриваема, как одно большое имение, которое было распределяемо князем для обработки, как домохозяйном, к общей пользе всех (так как старый Китай не был завоеванным государством, которое отняло бы у покоренных народов их собственность или прокармливало бы население рабов), то весь народ был организован, как одна большая промышленная армия. Так, например, пять семейств составляли одну группу Пи под начальством Пи-чанга, причем требовалось, чтобы эти пять семейств поддерживали себя взаимно (иными словами они составляли одно из подразделений общины); пять подобных же групп составляли группу Лиу, под начальством Лиу-Сиу, причем требовалось также взаимное поддержание при несчастных случаях; четыре Лиу составляли общину или клан Гисо—под начальством Гисо-цзе; пять подобных Гисо составляли кантон—Танг под начальством Танг-цанга, который предписывал семействам в случае общественных бедствий поддерживать себя взаимно. Пять кантонов образовывали Гисеу—округ, под начальством Гисеу-танга, пять

¹ И. Захаров, Поземельная собственность в Китае. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, С.-Петербург 1853, II, 89 и сл.

² D. H. Plath, Gesetz und Recht im alten China. Abhandl. der Akademie der Wissenschaften (Baier.). X Bd, III Abtheilung, 704.

округов (2 500 семейств) провинцию Гянг (12 500 семейств). На этом же основании развилось и военное деление народа: 5 мужчин образуют пятерку (у), пять пятерок роту (лианг), четыре роты одну компанию (мео—100 человек), пять компаний один батальон (лиу—500 человек), пять батальонов—полк (ши—2 500 человек), пять полков—армейский корпус (кпун—12 500 человек). В подтверждение чисто общинного характера китайского экономического строя говорит далее еще и то обстоятельство, что старейшина древнего китайского поселения занимает совершенно такую же роль, как и в Индии, созывает собрание, учитывает землю, работу, налоги, собирает взрослых на войну или на охоту и сам ведет их с барабанами.

Относительно новейшего состояния системы орошения в Китае имеются следующие сообщения путешественников. «Масса человеческого труда», говорит Барроу¹, «которая нужна была для скопления различных материалов, из коих состоит один из громадных китайских водопроводов, не могла быть собрана ни в какое значительное время в какой-либо другой стране, кроме Китая, где миллионы населения по мановению ока деспота могли быть принуждаемы к работе. Величайшие произведения в Китае всегда, как и в настоящее время, выполнялись и выполняются при помощи соединения человеческой работы, без пособия машин, за исключением тех случаев, когда считается абсолютно необходимым подкрепить человеческую силу механическими силами. Это бывает при таких каналах, которые ведутся через страны слишком гористые или неровные, чтобы их можно было прорезать непрерывной линией; поэтому они текут от одного пункта к другому по ступеням, при которых имеется наклонная плоскость, так что высота от высшего до низшего канала обыкновенно простирается от 6 до 10 футов и угол склонения до 45—50 градусов. Все суда, которые ходят по таким каналам, должны быть поднимаемы на такие поверхности при помощи попутных ветров, без которых едва ли было бы возможно перевести большие из них с их грузом из одного канала в другой; подобным же образом они постепенно спускаются вниз. Этот неумелый способ доказывает не столько незнакомство с шлюзами и другими удобными способами, сколько нежелание правительства потерпеть нововведение, которое отняло бы у многих тысяч людей возможность приобретать себе средства существования, получаемые ими теперь, в ожидании этих ветров. В Европе на это могли бы мало обратить внимания; но что касается Китая, то не подлежит никакому сомнению, что всеобщее введение машин к облегчению и ускорению работ имело бы самые вредные и мрачные последствия, хотя бы по той только причине, что, презирая всякую внешнюю торговлю, китайцы

¹ I. Barrow, Reise durch China etc., Weimar 1804. Собраний путешествий Sprengel'я, XIV, 184.

не увеличили бы спроса на произведения машин, если бы даже эти произведения стали дешевле, между тем как заработная плата должна была бы значительно понизиться.

В течение возрастания риса поля вообще подвергаются орошению¹, где можно добыть воду. Террасы у основания гор снабжаются горными потоками, а поля, лежащие выше уровня соседней реки, орошаются знаменитым *водяным колесом*, которое употребляется во всей стране. Колесо это бывает тройкого рода, смотря по тому, приводится ли оно в движение руками, ногами или силою животного, — обыкновенно буйвола или быка. Рисовые земли поддерживаются под орошением этим способом, пока не созреет жатва, когда воды больше не нужно. Необходимо также, или, по крайней мере, выгодно, раз или два в лето обойти поля и разрыхлить землю среди корней и в то же время вырвать сорные травы. Если погода стоит сырая, то поля удерживают воду очень долго, и тогда не редкость видеть туземцев при сборе жатвы бродящими по колена в грязи или в воде. Обработка террасами в Китае была замечена почти каждым писателем об этой стране и, подобно многим другим предметам, значение ее или преувеличивалось или умалялось. По мнению автора, она ведется с наибольшим совершенством на нагорных сторонах реки Мин близ Фучеу-Фу; по крайней мере, тут она его всего более поразила. Если плыть на судне по этой красивой реке, то террасы представляют из себя ряд ступеней по бокам гор, одна возвышаясь над другой, пока не достигают иногда высоты 600—800 футов над уровнем моря. Когда рис и другой хлеб еще молод, эти террасы покрываются роскошною зеленью и выглядят наподобие садов среди мрачных и пустынных гор. Система террас усвоена китайцами, частью, для снабжения водою горных склонов, где растет рис, частью, для предупреждения смыва легкой почвы из-под корней других растений тяжелыми дождями... Рис растет на низшей террасной почве, и поток воды всегда проводится из известных источников на вершинах гор и направляется по бокам горы, пока не достигнет высшей террасы, по которой он течет и орошает все пространство ее уровня. Когда вода поднимается на 3 или 4 дюйма высоты, что достаточно высоко для риса, она находит себе выход в отверстие, сделанном для этой цели к борту поля, сквозь которое она течет на нижележащую террасу, поливаемую ею тем же способом и т. д. до самой нижней. Таким образом все пространство рисовых террас постоянно поддерживается под орошением, пока снопы жатв не начинают проявлять желтого цвета созревания; когда не требуется больше воды, она отводится в ее естественное русло, или ведется в различные другие поля для питания других растений. Эти горные потоки, изобилующие во всех горных округах, имеют для земледельца громаднейшее значение, и так как они

¹ R. Fortune, The Tea districts of China and India, I, 229.

вообще берут свое начало в источниках, расположенных на возвышении, то они могут быть отводимы по желанию на все более низкие места гор.

На о. Лию-Киу рис представляет один из главных предметов существования¹ и требует большого количества воды; поэтому здесь практикуется весьма обширная система орошения. Почва распределена под целый ряд террас, которые следуют одна за другой от вершины гор до дна долины, и вода соседних потоков направляется на них со стороны посредством плотин и каналов. Настоящих шлюзов там не имеется, но орошение так регулируется при помощи террасообразного приспособления почвы, что доставка воды происходит постепенно, и никогда не бывает столь чрезмерна, чтобы произвести какое-либо вредное последствие наводнения или смыва поверхности. Земля вообще разделена на мелкие участки, принадлежащие отдельным лицам, так что поверхность страны имеет скорее вид разделенной на сады высокой культуры, нежели плодородных полей. При подготовке почвы под обработку риса она сначала поливается, а потом рабочий низко опускается в грязь и в воду, находящуюся в бороздах. Плуг употребляется лишь при позднейшем разрыхлении земли и сопровождается применением бороны. Весь этот процесс совершается в то время, когда земля залита водою, и хотя это рассматривается европейскими земледельцами, как дурной род хозяйства, он, повидимому, прекрасно приспособлен к Лию-киусскому хозяйству с его низшими орудиями. Рис пересаживается с места на место и дает по 20 бушелей на акр. При орошении жители острова Лию-Киу не прибегают ни к большому китайскому водяному колесу², чтобы поднимать воду из больших рек, ни к бесконечной цепной помпе, чтобы доставлять воду с более низкой на более высокую плоскость, или с одной террасы на другую, или на верхушку холма, так как почти каждый фут земли, пригодной к возделыванию риса, здесь богат снабжен водою, даже на высоких равнинах, из больших потоков, которые распределены повсюду, почти на каждой миле поверхности, точно также, как и из чистых ключей, которые пробивают себе путь из расщелин скал каждого склона, часто даже на высочайших вершинах. Мелкие плотины, рвы и шлюзы простейшего рода, представляющие часто не более, как глыбы земли и травы для загораживания выхода из террасы—играют в деле здешнего орошения чрезвычайно полезную роль.

Производство риса в Японии не представляет ничего такого, что бы отличало его от производства в Китае и на острове Лию-Киу. Пользование орошением, планировка поверхности

¹ *Fr. Hawks*, The Expedition (american) to the China Seas und Japan, Washington 1856, 311.

² *W. Heine*, Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk, Leipz. 1858, I, 211.

земли, точно так же, как открывание каналов, чтобы доставить воде доступ не по всем частям поверхности, пересадка растений—все это почти одинаково.

Для орошения своих полей¹ китайцы обладают множеством простых и весьма действительных приспособлений, которые вероятно столь же стары, как и история их земледелия. Кроме машины, сооруженной наподобие наших речных черпальных машин и действующей наподобие ценного насоса, достойно упоминания другое простое приспособление, при помощи которого вода поднимается на высоких берегах на 40—50 футов высоты. Это производится при помощи колеса большого диаметра, которое совершенно походит на подводное колесо, но построено из бамбука, и благодаря этому, с большою прочностью соединяет легкость и подвижность, чего не может доставить материал, употребительный в Европе. Вместо лопаток, имеется на периферии колеса несколько вкось поставленных и на нижнем конце закрытых бамбуковых труб в 3—4 дюйма диаметром. Поток приводит колесо в движение без посторонней помощи, и одна труба поднимается за другою, чтобы, придя наверх, излить свою воду в положенный рядом с колесом жолоб и течь по нем дальше на поле. По мнению некоторых авторов², цепной насос китайцев тождествен с древнеегипетскою системою ведер, связанных в цепь и приводимых в движение колесом, причем каждое ведро выливало заключающуюся в нем воду, проходя через верхнюю точку круга. С другой стороны, китайское водяное колесо по своему принципу и действию весьма похоже на употребляемое в Персии, за исключением лишь небольших отступлений, введенных в него в этом последнем государстве.

Предупреждение наводнения рек в Индии³ возможно при помощи сооружения на верхних пунктах искусственных озер, резервуаров и отвода воды в другие каналы; но все это требует и огромных денег и научно-инженерного знания, которого у туземцев не было и нет следа. Практически, единственный способ регулирования рек, на который покушались до сих пор, состоял в искусственном поднятии берегов. Громадные массы земли наваливались вдоль берегов реки и тянулись вниз с обеих сторон. При господстве туземных династий, когда общинная система была неприкосновенной, каждая сельская община имела наблюдение за одним отделением реки, которая протекала в пределах ее юрисдикции. Но как только британский закон приложил к делу барщинную повинность, жители деревень и собственники земли вдоль берегов увидели, что этот план сосредоточивал издержки охранения всей страны на их плечах,

¹ *R. Werner*, Die preussische Expedition nach China, Japan und Siam, Leipz. 1863, III, 276—277.

² *Th. Allom und Wright*, The Chinese Empire illustrated, II, 21.

³ *V. Hunter*, Annals of rural Bengal. Orissa. Vol. II, Lond. 1872,

и общинные и частные плотины вскоре пришли в упадок. То же произошло в Бенгале, когда англичане ввели здесь свои суды. В этом, как и во многих других случаях, они преувеличили значение индивидуального лица на счет общины, и принесли древние корпоративные повинности индийской деревни в жертву новым частным правам. Туземная система никогда не была полна. Англичане не организовали никакой системы, и под британским правлением она совершенно распалась. Так, если хоть одна деревня вдоль реки пренебрегала обнесением ее плотиною, то никакая масса труда со стороны общины, лежащих как выше, так и ниже ее, не могла спасти их от наводнения. Малейшего прорыва линии было достаточно для наполнения водою всей страны, и землевладельцы и поселяне скоро начали рассуждать, что им бесполезно поддерживать свои плотины, если ближайший землевладелец или община могут пренебрегать поддержанием своих. Тогда должно было вмешаться правительство, но это вмешательство состояло не в вынуждении старой общинной повинности содержать плотины, но в поддержке плотин на свой собственный счет.

«Первоначальные индийские раджи», справедливо замечает граф Варрен¹, «афганские и монгольские завоеватели, хотя и были иногда жестоки по отношению к отдельным лицам, по меньшей мере, прославили свое царствование теми гигантскими сооружениями, которые встречаются в настоящее время на каждом шагу и которые кажутся произведениями расы гигантов... Компания не открыла ни одного колодца, не вырыла ни одного бассейна, не провела ни одного канала в пользу своих индийцев».

«В мадрасской провинции», пишет англичанин Джемс Вильсон², «старинные сооружения для орошения, следы которых сохранились до нашего времени, невольно поражают каждого своею грандиозностью. Плотины, запружая реки, образывали из них целые озера, из которых каналы разносили воду на 50 или на 70 миль в окрестности. На больших реках таких плотин имелось на каждой от 30 до 40... Дождевая вода, стекающая с гор, собираема была в особо устроенные для того пруды, из которых многие доселе имеют от 15 до 20 миль в окружности. Все эти гигантские сооружения были доведены почти до конца ранее 1750 года. В эпоху войны компании с монгольскими правителями, — и следует прибавить, — в течение всего периода британского владычества в Индии, они пришли в большой упадок».

Мы уже подвергли рассмотрению в другом месте³ вопрос о системе орошения на островах Индийского архипелага, в связи

¹ Цит. у М. Ковалевского, Общинное землевладение, стр. 164.

² «Account of British India», Edinb. 1843, II, 427. Цит. у Ковалевского, 164.

³ См. нашу статью «Община и государство в Нидерл. Индии», «Отечественные Записки», 1881, III, 93 и сл.

с развитием абсолютной власти тамошних раджей, и потому не станем возвращаться к нему более. Заметим только мимоходом, что нигде более, как на этих островах, где, по отзывам сведущих людей, «если земле была придана ценность общими усилиями всех, то она по принципу есть общая для всех» и «где рис, составляющий главную пищу жителей, требует общей системы ирригации, которая невозможна без ассоциации и которая ведет к эксплуатации сообществ»¹, — нигде более не проявляется с такою ясностью начало, что орошение представляет собою ту основу, на которой сооружается вся политическая и экономическая организация общества.

Ощущение путешественника настоящего времени, читаем мы у Теннента², когда он день за днем проезжает по северным частям острова Цейлона и проникает в глубокие леса внутренней страны, это непрекращающееся изумление при виде непонятного множества разрушенных прудов, углубления которых могут быть еще прослежены, и бесчисленного множества плотин, обросших лесом и указывающих объем резервуаров, которые в прежнее время оплодотворяли целые округа, а теперь лежат покинутые и пустынные. Каждый подобный пруд есть земельное обеспечение, по крайней мере, одной деревни, и размеры их таковы, что, по всей вероятности, целые сотни деревень могли быть поддерживаемы одним каким-либо из этих внутренних озер... Труд, необходимый на возведение одного из этих гигантских сооружений, сам по себе служит доказательством густоты местного населения. Но их расширение последующими королями и постоянно повторяющиеся известия о том, что округ за округом был подвергавшимся обработке в каждое последующее царствование, указывают на постоянное увеличение числа жителей и на множество хозяев, которых *соединенные* и *продолжительные усилия* были необходимы для поддержания этих расточительных построек в производительной деятельности³. То же течение мысли ведет к более ясному представлению о способах, путем которых это население было поддерживаемо в течение целых столетий, вопреки частым революциям и часто повторяющимся вторжениям, как равно и о тех причинах, которые повели к их полнейшему исчезновению, когда внутренний упадок разрушил *организацию*, на которой покоилась *общественная фабрика*. Обработка земли, как она существовала на севере Цейлона, находилась в почти исключительной зависимости от запаса воды, сохраняемой в пруде каждой деревни;

¹ См. ту же статью, стр. 102 и 103.

² I. E. Tennent, Ceylon, Lond., I, 421.

³ Практика заносить в записи сооружение сувереном прудов для орошения не ограничивается хрониками Цейлона. Сооружение подобных же работ на континенте Индии было отмечено местными историками. Мемуары орисских радж указывают на число цистерн и колодезь, вырытых в каждое царствование. То же самое может быть замечено относительно Китая и Вьетнама.

вода же могла доставляться только *соединенным трудом* всей местной общины, примененным прежде всего к сборанию и сохранению требуемого количества воды для орошения, а потом к распределению ее по рисовым полям, обрабатывавшимся *соединенными усилиями жителей*, между которыми жатва разделялась в соответствующих пропорциях. В этих операциях до такой степени необходимы были *согласие* и *союз*, что предписания об исполнении их были иногда вырезываемы на скалах, как вековечное увещание к умеренности и гармонии. Отсюда, при повторяющихся конвульсиях, которые опрокидывали следующие одна за другой династии, и с легкостью и быстротой, в других случаях почти непонятною, переносили корону к узурпаторам, легко понять, что масса народа имела сильнейшие поводы к пассивному подчинению¹, и была вынуждена инстинктивным страхом верить в фатальным результатам продолжительного сотрясения. Будучи прерываемы в своих занятиях страхом подобных событий, жители удалялись, пока буря не пронеслась мимо, и после временного рассеяния возвращались обратно, чтобы снова владеть своими землями и своим деревенским трудом. Разорение, царствующее в настоящее время в долинах, которые прежде обрабатывались чингалаями, было ускорено беспощадным владычеством малабаров в XIV и последующих столетиях. Разрушение резервуаров и прудов приписывалось иногда недостаточной постройке, отсутствию водостоков и других облегчений для спуска излишней воды во время господства чрезмерных дождей; но независимо от факта, что значительное число этих прудов, хотя и крайне опустошенных, остается в этом отношении почти не пострадавшим до наших дней, мы имеем свидетельства самих местных историков, которые, будучи правильно поняты, последовательно отрицают всякую опасность наводнений. Разрушение и оставление прудов должны быть приписаны не столько какому-нибудь строительному упущению, сколько разложению *сельских общин*, которые их поддерживали столь продолжительно. Разрушение резервуара, когда им пренебрегали и давали ему притти в упадок, было быстро и неизбежно, а так как разрушение резервуара деревни влекло за собою бегство всех зависящих от него, то вода, раз допущенная уйти, переносила чуму и миазмы на равнины, которые в прежнее время были покрыты изобилием. После подобного бедствия какое-либо частное возвращение поселян, даже если бы ему

¹ Ту же совершенно правильную мысль высказывает Крауфорд в своем «History of the Indian Archipelago», Edinb. 1820, III, 3 и сл., говоря о получении сувереном продукта за верхний надзор за орошением земли и распределением воды для этого орошения. Особенно интересен пример государства Бали, где суверен совсем не заявляет права на землю, а только на воду для орошения. См. уже упомянутую статью «Отеч. записки», 1881, март, стр. 93—94. Ниже мы увидим, что и известный путешественник Гакстаузен придерживается того же взгляда относительно орошения.

не мешал страх малярии, было бы не практичным: так как очевидно, что где всего *соединенного труда* общины стало уже недостаточно для исполнения дела сохранения воды и обработки, то уменьшенные силы меньшего числа были бы в высшей степени недостаточны как для производства исправлений в каналах, так и для восстановления системы, от которой зависит культура риса. Таким образом, процесс упадка, вместо того, чтобы идти постепенно, как в других странах, сделался внезапным и крайним опустошением на Цейлоне.—Из следов, сохранившихся от истории старейших эмигрантов, можно видеть, что в своей домашней жизни и гражданских обычаях они принесли с собою и увековечили на Цейлоне те же самые цели и черты, которые служили характеристикой арийских рас, колонизировавших долину Ганга. Подобно древним Ведам, чингалайские хроники изобилуют намеками на земледелие и стада, на воспитание скота и на производство хлеба. Они говорят о сельских общинах и об их социальной организации, как о чисто патриархальной. *К женщинам относились с уважением и почтением*, и в качестве жриц и цариц они приобрели себе выдающееся место в национальных почестях... Индийским королям, наследовавшим Виайю, Цейлон обязан первым ознакомлением с земледелием, сооружением резервуаров и практикою орошения земли для культуры риса. Первый резервуар был построен на Цейлоне наследником Виайю за 504 года до р. хр., и их дальнейшее распространение до почти невероятного числа следует приписывать влиянию буддийской религии, которая, объявив войну уничтожению животной жизни, научила всех многочисленных последователей существовать исключительно растительною пищею. Отсюда обилие садов, множество фруктовых деревьев и бобовых растений, посев сухих зерен, построение резервуаров и каналов и выбор земли, расположенной удобно для орошения. Невозможно преувеличить значение этой системы водяной обработки в стране, подобно северному Цейлону, подверженной периодическим засухам. По физическим и по геологическим причинам способ обработки в этой части страны существенно отличается от способов, практикуемых в южной части; в то время как в последней частость дождей и обилие рек доставляют богатое снабжение водой, остальная страна зависит главным образом от искусственного орошения и от количества дождя, собранного в цистернах, или воды, отведенной из рек и проведенной в резервуары... Каким невыразимым благословением являлось в виду подобных бедствий введение хлеба, рассчитанного на прорастание под водою, чтобы годичного снабжения не только хватало на все обыкновенные требования, но было бы достаточно для обеспечения от случайностей времен года,—этого следовало достигнуть остроумием народа при поддержке обязательной заботы суверенов. Нечего удивляться, что короли, посвятившие свою личную энергию на постройку

цистерн и каналов, приобретали своей памяти право на традиционное уважение, как благодетели своей расы и страны. В резком контрасте с этим находится замечание автора Раджавали, который грустит над искоренением великой династии и упадком страны, «потому что, вследствие уменьшения плодородия, последующие короли не имели уже более такого значения, как те, которые восходили на престол прежде». — В связи с сооружениями для поддержки земледелия, во вновь заселенные округа была перенесена патриархальная деревенская система, представляющая копию с существующей с незапамятных времен в Индии; каждая деревня с заведывающим ею старейшиною, ремесленниками, цирюльником, астрономом и прачкою-мужчиной выучилась вести свои дела сама, при помощи деревенского совета, исправлять свои цистерны и каналы и собирать по две жатвы в год *соединенным трудом* всей сельской общины. — Между земледельческой системой горных округов и долин всегда была такая же разница, какая постоянно отличается в Индии обработку при помощи цистерн — Неуэра Калава и Уани от висячих рисовых полей на Кандийских холмах. На последних резервуары сравнительно редки, так как туземцы полагаются на верные дожди, которых редко нехватает в надлежащее время года в этих низменных долинах. Потоки ведутся посредством каналов, остроумно сделанных вокруг подошвы холмов и по вершине склонов, чтобы оплодотворить поля, лежащие ниже, которые составляют род террас, каждая с узким бортом на краю, через который стекает лишняя вода с высшего уровня на непосредственно следующий за ним, спускаясь последовательно по всем, пока не ускользнет в глубине долины.

Наиболее распространенным способом орошения в Афганистане¹ служит отвод воды из ручьев, которая иногда просто сворачивается на поля, но чаще ведется к ним при помощи маленьких каналов. Вода направляется в эти каналы посредством шлюзов, которые пересекают русло маленьких ручьев и сносятся в сторону в то время, когда вода повышается. В более широких реках устраиваются отдельные плотины с одной стороны, выдающиеся на известное расстояние в реку, которые хотя и не вполне запирают течение, но все же принуждают часть его войти в канал. Из канала мелкие ручьи ведутся на поля, которые окружены небольшими возвышениями с целью задержания воды. Главный способ для прискания источников, там где речной воды недостаточно, состоит в проведении подземного канала, под названием каурээ. Он известен под тем же именем в Персии, но чаще называется там каннаит. Канал этот сооружается следующим образом. Прежде всего исследуется место, всегда лежащее у подошвы горного склона, чтобы убе-

¹ *Elphinstone, Cabul etc., Lond. 1839, I, 396.*

даться в том, есть ли на нем источники и в каком направлении они лежат. Когда место исследовано и установлено, то вырывается, один за другим—целый ряд колодцев по направлению от долины к горе. Каждый последующий колодец глубже предыдущего, и все они соединяются между собою подземным каналом, имеющим наклон к долине. В течение этого процесса открывается много источников, но рабочий запирает их, чтобы они не мешали ему работать, пока не дойдет до последнего колодца. Тогда он открывает ключи, вода бросается в канал, поднимается в колодце до высоты своего источника и, при помощи дальнейшего канала, переходит из колодцев на поля. Раз каурэз готов, колодцев больше не нужно, за исключением разве случая, когда приходится чистить при их помощи канал. Расстояние между колодцами простирается от 4 ярдов до 100. Размер канала обыкновенно не больше того, сколько требуется дать места рабочему для работы, но некоторые шире. Число колодцев и длина каналов находятся в зависимости от числа встречаемых на пути источников, так как цепь обыкновенно ведется до тех пор, пока получено достаточно воды или глубина становится неудобна. Длина бывает от 2 до 36 миль, но обыкновенно короче 2 миль. Можно думать, что расход на такое затруднительное сооружение должен быть весьма велик, но богатые охотно помещают свои деньги на подобные способы приведения земли в состояние годной для обработки, и нисколько не редкость видеть бедных, которые входят в ассоциацию (община), чтобы устроить каурэз и разделить между собою орошаемую им землю. Каурэзы весьма обыкновенны во всем западном Афганистане, и число их все возрастает. Они же в употреблении во всей Персии, как прежде в Туркестане, но теперь в последней стране они находятся в запущении; в Индии же они неизвестны даже по имени. Таков важнейший из употребляемых здесь способов искусственного орошения. Колодцы и пруды употребляются редко, за исключением разве питья, и на юге Индии подобных резервуаров также немного, так как здесь большое количество воды собирается посредством плотин, протянутых через долину. Знаменитейшая из них Гузни, и, кроме того, есть величественные плотины в Паропамизских горах, но они встречаются в стране нечасто. В Пешауре и на значительном пространстве восточного берега Инда для поднятия воды употребляется персидское колесо; в большей части местностей вода берется из колодцев, а местами из рек, на берегу которых сооружены машины. Часть земель по местным особенностям не подвергается орошению и потому принадлежит к числу наименее важных и наименее производительных.

Наиболее употребительные способы ирригации в Персии¹ суть следующие: 1) подземные водопроводы, 2) разделение и от-

¹ I. E. Polak, Persien. Das Land und seine Bewohner, II, 115 и сл.

вод рек, 3) плотины и шлюзы и 4) колодцы. Отыскание источников и закладка водопроводов и каналов образуют особое ремесло—муканни. По образованию почвы, равно как по известным признакам растительности, муканни закладывают с достаточной точностью об источнике, бьющем внутри земли. Но, чтобы прикрыть свое искусство мистической тенью, они обыкновенно говорят, что тайну эту им выдал спор тумана, носящегося над этим местом при восходе солнца. Рытье колодцев и проведение подземного водопровода совершаются так же, как и в Афганистане. Если ближайшая окрестность благоприятна для обработки, то там, где вышел наружу источник, в скором времени сооружается деревня; с другой стороны, оплодотворяющий поток должен быть проведен по открытым каналам далее. Через это издержки на сооружение часто возрастают до значительной высоты. Издержки эти принимают на себя, частью, отдельные предприниматели, частью, общины; в тех же случаях, когда дело идет о доставлении воды в большие города, расходы берет на себя правительство, в священные места—благочестивые учреждения. Открытые каналы все более теряют в количестве воды, вследствие инфильтрации и испарения. Дальнейший вред наносят им тифоны и бурные потоки, так что они затягиваются илом, запираются, и, если этому не помочь во-время, то все предприятие пойдет прахом. Существуют, правда, старые законы, которые строго запрещают перекапывать существующий источник или водопровод; но власть имеющие люди не руководствуются уже более этими предписаниями и вырывают вблизи более глубокий шtolь, или отвлекают чрез прямое сообщение у канала его воду. Таким образом, поля данной деревни внезапно теряют всю свою растительность, жители должны их покидать, и местечки, которые были обозначены на картах более ранних путешественников, исчезают без следа, оставляя по себе лишь несколько развалин. Каналы, при помощи которых некогда доставлялась в достаточном количестве вода пятистам тысячам жителей старого города Рагес, в настоящее время до того разрушены, что едва ли могут удовлетворить маленькую потребность в воде местечка Шах-Абдулазисс, стоящего на развалинах Рагеса. По временам тому или другому предпринимателю удается снова найти водопровод, засыпанный в течение столетий, и таким образом приобрести себе чуть не даром богатый источник воды. Когда, во время пребывания автора в Тегеране, шах велел реставрировать один пришедший в упадок канал, то неожиданно выбрызнувшая вода наводнила целую часть города.—Богатство воды здесь измеряется силою, которая требуется для приведения в движение мельничного жернова подобно тому, как способность к действию паровой машины измеряется количеством лошадиных сил; говорят: источник или водопровод во столько-то и столько-то жерновов. Если многие сельские общины закладывают один канал сообща, то они уста-

новляют договорным соглашением продолжительность *попеременного* пользования. Частные собственники отдают в наем пользование водой за цену, вычисленную по часам, и поэтому сооружение канала было бы выгодным делом, если бы юстиция оказывала предпринимателю более деятельную защиту против насильственных нарушений его права собственности. В подразделении и отводе рек персияне также оказывают весьма важные и достойные признания заслуги, при всем несовершенстве их теоретических знаний и недостатке аппаратов. Блестящие примеры представляют реки Кередж и Дже-Дже-Руд, которые своими искусственными разветвлениями орошают обширные округа Шариар и Верамин, всего же больше Зайенде-Руд, которому обязана своей блистательной культурой равнина испанганская, и который получил свое название Зайенде (рождающий) от свойства всегда наполнять свое русло свежими источниками, даже тогда, когда, вследствие отвода воды, русло это кажется опустевшим. На том месте, где с равниной соприкасается горное ущелье, поставлены крепкие плотины, с целью собрать сбегашую вниз снеговую воду в объемистый бассейн, из которого весной и летом, открывая шлюзы, поят поля. Прекрасное произведение этого рода то, которое захватывает горную воду узкого прохода Каруда и ведет ее в равнину Кашан. Сооружением подобного же бассейна у прохода Паскальи можно было бы оплодотворить всю окрестность Тегерана, но нынешнее правительство не желает тратить деньги на общественно-полезные цели, хотя в будущем они принесли бы сотенные проценты. В течение прежних столетий в равнине Персеполиса и в западных частях государства были загораживаемы плотинами большие реки, вследствие чего становились пригодными для обработки большие пространства земли, которые теперь лежат высохшими и пустыми.—Кроме упомянутых способов орошения в Персии прибегают также к черпальным колодцам, чтобы получить нужную для полей воду. Ведро опускается на длинной веревке; когда оно наполняется, то его тянут быки, припряженные к валу, причем их сгоняют по маленькому наклону у колодца. Подобные колодцы автор видел в садах и полях около Испагана и Шираза, особенно же много их в местечке Церган у Персеполиса. Местами довольствуются одним дождем. Такие счастливые местности суть части Индии, Курдистан, Хамзе и многие горные долины Ирана.

По временам реки в Персии совершенно изменяют свое направление. Так, по словам Феррье¹, река Гери-Руд, которая в настоящее время спускается с северо-запада Параломизских гор и разделяется на бесчисленное множество ветвей для орошения, лет 80 тому назад, как утверждают жители, поворачивала к северу, пройдя Куссан, и терялась в Мургабе. Подобному

¹ I. P. Ferrier, Voyage en Perse, 1860, 110

утверждению позволительно верить, так как точно такие же повороты происходили в Средней Азии по отношению ко многим другим рекам, не вследствие естественных причин, а благодаря *совместным усилиям* целых племен, которые, покидая прежнее место жительства, поворачивали течение воды, чтобы заставить ее течь в новое их поселение. Глубокие и широкие русла иссушенных рек во всем Хорассане не имеют другой причины, что доказывают кровавые войны, которые вспыхивали и вспыхивают в настоящее время между различными племенами этих стран, вследствие отвода вод одним из них. Действительно, нельзя рассчитывать на дождь для питания земли, когда он составляет редкость и падает только зимою и в начале весны; отнять воду у временного поселения, значит отнять у него все средства существования, потому что хлебные растения засыхают и не производят больше зерна, луга испытывают ту же участь, скот, лишенный пищи, также погибает, деревья сохнут, и все это ведет к уничтожению племени.

В окрестностях Ярканда¹ орошение совершается в обширнейших размерах: в действительности, по малому количеству дождя, вся обработка находится в зависимости от него. Ручьи текут во всех направлениях, проходя один под другим по дороге и, посредством маленьких водопроводов, над болотами и впадинами. Земля здесь измеряется по количеству посева (как на индийском о-ве Бали), так что один «натман» земли равняется 64 шаракам зерна для посева (около 990 ф.). Налоги с земледельцев взимаются в количестве $\frac{1}{10}$ доли продукта. С этою целью сиркары, или сборщики, помещаются в каждом селении, чтобы собирать хлеб суверена. Большая часть налога потребляется администрацією на месте и не доходит до центральной власти.

Ирригационные каналы в Бухаре², без помощи которых земля была бы лишена плодородия, выводятся из речек; повсюду, куда нельзя провести подобных каналов, земля остается необработанною. Недостаточно было вырыть рвы для орошения полей, следовало еще приспособить их ширину и глубину к расстояниям, на которые желали вести воду, к возвышению местности там, где канал окапывается, к массе воды, которая необходима для орошения участков во всем их объеме; вот почему в Бухаре можно видеть каналы шириною и глубиною до одного туаза, другие вполтину менее глубокие и некоторые не более двух футов глубины. Каналы эти легко загромождаются песком и глиной; их тогда нужно очищать, и землю, извлекаемую из них, сносят на более низкие поля. Между полями и каналами необходимо поддерживать соответствующий уровень. Эта работа по очистке каналов, по повышению и понижению полей и пр.

¹ R. Shaw, Visits to high Tartary etc., Lond. 1875, 156.

² Meisendorf, Voyage d'Orenbourg à Boukhara etc., Paris 1826.

занимает земледельцев в течение зимы с декабря до марта. Каналы очищаются под надзором *мираба*, который, как и в Египте, назначается правительством. Орошение производится во время высокой воды, или с декабря до половины марта, и летом, при таянии снега в горах; оно происходит в известном порядке: обращается внимание на высоту полей, на количество воды, находящейся в канале, и на потребность в ней полей. Мирабы должны *руководить* этим орошением; отсюда несправедливости и притеснения, сопровождающие выполнение меры, наиболее существенной для успеха полевых работ.

С целью улучшения каналов и пользования водою туркмены¹ избирают из своей среды аксакалов или ханов, которые у живущих на хивинской и персидской границах туркмен называются князюдами. Хотя означенные ханы, при господстве полного равенства и отсутствии наследственных сословий между туркменами, не имеют никакой действительной власти, но некоторые из них успевают приобрести значительное личное влияние и, благодаря сношениям с правительствами Персии, Хивы, Бухары и Афганистана, мало-помалу становятся действительным начальством. Если вспомнить, что туркмены ведут оседлую жизнь лишь временно и отчасти, то мы несомненно имеем перед собою случай зарождения государства и сословий, в котором системе совместного орошения полей принадлежит очевидно наиболее решительная роль.

При отсутствии достаточного количества влаги, главное занятие киргизского земледельца² составляет проведение канав или *арыка*. Когда требуется провести значительную канаву, то обыкновенно хлебопашцы нескольких отделений родов (братств?) соединяются вместе и выбирают какое-нибудь почетное лицо—*аксакала* (белая борода), как главного начальника, под надзором которого производится вся работа. Кроме того выбирается еще два лица *мур-об* (от арабских слов эмир—князь и об—вода) и *шебакии*. Обязанность первого состоит в распределении воды между участниками в работе, второй, т. е. *шебакии*—строитель канавы, т. е. заведывает ее техническим исполнением. Все эти три лица вознаграждаются за свои труды участками вновь орошенной земли. Этот порядок в предприятиях несколько обширных соблюдается со всею строгостью, и часто канава или плотина получает название в честь аксакала. Эти лица обязаны также решать сообща споры между участниками и действуют в этом случае безапелляционно. Главные каналы проводятся большей частью перпендикулярно к течению реки и направляются, по возможности, по местам несколько возвышенным, чтобы пускать в них воду на пашни без помощи

¹ Н. Петрусевиц, Записки Кавк. отдела И. Р. геогр. общества.

² Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для геогр. и статист. России, Собр. офицерами ген. штаба, Спб. 1865, 246—247.

водоподъемных машин. Для достижения этой цели иногда приходится проводить их по насыпям через низкие места, но вообще этот последний способ избегается киргизами по значительности работы, и все такие сооружения, т. е. большие насыпи, почти без исключения, принадлежат древним временам, когда на Сыре жили караколпаки. Второе по важности место в земледельческих работах занимают плотины, устраиваемые с разною целью, но всегда с одинаковым искусством. Цель постройки плотин тройкая: 1) для ограждения низменных мест от больших разливов реки, 2) для поднятия уровня воды в небольших рукавах и протоках и 3) для осушения заливных озер. Одни местности заливаются и орошаются без предварительных работ, каковы окрестности бывшего Аральского укрепления, правый и левый берег Дарьи выше форта № 1 и несколько озер по низовьям Куван-Дарьи. Но пользование землею при таких условиях совершенно случайно, а главное хлебопашество ведется при искусственном орошении. Водоподъемная машина, или *чигирь*, состоит из колеса, к которому прикреплены небольшие сосуды—*чалек*, поднимающие воду (т. е. то же персидское колесо). Весь снаряд приводится в движение посредством двух зубчатых колес, на одно из которых действует сила запряженного животного. Второе орудие — черпак — есть не что иное, как лейка с длинной рукояткой, подвешенная над водою так, чтобы концом ее можно было захватывать воду и выбрасывать ее на поверхность земли. Устройство и действие ее совершенно одинаково с водоотливными лейками на наших барках. Эти две машины ставятся обыкновенно не на самой реке или канаве, а в особо устроенном колодце. Поднятая ими вода собирается иногда в небольшом возвышенном резервуаре, а, большею частью, выпускается прямо в борозды и ведется по полям, разделенным для равномерности на лунки от одной до нескольких квадратных сажен величиною, в которых земля выравнена горизонтально. Лунки эти отделены одна от другой валиками, прорывая которые, можно пропускать воду из одной в другую, т. е. они находятся в известном порядке одна ниже другой. Другой способ искусственного орошения—посредством плотин—требует *содействия* многих лиц, т. е. ассоциации. Такие общества и действительно соединяются часто для этой цели указанным выше порядком. Поливка пашен употребляется во всей южной степи, где только реки или озера позволяют этот способ обработки земли. На Сыр-Дарье у форта № 1 особенно замечательны на правом берегу долины или лучше сказать озера—Ак-Ирек и Камышельбаш. Эти два озера, потому что они почти сплошь могут наполняться водою из Дарьи, несмотря на то, что отстоят первое на 25, второе на 50 верст от нее, составляли в прежнее время, до поселения русских, одно земледельческое целое, своего рода ирригационную систему. Именно, киргизы нескольких отделений кишкене-чиклинского рода пользовались этими

долинами таким образом, что пускали в одно из них воду года на три, на четыре, и в это время преграждали доступ воды в другое, в котором, по окраинам образовавшихся на дне озер, устраивали пашни. Когда вода пересыхала, тогда переходили на первое и затопляли второе. Эта система теперь нарушена главнейшим образом через отвод русским поселянам в долине Ак-Ирек постоянных участков земли. Поселяне, конечно, не смогли согласиться видеть свои поля затопленными в течение нескольких лет. Следствием этого было почти совершенное прекращение хлебопашества на этих местах; только в последнее время дела пошли лучше, так как поселяне вошли в сделку с киргизами, видя, что несогласие ведет к разорению обеих сторон.

Большой жар, весьма равномерная погода, причем дождь идет только в известное время года, а в другое не идет вовсе, делает орошение не лугов, а полей в Закавказье¹ совершенно необходимым. В Армении не растет без орошения почти ничего; в Грузии также нельзя обойтись без него. В местностях этих стран, обрабатываемых и ныне, повсюду встречаются каналы и основанные на них системы орошения; каждый клочок земли идет в дело. Каналы поддерживаются деревнями; иногда многие деревни соединяются в одно целое, чтобы сообща поддерживать небольшую систему каналов, образуя род корпорации. Каждый несет на себе тяжесть, пропорциональную величине его собственности, и принимает участие в выгодах, т. е. в пользовании водою в течение известного числа часов. Корпорация состоит под начальством выборного меруэ, должностного лица, которое распоряжается работами и распределением воды, решает споры, относящиеся к пользованию ею и т. д. Если кто сопротивляется распоряжениям меруэ или наносит ему обиду, у того община отбирает быка, убивает и съедает его. При всем том, если проехать по стране, то можно видеть, что прежде она была возделана гораздо сильнее; видны большие поверхности степей и крупные леса, где повсюду заметны следы старых полевых борозд, а также бесчисленное множество рвов, плотин, даже развалии каменных построек, которые ясно указывают на существование каналов и шлюзов. Ширазская степь вся покрыта старыми каналами, постройками и пр., которые, будучи обозначены на карте, показали бы, что там некогда существовала искусственно заложенная, хорошо обдуманная система каналов, теперь же все это пустыня, хотя почва и превосходна... Треугольник земли, образуемый течением Куры и Аракса, обладал некогда, как автору рассказывали, — большою системой каналов. Выше, к востоку от Карабаха, Куру с Араксом соединял большой канал, длиною от 20 до 30 миль, который ясно виден и в настоящее время; от этого канала, питавшегося из означенных рек,

¹ *Haxthausen*, Transkaukasien, 1-er Theil, 1856, 52 и сл.

земля была обработана амфитеатром до вершины треугольника, на пространстве, быть может, около 100 квадратных миль, которое было орошаемо одними лишь маленькими каналами, доставлявшими воду из большого... Сооружение подобной системы по плану и выполнению должно было представлять поистине гигантскую работу... Системы орошения в кавказских землях старше, нежели народы, которые теперь живут на этой почве; иными словами, было время, когда здесь все повиновались *одной* железной воле. Системы эти не заключены в границах какого-либо отдельного из нынешних народов. Но в свою очередь совершенно невероятно, что различные народы вступали между собою в добровольное соглашение о заложении общей системы орошения; во всяком случае для этого были нужны весьма развитые государственные формы, которых здесь нигде не существовало. Поэтому, более чем вероятно, что эта система принадлежала времени, когда здесь господствовала лишь одна воля, т. е. времени отдельных азиатских деспотий—ассирийских, мидийских, персидских. С падением деспотий, с раздроблением их на мелкие государства, разделенные по народцам, эти колоссальные произведения, вследствие происходивших тогда войн, были разрушены, земля сделалась пустынею, население уменьшилось. В настоящее время их нельзя уже поднять собственными силами, чтобы выработать и снова вызвать к жизни цветущую культуру через возобновление великих систем орошения.

Система каналов (175), принадлежащих городу Эривани, достойна удивления, каналы вырыты целесообразно и прочно, обиты и укреплены, вода превосходно нивелирована, нигде не имеет сильного спада, каналы содержатся хорошо и в порядке. Поправки обходятся в год около 100 руб. серебром. Все граждане, пользующиеся водою, должны участвовать денежными взносами и личными услугами соответственно величине их орошаемых участков и необходимого для того объема воды, который подвергается оценке. Во главе всех дел по орошению и каналам стоят 11 джуваров (надзирателей за орошением). Они избираются гражданами и не нуждаются в правительственном утверждении. С ними заключается род письменного договора, и они получают, смотря по величине их округов, вознаграждение до 30 руб. Сверх того, гражданами избираются депутаты из трех надзирателей (мюльксади—владельцы или землевладельцы) для наблюдения за необходимыми поправками. Каждый владелец получает воду, смотря по величине его участка, на определенное время, необходимое, чтобы оросить весь участок. Все отверстия для орошения на каждый участок обведены стеною и имеют одинаковую величину, но у кого участок мал, тот получает течение около половины меньше, нежели тот, у кого участок вдвое больше. Смотри по объему течения в канале, 12—15 лежащих на нем садов образуют каждый раз

общество, которое получает воду одновременно, потом она переходит к ближайшему обществу и т. д. Каждый джувар имеет для своего округа доску с печатью, прилагаемую к белой глине, которую замазываются водопроводы. Пока стоит эта печать на глине и джувар не придет и не уничтожит штемпеля, никто не имеет права выпускать воды, и лишь после того владелец открывает отверстие канала на свой участок и дает воде течь. Весною орошение нужно каждые 10—15 дней, летом почти каждые 5—10 дней.

В Эривани автор видел только орошение садов, позже в провинции ему удалось бросить взгляд также и на орошение полей. Поля все расположены так, что они имеют от канала наклонное положение и разделены сплошь на узкие полоски земли в 4—5 футов шириною бороздами с водою, которые вырываются весьма точно и на правильном уровне, при помощи своеобразной машины, называемой по-татарски кердовак, а по-армянски маргас. Отсюда вода равномерно распространяется на все поле. Относительно пользования, надзора и пр. учреждения те же, как и в Эривани.

Река Нил¹ имела высокое значение по отношению не только к обработке земли, но и к государственной организации египетского народа. Так как плодородие простиралось лишь до тех мест, куда достигала вода, то люди были скоро вынуждены основать на берегах реки прочные жилища и покинуть кочевую жизнь. Общность интересов по обводнению земли, защита и борьба с водою при слишком сильном наводнении, необходимость предпринимать по этой причине громадные общественные сооружения, ежегодное измерение и исправление поземельных владений, границы которых стирались наводнением или совершенно перемещались волнами,—все это скрепляло общую связь народа и рано привело к регулируемым общественным учреждениям, к прочным государственным и правовым отношениям, которые сделали долину Нила колыбелью культуры. Судходство по реке и по каналам облегчало сообщения в высшей степени. Пустыни по обеим сторонам Нила, точно так же, как и потоки вод в дельте, всегда затрудняли наступление на Египет большой неприятельской армии. Таким образом, река,—которой ил не только оплодотворяет поля, но даже в настоящее время служит для постройки домов и хлебов, дорог и плотин, для изготовления сосудов и пр., и которая доставляет драгоценнейшую воду для питья,—образует в собственном смысле жизненную силу страны. Эта священная река олицетворялась как божество; ее фазы были воплощены в образы на рельефах пьедесталов древнейших египетских статуй божеств и королей; ее изображение носили монеты римлян и Птоломеев; она же подала повод к одному из прелестнейших

¹ Н. Stephan, Das heutige Egypten, Leipz. 1872, 19 и сл.

произведений искусства греков, к статуе Нила в *Braccio nuovo* в Ватикане.

Независимо от простого измерения поверхности земли как для земледелия, так и для земледельца, представляло величайшую важность¹ распределять выгоды наводнений в должной пропорции между отдельными участками, чтобы земли, имевшие слишком низкое положение, не могли пользоваться исключительными выгодами оплодотворения водою, вследствие постоянного перелива последней с земель высшего уровня. В этих видах была очевидна необходимость приведения в известность различных уровней страны и сооружения точно нивелированных каналов и плотин; и если бы было справедливо, что первый египетский король Менес повернул течение Нила в новый сделанный им для этого канал, то мы имели бы доказательство, что задолго до его времени народ уже располагал значительным знанием этой отрасли науки, так как подобное предприятие могло быть лишь результатом долговременного опыта. Устройство плотины имело последствием изобретение шлюзов и всего механизма, относящегося к ним. Регулирование снабжения водою, впускаемую в равнины различного уровня, глубина воды и время, в течение которого она продолжала оставаться на поверхности, что определяло соответствующий взнос налога, требовали большого научного изучения; и количество жатвы на поступающий год было удостоверяемо безошибочными предсказаниями по существующему наводнению. Это естественно повело к подробным наблюдениям над повышением Нила в течение наводнения; для измерения его постепенного увеличения и упадка были построены в различных частях Египта нилометры, а для наблюдения за каждодневной переменой и провозглашения благоприятного или неблагоприятного состояния этого явления были назначены особые *должностные лица*. От отчетов этих лиц зависело время, выбираемое для открытия каналов, которых устья были заперты, пока река не достигала определенной высоты (Plin., lib. XVIII, 18), по поводу чего в стране провозглашались великие празднества, чтобы дать возможность каждому обнаружить свои чувства относительно громадного благодеяния, оказываемого богами Египту. Введение воды Нила внутрь страны помощью этих каналов было изображаемо аллегорически под видом союза Озириса и Изиды; момент снятия плотины, которая отделяла русло канала от Нила, ожидался с глубоким нетерпением, и можно думать, что принимались во внимание многие преданаменования для этого, чтобы удостовериться в выборе благоприятного момента для этой церемонии.

Величайшие властелины древнего Египта, начиная от Мериса до Рамзеса II и Неко, посвящали свои заботы сохра-

¹ J. G. Wilkinson, *The Manners and Customs of Ancient Egyptians*, Lond. 1878, II, 363 и сл.

нению и усовершенствованию системы орошения¹. Начиная с господства персов, именно, с царствования деятельного Дария система орошения приходит в упадок. При Птоломеях была введена для искусственного орошения «водяная улитка» Архимеда. Римляне послали преступников в Египет для оказания помощи при работах орошения. Императоры Траян и Адриан пытались помочь сооружению сети каналов, но успех их был незначителен. В гнилое византийское время упадок распространялся все далее. При господстве калифов арабы сначала пускали в дело и в Египте свое умение строить гидравлические сооружения, которых блестящие образцы позже представили в культуре южной Испании. Магометанское законодательство определило, что от естественно орошаемой земли должна поступать в налог $\frac{1}{10}$, а от искусственно орошаемой $\frac{1}{20}$ часть продукта. При многократной перемене династий и связанных с нею беспорядках, дальнейшее развитие было задержано. С победою турецкой расы и особенно под господством мамелюков-беев наступило самое сильное разрушение жизненных артерий страны. Страшные опустошения чумы и голода явились последствиями запущения старинных мудрых правил для регулирования водных сил. Культурная почва во всем Нижнем Египте, сравнительно с древностью, уменьшилась наполовину; более 400 миль великолепнейшей плодородной земли превратилось здесь в пустыню, болота или озера, что равнялось потере многих провинций. Французская экспедиция создала настоящую необходимость помощи, но ее господство было слишком кратко. Поэтому, одною из больших заслуг было положить первое энергическое начало к восстановлению системы каналов и достигнуть значительных успехов в этой области. Такая роль выпала на долю Магомета-Али. Он велел выкопать большой канал, названный Махмудие по имени тогдашнего султана Махмуда, от Александрии до западного рукава Нила (1819 г.) на сумму $7\frac{1}{2}$ миллионов франков и с затратою рабочей силы 250 000 человек, из которых около 20 000 потеряли жизнь, вследствие недостаточных приспособлений, от эпидемий и голода. Этот канал восстановил связь Александрии с Нилом и поднял этот город от 6 000 в конце XVIII столетия (в древности 600 000) до 200 000 жителей. В дельте и в остальном Нижнем и Верхнем Египте Магомет-Али, с помощью французского гидротехника Динана де Бельфон и других инженеров, произвел много улучшений.

При низком стоянии воды в реке и каналах, вода поднимается на поля при помощи подъемных и насосных аппаратов, которые приводятся в движение человеком и животными, а в новое время также местами и паровою машиной. Подъемный аппарат составляет ряд ведер, связанных в цепь и приводимых

¹ Н. Stephan, op. cit., 15 и сл.

в движение колесом, причем каждое ведро выливает заключающуюся в нем воду, проходя через верхнюю точку круга. Эта система ведер в высшей степени напоминает цепной насос китайцев. Когда вода поднимается в каналах, так что ее уровень стоит выше полей, то в плотинах каналов открываются отверстия и, когда нужно, снова запираются. Когда Нил достиг высшей точки своего поднятия, и все каналы наполнены, то все запоры, часто первобытнейшего сорта, запираются, и тем вызывается буквальное наводнение полей, насколько последние не заняты течением реки непосредственно. Когда вода упала и начинается спадение Нила, то происходит очистка каналов от ила, исправление плотин и пр. При Аббас-Паше улучшение сооружений для орошения опять остановилось. К счастью, Саид-Паша снова принялся с ревностью за работу улучшения сети каналов, которая ему обеспечивала также выгоды в его промышленных предприятиях. Для весьма настоятельной очистки Махмудие было назначено 7 000 феллахов, которые на этот раз работали по строго определенному наперед и хорошо обдуманному плану, и потому привели к успешному окончанию дела, при незначительной лишь потере жизней. Его же, Саида-Паши, участию обязано скорое сооружение Суэзского канала. Правительство Измаила-Паши тоже не отставало в этих стремлениях. Оно построило новые шлюзы и некоторые новые каналы, особенно в Верхнем Египте, после засухи 1868 года. Пробовали прибегать к паровой силе для очистки каналов, но это еще только план, хотя и весьма грандиозный. В настоящее же время феллах является на работу с одной лопаткой и маленьким плетеным мешком, который он наполняет илом и дает уносить детям на головах. Таким образом для означенного дела требуются сотни тысяч рабочих в год, — в одном Верхнем Египте 150 000 на четыре месяца ежегодно. Рабочих ставят соответствующие деревни. Каждая деревня несет повинность покончить свой определенный участок под надзором своего шейх-эль-беледа, ответственного перед правительством (община). Так как рабочие должны часто стоять в иле, а иногда проводить в каналах и ночи, и снабжение их предметами необходимости недостаточно, то занятие это нередко наносит опасность здоровью и даже дает повод к эпидемиям, не говоря о чрезмерной затрате рабочей силы.

Вообще говоря, хотя и справедливо, что земледелие существенно облегчается в Египте доброкачеством и щедростью почвы и полезною помощью Нила, но оно все же требует трудной и заботливой работы¹. Вопреки общепринятому в Европе мнению, именно орошение, для которого Нил дает не более как только материал, требует постоянной, внимательной и неустанной деятельности, так как оно должно регулироваться,

¹ *Lüttke, Aegyptens Neue Zeit, Leipzig, 1873, I, 118.*

обращаться на пользу и эксплуатироваться при помощи плотин и каналов, правильной работы на черпальных машинах, черпания человеческими руками, запирания одних, открывания других полей. Только в самых редких случаях и в отдельных местностях Нильской долины можно пускать воду просто и непосредственно на поля; большие пространства, орошаемые самою природою, без помощи человеческого труда, встречаются почти лишь тогда, когда Нил превзошел обычную высоту своего ежегодного поднятия. Работы на этом поприще множество, и она вполне превышает трудную обработку почвы, которой требует природа других земель. Феллах привлекается к громаднейшим и продолжительнейшим работам по сооружению каналов и плотин и по выполнению других публичных повинностей на основании произвольного мнения и решения правительства. Если последнему кажется необходимой та или другая работа здесь или там, то без дальних размышлений вызываются феллахи из ближайших и дальних местностей и представляются к работе. Тут не помогает никакое сопротивление, правительство столь же мало церемонится с ними, столь же мало допускает какое-либо внимание, снисхождение, сожаление, как и вознаграждение или плату; напротив, люди должны очень часто прокармливать себя сами и еще приносить свои орудия. Кроме действительных публичных повинностей¹, феллахов заставляют еще работать в частную выгоду вице-короля, например, на железных дорогах, по орошению и обработке его имений, по постройке дворцов и множеству других работ столь же частного происхождения. Часто и в этих случаях им ничего не платят, хотя барщина и считается отмененною. Еще в 1868 году погибла масса людей при сооружении канала. К тем же работам привлекаются и ремесленники—владельцы барок, возов, лошадей, верблюдов и пр. по желанию и потребности правительства.

¹ Ibid., II, 99.

ГЛАВА III

Общинные земледельческие и некоторые промышленные работы

Дальнейшую стадию общинных работ, соединенных усилий многих лиц, представляют совместные земледельческие работы в тесном смысле слова, работы по сооружению домов, судов и пр. При сколько-нибудь внимательном изучении этого предмета нетрудно убедиться, что занятия этой категории на соответствующей ступени развития составляют не исключение, а такое же общее правило, как и более ранние совместные занятия охотой, рыбной ловлей, уходом за скотом, выжиганием лесов и пр. В тех многочисленных случаях, когда земледелие нуждается в орошении, по одной уже этой причине оно представляет наиболее обширную и тесную земледельческую кооперацию, какая только вообще известна в истории. Иными словами, кооперативное земледелие, постройка домов, судов и пр. не более как частные случаи развития того самого общинного начала, которое проникает собою повсюду рыболовный, охотничий и кочевой быт. И если свидетельства наблюдателей об этой частной форме организации труда отличаются значительной скудостью и неопределенностью, то единственно потому, что европейские путешественники, большую частью, совершенно слепы ко всем формам экономической жизни, несходным с европейскою. Надеясь каждого туземца, «по образу и подобию своему», атрибутами продавца или покупателя, они обыкновенно сами лишают себя возможности видеть в надлежащем свете общинный характер первобытного производства, несмотря на всю важность этого предмета для правильного суждения об общественно-экономическом строе народов, стоящих на ранних ступенях развития.

Повидимому, естественно думать, говорит Гохштеттер¹, что введение плуга, молотилки или мельницы и других подобных вещей принесло туземцам Новой Зеландии неисчислимые выгоды и что с ними не может быть связано никакого вреда или убытка ни для отдельных лиц, ни для целого народа; однако вытекающие отсюда выгоды носят весьма сомнительный ха-

¹ F. v. Hochstetter, Neu-Seeland etc., Stutz. 1867, 212.

рактер. Прежде, например, туземцы имели обыкновение работать от 20 до 30 человек на одном поле *сразу*; в настоящее время работает плуг, а люди сидят на поле смеясь и шути, жуя и куря и думая, что европейцы изобрели все эти вещи только для того, чтобы избавить их от труда. Таким же образом туземец, построивший с большими расходами мельницу и ожидающий, что она ему сметет большое количество пшеницы, которую он продаст с значительною прибылью пакегам (европейцам), находит впоследствии, что он ошибся в расчете. Соседние туземцы слышат про мельницу; согласно туземному коммунизму, они смотрят на его муку, как на свою, и в короткое время запас муки съеден. Мельница, на которой мельник не хочет работать, чтобы другие могли пожать лавры, стоит без дела. Деньги и труд потрачены без пользы, и предприниматель, вместо того, чтобы сделаться богаче от своей мельницы, сделался беднее, чем прежде.

Как идут у них дела при земледелии, так точно идут они и при кораблестроении. Туземцы Таурангской гавани сделали, например, сбережения и работали целые годы с целью накопления себе денег на покупку шкуны, чтобы можно было сказать: «мы такие же судовладельцы и капитаны, как и пакега». Они собрали сумму в 800 ф. ст. продажей пшеницы и картофеля и наконец приобрели себе, компаниею от тридцати до сорока человек, прекрасную шкуну. Но что же дальше? «Мы так долго работали», сказали они, «что теперь нужно отдохнуть», и вот судно лежит в воде, а туземцы на берегу. Раз или два, быть может, сделано было путешествие в Аукланд, но они продали перед тем столько своих произведений, что у них не оставалось более ничего ни продавать, ни нагружать; как детям, им надоела игрушка, шкуна лежит без пользы, она принадлежит сорока человекам вместе, а следовательно никому; ни один не желает поправить случайного повреждения, судно идет ко дну, и снова потеряны труд и деньги. Если бы эти тридцать или сорок человек оставались при своих старых каное, то для них было бы гораздо лучше.

Автор рисует превосходную картину такого положения вещей, когда первобытному обществу, благодаря неумению или недобросовестности пришельцев, навязываются совершенно чуждые ему экономические формы жизни, идущие ему, как корове седло. Оно принуждено носить эти формы без всякого смысла и понимания, совершенно внешним образом, наподобие того, как те же новозеландцы носили в первое время европейское платье: известно, что их дамы надевали себе мужские панталоны на шею вместо шарфа, а мужчины, держа в руках шляпы, нахлобучивали себе на голову коробки из-под этих шляп. Жаль только, что подобные отношения, наряду с комическим элементом, заключают в себе немало и трагического.

«Некоторые классы туземного населения Новой Зеландии», читаем у Полака¹, исполняли до сих пор одно и то же занятие *сообща*. Главный начальник, вооруженный властью решать вопрос о жизни и смерти, трудится бок о бок с рабом, который подчинен его прямой юрисдикции. Это состояние комбинации труда нераздельно с обществом в состоянии варварства. Житель внутренней страны обрабатывает землю, обегает леса для отыскания предметов, могущих служить пищею, и пускает в ход все свои способности хитрости и изобретательности, чтобы ловить различных птиц, наполняющих эти пустыни. Племена, живущие на морских берегах и составляющие главную часть, или $\frac{2}{10}$ населения, имеют устройство чисто социальное, скомбинированное сильнейшею связью взаимной полезности». Автора уверяли, что они часто употребляют невод в несколько сот фут длины, который составляет труд почти *каждого* члена общины и состоит во всеобщем пользовании всех владельцев-производителей. Эта система всеобщей помощи представляет своеобразный план первобытного общества. О новозеландцах можно сказать, что они уже прошли этот первый шаг и вступили на первую ступень цивилизации, которая обозначается разделением труда в общине и различием призваний, преследуемых единственно и намеренно только лицами, которых личные способности и склонности образуют вернейший критерий прогресса цивилизации.

На северо-восточном берегу Новой Гвинеи² обработка почвы производится *сообща*, посредством заостренных кольев из железного дерева и деревянных же лопаток: мужчины, двигаясь шеренгою, кольями поднимают большие глыбы земли, расчищенной из-под обгорелого леса; по мере того, как они идут вперед, за ними двигаются женщины и разбивают землю на меньшие комы; за женщинами следует ряд детей, окончательно разрыхляющих ее. Обработанные земля делится на участки по семьям.

Жители Каролинских островов³ при построении лодок, в которых совершают продолжительные и опасные путешествия, принимаются за дело следующим образом. Как только кто-нибудь захочет построить лодку, он начинает с того, что прикидывает на своем острове дерево, которое приобретает от какого-либо собственника (?) в обмен за покрывала, веревки и другие предметы своей промышленности. Он рассчитывает наперед и уверенно на помощь своих соотечественников, которые непременно согласятся срубить для него дерево; для достижения этой цели они берутся за него со всех стороны сразу и рубят его по круговой линии до сердцевины, чтобы дерево, падая, не раскололось у основания и не сделалось бесполезным для предположенной

¹ Polak, Manners and Customs of the New-Zealanders 1840, I, 106.

² «Вестник Европы», 1874, июнь, «Клипер Изумруд».

³ Fr. Lütke, Voyage autour du monde, Paris 1863, III.

цели. Не имея хороших и годных топоров, они работают весьма медленно и часто отдыхая. Раз срубленное, дерево тащится при помощи веревок на берег к *общинному дому*, и его оставляют сохнуть на солнце несколько месяцев. Потом начинается работа под руководством опытного строителя, которых на всей группе островов всего три; строитель произносит *длинную речь*, измеряет ствол и пр. Тогда назначается до 30 человек и более, *обязанных* работать. Барка с веслами вообще есть дело одного дня. Иногда с великим трудом рубит много деревьев, пока окажется одно годное. Можно судить, какой это громадный труд и при плохих орудиях в особенности. Но зато по окончании устраивается общее празднество; мужчины, женщины, дети, *все*, что в состоянии работать, бежит на рыбную ловлю и занимается приготовлением обычных у них кушаний—из кокосов, плодов хлебного дерева, арроу-рута и т. д.

Все заставляет думать, что в данном случае мы имеем дело с *совращением* общинного судна целой общиной, и что частное лицо, покупающее в дикой стране дерево за покрывала и пр.,—представляет не более, не менее, как плод авторского воображения.

Жены туземцев Америки¹, подобно амазонкам, женщинам народов Фракии, Скифии, Испании и других варварских народов древности, работают в полях, как и в настоящее время можно часто видеть женщин в Гасконии, Беарне и Бресте, ведущими плуг и то время, как их мужья прядут на станке. Зерно, которое они сеют, есть маис, представляющий главную пищу почти всех оседлых наций Америки от одного конца до другого. Все женщины деревни в Канаде² и в других местностях соединяются *вместе* для грубой полевой работы. Они составляют различные многочисленные группы, смотря по различию местностей, где расположены их поля, и переходят от поля к полю, помогая себе взаимно. Это происходит с тем меньшим трудом и с тем большей быстротою, что поля не отделены заборами или рвами, и, повидимому, представляют все вместе один участок; но между ними не бывает вследствие этого споров из-за границ (потому что нет границ), которые каждая из них умеет узнавать прекрасно (?). Начальница поля, на котором идет работа, распределяет между всеми работницами семена для посева, которые они получают в маленькие корзинки от 4 до 5 пальцев вышины и такой же ширины, чтобы они могли определить самое число полученных ими зерен... Они содержат свои поля в большой чистоте и сильно заботятся о вырывании сорных трав до самого времени жатвы. Есть также время, назначенное для того, чтобы работать *всем сообща*; в подобном случае каждая из них несет с собою связку маленьких палочек до 1—1½ фута длиною, снабженных особенным знаком и окрашенных в зеленую краску.

¹ P. Lafitau, Moeurs des sauvages américains, II, 1724, 77—78.

Эти палочки служат им для обозначения их урока и для доказательства их труда. По случаю визания пшеницы устраивается всенощное празднество, и тогда и только тогда женщины призывают к себе в земледельческих работах на помощь мужчин.

— «Что меня всего более поразило», говорит французский миссионер Гёкен¹, «по прибытии в среду этих индийцев (каписпелы близ р. Орегона), и чему я не могу перестать удивляться все более и более,—это чисто братское милосердие и глубокое согласие, которое из всего этого племени делает как бы одно семейство. Любовь, уважение и послушание своим начальникам не имеют здесь границ, и согласие, господствующее между начальниками, представляет зрелище полнейшего единения. «Никогда,—говорят они,—наши уста не требуют, а наши сердца не желают ничего, кроме одного и того же». Начальник в качестве отца снабжает своих детей, т. е. все племя, пищей. Всякая убитая на охоте коза приносится к его жилищу; там она разделяется на столько же частей, сколько имеется семейств. Благодаря разумной экономии, будущее также предусмотрено, и часть каждого животного откладывается в запас для тех, которые должны весной *обрабатывать землю*. Распределение совершается с удивительным беспристрастием: старик и больной, вдова и сирота имеют свои верные доли, точно так же, как и сам охотник. Не есть ли это возвращение к тому счастливому времени, когда, как нас поучают деяния святых апостолов, все имели лишь одну душу и одно сердце?».

Среди туземцев Flak-Heads, Kalopels, Eas-rings и Needle-Hearts, говорит Доменеч², братский союз и повиновение начальникам поистине удивительные. Начальники—действительные отцы своих народов; они всегда говорят спокойно, но никогда не говорят на ветер. Они регулируют охоту, рыбную ловлю и собиранье корней и плодов. Вся дичь и рыба приносятся к их вигвамам и распределяются на столько порций, сколько имеется семейств; раздел производится с самым точным беспристрастием. Старики, больные и вдовы получают часть, равную с частью самих охотников.

Каждая деревня криков³ имела общественное огороженное поле, которое было подразделено границами между отдельными семействами; звук рогов провозглашал начало полевых работ, которые выполнялись сообща, и из жатвы прежде всего отделялась определенная доля в пользу общины, из которой старейшина (мико) должен был удовлетворять нуждающихся. Все у индийцев было общим имуществом, или происходила общая

¹ Annales de la Propagation de la Foi. T. XVIII, A. Lion 1846. Lettre du R. P. Smet, Mission des montagnes rocheuses, со слов отца Гёкена.

² A. Domenech, Seven Years Residence in the great deserts of North America, Lond. 1861, II, 344.

³ Watz, Anthropologie etc., III, 128 и сл. (ссылки на Бартрама, Картье и Гёнтера)

обработка и общее потребление всего: жатва и охотничья добыча разделялись по потребности или каждый брал из существующих запасов, что ему было нужно.

Индийцы Юкатана¹ имеют прекрасный обычай помогать друг другу во всех своих работах. Во время посева те из них, которые не имеют у себя достаточно народа для этого дела, соединяются группами в числе 20 и 30 и работают совместно, смотря по величине поля каждого из них, и не оставляя работы, пока все не кончено. Земли в настоящее время суть общие, и первый, кто занял их, владеет ими. Они сеют во многих местах с тою целью, чтобы, если на одном поле жатва была недостаточна, другое пополнило бы этот недостаток. Обрабатывая землю, они не прибегают ни к какому удобрению, за исключением сжигания перед посевом сорных трав... Подобно тому, как мужчины оказывают друг другу взаимную помощь при обработке полей (191), женщины прядут и ткут совместно, рассчитываясь взаимно результатами своих трудов.

Говоря об одном из племен группы майо, поселенном внутри Мексики, в местности Шевиль, и заключающем в себе не более 100 семейств, американский путешественник Стифенс, между прочим, замечает: «Отдельные семьи обрабатывают землю сообща. Продукты урожая поступают на хранение в особо устроенные для того магазины, из которых ежегодно отпускается количество, необходимое для прокормления всего племени. Пища готовится в общей кухне и отпускается отдельным семействам на дом»².

Класс земледельцев в Мексике и в Центральной Америке в прежнее время был весьма значителен³; за исключением королей, принцев, сеньоров и солдат, находившихся под знаменами, всякий предавался более или менее культуре почвы и считал себе за честь работать в деревне... В этих работах женщины и дети помогали своим мужьям и отцам. Последние, вооружившись киркою, служившею для поднятия почвы, шли впереди, делая маленькие отверстия в земле; женщины шли за ними с мешками на плече, из которых они брали маис маленькими горстями, разбрасывая по одному или по два зерна в каждое отверстие, которое, проходя, прикрывали ногами. Одна шеренга следовала за другою, пока не было обсеменяемо все поле; каждая шеренга шла совершенно прямо, как будто она была проведена по шнурку, и отверстия лежали на равном расстоянии одно от другого, так что растения, поднимаясь, образовывали совершенно одинаковые параллели.—Для сохранения хлеба у них существовали обширные общественные житницы, помещаемые обыкновенно рядом с храмами и у королевских двор-

¹ *Diego de Landa, Relation des choses de Yucatan, Paris 1864, 129.*

² Цитир. у *Ковалевского*, Общинное землевладение, стр. 38, прим. 3.

³ *Brasseur, Histoire des nations du Mexique et de l'Amérique Centrale, Paris 1858, I, 634.*

цов. Хлеб содержался в них так хорошо, что сохранялся от 15 до 20 лет.

Все жители, занесенные в список кальпулли (род общины), говорит Зурита¹, имели право обрабатывать его земли; обыкновенно выделяли в каждом таком имени особый фонд, который был обрабатываем сообща соединенными кальпулли, для удовлетворения потребностей армии во время войны.

В Перу² распределение земли возобновлялось ежегодно и владения отдельных земледельцев возрастали или уменьшались соответственно числу членов семейств. То же приспособление соблюдалось относительно куракасов (высший класс) с тою разницею, что им назначали домен, соответствующий высшему достоинству их положения... Вся территория была обрабатываемая всем народом. Прежде всего обращались к землям, принадлежащим солнцу. Потом обрабатывались земли стариков, больных, вдов, сирот и солдат, находящихся на службе, короче, всей той части общины, которая по болезни или по другой причине была неспособна позаботиться сама о себе. Потом народ допускался работать на своей собственной земле, каждый на себя, но с общим обязательством *помогать* своим соседям, когда могут потребовать этого известные обстоятельства, например тяжесть молодой и многочисленной семьи. Последними они обрабатывали земли Инки. Это исполнялось с соблюдением чрезвычайных церемоний всем населением в целости. На восходе солнца они сходились в одно место по призыву с какой-нибудь соседней башни или возвышения, и все жители округа—мужчины, женщины и дети—являлись одетые в свое лучшее платье, покрытые украшениями, как бы на какое-либо большое празднество. Они несли на себе труд дня с тем же веселым духом, с пением своих народных баллад, в которых увековечивались героические подвиги Инков, регулируя свои движения под такт песни, и все смешивалось в хоре, который назывался обыкновенно «triumph» или «haiki». Подобное же учреждение существовало по отношению к мануфактурам и земледельческим продуктам страны. Стада лам, или перуанских овец, были присваиваемы исключительно солнцу или Инке, от которого, как жалованный дар, поступали в небольшом числе к отдельным лицам, без права их убивать, а только передавать, как общую собственность, наследникам. Число их было громадно. Они были распределены по различным провинциям, главным образом, в более холодных частях страны, где они были вверены заботам опытных пастухов, которые водили их на различные пастбища, смотря по временам года. Значительное число их отправлялось ежегодно в столицу, ко двору для потребления и для религиозных жертв и празднеств.

¹ Zurita, Rapport sur les différentes classes de chefs. etc., p. 50—60.

² W. H. Prescott, History of the Conquest of Peru, Philad. 1874, 53—54.

Уход за этими животными был соединен с величайшим остроумием и сопровождался мельчайшими подробностями. В определенное время года их стригли, и шерсть их складывали в общественные магазины. Потом ее разделяли между всеми семействами в таком количестве, какое удовлетворяло их потребности, и вручали женщине, которая умела хорошо прясть и ткать. Когда эта работа приходила к окончанию, и семейство снабжалось грубым, но теплым покровом, соответствующим горному климату (в долинах корона снабжала жителей таким же образом хлопком, заменявшим до известной степени шерсть), то народ требовался к работе на Инку. Количество требуемой материи, как и род и качество фабрикации, были предварительно определяемы в Куцко. Потом дело распределялось между различными провинциями. Должностные лица, назначенные для этой цели, наблюдали за распределением шерсти, чтобы производство различных предметов было доверено самым опытным рукам. Они не останавливались на этом, но входили от времени до времени в жилища и наблюдали за тем, чтобы дело было выполнено исправно. Эта домашняя инквизиция (?) не ограничивалась одною работою на Инку. Она включала в себя и надзор за работою на семейства, и были приняты меры, чтобы всякое хозяйство употребляло данный ему материал. Всякая старуха, всякое дитя имели свое занятие. То же самое происходило в других отраслях промышленности. Рудники принадлежали Инке и разрабатывались в его пользу... Ремесленника правительство снабжало материалом, и ни от кого не требовалось, чтобы он посвящал большую долю своего времени на общественное дело, чем было установлено. Один сменял другого на такой же срок, и следует еще заметить, что все, кто занимался правительственными работами, — замечание это относится одинаково и к земледельческому труду, — содержались все это время на казенный счет. Эта постоянная смена труда имела в виду, чтобы никто не был обременен трудом сверх меры, и чтобы всякий имел время для удовлетворения потребностей своего собственного хозяйства. По мнению одного высокого испанского авторитета, невозможно было улучшить в чем-либо систему распределения, так заботливо она была приспособлена к условиям жизни и удобствам ремесленников. Правительство, повидимому, всегда имело в виду интересы народа. Часть земледельческого продукта и мануфактурных предметов перевозилась в Куцко к министру, в непосредственное распоряжение Инки и его двора. Но гораздо большая часть складывалась в магазины, разбросанные по разным провинциям. Эти громадные каменные здания делились между солнцем и Инкою, хотя Инка присваивал себе больше. Благодаря мудрому распоряжению, всякий недостаток в платежах Инки мог быть пополнен из запасов солища. Но подобная необходимость бывала редко и, напротив, хлеб Инки значительную частью раздавался народу

же (неудивительно,* если для того и собирался общественным должностным лицом—Инкой). Эти магазины были найдены испанцами по их прибытии наполненными запасами разнообразнейших продуктов и мануфактур страны: мансом, кокой, хинной, шерстяными и бумажнохлопчатыми материями тончайшей доброты, вазами и утварью из золота, серебра и меди, словом, всевозможными предметами роскоши или пользы, какие только умели производить перуанцы. Чиновники вели контроль производству хлеба. Пути сообщения были великолешные.

Сказанное на предыдущих страницах обнаруживает поразительное сходство между общественно-экономическими организациями древних и ныне существующих земледельческих американоиндейских народов, несмотря на все различие в степени их цивилизации. Общинно-родовой быт с тесною ассоциацией работ и объединительною деятельностью представителей родовой власти одинаково свойствен обитателям нынешней Мексики и Юкатана, как и древним мексиканцам и перуанцам. Сходство это сказывается с ясностью даже в таких мелких подробностях их экономического быта, как, например, общественные житницы, служащие для распределения хлеба. Правда, испанскими писателями неоднократно навязывались древним цивилизациям такие оригинальные свойства, которыми они, повидимому, не обладали в действительности. Но именно в этом отношении и принесло большую пользу сравнение их с условиями жизни многих новейших племен и в том числе самих туземных индейцев. «Испанские писатели», справедливо говорит Морган¹, «оставили вопрос о землевладении у южных племен в неисходной путанице. Если они находили общину, состоящую из личностей, владевших землею сообща, которой последние не могли отчуждать, и если одно лицо из них признавалось их начальником, то означенные писатели немедленно трактовали эту страну, как феодальное имение, начальника, как феодального лорда, а народ, владевший землею сообща, как его вассалов. В самом лучшем случае это значило переворачивать вверх дном факты. Одна вещь ясна, именно, что эти земли были обладаемы сообща общиною личностей; но другой, не менее существенной, не было показано, именно,—природы союза, который соединял этих лиц.—Если это был род или часть рода, то весь предмет мог бы быть разъяснен сразу».

Когда должен быть предпринят военный поход в большую даль², и община не обладает достаточными съестными припасами, то она соединяется для обработки участка земли, чтобы иметь достаточное количество, например, муки маниока. Эта культура полей, предпринимаемая сообща, представляет единственное, что можно найти у первобытных жителей *Бразилии* по части

¹ L. H. Morgan, Ancient Society, New York 1877, 535 и сл.

² C. F. v. Martius, Von dem Rechtszustande unter den Einwohnern Brasiliens, Münch. 1832, 18.

совместного действия всех для общей цели, которую можно сравнить с барщинной работою.

«Мы решились», говорит Шомбургк¹, «сделать предложение старому дружественному начальнику Кайкуруангу, чтобы он продал нам кусок поля с зрелыми *manihot*, из которых женщины должны были ежедневно готовить нам хлеб. Участок этот был *общинною* собственностью, созданное народное собрание должно было решить, и после краткого совещания Кайкуруанг воротился к нам с единогласным согласием. Два топора, один лесной нож, как общая собственность, и несколько маленьких подарков жене и детям начальника были покупною ценою».

Мангаджи Южной Африки² представляют весьма трудолюбивую расу и, в прибавку к работе по железу, изготовлению хлопковых тканей и корзин, предаются обширной обработке почвы. Весь народ деревни отправляется работать в поле. Не редкость видеть вместе за упорной работою мужчин, женщин и детей, причем грудные младенцы лежат под тенистыми кустами. Когда нужно расчистить новый участок лесной земли, они поступают точно так, как фермеры Америки. То же самое применяется к балонда, обитающим на севере Замбези.

У басутов, банелов и матабелов³ земледелие в наибольшей чести, и приняло наибольшие размеры. Оба пола отдаются ему здесь с одинаковою ревностью. Другие племена возлагают еще на своих женщин заботу расчищать и засеять поля, но в этом состоянии вещей происходит постепенное улучшение... Басуты собираются ежегодно, чтобы вскопать и засеять поля, предназначенные на личное содержание своего начальника и его первой жены. Приятно видеть в этих случаях целые сотни черных, построенных в правильную линию и попеременно то поднимающих, то опускающих свои лопаты с совершенною правильностью. Воздух сотрясается от песен, цель которых облегчать труд рабочих и поддерживать меру их движений. Начальник считает своею обязанностью присутствовать при этом и наблюдать за приготовлением жирных быков, предназначенных в пищу его рабочим. Все классы народа прибегают к той же системе для облегчения и ускорения работ, но только между подданными одного начальника поддерживается взаимность.

Так как поля жителей Судана⁴ никогда не удобряются, и почва легка и песчана, то после двух- или трехлетней обработки жатва естественно уменьшается. Тогда расчищается другой участок, а прежний оставляется лежать под паром, пока новый участок не обнаружит признаков истощения и снова не понадобится возвратиться к обработке старого. Поля почти нигде не

¹ *K. Schomburgk, Reisen in Britisch Guiana, Leipz. 1847, II, 237.*

² *Livingstone, op. cit., 110.*

³ *Casalis, op. cit., 167—170.*

⁴ *J. Petherick, Egypt, the Soudan and Central Afrika, Lond. 1864, 167, 247 и 395.*

огораживаются, а если это и делается, то при помощи сухих ветвей деревьев, снятых при расчистке участка, со стороны ближайшей к стану. Чтобы не дать скоту портить жатву, стан обыкновенно располагается около мили расстояния от обработанных полей; и чтобы уменьшить риск от поправки (?), поля не изолированы, не разделены, но все граничат одни с другими... В Кордофоне нет никаких плетней между полями... Обеспечив свою жатву, джурры, в большом числе, отправляются искать железную руду.

У барра и кунама в Абиссинии, по словам Мюнцингера¹, не водится, как он находил в других местах, чтобы целое общество пахало одно поле и разделяло меж собою жатву, и это предупреждает многие споры; нигде одно поле не принадлежит двум господам. Если два хозяина соединяют своих быков в одно ярмо, то сегодня работают на поле одного, а завтра другого (а если поля собственности общины?). Мужчины, женщины, дети, богатые и бедные, старые и молодые, никто не отказывается от полевых работ. Пастыба скота, охрана восходящего посева, плодов и жатвы суть общие работы обоих полов, но у богосов женщина от полевых работ свободна. Барра и кунама пашут быками и коровами, не оставляя в покое даже молочных коров.

По словам Винтерботтома², в Сиерра-Леоне обработка полей выполняется сообща целыми деревнями, и жатва делится по числу сотрудничавших между собою членов семейств или по потребности каждого. Тот же обычай существует на Фернандо-По и у волофов и когда-то существовал на Золотом Берегу³, где в настоящее время вероятно вышел из употребления, вследствие возвышения ценности земли.

Об общих работах в Египте мы говорили в другом месте.

На Цейлоне каждая община сама исправляла свои каналы и цистерны и собирала по две жатвы в год *соединенным трудом* всех своих членов.

Относительно общинных работ на Яве и на других островах Малайского архипелага можно найти сведения в нашей статье «Государство и община в Нидерландской Индии», «Отечественные записки», март 1881 года.

В деревнях северного Целебеса, замечает А. Уоллас⁴, кофейные плантации и рисовые поля обрабатываются сообща. Начальник и несколько стариков решают, в какие дни недели требуется работать на них, и гонг бьет в 7 часов утра сбор рабочим. Мужчины, женщины и дети совместно работают по очистке сорных трав, сбору кофе и жатве рису; по часовой работе

¹ W. Munzinger, Ostafrikanische Studien, Schaffhausen 1864, 481—482.

² Winterbottom, Account etc. of Sierra-Leone, 1805, 76.

³ Waitz, Anthropologie, II, 84.

⁴ Civilisation in Northern Celebes (Transact. of the Ethnogr. Society of London, New Series, IV, 65).

каждого семейства ведется счет, и когда собрана жатва, каждый получает соответствующую долю.

Те кооперативные общества, говорит г. Ковалевский¹, о которых упоминается в ст. 20 книги IX Ману, как о соединении людей, имеющем целью содействовать своим трудом успеху общего предприятия, уже одним фактом своего существования указывают на распространение в Индии с древнейших времен не только начала общинного владения землею, но и общинной эксплуатации последней членами родовых союзов... Сверх того, существование родовой общины в Индии еще за четыре века до р. хр. прямо доказывается приводимым у Страбона свидетельством генерала Александра Македонского Непарха, который в некоторых местностях северной Индии встретил обработку земли целыми рядами, делившими между собою к концу года продукты урожая, точь в точь, как это имеет место еще и в наше время в немногих, правда, общинах северно-западной Индии.

Грандиозную систему общественных, земледельческих работ представляет история Китая. «Слова Менг-чу», говорит Плат², «предполагают в древности надел земель всем земледельцам от государства. В древнейшее время не было никакой частной собственности, но вся земля принадлежала государству (т. е. большой общине, соединенной главным образом системою канализации и орошения), которое распределяло ее между земледельцами, принимая во внимание плодородие земли и численность членов семейств... В маленьком календаре Гиа говорится следующее: «Надсмотрщик за земледелием (нунгсе) распределяет равномерно поля (весною). Что участки в государстве правильно распределялись между народом, и что народ перемещался с места на место, это обнаруживается из многих мест древних писателей; но обыкновенно земля оставалась за народом, если политические соображения или неурожай не побуждали к перемещению... Лингсе (также род правительственных надсмотрщиков) собирали в деревнях хлеб, который доставляла *общая работа*, точно так же как хлеб с домов, поступающий в виде штрафа, если кто-либо не работал, и налог с людей, не имевших прочного призвания. По Шолю, выручка с поля от совместной работы сдавалась должностным лицам хлебных магазинов, публичных складов линг-чу, ше-чу и цинг-чу. Они делали из этого хлеба ссуды поселянам под долговые расписки, изготовлявшиеся в двух экземплярах; они распределяли хлеб весною между всеми нуждающимися, а осенью получали его обратно...

¹ «Общинное землевладение», 92 и 101—102. См. также *Elphinstone. History of India, Lond. 1865, 72*: «В некоторых деревнях права землевладельцев осуществляются сообща, все работают на общину и разделяют между собой чистый продукт, удовлетворивши требования правительства».

² *Plath, Die Beschäftigungen der alten Chinesen, 7, 12, 17, 33.*

Вся полевая работа была на основании вышесказанного отправляема под надзором и руководством надсмотрщиков за земледелием, так что частному производителю оставалось мало места. У одного древнего писателя говорится: «В первый месяц весны император предписывает приниматься за полевые работы и велит надсмотрщикам за земледелием осмотреть границы в предместьях местности, осмотреть дороги и привести их в порядок, присмотреть в точности за холмами, горами, склонами, покатосями, долинами и низинами, чтобы установить различие, что нужно для почвы, и где можно получить сам-5 и научить народ правилам. Они должны быть лично на месте и все имеющее отношение к земледелию регулировать заботливо. Когда земледельцу изложено правило, он более не находится в неизвестности. В первые месяцы зимы император предписывает 100 должностным лицам позаботиться о собирании запасов в житницы; лица эти должны присмотреть всюду, чтобы люди собрали все, поправили пограничные барьеры, входы и мосты и заперли поперечные дороги. Потом приносятся жертвы предкам, император просит небо и духа-охранителя империи послать ему счастливый новый год. Крестьянам дают праздник и приглашают их отдохнуть. Каждый должен свое частное поле обрабатывать исправно и в области объемом в 30 ли, 10 000 земледельцев, обрабатывающих поля, должны работать на каждом по два вместе... Надсмотрщики за посевами—сеекна, по Тчеу-ли, имеют власть над посевом полей; они различают своевременно и поздно посеваемые посевы, знают все их названия, и какая почва соответствует каждому. Они составляют об этом таблицы и выставляют их в подразделениях страны. Они посещают участки и поверяют посевы, подтверждают хороший или дурной урожай года, и составляют сообразно этому регламент для взимания податей, которые уменьшаются, если жатва, вследствие засухи или наводнения, была плоха. Эти же должностные лица уравнивают потребление народа, приходят в случае нужды к нему на помощь и регулируют труд.

«Главное занятие народа—земледелие; громадное перенаселение страны¹ принудило жителей довести эту отрасль народного хозяйства до такого совершенства, которое возбуждало уже удивление самых ранних посетителей страны и все еще заслуживает уважения, хотя, подобно многому другому в Среднем царстве, часто подвергается преувеличениям. Нельзя отрицать, что китайцы превзошли нас в умении извлекать наибольшую выгоду из плодородной земли, но они остаются позади нас, когда идет речь об улучшении бесплодной почвы. Первым они обязаны, частью, лучшей обработке почвы, частью, удобрению и обращению с посевом. Земледелие в Китае может

¹ R. Werner, Die preuss. Expedition nach China, Japan etc., L. 1863, III, 272.

быть гораздо вернее названо садоводством; все поля производят впечатление садовых гряд, и рис, заменяющий наш хлеб, не сеется, а сажается былинкой за былинкой. Подобный способ может быть однако употребляем только в стране, как Китай, где труд так необычайно дешев и где нет *крупного* землевладения. Земледелие в больших размерах неизвестно; каждая семья обладает, и обыкновенно в непосредственной близости от дома, таким количеством земли, чтобы жить ее продуктами, и, быть может, излишком ее удовлетворять свои другие потребности. Этому участку земля посвящается совокупная деятельность его владельцев, и он обрабатывается так, как у нас совершенно невозможно, потому что работа гораздо дороже. Деревни, большей частью, построены весьма просторно, так как всякий крестьянский двор, как замечено выше, непосредственно окружен принадлежащей к нему землей¹.

Отсюда однако ни в каком случае не следует заключать, что китайское земледелие настоящего времени ведется мелкими крестьянами-*собственниками*. Ниже мы увидим, что значение принадлежности земли государству продолжает еще сохраняться в Китае, да и было бы странно, если бы это было иначе в такой стране, где вся система орошения попрежнему заведывается государством и его должностными лицами. Притом, даже отдельные семьи крестьян настолько многочисленны, что сами по себе представляют маленькие общины.

¹ Тот же взгляд на китайское земледелие высказывается другим остроумным и образованным путешественником—Барроу, и следовательно, может быть признан вполне верным. «Говоря вообще, если я должен высказать свое мнение о том, какими заслугами обладают китайцы в земледелии, то я не постою за утверждением, что, если бы кому-либо из китайских крестьян дали столько земли, сколько мог бы вскопать лопатой он сам со своим семейством, то он воспользовался бы землею лучше и произвел бы более предметов для существования человека, чем любой европеец. Но если бы отдать в Китае какому-либо фермеру от 50 до 100 моргенов лучшей земли за умеренную плату, то я утверждаю, что он будет не в состоянии возратить сумму этой платы втрое, да что обыкновенно рассчитывает британский фермер, и вряд ли будет в состоянии поддержать свое семейство, заплативши требуемую заработную плату за обработку земли. Собственно говоря, в Китае вовсе не существует *крупных арендных имений*. Жители пользуются всеми выгодами, связанными с тем, что земли распределены довольно равномерно, выгодами, действие которых, быть может, стало бы соответствовать ожиданиям тех, которые расположены в пользу подобной системы, если бы они не были перевешиваемы теми условиями, которых не встречают монополистические фермеры в Британии. Одно из таких условий есть обыновение почти в каждой части страны собираться в города и в деревни, так что в лежащей между ними стране часто не найдешь ни одного жилья; причиною этого обыновения является страх шаек разбойников, которые нападают на слабые и беззащитные поземельные участки. Следствие подобной системы то, что тогда как земля у деревень обработана чрезвычайно хорошо, отдаленные земли почти совершенно бесполезны: ибо, не имея никаких рабочих животных, они предприняли бы бесконечный труд, если бы стали носить на себе удобрение на эти поля, а произведений их обратно в деревню». *J. Barrow, Reise durch China, Weimar 1804 (перев.), стр. 255.*

Мы не станем здесь перечислять многочисленных общинных земледельческих работ, встречающихся в России и в югославянских областях, каковы сенокосение, общественные запашки, помочи и т. п., полагая, что относящиеся сюда факты достаточно известны читателю, а ограничимся двумя, тремя примерами. Ниже мы увидим, что даже при выделении пахотных участков в отдельную собственность, но с удержанием в силе трехпольной системы, земледелие во многих отношениях продолжает сохранять характер общинной работы. Уже по одной этой причине не может быть отказано в громадном экономическом значении общинным земледельческим работам в такой стране, как Россия, где пахотная земля еще, большею частью, подвергается переделам.

По праздникам, говорит г. Вильер¹, зажиточные крестьяне Лужского уезда С.-Петербургской губернии деревни Княжей Горы собирают соседей на «помочь» или на «толоку». Это делается для того, чтобы, пользуясь хорошей погодой, сжать разом хлеб, скосить траву, убрать сено по высушке в стоги или в скирды. Помоча не работают бесплатно, а за хозяйский обед, пауэкин и ужин и за угощение вечером, по окончании работы. В сентябре, когда хлеб у некоторых крестьян уже вымолочен, опять настает время помочей. Женщины и девки собираются все вместе у каждого хозяина в деревне по очереди. Одни «крошут» капусту, т. е. отделяют «хряпу» от «серого» (листа) и от валов и кладут каждый сорт в отдельные чаны, называемые «дошниками». Другие рубят капусту в этих чанах сечками... Помочи для крошения капусты продолжаются недели две. При рубке и крошении капусты девки поют песни. Как только кончаются эти помочи, начинаются другие для мятья льна, продолжающиеся также недели две... Зимой девки собираются после ужина на «супрядку». Так называется общее прядение девушек. Сюда приходит к ним парни из соседних деревень. Иногда они ставят свечку, одну, много две, и то, большею частью, если пришли сватать девку. Парни ходят вокруг с девушками, играют в гармонию, а девки пляшут. Если девка встала, и парень сел на ее прядку, то девка должна ее выкупить, поделовав три раза мальчика. По воскресеньям и праздничным дням не прядут, а гуляют в той же избе. По субботам тоже не прядут. Летом девки выкидают полосу хозяина избы, в которой они собирались на супрядку. Супрядки продолжаются до великого поста, с этого времени девки ткут каждая в своей избе.

В Малороссии² из числа общинных работ находятся в употреблении: 1) оранка; два или три хозяина спрягаются вместе и затем пахнут то у одного, то у другого. При этом математической точности не соблюдается; у кого больше земли и семян, у того

¹ «Зап. И. Р. Г. Общ.», т. IV, Спб. 1871, «Деревня Княжая Гора».

² «Зап. Р. И. Г. Общ. по отдел. этногр.», т. II, Спб. 1869, II. Чубинский, Очерк юрид. обыч. в Малороссии.

больше и вырут, разумеется, с общего согласия, без всякого вознаграждения; 2) толока; при полевых работах летом, а также и зимою при вывозе сена и леса сзывается толока. Иногда несколько хозяев стовариваются и помогают друг другу; харчи и вино поставляет тот, у кого работают. Другого рода толока сзывается более зажиточными людьми, которым работают за хорошее угощение; 3) парубочья громада.

Особенность южной полосы Самарской губернии, говорит г. Матвеев¹, где вообще в употреблении не соха, а плуг—это более крупные семьи. Эта особенность сложилась под влиянием местных условий хозяйства: чтобы орать целину южной полосы плугом, нужно довольно значительное количество рабочего скота, которым малотяговая семья располагать не может.

Жители Курганского округа и других местностей средней и южной Сибири² соблюдают при молотье следующие правила: «Они кладут снопы сушеного хлеба в два ряда, комлями или соломою внутрь, с колосьями в наружную сторону; тогда в два ряда молотят, двигаясь взад и вперед. В это время старушки и дети раскладывают другой такой же ряд снопов, и когда молотильщики переходят к другому разложенному ряду, то те же старухи идут к перемолоченному первому ряду, выбирают солому или переворачивают снопы, чтобы еще помолотить, если в колосьях еще остались зерна».

У якутов³ некоторые работы исполняются помочами. Хозяин помочей обязан приготовить для помочан завтрак и сытный обед, с приличным количеством кумыса или водки. На помочь, где не предвидится этих напитков, народу собирается немного, да и то такого, который—плохой работник, «не стоит своего горла», по местному выражению. При жатве хлеба на помочи собираются только одни женщины, угощение которых состоит из чая или саламаты или заварухи.

В Болгарии⁴ часто устраиваются так называемые тълки (помочь, толока). Все работают в пользу пригласившего. Обыкновенно на тълке выбирается кукуруза, придут или ткут; но иногда тълки устраиваются и для полевых работ, т. е. для жатвы, молотбы и пр. Домачин устраивает приглашенным ужином. Все гости хорошо одеты, играют и поют. Одиakov рассказывает, что, по народному мнению, некоторые полевые работы необходимо должны совершаться всем селом; сюда, между прочим, относится сажанье винограда. На эту работу сзываются все односельчане и знакомые, а также девушки, чтобы веселее было

¹ «Очерки народн. юрид. быта Самарск. губ.», «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», VIII, 1878, 16.

² «Отеч. записки», 1876, май, «Записки барона А. Е. Розена», 17—18.

³ Н. А. Костров, Очерки юрид. быта якутов, «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», VIII, 1878, 288. У лопарей и корелов также бывает помочи по постройке домов. Ср. статьи А. Ефименко.

⁴ «Зап. И. Р. Г. Общ. по отдел. этнографии», гл. IV, Спб. 1871. «Юридический быт болгар (по Богишчу) Майнова», 604 и сл.

работать, и собирается столько народа, что вся работа оканчивается в несколько часов. Когда работа окончена, то пригласивший угощает всех вином, а потом приглашает их в свой дом, где работавшие едят, пьют и веселятся до глубокой ночи. Здесь же в большом обыкновении товарищества для баштованья, т. е. для возделывания лука и овощей на нанятой земле. Для этой цели образуется артель в 10—30 человек с капиталом в 500—1 000 дукатов под начальством главаря. Работа совершается обыкновенно в товариществе, наемную плату вносят все вместе и по внесенной сумме пользуются частью дохода. Всякий, находящийся в части, вносит залог не менее 25 % со стоимости его части. Работы совершаются под присмотром главаря, он производит расходы и собирает все вырученные деньги. Когда работы окончены и все распродано, артель собирается, и доход разделяется между участниками по частям; в случае убытка он падает на всех артельщиков, которые обязаны возратить главарю затраченные им деньги! Кроме баштованья такие же артели собираются в Старой Планине и отправляются в Добруджу жать жито у турок. В них участвуют под начальством *драгомана* или *войводы* парни, девушки и подростки. Работают в Болгарии также и «на заряд». Это бывает тогда, когда несколько семейств сговариваются совершить некоторые работы вместе. Часто идут на заряд с лошадьми, волами и возами. От тьлки работа на заряд отличается тем, что договаривающиеся работают друг у друга и притом все равномерно; работников бывает при этом меньше чем на тьлке, именно 5, 6 и до 10 человек.

В Сербии¹, при снятии жатвы *лобою* (род помочи и толоки), работы идут в таком порядке: «Одни жнут, кладя пучки за себя, другие подбирают эти пучки, третьи вяжут снопы, четвертые плетут для снопов веревки; сообразно с самым разделением этого труда веревки плетут люди пожилые, снопы вяжут те, у которых мышцы поздоровее, собирают пучки ребятишки (лет до 17), а жнет народ сильный, неустояющий,—мужчины и женщины».

Так называемые сербы-граничары (на военной границе в Австрии) ведут, как известно, самое широкое задружное хозяйство². Поля обрабатываются у них мужчинами и женщинами сообща, но последние имеют во всем привилегию большей и более тяжелой работы.

В Грузии, говорит Гакстгаузен³, господствуют еще повсюду традиционные права и обычаи, основанные на социальной жизни. Так как, например, по большей части, в плуг необходимо впрягать от 8 до 10 пар волов, то образовались прочные земледельческие общества, в которых один должен поставлять

¹ «Современник», 1865, т. CVIII, «Сербское село», 136—137.

² *Caragoli, Ungarn, Militairgrenze, Slavonien, Croatien*, Berl. 1832, I, 222.

³ *Haxthausen, Transkaukasien*, I, 77.

плуг, другой пару быков и т. д. Поля всех дворов пахутся, вследствие этого, в строго определенном порядке и т. д.

Хотя каждая гуфа, говорит Ландау¹, состоит из неизменного, потомственного участка, но этот участок ни в каком случае не следует рассматривать, как неограниченную собственность; напротив, в многообразных отношениях здесь проявляется ограничение права пользования, и притом в такой степени, что по отношению к ней можно справедливо говорить об *общении* полей. Это общение выступает уже в том, что где порядок уравнивания в одном или во многих клинах (*Gewände*) изменяется, эти последние снова могут быть переделены на основании первоначального деления; но еще в высшей степени заметно это общение в отношении к *пользованию* землями. Деление полей в отдельности, точно так же, как их общее деление на *три поля*, смотря по перемене рода хлеба, делало необходимым определенный общий порядок. Не в воле отдельного человека заключается то, где он пожелает посеять яровой или озимый хлеб; он связан известным расположением поля; во время оранья и жатвы он находится в зависимости от своих соседей, и что еще более сообщает всему этому общинный характер,—это отдых, возвращаемый каждому полю в каждый третий год, и наступающее с паром превращение парового поля в пастбище для общинных стад. Уже древние *Weisthümer* постановляют нередко, что время жатвы должно быть определяемо старейшинами деревень. В одном швейцарском (акте—*Ред.*) от 1536 г. говорится, что «деревенские старейшины должны во время жатвы посещать поля, на которых растут пшеница, овес или другие плоды, и, смотря по необходимости, запрещать или дозволять снятие жатвы». Относительно парового поля (*Stafelweide*) крестьяне должны притти к соглашению, говорится в другом *Weisthum*, и чего захочет большинство, тому и быть. Точно так же должно зависеть от большинства «начинать пользование паром». Леопольд в своей «*System der Thüringischen Landwirtschaft*» приводит старообычное соглашение в своем месторождении Нордгаузене: «Начиная с заказного срока озимого или ярового поля, не должно там ни пастись, ни гонять скот; пока семена не лопнули, не допускается кошение травы, и даже ведущие через поле дорожки должны быть загорожены. После жатвы свиньи и гуси имеют преимущество, и только после них являются коровы и овцы. Начиная с Михайлова дня никто не должен обносить поля своего плугом, вследствие общей пастьбы, и к дню Мартина каждый должен быть готов с обработкой озимого поля. Наконец, никто не должен переносить ярового посева в озимое поле, и наоборот». То же самое рассказывает проф. Гансен про северо-фризский остров Сильт. Здесь все поля одного клина в прежнее время всегда обрабатывались

¹ *C. Landau, Die Territorien etc., Hamb. u. Gotha, 1854, 62—63.*

и жались *одновременно*. Как только крестьянство принимало решение взяться за ту или за другую работу, то в назначенный для нее день давался знак, или посредством звонка или тем, что крестьянский фогт надевал свою красную шапку, знак своей должности, и заставлял трубить в рог. Иногда, вместо этого, он рассылал по домам объявление, обернутое вокруг палочки Thingwall. То же самое происходило при пастьбе на привязи и расчистках, при пастьбе и запирании скота, при рубке леса и косьбе лугов. Так, все однородные работы происходили в один день. Таким же образом сообщает Гакстгаузен (*Die ländliche Verfassung der Provinzen Ost- und Westpreussen*, стр. 273, примеч.), что еще в настоящее время в Альт-Марке встречаются общины, в которых каждый вечер сходятся отцы семейств у деревенского старосты, чтобы посоветоваться, что предпринять на следующий день. Утром все выходят в один час, нередко ждут друг друга, чтобы это произошло в замкнутом порядке, и в одно и то же время возвращаются обратно. Таково действительное, в особенности в Германии, искони существовавшее, обусловленное самую природою отношений, общение полей.

Интересно также всеобщее распространение помочи или толоки. Приведем несколько характерных, относящихся к этому предмету фактов, из сочинения Véron-Réville, «*Le régime colonger en Alsace*. Metz. 1866». В Зюндгоффене «всякий житель обязан в этот день обрабатывать земли сеньора с тою сбруюю, которую он обыкновенно употребляет для себя. Тот, у кого нет рабочего скота, вооружится лопатой, чтобы удалить все, что могло бы мешать движению плуга. Рабочие получают на поле от мэра, вместе с сеном (для скота), сыр и хлеб, а в тот час, когда хозяин возвратится домой обедать, им подадут два сорта говядины и два сорта вина». В Обергергхейме, «когда исполняются эти повинности (?), мэр помещает на каждом конце поля по горшку, содержащему меру вина, и по новому ковшу. Каждый плуг получает, кроме того, по белому хлебу. Когда плуги возвращаются с полей, мэр дает им, сколько пожелают, вина, жареной говядины и супу, с хорошим ржаным хлебом. Если кто-либо из колоннов имеет какую-либо вражду против мэра и отказывается идти к нему в двор, то мэр пошлет ему домой два куса телятины, два куса жаркого, кружку вина и хлеб в два су». В Аппенвиллере: «если хозяин пренебрегает подачей завтрака рабочим, то каждый из них имеет право собрать сноп, который может удержать, не ломаясь, связка из ивы. Он возвращается домой, молотит пшеницу и несет зерно к мельнику. От него он идет к булочнику, заказывает испечь себе хлеб, и когда поел достаточно, то возвращается к своему труду, если еще не наступила ночь». Или: «мэр Кунгейма дает им вина, хлеба и всего остального; если они недовольны, он прибавит меда и пива; если у него нет меда, он нальет воды в корзинку, в которой недавно был улей, и подаст им этого напитка. Он нальет также воды

на сноп овса: это будет для них пиво и они должны будут им довольствоваться». Колоны Гюнигена, обязанные доставить вино, предназначенное базельскому капитулу, отправлялись за ним в Ипштейн, во двор мэра, который был обязан давать им есть и пить и «орехов столько, чтобы им доставало до лодыжки». Потом они спускались по Рейну и отправлялись в дом прево. «Здесь», прибавляет общинный свиток, «им давали пить и есть в изобилии, и напивали их так ловко, что они не могли дойти до лодки, иначе, как покачиваясь». Автор подводит, правда, эти и другие подобные работы под понятие барщины, которую колонны должны были отбывать в пользу сеньора в вознаграждение за предоставленные в их пользование общинные земли, но это, он говорит, очевидно, вследствие непонимания дела. Знай он параллельные факты из истории других стран, он, разумеется, сказал бы другое.

Следующий пример¹, повидимому, представляет намек на нечто вроде общественной запашки. «24 мая 1572 года было постановлено почтенным советом и всею общиною, что, когда пожелаю работать сообща, то архитектор велит прозвонить три раза накануне «au Salve» и на другой день поутру «à l'Angelus» еще три раза. После этого уведомления каждый немедленно явится в залу совета, снабженный своим топором и лопатой, сам или в лице взрослого слуги. Работники последуют послушно за архитектором, как они должны, всюду, куда он их поведет: они станут работать добросовестно, как на самих себя. Если кто-либо не явится лично, или не пошлет вместо себя способного рабочего, то Антон Меттенбергер и Иоганн Гирцен, назначенные для этого, возьмут у него немедленно залогом, которые сложат в соляной магазин. Никто не будет изъят от общинной работы, если не представит в оправдание болезни или работы на сеньора. Для расчисток предшествующего года будет установлен день. Каждый должен поместиться на своем участке, чтобы можно было видеть, все ли кончили свой урок».

В числе повинностей фермера, говорит Мэн², была одна — доставлять одного человека на помощь при сборе жатвы лорда. В древней Франции крестьянин приходил лично, но в Англии все дело сошло на то, что фермер теряет день труда одного из своих рабочих; но лорд однако не в выигрыше от этого, потому что посланный к нему рабочий делает по возможности меньше и, по обычаю, имеет право на обед, который стоит больше, чем ценность его труда в самом лучшем случае.

Сколько можно судить из приведенных фактов, «помощь или «толока» составляет переживание первоначальных общин-

¹ Boneallot, Coutumes de la Haute-Alsace, dite de Ferette, Colmar, Paris 1870, 211.

² Maine, The Decay of Feudal Property in France and England. Fortnightly Review, 1877, 468—469.

ных работ, исполнявшихся в пользу всей общины. В этом убеждает как праздничный характер работ этой категории, одинаково встречающийся у перуанцев, как и у басуто, у сербов, как и у англичан, так и то обстоятельство, что они отправляются в пользу старейшины, сеньора, лорда. Здесь, как и во многих других случаях, старейшина является олицетворением общины, коль скоро сама община распалась до такой степени, что стала нуждаться в особой объединительной власти или функции. Практически, общинная работа на старейшину представляет один из первоначальных видов налога, или, что то же, вознаграждения за отправление означенной объединительной функции.

Диодор Сицилийский¹ рассказывает, что кидяне и родяне колонизировали Липарские острова к северу от Сицилии. «Так как они сильно терпели от тирренских пиратов, то они вооружили суда, чтобы защищаться против этих вторжений, и разделились на два отдельные класса; один принял на себя обязанность обрабатывать земли острова, которые объявили общему собственностию; другому была вверена забота о защите. Сложив таким образом в одно целое всю свою собственность и обеда *вместе за общественными столами*, жители островов жили общиною в течение многих лет; но впоследствии они разделили между собою земли Липари, где находился их город; что касается других островов, то их продолжали обрабатывать сообща. Наконец они пришли к тому, что разделили и все острова на 20 лет; по истечении этого срока, они снова бросали жребий».

Существование общинных форм землевладения, а вместе с ними и общинных работ, в средневековой Франции подтверждается во множестве тогдашних кутюмов. Заимствуем несколько примеров у Бонмера². «Ассоциации существовали», говорит он, *«tacite, даже принудительно, благодаря одному факту общего сожительства год со днем. Члены ассоциации назывались *parsonniers* от старого французского слова *partçon*. Они жили и ели вместе, от одной краюхи хлеба, общую хлеб-соль — *с о т р а н і ; с о т р а і n g , с о р а і n*, как еще говорится в иных школах, из общего горшка и на общий счет. Кутюм Барри требует, чтобы жилище и расходы были у них общие; кутюм Бурбонне говорит о смешении имуществ; — Пуату, что каждый из них должен внести свое имущество в общее дело хозяйства. Говоря вообще, все свободные лица, пользующиеся своими правами,*

¹ См. P. Violet, Caractère collectif des premières propriétés immobilières. Bibl. de l'école des Chartes, Paris 1872, p. 467. Эта прекрасная статья, в которой автор, между прочим, доказывает следующие два важные положения: 1) что существование у древних народов общих столов служит указанием на общинное поземельное владение и 2) что таким же указанием служат неотчуждаемость и раздел земли у древних, переведена нами на русский язык и помещена в «Юридическом вестнике» за 1882 год.

² E. Bonnemère, Histoire de l'association agricole, Paris 1850, 22 и сл.

становились при описанных условиях «единым целым, сообщниками в движимости, наследстве и завоевании». Однако, некоторые кутюмы, например, шатонёвский в Тимерре, шартрский, дрёзский, требуют, чтобы между соучастниками ассоциации существовало родство. Кутюмы орлеанские, монтаржийские настаивают на явочном договоре или за подписью лиц, и, за исключением случая специального соглашения, общение не простирается на недвижимое и на наследственное имущество. Впрочем, на права каждого могли оказывать влияние частные условия. Так, например, в оверском кутюме: «все договоры и условия, как относительно наследства, так и иные, взаимные или нет, изложенные и утвержденные в контракте общей ассоциации, устроенной и поставленной на ноги лицами, способными к заключению договоров, не большими... законны, действительны и обязательны для заключивших эту ассоциацию или их потомков». В других случаях это была действительная ассоциация капитала и труда, как, например, в кутюме Пуату: «общество может учредиться так, что один из его членов внесет в него свой труд и свое имущество, а другой только труд или только имущество». Кутюм епископства и графства Верденского также признает ассоциацию с различными взносами. Эта черта пропорциональности ясно указывается в следующей выдержке из комментариев юрисконсульта муленского, помещенных в означенном кутюме: «есть другой род универсального общения, который устанавливается ими посредством брачного или иного договора относительно всего их движимого и недвижимого имущества, так что вся собственность, которую приобрели договаривающиеся, входит всецело в общение, и, в случае ликвидации такового, снова разделяется между ними, соответственно долям и паям, ими усвоенным, точно так же как и движимость и доходы, приобретенные во время существования означенного общения, хотя бы кто из участников или сочленов и не имел никакого наследственного имущества во время учреждения общины; наши крестьяне называют эту ассоциацию *s'affilier* (усыновлять), так как доля того, кто принимается в общину, регулируется обыкновенно числом детей, и он получает часть, подобную части каждого из них». Существование этих земледельческих общин было в средние века и даже до XVIII столетия не исключением, а общим правилом. Вот несколько цитат, которые не оставляют в том ни малейшего сомнения. В орлеанских кутюмах 1704 года говорится следующее: «в прежнее время в этом королевстве было *общим обычаем* учреждать молчаливое общество между многими живущими лицами, пребывающими вместе год и день, как сказано в великом *Coutumier*, составленном во времена Карла VI». Там же читаем: «Молчаливое общество особенно употребительно между жителями деревень, среди которых имеются большие семейства, живущие в общении и имеющие начальника, который дает предписание и приказы и обыкновенно

бывает самый старший из них, как легко видеть в Барри, Нивернуа, Бурбонна, Ксантонже и в других местах». В прежние времена молчаливое общение между лицами (кроме супругов), живущими вместе на общий кошелек и расходы, составляло всеобщий обычай королевства, как то доказывает авторитет Бомануара, учителя Езебиа Лорниерского в его диссертации в конце сочинений Луазеля, фолиант 12 и 13 («Commentaires sur la coutume de la Rochelle», par M. R. I. Valin)... «Ибо, повидимому, существовал *род необходимости* применять этот обычай к пользованию полями, где эти общины или товарищества встречаются так часто даже в кутюмах, которые не говорят о них («Traité de la communauté», par D. Lebrun). «Эти ассоциации были прежде весьма часты и весьма полезны, но в настоящее время употребление их не очень значительно (De Ferrière «Diet de droit»)). «Источник происхождения общин жителей, какими мы их видим *в настоящее время*, не известен как следует», говорит Денизар (1768). Во всяком случае, автор не затрудняется приписать им происхождение только что упомянутое.

Следующая цитата, относящаяся также к XVIII столетию, сводит все дело на пользы и выгоды короля и сеньора, как это делалось в те времена неоднократно: «Что касается до деревенских общин», говорит «Новый французский практик» 1712 года, — «то многие полагают, что они не могут продавать или отчуждать своих лугов или общинного имущества, которое состоит только в их пользовании, и собственность на которое принадлежит королю или сеньору, уступившим им таковое, чтобы привлечь обитателей на свою землю, дать им средства придать ей ценность и прокармливать на них животных, и следовательно, что нынешние жители не могут продавать их в ущерб тем, которые придут вслед за ними, под опасением, чтобы земли не сделались бесплодными и пустынными за недостатком этих удобств». Имя серва тогда изменилось, он стал называться вилланом, — от villa, compagne, village. Общинный дом принял название celle, cella, cellula — тесный дом, единица жилья. «Так как дитя, находящееся в celle (т. е. живущее с отцом и матерью), исключало из наследства своего брата, который жил вне celle, то и сеньоры исключали детей, живших вне celles из наследства их отца (De Laurière)». Это подтверждает, говорит Бонмер, что действительно *нужно* было жить в ассоциации, чтобы иметь права на наследство. Иными словами, община была свободная ассоциация, которую сеньор терпел и поощрял ввиду большей верности и правильности, оказываемых ее членами услуг. Но не может быть ни малейшего сомнения, как справедливо замечает Мэн¹, что эти ассоциации вовсе не были добро-

¹ H. S. Maine, Lectures on the early history of institutions, Lond. 1875, 6—7.

вольными товариществами, а представляли группу родственников; каждая из них была тем, что индусы называют соединенною и нераздельною семьею, собранием предполагаемых потомков одного общего предка, поддерживающих общий очаг и общий стол в течение многих поколений. Перехода от нее земли к лорду по смерти не могло быть потому, что подобная корпорация *никогда* не умирает, и наследство в ней вечно. Сеньор и лорд наследовали землю только после тех фермеров, которые держали ее отдельно. Относительно же ассоциации вилланов часто упоминается, что лорд не получает обратно их земли, потому что находит вознаграждение в их большей способности отбывать его повинности. Иными словами, захвативши власть над общиной, гг. лорды и сеньоры и их приспешники-юристы хотели уверить самих себя, что община обязана своим существованием только тем выгодам, какие она приносит своим господам.

Значительное число деревень до сих пор свидетельствует о существовании этих общин жителей и сохранило имена *celle, celles, cellelle*. Такие наименования встречаются в Обе, Аллие, Луар и Шере, Эндре, Пюи-де-Доме, двух Северах и пр. Что касается до самой организации этих земледельческих общин, то в этом отношении любопытно следующее место из одного старого писателя и юрисконсульта Ниевры, Гюи Кокиля, который заслужил название *справедливого*: «Следуя древнему установлению полевого хозяйства в стране Ниевры, которая представляет действительное местопребывание и источник происхождения мыз, многие лица должны быть соединяемы в одно семейство, чтобы вести это весьма затруднительное и состоящее из многих отпращиваний хозяйство в стране, самой по себе весьма неудобной для обработки; одни обрабатывают землю и присматривают за быками, и обыкновенно в плуг впрягается до шести быков, другие предназначены для присмотра за коровами и молодыми жеребятами в полях, третьи—для ухода за овцами и баранами, четвертые—за свиньями. Эти семейства, составленные таким образом из многих лиц, из которых каждый занят соответственно своему возрасту, полу и способностям, управляются одним лицом, которое носит имя господина общины, избирается в эту должность другими, дает предписания всем другим и ведет дела, возникающие в городах, на ярмарках и в других местах; это же лицо имеет право налагать на своих сочленов обязательства по движимому имуществу, относящиеся к интересу всей общины, и оно же назначается в сборщики налогов и субсидий; на основании этих доказательств нетрудно понять, что эти общины суть действительные семейства и товарищества, которые, с точки зрения науки, представляют как бы тело, составленное из многих членов, как бы ни были отделены эти члены одни от других; они составляют одно тело посредством братства, дружбы и экономической связи». «В этих общинах заботятся о детях, кото-

рые еще ничего не умеют делать, в той надежде, что они выучатся в будущем; заботятся о тех, которые находятся в полной силе возраста, за то, что они делают; заботятся и о стариках как ради их совета, так и по воспоминанию о том, что они сделали в прежнее время. Таким образом во всех возрастах и всякими способами они поддерживают друг друга, наподобие политического тела, которое, посредством замещения, должно существовать вечно. И так как раздел и распадение этих сельских хозяйств представляет их истинное разрушение, то было постановлено старыми законами этой страны, как относительно семейств и хозяйств сервов, так и относительно свободно наследуемых миз, с целью сохранить их общение, что те, которые выйдут из общины, не станут наследовать другим и эти последние им.

Эти общества существовали в Ниверне, где мы находим их существование в начале XVII столетия, как доказывает следующая выдержка из дополненного издания сборника приговоров Папона, Жана Шеню, в 1610 году: «У нас в Берри и Ниверне очень много подобных обществ (в особенности в домах, наместников сенешала)¹, которые, следуя конституции страны, все состоят из соединений большого числа лиц и общин». А вот что говорит один из самых страстных противников ассоциации или общины, Троплонг: «Ассоциация находится в чести не с сегодняшнего только дня: римляне говорили о ней с энтузиазмом и применяли ее с величием... Но эпохою, особенно щедро на ассоциацию, были средние века; именно они дали начало этим супружеским общениям, этому порядку, наиболее соответствующему чувствам привязанности и доверия, на которых покоится брак, именно они образовали эти многочисленные общества сервов и земледельцев, которые покрывали и оплодотворяли почву Франции; они же размножили эти многочисленные религиозные конгрегации, оказавшие столь важные услуги своими работами по расчистке земель и поселением среди покинутых деревень... Быть может, тогда говорили меньше о духе ассоциации, чем в настоящее время, но самый этот дух действовал энергически». «Ассоциация всех членов семейства под одною кровлею, на одной земле, в видах соединения труда и доходов, представляет факт общий, характеристический, начиная с юга Франции и кончая ее противоположною стороною. В особенности часто встречаются эти общества в селах и деревнях. География кутюмов сохраняет их следы в провинциях, наиболее про-

¹ Франц. текст этой цитаты Бонмера из Arrêts de Papon, Jean Chenu (Bonnemère, Histoire des paysans, T. II, p. 318) следующая: «Nous avons plusieurs telles sociétés (tacites) en Berry et en Nivernais, principalement és maisons des mages, qui, selon la constitution du pays, consistent toutes en assemblées de plusieurs per onnes et une communauté». Выражение és maisons des mages есть, вероятно, указание на феодальный характер отношений между наместниками сенешалей с одной стороны и общинами с другой. Русский перевод слова mages см. Макаров, Полный французско-русский словарь, 1870, часть II, стр. 101.

твояположных между собою по обычаям и правам; они господствуют в странах права писанного, как и в странах обычая, в тех, где обычаи соединяют брак с приданым, и в тех, где господствует имущественное общение супругов. В области действия парламента Тулузского,—в С. Овже, Ангуме, Бретани, Анжю, Пуату, Турени, Марше, Берри, Ниверне, Бурбонне, двух Бургундий, Орлеане, страны Шатренъ, Нормандии, Шампаньи, Бассиньи и пр. населения были весьма привязаны к этому роду ассоциаций и местные статуты благоприветствовали им».

Некоторые из описанных ассоциаций или семейных общин сохранились до новейшего времени. Вот что говорит Дюпен старший в своей «Excursion dans la Nièvre» об одной из этих общин, которую он посетил в 1840 году в С.-Бенен де Буа неподалеку от Невера¹: «Группа зданий, из которых состоит местечко Жо (Jault), расположена на небольшом возвышении у вершин прекрасной луговой долины, обведенной горизонтом лесистых холмов, на одном из которых, при закате солнца, рисуются церковь и монастырь С.-Бенен де Буа. Главный дом местечка не отличается ничем замечательным по наружности. Войдя в него, находишь длинный нижний этаж,—обширную залу, в каждом углу которой стоит по большому камину с верхушкою около 9 футов ширины (и этого не слишком много, чтобы дать место столь многочисленному семейству). Около одного из этих каминов имеется отверстие в большую хлебную печь, а с другой стороны—каменный бук для стирки, одинаковой старости с домом; он врезан в стену и сделался от времени глянцевоитым. Тут же рядом в темном помещении находится неглубокий колодец, в котором вода никогда не истощается, и который с избытком удовлетворяет потребностям хозяйства. Во всю длину большой залы идет коридор, в который выходит ряд дверей из отдельных комнат, настоящих келий, в которых каждая семья имеет особое помещение. Эти комнатки содержатся очень чисто; в каждой две постели, иногда три, смотря по числу детей, два дубовых шкафа отлично отлакированных, или сундук и шкаф, стол, два стула и кое-какая утварь,—вот и вся мебель... Существование этой общины ведет свое начало с незапамятного времени. Документы, хранимые хозяином в ковчеге, восходят к 1500 году и говорят об общине, как о чем-то весьма древнем в эту эпоху. Автор спросил, была ли собственность, послужившая ядром общине, первоначально имуществом сеньора?—Хозяин с гордостью утверждал, что нет, и настаивал на том, что это имущество наследственное, свободное. Как бы то ни было, но обладание этим участком удерживалось в семье Жо, и с течением времени последовательно возрастало трудом и бережливостью ее членов, так что в руках нынешних владельцев соста-

¹ *Bonnemère, Histoire des paysans, Paris, II, 449 и сл.*

вило в общей сумме имение, ценностью превышающее 200 000 фр., и это, несмотря на все приданые, выплаченные женщинам, выходящим замуж в другие семьи...

Автор желал узнать, как именно и какими средствами удалось помешать раздроблению, разделу и в конце концов разложению общины. Вначале естественным хозяином общины был отец семейства, потом его сын, и это естественное наследование продолжалось до тех пор, пока поддерживалась прямая линия, и пока можно было выбрать старшего с надлежащими способностями. Но, по мере того, как близость родства уменьшалась через удаление, так что оставались одни только боковые родичи, среди мужчин для заведывания делами стали избирать самого способного, а среди женщин для управления хозяйством самую толковую. Впрочем, порядок этого домашнего господства весьма мягок, и предписаний не бывает почти никаких. Каждый, по словам хозяина, знает свое дело и исполняет его. Главная обязанность хозяина—выполнение внешних дел, покупка и продажа скота, приобретение имущества именем общины, когда представляется удобный случай и есть требуемые средства, что однако не делается без совета сотоварищей; так как, согласно замечанию Гюи Коклиа, «все они жили от одного хлеба, снали под одной кровлей, виделись ежедневно, и хозяин был бы или слишком зол или слишком горд, если бы не входил в сношение и не спрашивал мнения своих *parsonniers* относительно общих дел». Имущество общины состоит: 1) из прежнего имущества, 2) из новых приобретений, сделанных на сбережение за общий счет, 3) животных всякого рода и 4) общей кассы, в настоящее время помещенной у нотариуса. Кроме того, каждый имеет еще частное имущество, состоящее из приданого жены и наследства после матери, или пришедшее к нему в виде дара, по завещанию или иным способом, независимо от общины. Община считает своими действительными членами одних мужчин. Одни только они образуют голову (*caput*) общины. Девушки и женщины, пока желают оставаться в общине и работать, содержатся и прокармливаются ею как во время здоровья, так и болезни; но головы общины они не составляют. Когда они выходят замуж на сторону (что бывает обыкновенно), община дает им денежное приданое. Эти приданые, которые были очень малы первоначально, поднялись в последнее время до суммы в 1 350 фр. Раз получив это приданое, ни они сами, ни их наследники, не имеют больше претензии ни на что в имуществе общины. Только, ставши вдовами, они могут возвратиться и жить в доме, как и до брака. Что касается до посторонних женщин, которые выходят замуж за членов общины, то их приданые не смешиваются с имуществом общины по той причине, что им не желают позволить приобрести в ней личные права. Эти приданые образуют отдельное имущество; они обязаны внести в общую кассу 200 фр. для обеспечения ценности мебели, отданной в их распоряже-

ние. Сделавшись вдовами, они имеют право остаться в общине и жить в ней с своими детьми; если не желают, могут удалиться, и в этом случае получают обратно 200 фр., первоначально внесенные ими.

Всякий мужчина, член общины, умирающий не женатым, не передает наследства никому. Одной душой становится меньше в общине, которая всецело остается для других и притом не в силу права наследования доли, считавшейся за умершим, а в силу права *не уменьшения* (*jure non decrescendi*): таково первоначальное и основное условие ассоциации. Если умерший был женат и оставил детей, то они становятся членами общины, в которой каждый из них составляет единицу, не в силу наследственного права (так как отец им ничего не передал), но *jure proprio*, в силу одного того факта, что они родились в общине. Если это дочери, они имеют право на приданое, сверх того, они получают и разделяют с братьями отцовское имущество, если таковое имеется; но они не могут претендовать ни на что именем отца в имуществе общины, потому что их отец не имел никакого права передавать какую-либо часть имущества женщинам, которые его унесли бы в чужую семью; но он был членом общины на условии жить в ней, работать и не иметь других наследников, кроме самой общины. Отсюда видно, в чем состоит отличный характер, свойственный ивернезским общинам. Они не похожи на обыкновенные договорные общества, в которых смерть одного члена влечет за собою распускание общества; древние ивернезские общины имеют иной характер: они составляют род тела коллегии (*corpus collegium*), гражданского лица, наподобие монастыря, города, которое продолжается и увековечивается через подстановку лиц так, что из замены одних лиц другими не вытекает перемен в самом существовании корпорации, в ее образе существования, в заведывании принадлежащими ей вещами.

Что касается честности, то нет ни одного случая, когда бы член этого общества был приговорен к наказанию за какой-либо проступок. Этот факт подтвердили все, кого мог только спросить автор. Сверх того, семейство это отличается благотворительностью. Ни один бедный не пройдет мимо, не получив хлеба или супу.

Описанная семейная община представляет поразительное сходство не только с югославянской задругой, но и с римскою семьею. С первой она имеет одинаковую организацию, одинаковое устройство власти хозяина и хозяйки. Со второю в особенности бросается в глаза сходство наследственного права.

Существенные черты сербской задруги заключаются в следующем¹. По смерти отца, естественного главы семейства, ему наследует лицо по свободному выбору домашней общины. По-

¹ F. Kanitz, Serbien, 1868, 70.

тому в старейшины выбирается обыкновенно способнейший. Если последний не оправдывает возложенного на него доверия, то приступают к новым выборам. Глава семейства представляет всю семейную общину в сношениях с политической властью, уравнивает споры и руководит делами дома, в которых принимает участие все семейство. Взрослые мужчины и женщины работают в поле и в лесу, младшие стерегут скот и попеременно ходят в школу. Распоряжениям старейшины члены общины повинуются добровольно. Выручка от полевого хозяйства, иногда от овощей и вина, скота, особенно от разведения свиней и от продажи шкур животных, строевого дерева и дров образует главные источники общих доходов общины. На продажу, на крупную покупку и на заключение займов необходимо согласие большинства членов общины. Старейшина есть также опекун у остающихся без родителей детей. Он обязывается воспитать их в согласии с их матерью и как предписывает § 519 сербского гражданского кодекса: «сделать из них хороших, честных и полезных для отечества людей». Сама вдова, если она даже бездетна, располагает правом пользования оставленною после мужа в домашней общине долей, но обязана последнюю посылно поддерживать. Если она выходит замуж, то получает из общего имущества, подобно взрослым девушкам общины, приличное снаряжение. Право наследства в задруге закон определяет следующим образом (§ 528): «Родство в домашней общине имеет при открытии наследства преимущество перед родством вне общины, даже если бы последнее было в *ближайшей* степени. Принятие в общину чужеземца исключает по отношению к наследству даже родство по крови вне общины, если оно происходило с ведома и по единогласному решению общины. Однако малолетние дети, если они следуют за выходящею из общины матерью, удерживают свои права также и вне задруги. Сверх того, права родства вне общины сохраняются при наследовании и тогда, когда член общины попал в плен, или подвергся другой подобной же опасности и нужде, или службе отечеству». — Горе и радость отдельных членов задруги теснейшим образом связаны с судьбою всей задруги. Чем больше отдельное лицо способствует своим трудом усилению благосостояния общины, тем более бывает и претензия его на совокупное имущество в случае его выхода из союза, тем большее наследство может он оставить своим детям. Отдельная деятельность членов общины в этом роде не только не стесняется общиною, но поощряется и поддерживается.

Описанные основы сербской домашней общины обуславливают и характеризуют также и наружность и внутреннее устройство сербского крестьянского двора. На первом плане стоит дом старейшины. Он сразу бросается в глаза как по своей величине, так и по способу постройки, и образует стройный центр, вокруг которого группируются отдельно друг от друга малень-

кие домики женатых членов семейства. Дом старейшины обыкновенно возведен из дерева и кирпича, имеет белую окраску, и, вместе с большим пространством кухни, содержит от двух до трех маленьких комнат... Маленькие домики обыкновенно выстроены на скорую руку. В них находятся спальни женатых членов семьи и все, что они приобретают отдельно, так как общие запасы плодов, стад, орудий сохраняются в житницах, кладовых и пр., принадлежащих всей задруге. Они называются вайате, суть квадратной формы, состоят из плетенки ивово́й и тростниково́й и, подобно вигвамам индийцев, покоятся на столбах, чтобы обеспечить запасы от рыскающих вокруг домашних животных. — Общинное хозяйство ведется попеременно одною из замужних женщин. Она в таком случае носит имя редуши (от ред—ряд, порядок), заботится с помощью младших женских членов общины о кухне для всего семейства и распоряжается силами всех прочих женщин дома для полевой работы и других домашних занятий. Как и у всех югославянских племен, женщина у сербов делит почти все работы мужа. Она никогда не бывает праздною, но всегда занята. Возвратясь с тяжелой работы в поле, она придет, ткнет, красит необходимые для белья и одежды дома ткани. Большое благосостояние или отправление материнских обязанностей ничего не изменяет в этом. Сербская женщина работяща в гораздо большей степени, чем более любящий удобства мужчина. В Сербии никогда не увидишь мужчин или детей в оборванном белье, и это есть, конечно, лучший критерий любви сербских женщин к порядку и труду.

Пока северославянские племена не были разложены римско-германскими элементами, они обладали, как и словаки в Штирийской Каринтии и Краине, подобным же семейным правом, происходящим из древнейшего периода славянской истории. Прекрасное место из старочешской поэмы «Любушин суд» знакомит нас в поэтической форме с основными положениями славянского семейного права: «Каждый теперь господствует над своим домом, мужчины пашут, женщины шьют платье, но если умирает глава дома, все дети правят сообща именем, выбирая себе главу из рода, который, если будет полезен, выставляется на вид с советниками, рыцарями, главами племен». Здесь в самых общих чертах описана картина учреждений, которые еще и в настоящее время характеризуют семью югослави́и, и которые были описаны ближе у Дезича в главе о сербской задруге. Другой основательный знаток югославянского аграрного и семейного устройства, Утешенович, дает характеристику ее в следующем: «Читатель заметил, что мы этих отношений нигде не называем излюбленным выражением «патриархальных». На это мы имеем достаточную причину, считая это обычное у кабинетных ученых, удобное, но ни в каком случае не точное обозначение совершенно не подходящим к этим

семейным отношениям; сам народ с своей стороны не называет их так, но обозначает их понятиями, которые взяты из обществоведения: дружина, дружество, задруга (общество, ассоциация, взаимность). Господарь, по своему понятию, значит не господин или властитель, а хозяин дома, правитель дома. Слово соответствует также вполне и сущность вещи. В чистом патриархате господствуют отец, патриарх, дети безусловно повинуются; там существуют лишь обязанности и никаких прав на стороне потомства. У югославян это совершенно иначе. Здесь нет никакого следа рабского подчинения домохозяину или даже только чересчур далеко идущей патриархальной власти с его стороны. Полное равенство относительно общинного имущества, как в акционерном обществе, и разумное подчинение управляющему руководству хозяина дома, наряду с правом обсуждения и решения по большинству голосов,—такова сущность отношений. Здесь, быть может, славянское стремление к обществу создало постоянное, соответствующее ему положение, это те союзы родственников, которые имеют в прочном владении семейства заповедные поземельные хозяйства, как семейные имущества: общественные правовые организмы, которые имеют внутри и снаружи определенные сферы права».

Подобные только что описанным семейные общины существуют еще во множестве на так называемой военной границе, а также в Славонии и Кромации.

Мы упомянули выше о близком сходстве французской семейной общины с римской семьей по отношению к праву наследования. Сошлемся в доказательство этого на следующие слова величайшего противника общинной собственности Фюстель-де-Куланжа, отрицающего ее даже и там, где существование ее не подлежит ни малейшему сомнению, и, следовательно, в данном случае наилучшего адвоката упомянутого сходства между семьей-общинной и семьей, которую все привыкли приводить в доказательство наиболее индивидуалистического семейного учреждения, какое когда-либо существовало: «Так как сын есть естественный и обязательный продолжатель культа, то он наследует также и имущество. Отец не имел надобности писать завещание, и не личная воля отца делала сына наследником, сын наследует в силу собственного полного права, *ipso jure heres existit*, говорит юрисконсульт. Продолжение собственности, как и культа, есть для него обязательство, точно так же как и право. Желает ли он или не желает, наследство упадет на его долю, каково бы оно ни было, даже с своими тягостями и долгами. Чтобы составить себе правильную идею о наследовании у древних, не следует представлять себе имущества, которое переходит из одних рук в другие. Имущество неподвижно, как очаг и могила, с которыми оно связано. Переходит не имущество, а человек. Человек, а не имущество, является в назначенный час,—по мере того, как семья развращает свои поколения,—

чтобы продолжать культ и принять на себя заботу об имени»¹. Спрашивается, о каком же имуществе тут может идти речь? Исключительно о семейно-общинном, т. е. о таком, которое принадлежит в собственность не одному лицу, а всем членам семьи в совокупности, настоящим, прошедшим и будущим, иными словами, об имуществе, совершенно похожем на имущество семейной общины Жо, югославянской задруги и т. п. Что по отношению к отцу семейства, как это справедливо утверждает Мэн, римское право не сумело отделить принадлежащее ему право распоряжения семейным имуществом от права личной собственности на последнее, это несколько не меняет сущности дела, социально-экономической его подкладки. Нельзя также не заметить, что понятием о патриархальной власти действительно сильно злоупотребляли, и последнюю очень часто находили и находят там, где нет и самого ее следа. Отсутствие права распоряжаться именем по наследству выставляет патриархальную власть римского *pater familias* далеко не в том абсолютном виде, как то привыкли утверждать юристы.

¹ «La Cité Antique», Paris 1864, 85.

ГЛАВА IV

Постройка жилищ общими усилиями. — Общее пользование жилищами. — Общее потребление пищи.

В настоящей главе мы хотели бы привлечь внимание читателя к вопросу об общественном сооружении и пользовании жилищами, а также об общих столах, устраиваемых первобытными народами. Сооружение жилищ общим трудом деревни или клана естественно сопровождается и помещением в них большого числа лиц, совершенно таким же образом, как общее добывание предметов пищи охотой, рыбной ловлей, скотоводством, первоначальным земледелием, — общее производство лодок и сетей сопровождается общим потреблением и использованием всеми этими предметами. Повсюду в подобных случаях характер производства обуславливает и определяет характер потребления, и если первое бывает отмечено чертами непосредственно общественного процесса, то и второе необходимо носит подобную же окраску. Все эти виды общественного производства и потребления представляют на ранних ступенях развития не исключение, а общее правило, и сменяют одно другое с простою необходимостью природы, — совместное потребление следует за совместным производством той же самой группы сообщников в качестве естественного и необходимого восстановления потраченных ею предварительно совместных усилий. Таким образом оба эти звена всеобщего жизненного процесса, — производство и потребление, при первоначальной простоте общественной организации, не разрознены между собою до такой степени искусственными препонами общественного разделения труда и связанного с ним антагонистического процесса обмена, как это мы видим в современном европейском обществе. Именно по этой, а не по иной причине, целые классы этого последнего делают себя неспособны понимать, на каком странном основании можно требовать себе так называемого «права на труд». Для туземца Маркизских или Палаузских островов право на труд есть не что иное как право на самое человеческое существование, оспаривать которое было бы несколько затруднительно: раз будучи на земле, рассуждает он, человек должен жить, а так как, по законам физического организма, жизнь человека поддерживается пищей, то ему необходимо иметь что есть.

При постройке нового дома на Нукагиве¹, соседи оказывают друг другу попеременную помощь. Часто строят дома лишь для времяпровождения, и достаточные лица обладают во многих частях своей долины подобными жилищами, или, скорее, хижинами, которые могут быть сооружены в несколько дней. Постройка большого жилища, в котором может жить совместно многочисленное семейство, производится столько же мужчинами, как и женщинами, если же мужчины принесли необходимые для закладки дома камни сами, т. е. без помощи женщин, то именно вследствие этого построенный из этих камней дом становится для женщин *табу*, т. е. последние никогда не осмеливаются в него вступить. Всякий достаточный островитянин имеет, по крайней мере, одну такую хижину-табу, которая находится на некотором расстоянии от жилого дома.

По словам Земпера², на Палаузских островах в каждой деревне существует особое общественное здание, под названием *бау*, в котором живет община рунаков или благородных, вместе с молодыми девушками, удаляющимися из семейств, чтобы проводить здесь время до брака. Это же здание служит повсюду местом приема иностранцев, гостей, празднеств и собраний общины для суждения об общественных делах. Сооружается это здание обязательной работой местного населения, соединенного по возрастам и в особые корпорации—клеббергелли. Другой, более ранний посетитель тех же островов, Гоккин³, не может достаточно нахвалиться красотой постройки, резьбой и внутренним убранством этих зданий, несмотря на примитивные орудия, при помощи которых они строились.

Когда начальник на Сандвичевых островах⁴ приказывал строить жилище, все его фермеры (!) или вассалы должны были принимать участие в труде, хотя каждая группа принимала на себя отдельный труд. В то время, как одни отправлялись в горы для доставки дерева для дома,—другие собирали траву для соломы или делали веревки, которыми связывалась кровля и прикреплялась к дому солома. Коль скоро материал был налицо, проделывались отверстия в бревнах, изготовлялись стволы деревьев для крыши и ставился весь остов. Тогда кровельщики исполняли свое дело, и таким образом большой дом мог быть начат и кончен в три дня. Дерево, часто больших размеров, приносилось издалека, из внутренней страны. Все тяжести носились на палках, поддерживаемых плечами людей.

Каждая пирога новозеландцев⁵ вмещает обыкновенно от 6 до 8 человек. Независимо от этих лодок, которые принадлежат

¹ Langsdorff, op. cit., I, 110.

² Semper, Die Palau-Inseln, passim.

³ Hokkin's Bericht von den neuesten Reisen nach den Pelew-Inseln, 1805, Sprengel's Biblioth., XXIII, 30—31.

⁴ Jarves, op. cit., 75.

⁵ Marion (d'Urville), III, pièces justificatives, 66—67).

отдельным лицам, каждая деревня обладает сообща двумя или тремя большими военными пирогами, предназначенными для нападения.

Маленькие общества, найденные Куком в южных частях Новой Зеландии, повидимому, имели многие вещи в виде общей собственности и особенно прекрасные ткани и рыболовные сети.

На островах Фиджи¹ новобрачный всегда уводит свою жену в дом отца, обычай не мало способствующий увеличению числа тех, которые живут под одной кровлей, где находится иногда от 10 до 12 женатых мужчин, образующих каждый с своим семейством многочисленное общество, которого различные члены (надо отдать им в том честь), помогая друг другу взаимно добывать средства существования, живут всегда в добром согласии и проводят свое время в изобилии, среди удовольствий и празднеств.—Жители острова Таити имеют, большей частью, лишь один большой дом для многих семейств, сюда они сходятся днем, чтобы поболтать, но особенно по вечерам, когда страх привидений и суеверие заставляют их любить совместное пребывание многих для взаимного ободрения и успокоения.

Новозеландцы живут в общении² числом от 40 до 50, семьи иногда бывают отделены одни от других, но в этом последнем случае их хижины, вообще очень плохие, соприкасаются одна с другой.

Мендана сделал замечание³, что всякий дом или жилище на Маркизских островах был, следуя выражению Фигуероа, общиною; испанцы судили по числу одеял, которые они видели положенными на пол и которые означали места для спанья, что каждый дом должен был заключать в течение ночи значительное число индивидуумов, лежащих *rêle-mêle*.

На о-ве Уалане⁴ дома, сооружаемые народом, весьма обширны и имеют до 40 футов вышины при соответствующей длине. Кроме домов в каждом округе имеется большой общественный дом, где держатся собрания народа и где сохраняются пироги, точно так же, как орудия, полезные для целой общины... На пиршествах мужчины едят сообща и им прислуживает молодежь. Женщины и дети едят отдельно и соединяются таким же образом для работ, которые ограничиваются материнскими обязанностями и фабрикацией материи для «марос» (покрывала). Мужчины строят дома и пироги, возделывают плоды.

Более оживленной сцены, по словам Уиллиамса⁵, как покрытие кровлей дома на островах Фиджи, нельзя себе представить. Когда собрано достаточное количество материала

¹ *Morenhaut*, op. cit., 69 и 78.

² *Cook*, Deuxième voyage, vol. IX (Bibl. Universelle des voyages), 27.

³ *Marchand*, vol. XV (Bibl. Univers.), 407.

⁴ *Duperrey*, Bibl. Univers., XVIII, 175.

⁵ *T. Williams*, Fiji and the Fijians, Lond. 1870, 73.

вокруг дома, крыша которого предварительно бывает покрыта сеткою из тростника, то собирается от 40 до 300 мужчин и мальчиков; каждый из них дожидается какой-нибудь работы и каждый решился быть весьма шумным при выполнении ее. Рабочие внутри постройки условливаются с теми, которые находятся снаружи, причем каждый связывает то, что кладет другой. Когда все заняли свои места и жарко принялись за работу, то крики принести травы, тростнику и прутьев и ответы на все это, произносимые 200—300 возбужденных голосов, в соединении с утапыванием соломы и громкими возгласами радости, раздающимися из каждого отделения постройки, представляют род миниатюрного Вавилона, которому фиджиец, особенно плодовитый на всякую разновидность рева и гвалта, совершенно отдает себя.

Представьте себе гигантский улей, говорит Тернер¹, тридцати футов в диаметре, ста в окружности и поднятый над землей на высоту около 4 футов, на множестве коротких столбов, в расстоянии 4 футов один от другого, вокруг всей постройки— и вы получите правильное понятие о внешнем виде дома самоанцев... Лицо, желающее строить себе дом, снабжает плотников пищей и помещением и сговаривается с своими соседями на счет помощи при доставке дерева из леса, установке столбов и другой тяжелой работы. Строитель самоанского дома не получает никакой определенной платы, но предоставляет оценку своего труда суждению, великодушью и средствам лица, прибегающего к его помощи. Если о ком-нибудь скажут, что он уплатил своим строителям скупо, то это служит выражением весьма тяжелого порицания. Подобный приговор позорит его как человека, лишённого веса и недостойного уважения, и портит репутацию не только его самого, но и семьи и клана, к которым он принадлежит. Все племя или клан представляет род банка для каждого из своих членов. Связь отдельного лица с тем или другим отдельным племенем, посредством рождения или брака, дает ему участие во всей собственности племени и сообщает ему право пойти ко всякому своему другу и просить его помощи для уплаты строителю своего дома. У одного он возьмет ковер, ценою в 20 шилл., у другого нечто еще более ценное, у третьего какое-нибудь туземное платье, стоящее 5 шилл., у четвертого 5 или 6 ярдов колленкору, и таким образом он может, без больших усилий, собрать 200 или 300 полезных вещей, стоящих, быть может, 50 ф. и, благодаря этому, хорошо заплатить строителям. В том или другом случае расплата может быть скуповата, но, на основании известных указаний, строитель предвидит подобный результат заранее и уходит со всей своей *партией*, оставляя дом неоконченным. Существует установившийся обычай, что главная часть уплаты должна быть сделана после того, как приведена к окончанию одна сторона дома; в это-то время

¹ G. Turner, Nineteen Years in Polynesia, Lond. 1861, 256, 262.

неудовлетворенный строитель покидает все и уходит. Дом с одной стороны и отсутствие строителей—своего рода публикация. Лицо, которому принадлежит дом, не может прибегнуть для окончания его к другой партии. Установившееся правило промышленности гласит, что никто не может взяться за дело, оставленное другой партией. Поэтому означенное лицо не имеет другого выбора, как пойти и поладить с первоначальным плотником, чтобы довести свой дом до приличного окончания и вида.—Самоанским семейством автор называет (280) группу родственников—сыновей, дочерей, дядей, двоюродных братьев, племянников, племянниц и пр., которая может простираться до 50 человек. Они обыкновенно обладают большим домом в качестве общего rendez-vous и для приема гостей, и четырьмя или пятью меньшими домами—все рядом одни с другими.

Путешественник Джукс¹ описывает следующими чертами виденный им на Новой Гвинее пустой дом туземцев. Дом этот, говорит он, или как его ни называть, был около 6 футов высоты, построен из глины и покоился на множестве неправильно расположенных столбов, большая часть которых казалась обрубками деревьев, срубленных на этой высоте и оставленных на корню. Пол, настланный над этими столбами, повидимому, состоял из прибитой к ним рамы, на которую были положены редкие доски, сделанные, очевидно, из наружной коры саговой пальмы, расщепленной, выравненной и высушенной. Пол этот был совершенно ровный и гладкий и держался устойчиво под ногами. Дом был около 30 футов ширины и около 300 длины. Мы прошли его весь из конца в конец и насчитали около 109 шагов. Крыша была сделана из рамы, наподобие арки, прикрытой прекрасной кровлей из листьев саговой пальмы. Она была вышиною в 16 или 18 футов в центре, от которого наклонно опускалась со всех сторон к полу. Она была совершенно непромокаема, так что, несмотря на сильный дождь, сквозь нее не проникало ни капли. Стены по концам дома были прямы и сделаны из бамбуковых столбов, соединенных между собою, с каждого конца было по три двери в форме готической арки, с наибольшей шириной в центре. Внутренность дома имела вид совершенно наподобие большого туннеля. Внизу с обеих сторон шел ряд камер, каждая из них была квадратной формы, пространством около 10 футов, со стенами из бамбука от пола до крыши и с маленькой дверью, очень хорошо сделанной из расщепленного бамбука. Внутри этих камер мы нашли низкие рамы, покрытые коврами, повидимому, постели, а над головой в стену были вбиты крючки и гвозди, на которых висели луки, стрелы, корзины, каменные топоры, барабаны и другие хозяйственные предметы. В каждой камере было место для огня (кусок глины),

¹ J. Beete Jukes, Surveying Voyage of H; M; S; Fly, Lond. 1847, I, 271—272.

над которым была поставлена маленькая рама из палок, по-видимому, для того, чтобы вешать что-либо для изготовления или сушки на огне. Сверх того, на стене каждой камеры висело по связке сена для зажигания огня. Еще несколько очагов находилось в различных местах дома. Между каждыми двумя камерами было узкое отверстие для двери, около 3 футов вышины, закрытое хорошо сделанной из бамбука дверью, из которой маленькая лестница давала особый выход наружу. С каждого конца дома было нечто в роде площадки или балкона,—выступ пола, но без поперечных досок, прикрытый наклонным выступом крыши. Часть дома общая, т. е. не занятая отдельными камерами, составила около $\frac{1}{3}$ его ширины и содержалась весьма чисто. Темнота была довольно большая, так как свет проникал только из дверей по обоим концам дома и из дверей, ведущих в камеры.

Как называть общество, обитавшее в подобном доме? Семейством, братством, родом, кланом? За одно можно поручиться, что это было собрание родичей, ведущих общее хозяйство и спящих под одною кровлею.

У эскимосов¹ имеются двойного рода жилища—летние и зимние. Летние их обиталища суть палатки из шкур животных, растянутых на 10—14 шестах, которые собраны вверху в пучок и опираются на раму, служащую в то же время входом. В таких палатках помещается обыкновенно от 10 до 20 человек.—Зимние жилища гораздо разнообразнее строением. Вообще они строятся из камня и торфа, строила крыши и столбы, поддерживающие центральную часть крыши, сделаны из дерева. Что касается до внутреннего устройства дома, то проход, ведущий через него, узок и длинен, и, входя в дом, необходимо сначала опускаться, а потом снова подниматься, чтобы достигнуть середины его. Последняя состоит из одного апартамента, только ложи и скамьи для постелей разделяют ее на различные части для отдельных семейств. В каждой ложе имеется особый очаг или лампа из тюленьего жира. Главный проход включает в себе повсюду маленькую боковую комнату для кухни... В прежние времена в более населенных местностях, по-видимому, существовал обычай иметь общественные здания для собраний, особенности по поводу торжеств. Подобные здания продолжают находиться во всеобщем употреблении среди западных эскимосов, о них же говорят и на Лабрадоре; в Гренландии они известны больше по традиции и назывались здесь *kagsee*, тогда как в других округах название их было *kagge*, *karrigi*, *kashim*. Хотя жилые дома строятся обыкновенно более чем для одного семейства, но число таковых редко превышает три или четыре. В южной Гренландии однако встречаются дома более чем в 60 футов длины и содержащие в себе ложи для 10 семейств.

¹ D-r H. Rink, *Tales and Traditions of the Eskimo*, 1875, 7—8.

На мысе Барроу Симпсон нашел около 50 домов с двумя кагги для 300 жителей. Эскимосы вообще могут считаться более оседлым народом, нежели кочевым, хотя столетие тому назад, судя по описанию Кранца, они кочевали больше, чем оставались на местах. Так как дом сооружается и ремонтируется *соединенным трудом*, то едва ли можно сказать, что он принадлежит отдельным собственникам; если бы такие и нашлись, то на них лежали бы одни только тяжести и обязательства без всяких действительных прав владения. Но между главами различных семейств всегда находился один, который был в большем уважении у всех жителей дома, нежели остальные.

У эскимосов¹ редко можно найти деревню без дома для танцев—здания, построенного *соединенными силами* всей общины по тому же самому плану как и жилища, но более обширного и сухого, благодаря поднятию пола на три фута или около того над почвою.

У бурят² каждый улус состоит из нескольких невысоких жердяных загородей, представляющих, большею частью, вид круга или эллипсиса. В каждой такой загороди стоит одна, две, три и более юрт с разными хозяйственными пристройками. В одной из юрт живет старший в семье бурят, старик со старухой, иногда с какими-нибудь сиротами-родственниками. В другой, рядом стоящей юрте, живет сын этого старика со своей женой и своими детьми. Если у старика есть женатые сыновья, то они живут в особых юртах, но все в одной и той же общей загороди по обе стороны юрты отца (буряты часто строят юрты сыновьям, когда последним еще только 12 или даже 6 лет). У всего этого единокровного семейно-родового круга пашни, покосы, утуги, скот, все общее. Все члены загороди работают сообща. Иногда даже обедают вместе. Вообще при всякой «жаренине», при всяком сборе гостей, все соучаствуют, как одна семья. Далее, рядом или вблизи, в другой подобной загороди живут ближайшие родственники главы первой группы юрт, например, его братья со своими семьями, с своим единокровным родом, и тут, опять в одной общей загороди, посредине стоит юрта старшего в роде и по бокам юрты его сыновей. Дальше, в более отдаленных загородах живут более отдаленные родственники, называемые уже «соседями». Таким образом, улусная родовая община, по мере разветвления родовых линий, все более и более расширяется, распадаясь на особые, отдельные загороди или группы юрт, связь которых с центром ослабляется по мере удаления от него. Наконец наиболее отдаленные сородичи обособляются в особый улус, усваивая ту же организацию, тот же строй улусной родовой общины. Но связь между улусами не прекращается окончательно. Вся группа подобных улусов, большей частью лежащих

¹ В. Seemann, Narrative of the Voyage of H. M. Herald, during the years 1845—1851, Lond. 1853, II, 59.

² Соколовский, Экономич. быт, стр. 87, по Щапову.

вблизи друг от друга, представляет из себя целое, один род или, точнее, родовую общину, подразделяющуюся в виде особых генеалогических ветвей на более близкие по связи членов улусные родовые общины, которые на свою очередь состоят из более мелких частей—семей. В кулинканском улусе первого абаганатского рода кудинского ведомства, а также в некоторых других небольших улусах, вместо отдельных юртовых хозяйственных построек, существуют общинные всеулусные: таковы, например, общины всеулусные хлебопекарни, общины кузницы, кладовые или амбары и т. п. Организация не ограничивается соединением отдельных мелких улусов в большие родовые общины; эти последние находятся в некотором отношении в общей федеративной связи друг с другом, которая сказывается в случаях общей нужды.—Рогатый скот, всегда составляющий главный источник жизненного обеспечения пастушеской общины бурят, распределен по улусным дворам более равномерно, чем, например, лошади, козы, олени и пр. В интересах родовой и скотоводческой бурятской общины, побуждаемой инстинктом единокровной социальной симпатии, всегда было, разумеется, возможно равномерное и удовлетворительное обеспечение средствами к жизни, получаемыми от скота,—мясом, молоком, маслом, кожами и пр.

Жилища якутов¹ летом—урсы (род легких конических шатров), зимой—юрты (род хижины из тонких бревен в виде срезанной пирамиды). Вдоль стен юрты устраиваются из лежачих шестов широкие нары, которые служат постелями. По числу шильцов, или, по крайней мере, женатых, нары разгораживаются слегка на несколько отделений досками или лошадиными шкурами. Посредине юрты, ближе к дверям, ставится чувал, род очага или открытого камна с трубою, проведенной в кровлю; в нем беспрестанно горит огонь для тепла и для варения пищи. Вокруг юрты располагаются несколько сараев для коров, которые зимой стоят под крышей и кормятся сеном. Жилища якутов сильно рассеяны: юрта от юрты отстоит в двух верстах и более. Лишь местами, где многолюднее, встречаются стойбища, состоящие из нескольких юрт.

Кроме чума (летнее холодное строение) вотяки² имеют на своем дворе еще особые двухэтажные летние помещения (юкенось), в нижнем этаже которых хранится хлеб и всякая рухлядь, а верхний этаж (азбар кенось) служит также для летнего помещения семьи. Это помещение (азбар кенось) разделено на отдельные маленькие комнатки с нарами (каркась кенось) для каждой брачной пары, где супруги хранят свое добро и куда без их позволения никто не может войти. У вотяков не существует родового раздела; поэтому, если женится сын, то ему

¹ Н. А. Костров, Очерки юрид. быта якутов, «Зап. И. Р. Г. О. по отд. этногр.», VIII, 1878, 261.

² В. Вульфенс, Вотяки, «Вести Европы», сентябрь 1880, стр. 637.

строится только особая клеть на дворе. В том только случае, когда на дворе не находится места, женатый сын устраивает особый двор, но всегда недалеко от своего семейства. Вследствие этого число членов вояцкой семьи всегда велико, — нередко человек до 20 и более.

Жилища островитян Фокса¹ (алеутов) называются «уллоа» и состоят из громадных ям от 100 до 300 футов длины и от 20 до 30 футов ширины. Они покрыты шестами и землей и имеют наверху отверстия, сквозь которые люди опускаются внутрь при помощи лестниц. Внутренность жилища подразделена на части камнями, и человек до 300 иногда занимают одни из этих домов сообща. Кроме лампы в выдолбленном камне, отвечающей любому назначению, — как для варки пицци, так и для освещения, никаких иных очагов не имеется. Вокруг стен этих жилищ многие семейства имеют особые апартаменты, где они спят и сидят за работою; апартаменты эти образуют вогнутые траншеи, вырытые по всей внутренней стороне ямы и прикрываемые рогожами. Летним жилищем алеутов служит судно, перевернутое дном кверху.

Подобные алеутским жилища встречаются и у других американских народов севера, например, у калошей (тлинкиты). Вход — маленькая дверь сбоку. Огонь, горящий день и ночь, занимает обыкновенно середину комнаты. Над ним отверстие, для пропуска дыму, громадных размеров, а по бокам комнаты апартаменты, употребляемые в виде кладовых, бань и комнат отдельных семейств. Главная комната есть общая и отличается большой нечистотою.

У нуткас многие семейства живут вместе в одном доме со стадами грязных собак и детей, причем все спят на рогожах вокруг центрального огня. Дома у нуткас, когда для племени их требуется более одного, правильно расположены по улицам; они различаются объемом, смотря по средствам занимающих их лиц и держатся *сообща*, под управлением начальника. У индейцев, живущих южнее², хижины состоят из тростниковой рогожи, растянутой на шестах. Беднейшие люди и целые племена постоянно живут в подобных хижинах, улучшенных присоединением нескольких беличьих шкур. В то время, как богатые строят прочные дома из досок, вырубленных посредством костяных клиньев, большинство живет в домах наподобие нуткаских и почти столь же *больших*. Эти дома иногда простираются до *нескольких сот футов* длины и разделены на ряд комнат, так как в каждом доме помещается много семейств.

Молодые чинуки, женись, приводили своих жен в дом отца, и, таким образом, многие поколения дружно жили в своих *громадных* жилищах, пока не были вынуждены разделиться, вследствие многочисленности, причем главная власть отпавля-

¹ Bancroft, The Native Races etc., I, 89, 169, 183.

² Ibid., 211, 241, 259.

лась не старейшиной, но наиболее деятельным и полезным членом хозяйства.

У колумбийцев внутренней группы жилища часто *достаточно велики*, чтобы поместить многие семейства, каждое из которых в подобном случае располагается особым очагом на центральной линии длины, причем определенное же пространство отпускается под его вещи, но других подразделений не существует.

На о-ве Ванкувер¹ дома строятся следующим образом: различное число крепких столбов, смотря по предполагаемой длине дома, в 18 футов высоты, вбиваются в землю, и их вершины грубо выдалбливаются для принятия круглого бревна, которое тянется во всю длину здания; подобный же ряд столбов в 5 ф. вышины сооружается тогда параллельно и выше 20 ф. с другой стороны первого ряда; потом более мелкие бревна, достигающие от высшего до низшего ряда столбов, привязываются внизу крепкими веревками из коры кедра, а поперек их помещаются малые столбы, подобным же образом прикрепленные, дополняя остов строения. Дома сильно разнообразятся объемом, иные бывают от 20 до 25 ф. ширины и от 60 до 70 ф. длины... Внутренность многих *больших* домов разделена на отделения тростниковыми рогожами, что дает возможность многим семействам занимать один и тот же дом, и в центре каждого отделения имеется маленький очаг для варки пищи, дым которого выпускается сквозь крышу.

Дома прокозов, говорит Лафито², имеют форму бочки или садовой беседки; ширина их простирается от 5 до 6 сажений, высота соответствует ширине, а длина зависит от количества *«огней»*. На каждый огонь приходится от 20 до 25 футов пространства более, нежели в тех вигвамах, которые имеют от 30 до 40 ф. длины, и в которых имеется только один огонь. На каждый такой *«огонь»* приходится по 4 столба, которые служат основой и поддержкою всей постройки.

Женатый сын часто помещается в вигваме отца и матери³; здесь каждый имеет свое место для сна—*a b b i n o s*, которое занять другому столь же непристойно, как войти в чужую спальню.

Из всех индийских поселений самые интересные, как и самые обширные, суть те, которые принадлежат населению Новой Мексики⁴, к западу от Санта-Фе, в настоящее время обитаемые сунисами, но прежде, без сомнения, принадлежавшие немезам, моквеям и другим племенам, жившим в долинах Челли-Иако, Сиерра-Мадре и многочисленным, платящим подать, туземцам западного Колорадо и Джины. Эта громадная и в настоящее

¹ C. Wilson, Indian tribes (Trans. of the Ethnol. Soc. of London, IV, 286—287).

² Lafitau, op. cit., 8—9

³ Schoolcraft, op. cit., Part II, 63.

⁴ Domenech, op. cit., II, 262.

время пустынная страна была густо населена, как до, так и после завоевания, если можно о том судить по числу пуэблосов (это название часто дается жилищам, городам и деревням этих широт, точно так же, как и их жителям), встречаемых путешественниками между Санта-Фе и 114° западной долготы, что обнимает пространство около 8°. Эти пуэблосы, или индийские города, состоят из каменных строений, наподобие тех, которые встречаются в настоящее время в Соединенных штатах, в Канаде, Орегоне и Колумбии, и представляют большие дома, с двумя крыльями, с прямыми углами и одинаковой вышины и ширины с центром. Эти два крыла соединены вместе полукривой стеной, обнимающей обширный двор, в котором видны одна или несколько цилиндрических построек, называемых *estufas*... Иногда эти *estufas* построены внутри дома, а не отделены от него. Пуэблосы, которые часто доставляют жилище значительному населению, имеют от 2 до 4 этажей небольшой высоты, и, будучи осматриваемы со двора, представляют колоссальную лестницу в 2—4 ступени; ибо каждый этаж имеет террасу, образующую пол лежащего над ним этажа. Ряд широких ступеней дает точную идею о странном виде этих курьезных памятников. Внешний фасад выглядит наподобие весьма высокой стены, пробуравленной маленькими окнами, которые дают свет и воздух внутренности комнат. Нижний этаж здания вообще содержит в себе столько же рядов комнат, сколько имеется этажей в доме; эти комнаты получают свет и воздух сквозь окна во внешнем фасаде, или в фасаде по направлению к двору или, иначе, в крыше. Так как во всем здании нет постоянной лестницы, то поднятие из нижнего этажа в первый этаж совершается посредством деревянных ступеней, в точности схожих с нашими; тот же способ поднятия усвоен из первого этажа во второй и т. д. до верхушки здания. Нижние этажи образуют террасы, на которые семейства собираются отдыхать, болтать или курить, проводя долгие часы в наслаждении *dolce far niente*. Эти террасы или платформы служат также для вешания маиса, растений и всевозможных сортов зимних припасов, которые употребляются в пищу лишь после того, как были продолжительно выставлены на солнце.

В пуэблосах Новой Мексики¹ дома суть общая собственность, и мужчины и женщины одинаково участвуют в постройке их; мужчины сооружают деревянный остов, женщины делают штукатурку, для чего смешивают золу, глину и уголь. Они же изготовляют кирпичи, высушенные на солнце, смешивая пепел с землею и водою, втискивая эту массу в широкие колодцы и подвергая ее действию солнца. Многие дома выстроены из камня на глине. Апартаменты хорошо устроены и чисто содержатся; одна комната назначена для приготовления пищи, дру-

¹ Bancroft, op. cit., I, 534—535.

гая для зернового хлеба и зимних запасов пищи, остальные для спален. На балконах вокруг дверей, открывающихся на них, поселяне собираются болтать и курить. По мнению некоторых, поселяне эти суть потомки ацтеков, что однако не доказано, а скорее верно то, что испанцы за их миролюбие оставили их в покое, и они до настоящего времени продолжают жить при прежних обычаях. Бани, или, как испанцы называют их *estufa*, принимают различные пропорции, соответственно самим публосам. Каждая деревня имеет от 1 до 6 подобных странных сооружений. Громадная подземная комната представляет собою одновременно баню, общую комнату, зал для совещаний, клубный зал и церковь. Она состоит из широкой впадины, крыша которой находится приблизительно на уровне почвы, иногда немного выше, и поддерживается тяжелыми столбами или колоннами каменной работы. По сторонам стоят скамьи, а посередине комнаты квадратный каменный ящик для огня, в котором постоянно поддерживается сгорание ароматических растений.

Следующее сообщение заимствовано из бумаг известного путешественника Сквайра по Новой Мексике и Калифорнии лейтенантом Эмори¹: «В поселении Пимос мы были поражены красотой и порядком сооружений для орошения и дренажа земли. Пшеница, рожь и хлопок представляют жатву этого миролюбивого и умного народа. Во время нашего посещения был сбор жатвы всех родов, и живо показывало, что она была роскошна. Хлопок был собран и помещен для сушки в сарае. Поля подразделены валиками из земли на прямоугольнички от 100 до 200 футов для удобства орошения. Плетни состояли из кольев с переплетом из ивы, и эта особенность представляет пример экономии в земледелии; достойный подражания со стороны мексиканцев, которые вовсе не употребляют плетней... Скота у них лишь немного, и он употребляется на обработку. У них есть несколько лошадей и мулов, которые ценятся очень высоко. Они оказались большими охотниками до меня, которую вели совершенно честно. Капитан Джонсон пишет, что когда его партия пришла в деревню, то спросила хлеба, предлагая заплатить за него. Пимосы дали им хлеба, но платы не хотели брать, говоря: *«хлеб для еды, а не для продажи, берите сколько хотите»*... Вряд ли можно сомневаться, что пимосы суть индийцы, описанные отцами Гарциас и Педро Фонтон, как обитающие на южном берегу Джила, в соседстве с *Casas Grandes*. Они жили в двух деревнях, по имени Утункут и Сутаквизау и описываются этими исследователями, как мирные и прилежные возделыватели почвы. Когда отец Фонт пробовал убедить их в выгодах, какие могли бы произойти для них из учреждения христианских миссий, где индийский альякд управлял бы с строгою справед-

¹ R. G. Latham, The natural History of the Varieties of man, Lond. 1850, 390—391.

ливостью, начальник отвечал, что в этом не было для них никакой надобности. «Мы ведь не крадем», сказал он, «мы редко ссоримся, на что же нам алькад?»—Casas Grandes встречаются в Тараумара (высшая местность Сиерра-Мадре на водоразделе западных потоков Рио-Гранде и Рио-Якви и тех, которые впадают в Калифорнийский залив). Следующее описание одного из этих домов весьма замечательно: здание это сооружено по плану ново-мексиканских, т. е. состоит из трех этажей с террасою над ними и без всякого входа в нижний этаж. Вход—во втором этаже, так что необходимо взбираться по висячей лестнице. Жители Новой Мексики строят дома таким же образом, чтобы быть менее подверженным нападениям своих врагов. Несомненно, что ацтеки имели те же причины сооружать свои дома по этому же плану, так как каждый след крепости, сохранившейся от них, защищался с одной стороны низким возвышением, а с другой стеною около 7 футов толщины, фундаменты которой сохранились до сих пор. В этой крепости можно видеть камни величины мельничных жерновов; стропила крыши из сосны и хорошо сработаны. В центре этого обширного сооружения есть маленькое возвышение, сделанное для стражи и наблюдения за неприятелем. Там же найдено было несколько рвов и множество домашней утвари, глиняных сосудов, горшков, ковшей и мелких стаканов из itetli (обсидиан). Casas Grandes есть одна из немногих развалин, существующих в Мексике, первоначальные обитатели которой, как полагают, пришли с севера... Страна здесь на протяжении нескольких миль покрыта руинами построек, способных к помещению населения, по меньшей мере, в 20 000 или 30 000 душ. Casas Grandes в особенности благоприятны для помещения такого числа жителей. Расположенные на берегу широкой реки, которая периодически наводняет значительную часть низких окрестностей, они окружены вечною зеленью. Есть также развалины водопроводов, и, короче, множество указаний, что прежние их обитатели были люди, которые умели пользоваться выгодами природы и улучшать их при помощи искусства; но кто они были и что случилось с ними, этого сказать невозможно. На южной стороне реки Джилы есть другой образец этих странных развалин; и можно сделать наблюдение, что всюду, где встречаются подобные следы, там окружающая страна неизбежно представляет громадное плодородие почвы и обилие леса и воды¹.

Юнг посетил деревню пойев или пайев на одном из притоков Черной Реки (Гондурас)², относительно которой он дает нам следующий отчет: «Индийская община, к моему удивлению,

¹ Прекрасное описание Casas Grandes в Новой Мексике содержится у Bartlett'a в его «Personal Narratives», и здесь же имеются указания на известия старых и новых путешественников.

² E. G. Squier, The States of Central America, New-York 1858, Ch. XII, 226 и сл.

была помещена в одном большом доме около 85 футов длины и 35 футов ширины, в котором все туземцы жили в совершенно патриархальном стиле. Вокруг были построены ясли, тесно одни около других, разделенные двумя или тремя пальмовыми досками. Каждый из этих апартаментов принадлежал отдельному семейству. С одной стороны дома было отделено место около 10—16 футов ширины и скрыто от взоров зелеными листьями, которые были заменяемы, как скоро вяли. В этом месте держали женщин во время их беременности и несколько дней спустя, пока они снова становились способны исполнять свои разнообразные обязанности».

Во всех этих случаях, мы, по всем признакам, имеем пред собою то положение общества, о котором Морган¹ говорит следующее: «Оно привело бы мать и ее детей в один и тот же род, послужило к устройству общинного хозяйства на основе рода и придало бы роду матери преобладание в хозяйстве. Семейство продолжало бы быть окруженным остатками брачной системы, принадлежащей к более ранним условиям. Подобное семейство, состоящее из брачных пар с их детьми, естественно находило бы себе кров с родственными семействами в *общинном хозяйстве*, в котором различные матери и их дети были бы одного и того же рода, а предполагаемые отцы этих детей другого рода. Общие земли и обработка соединенными силами повели бы к соединенному пользованию *домами* и к коммунизму в жизни, так как гинекократия требует для своего образования наследования в женской линии. Женщины, сосредоточенные таким образом в обширных хозяйствах, снабжаемых из общих запасов, хозяйствах, в которых их собственный род так значительно преобладает в числе, произвели бы явления материнского права и гинекократии, которые открыл и проследил Бахофен, при помощи отрывков истории и традиции».

В Бразилии², если многие семейства живут в одной постройке, то каждое из них владеет тою частью, в которой оно вешает свой ковер и зажигает свой огонь, преимущественно, как собственностью. Здесь, на этом, большей частью, отграниченном на стене колышками участке, предпринимает каждое семейство свои особые дела, в которых его соседи, вследствие врожденной лени, нисколько не заинтересованы. Так как место для огня существенно для каждого подразделения, то бразильский дикарь определяет величину хижины числом мест для огня, подобно тому, как это принято и у североамериканцев. Эти жилища, точно так же, как и хижины *вождя, служащие для собраний*, рассматриваются только как собственность жителей, хотя бы многие семейства, или даже весь род принимал участие в их сооружении. Двери, общие всем отделениям, на ночь пришира-

¹ L. Morgan, Ancient Society, New-York 1877, 343 и сл.

² Marzius, op. cit., 33 и сл.

ются или запираются щеколдами изнутри, в течение же дня стоят открытыми, или в отсутствии жителей запираются при помощи деревянной задвижки, или при помощи обвитой вокруг задвижки бумажной нитки. Это полное доверие к честности соседей, подобие которому мы находим только у скандинавов крайнего севера, представляет прекрасную черту характера американских дикарей. Их заслуга не умаляется тем обстоятельством, что они обладают лишь немногими и вообще легко приобретаемыми вещами. Орудия, украшения из перьев и домашняя утварь суть для них предметы высокой ценности, хотя они и могут приобретать сами почти все эти вещи, правда, не без труда и траты времени. Но что все живут при равных условиях возможного приобретения, что здесь нет богатых и бедных, как в цивилизованных государствах, в этом, повидимому, заключается палладиум индийской честности. И в простом дикаре воспламеняется жажда к приобретению того, что он может добыть только с трудом; лишь исключительно, соблазненный злыми помышлениями, и он также становится вором.

Эррера в своей «Истории Америки»¹ говорит: «Береговые племена Венецуаллы живут в больших домах, столь обширных, что в них вмещается до 160 человек; дома эти крепко построенные, хотя и покрыты пальмовыми листьями и имеют форму колокола».

Когда жителей Антильских островов² просят срубить дерево для сооружения жилища их соседей, то они идут туда все вместе и после двух-, трехчасовой работы они вам набрасывают до 100 шагов дерева в кучу, а потом отправляются пить и кушать весь остальной день и часто всю ночь; но на всякий иной труд они употребляют не более 1 часа в день и то столь лениво, что, кажется, они смеются над делом. Все остальное их время уходит на то, что жены их чешут и разрисовывают, что они играют на флейте и мечтают. Зато на жен взвалена вся работа.

Дома карайбов называются *carbets*³. Один подобный *carbet* имел около 60 футов ширины; он был сделан наподобие залы. Маленькие столбы под ним были 9 футов вышины, большие пропорционально выше.

Бразильские женщины строят легкие дома...⁴ В подобной хижине почти всегда живут многие семейства вместе, и многие хижины вместе называются португальцами *Raucharia*. На одном и том же месте остаются, большей частью, не долго.

Правы и местные условия оказывают сильное влияние на способ постройки южноамериканских жилищ⁵. У перуанцев всякое

¹ I, 216.

² *Du Tertre*, Histoire générale des Antilles, Paris 1667, II, 382.

³ *Labat*, Nouveau Voyage aux isles de l'Amérique, 1722, II, 84.

⁴ *M. Prinz zu Wied Neu-Wied*. Reise nach Brasilien in den Jahren 1815 bis 1817, I, 49.

⁵ *D. Orbigny*, L'Homme américain, Paris 1839, I, 190.

хозяйство имеет свое отдельное жилище сравнительно незначительных размеров; у гарани, у мокеев, гваранисов, чикитов, кроме частных жилищ, в каждой деревне существует обширный общинный дом для приема иностранцев, посетителей, а у последнего из этих народов для молодых людей обоего пола, которые удаляются из своих семейств, чтобы жить вместе до брака.

Басуты южной Африки¹ сохраняют свое зерно в больших соломенных постройках формы церкви, кровля которых непроницаема для дождя. Кафры делают для этого глубокие ямы в оградах, где запираются их быки. Стены этих ям заботливо выравнены. Отверстие, имеющее лишь такой диаметр, который позволяет одному человеку войти и выйти, находится на поверхности земли. Когда подземная житница наполнена, отверстие ее закупоривается герметически и все закрывается толстым слоем глины и земли.

В поселениях народа кимбунда² отдельные хижины или либата укреплены оградой из столбов и рвом вне ограды и всегда сооружаются отдельно, так что между ними остается промежуток в 300—400 сажень. Поселение состоит из большего или меньшего числа таких либат. Каждая либата управляется главою семейства, ее собственником—*sekulu*, а все либаты поселения подчинены *gombe sekulu*, т. е. старейшине. *Libata* последних больше объемом, чем другие. В либате живет 80—160 душ и все они тесно поддерживают и защищают друг друга против общих врагов.

Подобно другим племенам первобытного состояния³, готтенты жили совместно в своих краалях или деревнях, подобно членам одного семейства, держа свою собственность в рогатом скоте и овцах, как род *общего* капитала, на который все имели равные права. Когда отдельное лицо убивало быка или овцу, то убитое животное вызывало общий пир; и лицо, которому оно принадлежало, имело столь же мало пищи на другой день в своем доме, как и любой из его соседей. Те же обычаи продолжают держаться среди кафров, бушменов и намаквов. Если дюжина людей оставляет крааль, чтобы идти на охоту, и только один охотится с успехом, то более счастливый охотник разделяет свой запас с своими менее счастливыми товарищами.

Городской дом или палавер⁴ называется *burgi* и тем отличается от всех других, что он покоится на столбах и не имеет стен, чтобы в нем всегда было прохладно. Вокруг дома внутри сделана земляная скамья, на которой можно садиться и даже лежать. Некоторые из этих домов так велики, что в них помещается от 200 до 300 человек, и здесь производятся все общественные дела, которые жители имеют с своими соседями. Мужчины про-

¹ *Casalis*, op. cit., 176.

² *Magyar*, op. cit., 304—305.

³ *Philip*, *Researches in South Africa*, Lond. 1827, I, 6—7.

⁴ *Winterbottom*, op. cit., 117.

водят здесь большую часть своего времени, болтают между собою и рассказывают местные новости; иностранцы, приходящие в местечко, отправляются сюда и остаются здесь до тех пор, пока им не дадут квартиры. Так как это есть место для всеобщих собраний жителей, то оно напоминает род биржи и объясняет до известной степени первобытный обычай сидеть за воротами города, где, как на самом свободном месте, ведутся все общественные совещания, произносятся приговоры правды и справедливости и держится открытый рынок¹. Тут же при свидетелях и для памяти совершаются и всякого рода договоры. Верхняя часть бурри или палавера служит житницей, в которой сохраняется рис.

У некоторых дайакских племен на Борнео² дома представляют собой не хижины и даже не простые дома обыкновенных размеров. Они помещают в себе от 100 до 200 лиц каждый и построены над почвой, на столбах. Эта форма архитектуры домов важна сама по себе, но важна еще и потому, что она же встречается на Новой Гвинее и была также найдена на Яве.

Общее жилище в Тунгонге (Борнео)³, столь же грубое, как и громадное, простирается до 594 футов длины, и передняя комната или коридор идет во всю длину здания и имеет 21 фут ширины. Задняя часть разделена рогожными перегородками на частные апартаменты различных семейств, и из них 45 отдельных дверей ведут в общий апартамент... Вдовцы и молодые неженатые мужчины занимают общую комнату, так как лишь те, которые имеют жен, имеют право на привилегию отдельного помещения. Пол этого здания поднят над почвою на 12 футов, и способ восхождения—ствол дерева с сделанными на нем зарубками—самая затруднительная и неудобная лестница⁴. Спереди здания расположена терраса в 50 футов ширины, сделанная, подобно полу, из расщепленного бамбука. Эта платформа, кроме обыкновенных жителей, подобно общей комнате, дает прибежище свиньям, собакам, обезьянам и домашней птице, представляя бойкую сцену суматохи и шума. Здесь же совершаются обыкновенно домашние работы, изготовление рогож и т. д.

Некоторые из племен на Борнео⁵ живут в жалких, низких жилищах, покрытых листьями, но большинство домов суть громадного размера, поставлены на столбы и пригодны для помещения от 50 до 200 человек. Безопасность от нападения врагов

¹ Интересно, что совершенно такие же здания для тех же общественных целей встречаются во многих местах Индии, на Малом Иском архипелаге, в Афганистане, на Палауэских островах и на других океанских островах.

² R. G. Latham, op. cit., 168.

³ H. Koppel, The Expedition to Borneo, L. 1846, I, 51.

⁴ Жилища Борнео и Новой Гвинее поразительно сходны с жилищами озерных деревень, открытых в Швейцарии.

⁵ Noor, Notices of the Indian Archipelago, Singapore 1837, 2.

есть великая цель этих построек.—Кампонг¹ баттаков на Суматре может содержать в себе от 100 до 200 человек, одну треть которых составляют дети. Дома внутри хорошо убраны, украшены резною работою и имеют иногда 100 футов длины, *не разделяясь* на отделения внутри: родители и родственники всех степеней живут вместе, если могут согласиться и если здание может вместить их. Вход, запираемый ими на ночь, идет по лестнице в центр дома снизу. С каждой стороны дома имеются широкие окна.

У монгольских горных племен Индии² жилища различной величины, смотря по селениям, состоят или из нескольких домов или только из одного... Длина больших домов простирается от 100 до 160 футов. Разделяются на 12—20 комнат и содержат от 100 до 200 человек. Проход идет с одной стороны, и в него открываются отдельные комнаты.

Согласно показанию комиссара Джемса³, содержащемуся в его отчете о кадастрации Густнугура в области Пешавур, от 17 апреля 1852 года, в некоторых округах этой области существует обычай периодического обмена не только земель, но и *жилиц* между отдельными поселениями и их подразделениями (кунди). То же самое явление подтверждает другой комиссар кадастрации в той же области, Лёмсен, в отчете 17 января 1855 года относительно некоторых селений в округе Юзуфчаль.

Дома сингпосов или каконов на китайской границе⁴ вообще представляют ничто иное, как длинные сараи с крышею из травы и бамбуковых листьев и стенами из расщепленного бамбука. Пол жилища поднят на 3 фута от почвы. Эти жилища иногда имеют до 100 футов длины и подразделены на отделения, розданные различным семействам. По временам можно видеть громадные дома, занимаемые могущественными начальниками (?); дерево этих домов таких громадных размеров и длины, что заставляет удивляться тем, кто мог построить их при помощи одной ручной работы.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на удивительное сходство как способов постройки, так и внутреннего устройства жилищ у самых различных первобытных народов. Океанийцы и южноамериканцы, древние и новые мексиканцы, индийцы и малайцы одинаково сооружают свои жилища общими силами, одинаково разделяют их внутри на семейные апартаменты, оставляя известное пространство общим, одинаково живут в них большими обществами. Мы вовсе не хотим этим сказать, что большие дома представляют неизбежную принадлежность жизни первобытных народов. Но они все же весьма многочисленны, как убедился сам читатель, и, по всей вероятности, являются одною из обширных фаз экономического роста. Любо-

¹ H. Spencer, Descriptive Sociology etc., Tabl. XLI.

² М. Ковалевский, Общинное землевладение, стр. 81.

³ Watson and Kaye, The people of India, Lond. 1868, 1.

⁴ Appendix of the Battas.

пытно заметить, что чрезвычайно грубая раса баттаков на Суматре, как и некоторые южноамериканские и океанийские племена, еще не додумались до подразделения общего дома на отдельные помещения. В самом этом подразделении нетрудно видеть у различных народов целый ряд последовательных ступеней, начиная от особого места в вигваме североамериканца до отдельной комнаты в среднеамериканском или мексиканском пуэбло. Материал для перегородок между отдельными помещениями становится, с повышением цивилизации, все прочнее и непроницаемее, причем совершается постепенный переход от рогож к коврам и кожам, а от кож к дереву и камню, оттеняя таким образом все более и более возрастающие требования изолирования семьи и отдельного лица.

В порядке нашего изложения нам предстоит теперь перейти к краткому рассмотрению вопроса об общих столах, или, что то же, об общении пищи, которое у первобытных народов является естественным последствием совместного добывания ее.

Если в одной местности Австралии, говорит Эйр¹, имеется какая-нибудь особенная разновидность пищи в большем изобилии, чем в другой, или такая, которая может быть найдена только в известной местности, то вообще сюда сходятся все племя, чтобы участвовать в потреблении ее. Если этого нет, то они рассеиваются по своему округу отдельными группами или отдельными семьями. В известное время года, обыкновенно весной или осенью, когда пища наиболее изобильна, несколько племен сходятся в территории одного из них с целью всеобщего праздника, или обмена пищи, одежды, орудий, оружия и прочих предметов, которыми обладает каждое из них. «Я имел неоднократный случай»,—говорит Лессон²,—«находиться среди туземцев острова Уалана (Океания), когда они ели и распределяли пищу, и всегда видел большое число мужчин, обедавших совместно, которым прислуживали молодые люди, съедавшие впоследствии остатки их обеда».

Если кто-либо из охотников-австралийцев³, вопреки всем стараниям, возвращается в стан с пустыми руками, то он занимает свое место при огне, на котором остальные готовят свою пищу, повидимому, не обращая внимания на то, что они делают. Он не обращается ни с каким воззванием к их симпатиям, ни даже с каким-либо намеком на свой неуспех, напротив, шутит и смеется с ними с такою же беззаботною миною, как будто бы у него у самого жарилась на огне лучшая часть кенгуру. По мере того, как трапеза продолжается, сначала один, потом другой, не говоря ни слова и даже не глядя на него, протягивают ему кусок, который он принимает, быстро хватая и без

¹ *Eyre*, op. cit., 218.

² *Lesson*, *Voyage autour du monde*, Paris 1838, II, 497.

³ *Oldfield*, *The Aborigines of Australia*. Trans. of the Ethnological Society of Lond., New Series 1861, III, 271.

всяких знаков признательности. С другой стороны, если охотник имел особенную удачу, то, спрятав свою дичь в каком-нибудь верном месте поблизости от стана, он возвращается к своим товарищам с пустыми руками, как будто бы его охота была вполне неудачна, занимает свое место меж ними и несколько времени молчит о славном деле. Немного погодя, он обращается к кому-либо плохо или вовсе не ужинавшему и говорит ему самым беззаботным образом, чтобы тот принес дичь, оставленную там-то, как будто бы убивать кенгуру или эму было для него делом каждого дня. Товарищ охотно повинуется, и весь род испускает общий крик одобрения, восхваляя его ловкость и охотничье умение над всеми другими черными приятелями прошедшего, настоящего и будущего.

Хотя сношения между туземцами Новой Каледонии, читаем у Де-Роша¹, недостаточно часты от племени к племени, но взамен этого они постоянны между деревнями одного и того же племени и столь близки между жителями одной и той же деревни, что они живут совсем в коммунизме. Большое число молодежи не имеет даже жилища и живет друг у друга. В час, когда опустошаются горшки с пищею, приближается кто хочет, чтобы взять свою долю, никто не помешает ему в этом. Составляет общераспространенный обычай многим семействам иметь общий стол, но с разделением полов, причем дети остаются с женщинами. Новокаледонцы имеют, по мнению автора, инстинкт коммунистической доктрины. Во всяком случае они столь же охотно разделяют собственное имущество, как и жаждут раздела чужого. Нужно сказать в их похвалу, что они обнаруживают при всяких обстоятельствах величайшее великодушие. Автор мог сделать это наблюдение в целой тысяче случаев. Как только давали одному из них подарок, он спешил разделить его с другими, не удерживая за собою непременно большей доли. Но следует прибавить, что в этом отношении они скорее следуют обычаю, от которого не могли бы уклониться, не подвергаясь осуждению со стороны общественного мнения, нежели приводятся в движение чувством сердца, так как, если они могут спрятать обладаемые ими вещи, или что им дано, то они прекрасно воздерживаются(?) от раздела. Как бы то ни было, свободно или обязательно их великодушие, но в связи с непредусмотрительностью оно делает то, что они часто нуждаются в необходимом. Паразиты и ленивцы (чисто европейская точка зрения!) потребляют много и приносят мало. «Вот предвкушение того, что вы хотите дать нам, социальные реформаторы, убивши свободу, заставивши ее бояться, вместо того, чтобы заставить ее любить,—эту дочь небес, переодетую вами в последовательницу ада». При такой горячности темперамента и чувств, суждения и выводы автора

¹ De Rochas, op. cit., 252.

относительно значения общинных порядков быта новокаледонцев следует принимать *cum grano salis*.

Каждые 30—40 человек туземцев Палаузских островов¹ принадлежат к группе, называемой клерббергелль, в которую вступают с малолетнего возраста. Назначение этих групп состоит в обязательном участии в разного рода общественных работах под названием «макезанг». К числу этих работ принадлежат: постройка больших домов, сооружение больших судов, шитье парусов к ним и кручение канатов, ловля большой рыбы, особенно сильных скатов, наконец работы по доставлению припасов и устройству больших *празднеств*, сопряженных с *угощением*... Если кто видит этих людей исключительно в такие дни (например, в дни приготовления к празднествам, вообще, в дни общинных работ), тот вынесет с собою убеждение, что с таким физически сильным и работающим народом можно бы сделать многое. Но их энергия скоро прекращается, и они возвышаются до подобных усилий лишь потому, что этого требуют их старинные обычаи. Всякая работа по их собственному желанию, например, та, к которой хочет привлечь их европеец (т. е. наемная, за ничтожную плату, забыл прибавить автор), очень скоро утомляет их. Они не могут понять, что белые люди, у которых есть все, чего желает их сердце, истощаются в трудах до самого конца жизни, чтобы только накапливать все больше и больше имущества. Сами они совершенно счастливы ежедневным пользованием теми благами, которыми наделила их природа.

Если кто-нибудь из индийцев² голодает, то все члены племени складываются, чтобы помочь ему. Когда у соседей не хватает хлеба, их приглашают поискать такового у себя.

«Наши родственники,—сказал один из старейшин³,—пришли к нам из отдаленной страны, и мы не должны терпеть, чтобы они оставались в нищете среди наших семейств. Все мужчины, один за другим, предложили охотиться для нас и согласились, что каждый отдаст нам часть того, что убит сам. Мы были снабжены пищею столь же хорошо, как и остальные охотники, так что в случае недостачи собственной дичи мы наперед были уверены в получении части добычи наших друзей». Первый медведь, убитый молодым охотником, служит для угощения всех соседей, по обычаю индийцев. Тот же обычай по отношению к тюленю существует у гренландцев.

Если кому-нибудь из камчадалов⁴ нужна вещь, которая есть у соседа, он идет к нему, хотя, быть может, вовсе его не знает, и излагает свою потребность без всяких церемоний. Подчиняясь

¹ *Semper*, Die Palau-Inseln, 35 и сл., 93.

² *Perrot*, Mémoire sur les mœurs etc. des sauvages de l'Amér., Septentrionale 1864, 70—71.

³ *J. Tanner*, Mémoires ou trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord. Paris 1835, I, 62.

⁴ *Kracheninnikof*, Histoire de Kamtschatka, II, 99.

обычаем страны, владелец дает ему все, что он у него просит. В случае нужды последний возвращает просителю визит и, в свою очередь, берет у него, что требуется; таким образом, каждый имеет все, что ему нужно.

У эскимосов¹ от каждого тюленя, пойманного на зимней станции в течение сезона их пребывания в зимних домах, между всеми жителями места распределялись небольшие куски мяса с соответствующим количеством жира; в случае недостатка мяса для столь большого числа лиц, жильцы общего дома получали свою долю первые. В подобных случаях не пропускали никого, и, следовательно, самый бедный не мог нуждаться в пище, пока вообще была достаточно обычная ловля тюленей. Кроме этого общего распределения, всякий, убивающий первого тюленя, приглашал остальных разделить с ним трапезу. Однако следует заметить, что когда население места превышало известную цифру, или когда тюлени бывали в большом изобилии, это распределение мяса и жира, вероятно, ограничивалось только несколькими ближайшими домами или родственниками. То же самое утверждал сто лет тому назад и Кранц², прибавляя: «никто из них, даже самый бедный, никогда не попросит есть; да в этом, впрочем, нет надобности, так как гостеприимство соблюдается во всей стране как относительно знакомых, так и незнакомых».

У лопарей³, где семья состоит из нескольких братьев или племянников, там хозяйство у каждого свое, и имеют они только общий стол; иногда же имеют все общее, до тех пор, пока не заметят за кем-нибудь утайки из заработка; лишь заметят, тотчас начинается дележ.

У бурят⁴ все члены одной загороди не только работают сообща, но иногда и обедают вместе. Вообще, при всякой «жаренине», при всяком сборе гостей, все соучаствуют, как одна семья. Если в какой-нибудь юрте закалывают барана, готовят жаренину, то буряты всех соседних одноулусных юрт могут не стесняясь идти сюда как на общую трапезу: хозяева делают мясо всем по равным кусочкам, жир по равным частикам.

У южноамериканцев⁵ в обеде принимают участие жители хижины, почти так же, как и каждый сосед или родственник, находящийся в наличности; каждый, без соблюдения ранга, отрезывает себе при этом кусок жаркого и садится с ним в углу хижины или под тенью дерева, вдали от огня и отдельно от других.

¹ *Pink*, *Tales and Traditions of the Eskimo*, 1875, 27.

² «*Historie von Grenlande*», 1770, II, 222.

³ *А. Я. Ефименко*, Юрид. быт лопарей, «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», 1878, VIII, 14 и сл.

⁴ *Сokolовский*, Экономич. быт, § 7 и сл. (по Шапову).

⁵ *I. Philip*, *Researches in South Africa*, Lond. 1827, I, 6—7.

Когда отдельный готтентот¹ убивает быка или овцу, то убитое животное вызывает общий пир; и лицо, которому оно принадлежало, имеет столь же мало пищи в своем доме на следующий день, как и любой из его соседей. Те же обычаи применяются среди кафров, бушменов и намаквов. Если дюжина людей оставляет крааль, чтобы идти на охоту за дичью, и только один имеет успех, то счастливый охотник разделяет свою добычу с менее счастливыми его сотрудниками по охоте.

Племя каминкоев² в южной Африке явилось навестить лагерь Ле-Валльяна. У него не было на всех водки, и потому он предложил по стакану только начальнику и тем, кто, по внешнему виду и возрасту, казался ему более других достойным уважения: каково же было его удивление, когда он заметил, что они удерживали жидкость во рту, не проглатывая ее, а потом все приблизились к своим товарищам, не получившим ее, стали переливать ее изо рта в рот, подобно тому как птицы небесные кормят друг друга из клюва в клюв.

Было бы утомительно и бесполезно цитировать сплошь ряд описаний общего потребления пищи и напитков и особенно частых пиршеств, который содержится в многочисленной литературе путешествий. Сказанного достаточно для того, чтобы составить себе приблизительно точное понятие о степени распространения этого обычая. Выше мы уже упоминали, что, согласно исследованиям Виоле, общие столы имели весьма значительное распространение и у древних³, и следовательно представляют институт, который столь же неизбежно связан с известными состояниями экономической культуры, как и пользование общими жилищами, сетями, судами и пр.

¹ *Spix und Martius, Reise in Brasilien, Münch. 1823, I, 389.*

² *Le Vaillant, Premier Voyage dans l'intérieur de l'Afrique, Paris 1819, II, 115.*

³ Следы подобных учреждений встречаются также у китайцев: «Увековечение семейств в Китае через усыновление в случае отсутствия наследников», говорит Фр. Дэвис (*China, A General Description of that Empire, L. 1857, 344*), «не менее способствует густоте народонаселения, как и способ, при помощи которого эти семейства живут и поддерживают свое существование. Это универсальная система скопления населения по наиболее экономическому плану. Император замечает в своих священнических инструкциях, что «некогда под одною кровлею жили девять поколений; и что в одном семействе Чанг-ци Кчанг-гоу *семью человек* разделяло ежедневный *стол*. Таким путем все, имеющие общее имя, должны удерживать в памяти свое общее происхождение и родство. Права родства вследствие этого укрепляются и становятся обязательными, и поддерживаемая, кроме того, общественным мнением семейная собственность имеет назначением давать средства существования наибольшему числу лиц».

ГЛАВА V

Гостеприимство. — Дарение. — Случайный и изменчивый характер труда и потребления. — Отсутствие способов сношений.

От рассмотрения общего потребления пищи и напитков нам предстоит непосредственный переход в оценке того значения, какое имеют в экономической жизни первобытных народов гостеприимство и дарение.

Что такое гостеприимство? С первого взгляда подобный вопрос может показаться странным. Кому же неизвестно, что гостеприимство есть одно из лучших свойств нравственной природы человека, — добродетель, которую можно поставить наряду с величайшими заслугами личности по отношению к своим ближним. И при всем том, подобный взгляд на гостеприимство имеет чисто европейское происхождение. Только в Европе, и нигде более, гостеприимство признается добродетелью, т. е. такою нравственною, а не юридическою обязанностью, которая обнаруживает в человеке широкую натуру, которая, следовательно, далеко не всякому под силу. Неудивительно поэтому, что европейские путешественники, посещающие какую-либо неевропейскую страну, поражаются всеобщим распространением столь ценной добродетели и воздают за нее хвалу народам, находящимся на ранних ступенях развития. Между тем, у этих народов гостеприимство совсем не добродетель, а логический вывод из общественной организации труда. Добродетелью гостеприимство становится лишь в той стране, где общественное разделение труда обособило интересы и провело резкую черту между «моим» и «твоим».

Там же, где господствуют общинный труд и общинное потребление, гостеприимство есть простое общение имущества. В высшей степени характерно то, что обычай гостеприимства, составляющий для европейского общества род упорного переживания старого общественного устройства, возводится им в добродетель, между тем как противоположное качество человеческого характера, составляющее плоть от плоти и кровь от крови новейшей общественной организации, признается за порок. По нашему мнению, единственное правильное объяснение такой живучести инстинктивных чувствований и ассоциаций идей,

основанных на унаследованном опыте общинно-родового быта может заключаться только в том, что основы этого последнего с течением времени испытали одно только формальное преобразование, которое оставило нетронутым их внутреннее содержание.

На указанное нами свойство гостеприимства у первобытных народов впервые обратил внимание, если мы не ошибаемся, остроумный писатель Отг¹. «Всякому известно(?),—говорит он,— что первобытные народы, те, которых называли дикарями или варварами, не знают недвижимой собственности. Всякое племя, правда, приспособляется к территории, где оно основалось; но, занимая почву, оно только владеет ею, не приобретая собственности на нее. Не останавливаясь долго на одном месте и снимая свои шатры, чтоб отправляться на разыскание новых очагов, оно в то же время покидало все права на территорию, занимаемую прежде. Племя представляло лишь большую семью; в ее среде не происходило никаких подразделений земли. Самое большее, что определялись у земледельческих племен те участки, которые отдельные семейства должны были обрабатывать каждый год. Но эти переделы не имели ничего постоянного, они возобновлялись периодически и не влекли за собою никакой индивидуальной собственности. Еще замечательнее, что сама движимая собственность долгое время остается неизвестною в течение первого возраста человечества. Правда, у первобытных народов встречается индивидуальное владение, но это владение теряется вместе с занятием, оно подчинено общему владению племени, оно принадлежит всем членам племени почти столько же, как и самому владельцу вещи. Еще в последнее время католические миссионеры, пропагандирующие христианство на островах Дружбы, сообщили столь же новые, как и любопытные факты относительно общения имуществ, господствующего на этих островах, и которое европейские путешественники описывали под именем гостеприимства. Они познакомили нас также с экономическими результатами этого учреждения, которых они сами бывали жертвою. Именно этому отсутствию идеи собственности следует приписывать и привычку к воровству, в котором столько упрекали дикарей. Овладевая собственностью других, эти первобытные люди не думают нарушать право, о котором у них нет и идеи. Подобные же обычаи встречаются и у варварских народов всех частей света. Права германских рас, завоевавших Римскую империю, показывают, что и у этих народов собственность также была неизвестна. У них учреждение, заменявшее ее, есть право охраны, покровительства, обычай, *gewere* по-немецки, *saisine* во французском обычном праве. Племя вверяло воину его оружие, земледельцу его скот и его орудия труда, женщине ее хозяйственную утварь. Из этих

¹ М. А. Отг, *Traité d'économie sociale*, 1851, 211—213.

учреждений рождалась *saïsine*—право охраны, имевшее очень много отношений с владением и очень мало с собственностью».

Вот что говорит миссионер Калинин¹ о гостеприимстве на островах Дружбы. «В целом пища в этой стране так редка, что я и мои собратья полагаем, что короли ее считали бы себя богачами, если бы могли иметь каждые сутки такой обед, какой имеют во Франции из картофеля. Если такова участь королей, то вы поймете, какова должна быть участь народа. Голод действительно есть наибольший его бич, и мы убеждены, что он сокращает жизнь большого числа канаков. Эта крайняя бедность океанских народов происходит не от скупости природы; во Франции нашлось бы не много земли, если еще нашлось бы, похожей на здешнюю по плодородию... Эта бедность и это состояние обычного голода суть результаты лени и гостеприимства, которое вырождается в спoliaцию. Лени заходит у туземцев так далеко, что они спят половину своего времени, а остальное проводят сидя, даже если обрабатывают землю. Их никогда нельзя видеть на нoгах, разве когда они идут куда-либо, и никогда они не делают шага с простою целью прогуляться. Если вы войдете в какой-либо дом, вы найдете всю семью без дела, и очень часто спящею. Просыпаются, чтобы принять вас, но встают не всегда, или ложатся до окончания визита. Если они приходят к вам с визитом, то им часто случается лечь у вас и даже заснуть до утра (то же самое рассказывает Землер про жителей Палаузских островов). Признать это неудобным значило бы желать прослыть за плохо воспитанного человека. Если вас избавляют от сна, то, по меньшей мере, вам говорят уходя, что идут спать, и, следуя хорошему тону, вы должны ответить, что это хорошо. Обычная формула вежливости при встрече с кем-либо—*ma lo e mo he*—здорового сна!

«Гостеприимство, помещенное у нас в ряду христианских добродетелей, не заслуживает здесь этого имени; так как, не говоря о том, что его нет в сердце, оно очевидно противоположно благосостоянию общества и влечет за собою целый кортеж пороков, имеющих во главе ту неизлечимую лень, о которой я говорил выше. Правда, что оно *делает* из этих больших населений *одно семейство*, что оно даже *соединяет один остров с другим*; но это семейство почти не похоже на те, о которых говорится в деяниях св. апостолов. Это обширная община, где всякий имеет право брать и где никто не дает себе труда приносить. В действительности это менее гостеприимство, чем всеобщее нищенство, разрешенное идеями страны, или, если желаете, право жить на счет других (кто же эти другие, если *все* живут таким образом?). Дома, съестные припасы, животные, дети, любые предметы, хотя и считаются принадлежащими отдельным собственникам, в действительности образуют общую собствен-

¹ «Annales de la Propagation de la Foi», Sept. 1846.

ность. Человек, например, строит дом для себя и для своей семьи, другой желает поместиться в нем и может сделать это в силу права гостеприимства. Кто приготовляет себе обед, тот обязан разделить его со всеми, кто явится, и если число ртов окажется слишком велико, то никто иной, как он же, должен поститься. Вы собственник известного предмета; но стоит кому-нибудь взглянуть на него, и с этой минуты зритель приобретает его; вы должны предложить ему таковой, извиняясь, что даете мало, и ваше предложение никогда не встретит отказа. Отец, мать имеют детей: их просят у них, нужно их уступить (?), и так далее во всем остальном. Все это происходит повседневно, при первой встрече, на дороге, в собраниях, с удивительною любезностью и вежливостью.

«Вот что практикуется между равными; относительно начальников необходимо сделать маленькое дополнение. Эти последние решают вопрос о жизни своих подданных, которых они могут убить по произволу за проступки, заслуживающие среди нас лишь легкого выговора, и хотя религиозные идеи уже сильно смягчили даже у неверных этот жестокий деспотизм, но со времени моего приезда на о-в Тонга было несколько случаев такого рода. Эти начальники располагают трудом своих людей, употребляя их на своих плантациях и лодках; понятно, что рабочие возвращаются вечером с постным видом в свои дома, где они ничего не находят съестного. Женщины и девушки суть собственность начальников, которыми они располагают, частью для самих себя, частью для иностранцев, которым они их продают или отдают.

Вы, быть может, подумаете, что такой порядок, окрещенный европейцами именем гостеприимства, что такой порядок, говорю я, как бы недостаточен он ни был, все-таки имеет то хорошее, что он удовлетворяет потребностям слабой части общества. Нисколько, мой почтеннейший отец; при господстве этого закона, который только и состоит, как я упомянул выше, в обязанности давать, хотя и с сожалением, тому, кто является с просьбою, но нисколько не обязывает подавать помощь тем, которые не могут притти,—больные и старики остаются в совершенно покинутом положении; последние минуты их жизни ускоряются голодом».

Автор несомненно усиливает краски, частью, под влиянием европейской точки зрения и не отдавши себе ясного отчета в природе общественно-экономической организации жителей островов Дружбы, частью, навязывая туземцам те пороки, которыми они обязаны никому иному, как европейцам. В первом отношении автор относится с порицанием к факту всеобщего гостеприимства, потому что не понимает, что, за отсутствием разделения труда, все туземцы островов составляют одну неразрывную общину производителей, добывающих свое пропитание у богатой плодородием природы за самое неболь-

шое количество труда. Малейшего размышления достаточно, чтобы признать в подобном обществе общение движимого имущества вполне необходимым и естественным учреждением. Строго говоря, у туземцев не было гостеприимства, потому что все были хозяевами и никто не был гостем, следовательно и принимать было некого. Дальнейший упрек автора тоиганцам, что они дарят своих детей, опять-таки вытекает не из чего иного, как из непонимания туземного родства, на основании которого всякое дитя и без всякого усыновления имеет множество матерей и отцов. Еще более неправ автор, когда он мучит людей работой и продает их жен и дочерей иностранцам. Все это прямой результат влияния самих иностранцев, которые всюду в первобытных странах усиливают власть начальников в ущерб большинству народа, чтобы лучше эксплуатировать с их помощью этот последний.

В обычаях сандвичан¹ преобладало большое гостеприимство. Подарки делались столь щедро, что существовало почти общение имущества, и никто не отказывал в пище своему злейшему врагу, если тот пришел к нему в дом.

Народы Новой Каледонии, как и все океанийцы, которых мы знали до настоящего времени², отличаются большим гостеприимством, которое делает то, что все у них есть общее. Этот обычай кажется очень хорошим, но в действительности он имеет довольно печальные последствия, потому что поддерживает эти народы в невероятной лени, заставляя их рассчитывать на ресурсы остальных (чьи же?). Они никогда не откажут ни в чем, хотя бы это было преступление (?); они сопровождают даже свой подарок лестными словами, но в глубине души они предаются сожалению (?), что не могут поступить иначе.

А вот результат утраты гостеприимства. В прежние времена, говорит Гохштеттер³, прославляли гостеприимство маори, рассказывая черты их благородства и великодушия, но в настоящее время подобных вещей слышно мало. «Юная школа» маори мало о чем заботится кроме денег «ракеһа». Печальнейшие доказательства ухудшения нравов и характера туземцев при сношениях с европейцами представляют в большом числе города в свойственном им классе городских маори. Слишком гордые или ленивые, чтобы наниматься на службу к европейцам и правильной работой добывать себе средства существования, они бродят по улицам и трактирам, являясь физически и морально испорченными пролетариями, которые становятся тяжестью для европейцев и ужасом для своих соотечественников. Таким-то

¹ *Javres*, op. cit., 33—34.

² *Rougeyron*, *Mission de la Nouvelle Calédonie* (*Annales de la Prop. de la Foi*, XIII, 1846), 406.

³ *Hochstetter*, op. cit., 467 и сл. См. также *Diffenbach*, *Neu-Zealand*, 26—27.

образом вся европейская цивилизация и колонизация, несмотря на некоторые выгоды, принесенные ею туземцам, действует на этих последних, как медленный яд, который разъедает их внутреннюю жизнь, подобно другому яду, ввозимому сюда, вместе с эпидемиями, не только китоводами и торговцами, но и всяким европейцем. Навиность нравов исчезает перед формальностями цивилизации. Гостеприимный дикарь становится расчетливым и себе на уме торговцем, наша одежда делает его беспомощным, наша пища делает его больным. Свежей и полной жизненной силе, с какою распространяется и расширяется англо-саксонская раса, противостоит маори, как более слабая сторона, а поэтому в борьбе за существование он выдергивает жребий смерти. Сами маори говорят: «так же точно, как трилистник убил папоротник, европейская собака—собаку маори, как крыса маори была уничтожена крысой пакега, точно так же постепенно и сам наш народ будет вытеснен и уничтожен европейцами».

Система общего интереса в собственности каждого, говорит Тернер¹, о которой мы упоминали, держится среди самоанцев с великою прочностью. Они чувствуют выгоды этой системы, когда отправляются путешествовать. Не только расходы на построение дома, но и каное, штрафы, приданое и всякие другие надобности покрываются упомянутым способом (см. выше о сооружении дома). Они считают себя в праве получить жилье всюду у своих друзей и оставаться в нем подолгу. Тот же обычай дает им право просить и занимать друг у друга на всякую сумму. Каное, орудия, украшения, монета—все это охотно сужается одним другому, соединенному с первым в одно племя или в один клан. Человек не может вытерпеть, когда его назовут скудным или нелюбезным. Если у него есть то, о чем его просят, то он или отдает просимое, или прибегает к худшему выходу сказать ложь, что у него нет этой вещи, или что он уже отдал ее другому. Эта система общей собственности составляет тормоз для энергического человека и подобно раку подъедает корни индивидуального или национального прогресса. Как бы сильно ни был молодой человек расположен к труду, он не может сохранить для себя своего заработка: все скоро выходит из его рук в общее обращение. Единственная вещь, которая примиряет отчасти с этой системой, пока она не уступит место индивидуальной независимости более передовой цивилизации—это тот факт, что при таком состоянии вещей у них нет никаких законов о бедных. Больной, старик, слепой и даже бродяга всегда имеет дом и очаг, пищу и одежду, насколько, по его мнению, он нуждается в этом. Иностранец может с первого взгляда подумать, что самоанец есть бедняк из бедняков, но, проживя десять лет с этим самоанцем, он не будет в состоянии втолковать ему, что такое есть действительная бедность в европейском смысле этого слова. «Как же

¹ G. Turner, Nineteen Years in Polynesia, Lond. 1861, 258 и сл.

это»,—всегда скажет он,—«нет пищи? Разве у него нет друзей? Негде жить? Где же он рос? Разве нет жилищ у его друзей? Разве у вас люди не имеют никакой любви одни к другим?»— Самоанцы народ скорее земледельческий, чем промышленный. Вдобавок к их собственным потребностям, их гостеприимный обычай щедро и безвозмездно удовлетворять потребности посетителей со всех концов страны привлекает на их плантации большой наплыв публики. Тот факт, что партия дикарей может путешествовать от одного конца территории своего клана до другого, не сделавши ни пени расхода на помещение и пищу, является поощрением к экскурсиям ради развлечения, дружеским визитам и всякого рода путешествиям. Едва ли проходит день, чтобы в деревенском доме для гостей не было нескольких чужестранцев на продовольствии всех семейств окрестности.

Если одна партия голодных южноамериканцев¹ встречается с другою, у которой съестные припасы еще не вполне истощены, то последняя разделяет с вновь пришедшими то немного, что у нее остается, не ожидая, чтобы ее об этом попросили, хотя подвергается через это той же опасности погибнуть, как и те, кому она помогла с такою гуманностью и величием души. В Европе в подобных случаях мы нашли бы мало расположения к столь благородной и великодушной щедрости.

Жители Гвианы² строго соблюдают гостеприимство. Когда иноземец входит в жилище индейца, он уверен, что будет принят им наилучшим образом и по его желанию. Перед ним будет поставлена пища, напиток «казири», если нет «панвари», и ему будет оказана всякая любезность, если он сам ведет себя вежливо и пристойно. Правда, что индеец считает и себя самого в праве рассчитывать на подобный же прием, но это не более, как справедливость. Они очень охотно посещают своих друзей на большом расстоянии. Расчищая и засаживая свои поля, они рассчитывают на снабжение в течение 12 месяцев. Посещая своих друзей, они отсутствуют, быть может, около 3 месяцев в году; но от этого ничего не выигрывается, так как друзья наверное отплатят им собственным визитом. Таким образом отдаленные семьи сохраняют между собою связь и поддерживают обширное знакомство со странюю.

Якатек (житель Юкатана) щедр и гостеприимен³; никто не входит в его дом, кому он не предложил бы немедленно пить и есть,—днем супа или обычного напитка, ночью—своего обеда. Если у него нет у самого, то он пойдет поискать в соседстве; если на пути к нему присоединятся люди, то он со всеми разделит то немного, что у него есть.

«На другой день»,—рассказывает Таннер⁴,—«пришел моло-

¹ Lafitau, op. cit., 90.

² W. H. Brett, The Indian Tribes of Guiana, New York 1852, 76.

³ Diego de Land, op. cit., 111.

⁴ Tanner, op. cit., 160.

дой индеец с кожей бизона, только что приготовленной, и прекрасною парю новых мокассин. Он рассказал, что дорогой был ласково принят в вигваме криков (чужого племени), которые его не понимали, но дали поутру шкуру, на которой он спал, и мокассыны. Это гостеприимство весьма обыкновенно среди индейцев, которые не имели *никаких сношений с белыми*, и это есть первая добродетель, которой старики обучают детей в своих вечерних беседах с ними.

Гостеприимство камчадалов чрезмерно¹ и доводится до крайности,—до того, что происходит соперничество из-за него. Они ходят друг к другу в гости и живут по месяцу и по шести недель, пока великодушный хозяин, видя свой запас провизии истощенным, не делается вынужден дать своему гостю намек отправляться во свояси. Это исполняется при помощи подачи ему за обедом блюда, называемого «толкутой», составленного из множества мяса, рыбы и овощей, смешанных вместе и весьма трудного приготовления. Это *le dernier gessort* хозяина дома, и в момент, когда подается это блюдо, гости понимают намек и на следующий день уезжают, не выражая ни малейшего неудовольствия, так как этот образ действий понятен между ними.

«Как на пути туда, так и на обратном пути, камчадалы² принимали нас в своих жилищах весьма дружелюбно и угощали с большою сердечностью. Они дарили нам куропаток, рыбу, ягоды, корни в большом количестве».

Буряты³ помогают друг другу в нужде, в несчастии, в сиротстве и т. п. Во всех улусных общинах безродные сироты, бедные ходят по юртам, как по своим родным жилищам, и находят там приют и пропитание. Они могут сами без всякого спроса взять, что увидят в юрте съестного, и родичи-одноулусники за это не гонят, не попрекают их. Если в какой-нибудь юрте закалывают барана, готовят «жаренину», то буряты всех соседних одноулусных юрт могут не стесняясь идти на жаренину, как на общую трапезу: хозяева делают мясо всем по равным кусочкам, жир по равным частичкам. «У братских бурят»,—говорил один манзурский крестьянин Шапову,—«все по-нашему, все артелью; ломоть хлеба разделят всем по равным кусочкам, кто бы ни случился в улусе, мясо делают всем».

Киргиз⁴, отправляясь в дальнюю дорогу, если только есть на пути аулы, никогда не заботится о том, чтобы брать с собою припасы: мало того, что его всюду накормят, но в случае, если бы он не заехал во встречный аул хоть на минуту, почтут это за недоброжелательство, если это знакомый; чужого же,

¹ P. Dobell, Travels in Camtshatka and Siberia, Lond. 1830, I, 82.

² Sarytscheff. 1-er Theil, 180.

³ Соколовский, Эконом. быт, 92. Ссылка на статью Шапова.

⁴ Красовский, Материалы для геогр. и статист. России. Собр. офиц. генер. штаба, ч. 1-я, 1865, 391—392.

который едет мимо и не останавливается, почтут просто за баранча.

Путешественник, проезжающий по якутским пустыням¹, найдет в каждом жилище радушиное гостеприимство и готовность поделиться с ним, чем только богаты хозяева.

В Болгарии² богатые семьи часто строят в общее пользование колодец или мост, который и называется по их имени: Попов колодец или Шатов колодец (тот же обычай в Турции и Крыму). Или сажают на общую пользу фруктовое дерево, иногда даже на чужой земле, что не умаляет общего права на плоды его. Всякий путник может войти в чей угодно виноградник, наестся там плодов и даже увести с собою столько, сколько можно захватить в руку; односельчанам однако не дозволяется пользоваться этим правом в виноградниках друг у друга, так как каждый имеет свой собственный виноградник и огород, и это стеснение права собственности сделано только для одних странников.

Исландцы³ отличаются своим чрезвычайным гостеприимством. Хотя и нет более в обычае того, чтобы давать чужеземцу, при отъезде, богатые подарки, но тем не менее всюду гость уверен в лучшем приеме, без всякой надобности в рекомендации или в чем-либо подобном; хозяин постоянно седлает свою лошадь и сопровождает едущего иноземца на значительное расстояние от своего дома.

На Индийском архипелаге⁴ гостеприимство есть добродетель, практикуемая повсюду. На Яве путешественник нигде не может быть в потере. Обычай страны делает для яванца вопросом чести снабдить иноземца пищею и всем нужным, по крайней мере, на день и на ночь. Насколько естественно гостеприимство в их приемах, видно из того, что применение его выросло в установившийся обычай. Оно распространяется и на европейца, и последний может наверное рассчитывать найти простой, но искренний прием, который представляет приятную противоположность бессердечному и отталкивающему отчуждению при тех же обстоятельствах среди туземцев Индии. (Англичане в Индии завоеватели-начальники, а на Яве нет. Путешественник Кларке рассказывает совершенно подобный же пример различия в обращении крымских татар с иностранцами и с русскими, особенно с военными).

В западной Африке гостеприимство всеобщее. По словам Винтерботтома⁵, изъездив всю страну вдоль и поперек, он не

¹ Костров, Очерки юрид. быта якутов. Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр., VIII, 1878, 265.

² Майнов, Юрид. быт болгар (по Богиничу). Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр., IV, 1871, 600.

³ Helms, Island und die Isländer, Leipz. 1869, 116.

⁴ J. Crawford, op. cit., I, 53.

⁵ Winterbottom, op. cit., 275.

помнит случая, когда бы, будучи не в состоянии двинуться дальше от голода, жары или усталости, он не был встречен в деревне с радостью и с всевозможным гостеприимством. Тотчас же приносили ковры и убеждали его и его друзей отдохнуть на них. Если это было время еды, то им предоставляли свободный выбор—или садиться без церемоний за общий стол, или подождать, пока будет изготовлено что-нибудь лучшее.

В стране кафров¹, если придет человек десять голодных, то даже из самого жалкого обеда уделяется каждому равномерная доля; кусок мяса переходит изо рта в рот; каждый кусок дают попробовать каждому, причем каждый благодарит за то, что получил. Когда они убивают штуку скота, соизыаются все люди из близкого соседства, и мясо потребляется сообщца, что в случае большого числа гостей часто совершается в один день. Кто бьет скот только для себя и сам ест свою говядину, того они называют вором, ибо воры украденное мясо также съедают тайне. Чужеземцы всегда находят у них даровой приют и еду, и путешественники никогда не берут с собою постыдных припасов на дорогу.

В юговосточной Африке² путешественник, проходящий деревней в час обеда, входит без церемонии в первый попавшийся дом и встречается здесь с радостью. Хозяин дома угощает его как может лучше, и когда тот отдохнул, он провожает его по дороге. Миссионеры часто пускались в путь без провизии и без товаров, за которые могли бы приобрести себе ее; повсюду их принимали радушно и не давали терпеть нужды ни в чем. Когда негр замечает, что у гостя нет аппетита, он ищет лучший кусок на блюде, откусывает от него и отдает остальное гостю, говоря: «кушайте по моему слову». Эта вежливость очень далека от наших нравов, но она в природе вещей: мы видим, как двое маленьких детей угощают друг друга в саду плодами, к которым они предварительно прикладывают собственные зубы.

Несчастный Мунго-Парк³, павший жертвою предательства негров, тем не менее, посылает их гуманности и гостеприимству следующий громкий дифирамб: «Я не могу забыть самого бескорыстного милосердия, самой мягкой заботливости, с какими эти добряки негры, начиная от короля Сего и кончая бедными женщинами, которые в разные времена принимали меня в своих хижинах умирающим от нужды,—сочувствовали моему несчастью и помогали моему спасению. Я, впрочем, обязан представить это свидетельство более специально в пользу женщин, чем мужчин. Последние принимали меня иногда хорошо,

¹ *Döhne*, *Das Kafferland* etc., 32.

² *A. Prooyart*, *Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes de l'Afrique*, 1776, 73.

³ *Mungo Park*, *Voyage dans l'intérieur de l'Afrique, fait en 1795*, 96 et 97. Paris, an VIII, T. II, p. 5 et suiv.

иногда же очень худо: это различалось смотря по особенному характеру тех, к кому я обращался. В некоторых случаях жесткость, порожденная скупостью, в других ослепление фанатизма закрывали всякий доступ жалости. Но со стороны женщин я не помню ни одного примера жесткости сердца. Во время моей величайшей нищеты и во всех моих путешествиях я их постоянно встречал добрыми и сочувствующими и могу сказать справедливо, как уже сказал раньше мой предшественник Лейдиард: я никогда не обращался вежливо и дружески к женщине, без того, чтобы не получить от нее вежливого и дружеского ответа. Когда я был голоден и имел жажду, когда я был вымокши или болен, они не молили, как мужчины, сделать великодушное дело. Они приходили ко мне на помощь с такою открытостью и добротой, что когда я хотел пить, то предлагаемый ими мне напиток принимал от этого особенную сладость; когда я был голоден, то самая грубая пища казалась мне превосходным блюдом. Эти доброта и снисходительность особенно сильно развиты у них к своим родственникам и детям.

Правда, подобное гостеприимство, в отношении не только к родичам и единоплеменникам, но и к случайным чужеземцам, как доказал пример самого Парка, не мешает иным первобытным народам догонять этих последних за пределами своей общины, убивать и грабить их. Но такова уже нравственность изолированных племен. В подобном образе действий обвиняют особенно черкесов и курдов. Об афганцах Эльфинстон¹ говорит следующее: «Покровительство, оказываемое обычаями гостеприимства, не простирается за пределы афганской деревни, или, по меньшей мере, племени; и были несомненно примеры, что хищнические племена угощали путешественника и отпускали его с подарками, и все же грабили его, догнав его после того, как он выходил из-под их покровительства... В своем обращении с иностранцами они обнаруживают смесь симпатии и равнодушия, великодушия и жадности».

Иными словами, первобытные народы гостеприимны между собою и по отношению к тем, кого могут считать своими временными друзьями, гостеприимны к кругу общинного труда, и утрачивают гостеприимство на границе этого круга, где начинается территория врага. Но так или иначе, а гостеприимство оказывается одинаково свойственным охотничьим и рыболовным, кочевым и земледельческим народам, и описанием различных его проявлений можно было бы, при желании, наполнить целые томы².

¹ *Elphinstone, The Account of the Kingdom of Cabul, II, 237.*

² См. например *E. Clarke, Travels etc., Lond. 1813, I, 584; E. Grandidier, Voyage dans l'Amérique du Sud, 83; Cranz, op. cit., II, 222* и пр. Гостеприимство русских представляет, по видимому, единственное свойство этого народа, заслужившее одобрение иностранных путешественников.

Если оказание гостеприимства совпадает во многих случаях с обменом движимого имущества, а впоследствии удерживается в силе, как переживание и обломок учреждений старинного экономического строя, то и о дарении можно сказать совершенно то же самое. То, что путешественники называли взаимным обменом подарков у многих первобытных народов, в действительности служило выражением существующего между ними общения движимых вещей. Но были и другие, довольно многочисленные случаи, когда предоставление подарков являлось безвозмездным отчуждением действительного частного имущества. Взаимное обращение подарков, по всей вероятности, является первоначальной почвою, на которой развивается *внутренний* обмен, подобно тому, как взаимный грабеж порождает обмен внешний.

Любимые роды пищи у австралийцев¹ часто посылаются в виде подарков от одного мужчины к другому, а иногда две группы туземцев встречаются и обменивают между собою различные вещи. Среди молодежи часто встречались голодные бедняки, которые при помощи своей ловкости или терпения добывали какой-нибудь ничтожный съестной припас, но были принуждаемы правилами вежливости дикарей делить свою ничтожную добычу с группою ожидающих акул, тогда как сами те, ловкость или труд которых добыли ее, едва смели попровозить ее и наверно получали самую мизерную долю... Дикари часто бывают готовы менять свои сети, оружие и другую утварь на европейские товары, а *иногда* они дают их без просьбы о том и без эквивалента; между собою они *всегда* поступают таким образом.

Отаитяне, говорит Лессон², не переставали приплывать ежедневно на борт корвета «La Coquille», причем многие из них являлись с привилегиею друга дома или тауо. В прежнее время это был искренний обмен взаимной защиты и протекции. Но теперь титул тауо или друга имеет не больше цены, нежели в Европе. Он дается из эгоизма тому, кто полезен. Все они нанесли в первый день различных подарков и не хотели ничего брать взамен, чем возбудили удивление. Но зато на другой день они воротились с пустыми руками и хватали все, что плохо лежит. Напрасно я подавлял своего друга дарами шерстяных и льняных тканей; чем более я ему давал, тем сильнее делалась у него жажда обладания, и я думаю, что он унес бы все, что было в моей каюте, и все же не удовлетворился бы. Мое форменное платье особенно искушало его жадность, потом он попросил рому, потом это, потом то,—так что было необходимо отказать от столь дорого стоящей дружбы, тогда как путем обмена было легко добыть любопытные предметы, которые мы все хотели повести с собой в Европу. Каждый из нас отбросил от себя своего тауо и почувствовал облегчение.

¹ Eyre, loc. cit., 385.

² Lesson, op. cit., I, 267.

Новокаледонцы¹ столь же охотно делятся своим имуществом, как и жаждут разделения чужого. Нужно сказать в их похвалу, что они обнаруживают при всяких обстоятельствах величайшее великодушие... Как только делали одному из них подарок, он спешил его разделить с другими, не удерживая за собою непременно большей доли.

Жители Маркизских островов² часто дарили друг другу взаимно предметы, которые только что купили ценою того, что у них было самого драгоценного. Их взаимная верность обнаруживалась даже в совершаемом ими воровстве; предмет, утащенный ими с судна, переходил из рук в руки, причем тот, который украл, казалось, нисколько не беспокоился знать, в чьи руки попадет окончательно (?) предмет, уверенный, что рано или поздно он к нему вернется(?). «С какой бы точки зрения ни рассматривать этот народ в его сношениях с иностранцами, невозможно разъяснить принципы его поведения; в нем не видишь ничего, кроме противоречий и непоследовательности».

Во время празднества по случаю уплаты податей, которая здесь, вопреки Британии, соединяется со всем, что нравится народу³, фиджийцы любят развлекаться как только могут; пища доставляется в изобилии и повсюду видна щедрость, приближающаяся к общению имущества; но все же существует нечто подобное равенству между теми, которые получают и дают, и возвращение подобных же даров заботливо ожидается и наперед принимается в соображение.

Если начальник Самоанских островов⁴ желает вступить в брак, то главы семейства соперничают между собою в доставлении ему всего, что необходимо для празднества и для исполнения церемоний. Он же, с своей стороны, должен сполна вознаградить их за все это, раздавая им тонкие покрывала, которые он получает в приданое за невестой. Начальник старается взять себе жену из семейства другого шефа и потому через свою жену получает долю подарков, достойную ранга дочери начальника. До известной степени главы семейств являются банкирами начальника. Его тонкие ковры почти все переходят к ним и другая собственность также (потому что это не его собственность, а община). Они в свою очередь готовы доставить пищу, ковры и другую собственность, когда ему нужно обратиться к ним. Главы семейств видят таким образом в браке начальника источник приобретения и поощряют подобные супружества, так что начальник женится иногда до 50 раз, хотя имеет при себе не более двух жен.

Тёрнер касается в данном случае, повидимому, весьма интересного обычая самоанцев, но, смотря на дело с точки

¹ *De Rochas*, op. cit., 252.

² *Marchand* (Bibl. Universelle des voyages, XV, 423 и сл.).

³ *Williams*, *Fiji and the Fijians*, Lond. 1870, 33. Подобно тому, как в других странах отбывание «помочей» в пользу начальника.

⁴ *Turner*, op. cit., 280 и сл.

зрения европейца, по обыкновению, не столько разъясняет, сколько затемняет его смысл. Какая выгода главам семейств доставлять начальнику припасы, чтобы немедленно получать их обратно? Очевидно, начальник здесь не собственник припасов, а только их распределитель, как это и действительно доказано относительно других первобытных народов.

На островах Тонга¹ в дни язычества случаи похорон и свадьбы были всегда сопровождаемы громадными пиршествами, соответствующими достоинству заинтересованных в них лиц. Родственники и друзья всегда заготовляли к этому времени различную движимую собственность и приносили ее в подарок. Она шло в общий запас, из которого снова распределялась теми, кто был уполномочен на это, между собравшейся компаниею. Эти распределения собственности часто вели к горьким семейным и племенным спорам и представляли время, когда жадность туземцев обнаруживалась во всей силе.

По словам Земпера², на Палаузских островах принесение даров к праздникам, имеющим религиозное и частное значение, возлагается в виде принудительной обязанности, или так называемого «макезанга» на все «клеббергелли» или группы общинных рабочих местности.

Эллис³ подробно описывает празднество, отправляемое в Новый Год на острове Мадагаскаре, для которого король и жители убивают столько быков, сколько могут, и приглашают каждый всякого. Иные нарочно выкармливают к этому дню быков, и чем лучше они выкормлены, тем больше почета их владельцам.

На островах Фиджи⁴ во всем объеме обнаруживается этикет, когда начальник дает большой пир. Уже за месяц перед тем идут приготовления к празднеству, садят для него овощи и перестают бить свиней, а также собирать фрукты, чтобы не было недостатка в еде. За два или три дня до пиршества весь народ на ногах. Они гордятся щедростью (?) своего вождя, и каждый приносит столько свиней, черепах, ямсу и других съестных припасов, сколько только может. Все занято приготовлениями к празднеству и король руководит всем этим. При этом случае они отделяются от предубеждения против поваренного искусства, в иных случаях исполняемого только рабами: каждый, даже сам король, помогает готовить нищу. Накопляют такие массы съестных припасов, что однажды, при подобном празднестве, 260 человек занимались 6 недель их расставлением, причем шесть куч, составляющих эту массу, содержали около 50 тонн жареного ямса и картофеля, 15 тонн

¹ T. West, Ten years in South-Central Polynesia, Lond. 1865, 269.

² Semper, loc. cit., 35 и сл.

³ W. Ellis, History of Madagascar, I, 365—366.

⁴ Christman und Oberlaender, op. cit., 159.

пуддингу, 70 черепах, 200 тонн сырого мяса и т. п. Один только пуддинг имел 7 метров объема. Когда все готово, начинается раздача, сообразно строжайшему этикету. Различные племена и их начальники садятся на месте праздника; туи-рара или церемониймейстер заведывает раздачей кушаний и определяет количество частей, смотря по значению племени. Он призывает одно племя за другим. При произнесении его имени, каждое племя благодарит и посылает известное число молодежи, чтобы принести пищу. Так идет, пока не роздано все. Тогда мужчины едят на свободе и посылают женам их долю на дом, чтобы и они не ушли с пустыми руками... Обязанность подданных снабжать таким образом съестными припасами своего главу вытекает из своеобразного общественного устройства страны, которое имеет совершенно феодальный (?) вид. Начальники больших областей признаются королями; под их начальством стоит известное число других начальников, которые обязаны платить первым подати и поставлять на войну людей и оружие. Подати состоят однако не только из даров, с радостью вручаемых, но и из повинностей, для выполнения которых подданные еженедельно должны ставить в распоряжение короля людей. Они работают в полях, кроют дома, помогают при постройке каное, ловят рыбу, получают по истечении известного времени подарок и возвращаются домой. Если королю придет в голову самому собирать подати, то это очень большая тягость для тех, кому он делает честь таким визитом; он является тогда с 20—30 каное, на которых помещается быть может 1 000 человек, и всех их должен про довольствовать начальник, которого он посещает. Правда, король при расставании дает подарок, который однако находится вне всякого отношения к сделанному на него расходу.

Если под работами туземцев здесь разумеешь общинные работы, под празднествами взаимные посещения племен, а под поездками короля для сбора подати любимыми туземцами путешествия к дружескими кланам,—то перед нами будет, хотя и несколько иная, но зато более верная картина щедрости фиджианцев. Для всего этого требуется только несколько пособавить спеша начальнику и королю, который, как увидим ниже, совсем не так силен и страшен, как рисует его автор.

У нуткасов, говорит Банкрофт¹, пища не рассматривается, как общая собственность, но каждый может прибегать в случае нужды к запасам своего соседа. Накопление собственности, сверх необходимых потребностей жизни, является желательным только в тех видах, чтобы распределить ее в качестве подарков в большие праздники и тем приобретать себе репутацию богатства и щедрости; и так как эти празднества бывают часто, то человек обедневший часто может захватить свежее местечко

¹ Н. Bancroft, The Native Races, I, 191.

у племени. Вместо отдачи, canoe и ковры часто *уничтожаются*; а это доказывает, что мотив этого вида распоряжения собственностью состоит не в желании благоприятствовать друзьям, а только в стремлении проявить *равнодушие* к богатству. Это очевидно наиболее замечательный обычай и производит сильное влияние на весь народ.

Тут мы очевидно вступаем в последующую фазу экономического развития, когда частная собственность на движимое имущество пользуется уже значительным фактическим распространением, но все же от времени до времени подвергается гонению, в видах прославления глубоко вкоренившегося старого обычая, продолжающего привлекать симпатию населения. Следующий пример еще более подтвердит справедливость этого толкования.

Главное употребление, делаемое атами на Ванкуверовом острове¹ из накопления личной собственности, состоит в периодическом распределении ее среди приглашенных гостей, из которых от каждого ожидается возвращение этой вежливости соответствующими подарками в другом подобном же случае. Следующие подробности относятся к распределению собственности отдельными лицами между другими лицами их племени. Одежда обыкновенно дается мужчинам, игрушки и краски для лица женщинам. Не менее двух одеял обыкновенно дается одному и тому же лицу за один раз. Иногда новое ружье разбирается, и ложе, замок и ствол раздаются различным лицам. Разрушение известных родов собственности служит той же цели, как и ее распределение. Canoe, например, редко дарятся; в них делают дыру и топят их. Владелец показывает этим актом совершенное *равнодушие* к своей собственности; он отдает ее, уничтожает ее, «сердце его очень сильно». Но тот же человек, который только что отделался от всей почти своей собственности, в ближайшую минуту поднимает спор из-за игрушки. Рабы редко отдаются кому-либо при распределении. Станный обычай распределения, распространенный между береговыми племенами (следовательно теми, которые раньше других пришли в сношения с иностранцами и познали смысл частной движимой собственности), считается некоторыми необходимым ввиду воровских привычек жителей, потому что он препятствует отдельному лицу удерживать за собою украденное; но каково бы ни было его начало, прочность его вероятно обеспечивается наслаждением, которое доставляет этот обычай двум сильным свойствам человеческой природы—гордости своим положением и любви к показной жизни (?). Подобное рассеяние собственности между атами доказывает, как говорят туземцы, «сильное сердце распределителя» (мужество). Обычай этот ценится теперь не так высоко, как поколением раньше; но все же приобретение

¹ P. Sproat, Scenes and Studies of savage life, Lond. 1868, III.

собственности с целью ее распределения есть руководящий мотив для деятельности атов, и, не принимая этого во внимание, никто не в состоянии понять их характер или оценить трудности на пути их исправления. Собрание собственности с целью ее распределения есть постоянная страсть некоторых туземцев, которая обыкновенному наблюдателю кажется нежелательною и праздною. Индеец, стоящий перед вами в совершенно разорванном одеяле, может иметь в своем сундуке дома 20 новых одеял и столько же ярдов коленкора. Все, что он приобретает сверх непосредственных потребностей, идет на увеличение этого запаса, пока не придет его день в зимнее время, когда он дает свой праздник и распределяет дары между гостями, сообразно достоинству каждого. Чтобы *всем* достало подарков на подобном пиру, одеяло иногда рвется на двадцать частей; и говорят, хотя этому трудно поверить, что ценность или количество данного каждому гостю точно запоминается. Обычай требует, чтобы дар был брошен быстро в лицо получателя, чтобы показать, что он идет от доброго сердца. Даритель не смотрит на дело так, что он расстается с своею собственностью; он считает ее выгодно помещенною, ибо нынешние получатели постараются возратить ему на своем празднике с излишком. Лицо, раздавшее наиболее собственности, приобретает наибольшую славу, и по временам получает голосами племени *высшее достоинство*. Достоинство это не есть достоинство высшего класса; оно лишь пожизненное и отличается от древнего, наследственного достоинства.

Колумбийцы племен Puget, Sound и Bajada Point¹ охотно выказывают свое богатство и щедрость на ярмарках и празднествах, раздавая излишнюю собственность в виде подарков.

Непредусмотрительность характера индийцев представляет непреодолимое препятствие их успеху, и у чипчевеев она отягчается обычаем, который белые до сих пор не имели возможности искоренить². По смерти родственника они уничтожают ружья, ковры, сети, все, чем они обладают, кончая разорение разнесением *своих* жилищ на куски. Когда оканчиваются эти увлечения горя, они обращаются к ближайшей фактории за восстановлением запаса предметов необходимости, и таким образом их долги возобновляются. Долги умерших во всяком случае пропадают для компании.

Тот же обычай, но повидимому с исключительною целью снабдить покойника потребными ему вещами, составляющими при жизни его частную собственность, встречается у многих других первобытных народов. На могильных курганах сжигают оружие и одежду умершего, иногда рабов его и рабынь, жену или жен, а у тирибис Коста-Рики³ в состав истребляемой соб-

¹ Bancroft, op. cit., I, 217.

² T. Simpson, Narrative of the Discoveries in the North Coast of America, Lond. 1843, 74.

³ М. Ковалевский, Общинное землевладение, 33—34.

ственности еще недавно входили как фруктовые деревья, посаженные покойником, так и принадлежащий ему домашний скот.

При своих посещениях индеец центральной Америки¹ всегда приносит какой-нибудь подарок, какой он может предложить, каждый по своему достоинству; посещаемый отвечает подобным же даром.

Среди себя² караибы не имеют никакой торговли, ничего не продают и не покупают, но весьма щедро дают друг другу все вещи, которыми они могут облегчить нужду своих соотечественников, не очень беспокоя самих себя.

«В первое время нашего знакомства», говорит Веддель³, «я выразил желание иметь некоторые предметы, которые они (жители Огненной Земли) носили при себе, и они давали мне их, не требуя вознаграждения; но теперь они уже приобрели идею торговли и в обмен за предметы их простого производства они просят чего-нибудь блестящего, например пуговиц и пр.»

Несколькими милями выше Сенны (юго-западная Африка) расположен остров Пита, говорит Ливингстон⁴, с значительным туземным населением, которое, повидимому, хорошо снабжено пищею. Половина племени, утверждая, что они старейшины, пришли на борт судна и дали нам несколько колосьев зеленого маиса в качестве *секвати*. Это не есть обыкновенный подарок, но дар, который обыкновенно получается обратно, по меньшей мере в двойной ценности. Когда у скупого туземца залежится мелкая пища или несколько колосьев маиса, которые вряд ли имеют какую-нибудь ценность, так как дюжина их лучшей птицы стоит всего два ярда сукна, а корзина маиса всего пол-ярда, то он делает из них секвати. При этом сердце его наполняется тем удовольствием, которое было некогда описано, как живое предчувствие грядущей благодати, и он недоволен, если не получит за свой подарок двойной его ценности. Мы скоро выучились не уважать секвати от простого народа, но напрасно было говорить хитрому африканцу — «продай его, я куплю его». «Нет, сэр, это секвати, это не для продажи», был неизменный ответ. Так как это считалось любезностью, то мы всегда подчинялись этой обычной вежливости со стороны старейшин, отклоняя подобные же попытки частных лиц.

Начальник кафров⁵ относится ко всем, как отец, и все обращаются к нему, как дети к отцу. Он в точности знает каждого, принимает участие в его горе и радостях; если кто заболевает, то немедленно должно быть дано ему знать о том, под опасением штрафа. Если у кого недостает требуемых средств

¹ *Diego de Landa*, op. cit., III.

² *Du Tertre*, Hist. génér. des Antilles etc., Paris, 1667, II, 383.

³ *Weddel* (Bibl. Universelle des Voyages, XXI, 277).

⁴ *Livingstone*, Zambese, 1865, 37.

⁵ *J. Döhne*, Das Kafferland und seine Bewohner, Berlin 1843, 16—17.

существования, то он сейчас же идет к Инкози и просит у него корову для доения, или штуку скота, чтобы убить ее. Если же у Инкози нет ни того, ни другого, то он остается у него до тех пор и получает содержание, пока снова не найдется дома, что есть, и потому жилище Инкози постоянно посещается многима. Подобная благотворительность Инкози носит чисто обязательный характер.

Все семейства остяков¹, принадлежащие к одному роду, обыкновенно держатся тесно одни около других, даже и во время своих кочевых походов, и общая нравственность предписывает, чтобы в подобном родовом целом богатый делился своим имуществом с бедным. Остяки, вообще, очень бедный народ и живут лишь тем, что приносит им каждый день. Поэтому помощь, которую они могут оказать своим ближним, состоит в сущности только в том, что они братски делают между собою добычу дня. Самое замечательное в этом то, что никто не просит у другого милостыни, но смотрит на бесцеремонное обращение к собственности своего ближнего, как на безусловное право.

Если богатый самоед² отказал нуждающимся беднякам в олене для пропитания, то те уголяют у богача по оленю или по два на человека, и общий их мирской суд оставляет эту кражу без взмыкания, так как, по их понятиям, богатый обязан помогать бедному и не должен позволять ему страдать от голода. Нарушения этого обязательства со стороны богачей бывают очень редко; оттого редко случается, чтобы самоеды крали у самоедов, между тем, как у русских они крадут часто.

Согласно представлению бурят³, ни один член их скотоводческой общины не мыслим, да и не может существовать без рогатой скотины, хотя бы то без одной коровы. Вследствие этого они исстари имели обычай даром давать коров тем бурятам, которые по каким-либо обстоятельствам не имели ни одной скотины. Даже и теперь еще этот старинный обычай соблюдается, хотя и не с прежней бескорыстностью. И теперь еще богатые скотом буряты имеют обычай раздавать дойных коров бедным, бесскотным сродичам.

В больших кланах курдов⁴ считается обыкновением, чтобы начальник постоянно держал открытый стол. Все подарки скотом и плодами поля, которые члены племени приносят своему хану или беку, возвращаются им при этих случаях снова обратно. Вообще на Востоке нравы и учреждения противодействуют накоплению богатства. Персидский, курдский или турец-

¹ М. А. Castren, *Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—44.* S.-Petersb. 1853, 286.

² А. Ефименко, *Юрид. быт. самоедов*, «Зап. И. Р. Г. О. этногр.», VIII, 1878, стр. 231.

³ Соколовский, *Экономич. быт (по Шалову)*, стр. 90.

⁴ М. Wagner, *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden*, Leipzig, 1852, II, 229 и сл.

кий князь вынужден обычаем иметь очень много слуг и держать открытый стол, вообще делать значительные расходы. Все полученные им подарки или выжатые деньги снова возвращаются этим путем назад в народ. В Персии и Турции как шах, так и султан при помощи конфискации имущества разбогатевших любимцев заботятся о том, чтобы в руках отдельных лиц не скоплялось больших сокровищ. Абовиан (армянский ученый) уверяет, что иной курдский родовой князь, чтобы отвечать праву гостеприимства, вынужден ежедневно убивать от 20 до 40 овец, готовить от 4 до 5 пудов шилава из рису и раздавать своим гостям по несколько фунтов кофе и табаку.

Не редкость видеть гренландцев, говорит Уимпер¹, слагающих имущество всего племени в одно целое. Самый *лоцкий охотник* обязан снабжать деревню провизией, и никто, даже он сам, не воображает, что, действуя таким образом, он совершает какую-нибудь заслугу. Тот же обычай в различной степени развития встречается также на Аляске и на Юконе. Начальники, принадлежащие почти без исключения к числу *наилучших охотников*, приобретают и сохраняют за собою свое высокое положение не иначе, как часто раздавая народу средства существования; они часто одеты и прокормлены хуже, чем последние жители деревни. Великодушие среди них есть правило, а не исключение. Они не допустят, чтобы женщина или дитя страдали от голоду или холоду, пока у них есть что дать им в виде пищи и одежды.

На островах Фиджи² жители привыкли рассматривать имущество своих вождей как свое собственное, а потому неудивительно, что они применяют этот взгляд также и к имуществу иностранцев.

В высшей степени характерно это сосредоточение действительного общественного интереса в лице старейшины или начальника. Тут мы видим, между прочим, что первоначальные политические учреждения всегда имеют в виду всеобщий интерес, а не интерес самого правительства. Говорить в подобных случаях о помощи правительства частным лицам или о его вмешательстве в дела граждан нет возможности, потому что правительство и общество еще совершенно тождественны, и следовательно общество в лице князя или старейшины вмешивается исключительно в свои собственные дела.

Делая по обычаю кому-нибудь подарок³, киргиз всегда рассчитывает на более ценное отдарение.

Все торжественные случаи в жизни лопаря⁴, как-то: родины, крестины, свадьбы, крестованья, все это сопровождается

¹ Fr. Whimper, Voyages et aventures dans l'Alaska, Paris 1871, 346.

² At home in Fiji. By Gordon Cunning. Lond. 1881.

³ Красовский, Область сибирских киргизов, Материалы генер. штаба, ч. 1, 1865, 396.

⁴ А. Н. Ефименко, Юридич. обычаи лопарей, op. cit., 33.

обменом подарков. В последних двух случаях подарки как бы закрепляют заключающийся союз. При крестовании между лопарями обыкновенно дарится олень без всяких условий и формальностей. Этот олень поступает в собственность всей семьи и обратно не возвращается. При свадьбах также немалую роль играют подарки. При заключении свадебного договора жених и невеста обмениваются подарками; жених дарит родных невесты, а невеста родных жениха. Еще есть обычай дарить молодых, «класть в чарку» оленя, платок, деньги. Эти подарки делаются собственностью мужа и жены. При крестинах кум и кума обмениваются подарками: он дарит ситцу на нарукавники, она—шерстяные вареги. Иногда кум дарит куме оленя, который делается ее собственностью и идет с нею в приданое. Младенцу дарят на крестинах самку оленя, приплод которой считается его собственностью. На родинах свекрови дарится платок или повойник; бабке же за труд не платят и подарков не дают, а только через 6 недель для нее бывает обед. Особенное пристрастие к подаркам имеют фильманы (финманы). Получив подарок, они считают своей обязанностью непременно отдарить. Этим их обычаем пользуются поморы. В свободное время нередко ходят они в гости к фильманам и носят им подарки: лоскут красного сукна, галуна, бумажный платок или какую-нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлеб и немного коровьего масла, которое фильманы считают лакомством. За этот подарок они обыкновенно получают оленя. Отказаться от подарка фильмана, значит нанести ему сильное оскорбление. Дарят начальников, как восточные народы,—куриными яйцами, соленой семгой, холстиной и пр.

У самоедов¹ в большом употреблении не только делать, но и получать обратно подарки согласно пословице: «дают подарки, глядят отдарков». В некоторых обстоятельствах и торжественных случаях жизни подарки обязательны. Невеста, отираваясь в чум жениха, везет ему подарки, состоящие из мужского платья, промысловых снастей и т. п. Родильница, после каждого родов, получает от отца оленя. Русскому, дающему свое русское имя, самоед дарит ежегодно лучшего оленя. Если самоед делает подарок, сверх тех случаев, где обычай сделал это обязательным, например дарит что-нибудь гостю, то ждет отплаты и даже требует ее. Так, Кастрей рассказывает следующее: «Хозяйка чума подарила мне рыбу, но в отплату требовала кольцо с моего пальца. Я щедро вознаградил ее за рыбу, но ничто, кроме кольца, не могло удовлетворить самоедку, и она всю ночь сидела со слезами на глазах в углу чума».

Дарение между якутами² весьма часто. Но если якут дарит чем-нибудь якута, то при этом имеет в виду, что приятель

¹ А. Ефименко, Юрид. обычаи самоедов. Записки Р. И. Г. О. по этногр., 1878, VIII, 189—190.

² Костров, Юридич. быт якутов, op. cit., стр. 285.

отдарит его непременно вещь большей цены, чем подаренная; словом он закидывает удочку в карман своего приятеля (тен-тяряя-берярь). Русским также дарят при приезде их.

Словом, учреждение дарения оказывается у первобытных народов распространенным не менее гостеприимства, общего стола, общей работы, и вообще составляет не более, не менее как интегральную часть общинно-родовой системы. Нам кажется поэтому, что, указывая на эгоистическую сторону дарения первобытных народов, описывающие этот предмет путешественники впадают в двоякую ошибку. С одной стороны, они, повидимому, принимают за коренной и исконный обычай туземцев то корыстное изменение последнего, которое в сущности составляет результат торговых сношений туземцев с иностранцами. Именно эти-то сношения своими приманками и превращают дарение в орудие получения добычи. С другой же стороны, они совершенно упускают из виду, что прямою целью дарения является поддержание взаимных общинно-родовых связей, как это, между прочим, прекрасно можно видеть на примере дарений между родственниками-лопарями, по случаю различных событий родового характера, каковы свадьбы, родины и пр., а следовательно и отдаривание представляет неодностороннюю выгоду для дарящего, а неизбежную часть сделки. Обмен подарками представляет не что иное, как восстановление общения имущества, переживание этого последнего. Любопытно, что даже в Западной Европе этот обломок глубокой старины сохранил до настоящего времени всю свою обязательную силу.

* *
* *
* *

Человек начал свою производительную деятельность среди хаоса; он производил и потреблял, когда случится и что случится; он то умирал с голоду массами, то объедался до смерти, единственно от недостатка регулярности в своем экономическом процессе. Поэтому изображение главных особенностей общинной организации первобытных народов было бы неполно, если бы мы не обратили внимания на следующие три характеристические черты этой организации, которые ставят ее в резкое противоречие с нынешнею европейскою: 1) случайный и непостоянный характер труда, 2) случайный и непостоянный характер потребления и 3) отсутствие путей сообщения между различными племенами и даже их подразделениями.

Самая забота о существовании туземцев Нового Валлиса¹ никогда не идет дальше настоящего момента; у них нет завтрашнего дня; они едят и спят, пробуждаются и ищут себе пищу: вот их жизнь.

Домашняя жизнь островитян Дружбы² не настолько рабо-

¹ *Dumont d'Uroille, Voyage d'Astrolabe, Paris 1830, I, 469.*

² *Cook, Voyage, III, X (Bibl. Univers.), 65.*

чая, чтобы быть утомительной, и не настолько праздная, чтобы быть названа ленивою. Природа по отношению к ним столь расточительна, что они редко предаются большому труду. По счастливой комбинации обстоятельств их обычные занятия настолько немногочисленны и *непродолжительны*, что у них остается довольно времени для отдыха; труд и дела не смущают их удовольствия и они не отказываются никогда от последних, кроме случая пресыщения ими. Женщины прядут и ткнут ткани и делают ковры замечательной красоты, мужчины занимаются земледелием, сооружением домов и пирога, рыбною ловлею и другими делами, относящимися к мореплаванию. Земледелие у них стоит на высокой ступени совершенства.

Вся деятельность мендосинов (жители Маркизских островов)¹ направляется на удовольствия: они устают от *ничего делать*. Спокойные насчет средств своего существования, получают они то, что щедро дает им земля и вовсе не думают принудить ее трудом к большому развитию богатства. Земледелие, первое из искусств, которое человек обыкновенно старается усовершенствовать, как будто, не заслуживает забот с их стороны; видно только несколько правильно разбитых плантаций банановых и хлебных деревьев; остальное предоставлено заботам природы.

Хотя человек рожден для труда, говорит Лафито², и без труда он скучает от безделья, но это не применяется к американским дикарям. Они делают себе честь из своей праздности, и если исключить некоторые пустыки, которые не требуют у них значительного времени, еще менее размышления или прилежания, то они почти всегда сидят *со сложенными руками*, устраивая только собрания, занимаясь пением, игрою, сном и тому подобным ничегонеделанием.

Лень есть одна из главных черт в характере ботокудов³. Преисполненный натуральной распушенности, ботокуд обыкновенно бездейственно покоится в своей хижине, пока потребность пищи не дает ему себя знать, но и тогда он делает употребление из права сильного, заставляя своих жен и детей исполнять большую часть работы. Однако их лень не так велика как гварани, согласно описаниям Азари. Обещайте им немного муки и глоток водки, и они пойдут с вами на целый день на охоту.

Все владельцы фацеид, у которых работают ботокуды⁴, плачутся на их невероятную лень. В целый день сильный ботокуд сделает меньше, чем негр в три, четыре часа. Их любовь к труду так велика, что они редко выдерживают в работе дольше 3—4 дней. Часто они исчезают с работы, не требуя вознаграждения. Индейцы-шипороки считаются самыми работа-

¹ Marchand, op. cit., 419.

² Lafitau, op. cit., II, 1—2.

³ Newwied, op. cit., II, 17.

⁴ Tschudi, Reisen durch Süd-Amerika, Leipz. 1866, II, 284.

щими и выдерживают по 12—16 дней во время жатвы. Среди всех индейцев Южной Америки ботокуд стоит на самой низкой нравственной ступени, и только жители самой южной оконечности страны и Огненной Земли могли бы поравняться с ним в этом отношении. Индейцы севера, запада и юга Бразилии все умственнее развиты гораздо более ботокудов и превосходят их в смелости, интеллигентности и в промышленном искусстве.

Плодородие земли в Южной Америке таково, что нескольких дней труда вполне достаточно для удовлетворения потребностей многих семейств¹. Американцев обвиняют в лени, но если им нужно так мало времени для доставления себе пищи в изобилии, то на каком основании стали бы требовать, чтобы они возлагали на себя без надобности лишний труд? Различные состояния, торговля могут возбуждать европейского земледельца, внушая ему идею повысить свое положение; но у свободного человека лесов, каков мог бы быть стимул подобного действия?

Индейцы² не признают в мире более чистого наслаждения, как напиваться допьяна и не работать. Самые крепкие напитки суть для них самые лучшие.

Индеец проводит свою жизнь в пьянстве и спянье; он покидает свой гамак, и то с сожалением, единственно в то время, когда дурная погода делает бесполезною работу его жены в поле, и заставляет его идти на охоту или на рыбную ловлю, причем он всегда сумеет принять меры, чтобы усталость одного дня обеспечила ему существование и покой на целую неделю.

Все занятия дикарей скорее необходимое развлечение³, без которого самая жизнь была бы невыносима, нежели тяжелая работа; они проводят всю жизнь в такой праздности, что когда их видишь прикладывающими руки к работе, то думаешь, что скука и тоска от лени, а не осмысленное движение заставляют их взяться за работу.

Но все это не мешает южноамериканским индейцам иметь в случае нужды неслыханное терпение в работе. Так, по словам Шомбургка⁴, орудия и сосуды индейцев, несмотря на каменные и костяные ножи, которыми они делаются, сработаны с такою чистотою и вкусом, которые могли бы устыдить европейского ремесленника. Орудия почти все были сделаны из сердцевинки исполинского *Lecythis* или *Brosimum*. Если подумать о труде, которого требует одна только срубка подобного дерева для людей, у которых топоры редкость, а затем обработка сердцевинки, разрезывание ее без пилы, переделка ее в дубину или в лук, то удивление перед терпением этих людей возрастает еще более.

¹ *D'Orbigny*, op. cit., 209.

² *Depons*, op. cit., I, 294.

³ *Du Tertre*, op. cit., II, 380.

⁴ *Schomburgk*, Reise in Britisch Guiana. Leipz. 1843, I, 424.

Часто автору приходилось видеть, как они брали кусок старого железа, старого лесного ножа и употребляли его как пилу, и даже при этом нужен был целый день на то, чтобы пропилить один дюйм в дереве. Конечно, индеец работает лишь тогда, когда имеет охоту, и проводит многие месяцы и более над изготовлением какого-нибудь лука или дубины; время не имеет для него никакой ценности, и он охотно дает за пилу, за нож продукт многих часов труда.

Рошфор рассказывает¹, что караибы, при виде печального и тоскующего христианина, имели обыкновение говорить с ним следующим образом: «Кум, ты очень несчастлив, подвергая свою персону столь продолжительным и столь опасным путешествиям и давая грызть себя стольким заботам и опасениям. Страсть иметь собственность заставляет тебя выносить все эти труды и награждает тебя всеми этими заботами; ты беспокоишься не менее о том богатстве, которое ты уже приобрел, как и о том, которого ты ищешь. Ты постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не обокрал тебя в твоей стране или на море, или чтобы твои товары не потерпели кораблекрушения и не были поглощены волнами. И так, ты стареешь раньше времени, твои волосы седеют, твой лоб покрывается морщинами, тысячи недугов работают над твоим телом, тысячи печалей роятся в твоём сердце, и ты приближаешься быстрыми шагами к могиле. Отчего ты не довольствуешься вещами, которые производят для тебя твою страну? Почему, подобно нам, не презираешь богатства? Мешает ли вам богатство умирать? Идет ли оно с вами в могилу?».

Калоши², повидимому, отличаются чрезвычайно сильною ленью, и это качество объясняется тем фактом, что природа очень к ним дружелюбна; лососины в изобилии, оленей и медведей можно добыть охотой сколько угодно, а ягод бесчисленное множество.

Камчадалы³ ленивы, как всегда. Излишество рыбы, которую они ловят без всякого труда, и сильная привычка к ней суть причины, что они не занимаются ни скотоводством, ни земледелием.

В лесных горах Гаи-су⁴ некоторые тангуты, но очень немногие, занимаются точением деревянной посуды, чашек для еды и для сохранения масла. Более других развитое, можно сказать даже единственное, занятие между тангутами, это сучение сарлочей (реже бараньей) шерсти для сукна, из которого делается вся местная одежда. Уход за скотом составляет единственное занятие тангута, отрывающее этого человека хотя немного от той абсолютной лени, которой он предается в течение всей своей жизни. По целым часам спят взрослые и малые возле

¹ *De Rochefort, Histoire des Iles Antilles de l'Amérique, Rotterdam. 1658.*

² *Whimper, Alaska, 1869, 83—84.*

³ *Sarytschew, op. cit., 1-er Theil, 181.*

⁴ *Пржевальский, Монголия и страна тангутов, 1876, 264—265.*

очага палатки, ничего ровно не делая, а только попивая чай, который составляет такую же необходимость для тангутов, как и для монголов.

Киргиз¹ во всем предпочитает спокойствие, которое однако всегда носит характер лениности. Нельзя назвать ни одного времени года, когда бы в нем закипала большая деятельность, ни одного занятия, к которому бы он был особенно склонен; осень еще как будто бы лучшее в этом отношении время года, потому что у ленивого азиатца в эту пору начинает мелькать нечто похожее на тревогу; но, набив достаточное количество дичи и заколов недостающее по расчету для зимы число голов домашнего скота, киргиз уже и спокоен, а на женщине, кроме забот о пище, лежат еще обязанности по заготовлению материалов для жилья и одежды.

Жители Вуди² (в Центральной Африке), повидимому, имеют в своем распоряжении все необходимое для жизни и представляют самый ленивый народ во всем свете. Женщины прядут немного хлопка и ткут из него грубую ткань около 6 дюймов ширины; мужчины целый день праздно лежат в своих хижинах или в тени общественного здания на столбах (палавер), стоящего на открытом месте среди хижин.

Что делали его отцы³, то делает и он, верный вековой традиции. Подобно им, он заставляет работать жену, продает детей, которых она родила, обращает в рабство всякого, на кого может наложить руку, и, за исключением времени, когда он сражается, чтобы обратить в своих слуг других, он довольствуется питьем, пением, танцами, чтобы отогнать грызущую его скуку, ведя жизнь беззаботной и веселой обезьяны. Некоторые, весьма немногие, изготавливают бумажные ткани, столярничают, куят железо или медь, готовят соль и т. п. Но общее их правило—работать сколько возможно меньше, и постоянный их обычай ничего не откладывать в запас, сверх необходимого снабжения, из опасения, чтобы начальники или соседи не позавидовали этому необычному богатству и не разграбили его. Можно прибавить, что рабство есть одна из главных причин праздности негров; оно делает труд униженным для господ, которые отталкивают его от себя, как нечто, уподобляющее их рабам. Все внутренние занятия падают таким образом на женщин, которые варят пиво, готовят пищу, молочные хлебы, делают горшки и корзины, заботятся о доме и детях, все это не считая помощи, оказываемой ими рабам, употребленным в земледелии, и надзора за стадами, который также вверяется им иногда.

¹ Красовский, Область сибирских киргизов, Матер. генер. штаба 1864, 1, 398.

² Denham and Clapperton, Narrative of Travels in Africa etc., Lond. 1826, 54.

³ J. H. Speke, Les Sources du Nil, Paris 1865, 12—16.

Плоды и корни суть обыкновеннейшая пища негров¹, подарок природы, который не стоит им ни забот, ни труда. Они могли бы увеличить их количество и улучшить качество при помощи самой незначительной культуры; но леность останавливает их, и богатейший между ними тот, кто может себе доставить запас рису на год. Зато женщины несут труд тяжкий.

Взрослые барабра (в провинции Донгола)² проводят большую часть года в полнейшей праздности, за исключением немногих ремесленников, которые занимаются ткачеством, кузнечеством, построением лодок и водяных колес, и которые работают самое большее часа по два в день; детям и рабам предоставлено гонять волов около водяного колеса, открывать и закрывать ведра и гонять птиц с созревающих полей. Всех деятельнее женщины, которых занятие—домашнее хозяйство, ограничивающееся приготовлением плодов и печением хлеба; они же носят издалека воду, жнут плоды, молотят их маленькими палками, очищают и прядут бумагу.

Они лучше не станут есть два дня³, чем будут работать на поле два часа сряду. Мужчины занимаются только охотой, рыбной ловлей, собираньем меда, постройкой хижинок, войной и разъездами; полевая работа в их глазах есть постыдное занятие и исполняется только их женами, которые, так сказать, вполне содержат своих ленивых мужей... Главные страсти народа кимбунда суть: лень, еда, питье, танцы, музыка и разврат. Сказать правду, они лишь тогда ренаются на какую-нибудь работу, когда их принуждает к тому необходимость.

В течение летних месяцев единственное занятие суданцев⁴ есть пастьба скота, которая выполняется младшими членами общины, оставляя людей средних лет и стариков на полную праздность; единственная их работа присутствовать на рынках соседних деревень на расстоянии 5—10 миль в определенные дни недели, продавать овец, коз или скот и покупать для своего хозяйства некоторые мелочи, которых их собственная промышленность не производит. Их деловой сезон начинается с дождями, когда они снимают свои станы и на спине быков переносят свои передвижные жилища и утварь во внутрь страны, где каждое семейство очищает себе участок земли для производства маиса.

Как можно естественно ожидать, народы Индийского архипелага⁵ ненавидят всякое применение труда в такой же степени, как любят возбуждение... Великое препятствие ко всякой

¹ *Atkins, Voyage à Sierra-Leone (Walckenaer, Histoire génér. des voyages en Afrique, 1, IV), 74.*

² *Rüppel, op. cit., 42.*

³ *L. Magyar, loc. cit., 214—215.*

⁴ *Petheric, Egypt, The Soudan and Central Africa, 1861, 167.*

⁵ *Bickmore, Travels in the East Indian Archipelago, Lond. 1868,*

реформе среди этих наций состоит в том, что лишь весьма немногие из них, имея достаточно на сегодня, станут зарабатывать что-нибудь на завтра. «*Carpe diem*» есть поговорка, соблюдаемая здесь более абсолютно, чем в роскошном Риме. Желание всякого европейца сберечь что-либо на случай болезни и на старость есть чувство, которого эти народы, повидимому, не испытывали никогда, и подобная вкоренившаяся непредусмотрительность, к несчастью, поощряется в них с раннего детства тем обилием и расточительностью, с какими природа снабжает их ограниченные потребности. Возможность голода есть вещь, которой они не могут понять.

Если вы желаете, говорит Кеппель¹ об обитателях Индийского архипелага, чтобы туземец сделал для вас что-нибудь такое, что, быть может, займет у него 3—4 дня, то вы должны ему дать лишь столько рису и табаку, сколько достанет ему на один день; если вы дадите ему больше, он не вернется, пока у него останется хоть кусочек; но если вы дадите ему лишь ровно столько, сколько нужно на день, то он явится на свой пост на другой день. Вообще они не выносят контроля и редко остаются на службе долго, хотя бы с ними и обращались хорошо.

В Сирии, в местностях открытых для арабов², нужно сеять с ружьем в руках. Как только хлеб пожелтел, его прячут в *матмуты* или подземелья. Из него извлекают по возможности меньше на посев, так как сеют столько, чтобы прожить; одним словом, ограничивают всякую промышленность удовлетворением первых потребностей... Каждая семья в деревнях делает себе грубую ткань из хлопка, в которую одевается. Каждый дом имеет свою переносную мельницу, в которой жена мелет рожь или дурро для пропитания. Земледельческое орудие—простая ветвь дерева, отрубленная под разветвлением. В горах виноградников не обрезают, деревьев не щепят. Все здесь обнаруживает следы простоты первых времен, которая, быть может, как и теперь, была не более, как грубостью нищеты. Когда спрашиваешь о причине этого недостатка промышленности, то повсюду получаешь ответ: «Это достаточно хорошо, этого довольно, на что послужило бы делать более?»

Таким образом неравномерность и незначительное количество труда можно считать более или менее общим правилом жизни первобытных народов. Отсюда отсутствие богатства, за исключением лишь самых необходимых предметов, и бездна свободного времени. Для наполнения этого времени работою нужно соединение множества условий, которые, большую частью, наступают или только для рабов, трудящихся на самих дикарей, или в форме принудительной работы на европейцев (голландские, испанские, португальские и иные колонии).

¹ *Keppel, The Expedition to Borneo, Lond. 1846, II, 156.*

² *Volney, Voyage en Egypte et en Syrie, 1823, III, 129—130, passim.*

Во многих же случаях означенное непостоянство труда является непреодолимой преградой для прогресса. Переход к более постоянным и правильным занятиям, под влиянием пропаганды европейцев, обыкновенно бывает безуспешен; нужно, чтобы он произошел сам собою. Но история не ждет, потребности возрастают от столкновения с новыми народами, средства к их удовлетворению не прибавляются,—и вот перед нами одна из существенных причин вымирания первобытных рас.

* * *

Насколько незначительно регулирован труд, столь же мало регулировано и потребление на ранних ступенях развития. Сегодня работы много, завтра абсолютная лень; сегодня голод, завтра обжорство.

В 1831 году близ фактории Иорка¹ на севере Америки произошло расточительное избиение оленей. Туземцы взяли несколько мяса для немедленного употребления, но тысячи тел были пущены по течению, заражали гниением берега или плавали по Гудсон-Баю, где питали морских птиц и полярного медведя. Точно в виде отместки за эту варварскую бойню, в которой принимали участие даже женщины и дети, олени после того ни разу больше не посетили этой страны в подобных числах. Такому собственному неблагоприятному туземцев следует приписать последовавшие случаи смерти от голоду и покидание престарелых и беспомощных.

Еда для американцев-дикарей то же, пишет один миссионер², что напиток для пьяниц Европы. Эти всегда жаждущие души с удовольствием умерли бы в чаше мальвазии, а дикари в кастрюле с мясом; те только и говорят, что о напитках, эти—только о еде... Они думают, что глупо и нелепо отказываться от самого большого удовольствия, какое они могут иметь в своем раю, т. е. в желудке... Первое, что они делают, вставая поутру, это протягивают руку к своей коробке из коры за мясом и принимаются за еду. Они кончают день как начинают; кладя голову на подушку, они имеют еще кусок во рту.

Наши монголы, говорит Мишье³, прославивши свою первую еду и выпивши свой чайник чаю, поставили снова кастрюльку на огонь и приготовили остаток козы, на который они еще раз накнулись после обеда, попозже. Прожорливость и объем монгольского желудка равняются тем же качествам желудка дикого зверя. Они едят, когда могут, и постятся, когда должны, и их пищеварение никогда не расстраивается ни тем, ни другим из этих условий. Они очень сильно походят на своих верблю-

¹ T. Simpson, Narrative of the Discoveries on the North Coast of America, Lond. 1843.

² Perrot, op. cit., 175.

³ A. Michie, The Siberian Overland route, Lond. 1867, 108—109.

дов этими полезными качествами, столь необходимыми в пустыне. Наши монголы, правда, ничего не ели со времени оставления Хан-Киа-Коу. Они постились, по крайней мере, неделю и шли почти без сна все это время и, тем не менее, не чувствовали усталости, которую должны были испытывать. Конечно, с ними было немного проса и китайского теста, небольшое количество которого они опускали в чай, когда пили его, но настоящей пищи они не имели никакой. Они редко носят с собою мясо, находя более удобным нести его у себя в желудке.

Заведенные с давнего времени огороды поддерживались у одних тоёнов (жители Курильских островов)¹; но курильцы мало заботились поддерживать огородничество... В 1830—1831 годах приступлено было вновь к разведению огородных овощей; посаженные овощи родились хорошо, но курильцы их съели, не оставив даже на семена до следующего года.

Рассказы о том, что там-то, напр., якут съел в три дня лошадь, а там-то выпил за один присест пуд топленого масла — не редкость, и хотя они на первый раз кажутся совершенно невероятными, однако совершенно справедливы². Английский путешественник Симпсон призвал к себе однажды в Якутке двух известных едоков и поставил перед ними два пуда вареной говядины и пуд растопленного масла; каждому дали ровно по пуду мяса, а масло они должны были пить или есть большими ложками. Один якут бы стар и опытен, другой молод и жаден. Последний имел сначала преимущество. «У него зубы хороши», сказал старик, «но помощью святых (здесь он перекрестился) я его скоро догоню». Когда половина была съедена, Симпсон оставил благородных гостей под надзором своего секретаря. Когда путешественник возвратился через два часа, секретарь доложил ему, что все было съедено, что подтвердили растянувшиеся на полу обжоры, которые, целуя землю, благодарили за обильный обед. После того, они как змеи, три, четыре дня пробыли в каком-то полусознательном положении, не пили и не ели, и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищеварение. При каждой богатой свадьбе двое таких искусных едоков должны увеселять гостей своим обжорством. Одного угощает родня молодого, другого — родня молодой, и сторона победителя считает это за хорошее предзнаменование. Вообще должно сказать, что обжорство не только не считается у якутов каким-либо пороком, но, напротив, особенною доблестью.

Один из наших якутов, говорит Сарычев³, взял на дорогу четыре пуда масла и жиру и два пуда ржаной муки. Все это должно было продержаться долго, но не прошло и двух недель,

¹ А. Полонский, Курилы, «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», Спб. IV, 1871, 367.

² Костров, Очерки юрид. быта якутов, «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», 1878, VIII, 266.

³ Sarytschew, I, 129.

как он уже стал жаловаться, что ему нечего есть; сначала я не хотел верить, что один человек в такое короткое время мог все это съесть, но прочие якуты совсем поразили меня, сказав, что он при случае съедает дома в 24 часа заднюю четверть большого быка или полпуда жиру и столько же жидкого масла.

Чрезмерное потребление тюленьего мяса эскимосами¹ дает верное объяснение недостатка этих животных. По древним обычаям эскимосов, все участвуют во всем. Когда они перемещаются в большом числе, то тяжесть, лежащая на каждом отдельном поселении для их прокормления, бывает чрезмерна. Количество, потребляемое членами одного семейства, показалось бы чужеземцу громадным, но оно скорее составляет необходимость их особенной жизни и организации, нежели результат чрезмерной жадности: при деятельном упражнении и постоянном пребывании тела на холоде, органические потери должны быть громадны. Когда они сидят дома и отдыхают, работая над своею костяною утварью, над сетями для птиц и пр., они едят, как и мы в более цивилизованных странах, для животного удовольствия и для проведения времени. Но, будучи на охоте, они едят только раз в день и то часто лишь по окончании дневного труда; они выходят на лед без завтрака, и, за исключением холодной закуски в большом количестве, не едят ничего до самого своего возвращения. Во время изобилия можно приблизительно верно определить дневную порцию эскимоса в 8—10 фунтов, с супом и водою до $\frac{1}{2}$ галлона.

Для первобытного человека, читаем у Бёртона², еда есть цель существования, забота его дня, сновидение всей его ночи. Цивилизованный человек, никогда не имевший голода, который не был бы удовлетворен немедленно, не может понять, до какой степени душа его дикого брата находится под господством желудка; он не может понять восторга, в какой ввергает вид трупа старой козы человеческое животное, поглощаемое голодом, и ревнивого взгляда, с которым этот голодный смотрит на того, кто ест.

Тот самый бушмен, который с пятью земляками съест жирную овцу в один³ час, в течение же полуночи целую кваггу с кожей и шерстью, в состоянии терпеть голод от 3 до 16 дней и даже больше, если ему и не предшествовало подобное пиршество. Часто причина подобного воздержания простая лень; бушмен охотнее зашнурует себе брюхо и проспит голод, чем предпримет телесный труд на доставление пищи.

«Что касается до моих готтентотов, то я не преувеличиваю⁴, говоря, что они съели по 8 фунтов зебры каждый в один час и потом понемногу еще по 3 или 4 фунта прежде, чем заснули».

¹ *E. K. Kauc, Arctic Explorations, Philadelphia 1856.*

² *Burton, Voyage aux grands Lacs de l'Afrique Orientale, 1862, 593.*

³ *Lichtenstein, op. cit., 318.*

⁴ *Thompson, Biblioth. Univers. des voyages, XXIX, 178.*

Самый способ¹ есть ясно показывает прожорливость аппетита готтентотов. Отрезав от животного большой кусок, они начинают резать его с края, и, проходя по нем спиралью вокруг, пока не дойдут до середины, делают из мяса ремень в 2—3 ярда длины, смотря по объему куска. Все животное изрезывается в такие куски, и пока некоторые заняты этим делом и развешиванием мяса на ветвях деревьев, другие поджаривают свернутые в свитки ремни на пепле. Как только мясо хорошо согрется; они снимают его с огня, хватают обеими руками и, приставив один конец ремня ко рту, скоро поканчивают целый ярд мяса.—Когда бушменам удастся пригнать к стану стадо скота, этот скот убивается в таком количестве, что скоро делается добычею гнили и заражает воздух смрадом. Колонисты, преследующие бушменов, узнают места их расположения по стадам коршунов, носящихся над ними.

Общими чертами нравов, большею частью южноамериканских индийцев, признаются, между прочим, следующие²: жадность до обжорства, когда у них есть чем удовлетворить себя, умеренность в случае нужды до того, что могут обходиться без всего, не показывая и вида, что желают чего бы то ни было, вражда к труду, занятие только настоящим, отсутствие всякого беспокойства о будущем, неспособность к предусмотрительности и размышлению.

«Удивительно видеть, сколько они едят, их обжорливость выше всякого описания»³.

«Кажется странным, что туземцы Аруанских островов⁴ не сажают у себя кокосовых орехов, но причина заключается попросту в том, что они не могут решиться закопать в землю такую прекрасную вещь, имея в виду собирание плодов только через 12 лет. Кроме того, если не сторожить плода днем и ночью, то его, вероятно, выруют и съедят».

После жатвы у жителей Камбоджи⁵ начинается пиршество, одна деревня зовет другую в гости, убивается много быков, едят после продолжительных лишений до обжорства и болезней. В голодное время питаются отростками бамбука, летучими мышами и т. п.

Жители северной Австралии⁶ при своих переселениях терпят часто такие лишения от голода, что утоляют его муки, глотая шарики из глины.

Кит есть величайшее лакомство, какое только достается австралийцу⁷. Когда он стоит около гигантского трупа одного

¹ *J. Barrow*, *Travels into the interior of South Africa*, 1806, 102.

² *De la Condamine*, *Voyage dans l'Amérique*, 1745.

³ *J. Gumilla*, *Histoire de l'Orénoque*, 1758, II, 12.

⁴ *Уаллас*, Малайский архипелаг, 488.

⁵ *Mouhot*, *op. cit.*, 249.

⁶ *Keppel*, *Indian Archipelago*, II, 156.

⁷ *G. Grey*, *Two Expeditions in Australia*, II, 276—277.

из этих чудовищ, он может быть сравнен с мышью, стоящею перед высоким пирогом. Невозможно цивилизованному человеку войти в представление дикаря при таких обстоятельствах, так как первый никогда не был в подобном положении, никогда не имел такого количества пищи, помещенной перед ним сразу. Поэтому, когда туземный собственник найдет кита, выброшенного на берег в его владениях, все его чувствования испытывают внезапное превращение. Вместо того, чтобы бояться покусения на свою собственность, он исполняется щедрости и жаждет увидеть около себя своих друзей. С этой целью он немедленно принимается за дело с женою и зажигает большие огни для оповещения окрестности о столь радостном событии. Исполнив эту обязанность, он натирает всего себя салом, потом обмазывает своих любимых жен, и, приготовленный таким образом, прорезывает свой путь до мяса, которое твердо, как гусиное перо, избирает лучшие кусочки и печет их на огне или жарит, накалывая мелкие куски на палку. Постепенно начинают появляться другие туземцы из окрестностей: ночью они танцуют и поют, а днем едят и спят, и это пиршество тянется без перерыва целые дни, пока им не наскучит проедать свою дорогу в ките, и вы видите, как они лазают взад и вперед по вонючему остову, выбирая лучшие куски.

Мы видим из сказанного, что лень и чрезмерные усилия, с одной, обжорство и голод, с другой стороны, представляют самые существенные недостатки экономической организации первобытных народов, которые однако непосредственно вытекают из самых условий, в какие она поставлена. Не подлежит сомнению, что основною их причиною является невозможность регулировать производство и потребление сравнительно незначительного числа людей, которым, в силу самой их обстановки, необходимо добывать себе средства существования не иначе, как с определенного пространства земли и определенными только способами. Племя охотников или рыбаков легче подвергнется вымиранию от голода в случае недостаточности пищи, чем внезапно перейдет в высшее состояние культуры. Все эти недостатки лишь мало-помалу уступают место все более и более машинообразному и правильному отправлению двух великих экономических процессов—производства и потребления, по мере возрастания цивилизации, а, вместе с нею, и числа участников в общественном хозяйстве, и, что всего важнее, по мере расширения сношений между ними. Чтобы оценить всю громадную важность путей сообщения для правильного снабжения населения средствами существования, достаточно обратить внимание на то, что отдельные члены племени, находящегося на низших ступенях развития, в течение целых поколений бывают лишены возможности ступить на территорию соседей, под опасением потери жизни. Понятна отсюда вся изолированность и беспомощность подобных племен в случае

недостатка пищи. Вот несколько поучительных примеров подобного состояния вещей.

У народа, говорит Де-Роша¹, у которого не существует различия профессий, каждый умеет обрабатывать землю, построить пирогу, хижину, сплести сеть для рыбной ловли, словом, удовлетворить всем своим потребностям; обменов бывает лишь очень мало. Но что еще более уменьшает их число,— это разрозненность, в какой живут отдельные племена, хотя они возделывают участки различного положения и качества, большей или меньшей легкости орошения, более или менее благоприятного положения их относительно лучей солнца, и хотя продукты их, по всем этим причинам, более или менее различны. Кокосы, бананы очень редки на юге острова и вовсе не редки в нескольких лье к северу. Тем не менее, обменов не происходит вовсе. Есть только несколько местностей, располагающих рынками. Прибрежные жители Муйона не возделывают тарони ингаме, разве только в недостаточном количестве, но предаются весьма деятельной ловле рыбы, продукты которой они меняют на хлеб, приносимый им в определенные дни земледельцами долины Коини. Случается иногда, что покупается пирога, что заказывается хижина и пр., но эти случаи редки и не дают начала ни отдельным профессиям, ни последующей торговле... Ни в каком углу цивилизованного мира обращение между людьми не ограничено в такой степени, как на Новой Каледонии. Чтобы пойти в чужое племя, нужно быть с ним знакомым или пожелать быть съеденным. Посещения, отдаваемые друг другу туземцами, почти всегда коллективны. Начальник получает приглашение на праздник от одного из своих соседей и отправляется туда с большим парадом, в сопровождении свиты своих избранных воинов. Кроме этих случаев только родственники или друзья отдают соседям визиты. Аристократическая каста заключает довольно часто браки между союзными племенами, и эти союзы поддерживают сношения и посещения. Но сами племена, как бы ни мало они были удалены друг от друга, не сообщаются между собою *вовсе*; различия в языке были бы сами по себе препятствиями в этих сношениях (хотя возникли, как результат отсутствия сношений). Только соседи могут понимать друг друга, потому что их идиомы близки и потому что здесь, как и во всем свете, на границе говорят на двух языках.

На Новой Зеландии *нет* публичных дорог²; тропинки существовали между деревнями, но ни одна из них не была сделана или поддерживаема,—это были просто следы ног, не намеренно оставленные странниками.

¹ De Rochas, La nouvelle Calédonie, 248—250.

² A. Thomson, The Story of New Zealand, Lond. 1859, I, 94 и сл.

В Сирии¹ от города до города нет ни дилижансов, ни почты... Отношения поддерживаются между городами частными возничими, которые никогда не имеют постоянных сроков отправления. Причина в том, что они не могут иначе отправляться в дорогу, как группами или караванами. Никто не путешествует в одиночку ввиду малой безопасности дорог. Дороги в горах весьма тяжелы, потому что жители, вместо того, чтобы исправлять их, — делают их почти *непроездными*, для того, говорят они, чтобы отнять у турок возможность привести свою кавалерию.

«В моем описании ведд Нильгала и Бинтенне», говорит Байли², «хорошо держать в уме, что хотя они живут на расстоянии, не превышающем 50 миль, но между ними не имеется *никаких сношений*. Ни один отдельный ведда одного округа *никогда* не видал такого же ведду другого округа. Они совершенно различны, но только в географическом отношении. Они наследовали одни и те же обычаи, суеверия, имена и диалект».

В отношении сухопутных дорог китайцы³ остаются *позади* большей части образованных народов. Если исключить окрестности столицы и нескольких местностей, где связь каналов с судоходными реками прерывается горами, то вряд ли можно найти во всей империи дорогу, которая заслуживала бы название чего-либо большего *тропинки*.

Но зато в Китае, как и в Египте, водяные пути сообщения с успехом заменяли и заменяют сухопутные, и только этим объясняется компактный и слитный характер той и другой цивилизации. В Перу та же цель достигалась при помощи прекрасных дорог.

Никакой настоящей *дороги не существует* в местностях Африки, о которых мы говорим, пишет Спик⁴, и худшая дорога, которую может взять путешественник, есть та, которую обыкновенно следуют торговые караваны. Это, впрочем, касается не только того, что частота сообщений мало-помалу подрывает, благодаря злоупотреблению, делаемому из нее, традиции гостеприимства, но также и того, что постоянные сношения с полудивильзованным торговцем постепенно портят врожденную честность туземцев, дают выход их страстям и знакомят их с огнестрельным оружием, престиж которого прежде поддерживал в них страх.

«Пестрый образ карты народов в этой части Африки» говорит Швейнфурт⁵, «вызывает на сильное размышление того,

¹ Volney, op. cit., 134—135.

² I. Bailey, Wild Tribes of the Veddahs of Ceylon (Transact. of the Ethnol. Society, II, 281).

³ I. Barrow, Reise durch China etc., 1804, 186.

⁴ Speke, Les Sources du Nil, 14.

⁵ G. Schweinfurth, Im Herzen von Africa, Leipz. 1872, 2-te Auflage, 64.

кто хочет себе дать разъяснение о причинах, которые, повидимому, совершенно исключили из программы истории этого континента прогресс и достижение высшей степени культуры. При почти совершенном *отсутствии сношений* между соседними племенами различного языка,—так как только на полчаса перейти в чужую область было бы смелым делом, за которое отдельное лицо обыкновенно должно было бы заплатить своею жизнью,—нам то встречается *перенаселение* отдельных, особенно благословенных местностей, имевшее последствием выселение и совершенное изменение образа жизни, причем пастушеские народы переходили в земледельцев, или земледельцы превращались в пастухов; то мы видим вымирающий остаток погибшего народа, который оказывает отчаянное сопротивление против окружающего его насилия; то замечаем, как мелкие, разветвившиеся племена покоряются и привлекаются к повинностям и т. д.;—все это представляет намеки, которые даются нам в руки, чтобы разъяснить беспримерную путаницу народов, прилив и отлив рас и образование языков во внутренней Африке».

Предоставляем самому читателю судить о том, до какой чрезвычайно сильной степени указанные на предыдущих страницах отрицательные условия правильного существования изменяют картину жизни первобытных народов, составленную на основании привычных признаков окружающей нас европейской действительности. Постоянство занятий и потребления, быстрота и правильность способов перемещения,—представляют для европейца то же, что воздух для дыхания, и, подобно этому последнему, признаются им за нечто подразумеваемое само собою, всеобщее и вечное. А между тем какую продолжительную и преисполненную жертв историю оставило за собою все относящееся к происхождению и развитию означенных положительных условий существования, служащих опорой новейшей цивилизации, и какое глубочайшее значение имеют те физические и моральные последствия для общества, которыми она сопровождается? Достаточно будет одного примера для выяснения только что сказанного. Абсолютная свобода воли и деятельности первобытного человека обыкновенно является аксиомою в глазах современного европейца, который сравнивает вольную жизнь в степях и лесах с стесненною и встречающею тысячу преград жизнью в густо населенном европейском городе. Но так ли это; действительно ли человек, стоящий на низших ступенях развития, менее стеснен в выборе своей деятельности, нежели средний европеец? Оставляя в стороне все прочие опровержения этой мысли, довольно сослаться на факт неполного удовлетворения одной частной потребности первобытного человека, на недостаточность способов его передвижения, чтобы убедиться в противном. Нуждаясь в перемене места, как в одном из средств существования, он не может пока-

заться на соседней территории; отсутствие дорог не позволяет ему двигаться правильно, малейшее бедствие с домашним скотом оставляет его при одних только личных способах перемещения. Он, правда, свободен, говоря теоретически, уйти в каждую минуту жизни, куда пожелает, но, принимая на себя все тяжкие условия, которые делают это передвижение фактически почти невозможным.

Совсем иное дело современный европеец: когда ему понадобится переменить свое местопребывание, к его услугам готово по несколько поездов в сутки в самые отдаленные местности. В выборе времени для своего перемещения, при прочих равных условиях, он стеснен только сроком отхода поезда, насколько этот последний обуславливается не одними только его личными интересами, а интересами массы. Но в этом-то кажущемся стеснении личности подавляющим давлением массы и проявляется великое начало цивилизации, неизвестное никакому первобытному народу. Самое стеснение, самая механичность и правильность общественного производства, перемещения и потребления ведут к предоставлению каждому отдельному индивидууму такой свободы выбора действий, о какой и не снилось вольному сыну лесов и степей, подавляемому более компактною массою. Именно потому, что правильное отправление поездов в определенные только сроки обуславливается участием в перемещении громадных масс народа, каждый индивидуум волен ехать не с тем или другим определенным поездом, а с каким ему заблагорассудится. Непрерывность и правильность движения по железным дорогам несколько не зависят от того, приняло или не приняло участие в этом движении то или другое отдельное лицо. Желающих ехать в срок отправления поезда во всяком случае будет достаточно, — вот на чем покоются все расчеты предпринимателей. Таким-то образом механическое воздействие масс на индивидуума, характеризующее исключительно новейшую цивилизацию, одно только создает условие действительной индивидуальной свободы личности, которой первобытный человек лишен фактически, если не в собственном представлении. Он также действует рядами и шеренгами, с тою великою разницей, что в силу полной однородности своего положения с массою, он не способен ни на минуту из нее выступить. То же самое справедливо и относительно правильного снабжения населения продовольствием и работою. О какой самостоятельности личности может идти речь среди народа, который, как в Индии, периодически вымирает миллионами с голоду, то вследствие отсутствия правильных путей сообщения с местностями, которые могли бы снабдить его пищею, то вследствие порчи и разрушения способов возделывания земли?

ГЛАВА VI

Понятия первобытных народов о движимой собственности. —
Движимая собственность у народов рыболовных и охотничьих. —
Движимая собственность у народов кочевых и сельскохозяйственных. —
Знаки собственности. — Воровство. — «Муру».

В высшей степени интересный экономико-юридический процесс представляет постепенное выделение и обособление все более и более частной движимой собственности из области собственности общинной. Жаль только, что существующий по этому предмету материал отличается крайнею разбросанностью и скудностью, и потому позволяет не более как намеки относительно действительного хода означенного процесса. Следующую общую характеристику обособления движимой собственности, которое обыкновенно предшествует обособлению собственности на землю, можно, кажется, считать более или менее универсальной. В прямой зависимости от общинного труда по добыванию средств существования, движимые вещи, как мы имели уже случай видеть, первоначально принадлежат сообща всем членам родственной или родовой охотничьей, рыболовной, пастушеской и земледельческой общины. При таком состоянии общества даже действительное выделение индивидуального труда, например, того или другого более ловкого охотника и рыбака в общине, женщины в семье и пр., не ведет еще за собою выделения индивидуальной собственности на отдельно добытый продукт. Но мало-помалу труд отдельного члена общины, поставленного в изолированные от других условия производства, начинает служить естественным мотивом для выделения отдельной движимой собственности. На первых порах подобное выделение относится не к той или другой индивидуальной личности, а к меньшей общине. Таким образом возникает движимая собственность братства, рода, семейства. Но обособление движимой собственности не останавливается на этом, а идет все далее и далее, пока каждый самостоятельный член семейства не будет признан действительным, отдельным собственником тех или других предметов оружия, орудий, украшений, одежды, утвари, скота, даже жен или рабов. Это не мешает, впрочем, и самим женам и даже рабам иметь очень

рано свою отдельную собственность, а по мере эмансипации тех и других, отдельные их права все более укрепляются и возрастают. Коль скоро то или другое орудие, добытое индивидуальным трудом, признается и индивидуальной собственностью или, по меньшей мере, собственностью меньшей общины, то естественным последствием этой принадлежности является и отдельная собственность на произведения, добытые с помощью этого орудия. Так, напр., при общей ловле рыбы отдельными снастями, добыча распределяется между участниками сообразно количеству и размеру снастей каждого, так как эти последние представляют в подобном случае изменяемую величину, в отличие от постоянной, — текущего труда каждого владельца снастей. Наряду с самостоятельным трудом, потраченным на изготовление орудия и на самое производство той или другой вещи, стоит и завоевание, представляющее на первоначальных ступенях развития также род самостоятельного и преисполненного опасностей труда. Таким образом обособляющийся труд является единственною первоначальною причиною возникновения частной собственности на движимые вещи, все равно, обособляется ли при этом меньшая община от большей, или отдельный индивидуум от семьи. Но пока отношение принадлежности продолжает оставаться непосредственным отношением только одной данной личности к продукту собственного производства, оно отличается шаткостью и неопределенностью. Судьба той или другой вещи, хотя уже и выделенной в отдельную собственность, остается долговременно связанной волею целой общины, к которой принадлежит собственник. Только правильное и частое отчуждение кладет конец этому состоянию, но и то далеко не сразу. Сам владелец сохраняет за собою в течение продолжительного времени право выкупить вещь обратно. После него то же право принадлежит членам его семьи, рода, общины, племени. За долги и правонарушения отдельных лиц отвечает семья, род, община. Только полное бесповоротное отчуждение вещи ставит резкую и определенную грань между «моим» и «твоим» и придает понятию «вещи» точный и определенный смысл. Такое отчуждение, или, что то же, мена, является естественным последствием обособления труда. Человек, поставленный в возможность делать что-либо особое от других, в скором времени необходимо совершенствуется в своем промысле, увеличивает производство и приобретает запас для сбыта. Так как у первобытных народов наиболее сильные и ловкие работники обыкновенно избираются в вожди, то неудивительно, что первая частная собственность — одежда, оружие и пр. — образуется у этих последних. Однако мы видели в предыдущей главе, что и они не имеют права располагать ею в свою собственную пользу, а обязаны раздавать ее от времени до времени обратно народу. Отсюда следует, что и этот род частной собственности долговременно поглощается общиной.

Обратимся теперь к изложению ряда собранных нами данных, относящихся к первобытному состоянию права собственности на движимое имущество, насколько оно выражается в быту различных рыболовных, охотничьих, кочевых и земледельческих народов, постепенно выделяясь и обособляясь из общей массы общинных прав, по мере усложнения труда в обществе.

По словам Моренго¹, фиджийцы живут многочисленными обществами родичей, в числе 10—12 женатых мужчин с семействами, члены которых помогают друг другу *взаимно доставлять средства существования* и проводят время в изобилии, среди удовольствий и празднеств.

Индийцы, поселенные у мыса С. Лукар в Калифорнии², казалось, пользовались *сообща всем*, чем обладали. Когда они выменивали рыбу на старые ножи, которыми суда были хорошо снабжены, они отдавали их первому попавшемуся индийцу, который был около них, и когда находили, что получили довольно, то не следовало более надеяться на продолжение с ними торго.

Закон раздела охоты у южноамериканских тегуэльчей³ состоит в следующем: человек, поймавший страуса, поручает его пести в стан другому охотнику, впоследствии делится с ним добычей, оставляя в свою пользу перья, мясо от головы до грудной кости и одну ногу; если убит гуанако, то ловцу принадлежит лучшая половина.

У североамериканских индейцев⁴ частные права поддерживаются и охраняются. Покупка, завоевание или труд дают частное или общинное право собственности на все продолжение жизни. Поднятие и преследование оленя не дает никакого права на это животное, если другой индеец убьет его; но если первый нанесет оленю рану, то он может заявить требование на этого оленя, хотя бы другой и убил его; вообще, они делят мясо, шкура же принадлежит первому охотнику. Бак (94) рассказывает про одного чипчевея, что он после голодного дня убил зверя музу из *чужого ружья* и отдал его, согласно охотничьему праву, без всяких рассуждений владельцу ружья.

«И этот грубый человек», говорит Марциус о бразильских индейцах⁵, «знает различные роды ценности; он различает вещи, которые обеспечивают ему материальную пользу, и другие, к которым он стремится из гордости и честолюбия. Среди миранда, которых я созвал в барабан для обмена оружия и украшений, был один, у которого было ожерелье из зубов редкой змеи. Напрасно я предлагал ему за ожерелье много топоров; гордость его сопротивлялась всякому искушению, так как этот

¹ Morenhaut, op. cit., 69.

² W. Rodgers (Bibl. Universelle des Voyages, II, 21).

³ G. Musters, At Home with the Patagonians, Lond. 1871, 71.

⁴ H. Schoolcraft, op. cit., 193.

⁵ Marzius, op. cit., 40 и сл.

трофей охотничьей удачи поднимал его в глазах соплеменников; но никто из них не осмелился бы украсть украшение у охотника, как и в цивилизованных странах никто не украл бы известных знаков ордена, чтобы носить их самому. Эти вещи служат у них единственными залогами, как бы вместо честного слова, что долг будет уплачен... До ознакомления с европейцами самыми ценными движимыми вещами бразильского дикаря, вероятно, были canoe, с трудом выдолбленные каменными топорами и огнем. Со времени появления европейцев железные сосуды и другие продукты цивилизации увеличили число собственников, а с ними и покушение к воровству; но эти европейские продукты составляют еще такую редкость и владение ими так заметно, что открытие кражи и требование возвращения украденного следует одно за другим почти непосредственно. В этом может лежать причина редкости воровства между соседями. Иначе дело стоит во время войны, когда собственность побежденного увозится как добыча, или в жару победы истребляется. Частною собственностью—вроде того, как у наших предков считались оружие у мужчин, платья и ленты у женщин,—и бразилец признает оружие и украшения у мужчин, украшения и платье, если оно имеется, у женщин, которое для них, впрочем, также составляет украшение. Все прочее—ковры, горшки, сосуды для приготовления пицы (и хижина) составляют собственность семейства. Если несколько семейств живут в одной хижине, то означенные предметы лишь редко служат всем сообща, потому что каждое из них обладает своими и не нуждается в чужих. Из сказанного следует, что отдельное лицо находит вернейшее обеспечение собственности во всеобщем равенстве и в малой ценности этой последней для других. Лишь очень редко сберегает индеец свою собственность у старшины, не считая ее безопасной у себя в хижине. Это случается преимущественно с украденными вещами, особенно с жизненными предметами».

У алеутов¹ кто первый попал в тюленя стрелю, тот имеет право на его шкуру. Чья стрела впервые попала в морского медведя, тот получает половину шкуры и внутренности, и, сверх того, имеет право другую половину шкуры отдать любому товарищу по охоте; тот, чья стрела была вторая, получает шею и прочие внутренности; третья стрела дает право на пузырь, четвертая и пятая на передние, шестая и седьмая на задние плавники. Мясо же разделяется между всеми, принимающими участие в охоте, поровну. В начале ежегодной охоты тот, кому придется убить первого морского льва, разделяет приходящуюся ему часть между всеми своими соседями; но кости должны быть ему возвращены обратно, и когда они собраны все, то бросаются в море.

¹ *Sarytschef*, op. cit., II, 125.

Если охотник-гренландец¹ убьет тюленя стрелой, но последний ускользнет и позже будет добит другим, то зверь все же принадлежит первому, если его стрела находится в теле животного. Если оба попадают одновременно, то делят зверя вдоль, и каждый берет половину. Если будет найден мертвый тюлень со стрелой в теле, то он принадлежит находчику, который должен возвратить владельцу его стрелу. Кит всегда общая добыча охотников, хотя бы его убил и один из них. Если кто-либо занимается ужением рыбы, а другой подойдет и возьмет на время уду в руки, то рыба, клюющая в это время, принадлежит ему (уда представляет незначительную ценность, непосредственный труд ужения—большую). Если многие встретили животное на земле, то оно принадлежит тому, кто попал ближе всех к сердцу.

Только что изложенные факты наглядно показывают нам, с какою внимательностью и тонкою разборчивостью относятся первобытные народы к оценке всех случайностей, способствующих наиболее справедливому решению вопроса, кому именно из охотников принадлежит право личной собственности на ту или иную убитую, при специальных условиях, дичь. Тут ясно обозначается тот момент развития общества, когда начинают особенно оцениваться такие качества отдельной личности, как большая ловкость, храбрость, сообразительность, быстрота натиска, и обладающая ими личность получает некоторые особые от других права. Впрочем, подобная тщательная оценка преимуществ отдельного охотника, по всей вероятности, относится к охоте небольшими группами или в одиночку, где самое положение охотника служит источником возникновения для него особых прав. Что же касается до совместной охоты больших групп, то здесь обыкновенно лучшие качества лучших охотников оцениваются лишь настолько, насколько они служат интересам целой группы.

Нижеследующая характеристика имущественного быта эскимосов, принадлежащая датскому писателю Ринку, составляет одно из лучших исследований в области экономических отношений первобытных народов, какое только нам известно. Ввиду этого особенного интереса предмета, мы решаемся изложить его с несколько большими подробностями, чем те, к которым мы прибегали прежде.

Род жизни эскимосов² есть главным образом охотничий и рыболовный; поэтому они могут быть рассматриваемы, сравнительно с другими народами, как не имеющие никакой правильной собственности. Они обладают только необходимейшими орудиями, утварью и запасом провизии, менее чем на один год; и это имущество никогда не переходит за известные границы,

¹ *H. Helms, Grönland und die Grönländer, Leipz. 1868, 90—91.*

² *H. Rink, Tales and Traditions of the Eskimo, 1875, 9 и сл.*

определенные традицией или обычаем. Понятия об этих границах, которые имеют большое значение по отношению к социальному порядку эскимосов, и законы или обычаи, которые будут рассмотрены ниже, могут быть классифицированы следующим образом: 1) право собственности, принадлежащее *всей ассоциации* или вообще более, нежели одному семейству, простирается на зимний дом, который, впрочем, имеет действительную ценность только по отношению к дереву, употребляемому на построение его, все же остальное строится из таких материалов, которые можно найти везде; 2) право собственности, принадлежащее *одному* или, самое большее, *трем родственникам семейства*, обнимает палатку, все хозяйственные вещи, лампы, деревянные блюда, каменные горшки, лодку, или *умаак*, которая одна может поместить в себе все эти вещи вместе с палаткой; далее идут одни или двое саней с запрягаемыми в них собаками, запас зимней провизии на два или на три месяца и, наконец, изменчивый, но всегда незначительный, запас продуктов для мены; 3) право собственности, принадлежащее *отдельному лицу*, распространяется на одежду, которой, если не у всех, то у главных членов семейства, имеется по две перемени, редко более; на принадлежности шитья женщины и на некоторые орудия для работы по дереву; на оружие для сухопутной охоты и на каюки. Лишь немногие первоклассные охотники за тюленями имеют по два каюка, но некоторые из них имеют по две смены принадлежащих к ним снарядов, именно большой гарпун с пузырьем и веревкою, пузырьное копьё или дротик, меньший гарпун с пузырьем, прикрепленным к его клинку; птичье копьё или стрела; уды и различные мелкие предметы. Каюки обыкновенно бывают предназначены только для одного лица.

За исключением домов западных эскимосов, которые, будучи из дерева, имеют значительную ценность, условия собственности, повидимому, почти одинаковы повсюду. Туземцы перевозят с собою в своих каюках почти все свое движимое имущество во время летних странствий, и, приставая к какой-нибудь узкой полосе земли, которую нужно пересечь, они переносят на себе каждую вещь, вместе с лодкою. Несмотря на весьма ограниченное стремление к накоплению собственности, эскимосы поддерживают между собой род обмена, и для этой цели предприимчивают некоторые из самых отдаленных своих путешествий.

Жизнь охотничьего народа, и в том числе эскимосов, повидимому, дает образоваться известной естественной взаимопомощи или соединенному владению вещами, которое ограничивается более или менее широкими кругами отдельных лиц и регулируется известными правилами и обычаями. То, что отдельное лицо зарабатывает своим трудом, делается, благодаря этому сотрудничеству, доступным для других, и это ограничение его права собственности необходимо должно иметь про-

тивовес в известных обязательствах со стороны других лиц. Иными словами, так как право собственности у всех охотничьих народов подвергается специальному ограничению, то личные права их и обязанности должны иметь соответствующие особенности.

Меньшие общины или подразделения племени эскимосов, покоящиеся на взаимном союзе, подходят под следующие три категории: семейства, обитателей одного дома и обитателей одного зимовища или одной деревни. Между самими зимовищами, повидимому, подобной связи не существует. Обратимся прежде всего к семейству. Последнее в узком смысле обнимает неженатых детей, вдов и других беспомощных лиц, которые были усыновлены на основе родства и занимают более или менее служебное положение. Так называемые рабы или военнопленные западных эскимосов живут в одинаковых с ними условиях. Самый способ жизни этого народа вряд ли допускает иное обращение с рабами, чем с подчиненными членами семьи. В более широком смысле семейство обнимает и женатых детей, когда они не имеют отдельного хозяйства, приобретаая в то же время отдельный каюк для летних работ. Соединенная собственность, употребление принадлежностей охоты и общий труд для приобретения средств существования, повидимому, совместно определяют действительное общение жизни семьи или родственников. Право быть усыновленным в семье может быть предъявляемо также вотчинами и мачехами. Вновь вступившая в брак пара обыкновенно присоединяется к родителям известной семьи, и коль скоро родители другой семьи становятся более способными содержать себя сами, то и они разделяют жилище с детьми. Сверх того, братья, сестры без женихов, равно как вдовы братьев, также усыновляются семьею, если этого требуют обстоятельства. Где теща есть член семьи, там подчинена ей падчерица или жена хозяина дома. У иных мужчин бывает и по две жены, в том числе одна konkубина. Благодаря таким приспособлениям, каждая семья имеет более, нежели одного кормильца. Если сыновей больше нежели один, то иногда второй сын, приобретая каюк и палатку, устраивает особенное семейство и хозяйство. Владелец каюка или палатки рассматривается таким образом, как глава семейства, и называется обыкновенно другими членами семьи—*игтуат*, т. е. «собственник»... Когда мужчина умирает, то старший сын его наследует каюк и палатку с обязанностями, лежащими на кормильце. Если нет взрослого сына, его место занимает ближайший родственник и усыновляет его детей, как своих пасынков. Но когда эти последние вырастают и сами делаются кормильцами, то их мать-вдова может по произволу или учредить особое хозяйство с ними без всяких дальнейших обязательств к усыновителю, или оставаться в прежнем. Что касается до наследства вообще, то следует помнить, что у гренландцев оно представляет скорее вопрос

обязанностей и тягостей, нежели личной выгоды. Еще более: единственное действительное наследственное имущество—каюки и палатки—требуют ежегодного ремонта и покрытия новыми шкурами в таком количестве, какое может доставить один охотник средним числом в течение года. Следует еще заметить, что разделение семьи не нарушает родственных отношений и связей даже на большом расстоянии.

Ближайшим родом общины является соединение жителей одного дома, в котором обитает более, нежели одно семейство. В качестве общего обычая, это существует только в Гренландии, где часто живут вместе три или четыре, а иногда и большее число семейств. Каждое из них, однако, в главных чертах имеет собственное хозяйство; каждая семья в узком смысле, т. е. брачная пара с детьми, имеет собственную комнату, с особым ложем, с лампою, стоящею впереди его, между тем как неженатые члены и гости спят у окон и по боковым помещениям. Так как дом строится и поддерживается общим трудом, то нельзя сказать, чтобы он имел какого-нибудь одного собственника; а если бы и нашелся такой, то на нем бы лежали только все тягости и обязанности, без всяких реальных прав владения. Но среди глав отдельных семейств обыкновенно выделяется один, к которому имеют большее уважение остальные жители дома, хотя и не в такой степени, как члены семьи, уважающей своего так называемого *игтуата*.

Третий род общины представляет то, что можно назвать соседством,—иначе, жители одной деревни или зимовища. Лишь в исключительных случаях все зимовище может состоять из одного только дома. Если обратить внимание на то, как широко разбросано население и как далеко находятся одна от другой деревни, то нетрудно будет понять, что соседи, живущие вместе в подобной изолированной местности, должны приходить постоянно во взаимное прикосновение, как в самой деревне, так и на своих охотничьих угодьях, что и побудило их образовать союз общения, отделенный от остального населения. Но еще менее, нежели между обитателями одного дома, кто-либо из них рассматривается как глава, или как личность, снабженная какою-либо властью для управления своими соседями. Народные предания во многих случаях показывают, что люди, успевшие приобрести себе подобное господство, рассматривались как узурпаторы не принадлежащей им власти, и убийство их или победа над ними считались благодеянием для всего общества в его целом. Что касается до положения пришельцев, то, как общее правило, никто из отдаленной местности не может поселиться в таком месте без общего согласия его жителей.

Главные обычаи в отношении к собственности и к приобретению следующие. От каждого тюленя, пойманного на зимней станции, небольшие куски жира и мяса распределяются между

всеми жителями зимовища, а в случае недостаточности обитатели дома получают их первые. Таким образом пищу и жир для лампы получает даже самый бедный, и никто не нуждается в необходимом. Кроме этого общего распределения, всякий, убивающий тюленя, приглашает остальных разделить с ним пищу, если только население местности не слишком велико, или тюлени не ловятся в большом количестве, когда он ограничивается разделом с ближайшими домами или родственниками. Вне границы подобных мест, уже обитаемых, каждый имеет право поставить дом, где хочет, и отправляться на охоту и рыбную ловлю, куда пожелает. Даже в тех случаях, когда одна партия впервые устроит известное рыболовное угодье и поместит заборы поперек реки, не делается никаких возражений другим партиям, которые прибегают к употреблению их или даже портят их. Всякий, нашедший куски плавающего дерева или вещи, потерянные в море или на суше, рассматривается, как правомерный их собственник; и, чтобы осуществить свое право, он должен только перетащить найденный предмет через край прилива воды и положить около него камень, все равно, где бы ни было жилище находчика. Если тюлень был проколот и взят с гарпуном, воткнутым в него, а пузырь был отделен, то первый охотник теряет право на животное. Тюлень становится тогда собственностью того, кто убил его окончательно. То же самое имеет место тогда, когда животное убивается большим гарпуном и охотничья веревка порвалась, хотя бы малый гарпун или пузырьное копые и удержало бы привязанный к нему пузырь. Но если животное уходит с пузырем далеко, то первый охотник также теряет свое право, как и в том случае, когда недоставало пузыря. Орудие, находившееся в животном, отдается обратно собственнику, когда он объявляет себя. Все другие найденные имущества рассматриваются, как собственность находчика. Если два охотника одновременно попадают в птицу или в тюленя, то делают добычу на равные части, вместе со шкурой, находящейся на тюлене. Но если это происходит с оленем, то животное принадлежит тому, чья стрела попала ближе к сердцу (большая ловкость), а другой получает лишь кусок мяса. Все роды дичи или животных, которые составляют редкость, по объему ли их или по другим необычным условиям их добывания, признаются в большей степени, нежели обыкновенные виды, общою собственностью. От моржа и меньших ластоногих, в местностях, где они встречаются редко, убивший берет только голову и хвост, остаток отдается на потребление публики. То же самое происходит с первою поимкою таких животных, которые появляются только в определенное время года, или со всякою животною добычею во время долгого недостатка и дурных видов на охоту. Если попадает животное больших размеров, особенно кит, то оно рассматривается как общая собственность и безразлично принадлежит

каждому, кто может прийти и оказать помощь в потреблении его, какому бы зимовищу он ни принадлежал и принимал ли он участие в ловле зверя или нет. На этом основании разрезывание кита происходит без всякого порядка и контроля, и если кому-либо в подобном случае приходится ранить другого, то он не несет ответственности за это. В южной Гренландии, где медведи встречаются редко, говорят, что убитый медведь принадлежит первому, кто открыл его, оставляя совершенно в стороне того, кто убил его. Если домой вовсе не приносятся тюленей или других больших животных, то те семейства, у которых наиболее запасов, вообще приглашают других жильцов дома, но не соседей по зимовищу, разделить с ними хлеб насущный; или же одно или два семейства входят в это соединение долями, внося свою часть каждое. Если кто-либо из них отдал другому в ссуду орудие или оружие, и последний потерял или испортил его, то он не обязан давать собственнику какое-либо вознаграждение за потерю или вред. Еще более: если кто-либо пренебрегал употреблением своих лисьих шкурок, а другой пришел и поставил их и присматривал за ними, то последний становится собственником попавшей в них дичи. Если человек сожалеет о том, что сделал заем, он вправе освободиться от него. Вообще, продажа в кредит, в особенности в долгосрочный, составляет у них редкость.

Принимая во внимание сказанное относительно собственности и подразделения народа на отдельные общины, в связи с подразделением собственности на только что упомянутые классы, нетрудно прийти к заключению, что право всякого индивидуума держать количество собственности, больше определенного, если не регулируется законом, то ревниво контролируется остальным обществом; и что в действительности, излишек какой-нибудь вещи, принадлежащей индивидууму или общине и приводимый в известность по способу, указанному традицией или обычаем, передается тем, кто имеет в ней недостаток. С этой точки зрения, первый класс вещей есть тот, который принадлежит отдельному лицу, например, его одежда, орудия и оружие или то, что специально употребляется им на себя. Эти вещи рассматриваются эскимосами как имеющие сверхъестественное отношение к собственнику, что могло бы нам напомнить отношение между телом и душой. Отдавать их другим в ссуду не в обычае; но если лицо обладает большим количеством вещей, чем *обыкновенно*, то общественное мнение, без сомнения, принудило бы его дозволить употребление их другим¹. Только что упомянутый обычай, что отданный в ссуду предмет, будучи потерян или испорчен, не должен быть непре-

¹ Этот взгляд на вещи показывает, что у первобытных народов в их простом и неспорченном мировоззрении индивидуальной собственностью является лишь то, что потребляется данным индивидуумом. Иными словами, потребление есть собственность.

менно возвращен или возмещен собственнику, очевидно, показывает, что если человек имеет что-нибудь сбереженное или годное к отдаче в ссуду, то оно рассматривается, как *излишнее* для него, а потому не отвечающее тому же праву собственности, как более *необходимая* его собственность, и следовательно, должно быть помещаемо в ряду тех имуществ, которыми обладают с ним сообща другие. Последствие было то, что излишние орудия и оружие существовали редко (а не причина ли?). Только первоклассные охотники обладают двумя каюками: одним для плавания в открытом море, другим для закрытых внутренних вод; но если бы им удалось приобрести по третьему каюку, то они были бы обязаны давать его по временам в ссуду одному из своих родичей или сожителей по дому и рано или поздно потеряли бы его.

Следующий, второй класс предметов собственности составляют те вещи, которые принадлежат всей семье—лодка и шатер, провизия, собранная в летнее время, и небольшой запас кож и других предметов, предназначенный или для семейного употребления или для обмена.

Третий класс состоит из всего принадлежащего сообща жильцам дома, а именно: самого дома, запаса съестных припасов, достаточного для праздничных обедов и пр.—Четвертый класс составляет то, что разделяется с жителями местности, соседями одной и той же деревни, например мясо и жир, полученные от всех тюленей, добытых во время стоянки на зимних квартирах.—Пятый класс и последний—есть та добыча, которая разделяется с жителями соседних деревень, ввиду ли величины пойманного животного или же ввиду случайного голода или недостатка. Словом, вся система собственности покоится самым строгим архитектурным образом на основе труда, расширяющейся и суживающейся, смотря по объему кооперации или разъединения сил.

Важнейшее достоинство только что изложенного исследования Ринка об эскимосах состоит, по нашему мнению, в том, что ему одному из немногих удалось определить то генетическое сочетание различных видов права собственности, сохранившееся всего лучше у первобытных народов, которое покоится на постепенном усложнении труда отдельных групп, выделяющихся из общего родового общежития. Автор, как мы видели, различает права собственности соединения жителей соседних деревень, соединения жителей отдельной местности, соединения нескольких семейств в одном зимнем доме, отдельного семейства и, наконец, отдельной личности. Из этой единовременной группировки имущественных прав все более и более узких кругов одного и того же общежития можно сделать несомненный вывод, каким образом это общежитие пришло к ней. Оно, очевидно, все более и более приватизировало собственность на различные предметы необходимого потребления, по мере того,

как разрасталось и приходило, вместе с тем, к обособлению труда между отдельными, все более близкими по родству, группами. Но оно в то же время и удерживало прежний общинный характер собственности для более широких групп, имеющих совместное жительство, но лишь на меньшее количество предметов, и притом в более исключительных случаях. Большинство же предметов потребления переходило в более узкие кольца общегития, и, наконец, часть их становилась частною собственностью отдельных лиц. Черта сохранения прежних форм чисто общинной собственности сказывается с ясностью как в совокупном потреблении соединением деревень всякой экстренной и крупной добычи, так и в том ограничении прав всякого индивидуума, на основании которого он не может считать *своею* полною собственностью тех предметов общей потребности, которые *ему лично не нужны*.

Собственность, принадлежащая отдельным лицам на Ванкуверовых островах¹, состоит, большею частью, из рабов, ковров, каное, мушкетов, пик, копьев, орудий, покрывал, деревянных сосудов, копьев для рыбы и сетей, сухих кож тюленей, игрушек, кож, жиру и мехов. Каждый свободный человек удерживает за собою то, что он добыл своим трудом; и было старым обычаем племени, что младший сын семьи, если он не имеет жен и детей, должен отдавать свои заработки старшему брату. Речь идет о старых обычаях, которые значительно ослабели под влиянием и от соприкосновения инородцев.

На Новой Зеландии, по словам Томсона², поземельная собственность признавалась повсюду, но индивидуальная движимая собственность была неизвестна (невозможно и неверно — вторая всюду и всегда предшествует первой). Катящиеся камни не обрастают мхом, следовательно, эта система служила препятствием для приобретения движимой собственности. Здесь не существовало бережливости, этого принципа социального прогресса. Накоплять богатство не для расточения было неприлично; и воины, вместо того, чтобы оставлять свои ценности детям, помещали их, вместе с своими костями, в гробу (значит, была-таки индивидуальная движимость). Благодаря общению собственности среди новозеландцев никто не мог сделаться ни богатым, ни бедным. Прожортеры и спекулянты никогда не приводили семейств к голодной смерти, и во всей стране ни один несчастный не умирал с голоду. Каждый пользовался грубыми произведениями страны, и страх перед тяжелою работою в рабочем доме никогда не мучил ум дикаря. Независимость и социальное благосостояние народа были порождены главным образом обработкою собственных земель. Каждое независимое племя управлялось поэтому само собою, и это

¹ G. M. Sproat, op. cit., 79—80.

² A. S. Thomson, The Story of the New-Zealand, Lond. 1859, I, 96.

делалось в согласии с общественным мнением и законами табу. Правление это выражалось в народных собраниях, общественное же мнение было хорошо известно и провозглашалось духовенством. Обида, нанесенная членом другого племени члену своего племени, отражалась как обида на всем племени, тогда как обиды и несправедливости, наносимые членами одного племени, отзывались только на одном виновнике. Но какой же вывод из всего этого? Для развития цивилизации у жителей Новой Зеландии (Т. II, 303) одинаково с распространением английского языка важна индивидуализация собственности, и пока большая часть земли, принадлежащей в настоящее время в общую собственность, не будет скуплена (?), и не прекратится нынешняя система соединенного туземного труда,—до тех пор индивидуализация не пойдет вперед. Туземцы должны (?) держать землю индивидуально, как пожалованную от короны, прежде чем они станут работать, подобно англичанам (автор хотел сказать в пользу англичан). Общая собственность, в настоящее время господствующая у них, парализует их ум, порождает споры и иногда кровопролитие, препятствует развитию промышленности деятельных и поощряет лень праздных. Люди работают на других, а не на самих себя; исключительное обладание, великий и универсальный мотив промышленности, не существует среди них; как они родились, так и умирают. Даже энергичные поселенцы Виргинии, миссионеры в Новом Плимуте, нашли систему общей собственности непреодолимым препятствием для своего успеха; наиболее цивилизованы из новозеландцев те, которые держат землю как частную собственность от короны. Большие затруднения окружают здесь индивидуализацию собственности, но нет ни одного, которое не могло бы быть превзойдено разумным и осторожным законодательством; тем более, что умы туземцев очень чувствительны к этому важному вопросу, и многие из них (?) видят необходимость его разрешения.

Земпер рассказывает¹, что, в благодарность за гостеприимство и за постоянные подарки со стороны «крея» (род старейшины или вождя) и его жены на Палаузских островах, он как-то подарил последнему мешок рису. Это обстоятельство исполнило все государство. Немедленно явившиеся к нему с палками двое его знакомых держали следующую преполненную гнева речь: «Как ты хочешь, доктор, чтобы мы не были на тебя злы. Мы все здесь твои братья; *твоя собственность есть также наша и наоборот. Хочешь ли от меня денег? Возьми их.* Разве мы тебе не присылали ежедневно кукау и все, чего ты желал? Разве мы не всегда при тебе, когда ты в нас нуждаешься? *Выбирай все, что есть в моем доме, я отдам тебе.* Но мы не принадлежим к людям низшего класса, которые работают за деньги

¹ Op. cit., 79.

на других людей; если мы принимаем плату, то имеем право заставлять за себя работать своих слуг. Ты же кричишь на нас, как будто мы твои слуги. Думаешь ли ты, что клеббергелль, который строил тебе дом и которого я начальник, не отомстит тебе за брань, которую ты мне раз послал... Мы твои братья, мы должны с тобою все обсуждать, и если бы ты спросил нашего совета, то мы, конечно, сказали бы тебе, что мешка рису было *для края слишком много*, и что еще пройдет много ночей, прежде чем ты снова будешь есть в своей стране свежий рис. Эта замечательная речь является бесспорным доказательством того, что на Палаузских островах господствует общение движимого имущества, которое побуждает палаузцев оказывать немедленное и энергичное сопротивление всякого рода попыткам к водворению начал частной движимой собственности. Иными словами, мы присутствуем в данном случае при такой же борьбе за существование двух противоположных форм собственности, какая происходит и происходила, как увидим ниже, во многих странах между двумя противоположными формами—общинного и частного брака.

Обращаясь к кочевым и к полукочевым народам, мы видим, что у них движимая собственность индивидуализируется уже более, хотя главный предмет ее, скот, очень часто представляет общинное имущество большей или меньшей родовой общины.

Подобно другим племенам, находящимся в некультуриврованном состоянии, говорит Филип¹, готтентоты живут совместно в своих краалях или деревнях, как бы члены одного семейства, держа свой скот и главную собственность, как род *общего* капитала, на который все имеют одинаковое право. Когда отдельное лицо убивает быка или овцу, то убитое животное служит предметом общего пира, и лицо, которому оно принадлежало, имеет столь же мало пища в своем доме на следующий день или на дальнейший, как и любой из его соседей. Тот же обычай соблюдается и среди кафров, бушменов и намаквов. Если дюжина людей оставляет крааль, чтобы идти на охоту за дичью, и только один имеет успех, то счастливый охотник разделяет свою добычу с менее его счастливыми сотрудниками по охоте.

Народы южной Африки² прежде всего пастушеские. Стада, обладаемые ими, составляют до сих пор их главное богатство. Они снабжают их имуществом, необходимым для свадеб, братских союзов, выкупов, болезней, похорон. Уход за скотом рассматривается, как занятие весьма благородное и достойное лиц высшего ранга. Есть даже начальники, которые считают своей обязанностью прерывать от времени до времени течение своей администрации, чтобы возвращаться к занятиям раннего

¹ I. Philip, *Researches in South Africa*, Lond. 1827, I, 6—7.

² Casalis, *loc. cit.*, 161—162.

юношества. Это ставит им всегда в большую заслугу, которая оказывается особенно в тех случаях, когда необходимо вести скот в места отдаленные. Имея при себе многочисленных пастухов, начальник обходит от времени до времени стада и указывает пастухам на тех животных, которые должны составлять их пищу.

У народа кимбунда¹ все главы семейства, принадлежащего к одному селу или округу, тесно держатся вместе, ради всеобщей пользы и взаимной защиты; однако движимое имущество рассматривается, как отдельная собственность каждого, и охрана и защита такового, равно как и отклонение покушения и наказание за него, составляют частное дело соответствующих глав семейства и зависимых от них, а на суд общины вносятся лишь те дела, которые касаются всей общины. Ясно, что частная собственность еще до такой степени слаба, что даже не добилась общественной защиты.

У марутзи скот составляет собственность мужа и жены² вместе: первый не может располагать им без согласия своей жены (женская филлация). При всем том муж и жена редко едят одного и того же быка.

Главная собственность кафров—живой скот³. Все их богатство состоит в скоте и оценивается не деньгами, а числом голов быков⁴, которыми обладает *каждый*. Они держат деньги только для покупки скота и превращают их в скот, когда только могут. Высшая почесть у них быть владельцем скота. Мужчины присматривают за ним и доят коров; мальчики пасут и стерегут скот на пастбище. Они никогда не позволяют своим женам дотронуться до скота или помогать им в молочном хозяйстве, которое, считаясь одною из привилегий ранга, оставляется исключительно на долю мужчин... В мирное время всякий крааль имеет главного пастуха. Он всегда ездит перед скотом и при помощи особенного свиста, которому приучены повиноваться быки, ведет их с одного пастбища на другое, часто сквозь непроходимые кустарники. Уходя с пастбища, сожженного солнцем, кафры поджигают его со всех сторон и тем готовят себе после дождей новое роскошное пастбище. У главного пастуха есть два помощника; во время войны число их увеличивается. Скот есть, очевидно, собственность родовых групп.

В разговоре кафр⁵ часто говорит о своих женах, наряду со своим скотом, и ежедневный опыт представляет печальное доказательство, что он смотрит на первых, как на нечто менее ценное, нежели на вторых. И в самом деле, он обращается со скотом с гораздо большим чувством, чем по временам с женою.

¹ *L. Magyar*, op. cit., I, 270.

² *Campbell* (Bibl. Univers., XXIX), 361.

³ *C. Macle n.*, Kafir Laws and customs. Mount Coke, 1858, 72.

⁴ *F. Fleming*, Kaffraria and its Inhabitants, 1854, 94 и сл.

⁵ *Key*, Travels and Researches in Caffraria, 1833, 172.

Строить, копать, сеять, сажать и жать—эти занятия вполне лежат на женщинах; сверх того, они же рубят дрова и носят еду.

Если спросить, чем собственно владеют негры центральной Африки¹, то нужно ответить, что многие из них, имея свое имущество в Европе, были бы богатыми людьми. Только все их богатство состоит в скоте. Другого богатства они не знают; другое имущество есть второстепенное, которое скоро погибает, между тем как богатство в скоте увековечивается чрез непрерывное возобновление. Они обладают большим числом быков, чем коз и овец. Скот и мелкие животные малорослы и плохой породы.

Богатство мужчин у народа зулусов² состоит главным образом из скота, жен и дочерей. Каждая женщина стоит столько-то голов скота, и каждая дочь продается за 10, 20, 50 голов, смотря по ее происхождению, талантам и красоте. Где господствует полигамия, закон наследства становится весьма сложен; система правил установлена с целью соответствовать каждому случаю, так как каждая жена имеет собственный дом или семью и свое определенное место в линии брачного родства, а также первое, второе, третье место в инвентаре своего господина³.

Барее и кумана (в Абиссинии)⁴ лишены всяких сословных различий, и самая собственность пользуется у них лишь незначительным распространением. Оно и понятно, так как эти народы живут среди вечных опасений, мало думая о будущем. Сверх того, они не номады и не скотоводы, следовательно не имеют движимой собственности, между тем как составляет факт, что движимая собственность изощряет понятие собственности вообще. Они также почти не ведут торговли и почти не знают денег и другой движимой собственности, кроме жатвы, которая должна служить только настоящему. Земли вволю, а потому и понятие о собственности на нее не может быть у них сильно. Отсюда следует важное юридическое положение: лицо не должно испытывать никаких притеснений ради вещи. Поэтому, особенно за долг и преступления против собственности, оно не может быть никогда обращено в рабство... Воровством называется нарушение права собственности, совершенное *внутри* округа, но оно не есть преступление; если оно доказано, то украденная вещь рассматривается просто как долг. Здесь в особенности обнаруживается, как эти народы низко ставят собственность. Пойманного вора нельзя ни ранить, ни убить,

¹ A. Kaufmann, Schilderungen aus Central Afrika, Briten und Lienz 1862, 100.

² L. Groul, Zulu. Lond. etc., Philadelphia, 116.

³ Наследственное право первобытных народов вообще представляет самую слабую сторону исследований, относящихся к их истории и жизни. То немногое, что нам удалось найти, относится к недвижимой собственности. Несколько более сделано по этому предмету в России.

⁴ Münzinger, op. cit., 483.

ни подвергнуть штрафу; самое большее, что он может получить от своих преследователей, это—пару ударов; украденное имущество у него отбирают и дают ему уйти. Нет речи о плене, рабстве, выкупе пойманного вора. Преследуемый своими земляками, вор никогда не убивает себя: он старается убежать, покидая свою добычу, и преследователи остерегаются нанести ему раны, потому что пролитая кровь вора требует кровной мести. Если кто потеряет свою собственность, например скот, то сначала сам старается разузнать то место, где он скрыт; если имеет определенное подозрение, то от старейшины деревни получает право на домашний обыск. Если найдет свой скот живым, то дело тем и кончается. Если найдет только мясо и шкуру, то берет себе вместе с оружием и утварью, служившими для убой и варки пищи, и имеет право на полное восстановление ценности. Тельная корова оценивается втрое. Вора не судят, а добиваются у него добровольного возмещения, или в свою очередь у него крадут. Все это указывает на преобладание общинной собственности над частною.

«Торговля (во внутренней Африке) скучна и в высшей степени затруднительна¹. Клык слона обыкновенно принадлежит *четырем* или *пяти* лицам; и так как каждый действует независимо от своих партнеров, то клык вообще приносится на борт задолго до действительной продажи».

Туареги Бени Уммна² различают два рода имущества, передаваемых по наследству: законное и незаконное имущество. Первое—то, которое приобретено индивидуальным трудом и обладание которым священно: деньги, оружие, купленные рабы, стада, жатва, съестные припасы. Второе—имущество несправедливое, то, которое завоевано с оружием в руках и владение коим покоится только на праве силы. Таково коллективное имущество, завоеванное всеми деятельными членами семьи и сохраняемое их стараниями: *рефер*, или обычные права, приобретенные на караваны и на путешественников; *гарама*, или пошлина за покровительство, уплачиваемая райями; *имрад*, или права на лица и на имущество племен, приведенных в зависимость; *мелак*, или территориальные пошлины как за право прохода, так и за право обработки, пользования водою и пр.; наконец, *солтыа*, или право приказывать и получать повиновение. По смерти главы семейства, когда открывается наследство, все законные имущества разделяются поровну между всеми детьми, без различия первородства или пола. Что касается до имущества второй категории, незаконного, составляющего исключительный удел дворянства, то оно переходит по праву старшинства без раздела к старшему сыну старшей сестры: без раздела к одному только лицу, но без возможности отчуждения,—

¹ *L. Ird*, Expedition into the Interior of Africa, Lond. 1837, I, 167.

² *Ducuyer*, Les Touaregs du Nord, Paris 1864, 393 и сл.

чтобы сохранить главе семейства и самому семейству материальные средства поддерживать свое влияние и преобладание; к старшему сыну старшей сестры,—чтобы обеспечить против всяких случайностей чистоту крови (женская филиация) и сохранить семейную традицию во главе племени.

Все имущество семьи бедуинов¹ состоит в движимости, которой инвентарь таков: несколько верблюдов самцов и самок, коз, кур, кобыла с жеребенком, палатка, копые в 13 ф. длины, кривая сабля, кремennое ружье, трубка, переносная мельница, кастрюля, кожаное ведро, печка для жарения кофе, покрывало, кое-какая одежда, бурнус из черной шерсти, наконец, вместо всех украшений несколько стеклянных или серебряных колец, которые жена носит на руках и на ногах. Все их искусство сводится на приготовление грубых шатров, покрывал и масла. Вся их торговля состоит в обмене верблюдов, коз, лошадей и молока на оружие, одежду, небольшое количество рису или хлеба и денег, которые они зарывают в землю.

Будучи всецело пастушечьим народом, жители Дамара² не имеют никакого понятия о постоянных жилищах. Вся страна рассматривается, как общественная собственность. Как только съедена трава, или истощена вода в одном месте, они переходят на другое. Несмотря на это и на слабую идею, которую они вообще имеют о «моем» и «твоем», тот, кто первый прибывает в известную местность, есть хозяин ее, пока он находит нужным оставаться в ней, и никто не может помешать ему в том, не спросивши предварительно его и не получивши его дозволения. То же самое соблюдается и относительно иноземцев. Кахикене считался самым богатым и могущественным начальником в целой стране. Его богатство (его ли?) по обыкновению состояло только из быков и овец. Чтобы дать понятие о числе голов скота, им обладаемых (им ли?), достаточно сказать, что первые стада стали появляться рано утром и продолжали прибывать без перерыва до позднего вечера следующего дня. Еще более: они шли не рядами в один или в два, но вся долина берега реки Свакопа была буквально покрыта живою массою скота. И при всем том, это была только незначительная доля принадлежащего ему (?) скота. По прошествии трех недель нельзя было встретить ни одной травинки или какой-нибудь зелени на многие мили вокруг.

Каждое стадо оленей у лапландцев (лопарей)³ состоит из 300—500 животных. С подобным числом животных лапландец может жить в благосостоянии, но если у него их не более 50, то он лишен независимости, т. е. не способен образовать

¹ *Volney, Voyage en Egypte et en Syrie*, 1823, II, 117.

² *C. I. Andersson, Lake Nhami. South-West Africa*, Lond. 1856, 114—115.

³ *C. Brooke (Bibliothèque Univers. des Voyages, XLX)*, 244—245.

отдельного хозяйства, а должен соединить свое маленькое стадо со стадом богатого лапландца, которого он становится в некотором роде слугою... Лапландец, имеющий 1 000 оленей, считается богатым; не редкость видеть от 1 500 до 2 000 оленей в руках одного лапландца.—Здесь повидимому речь идет не об индивидуальном лапландце, а о целых родах, из которых один, разумеется, может быть богаче другого, как это бывает и у прочих кочевых народов.

Корелы¹ живут обыкновенно большими семьями, которые состоят не только из родителей и детей, но часто также и из дядей и племянников. Отец в семье самодержавный правитель, и, в качестве такового, распоряжается как общим семейным имуществом, так и заработками своих не отделенных детей: уходя на промыслы, эти последние по возвращении отдают деньги родителям. Власть и права отца после его смерти переходят к старшему его сыну, а если есть братья, то к старшему брату, т. е. к дяде его сыновей. Покуда братья живут вместе, все их заработки поступают в общую собственность... Если дяди живут с племянниками, то имеют не только общий с ними стол, но и все хозяйство: *общий скот*, вместе обрабатывают землю и т. п.

У номадов, говорит Ле Плэй², порядок общей собственности есть прямое последствие пастушеской жизни и организации собственности на скот: группа шатров всегда имеет характер общины пастухов, как в том случае, когда стада принадлежат крупному собственнику, так и тогда, когда они составляют общую собственность. Всякий индивидуум, входящий в состав этой группы, всегда заинтересован в выгодах производства; он имеет право при всяком положении вещей на часть продуктов, максимум которой определен самою природою его потребностей. Прямые потомки одного и того же отца остаются у номадов связанными в группу; они живут под абсолютною властью главы семейства в общинном порядке. Можно сказать, что все между ними нераздельно, за исключением одежды и орудий. Когда возрастание семьи не позволяет более всем членам семьи оставаться в соединении, тогда старейшина провозглашает полюбовный раздел и определяет долю общей собственности, которую следует отдать ветви, отделяющейся от рода. С другой стороны, существование общины часто продолжается и по смерти старейшины семейства; в этом случае, боковые родственники, даже те, которые соединены лишь связью отдаленного родства, остаются в соединении под управлением того, кто может проявлять с наибольшею силою патриархальную власть... Принцип общинности применяется одинаково и к оседлым народам. У полуномадов, подчиненных русскому господству, пахотная земля,

¹ А. Я. Ефименко, Юридические обычаи корелов, «Зап. И. Р. Г. О. по отд. этногр.», 1878, XIII, 109.

² Le Play, Les Ouvriers Européens, 1855, стр. 18, 19, 49, 50.

даже эксплуатируемая индивидуально каждым семейством, в основании составляет нераздельную собственность племени. У башкир характер индивидуальной собственности не проявляется в действительности ни в чем, кроме жилищ и их непосредственных принадлежностей.

У бурят, как мы видели выше, скот составляет собственность улуса. То же самое справедливо относительно киргизов, монголов, туркменов, афганцев и многих других азиатских кочевых и полукочевых народов. Личная собственность, большей частью, ограничивается одеждой, украшениями, утварью и т. п.

Следующие два интересные примера постепенного выделения частной собственности, основанной на самостоятельном труде отдельного члена общинной группы, приводит Ман в своей книге «Lectures on the early History of Institutions», Lond. 1875, 108: «Является несомненным», говорит он, «что член племени имел значительно большее право распорядиться собственностью, которую он приобрел, нежели собственностью, которая дошла до него, как до члена племени, и что он имел большее право на приобретение, сделанное его собственным трудом, без чужой помощи, нежели на приобретение, сделанное из выгод, происходящих от обработки земли племени... Различие между собственностью благоприобретенною и наследственною или полученною от родственников, и более широкое право отчуждать первую из них найдены были во многих собраниях древнего права, в том числе в нашем собственном. «Обыкновенный доход от обучения», говорит Reporter в Madras High Court Reports, «подлежит разделению (между членами семьи), если такое обучение было приобретено на расходы семьи и во время получения поддержки от семьи. Другое дело, если обучение было приобретено на расходы лиц, не состоящих членами семьи». Подобное этому различие приводится в Corus Bescna, Ancient Laws of Ireland, 111,5: «Если член племени профессионалист, т. е. если он приобрел собственность судебною деятельностью или поэзиею, или какой-либо другою профессией, то он может отдать $\frac{2}{3}$ ее церкви, но если это законная собственность его племени, он не может давать». Из приведенных примеров видно, что правила ирландского Brehon Law, регулирующие право индивидуальных членов племени отчуждать их отдельную собственность, соответствуют правилам индусского браманского закона, регулирующим право индивидуальных членов соединенной семьи пользоваться индивидуальной собственностью. Различие существенно: в индусском законе коллективное пользование—правило, а отдельное—исключение; в ирландском же законе, права индивидуальной собственности оттеняются уже гораздо резче».

До какой невероятной степени общинная движимая собственность в Индии поглощает частную, видно из следующего

примера. «Среди индусов¹ продолжает еще существовать правило общего права, которое кажется мало соответствующим истинным началам равенства. Отец, умирая, оставляет много детей мужского пола, которые по небрежности или по другой причине не приступают к законному разделу наследства. Один из них, благодаря своему прилежанию или своим трудам, становится богатым, тогда как другие, — распущенные или лентяи, накапливают одни долги. Эти последние, живя долго в нищете и блуждая из страны в страну, внезапно узнают, что брат их, поступая совершенно наоборот им самим, приобрел себе блестящее состояние. Они немедленно являются к нему, принуждают его разделить с ними блага, которые он приобрел в поте своего лица, и в вознаграждение за это делают его ответственным за долги, служащие результатом их распущенности. Сами кредиторы имеют право обращаться на него свои иски. Еще более: если братья, упустившие разделить отцовское наследство, умирают, не приступивши к разделу, то же общение имущества и долгов существует и между их детьми и переходит от поколения к поколению, пока не произойдет раздел».

Указанный здесь родовой обычай, дающий право кредитору обращаться с иском к родственникам должника, существует также в западной, а, по новейшим исследованиям майора Серпа Пинто, и в центральной Африке. Африканские законы, говорит Винтерботтом², дают право кредитору без созыва палавера овладеть имуществом или личностью своего должника и даже захватить собственность или личность каждого, кто живет с должником в одном и том же месте; если же он не имеет возможности привести это в исполнение, то приносит жалобу в палавер. Однако первый обычай в *большем* употреблении. Следуя ему, кредитор хватает кого-либо из жителей того места, где живет его должник, или одного из его родственников, и старается привести его в палавер, где дело скоро приходит к концу; если же этого не бывает, то он может продать схваченное лицо в рабство. По словам Серпа Пинто, в центральной Африке за долг одного белого отвечает негру всякий другой белый.

Другим проявлением мало развитой частной собственности является следующий древний обычай мандингов: если мандинг³ продал какую-нибудь вещь утром, то он может потребовать ее назад, возвращая уплаченную за нее цену, до заката солнца. Итак, если куплена курица или яйца, то есть их в первый же день представляет большой риск. — По нашему мнению, это право выкупа указывает на ту особенность, что ссуда движимых вещей должна была предшествовать их полному отчуждению или обмену и перешла в последнее через право выкупа, развившееся из возвращения ссуженной вещи. До настоящего

¹ *Dubois, Moeurs etc. des peuples de l'Inde, Paris 1825, II, 43—44.*

² *Winterbottom, op. cit., 170.*

³ *Aikins, Voyage à Sierra Leone (Walckenaer, Paris 1825, IV), 152.*

времени срочная продажа бумаг на бирже, соединенная с обязательством выкупить бумагу обратно, носит название ссуды бумаг.

Перейдем теперь к наблюдениям над первоначальными формами права собственности на движимость у более образованных, земледельческих народов. Тут дело уже усложняется настолько, что каждый член семьи приобретает себе отдельную движимую собственность.

В сербской задруге¹ чем больше отдельное лицо способствует своим трудом благосостоянию общины, тем больше и права его на долю совокупного имущества в случае выхода его из союза, тем большее наследство может он оставить своим детям. Отдельная деятельность членов общины в этом роде не только не стесняется общиной, но поощряется и поддерживается... В маленьких домиках членов задруги помещаются их спальни и все, что они *приобретают отдельно*; общие же запасы плодов, орудий и пр. сохраняются в житницах, кладовых и пр., принадлежащих всей задруге.

В Болгарии² члены задруги отправляются обыкновенно на заработки («печаяба» и «кьяр») по садоводству или в виде артели нанимаются жать жито к богатым землевладельцам близ Добруджи. Заработок их частная собственность, за исключением случая, когда на их счет, в отсутствии их, нанимаются дома работники. Иногда покупают на заработанные деньги землю, которая входит в состав задружной и только при разделе достается собственнику ее. Во все время пребывания в задруге члены ее пользуются доходами с задружного имущества и только при женитьбе теряют право на пользование имуществом всей задруги. Каждая девушка имеет собственный огород или сад, где сажает цветы и плодовые деревья, плоды и цветы с которых она может продавать в свою пользу, а деньги за них низывать на ожерелье. Дочери выдаются замуж по возрасту и, переходя в другую задругу, ничего не получают от своей и теряют на имущество последней всякие права, но приобретают право на имущество другой задруги. Замужние женщины заботятся об одежде своих мужей и детей; если в задруге один из членов овдовев, то самая близкая родственница обязана обшивать его; вдового отца обыкновенно обшивает и одевает старшая невестка. Вдовы, если бездетны и отец жив, возвращаются в родную семью и получают $\frac{1}{4}$ мужниного имения, в противном случае остаются в мужниной задруге. Движимое наследство (в Лесковце) братья делят только для виду, чтобы знать, чье оно. При дей-

¹ F. Kanitz, Serbien, стр. 79 и сл.

² Богданов, Юрид. быт болгар. См. Майнов, «Зап. Р. И. Г. О. по отдел. этногр.», IV, 1871, 580 и сл.

ствительном разделе братья получают поровну, а сестры вдвое меньше, но без вычета, полученного при выходе замуж, что получают и братья в том же размере. Дележ происходит поколенный, если между дальнею роднею, и поголовный, если между братьями.

Малороссы¹ считают единственным источником богатства земледельческий труд: «Як вил, да коса, дак и грошей киса», говорит народная пословица, т. е. имея орудия для земледельческого труда и не имея даже своей земли, можно достигнуть благополучия. Труд народ считает вообще единственным справедливым способом для приобретения права собственности. Он не признает, например, права на лес вполне неприкосновенным, потому что на лес не употреблено человеческого труда, вследствие чего и порубку чужого, в особенности казенного леса, народ не считает воровством в полном смысле этого слова, между тем как бортяное дерево признается неприкосновенным, потому что на него положен труд... Муж должен всю свою семью «годувать», «обувать» и «спорязать верхнюю одежду», например свитку, шапку, козух, кожушанку и пояс. Жена же должна для всех заготавливать нижнюю одежду, для мужа и сыновей сорочки и штаны, для дочерей сорочки и пр. Жена распорядается льном, коноплей (только не в зерне и не на корню, а в волокнах); из них она выделяет полотно, ручки, хустки и пр. К хозяйству же жены принадлежит и пряжа ниток из шерсти для сукна, которое выделяется на валуше (сукновальная мельница). Отдача денег за выделку сукна—дело хозяина. То, что хозяйка сама сделает, она может подарить или продать кому-либо, и деньги, вырученные от продажи, употребляют на наряды своим дочерям, покупая намиста, сережки, стеньки, каблучки, платки, пояса и пр. В распорядении жены находятся также овцы с получаемым от них сыром и маслом; она может распорядаться этими продуктами полноправно; излишек она имеет право продать и деньги употребить, куда ей заблагорассудится; точно так же может распорядаться молоком, сыром, маслом от коровы, всем, что соберет с огорода и что не слишком необходимо для зимы, например «соняшниковая насиния, гарбузови и всяки высадки и насиния для городини: капуста, буряки, цибуля, часник, чуркове, каунове и всяке друге насиния; продуктами птицеводства»: «се бабське хозяйство».

Мать собирает для каждой дочери «скриню»—платье, белье и пр. Запасается скриня с самого детства девушки. Еще после свадьбы родители обоих супругов дарят им разные вещи и скот. Эти вещи составляют семейное имущество, распорядителем которого является муж. «Скриня» же есть частная собствен-

¹ П. Чубинский, Очерк юридич. обычаев в Малороссии, «Зап. И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», 1869, II, 681.

ность жены... По смерти родителей дети почти постоянно разделяются: «два коты на одном сали», говорит народ, или «два коты в одном мивку не помирятся»; другая причина та, чтобы не дать повода более ленивому жить на счет более трудолюбивого. Дележ наследства производится без особенной точности, смотря по потребности. В одном случае по смерти отца осталось три сына; у одного из них было много детей; при дележе произошло несогласие; дело дошло до громады; громада решила поделить всю худобу и земли на три части, а зерновые продукты разделить по душам. Если после родителей остается несколько детей, из коих некоторые малолетние, то старший брат, сделавшись хозяином, должен в целости сохранить оставшееся имущество. Но то, что он приобретает путем своего *труда* и своих *забот*, принадлежит ему, за исключением приплода от скота, так как это не есть следствие его личных трудов и забот¹. Вообще старший брат есть только охранитель наследства, а все приобретенное им самим принадлежит ему.

В Самарской губернии² женщина не есть дольщица имущества семьи; в этом отношении положение ее в большой и в малой семье одинаково, хотя ее имущественное положение в малой семье лучше: в последней, сноровляя *коробью*, — приданое дочери-невесты, она не стеснена контролем остальных членов семьи, на который так горько жалуются бабы в большой семье, говоря, что у них «си стены глаза имеют». В большой и малой семье женщина самостоятельная имущественная единица, а не дольщица общего достояния семьи. Женщине дозволяется иметь свое отдельное имущество, *коробью*, чего не полагается остальным членам семьи. За нею признается право получать в свою пользу деньги за грибы, ягоды, а в малой семье за молочный скот, яйца и птицу. Кроме того, бабам даются из общего достояния семьи волокна льна, пеньки и поскони, а также шерсть для изготовления белья и одежды как себе, так и семье, причем остатки идут в пользу баб. Все это распределяется между ними в таком порядке: свекровь берет полную долю, на долю каждого холостого сына берет еще по полудоле. Сноха-вдова — поддоли. Большуха в семье, если не свекровь, не имеет преимуществ, а только распоряжается женской работой — *квашней* и *стряпней*, и, как говорится, «не смотрит из чужих рук куска», почему и служит предметом зависти для других баб. Крестьянским девушкам при этом дележе льна, пеньки, поскони и шерсти не

¹ Обычай приобретения движимой собственности поражают своим сходством в самых различных странах света. Так, по словам *Diego de Landa*, *op. cit.*, 135, у индейцев Юкатана малолетние дети умершего отца подчиняются опекунту наиболее близкого родственника, который, по приходе их в совершеннолетие, возвращает им наследственное имущество; но наследники не получают ничего из того, что было снято на наследственной земле, а также не получают ни меду, ни какао, благодаря тому труду, который причинили опекуну канаовые деревья и ульи.

² *Mameco*, *op. cit.*, 21.

дается ничего; с ними делятся матери из своей части и из части сыновей-подростков, а сестры за это должны снаряжать всем нужным для одежды своих холостых братьев. Впрочем, в последнее время, где крестьяне живут поделившись, девушкам из означенного женского добра стали выделять части, равные с подростками. Семья, не освобождая девушку от общей работы, дает ей возможность работать на себя; напр., там, где есть бакчи или огороды, сажанье на них овощей, полотье и уборка их, а также отчасти уборка сена, полотье яровых хлебов, делание кизяка и гульки—это их достояние. Гульками называется праздничная уборка хлеба и сена партиями девушек от 6 до 10 человек, которые нанимаются расчетливыми хозяевами ниже существующей цены. На эти заработки под наблюдением и заботами матери из долей льна, пеньки и поскони как матери, так и подростков, девушка копит себе коробью, снаряжая которую в большой семье, она стеснена контролем большака и большухи, а также и прочих членов семьи, ревниво наблюдающих, чтобы бабы не тащали чего лишнего для коробы дочерей. Ключи от коробы всегда хранятся у женщины, хозяин может вскрыть коробью только в случае подозрения. «Когда баба пойдет мести», говорят крестьяне, «то весь дом выметет». По смерти бездетной жены коробья возвращается в ее семью и там ее получает мать умершей, а за ее смертью, девушки-дочери, а если их нет, то холостые братья. Разделы бывают только в большой семье, где есть несколько полноправных дольчиков семейного имущества, например женатых сыновей, после смерти отца, причем имущество делится на равные пай и бросается жребий. Выделы и отдели бывают в малой семье, причем разница между ними та, что при выделе дается полный пай, а при отделе часть пая по усмотрению отца. Если же при жизни отца-хозяина сын уходил из семьи по собственной воле, то это называется отходом, и тут сыну могут не дать ничего, как это обыкновенно и бывает. Подростки и вообще холостые семьи, кто бы они ни были: кровные ли дети, племянники или приемыши, солдатские ли дети, незаконнорожденные ли, все, как рабочая сила, получают из женского добра (т. е. материала для снабжения бельем и одеждой) по одинаковой доле и снабжаются одинаковой, по возможности, стоимости обувью, одеждою и бельем. Разница только в том, что в одной местности поселенцы дают бабам все нужные материалы для снаряжения мужей и холостых членов семьи, а в другой бабы сами должны изыскивать средства для одевания мужей и детей, если шерсти, поскони и пр. нехватает на это из общего достояния дома¹.

Сходные с этими в общих чертах юридические обычаи—веро-

¹ Хорошую сводную работу по вопросу о движимой собственности представляет статья И. Тютрюмова, Крестьянское наследственное право, «Слово», 1881, № 1 и 2.

ятно, главным образом, под влиянием сношений с более развитыми народами, — существуют у лопарей, корелов и самоедов¹. У лопарей приданое накапливается отцом и матерью и поступает в распоряжение как жены, так и мужа, даже последнего более, а прочим родным до него дела нет. По смерти жены до истечения трех лет приданое возвращается в ее семью, а после трех и шести лет не возвращается и поступает в нераздельную собственность семьи мужа. Кроме того, лопари дают в приданое оленей, называемых бессмертными, так как число должно быть всегда цело и неизменно. В домашнем хозяйстве жена лопаря может распоряжаться рыбою, муж птицею, жена исключительных доходов с разных хозяйственных произведений вообще не имеет. По смерти родителей, братья при несогласии делятся, в дележе не участвуют братья, прежде отделенные. У корелов приданое состоит в корове, чашке, ложке, тарелке, солонке, женских сорочках, которых у богатых невест бывает до 100, сарафанах, платках, шубах, разной обуви и рукавицах. Приданое после смерти жены остается у мужа только в том случае, если остались дочери; если же жена умрет бездетною, или у нее останутся только сыновья, то приданое возвращается ее родным, матери и сестрам. По смерти отца имущество его делится между братьями поровну, а дом идет к старшему, с обязанностью выплаты суммы, приходящейся в пользу остальных. Сыновья, отделенные при жизни, в наследстве не участвуют. Если нет сыновей — наследницы дочери. У самоедов приданое приобретает отцом и считается его собственностью, потому что все имущество самоедов находится в полном распоряжении мужчин. Приданым не может безусловно распоряжаться жена, а распоряжается им муж. Если жена умрет вскоре после замужества и бездетной, то приданое возвращается ее отцу или родне. Жены имеют собственности крайне мало, муж распоряжается всем, жене только изредка дозволяется продать в свою пользу убитого пыхлика (шкурку молодого оленя), пимы (обувь) или камусы (кожа с лап оленя). Самоеды очень любят делиться. Сколько-нибудь состоятельный отец после женитьбы сына тотчас старается отделить его в особый чум. Иногда отделившиеся живут своим совершенно особым хозяйством; иногда же, хотя и отделяются в особый чум, но продолжают составлять общую с родителями семью, имеют с ними общий труд, домоводство и пропитание. Причиною разделов и отделов считаются семейные неудовольствия и распри. Всем имуществом семьи распоряжается отец, однако неотделенные сыновья имеют свою отдельную собственность, которая от них вполне зависит. Имущество матери наследуется преимущественно ее сыновьями, но часть получают и дочери. У богатых самоедов есть дорогие шкуры лисиц и других зверей, которые

¹ А. Ефименко, «Записки И. Р. Г. О. по отделу этногр.», 1878, VIII, три статьи *passim*.

считаются неприкосновенною родою собственностью и передаются в наследство от поколения к поколению.

Процесс ускоренного обращения семейно-общинной движимой собственности в индивидуальную отличается следующими чертами. «В настоящее время», говорит г. Иванов¹, «в жизни крестьянских семейств есть такое безмерное скопище неразрешимых трудных задач, что если еще и держатся крепко большие крестьянские семейства (я говорю о подгородних), то только, так сказать, соблюдением внешнего ритуала, и внутренней правды тут уже мало. Довольно часто мне приходится сталкиваться с одним из таких больших крестьянских семейств. Во главе семьи стоит старуха лет 70, женщина крепкая, по-своему умная и опытная. Но весь ее опыт почерпнут в крепостном праве и касается хозяйства исключительно земледельческого, где участвует своими трудами весь дом, причем весь доход идет в руки старухи, а она уже распределяет его по своему усмотрению и по общему согласию. Но вот прошла шоссеная дорога, и вдруг кадушка капусты, распродаваемая извозчикам, стала приносить столько дохода, что сделалась выгоднее целого года работы на пашне, положим, одного человека. Вот уже явное нарушение в одинаковости труда и заработка. Прошла машина, телата стали дорожать, потребовались в столицу. Один из сыновей пошел в извозчики и в полгода заработал больше всей семьи, работавшей в деревне год. Другой брат пожил дворником в Петербурге, получая в месяц по 15 р., чего бывало не получал и в год. А младший брат с сестрами целую весну, целое лето драли корье и не выработали третьей части того, что выработал извозчик в два месяца... И вот, благодаря этому, хотя по виду в семье все ладно, все несут в нее «шоровну» плод своих трудов, но на деле не то: дворник «скрыл» от маменьки четыре красных бумажки, а извозчик скрыл еще того больше. Да и как тут поступить иначе? Эта вот девушка ободрала себе до крови руки, и целое лето билась с корьем, чтобы выработать пять целковых, а извозчик выработал 25 в одну ночь за то только, что путался с господами по Питеру часов с 12 вечера до белого света. Кроме того, авторитет старухи еще значил бы и значил бы очень много, если бы заработок семьи был исключительно результатом земледельческого труда. В этом деле она точно авторитет; но спрашивается: что же такое может она смыслить в дворницком, извозничком и в других новых заработках? Что она тут понимает, и что может присоветывать? Авторитет ее поэтому чисто фиктивный, и если значит что-нибудь, то для остающихся дома баб, да и бабы очень хорошо знают, что мужья их относятся к старухе с почтением и покорностью только по виду, так как вполне подробно знают недостатки своих мужей, знают, много ли кем

¹ «Из деревенского дневника», «Отеч. записки», сентябрь 1880, стр. 38—39.

от нее скрыто, и сами скрывают эти тайны некрепчайшим образом. Авторитет главы фиктивный и фиктивны все семейно-общинные отношения; у всякого скрыто нечто от старухи, представительницы этих отношений, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже в том виде, как теперь, и двух дней. Все захотят более искренних отношений, и это желание непременно приведет к другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добыл, тем и пользуйся».

Трудно найти другой пример, в котором так наглядно выражалось бы глубокое значение, принадлежащее в процессе образования индивидуальной движимой собственности, самостоятельному от семьи-общины труду и заработку, прошедшему через обмен. Как только внутреннее сложение хозяйства пришло к такому положению вещей, то можно сказать смело, что первобытной форме семьи-общины наступил уже конец, и на смену ей пришла иная, более сложная форма организации семейного труда. Вряд ли можно также сомневаться, что в данном случае мы имеем пред собою не искусственное, а совершенно естественное разложение большой семьи.

Постепенное образование частной собственности сопровождается применением к ней известных внешних обозначений, которые носят различный характер, смотря по уровню развития народа. Так, например, известно, что эскимосы и некоторые индейцы крайнего севера Америки усвоили себе привычку прикасаться языком ко всякому предмету, переходящему в их собственность. Служит ли этот обычай выражением какой-то таинственной связи, устанавливаемой между лицом и вновь приобретаемым имуществом, или же он означает простое желание проявить акт потребления вещи,—неизвестно. Но так называемое табу у островитян Океании, хотя во многих случаях имеет смысл чисто религиозный, не лишено и экономического значения. «Система табу», говорит справедливо Томсон¹, «вообще описывалась цивилизованными людьми, которые противопоставляют дикарей себе самим, как унизительное суеверие. Но неправильно мерить обычай новозеландцев мерою настоящих англичан, хотя тот, кто рассмотрит поближе английские обычаи, найдет в них самих немало такого, что сильно напоминает о табу. Если бы новозеландец писал историю Англии для употребления своих соотечественников, то он сообщил бы, что в известные времена рыба в реках и птицы в воздухе становились здесь табу; что земля считается здесь столь священной, что лица, гуляющие по ней, подвергаются наказаниям; что среди римско-католических племен животная пища воспрещается в определенное время года, и что тысячи людей бросаются в тюрьмы и обращаются в рабство за нарушение многочисленных табу в Англии. Новозеландская система табу выдержит сравнение с законами,

¹ A. Thomson, The Story of New Zealand, Lond. 1859, I, 104.

процветавшими в Англии менее тысячелетия тому назад. Разве здесь не существует иногда и в настоящее время веры в божественное право королей и иных священников? Некоторые законы, вынуждаемые табу Новой Зеландии, находятся в согласии с седьмою заповедью. Наложение табу на посев и поля представляет тип английских законов для охраны собственности вне дома; женщина, состоящая под табу для мужчин, есть брак; табу больных аналогично с карантинными мерами против проказы, чумы и желтой лихорадки. Всякое табу, относящееся к умершим, есть закон против святотатства, а табу, наложенное на реки и земли, чтобы повредить неприятелю, встречает себе параллель в новейшей системе блокады. Теперь табу пришло в больший или меньший упадок. Один любопытный остаток его проложил себе путь в среду новой цивилизации. Хлебная жатва откладывается в сторону или подвергается табу, с целью купить лошадь, плуг или овцу, и никакое искушение не может соблазнить его владельца употребить деньги, полученные от продажи этого хлеба, на какую-нибудь другую цель, а не на ту, для которой был посеян хлеб».

Табу в Новой Зеландии¹ господствовало над землею, воздухом, огнем и водою, над движимою собственностью, над жатвой на корню, над мужчиной, женщиной, детьми и всею домашнею прислугою. Целью всеобщего табу, повидимому, является защита права собственности. Пример: личность начальника, воинов его, все, что им принадлежало, особенно орудия, украшения, материи и пр., все, до чего они прикасались, были табу. Таким образом их вещи были обеспечены от воровства, порчи и пр. До наступления железного века табу имел полезное влияние на массы... Ясно, что это табу было существенно для права собственности, и что ему, при обыкновенных условиях, в отсутствии собственника, можно было доверить самые драгоценные предметы. Дети и рабы (которые, по исключению, сохраняли жизнь) должны были носить на спине пищу, так как спина взрослого есть табу, значит, пища, лежащая на ней, всякому бесполезна. Если взрослый вошел в кухню, вся посуда не годится, никто не смеет до нее дотронуться. Дети не смеют дотронуться до огня взрослых. Если взрослый напился из вашей кружки, она—его, потому что вам она уже не годится. Мертвый—тоже табу, поэтому на время и тот табу, кто хоронил его или дотрагивался до него. При снятии картофеля все деревенские дороги и тропинки были табу для туземцев: слух о богатой жатве легко соблазнял соседа к желанию овладеть плодородной жатвой; поэтому на вопрос «каков урожай», ответ всегда был: «нехорош».

«Однажды», говорит Де-Роша², «проходя деревней с молодым новокаледонцем—гидом, я увидал, что, сняв свою рубашку,

¹ D. Monrad, Das alte New-Zealand, 1871, 29, 31, 39.

² De Rochas, op. cit., 259.

единственную одежду, бывшую у него на теле, и которая однако его стесняла, он положил ее на расстоянии нескольких шагов от тропинки и поместил сверху стебель травы, который связал известным образом. Что ты там делаешь? говорю я ему. — Я оставляю свою рубашку, чтобы взять ее вновь, когда мы будем возвращаться обратно. — А если ее украдут? — Разве в твоей стране могли бы украсть рубашку, на которую наложено табу?»

Мандинги, по словам Каллье¹, оставляют в полях продукты почвы, прикладывая к ним мелкие клочки исписанной бумаги, чтобы удалить воров, — и никто до них не дотрагивается.

У самоедов и корелов² в большом употреблении клейма. Клейма эти прикладываются вместо печати к бумагам, к собственности, особенно к оленям и к овцам. Каждое семейство имеет свое собственное клеймо, которое передается по наследству из рода в род, причем родственники, напр. родные братья, делают в них маленькие изменения, сохраняя в основании общее семейное клеймо. Подобные же клейма встречаются в Архангельской губернии у русских, зырян и лопарей на кольях, тычинках, деревьях, дровах, дугах и пр.³

* * *

В непосредственной связи с вопросом о признании и узаконении права частной движимой собственности находится вопрос о нарушении этого права, т. е. о воровстве — краже. Благодаря совершенно оригинальному характеру, которым отличаются правонарушения этого рода в глазах первобытных народов, факты, сообщаемые относительно этого предмета путешественниками, представляют большую поучительность.

В том или в другом отдельном случае, говорит Форстер⁴, мы испытали расположение тайян к воровству, но никогда не потеряли ничего ценного: наши носовые платки, которые им было легче всего достать, были сделаны из их же собственной густой материи, так что, укравши их, туземцы приходили в разочаровании, и с большим весельем возвращали их обратно. По моему мнению, этот порок у тайян не имеет столь ненавистой природы, как у нас. Народ, потребности которого удовлетворяются с такою легкостью и в способе жизни которого столько равенства, может иметь весьма мало мотивов красть друг у друга, и его открытые дома без запоров служат явным доказательством честности во взаимных отношениях тайян. Поэтому порицание относится в значительной степени к нам самим, к тому искушению, в которое мы вводим их и против которого они не имеют

¹ *Caillé*, op. cit., 54.

² *А. Ефименко*, op. cit., 109 и 188.

³ *Пр. Иванов*, Юридич. знаки, Арх. губ. Вед. 1870, 34 (у Якушкина, 28).

⁴ *G. Forster*, A Voyage round the World, 1877, I, 344—345.

возможности устоять. Они, повидимому, вовсе не помышляют о своем проступке; большое значение, при этом, следует, быть может, приписывать соображению, что они не нанесут нам существенного ущерба каким-нибудь маленьким воровством.

Народ Таити¹ упрекали в воровстве; но все народы, близкие к натуральному состоянию, будучи соблазняемы новизною предметов, которые европейцы раскрывают перед их глазами, имеют тенденцию к овладению таковыми, готовые бросить потом предмет, возбудивший их желания. Вообще говоря, акт воровства никогда не рассматривался у них, подобно нам, как бесчестный. В их среде собственность была священна; относительно же европейцев, которые съезжают на их берег, стремясь искутить их тысячами различных предметов, воровство было не более как ловкая проделка, и вор, как у спартанцев, получал аплодисменты своих друзей, когда умел показать ловкость.

Говорили, что новокаледонцы² воры; чтобы быть точным, следовало бы сказать: склонны к воровству. Это значит, что они охотно совершают его, когда уверены в безнаказанности. Таким образом поступали они в своих первых сношениях с европейцами, когда начальники и простолюдины подавали друг другу руки, чтобы красть; но повсюду, где европейцы взяли под свое покровительство начальников, они перестали терпеть от краж. Европейцы засвидетельствовали о многих местностях, что они оставляют там свои дома открытыми среди туземцев. Но если новокаледонцы оказываются честными относительно европейцев, которые имеют столько вещей, способных возбудить их алчность, то они лишь очень редко воруют друг у друга, тем более редко, что род коммунизма, существующего между ними, отстраняет побуждения к воровству и вместе с тем затрудняет и делает опасным промысел вора.

На Сандвичевых островах³ воровство наказывалось весьма строго; пострадавшие восстанавливали свою потерю из собственности виновной стороны, даже если она была сильнейшая, и хватали всякий попавшийся на глаза предмет. Общественное мнение было столь единодушно по этому предмету, что весь народ стал бы поддерживать того, кто требует восстановления своих прав. Покушение к воровству сильно уменьшалось, но зато ненавистность этого преступления увеличивалась, благодаря широкому гостеприимству и дарению, господствовавших у туземцев.

Быть может, именно беззаботности и легкости, свойственной маркизам⁴ обоюбого пола, следует приписывать решительную склонность к краже, которую они обнаруживали относительно иностранцев, и ту странную легкость, с какою они

¹ Lesson, op. cit., I, 421.

² De Rochas, op. cit., 259.

³ Jarves, op. cit., 33—34.

⁴ Marchand (Bibl. Universelle, XV), 419.

возвращали украденный ими предмет по первой просьбе, не заставляя просить себя и даже смеясь. Можно думать, что кража этих новых предметов, которые выставляются перед ними и на которые они смотрят только как на приятные безделушки, представляется в их глазах чем-то в роде игры, которой они не придают никакой важности. Казалось, что они тщеславились своею кражею перед французами, или, что они смотрели на свое владение, как на законно приобретенное, или, что они забыли про тот акт, которым они себе его доставили. Нельзя однако думать, чтобы они не имели прочной идеи собственности (?), и чтобы они не знали, что воровать дурное дело. Но зато в обмене они проявляли величайшую честность: ни один не пытался, получивши цену, унести назад проданный им предмет. Верные между собою, они в точности передавали европейские товары тем, которые доставили предметы обмена; они не пытались красть друг у друга припасы, приносимые ими. Верность их друг к другу простиралась даже на воровство, совершаемое ими. Предмет, украденный на судне, переходил из рук в руки, без всякого беспокойства со стороны виновника кражи относительно того, в чьи руки попадет его предмет, так как он был вполне уверен, что рано или поздно последний вернется к нему (?).

Едиственный недостаток в характере добродушных папуацев¹, это их склонность к воровству, когда открывается удобный к тому случай; но знатных нужно исключить из этого; также и между собою они не совершают кражи, а имеют друг к другу величайшее доверие; они оставляют свои дома без защиты, их колья и сосуды свободно лежат вокруг, и часто у них на целую английскую милю нет соседей.

Островитяне Марианских островов² чувствуют ужас перед убийством человека и воровством. Эти острова несправедливо назвали «Isles des Lagons». Будучи далеки от того, чтобы быть ворами, островитяне так доверчивы один к другим, что совсем не запирают своих домов. Они всегда оставляют жилища открытыми, а между тем никто не обкрадывает своих соседей.

«Несмотря на свою щедрость, новокаледонцы³ большие воры, что несколько не удивительно, если взять во внимание их нищету. Самый ничтожный предмет является искушением для них. Если бы мы не устроили вначале постоянного присмотра, то они скоро свели бы нас к такой же голятьбе, как и сами. Однако мы не имели очень значительных потерь, и должно сказать к их чести, что они сделали в этом отношении большой успех».

«Новозеландцы⁴ до мелочности честны относительно соб-

¹ *Hodkin*, См. также *Semper*, 208.

² *Le Gobien*, 61.

³ *Rougeyron*, *Annales de la Propag. de la Foi*, XVIII, 406.

⁴ *Dieffenbach*, *New Zealand*, 26.

ственности других лиц. Белые люди среди них оставляют каждую вещь открытой и ничего не знают о краже. Я часто смущал их вещами очень ценными в их глазах, но они всегда приносили назад гвоздь, зернышко заряда, или кем-нибудь потерянный курок».

«В защиту добродетели североамериканских индейцев¹ может быть приведено очень многое; если иметь в виду, как бы следовало, что у них нет законов для наказания за кражу, что в их стране неизвестны ключи и замки, что никогда никто не давал им предписаний, что на голову вора не может пасть никакое человеческое возмездие, кроме неудовольствия, которое возбуждает его характер в окружающем его народе,—если иметь все это в виду, то нельзя не удивляться их честности. Как бы ни казалось это странным, но при отсутствии всяких правовых систем в этих маленьких общинах можно встретить весьма часто мир, счастье и спокойствие, которым могли бы у них позавидовать многие короли и императоры. Праву и добродетели они оказывают защиту, порок исправляют наказанием, и среди простоты и довольства природы у них царит симпатия супружеская, отцовская и сыновья».

«Мы вскоре до того убедились в ненарушимой верности туземцев при заливе Кастри² и в почти религиозном уважении, какое они имели к собственности, что мы оставляли в их хижинах и за печатью их честности наши мешки, полные тканей, железных орудий и всего, служившего нам для обмена, причем они никогда не злоупотребили нашей доверчивостью; мы ушли из этого залива в том убеждении, что они даже не подозревали, что кража преступление».

Когда дикарь-североамериканец³ совершил покражу и уличен, его принуждают восстановить украденное или покрыть воровство другим способом. Если этого удовлетворения не дается, то пострадавший может пойти с друзьями в хижину вора, с луком и стрелами, как на неприятеля, и здесь взять и разграбить все принадлежащее последнему, и виновный не вправе сказать против этого хоть слово. Если же обвиняемый чувствует себя невинным во вводимом на него преступлении, то он бросается к оружию и сопротивляется грабежу. Зрители, находящиеся на месте, хватают наиболее увлекшихся; но если дело идет только между заинтересованными сторонами, то оно не обходится без кровопролития или убийства. В случае, если обвиняемый, будучи невинным, убивает своего обвинителя, никакого дальнейшего удовлетворения не требуется: его невинность охраняет его от всех дурных последствий убийства. Но если он действительно виновен, он приговаривает сам себя и никогда

¹ G. Catlin, North American Indian, Lond. 1876, II, 10.

² Laperouse, Voyage autour du Monde (Bibl. Univers. des Voyages, 1834), XII, 347.

³ Perrot, op. cit., 73.

не оспаривает факта; он терпеливо выносит, чтобы у него взяли итрое или вчетверо больше против того, что он украл. Если в его вещах нашли чужую занятую вещь, то возвращают кредитору без всяких затруднений,—туземцы никогда не приписывают себе ничего, что не их.

Кража у чинуков¹ считалась преступлением, но возвращение украденного удаляло всякий след бесчестия. Права собственности соблюдаются эскимосами с большою точностью по отношению к ним самим; но воровать у чужеземцев—что они делают с большою ловкостью—считается скорее заслугою, чем преступлением. Успешный вор, когда жертвою является иностранец, получает одобрение всего племени.

Некоторые из нуткасов, пришедшие торговать с экипажем Кука², обнаружили расположение к обману; они хотели унести товары, ничего не давая в вознаграждение; но вообще все это случалось редко. Во всяком случае, они так живо желали получить железа, меди и всякого другого металла, что лишь немногие из них имели силу сопротивляться желанию украсть этот товар, когда находили к тому случай. Жители островов Южного Океана крали у Кука все, что им попадало под руку, никогда не входя в то, полезна ли им вещь или бесполезна. Новизны предметов было достаточно для того, чтобы заставить их решиться пустить в ход все роды косвенных способов для совершения воровства, откуда следует, что они были побуждаемы более детским любопытством, чем нечестною склонностью. Нельзя оправдать тем же способом туземцев у входа Нутки, которые уносили собственность; они были воры в полном смысле слова, потому что не таскали других вещей, кроме тех, из которых могли извлечь пользу, и которые имели в их глазах действительную ценность. К счастью, они чувствовали уважение только к металлам. Они не коснулись ни белья, ни других подобных вещей, которые экипаж мог оставлять ночью на суше, не давая себе труда беречь их. Есть много поводов думать, что между ними самими воровство весьма распространено, и что оно-то и дает место их частым и многочисленным спорам.

У эскимосов Бичи и Парри³ подмечена сильнейшая склонность к воровству. Они, разумеется, имеют понятие о моем и твоём, даже считают нравственным приобретение меною, причем символом у них служит—лизание предмета, переходящего из чужого владения в их владение. Парри рассказывает странную черту: старуха украдала у англичан серебряный наперсток, но принесла его назад, говоря, что он к ней не подходит. «Один из эскимосов», говорит Росс⁴, «хотел взять наковальню, но, заметив, что не может ее сдвинуть, накиннулся на молоток.

¹ Bancroft, op. cit., I, 240 и 63.

² Cook, Troisième Voyage (Bibl. Univers. XV), 392.

³ Klemm, op. cit., I, 295.

⁴ Ross (Bibl. Univers., XII), 12.

Но так как без этого предмета нельзя было обойтись, то за ним побежали; видя, что его догоняют, он бросил молоток в снег и убежал, а это дает понять, что он имел представление о своем дурном поступке. Другой эскимос принес обратно железную дверку от лисьей ловушки, которую его брат предварительно унес. Он, повидимому, был того мнения, что хотя воровать и худо, но это не беда, если собственник не замечает отсутствия своей вещи. Так как они не делали из этого тайны для своих друзей, то те не упускали случая уведомлять экипаж, и когда воры были открываемы, то, не отрицая своих действий, они смеялись над ними, как над удачной шуткой. После этого они принесли несколько примирительных жертв; в одном случае это был тюлень».

Но от тех же эскимосов на Гренландии Эцель¹ говорит следующее: «В своих отношениях к европейцам туземцы соответствуют всем тем требованиям, которые можно предъявить им, сообразно их ступени развития. Иногда против них поднимают обвинение, что они не оказывают никакого уважения к праву собственности; однако, воровство почти неизвестно между ними. Возможность ездить целые годы с открытыми сундуками, не потерявши ничего, в стране, где нет ничего такого, что заслуживало бы названия закона или полиции, и где, при некоторых обстоятельствах, искушение бывало очень сильно, возможность держать свои жилища и кладовые без замков, не открывши ничего, что могло бы возбудить даже подозрение в краже,—дает основания смотреть на подобные постыдные обвинения как на грубую несправедливость или односторонний взгляд. Напротив, кредиторы, которые не повяли правильно наклонности гренландцев делать *займы*, нередко бывали обмануты ожиданием верной и своевременной уплаты, потому что по легкомыслию гренландцы часто забывают об уплате; но, наверно, столь же многие вполне чувствуют и признают обязанность возвращения долга».

Честность коряков² замечательна. Часто они запрягают целый ряд оленей, когда вы оставили поутру их стан, чтобы догнать вас на расстоянии 5—10 миль и отдать вам нож, трубку или какую-нибудь другую вещь, забытую вами впопыхах при отъезде. Сани путешественника, нагруженные табаком, брусам и товарами всякого рода были оставляемы без надзора около их шатров, но ни разу не пропало ничего. С самим путешественником почти повсюду коряки обращались с такою же вежливостью и великодушием, какие он встречал в цивилизованных странах и у христиан; и если бы он не имел ни друзей, ни денег, то обратился бы с просьбою о помощи к племени бродячих коряков с гораздо большим доверием, чем ко многим американским семействам.

¹ A. Etzel, Grönland, Stuttg. 1860, 339.

² G. Kennan, Tent life in Siberia, Lond. 1871, 150.

Лопари¹ смотрят строже на преступления, совершаемые в своей сфере и вредящие интересам друг друга, чем на такие, жертвою которых делается посторонний человек, обыкновенно русский. Причина этого сами русские: они не только не внесли к лопарям цивилизующего нравственного начала, но и развили в них склонность к обману, лживость и тому подобные качества. Немудрено, что лопари, обманываемые и разоряемые русскими, стали наконец обнаруживать в сношениях с ними коварство и ложь,—эти естественные орудия слабых и угнетенных людей; но раз освоившись с этою тактикой, лопари не могли уберечься от ее влияния и в своих взаимных отношениях. Мелкие кражи, утайки, обманы, учеты, недодачи теперь очень нередки, а если направлены против русских, то почти и не считаются за преступление. Между тем, по словам автора «Новых и достоверных сведений о лапландцах в Финмархии», 1792 г. (14), у них не было ни воровства, ни драки. Ф. Пошман, писавший о лопарях в начале нынешнего столетия, сообщает следующее: к чести лопарей можно сказать то, что у них воровства совсем нет; никто не имеет амбаров и даже сундуков, куда бы мог положить свой багаж. Но лопари, ничего не опасаясь, оленьи кожи кладут в лесу (то же делают североамериканские индейцы, *Таннер*, I, 99), домашние вещи все бывают разбросаны и оставлены подле жилья; возвращаясь домой почти через полгода, лопарь находит, что все у него в целости. Если понадобится лопарю что ни на есть без хозяина, то он, взяв, оставляет клеймо. То же почти и теперь во внутренних отношениях между ними. Обход зверя в чужом ухажье или облов чужого озера считается у лопарей большим преступлением.

У самоедов² из видов кражи наиболее распространено воровство оленей. Но в то же время чум остается в тундре с вещами хозяина один, и никто их не тронет. Украсть оленя у русского или у зырянна самоеды преступлением не признают, а скорее молодечеством. Да это и немудрено, так как самоеды знают, что стада русских и зырян суть их собственность, перешедшая в руки этих последних посредством обмана и даже насилия, и притом кормятся на их же тундрах.

Среди якутов³ мошенничество развилось благодаря сношениям с ссыльными.

В недавнее время одно из главных занятий киргизов⁴ была баранта, т. е. война между отдельными родами, заключавшаяся, главным образом, во взаимном отгоне скота. Это средство обогатиться считалось ничуть не предосудительным, но воровство, т. е. тайная кража небольшого числа скота или имущества,

¹ *А. Ефименко*, *op. cit.*, 47.

² *Ibid.*, 205.

³ *Костров*, *op. cit.*, 288.

⁴ *Л. Мейер*, Киргизская степь оренбургского ведомства, *op. cit.*, 253—257.

осуждалось всегда весьма строго. Начало этих междоусобий было почти всегда законное, именно они происходили обыкновенно от нежелания одной из спорящих сторон покориться приговору старшин. В таком случае обиженная сторона имела законное право добиться удовлетворения силою, т. е. делала нападение, угоняла скот и захватывала людей. Само собою разумеется, что обкраденные платили тем же, считая, что у них взято более, чем следовало по судебному приговору. Так, взаимное воровство и убийства все более запутывали вопрос, и ссоры и междоусобия тянулись десятками лет и делались наконец родовой мезьей.

El-ter bigue, говорит Дома¹, есть воровство, но кроме того это почти война, это набег. Число людей, исполняющих предприятие, важность воровства, исполненного над целою частью племени, свойства партизанов, сложившихся в компанию, которые, во всяком случае, суть рыцари, т. е. воины,—все эти обстоятельства хотя и не могут служить оправданьем в глазах скрупулезного европейца, все же представляют мотивы, в высшей степени достойные одобрения в Сахаре. Храбрые *enfants perdus* выставляют себя на показ, чтобы нанести вред враждебному племени. У того племени, в состав которого они входят, не может быть по этому поводу ничего, кроме радости и триумфа... Мы опускаемся еще ступенью ниже, мы встречаемся с чистым грабежом, выполняемым ворами по профессии. Это уже не война, даже в уменьшенном виде, это просто-напросто кража. Она не составляет предмета развлечения для целого племени, но все же служит материалом для поздравлений и похвал среди друзей, под условием, однако, что воровство не будет совершено в самом племени или в союзном племени, что было бы стыдом, но только у врага; говорят: «такой-то храбр, он крадет у врага». Шайками, артелями воруют баранов, верблюдов и пр. в определенное время года, и потом делятся добычею *паровну*, отдавая начальнику большую долю.

Все кафры² извлекают главные средства существования из мяса и молока своих стад; в течение их войн, ограниченное земледелие, которое они ведут, почти всегда окончательно запускается. Если у них украдут скот, они приходят к полной нищете и к необходимости делаться ворами в свою очередь. Это именно и произошло с мантатами; неспособные оказывать сопротивление более сильному племени зволе, они были разорены и выгнаны из страны; тогда они соединились с другими кланами, которых участь была та же, и, сделавшись сильны числом и отчаянием, бросились как лавина на слабые и мирные племена внутренней страны; они были сопровождаемы

¹ E. Daumas, Les chevaux du Sahara et les moeurs du désert, Paris 1858, 257.

² Thompson, Voyage dans l'Afrique méridionale etc. (1823—24), 23 (Voyages par Montemont, 1455).

своими женами и детьми, и, без сомнения, увели с собою несколько скота, что могли спасти от грабежа; но значительная их часть, особенно женщины, повидимому, стали жертвою голода и, быть может, доходили даже до людоедства.

Во время своих посещений экспедиции Денгама и Клаппертона¹, женщины Логтуна в Африке выпрашивали и в то же время старались украсть всякие предметы, привлекавшие их взор. Когда их кражу открывали, они принимались хохотать от души, хлопали руками и ногами и кричали: «Ах, какой ловкий! Чуть только подумаешь о чем-нибудь, а он и отгадает!»

Самый замечательный недостаток мандингов, читаем у М. Парка², составляет, быть может, та непреодолимая склонность к воровству, которою обладают все классы этого народа; в этом отношении нет никаких оснований к их оправданию, потому что они сами смотрят на воровство, как на преступление, и не предаются ему обыкновенно одни относительно других. Правда, это соображение значительно смягчает их вину; и прежде, чем смотреть на этот народ, как на более распущенный, чем другие, было бы хорошо исследовать, лучше ли вели бы себя низшие классы какой-либо европейской страны, будучи поставлены в подобные же условия относительно иноземца, чем эти негры вели себя относительно нас. Не следует забывать, что законы страны не обеспечивали нам никакой защиты, что каждый мог обворовывать нас безнаказанно и что некоторые из наших вещей были в глазах негра столь же драгоценны, как были бы в глазах европейца бриллианты или жемчуг. Предположим, что индийский торговец нашел способ попасть в Европу, неся на спине коробку с драгоценными камнями, и что законы страны, где он находился, не давали бы ему никакого обеспечения его личности: в подобном случае, если чему следовало бы удивляться, так это не тому, что у него украли бы часть драгоценностей, а тому, что первый встретившийся вор оставил что-либо другому. Несмотря на все зло, причиненное воровством мандингов, все же нельзя думать, чтобы нравственное чувство и естественное начало справедливости были в них погашены или извращены. Эти чувствования были только на время заглушены под влиянием искушения, для сопротивления которому нужна была чрезвычайная добродетель. Но, с другой стороны, они же покрывают этот недостаток обильным гостеприимством.

Негры-полофы³ крадут вещи пальцами ног, в то время как вы им смотрите на руки.

В числе способов наказывать за воровство и за другие преступления в высшей степени замечательны обычаи «муру» на Новой Зеландии, совершенно напоминающей наши древние

¹ *Denham and Clapperton* (Bibl. Univers., XXVII), 256.

² *Mungo Park*, op. cit., II, 5.

³ *Atkins, Voyage à Sierra Leone* (Walckenaer, 1826, IV), 117.

«поток и разграбление»¹. В золотой век Новой Зеландии, по словам Монрада², здесь господствовали два учреждения «табу» и «муру». О табу мы уже говорили. Европейец, не знающий туземных тонкостей, переводил слово «муру» словом «разбой», так как и на самом деле выражение это на ходячем языке означает приблизительно «грабеж». Речь идет о регулируемой системе грабежа, которая соответствует закону о вознаграждении за вред в нашем праве. При употреблении его в дело ничто не было обеспечено от захвата властью имеющих, и потому естественно ослабевала охота приобретать движимое имущество. Проступки, за которые людей грабят, должны представляться весьма странными какому-нибудь «пакега». Сгорают жилище кого-либо из туземцев; он обрывает с него доски, и поток огня распространяется, например, на ограду кладбища, где, быть может, уже несколько сот лет никого не хоронили. За это-то преступление жителя грабят. Он теряет свои каное, рыбацью сеть, свиней, запасы. Так как блюстители означенного закона сами получали вознаграждение, и, вместе, определяли размер его, и так как во многих случаях, например, при упомянутом пожаре житницы, сумма вознаграждения состояла во всем том, на что исполнители закона могли указать, то личная собственность очевидно являлась здесь слишком непостоянным и текучим капиталом. Между тем, сопротивление подобным экзекуциям было столь слабо, что нередко считалось унижением, даже важным оскорблением не подвергнуться разграблению. Кроме того, достойную презрения личность, которая делала себя виновною в сопротивлении, исключали из права грабить дорогого ближнего, чтобы заплатить себе за испытанную потерю. В окружающих местечках распространяется слух, что у одного туземца сгорела житница и что при этом несчастье его дитя испытало опасные раны от огня. В одном из этих местечек живет род матери, а по представлениям маори, дитя принадлежит *гораздо более жене, чем мужу*. Сверх того, мальчик, о котором идет речь, был преисполненный надежд юноша, следовательно представлял ценность для всего племени вообще, но особенно для женского рода. Поэтому дела нельзя погасить. К виновнику является с предварительным оповещением целая шайка представителей женского рода; кто-нибудь вызывает его на поединок, а потом грабят весь дом до нитки. Только что описанное преступление имеет, однако, громадное значение. Меньшие проступки, промахи и правонарушения вызывают меньшее наказание и более слабые разграбления. Главным последствием *муру* было непрерывное распушение движимой собственности в таком размере, что она до известной степени становилась *общественною* собственностью... Никто не знал определенно,

¹ Интересные факты об этом учреждении помещены в статье М. Кулишера, Ростовщики и ростовщичество, «Слово», 1879, июнь.

² De Monrad, Das alte Neuseeland, Brem. H.

кто через месяц будет пользоваться его каное, спать на его коврах или заворачиваться в его одеяло, Один и тот же сюртук перебивал на спине у шести различных лиц, и каждый носитель получал его путем законного муру. За сожжение дуба, под которым некогда лежал прах деда дикаря, следует «муру» или штраф, потому что это равносильно с убийством деда. В настоящее время обычай муру устарел главным образом потому, что все снабжены дешевыми орудиями и не вводятся в искушение чужим имуществом. В прежние время завистник подстерегал владельца лопаты или лодки и выискивал поводы к «муру». Но при этом всякое обыкновенное воровство или грабеж были вообще реже, чем где бы то ни было.

Как ни разноречивы с первого взгляда приведенные нами наблюдения путешественников относительно склонности различных первобытных народов к воровству и способы объяснения этой склонности, но все же они могут быть сведены к следующим главным результатам: 1) в пределах своих собственных общежитий первобытные народы, еще не вошедшие в торговые сношения с европейцами, или очень мало смыслят в виновности совершаемого ими воровства, или вовсе не имеют о ней понятия, что объясняется господствующим у них общением движимого имущества; 2) при первоначальных сношениях с европейцами, совершаемое туземцами воровство представляет не столько сознательное завладение чужим имуществом, сколько непосредственный результат весьма понятного любопытства к невиданным ими европейским товарам; 3) туземцы, испорченные уже влиянием европейских торговцев, предаются воровству у чужеземцев более или менее сознательно, имея в виду достижение той или другой экономической выгоды; 4) чем более изолировано то или другое первобытное племя, тем, по видимому, оно наивнее по отношению к воровству у чужеземцев; примером этого могут служить островитяне Южного Океана; напротив, племя, помещенное среди других враждебных племен, что встречается гораздо чаще, возводит воровство у неприятеля в одну из отраслей почетного труда. В историческом порядке все эти факты располагаются приблизительно следующим образом: за признанием воровства овладением частью общего имущества, и притом не для себя одного, а для целого общества, следует воровство из любопытства и из выгоды, во всех его многообразных формах простого кражи, баранты, грабежа, обмана и т. д. Нечего и прибавлять, что строгость наказания за воровство находится в полнейшем соответствии со степенью преступного значения, какая приписывается этому последнему. Ни у одного из перечисленных нами народов нельзя найти ничего напоминающего систему европейских наказаний за этот вид гражданского правонарушения. Возвращение или восстановление украденного, иногда с излишком,—таково, по видимому, самое сильное наказание за воровство, насколько дело идет

не о враге. Лишение преступника свободы и даже обращение его в рабство встречаются сравнительно очень редко, во всяком случае гораздо чаще за другие преступления, нежели за воровство. Причина столь легкого отношения к нарушениям частной собственности состоит, с одной стороны, в той сравнительно ничтожной роли, какую играет движимая собственность в хозяйственном укладе первобытного общества, а с другой, — в том важном обстоятельстве, что юридические обычаи последнего слагаются под давлением интересов и понятий целой массы населения, а не одного только богатого класса, имеющего что терять.

Г Л А В А VII

Понятие первобытных народов о собственности на землю.—Недвижимая собственность у народов рыболовных и охотничьих.—Недвижимая собственность у народов кочевых.—Недвижимая собственность у некоторых земледельческих народов.—Значение труда в истории образования первоначальной недвижимой собственности.

Общинная собственность на землю является естественным и непосредственным обычно-юридическим выражением всей совокупности общинных работ и потреблений, которым предаются первобытные народы. Земля есть приемник, хранитель первоначального материала, из которого состоят произведения, добываемые у нее общинным трудом. Сознание принадлежности земли в общую собственность представляет, поэтому, не что иное, как перенесение на землю, или, лучше сказать, на неразрывно связанный с нею полезный материал, понятия коллективного труда и пользования. Что идея общинной собственности на землю, как на территорию охоты, рыбной ловли, пастьбы скота и пр. более или менее свойственна всем первобытным народам, это давно уже не составляет тайны. Так, например, французский писатель прошлого столетия Гогэ¹ говорит по этому предмету следующее: «Первый установленный закон был тот, чтобы обозначить и обеспечить каждому жителю достаточное количество земли; но в те времена, когда обработка земли не была еще известна, земли были в *общении*; не было ни границ, ни оград, которые регулировали бы раздел их; всякий брал свои средства существования, где считал удобным». Ту же мысль высказывает упомянутый уже экономист пятидесятых годов Отт, говоря: «*Всем известно, что первобытные народы, те, которых называли дикарями и варварами, не знают недвижимой собственности; все племя представляло лишь большую семью, в ее среде не происходило никаких подразделений земли*». Отсюда очевидно следует, что отсутствие недвижимой собственности отождествлялось с общением земли, как то предполагал еще Руссо, по мнению которого продукты земли первоначально принадлежали всем, а самая земля никому. При всем том следует сознаться,

¹ Goguet, De l'origine des lois, des arts et des sciences, Paris 1820 (1-е изд., 1758), I, 47.

что принадлежность земли в общую собственность всем вообще первобытным народам скорее принималась до сих пор на веру, как нечто подразумевающееся само собою, нежели служила целью сколько-нибудь обстоятельных исследований. За исключением нескольких монографий о собственности в Индии, на Яве, в Алжире, в Мексике, в Перу и двух или трех сборных сочинений, каковы труды Лавеле, Летурно и Лебона, нам неизвестно ни одной работы, в которой вопрос о недвижимой собственности внеевропейских народов был бы подвергнут подробному и систематическому обсуждению. Даже в означенных сводных сочинениях весь материал по этому предмету заключается в нескольких отрывочных фактах, что не мешает, например, профессору Гансену в его последней книге сослаться на Лавеле, как на авторитет по вопросу о существовании общинной недвижимой собственности у внеевропейских первобытных народов. Между тем, в многочисленной литературе путешествий имеется по означенному вопросу довольно ценный материал, который во всяком случае заслуживает подробной разработки.

Незнакомство европейца с действительными понятиями дикарей о собственности на землю вело ко многим практическим и теоретическим недоразумениям. В одних случаях предполагалось, что дикари совершенно лишены этой идеи потому, что не обрабатывают обитаемой ими земли, в других, хотя собственность их на землю и признавалась, но в то же время считалась низшею, и потому долженствующею уступить свое место европейской. «Повидимому, не составляет зла», говорит, напр., Ливингстон¹, «если люди, обрабатывающие почву, заявляют право на аппроприацию земли, на которой другие люди только охотились, лишь бы при этом обеспечивалось последним какое-либо вознаграждение за потерю средств к существованию. Первоначальная идея собственности, повидимому, была та, что это право дается «подчинением», или возделыванием почвы. Но это скорее принцип чартистов, который следует принимать с оговоркой, так как признание его в Англии повело бы к захвату всех громадных земельных пространств, перешедших от предков, теми, кто желает обрабатывать их. И в рассматриваемом случае вторжение сразу ведет к тому, что под плуг идет меньше земли, чем под лопату туземцев, так как бассуты, зулусы и кафры Наталя обрабатывают большие пространства земли и подрывают наших фермеров, когда имеют достаточные поля». Д-р Арнольд² замечает: «право собственности идет настолько в параллель с трудом, что цивилизованные нации никогда не стеснялись взять в свое обладание страны, обитаемые только племенами дикарей,—страны, в которых только охотились, но которые никогда не подвергались обработке. Ваттель,

¹ *Livingstone, Missionary Travels and Researches in South Africa, Lond. 1867, 103.*

² *I. Bonwick, The Last of the Tasmanians, Lond. 1870, 325 и сл.*

величайший авторитет по международному праву, относится столь благоприятно к тому же факту, что, порицая занятие земли уже обитаемой, он мягко замечает: «Не будет превосходить виды природы, если дикарям отведется более узкие границы». Эти слова легко истолковываются в смысле полного захвата. Гепфорт Диксон оспаривает право индейцев на землю следующим образом: «Почва! У них нет никакой почвы! Почва не больше была их, чем море и небо наши. Они имели право ходить по ней; но иметь ее в собственность и охранять от вторжения всех других людей есть требование, которого краснокожий никогда не делал, да если бы выучился его делать, то цивилизованный человек никогда бы на него не согласился. Никакое охотничье племя не имеет и даже и не может иметь подобного права, потому что, по строгой политической философии, единственное исключительное право, какое кто-либо может приобрести на землю, есть то, которое он сам создает себе, посредством которого он входит в нее путем труда и затрат, одинаково к собственной, как и ко всеобщей выгоде». — Этот аргумент подвергался иному применению. Владение большим пространством земли, которая держится только для целей парков и охоты, было рассматриваемо некоторыми, как противное закону природы, и революция доставила случай конфисковать некоторые из этих пустых земель, чтобы они могли быть употреблены более производительным и полезным образом. Пока этот закон применялся к дикарям, его считали авторитетным; но он тотчас же отрицался, как скоро им пользовались английские и французские реформаторы. В Австралии тот же аргумент был направлен в пользу смещения скваттеров с занятых ими земель, сделавшемуся необходимым вследствие давления населения. Скваттеры имели свои пастбища, которые были у них отняты вполне или отчасти и розданы под фермы для возделывания другим классам. Скваттеры отрицали применение аргумента, как несправедливого в принципе, хотя сами прибегали к его помощи при захвате земель туземцев.

Обращаясь к другой стороне дела, — к праву туземцев на свою землю, мы находим хорошие авторитеты, например знаменитого юриста Гроция, которые отрицают право одного народа захватить необработанные земли другого. Лорд Бэкон писал: «Мне нравится плантация на чистой земле, т. е. там, откуда народ не был пересажен с тою целью, чтобы насаждать в другом месте, так как это скорее искоренение, чем насаждение». Ваттель разрешает присваивать себе только не употребляемые никем земли, оставляя прочие под властью и в собственности туземцев. Вольтер иронически замечает по поводу борьбы между Францией и Англией за супрематию в Северной Америке: «Они совершенно согласны в одном пункте, это в том, что туземцы не имеют ни малейшего права на спорную землю». Старый делаварский сахем говорил по поводу того же столкно-

вення: «Французы требуют всю землю по одну сторону Огню, англичане по другую, где же лежит земля индийцев?».

Вопрос о полном сознании права собственности на землю на ранних ступенях развития был бы уже решен в том случае, если бы европейцы прислушивались к жалобам, какие постоянно заявляются туземцами на отобрание у них земель. «Караибы», говорит Рошфор¹, «прекрасно и сильно умеют упрекать европейцев в узурпации их родной земли как в явной несправедливости. Ты изгнал меня, говорит этот бедный народ, из С. Кристоффля, из Ниевы, из Монферра, из С. Мартина, из Антигое, из Гваделупы, из Барбуда, со св. Евстахия, которые тебе не принадлежали и на которые ты не мог иметь законной претензии. И ты еще угрожаешь нам ежедневно лишити нас последней, остающейся у нас земли? Что станет с несчастным караибом? Не пойти ли ему жить в море, с рыбою? Твоя земля несомненно весьма дурна, если ты ее покидаешь, чтобы притти и взять мою; или ты настолько лукав, что пришел сюда преследовать меня с радостным сердцем?»

Другой прекрасный пример глубокой привязанности ди-карей к почве представляет речь Красного облака, предводителя племени сиу, сказанная в 1870 году президенту Гранту: «Великий дух сделал меня сразу тем, что я есть. Посмотрите на меня. Я родился там, где восходит солнце, а теперь я прихожу к вам от его заката. Чей голос был прежде всего слышан в этой стране? Голос красного человека, напругавшего лук. Великий отец (президент), может быть, расположен к нам хорошо и дружелюбно, но я не вижу никаких доказательств этого. Что я друг белых, доказывает мое пребывание здесь. Мой народ тает, как снег на солнечной стороне горы. Мы не хотим с вами никакой войны. Как могли бы мы этого хотеть, когда вас множество, а нас горсть? Но вы окрашиваете нашу траву нашею кровью. Пусть великий отец уберет форт, из-за которого пролилась кровь, и между нами будет мир. В моей стране есть два кряжа гор. Я не хочу, чтобы вы прокладывали там дороги. Три раза уже я вам сказал это и говорю теперь в четвертый раз. Вы вогнали в моей стране столбы в землю. Я хочу, чтобы вы их убрали. Мы пришли сюда от заката солнца, чтобы спросить нашего великого отца, почему не сдерживаются данные нам обещания? Вещи, которые я должен был получить, были украдены вашими людьми на пути, и только маленький остаток дошел до меня. Мы здесь бедные и голые. Великий дух создает не всех своих детей равными. Вы родились, чтобы читать и писать, нас же великий дух создал для охоты, и всякий хочет жить по-своему. Люди, которых посылал нам президент, не имеют ни ума, ни сердца—это теперь сделалось мне ясно. Что белые явдуются в мою страну и убивают дичь, в том вина великого

¹ *De Rochefort, Histoire des Iles Antilles de l'Amérique, 1658, 403.*

отца. Он посылает своих пьяниц к нам, потому что не может их терпеть у себя. Вы—те, которые должны были сдержать мир. За землю, на которой вы строите свои железные дороги, я не получил и оловянного кольца. Это я хотел сказать своему великому отцу. Вы делаете и имеете всякую амуницию; почему не дадите нам ничего такого? Бойтесь ли вы, что мы, слабые, начнем войну, с вами, сильными? Мы желаем иметь порох не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы убивать дичь. Со временем, мы, разумеется, должны будем взяться за земледелие, но так сразу это не делается».

В доказательство того, что принадлежность в собственности земли не находится в зависимости от рода занятий и что на нее одинаково имеет право народ, переходящий от охоты к земледелию, приведем следующую замечательную речь главы племени миссизассов к своим соплеменникам, сохраненную Крвенурсм¹: «Разве вы не видите, что белые живут зерном, а мы мясом? Что мяса часто бывает недостаточно, и что ему нужно 30 месяцев, чтобы вырасти? Что каждое из тех чудесных зерен, которые они опускают в землю, возвращается им более, чем во 100 раз? Что у мяса, которым мы живем, четыре ноги, чтобы убежать от нас, а у нас только две, чтобы догнать его? Что зерна остаются на месте и растут там, где сеют их белые люди? Что для нас зима есть время тяжелой охоты, а для них время спокойствия? Потому-то у них столько детей и живут они дольше нашего. На этом основании я говорю каждому, кто хочет меня слышать, что прежде нежели кедры нашей долины умрут от старости и прежде чем сахарные клены нашей долины перестанут нам давать сахар, племя мелких хлебосеятелей истребит племя мясоедов, если эти охотники не решатся сами сеять!»

«Посмотрите вокруг на эти горы и на эту прекрасную гавань», говорил один из начальников туземцев по случаю продажи земли англичанам на острове Новой Зеландии², «они прочны и не могут быть уничтожены. То, что мы получим за них, составит лишь небольшой кусок для каждого из нас и скоро будет уничтожено: табак скоро выкурен, трубки разобьются и платье износится. Не этого мы ожидаем в уплату. Мы хотим извлечь из белого человека другие выгоды; мы желаем, чтобы он защищал нас во время войны с другими племенами и разделял с нами хорошие вещи, которые есть у него. Но сдержит ли свое обещание белый человек? Посмотрите на Порт-Джаксон и скажите, что сделалось с туземцами? Когда белый человек построит себе дом, и мы придем к его дверям, разве он не скажет нам «пошел вон», как, например, мне сказали

¹ *I. Ranke*, Grundzüge der Physiologie des Menschen, Leipz. 1872, 164—165.

² *E. Dieffenbach*, New Zealand and the new Zealanders, Lond. 1841, 22.

сегодня утром, когда я пришел на корабль?» Но большинство было в пользу продажи земли, и она была решена. Все вещи, которые должны были поступить к ним за нее, были подвергнуты рассмотрению, и когда контракт был заключен, начальник сказал своим землякам: «Я знаю, что кидаться на вещи ваш обычай, но с какою целью? Не каждый получит мушкет, не каждый покрывало¹. Я мало думаю о себе, потому что смотрю в будущее, но я разделяю вещи между вами». Он сделал так, и все были довольны.

«Готтентоты», писал голландский хирург Рибек² в апреле 1660 г., «долго распристранились о факте, что мы с каждым днем занимаем все большее пространство страны, которая принадлежала им в течение вечности. Они спрашивали нас, позволили бы мы им распоряжаться таким образом, если бы они переселились к нам в Голландию? В ответ на наблюдение, которое мы их просили сделать, что травы недостаточно для их скота и для нашего, они прибавили: «Разве у нас нет достаточных причин стараться помешать вам иметь скот?.. Если его будет у вас много, то вы придете его пасти с нашим, а потом скажете, что страна недостаточно велика для вас и для нас»... В Европе довольно часто применяется эпитет *номадов* к племенам южной Африки, но нет ничего более неверного. Одни только намаквы и бушмены, принадлежащие к расе готтентотов, подходят под это название... Что же касается до бечуанов и кафров, то нет примера, чтобы они покинули свою страну, если только не принуждает их к тому вторжение или другое какое-нибудь совершенно исключительное обстоятельство... Упорное сопротивление, которое противопоставляют захвату колонистов амакози, тембуки и бассуты, доказывает достаточно, до какой степени эти народы привязаны к обитаемым ими странам. Они выражают эту привязанность словами, могущими тронуть сердце и возбудить энтузиазм: «у нас, наша земля, земля отцов наших». «Вы просите, чтобы я *разрезал* землю», говорил старейшина бассутов белым, которые предлагали ему разгородиться, и привел в пример приговор Соломона о рассечении дитяти для указания действительной его матери. Продажа или другие виды отчуждений земли неизвестны этим народам. Страна принадлежит всей общине, и никто не имеет права располагать питающею его почвой. Начальники указывают своим вассалам доли земли, которые они должны занимать, а эти последние дают каждому отцу семейства участок, пригодный к обработке и соответствующий его потребностям. Это пользование, раз данное,

¹ Известны и другие интересные примеры того, как именно делится различные цельные вещи между несколькими представителями первобытных народов. Если, например, при разделе ружья одному достанется мунок, другому ствол, а третьему ложе, то отсутствие всякой идеи личной собственности становится совершенно очевидным.

² *Casalis, Les Bassoutos, Paris 1859, VII и 165, 167.*

обеспечено для владельца на все время, пока он остается на месте; если он переселится в другое место, то должен сдать поле обратно начальнику, от которого получил его, чтобы последний мог им располагать в пользу другого лица. Границы полей обозначены с достаточной точностью. Споры подвергаются решению третейского суда соседей, а в последней инстанции суду начальника.

«В некоторых случаях», говорит Филип¹, основанием претензии служило то, «что участки земли были приобретены (колонистами у готтентотов) правильной покупкою, и что туземцы нисколько не спорили за территорию, а уступали свои наиболее ценные владения за пустяки. Мы не имеем никаких способов удостовериться, как были заключаемы подобные сделки, и понимали ли туземцы, что при посредстве таких сделок они отказывались от права пастбища и занятия земли в случае нужды; но весьма вероятно их понимание шло не дальше того, что они уступают совместное и дружеское пользование источниками и растущей около них травой».

«Земля эгббов в стране Иорубе», читаем у Бёртона², «ни в каком случае не есть «ничья» земля, и незнание этого жизненного факта в случае переселения сюда европейцев несомненно поведет к таким же аграрным войнам, которыми Новая Зеландия недавно скандализировала мир. Неотчуждаемость земли представляет одну из коренных идей негров. Каково бы ни было владение землею, оно никак не может быть отчуждено навсегда или продано. Начальник за постоянную ренту дозволит иноземцу обрабатывать никому не нужную общинную землю, но это сделка чисто личная. Если первый владелец умрет, то наследник или заместитель должен искать возобновления найма, и отказ в последнем оправдывает в африканском уме изгнание его. С другой стороны, если начальник настаивает на повышении условий, то наследник в свою очередь может настаивать на уплате прежней суммы постоянной ренты, и среди наиболее цивилизованных племен голос народа будет на его стороне. Никто, живущий в западной Африке, не может игнорировать этого факта».

«Когда к деревне принадлежит никем не занятая земля³, то старейшина деревни обыкновенно имеет право продавать ее на время своей жизни; но впоследствии часто возникают споры о праве владения, как бы ни была значительна уплаченная за землю сумма. Европейцы поступают, поэтому, всего умнее, если они покупают подобную землю под условием вносить за нее годичный платеж. Когда подобная покупка заключена в над-

¹ J. Philip, op. cit., 17.

² K. Burton, Abeocuta and the Camaroons Mountains, Lond. 1863, II, 96.

³ Winterbottom, op. cit., 75.

лежащей форме, в общем собрании старейшин страны, тогда они могут без опасений передавать ее по наследству; впрочем, само собою разумеется, что они должны быть в состоянии постоять за предоставленное им право».

Собственность у жителей Маркизских островов, по словам Гаффарея¹, установлена столь же неправильно, как и семейство: «В самом деле, все тут собственники и никто не собственник, на основании права такая-то или такая-то долина принадлежит начальнику (?), который уступает участки ее, но никогда окончательно. Владельцы почвы могут быть на основании закона (французского?) согнаны с нее. В действительности же они обеспечены в том, что останутся на земле, которую они сделали плодородною, так как начальники, легальные собственники (sic), каждый раз, когда им придет фантазия передать или отчуждить свои права, прилагают большие заботы к тому, чтобы в договоре было постановлено, что прежние жители останутся на той земле, где они обыкновенно жили, и это условие всегда соблюдается с точностью. Справедливость требует, впрочем, заметить, что островитяне начинают усваивать себе французское законодательство, и что режиму коллективной собственности будет в свое время противопоставлен здесь единственный справедливый (?) режим индивидуальной собственности».

На островах Фиджи² все племя имеет совокупный интерес в землях семейств, и отчуждение земли может правомерно совершиться только с согласия всего племени, через старейшину и глав семейств. В этом состоит причина того, что туземец, когда он продает европейцу участок земли, вовсе не думает о полном ее отчуждении; напротив, если покушник оставляет часть земли без употребления, то туземец строит на ней без дальних церемоний дом и обрабатывает ее попрежнему. Отсюда происходит и то, что фиджианец считает себя до известной степени как бы привязанным к земле. Европейец, знающий это, прекрасно обходит это затруднение; но кто не знает, тот попадает в неприятности. Так произошло с одним миссионером, который, с согласия старейшины и заинтересованных членов семьи, купил себе участок земли. Последние естественно рассчитывали на то, что они будут обрабатывать почву и строить дом; но миссионер, не знавший этого обычая, взял для этого своих людей. Тогда он внезапно увидел себя окруженным вооруженными дикарями, которые потрясали своими копьями и дубинами и привели его в такой страх, что он убежал на свое судно и отказался от всего дела. Но туземцы только хотели этим подтвердить свои права. По новейшим сведениям³, земля на островах Фиджи есть собственность племени, а собственность на деревья простирается только на плоды.

¹ P. Gaffarel, *Les colonies françaises*, 1880, 387—388.

² Christmann und Oberlaender, *op. cit.*, 162 (Oceanien).

³ «Globus», 1881, № 5, 79.

Только что приведенных фактов, нам кажется, совершенно достаточно, чтобы убедить кого угодно, что первобытные народы не только проявляют живое чувство собственности на землю, но, по самому существу дела, не имеют ни желаний, ни возможности отчуждать ее пришельцам, иначе, как на условии временного пользования плодами с никем не занятой земли. Неотчуждаемость первобытной поземельной собственности бросает, между прочим, совершенно оригинальный свет на те любопытные сделки об уступке земель предполагаемыми начальниками туземцев, какие так часто заключаются европейцами. Так, например, мы читаем у Годкина¹ следующее: «Капитан Кляер говорил с королем (Палаузских островов) об его земле и сильно прославлял последнюю; на это король сказал, что его земля должна на будущее время быть *землею англичан* и подарил им таким образом землю (!)». О том, что король Саидвичевых островов или королева Отанти уступают свою страну англичанам или французам, можно прочесть в газетах еще и в настоящее время. Дальнейшее изложение фактов, относящихся к первобытному землевладению, должно привести к убеждению, что землевладение это, сверх неотчуждаемости, более или менее повсюду носит характер коллективный.

«Вообще», говорит Эйр², «было предполагаемо, но весьма несправедливо, что туземцы Австралии не имеют никакой идеи о собственности на землю или о правах, связанных с нею. В действительности же каждый округ с радиусом в 10—20 миль рассматривается как собственность тех, кто в нем охотится. Сверх того, эти округа еще подразделяются между отдельными членами племени. Каждый мужчина имеет право на известный участок земли, которого границы он всегда может указать. Эта собственность подразделяется отцом между сыновьями в течение его жизни и как бы исходит по наследству. Мужчина может располагать своею землею, променять (?) ее другому лицу, но женщина ни в чем не наследует, а среди сыновей первородство не представляет никаких специальных прав. Одно племя может прийти в территорию другого не иначе, как с дозволения или по особому приглашению последнего, причем с чужеземцами или посетителями обращаются очень хорошо». Следующее письмо д-ра Ланга, начальника сиднейской коллегии в Новом Южном Уэльсе, к д-ру Годкину подтверждает все вышесказанное. «На вопрос ваш, имеют ли туземцы австралийского континента какую-либо идею о собственности на землю, я отвечаю самым решительным образом,—да. Известно, что эти островитяне не обрабатывают земли, а существуют единственно рыбною ловлею и охотой, а также дикими корнями и отчасти диким медом: плоды здесь чрезвычайно редки. Вся раса разделена на

¹ Op. cit., 30—31.

² E. J. Eyre, Journ. of the Expedit. of Discovery into Central Australia, Lond., II, 296.

племена, более или менее многочисленные, смотря по обстоятельствам, и обозначенные именами местностей, в которых они обитают; хотя они вообще являются бродячими племенами, но перемещение их ограничено определенными и точными пределами, за которые они переходят редко, исключая случаев войны и празднеств. Словом, каждое племя имеет свой собственный округ, границы которого хорошо известны всем вообще туземцам, и внутри этого округа все дикие животные рассматриваются, как собственность обитающего в нем или скорее проходящего по нем племени, наподобие того, как и европейцами, на основании европейских законов, пастбищная земля считается собственностью ее владельцев. В действительности, так как страна занята главным образом для специальных целей, то различие между европейскими и туземными идеями о собственности есть более воображаемое, чем действительное: туземная трава доставляет пищу как кенгуру, принадлежащую туземцам, так и дикому скоту европейцев; единственная разница состоит в том, что кенгуру не обозначены особыми клеймами, подобно скоту, несколько более дики и с большим трудом поддаются ловле. Как европейский закон и обычай считают вторжение всякого другого белого человека в пастбище признанного владельца за правонарушение и подвергают за него наказанию, таким же образом и туземцы каждого отдельного племени, обитающие в отдельном округе, смотрят на вторжение в него всякого другого племени туземцев, как на правонарушение, за которое следует подвергать наказанию силою оружия. Подобные нарушения представляют столь же частую причину туземных, как и европейских войн; человек в своем естественном состоянии также ревнив к своим правам и чрезвычайно воинствен. Справедливо, что европейские поселенцы не обращают никакого внимания на эти туземные разделения земли, часто прогоняют черного туземца с его охотничьей территории или даже совсем уничтожают посредством насилия, рассеяния, болезней и пр. наподобие того, как и кенгуру изгоняется с той же территории европейским рогатым скотом. Но особые округа не только составляют собственность отдельных племен; отдельные части этих округов повсюду признаются туземцами за собственность отдельных членов (?) этих племен; и когда собственник такого отделения территории решит сжечь траву своего участка, что делается для возращения леса, то не только все члены его собственного племени, но целые племена из других округов приглашаются к нему на охоту и на пар и танцы, следующие за нею; дикие животные на этой территории рассматриваются все как собственность владельца земли. Идея собственности на почву для целей охоты есть всеобщая среди туземцев. Они редко жалуются на вторжение европейцев; напротив, они довольны, что те поселились здесь, как они говорят, на их земле, они не замечают, что их собственные жизненные

условия сильно изменились от этого к худшему, что их средства существования постепенно все более и более уменьшаются и число их самих также: короче, в простоте сердца они пустили к себе на грудь змею, и та укусила их насмерть. Они ожидали выгод и благословения от европейского вторжения, а оно сделалось причиною их гибели».

Только что сказанное относительно поземельной собственности подтверждают и другие два писателя, Грей и Ланг¹, ссылаясь, впрочем, главным образом, на то же самое письмо д-ра Ланга. Грей в особенности настаивает на праве отца (?) делить поземельную собственность между сыновьями, когда им всего по 14 и 15 лет. Ланг указывает, между прочим, на одно важное отступление от права исключительной собственности каждого племени на свою охотничью землю. Каждое племя, говорит он, отделено и обособлено от других; свидания между двумя или тремя племенами происходят только в случаях настоятельной необходимости, после приготовлений и церемоний, столь же заботливых и точных, как между германскими княжествами. Это право племени на исключительное занятие территории модифицируется однако в известных случаях в пользу племен вообще. Когда известные предметы пищи, материалы для оружия и т. п. добываются только в специальной местности, то по временам назначаются общие пропуски, дающие право всем племенам притти в ту местность, без нанесения обиды племени, обитающему в ней, или тем племенам, через страну которых необходимо проходить для достижения ее. В виде иллюстрации автор приводит сбор буина-буина, — основных шишек в Куинсланде. Сосна буина-буина производит весьма крупные шишки, ради которых через каждые три, четыре года все племена сбегаются сюда с большого расстояния. Сверх того, к той же категории предметов относится род земляники — нурп, который растет в большом количестве на песчаных холмах и по течению реки Гленели. Все соседние племена имеют право приходить сюда и действительно являлись в большом числе, когда ягода созреет. Холм внутри округа Сиднея, на котором добывается особенный род весьма твердого камня, пригодного для изготовления каменных томагавков, служил предметом подобного же права; такова же была одна каменоломня песчаника у С. Кильда, близ Мельбёрна, которая была в особенности пригодна своим материалом для полировки и изготовления каменных томагавков... Кроме общего права собственности на землю, это право принадлежит различным членам семейства племени; оно всегда ревностно охраняется и передается из поколения в поколение. В течение тех времен года, когда члены племени не находятся в соединении, каждое семейство располагается на своей собственной земле.

¹ G. Grey, Two Expeditions in Australia, I, 236, и S. Lang, The Aborigenes of Australia, Melbourne 1865, 5 и сл.

Так называемая означенными писателями поземельная собственность отдельных членов семейства, по всей вероятности, сводится просто на общинную собственность членов известного родового подразделения племени. В этом убеждают нас как собственные слова авторов, относящиеся к распределению собственности между сыновьями при жизни отца, так и более или менее известные родовые отношения австралийцев. Если отец распределяет землю *при жизни*, то это означает несомненно общинно-семейную собственность, а не личную. С другой же стороны, австралийский отец не то, что английский, и семейство его также: у австралийских детей много отцов и много матерей; иными словами, тамошнее семейство есть скорее целый род или отдельная часть его. Независимо от этого, приводимые Лангом факты схождения многих племен в одну и ту же местность для пользования сообща известными произведениями почвы наглядно свидетельствуют, до какой степени господствует у туземцев коллективное землевладение и в какой степени преобладает оно над индивидуальным, если только это последнее не составляет плода воображения наблюдателей. Тот же факт общего землевладения австралийского племени подтверждают и другие новейшие путешественники¹.

Туземцы Новой Каледонии, по словам Де-Роша², признают и уважают поземельную собственность, точно так же, как и европейцы (?). Каждый человек, благородный или плебей, обладает известным пространством земли. Нет надобности в ограде для обозначения границ; каждый признает борозду, отделяющую его поле от поля его соседа, и никто не потерпит вторжения. Сами начальники уважают собственность своих подчиненных. Существование и обеспеченность территориальной собственности должны обратить на себя внимание каждого, кто хочет отдать себе отчет в социальном состоянии и в прогрессе цивилизации у новокаледонцев. Эта собственность высшего порядка, нежели движимая собственность. Идея исключительного права на орудие, на широкую, на рыболовную сеть обща народам самым отсталым; но нельзя сказать того же об идее исключительного права на часть земли.

Но если понятие об исключительно поземельной собственности является позже, чем понятие о движимой собственности, то на каком же основании может быть развита у новокаледонцев индивидуальная собственность на землю, когда они, по словам того же автора, живут почти в полном общении движимого имущества? Все дело опять-таки в том, что, наподобие Эйра, Грэй и Ланга, автор принял пользование общинною землею отдельных подразделений родов за исключительную собствен-

¹ См. напр. *G. Angas, Savage Life in Australia etc., 1847, 88, и E. H. Gi-glioli; Viaggio intorno al Globo della Magenta, Milano 1876, 790.*

² *De Rochas, op. cit., 261.*

ность отдельных лиц. Говоря вообще, такая редкость, как «отдельное лицо», существует на океанийских островах только в воображении европейцев.

Относительно устройства поземельной собственности на островах Товарищества высказывались весьма различные и запутанные мнения, и только тщательный анализ может открыть действительное их значение. Так например, по словам Моренго¹, земли и имущества, которыми обладали благородные, отнюдь не были рассматриваемы, как бенефиции, пожалованные князем, и не возвращались к князю ни в случае отсутствия наследников, ни в течение малолетства имеющих право на них; князь не мог их конфисковать, без всякого предлога, для присоединения к своим землям. Эта собственность рассматривалась как частная и ненарушимая, хотя большая часть ее продукта всегда была отвлекаема и требуема по произволу в пользу класса *Agii*, доход которого не был постоянен и состоял из того, что он получал от своих подданных или мог у них отнять. Так как поземельная собственность была главным или, лучше сказать, единственным богатством этих народов, то власть начальников всегда зависела от качества и количества ее; таким образом, чем более они могли прокармливать народа, тем более они были уверены в приобретении подданных. Отсюда крайнее стремление каждой семьи (?) обеспечить нераздельность своего имени, чтобы увековечить свою власть, и введение известного рода майората (?), молчаливого признания права старшинства... Начальники могли легко отнять свинью, плоды, срубить дерево на земле одного из своих подданных (так как было условлено, что одна часть всего этого принадлежала начальникам), но они лишь редко осмеливались отнимать (!) самую землю у ее собственника. Когда начальник говорил: чья эта свинья, дерево или другая вещь? то собственник никогда не отвечал «моя», а «наша с тобою», т. е. *общая*.

Если даже из приведенного описания трудно вывести себе определенное представление о поземельной собственности на островах Товарищества, то еще более темными являются разъяснения Эллиса². «Всякий участок земли (на Таити) имеет своего собственника; и даже отдельные деревья имеют иногда *одних* собственников, а земля под ними *друзей*. Подразделение земли с точностью обозначено или естественными границами, например горным хребтом, потоком реки, или искусственными». И далее: «В прежнее время (т. е. до введения христианства) население островов была столь значительна, что каждое хлебное и кокосовое дерево имело своего собственника, а иногда отдельные деревья имели, говорят, даже по *два* собственника. Но впоследствии встречались обширные группы или роци деревьев,

¹ *Moorenhaut*, op. cit., II, 11.

² *Ellis*, *Polynesian Researches*, 1837, III, 116 ж сл.

которые не имели других собственников, кроме начальника округа, в котором они росли (он же и землевладелец, к которым Эллис причисляет не низший, а средний класс народа, так называемых *hūe-ga-tiga*, отдающих будто бы свои земли в наем фермерам за сбор натурой и обязательство военной службы!). Плоды этих деревьев в прежнее время было в обычае собирать по их созревании, не спрашивая *ничего согласия* на это. Землевладелец мог удержать для своего собственного употребления известное число деревьев, обозначая их такими знаками, которые бы указывали, что они суть *gahusia*, т. е. подвергнуты запрещению. Этот обычай был связан с известными идолопоклонническими церемониями, которые прекратились с уничтожением системы (европейцами). По мере возрастания народонаселения, общество стало более заботиться о своих деревьях и практика собирания кем попало плодов с незагороженных деревьев сделалась вообще нежелательною. Однако в большей части поселений существует *много* людей, которые *не имеют других кроме этого источников* для добывания себе пищи. Для того, чтобы дать подобным людям возможность получать пищу и в то же время обеспечить *собственнику* право распоряжения плодами, растущими на принадлежащей ему земле, был составлен § 25 правил и применен к большинству деревьев, плоды которых служат пищею». Названный параграф входит в состав законоположения, введенного в действие европейцами на Таити с согласия (?) высших сословий в 1822 году, и гласит следующее: «Не взлезайте, без разрешения, на *чужое* дерево за пищей; человек, который это делает, есть преступник. Следует обращаться об этом к собственнику за дозволением. Человек, который крадет пищу в саду или около дома, берет то, что не дает ему собственник земли. Если собственник земли пожелает подвергнуть его судебному преследованию, то это будет исполнено, и он будет наказан. За пищу, украденную из сада, он должен исполнить *работу* в пользу владельца загороженного места, например построить забор такой длины, какой соответствует ценности украденной вещи. Но если это была пища, растущая дико или вне ограды, то укравший должен *сделать* сорок фатомов (мера длины) дороги или четыре фатома каменной *работы*». Другую статью того же закона воспрещается охота на диких и бродячих свиней, под предлогом, что они *ничьи*, и все такие свиньи объявляются собственностью землевладельцев долины. «До введения христианства», продолжает Эллис (206), «земли часто меняли собственников в течение внутренних войн, и потомки тех, которые в то время владели землею или занимали ее, заявили требование на нее. Но так как обладатели земель в момент уничтожения идолопоклонства удерживали ее за собою или как плод завоевания, или как дар от короля, то европейцы имели основание думать, что тогдашние владельцы земли должны быть рассматриваемы, как ее законные собственники, и что не должно

допускаться никаких требований, относящихся к предшествующему периоду. Этот закон, в силу которого земли островов были превращены в *частную собственность* (freehold property) их владельцев, есть один из важнейших по своему влиянию на собственность, какой только когда-либо был издан. Неотчуждаемое право на почву переходило на основании его от отца к сыну и никто не мог быть лишен этого естественного права, иначе как вследствие очевидного нарушения законов страны».

Вся ошибка только что цитированных нами авторов заключалась, повидимому, в том, что они смотрели на архаически родовые экономические порядки туземцев с точки зрения феодальных учреждений Европы. Именно, вследствие этого, простое старшинство в роде, не соединенное ни с какими фактическими преимуществами, являлось в их глазах атрибутом какой-то помещичьей власти, феодального права над вассалами и т. п. Как ни запутаны, однако, приводимые ими факты, все же одно вытекает из них несомненно, а именно, что до введения христианства на островах Товарищества господствовало самое широкое общинное землевладение, с некоторыми ограничениями по отношению к известной части фруктовых деревьев. Напротив, капиталистическую частную собственность, очевидно, ввели здесь европейцы, причем, по обыкновению, не обнаружили ничего иного, кроме непонимания местных порядков, недобросовестности и жадности к богатству и к закреплению в батрачество туземного труда. Как иначе объяснить слова Моренго, что начальник редко отнимал землю и что продукты земли считались у него общими с возделывателями таковой? Какой иной смысл можно придавать, далее, утверждению Эллиса, — что одним деревом владело часто по два собственника, и что *большинство населения* островов питалось плодами с деревьев и дикими свиньями, не спрашивая ничего согласия на то? Плоды хлебного дерева и дикие свиньи составляют, как известно, *главную* пищу туземцев. Другим доказательством широкого распространения общинного землевладения на означенных островах служит упоминаемое Эллисом предъявление многими прежними собственниками претензии на право владения ею. Совершенно подобный же случай имел место, как сейчас увидим, на Новой Зеландии, где общинная собственность существует на глазах у каждого.

На Новой Зеландии, по словам Гохштеттера¹, поземельная собственность была общая для целого племени. Но отдельные племена постоянно были вовлекаемы во взаимные столкновения, порождаемые необыкновенно воинственным национальным духом. Дети у них принадлежали более всему племени, нежели отцу... Маори,—главным образом, земледельческий народ, но земледелие они ведут весьма расточительным способом. Прежде всего они в высшей степени осторожны в выборе

¹ Hochstetter, op. cit., 212 и 486.

площади для земледелия; не хуже опытейшего европейского сельского хозяина умеют они оценивать плодородие и доходность почвы и избирают для своих полей одни лишь лучшие участки. Почва очищается выжиганием и потом обрабатывается от руки. Так как не имеется никакого плодосмена и удобрения, то почва обыкновенно утомляется после двух-трех урожаев, и приходится очищать новое место. Чтобы, таким образом, постоянно получать выгодную жатву с хорошей почвы, по примеру своих отцов, маори должен иметь свободный выбор между многими полями, и потому его земледелие служит не столько для немедленной потребности, сколько на всякий случай в будущем. При экстенсивном земледелии, при непрерывной перемене обрабатываемых участков, он нуждается в несоответственно большом количестве пахотной земли, из которой ежегодно пользуется лишь малой долей. Вообще считают по 1 акру на человека, но из этого количества возделывается ежегодно не более трети. К этому присоединяется колеблющееся правовое отношение туземцев к почве. На Новой Зеландии не было и нет никакой бесхозяйной земли, но нет также ни государственной, ни частной. Страна или земля, обитаемая племенем, была его общею, коллективною собственностью, но лишь до тех пор, пока он мог защищать и отстаивать ее от соседних племен. Горная цепь, река, рукав моря обозначали вообще границы отдельных племенных территорий. Внутри этих границ земля считалась общею собственностью всех сочленов племени, подобно воде и воздуху. Каждый мог пользоваться ею, где хотел, и только если семейство или жители деревни обрабатывали или обсаживали известные участки, они получали на таковые известный род собственности до тех пор, пока продолжали обработку. И так, земля приобреталась только через оккупацию, и собственность на нее сохранялась только через непрерывное применение владения; при этом, владение отдельного лица обеспечивалось только связью его с племенем. Другого понятия о частной собственности не было.

Если эти отношения еще до вторжения европейцев вели к бесконечным распрям и кровавым войнам, в которых истреблялись целые племена, то, с появлением колонизации на Новой Зеландии, и когда, благодаря определениям договора в Вайтанги (статья 2), поземельная собственность приобрела денежную ценность, снова возгорелась сильнейшая борьба даже между отдельными ветвями племен. Правительству (английскому) предъявлялись при покупке земли как племенами, так и отдельными начальниками, самые преувеличенные и абсурдные требования. Каждый желал заявить претензию на право собственности, ссылаясь на то, что он на каком-либо берегу однажды ловил рыбу или провел ночь, что он на участке срезал тростник для крыши, ловил крыс или хоронил родственников, что он там сражался или выводил военный танец, что он при рубке леса

поранил себе руку или ногу. Все это давало предлог, по меньшей мере, к требованию вознаграждения. Точно так же и племена, которые, быть может, в предшествующие столетия *мимоходом* обладали этими землями, заявляли права на восстановление своего прежнего владения. Туземные права на землю были поэтому всегда труднейшим делом для английского правительства, так как последнее при каждой попытке должно было решать мудреную задачу узнать среди сотен претендентов правомерного владельца. До вайтангского договора начальники часто продавали целые графства за пару фунтов табаку или за несколько орудий. По заключении договора, правительство платило туземцам средним числом по шиллингу за акр. Но их требования становились с году на год все выше. Если им говорили: «Земля вам дана от бога не для того, чтобы держать ее впусе, но в Библии написано: ты должен обрабатывать землю, чтобы она тебе приносила во сто раз большие плоды», то они весьма остроумно отвечали: «Да, но нигде не написано, что мы должны вам продавать землю по одному шиллингу за акр». В конце концов поземельная лига в Вайнито, составившаяся из влиятельных старейшин, порешила препятствовать всеми мерами дальнейшей продаже земли туземцами английскому правительству или сделать ее вовсе невозможною. Чтобы понять стремление этой партии, нужно знать отношение новозеландца к почве и составить себе идею о ценности этого владения для туземцев и об упорстве, с каким оно защищается. Уже в августе 1859 года движение это распространилось с севера на юг острова и довело напряженность отношений между туземцами и колонистами до бегства многих из последних в города. Однако в то время о войне еще не было и речи, и все дело ограничивалось лишь пассивным сопротивлением. Туземцы желали таких социальных и политических учреждений и такой организации отношений, которые предохраняли бы их расу от вымирания. Движение не было направлено непосредственно против английской королевы; лишь одно было высказано ясно, и в чем все туземцы были согласны,—это, что, при нынешних условиях, правительству не следует более продавать земли. Это казалось туземцам единственным средством оградить себя от все возрастающего влияния европейцев, шедшего рука об руку с упадком их собственной расы. Но правительство нуждалось в земле для ежедневно прибывающих поселенцев. Чтобы получить землю, перед ним были два пути: мирный (?), состоящий в предоставлении туземцам прав подданных английской короны, на которые они, в качестве таковых, имели право рассчитывать. Для этой цели надлежало бы положить конец поземельному коллективизму отдельных племен, через дарование отдельным туземцам и колонистам королевского титула на определенно отграниченные участки земли, и, вместе с упорядоченными (?) отношениями собственности, ввести также и упорядоченную европейскую юрисдик-

цию между туземцами. Это, быть может (?), удовлетворило бы потребности народа, рассеяло бы недоверие, и правительству оставалось бы еще довольно земли для миллионов колонистов из 80 миллионов акров, если бы оно даже наделило землю до 50 000 туземцев (которым эта земля принадлежит по вайтангскому договору в общинном смысле) в качестве неотчуждаемой наследственной собственности отдельных семейств. Но для проведения в дело этой системы необходимо было сильное правительство, посвящающее себя с любовью делу туземцев. Аукландское правительство пропустило надлежащее время и потому принуждено было вступить на другой путь,—путь насилия. Тогда-то началась кровавая и продолжительная война, длившаяся около 6—7 лет, и, после тяжких лишений и затрат для обеих сторон, приведшая к окончательному подчинению туземцев.

В предыдущем с достаточною ясностью и точностью изложены признаки, свидетельствующие о господстве на Новой Зеландии именно общинной поземельной собственности, а также и ближайшая обстановка этого учреждения, из рассмотрения которой нетрудно составить себе идею об исторической ступени, занимаемой этим видом обладания землею. Нет сомнения, что мы имеем в данном случае дело с таким положением вещей, когда вольная заимка первобытной почвы обеспечивает родственной группе заимщиков одно лишь право пользования их участками, пока продолжается обработка последних. Как только обработка прекращается, земля снова поступает в свободное распоряжение общины и может ею наделаться другим группам родственников. Подобную форму обладания землею на соответствующей ступени развития можно считать вполне универсальною, так как она встречается у различных народов земного шара, обладающих вольною почвою в большом количестве. Но если мы должны отнестись к автору с благодарностью за столь верное изображение фактов, то с выводами его относительно необходимости упорядочения отношений собственности туземцев, посредством превращения ее из общинной в индивидуальную, мы не можем согласиться. Напротив, все показывает нам, что подобная реформа сослужила бы недобрую роль для исконных интересов туземцев, хотя, разумеется, способствовала бы обогащению на их счет европейских колонистов, что и сбылось действительно в новейшие времена.

Гораздо менее определенности и точности находим мы у Уэста¹ в его поверхностном изображении порядков землевладения на островах Тонга. «Феодальный принцип», говорит он, «состоявший в том, что вся страна принадлежала исключительно королю; регулировал распоряжение и способ владения землями и необходимо придавал управлению общинной форму крепостного права. Король был главным должностным

¹ T. West, Ten Years in South Central Polynesia, Lond. 1865, 262.

лицом и последним источником апелляции. Его власть нередко передавалась правителям различных групп островов или крупных округов, а от них низшим должностным лицам. Земля держалась под видом бенефиций (?). Крупные лендлорды (?) обладали землями на наследственном праве, в связи с своими должностями, но тем не менее, держали их по воле высшего правительства. Они в свою очередь подразделяли земли между своими семействами и подвластными. Король нуждался в военной поддержке от крупных начальников, и они охотно оказывали таковую, как титул, при помощи которого они получали свое владение землею. Через их посредство король получал общую подать с народа. Начальники в свою очередь заявляли права на услуги или собственность подчиненных им лиц. Это право не было регулировано никаким специфическим законом, так что вошли в обычай громадные злоупотребления. Низшие классы прикреплялись к земле и угнетались теми, кто был выше. Так, если отдельное лицо (?) или семейство обладало цветущими землями, запасом свиней или птицы, или каким-нибудь другим богатством, то оно никогда не было в безопасности от лукавых взглядов своего начальства; все это отнималось, и тем оказывалось препятствие общему улучшению почвы или приобретению собственности массою населения... В действительности различие между дворянством и низшими классами было обозначено более вежливостью первых, нежели каким-либо преимуществом в домах, одежде или пище; чтобы довести это различие до крайних пределов, начальники имели условный или придворный этикет, который применяли и употребляли только в их собственном кругу».

Последние слова автора относительно отсутствия экономического различия между высшими и низшими классами на Тонганских островах одним ударом сваливают весь построенный им картонный домик тонганского феодализма, лендлордов и их вассалов. Судя по системе родства, существующей на означенных островах и очень близкой к системе североамериканских индейцев, — тонганские лендлорды суть просто-напросто родовые старейшины, получающие свое пропитание частью собственным трудом, частью от щедрот своих многочисленных родственников. Так называемое обирание народа является опять-таки ничем иным, как обменом движимого имущества и соединенных с ним обычаев дарения и гостеприимства. Общины полубродячих земледельцев и общинное землевладение — вот общая основа тонганской общественной организации, подобно новозеландской, фиджианской и многим другим.

Нечто подобное только что описанной королевской собственности на землю открыл и первый посетитель Палаузских островов Уильсон¹. «Все, что наши люди», говорит он, «смогли

¹ *H. Wilson, Relation des Iles Pelew, 1788, 303.*

понять на этот счет, есть то, что туземцы не имели другой собственности, кроме собственности на свой труд и прилежание, и, что король (которого не было) был, повидимому, общим собственником земель. Дом лица (?), его мебель и лодки были рассматриваемы, как его частная собственность; то же самое разумелось об участке земли, который отдавался в его распоряжение, пока он его занимал или обрабатывал; но всякий раз, как он переселялся в другое место с своею семьею, участок этот возвращался к королю, который распоряжался им по своей воле. Всякая семья имела для своего содержания участок земли, который и обрабатывала по необходимости; время же, оставшееся за удовлетворением первых потребностей, семья употребляла на занятие различными ремеслами, которые поддерживали ее в постоянной деятельности, доставляя ей некоторые удовольствия и наслаждения». Если из этого описания выпустить личность короля и признать изображаемую в нем семью подразделением женского рода, то остальное будет довольно близко подходить к действительному положению вещей.

«Земля на Самоанских островах, по словам Тёрнера¹, принадлежит одинаково и начальникам и главам семейств. Границы участка, принадлежащего каждому семейству, точно определены, и лицо, признаваемое в данное время главою семейства, имеет право располагать им. То же самое применяется к начальникам. Им принадлежат определенные участки земли.

Необработанные пространства подчиняются праву тех, кто занимает землю по краям их. Лагуны и рифы рассматриваются, как собственность ближайших к ним деревень. Хотя право продажи (?) земли и исполнение других важных обязанностей, имеющих отношение к членам семейства, и совмещаются в лице главы семейства, но последний ничего не может предпринять без формального совещания с остальными. Если бы он пожелал придерживаться противоположного образа действий, то у него отняли бы достоинство главы и передали бы другому. Итак, члены семейства могут лишиться достоинства своего главы, а главы семейств своего начальника, и отдать таковое брату, дяде или другому члену семейства, который, по их убеждению, будет действовать в большем согласии с их желаниями. Эти сельские общины, с числом жителей от 200 до 500, считают себя совершенно отдельными и независимыми от других, свободными действовать самостоятельно на своей собственной земле и в своих делах. Сверх того, эти деревни соединяются с общего согласия в одно целое в числе 8 или 10 и образуют округ для взаимной защиты. Несколько деревень известны как главные в округе и, согласно древнему обычаю, самый высший начальник живет в одной из этих деревень в качестве главы ее». — Что земля на Самоанских островах принадлежит не началь-

¹ Turner, Polynesia, 286.

никам и главам семейства, а самим общинам, избирающим тех и других, это нам кажется единственным верным выводом из несколько спутанной и темноватой аргументации Тёрнера.

У атов на Ванкуверовых островах¹ не имеется ясной идеи индивидуальной собственности на землю. Земля принадлежит всему племени. При сношениях с другими племенами наследственный начальник представляет собственника — народ. Однако автору известно несколько случаев, когда отдельными лицами были выставляемы требования на участки земли. В одном случае младший начальник, занимавший с *семейством* и *друзьями* маленький остров, заявлял право на признание его индивидуальным владельцем острова. Автору известен также случай, когда начальник одного племени охранял доступ к озеру и не допускал никого к проходу без своего дозволения; но, быть может, это делалось не в личной его выгоде, а только он имел власть в интересе целого племени препятствовать лососям подниматься по реке. Лицо, занимающее с своим семейством отдельный дом и остающееся на одном месте в течение нескольких поколений, могло бы укрепить идею о своем праве на землю настолько, что не допустило бы других лиц срубить ценное *дерево* около его жилища или занять соприкасающуюся с ним землю. Известный охотник небольшого племени, где немного лиц, которые стали бы сомневаться в его праве, быть может, начал бы смотреть на страну по берегу реки, как на свою охотничью территорию; или земля стала бы рассматриваться, как собственность главы большого семейства, который не пожелал бы допустить к охоте на ней никого кроме своих приятелей. Но все это исключения из того общего правила, что все пространство племенной земли есть *общая* собственность всех свободных людей племени. Это правило сохраняется тем легче, что в действительности земля почти не утилизируется отдельными лицами, за исключением, быть может, собирания ягод женщинами, если она не представляет хорошего места для бобров, ласок или оленей. Земледелие здесь не практикуется, быть может, частная собственность не возникает вообще там, где не началось еще земледелие. Но хотя частная собственность на землю не признается вполне этим народом, тем не менее всякое племя поддерживает исключительное право своих членов на территорию племени, со включением всех земель, занимаемых или употребляемых периодически или случайно, каквы места для зимних и летних станов, рыболовные и охотничьи участки и места для похорон, и стало бы сильно сопротивляться вторжению постороннего в эти места. Сказанное об этом народе Куком, «что нигде в его различных путешествиях он не встречал ни одного дикого племени или нации, которые имели бы столь строгое право на всякую вещь, производимую их страной», совершенно справедливо относительно этих пле-

¹ M. Sproat, op. cit., 79.

мен, но только как племен. В многочисленных бухтах и реках границы рыболовных угодий и собственности на острова определены точно. Но на морском берегу, на известном расстоянии от деревни, точные границы земли, принадлежащей различным племенам, часто остаются открытыми, пока не установят их вследствие спора, возникающего о приставшем к берегу ките или другом животном.

У куткасов¹ границы племенной собственности определены совершенно точно, но отдельные лица редко заявляют права собственности на землю. У такули границы территорий, принадлежащих различным деревням, обозначаются горами, реками и другими естественными предметами, и права поселений, как и отдельных лиц, уважаются повсюду. Население каждой деревни имеет известное пространство земли, которую оно рассматривает как свою, и где оно может охотиться и ловить рыбу; но оно не может переходить этих границ, не купивши привилегии у тех, кто имеет право на землю. У чинуков права личной собственности на такие предметы, как рабы, каное и орудия, были защищаемы; но они не имели никакой идеи о личной собственности на землю, права на которую оставались за племенем в видах охоты и рыбной ловли.

Земледелие у краснокожих² находится в детстве; они не относятся к этому занятию с уважением, хотя обитают в стране большого плодородия. Сельский труд не совместим с их дикою, беспокойною и независимою натурою. На севере, западе и юге землю обрабатывают вообще женщины или рабы. Сами индейцы сочли бы для себя постыдным подобное занятие. Племена, которые не разделяют этого варварского предрассудка, все или полуцивилизированные или близкие соседи американских поселений. Аналогия между организацией индийского правительства и правительства древних скифов поразительна; в том, как и в другом случае, лишь с легкими отклонениями, мы находим *общение* земли, разделение на племена, выборных начальников, общественные собрания и поклонение солнцу.

Отношения собственности у краснокожих³ развиты неполно, хотя установлены более или менее твердо. Границы земли, принадлежавшей каждому племени, перейти через которые чужеземцу нельзя было без дозволения, были почти всюду определены точно и ясно. Земля считалась или собственностью начальника (?) или собственностью народа и была именно в позднейшее время многими народами объявлена неотчуждаемою, в пользу чего один Озаг приводил тот мотив, что земля принадлежит не только им, но и их потомкам. Где земля была общою собственностью, там и отдельное лицо, обрабатывавшее

¹ Bancroft, op. cit., I, 123, 183, 298, 238.

² Domenech, op. cit., 245 и 337.

³ Waitz, III, 128 и сл.

участок, имело право пользования им, пока продолжало обрабатывать его.

У индийцев майнас¹ только в окрестностях Мойомбамба сильная теснота населения вызвала право собственности на землю. У индийцев на Ориноко места для рыбной ловли и охоты и другие в том же роде составляют общую собственность племени, между тем как поле считается частною собственностью, пока продолжает возделываться.

Как ни низка степень образования бразильских индийцев², но все же эти народы уже пришли к понятию собственности, как целой общины, так и отдельного лица. Из ложного представления, что южноамериканцы не вели никакого земледелия или не ведут и теперь, произошло не менее распространенное заблуждение, что они не обладают никакою недвижимою собственностью. Напротив, за исключением бродячих мурас, здесь не существует ни одного народа, который сколько-нибудь не занимался бы земледелием. Номадов азиатских степей, существование которых основывается на стадах скота, в Южной Америке нет и следа. Насколько семьи одного рода или одного племени живут, распространившись по известному участку земли, область эта рассматривается каждым отдельным лицом как собственность всей общины. Это понятие в душе индийца ясно и живо. Но собственность племени он представляет себе как нераздельное, никакому отдельному лицу не принадлежащее имущество. Он не допустит отдельное лицо из соседнего племени поселиться на этой почве, хотя ценность ее для самого себя представляет столь ничтожною, что покидает часто без причины свое жилище, чтобы произвольно и по капризу занять другое место, в котором ему также не окажет помехи ни один член племени. Это ясное понятие об определенной собственности целого племени основывается преимущественно на необходимости в том, чтобы последнее обладало особою лесною областью, как исключительною охотничьею территориею: тогда как требуется всего несколько акров земли, чтобы добыть полевые плоды для многочисленной общины, достаточное количество дичи бывает разбросано лишь по гораздо большей земельной площади. Иногда подобные охотничьи союзы выходят даже за пределы земли, обитаемой племенем. Границы их—реки, горы, скалы, водопады и большие деревья. Эти границы покоются частью на традициях, частью на ясно выраженных договорах, заключаемых с участием волшебников и с большою торжественностью. Иногда на границе вешаются на деревьях корзинки, тряпки и другие знаки. Переход через границу охотничьей территории есть один из наиболее частых поводов к войнам. До-

¹ Ibid., I, 437.

² D-r Marsius, op. cit., 33 и сл.

бровольные уступки земли происходят молчаливо, причем одно племя уходит, а другое занимает его место.

В предыдущем было указано, что дикарь смотрит на обрабатываемый им участок земли до известной степени как на собственность своего племени. Но в более узком смысле это есть та же недвижимая собственность, как и хижина, хотя обе эти недвижимости проявляются скорее как собственность целого семейства, или многих семейств, живущих вместе в одной хижине, чем принадлежат исключительно одному лицу. Здесь встречается, следовательно, замечательное сходство с юридическими обычаями древних греков и германцев. Подобные недвижимости также и индийцами приобретаются только *общим*, а потому тем естественнее рассматриваются, как общинная собственность. Одно или многие семейства обрабатывают совместным трудом участок первобытного леса и засаживают его маниокой, маисом, пизангом, хлопком и пр. Без помощи железных топоров подобные участки возделываются лишь с большим трудом. Земледелие выполняется женскою половиною одного или многих соединенноживущих семейств. Пока остаются на одном месте, продолжают обрабатывать тот же самый незначительный участок год за годом, так как было бы слишком затруднительно постоянно поднимать вновь все новые части леса и покидать обработанные. Благодаря этой многолетней работе, участок и плоды становятся собственностью семейства (или подразделения рода). Соседи фактически признают правомерность владения тем и другим, так как не заявляют требования на участок и не пользуются им по снятии плодов. Насколько земля существует в изобилии и совсем лишена ценности, можно сказать, что индийцу частная собственность чужда, и что он приобретает себе, при помощи личного возделывания леса, только подчиненное право собственности и пользования от своих товарищей по племени и совладельцев общей поземельной области. Вместе с этим мы имеем перед собою первые зачатки верховной и «полезной» собственности (*dominium divisum: directum et utile*). Приобретение «полезной» собственности происходит непосредственно при помощи первоначального завладения или после того, как она была покинута другим лицом. Впрочем, понятия индийца об этом предмете весьма мало развиты. Он пользуется полученной землей, не видя в ней ни лена, ни наследственной аренды, которая была бы формально предоставлена ему всею общиною. Все подобные черты, которые хотя в отдаленной степени могли бы напомнить о принципе *феодальной системы*, не только здесь, но и во всей туземной Америке *совершенно неизвестны*. Если даже вся система управления инков в Перу посредством утверждавшихся ими и находившихся под их надзором членов их семейства, курака, может на первый взгляд представлять сходство с *феодальными отношениями*, то при ближайшем исследовании оказывается,

что она *весьма отлична* от последних. Впрочем, при постепенном расширении власти инков над многочисленными племенами, равными по грубости первобытным бразильским, она была единственной формой правления... По смерти главы семейства поземельная собственность остается у семейства. Этот косвенный способ (?) приобретения совершается, однако, как без завещательного распоряжения, так и без определенного наследственного договора, а просто в силу *существующего обычая*... Кроме подобных обработанных участков, предметом недвижимой собственности у большей части народов бываюи еще хижины или дома, насколько последние строятся в больших размерах и имеют достаточную прочность.

До сих пор мы говорили о поземельных порядках у народов рыболовных и охотничьих и перешедших к бродячему земледелию непосредственно от охоты и рыболовства, каковы, большею частью, американские народы и некоторые океанские, не знавшие пастушеской жизни. Скажем теперь в кратких чертах о поземельной собственности у кочевых и полукочевых народов. Этому предмету мы уже принуждены были коснуться в главе о движимой собственности. Поэтому не станем повторять сказанного выше, а приведем в дополнение к нему несколько новых примеров.

У бассугов, бапеле и матабеле¹ земледелие в большой части и получило значительное распространение. Здесь оба пола предаются ему с одинаковою охотою. Другие племена еще оставляют на своих женах заботу очищать и засеять поля, но это положение дел стремится к улучшению. Продажа или другие виды отчуждения земли неизвестны этим народам. Страна принадлежит *всей общине* и никто не имеет права располагать питающему его почвой. Верховные начальники указывают своим вассалам (?) пространства земли, которые они должны занять, а эти последние наделяют каждого отца семейства участком земли, пригодной для обработки, в размере, соответствующем его потребностям. Это пользование, раз данное, обеспечивается для земледельца до тех пор, пока он не переменит местности; если он перейдет в другое место, он обязан сдать свое поле начальнику, чтобы тот мог распорядиться им в пользу другого, нуждающегося в земле. Границы полей обозначены с достаточною точностью. Спорные случаи решаются третейским судом, а в окончательной инстанции начальником.

В конце концов весьма трудно определить границы страны, в которой обитает каждый из бродячих народов Южной Африки², не только потому, что они постоянно переносятся с одного места на другое, но и потому, что деревни двух, а иногда и трех племен часто так близки между собою, что нельзя ответить

¹ E. Casalis, op. cit., 167.

² Burchell, Voyage dans l'intérieur de l'Afrique méridionale (M. Montémont, Voyages, 1855), 20.

на вопрос, которому из них принадлежит территория. Сверх того, народы эти не имеют такого понятия о территории, какое приписывают этому слову европейцы. Земля, по их мнению, не должна никогда быть рассматриваема, как исключительная собственность; она никогда не имеет в их глазах такой ценности, чтобы спорить за обладание ею. В земле только и ценятся вода и трава, находящиеся на ней, и как скоро не остается более ни воды, ни травы, почва бросается, как бесполезная. Если готтентоты найдут незанятый источник, они считают себя в праве поставить при нем свои шатры; а когда они уходят, другие могут, при желании, притти туда и построить там свои хижины. Это последнее наблюдение, хотя верное по отношению к различным племенам, применяется, тем не менее, более строго к краалем или семействам каждого отдельного племени. С одной стороны, поселения племени кора смешаны с поселениями бачапинов, с другой,—с поселениями банончар; в центре они смешаны с поселениями помеси готтентотов и касаются краалей бушменов.

Что касается до права собственности на почву, говорит М. Парк¹, то, повидимому, земли, еще покрытые первобытными лесами, рассматривались, как принадлежащие королю, а где правительство не монархическое, государству. Когда частное лицо свободного состояния имело надобность обработать большее количество земли, чем состоявшее в его распоряжении, оно обращалось к начальнику округа с просьбою о дозволении занять известный участок земли, под условием обработки ее в определенный срок. При исполнении этого условия земля принадлежала владельцу и, насколько автор мог судить, переходила к его наследникам.

На основании права кафров², вся земля находится во власти начальника и никто не имеет права отчуждать или продавать землю, а также никому не принадлежит *исключительное право* на землю луговую. Если кто покидает крааль, близ которого он возделывал землю, то он, по обычаю, может, даже по прошествии целого ряда лет, получить эту землю обратно от того, кто владеет краалем и пахотною землею, прежде бывшею в его употреблении, но не имеет права на возвращение таких земель, которые были подняты и введены в обработку последним владельцем. Начальник может прогнать отдельное лицо из его крааля и овладеть его жатвою и житницею, или может удалить его из своего племени в другое, хотя подобные случаи и редки. Земля не продается и не отчуждается навсегда, но всякий может занять пустой участок, и пока он занимает и возделывает его, никто, кроме начальника, не может вмешаться в его право... Единственная поземельная собственность, призна-

¹ М. Park, op. cit., II, 5.

² С. L. Maclean, A Compendium of Kafir Laws and Customs. Mount Coke, 1858, 149.

ваемая обычаями кафров, есть та, которая была обработана, вместе с хозяйством или помещением краади. Она может переходить из поколения в поколение и может быть конфискована только в случае какого-нибудь политического преступления.

У некоторых племен Абиссинии¹ вещное право весьма просто; так как бени-амер не более, как пастухи, то у них есть только движимая собственность. Земля, трава, дороги и вода—общая собственность всей нации. Исключение составляют колодцы, первое пользование которыми принадлежит вырвавшему их. Палатка, всегда составляющая собственность жены, которая приносит ее из дому при выходе замуж, переходит по смерти жены к дочерям ее.

Общим правилом можно признать, что в Африке земля населена редко и большие пространства ее лежат без употребления; поэтому каждая родовая группа может взять себе участок земли, где захочет, и подвергнуть его обработке. Порядок этот одинаково наблюдается, кроме перечисленных племен, у многих других, например, у фуллахов, негров Конго, мандингов²; у последних нужно только указать начальнику тот участок, который думаешь занять. Земля вручается под условием, что она снова возвратится в общинное владение, если не будет обработана в определенный срок. Сверх того, частное обладание еще и потому не представляет большой необходимости, что во многих местностях каждая деревня обрабатывает свой участок *сообща* (на Золотом Берегу и в Конго). Поле остается необработанным в продолжение 5—7 лет.

Признавая, что власть начальника не есть собственность на землю, а только право распоряжаться ею в интересах всей общины, мы должны прийти к общему выводу, что у пастушеских и полусоседных народов Африки земля, большею частью, составляет общее достояние племени, причем отдельные ее участки отходят в частное пользование отдельных родовых групп, исключительно в той мере и на такой срок, насколько прилагается к ним обособленный труд последних. Вывод этот, как видит читатель, есть тот же самый, который вытекал из рассмотрения поземельных порядков охотничьих и рыболовных народов.

У кочевых народов Азии и северной Европы земля также, большею частью, составляет *общую* собственность племен. У лапландцев, семоедов, тунгусов и пр. недвижимые имущества—земли, море, горы, рыбные воды, не делятся между отдельными лицами, а остаются *общей собственностью* родов и их подразделений. Кочующие коряки³, рассеянные по огромному пространству тундры, представляют, тем не менее, по отношению к пользованию этою тундрою, *прочный союз*. У одного единственного улуса бурят пашни, покосы, утуги, скот, *все общее*...

¹ Münzinger, op. cit., 318.

² Klemm, op. cit., III, 337.

³ Соколовский, op. cit., passim.

Каждый наслег якутов (2, 3 и более родов) имеет общие земли: степи, поля, острова на реках, удобные для сенокоса и пастбы скота, составляющего единственное имущество якутов, реки и озера, важные для рыболовства, леса, богатые зверем.—В прежнее время вольный киргиз¹ никем и ничем не мог быть стеснен в своем желании зимовать один год на границе Китая, другой прогостить со всем своим скотом и имуществом у родственников, живущих в пределах Оренбургской степи... Все это располагало киргизов думать (?), что вся степь есть общее достояние народа и лишь в самое последнее время, благодаря административному делению степей на области и округа и стеснению со стороны русского правительства бесцельных (?) переселений, многие из киргизов приобрели некоторую оседлость и даже стали называть занимаемые ими участки своею неотъемлемою собственностью.—Все земли лопарей², так же, как реки, речки, ручьи, озера и лесные угодья, разделены по родам и передаются в наследственную собственность. Семужьи тони также составляют общую собственность лопарей целого погоста. Озерные тони составляют собственность лопарских семейств. Владение ими переходит из рода в род на правах частной собственности, которую каждое семейство может отдавать в аренду без согласия общества или даже продавать.

* * *

Обращаясь к вопросу о поземельной собственности у народов, окончательно перешедших к земледелию, мы остановим внимание читателя на тех громадных общезжитиях, существование которых основывалось на гигантских системах орошения и которые на этом основании представляют много сходного в своих организациях.

Фискальные правила инков³ и законы, относящиеся к собственности, представляют наиболее замечательные черты перуанского общественного устройства. Вся территория империи была разделена на три части: одна принадлежала солнцу, другая Инке, третья народу. Какая из трех частей была наибольшая, неизвестно; пропорции существенно изменялись, смотря по провинции. Распределение земли производилось по одному и тому же общему принципу при всяком новом завоевании, присоединяемом к монархии; но пропорции изменялись, соответственно возрасту населения и большему или меньшему количеству земли, требовавшейся для прокормления жителей. Земли, предназначенные для солнца, доставляли доход на поддержку храмов, дорогих церемониалов перуанского богослужения и многочисленного священства. Земли, оставленные для Инки,

¹ Красовский, *op. cit.*, *passim*.

² Ефименко, *op. cit.*, *passim*.

³ W. H. Prescott, *History of the Conquest of Peru*, Philadelphia, 1874, 50.

служили на поддержку государственного строя, а также многочисленных членов хозяйства и рода Инки и покрывали различные требования правительства. Остальные земли были разделяемы *поголовно* и *равными долями* между народом. Было предписано законом, чтобы каждый женился в определенном возрасте. Когда совершалось это событие, община или округ снабжали своего члена жилищем, которое, будучи сооружено из плохих материалов, стоило недорого; после этого ему назначали участок земли, достаточный для содержания его и жены. Каждому вновь родившемуся дитяти отводили прибавочный участок, причем количество земли, даваемое сыну, было вдвое больше, чем даваемое дочери. Раздел земли возобновлялся *ежегодно*, и размер обладания владельцев был увеличиваем или уменьшаем соответственно числу членов семейства. То же самое приспособление было наблюдаемо по отношению к куракасам, за исключением того, что им был отводим домен, находившийся в соответствии с высшим достоинством их положения. Более глубоко продуманного и действительного по своим последствиям аграрного закона невозможно и предположить. В других странах, говорит Брассёр, где был введен такой закон, действие его по прошествии известного времени уступило место естественному ходу событий: при высших умственных способностях одних и расточительности других явилось неравенство имуществ. Даже железный закон Ликурга перестал действовать по прошествии известного времени и растаял духом роскоши и жадности. Наиболее близкое сходство с поземельным устройством Перу имело, быть может, устройство Иудеи, где при великом национальном юбилее, однажды в каждое полувековье, имения возвращались к своим первоначальным владельцам. По всей вероятности, дело здесь состояло в том, что земли, состоявшие в частном пользовании, в юбилейный год возвращались в общину и подвергались новому переделу. Важная особенность Перу состояла в том, что здесь не только пользование землею кончалось по прошествии года но и в течение этого периода владелец не имел никакой власти, очуждать свое пользование или увеличивать его; по окончании краткого срока он оставался совершенно в том же положении, в каком был и в начале. При всем том, вероятно, под влиянием любви к порядку и отвращения к новизне, которые характеризовали перуанские учреждения, всякий новый раздел земли обыкновенно подтверждал границы прежнего владения отдельного лица, и последнее из годичного могло превратиться в пожизненного собственника.

Переходя к описанию системы древнего землевладения в Центральной Америке и Мексике, мы должны предупредить читателя, что автор, у которого мы заимствуем относящиеся к этому предмету сведения, явным образом преувеличивает значение феодализма в общественном устройстве этих стран. От подобного отношения к делу одинаково предостерегают, как

мы видели, такие опытные и осторожные писатели, как Марциус и Морган, хотя должно сознаться, что зачатков феодального процесса в означенных аграрных системах совершенно отрицать невозможно. Но так или иначе, преобладающим содержанием этих последних является не феодализм, а общинно-родовой быт, как это, по нашему мнению, наилучшим образом доказывают уцелевшие до настоящего времени общинно-родовые порядки землевладения и земледелия у современных индийских племен Мексики и Юкатана.

Согласно древнему юкатанскому законодательству¹, всякий до известной степени имел право на обладание землею. Земли были разделены на большое число ленов, розданных принцам, находившимся в родственной связи с королевской фамилией; не будучи наследственными сеньорами, они еще не становились через это собственниками земли или господами населения. В первые времена монархии, в эпоху, когда еще не существовало рабства, сеньоры первого или второго класса не могли требовать от своих вассалов ничего иного, кроме известной доли налога или повинностей, состоящих в обработке по очереди одной части земель, оставленных при каждой деревне в личную собственность батаба или сеньора первого класса. Вассалы, все равно к какому бы классу они ни принадлежали, были *собственниками земли*. Сеньор никогда не имел права лишить их полей или отдать эти поля другим, и вассалам было не менее запрещено отчуждать свои земли, как и сеньорам свои привилегии и достоинства. Земли могли отдаваться на время в наем или в залог, но, как у израильтян, они должны были по истечении срока договора возвращаться обратно в семью. Охота, рыбная ловля в реках, в озерах или в море, соляные копи были свободны для всех и каждого, но охотник, рыболов и извлекатель соли уплачивали налог, пропорциональный добыче их труда, который поступал в королевскую кассу. Никогда налог не распределялся поголовно, но по городам, деревням, селениям. Коголлудо и Ланда, говоря о землевладении, упоминают об общей собственности. В Никарагуа земля также не знала отчуждения, и если член племени желал изменить свое местопребывание, он должен был оставить всю свою собственность родственникам и ничего не мог унести с собою. По смерти отца собственность его разделялась между сыновьями поровну, за исключением того сына, который помогал отцу зарабатывать ее и потому получал более прочих. Дочери не наследовали ничего и получали только то, что могло быть им дано по доброй воле братьями.—Земли Юкатана до настоящего времени продолжают составлять собственность общин, и тот, кто первый завладел участком, приобретает его в пользование².

¹ *Brasseur de Bourbourg*, Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique Centrale, Paris 1858, I, 56, 603, 632—633.

² *Diego di Landa*, Relation des choses de Yucatan, Paris 1864, 129 и сл.

После завоевания какой-нибудь провинции, короли Анагуэ¹ обыкновенно оставляли на местах туземных начальников, высших и низших. Народ сохранял за собою свою собственность; обычаи, обряды и существующее правительство были уважаемы, и сеньоры удерживали за собою уголовную и гражданскую юрисдикцию на всем пространстве своей территории. Князья-завоеватели отделили пропорциональную часть территории и обращали ее в государственное имущество. Побежденные обрабатывали ее *сообща*, делая на ней посевы, смотря по качеству почвы. Этот род почетного налога выплачивался интендантам суверена, которого они делались вассалами. Сверх того, они были подчинены военной службе, которая является повинностью, возложенною на все завоеванные провинции. Внутри империи земля была разделена между короной, дворянством и народом. Существовал точный кадастр, указывающий пространство земель и имена их владельцев. Коронные земли, всегда сохраняемые во власти суверена, были уступаемы обыкновенно дворянам высшего ранга, т. е. людям дворца. Последние владели ими, не подвергаясь никакому обложению, кроме почетных даров, — букетов и птиц, в случае посещения суверена. Обязанности их состояли в наблюдении за постройкой и ремонтом резиденций суверена, насаждением и уходом за садами, снабжением дворца необходимыми рабочими и слугами. Они же составляли придворный штат суверена и его обычную свиту. Дворянство, как некогда в Европе, держало земли под видом бенефиций, майоратов и аллодиальных земель; в таком виде застали его испанцы. Одни выводили свои права из древней оккупации или наследственного владения, другие из пожалований суверена. Эти имения могли продаваться (?) и отчуждаться, но под тем условием, чтобы они не выходили из дворянского сословия; однако обычай состоял в переходе их от отца к сыну по началу первородства (?). В случае неспособности старшего, отец назначал другого сына, но никогда дочерей. Эти лены, какого бы они класса ни были, были изъяты от всяких налогов; но сеньоры должны были сохранять верность к суверену и, кроме того, поддерживать его своими людьми, своим имуществом и своими вассалами во время войны или восстания. *Calpulli* было имя, придаваемое земле народа или общине. Территория, образуемая *кальпулли*, была более или менее велика, смотря по разделению почвы, какое с самого начала сделали первые завоеватели или колонны Анагуэ. Жители или владельцы *calpulli* были членами одной семьи или одного рода, который дал им свое имя во время раздела. Принадлежащие им земли были вечною и неотчуждаемою собственностью не каждого лица в отдельности, а целой общины. Тот из жителей, который обрабатывал известную часть земли, имел на нее право,

¹ *Brasseur, op. cit., I, 603.*

пока продолжал ее возделывать, и в это время никто не мог основаться на ней; но если он пренебрегал обработкой без надлежащей причины, как например, не был несовершеннолетний, сирота, болен или не в состоянии работать, то год спустя начальник кальпулли мог располагать его участком в пользу другого. Никто не имел права отчуждать земель кальпулли под каким бы то ни было предлогом; но лицо, расчистившее участок, могло отдать его в наем иноземцу на известное число лет. Старейшины рода составляли совет кальпулли; они избирали начальника, который носил название кальпулли и которому вверялся надзор за общинными делами. Суверен располагал иногда известною частью кальпулли в пользу своих придворных, но последние пользовались ею лишь пожизненно и не могли ничего оставить своим наследникам. Территория города или деревни была разделена на столько кальпулли, сколько заключалось в ней кварталов; из этой совокупности составлялось то, что называлось *alterpetlalli*, т. е. земля или округ города. Все жители, внесенные в список кальпулли, имели право обрабатывать здесь землю; обыкновенно в каждом округе поселения отделили участок, который обрабатывался соединенными кальпулли сообща, чтобы удовлетворять потребностям армии во время войны.

В этой характеристике поземельных порядков древней Мексики необходимо провести строгое различие между собственно экономической и политической сторонами дела. Насколько первая из них, быть может, изображена верно, настолько же вторая извращена существовавшими до последнего времени в литературе мнениями, на основании которых Мексика, при завоевании ее испанцами, считалась вполне развитой феодальной монархией с королем, ленным дворянством и вилланами. Но в настоящее время теоретическая разработка этого вопроса достигла уже таких успехов, что подобных воззрений на Мексику более разделять невозможно. Для разъяснения этого приведем следующее место из статьи нового французского исследователя Мексики Банделье «Историческое развитие Мексики» (*Das Ausland*, 1882, № 33). «Каждое племя в Мексике», говорит он, «состояло из известного числа родовых групп, называемых *calpulli*, из которых каждое пользовалось сообщею определенной частью почвы. Ежегодно они избирали своих начальников, и один из этих последних был уполномоченным для обсуждения, вместе с другими делегатами, общих дел общины. Следы этой организации встречаются нередко еще и в настоящее время. Отправление правосудия каждая родовая группа удерживала за собою; военная же повинность непосредственно относилась к этой группе и только косвенно связывалась с авторитетом племени. Последнее было органом для лучшей защиты отдельных единиц от враждебных нападений. Был необходим общий главнокомандующий племени; поэтому изби-

рался вождь, который должен был руководить военными силами. Этого-то вождя сочли в истории Мексики за императора или короля. Но должность эта была не наследственна и власть вождя ограничена. Он был только военный *сагем*, исполнитель распоряжений совета; судебные дела ведал не он, а, наподобие ирокезов, один из членов совета, так что каждое племя имело двух вождей, в качестве высших исполнителей народной воли. Поэтому племена, которые были разбросаны по внешней поверхности Мексики во времена первого прибытия испанцев, представляли не что иное, как военные демократии, независимые одна от другой в своем внутреннем устройстве, и совершенно чуждые всякой мысли об общей национальности или об едином государстве. Между различными племенами лежали широкие пояса необитаемых областей,—нейтральные страны, при помощи которых отдельные общины боязливо замыкались одна от другой. Однако испанцы, войдя на берега Мексики, уже нашли здесь следы некоторого преобладания, которым известные племена располагали на далекие расстояния. Это преобладание было в такой степени перетолковано, что история сделала из него мексиканскую империю. Если же обратиться к очевидцам—свидетелям завоевания, а также к остаткам древних прав и учреждений на самом месте, то раскроется картина, весьма подобная той, которую представляли первобытные обитатели Соединенных штатов в XVII столетии. Подобно пяти племенам ирокезов, обложившим плодородную долину западного Нью-Йорка и заключившим там союз для защиты и нападения, для того, чтобы впоследствии делать вылазки во всех направлениях и подчинять себе туземцев соседних стран,—три группы индейцев высокой долины Мексики еще за 100 лет до прибытия Кортеса образовали конфедерацию и придали своим нападениям на соседей больший вес и большее расширение. Эти три племени были: *мексико*, равнявшееся не более 40 000 человек и ограничивавшееся более или менее искусственным островом среди озера, *тецкуко* и *плакапано*, обитавшие на берегах того же озера. Положение первых было по отношению к вспомогательным военным средствам индейцев вполне недоступно для осады. Это сильное положение сразу доставило перевес мексиканскому племени над его обоими соседями, после чего все три племени соединились для совместных грабежей, имевших целью увеличение ограниченных природою средств существования. При этом уничтожались лишь такие племена, которые оказывали неуклонное сопротивление; в других же случаях побежденных только грабили и принуждали поставлять в известное время определенные продукты. Побитое племя сохраняло свою автономию, оно управлялось попрежнему своими вождями; никакой мысли о составной империи не последовало за первыми нападениями, не имевшими другой цели, кроме устрашения жителей, в видах дальнейшей их экспло-

атации. Таким-то образом так называемая мексиканская империя во времена завоевания была простою цепью запуганных индийских племен, которые жили отдельно и боясь даже одного другого, не говоря о постоянном страхе вылазок из неприступного гнезда грабителей, помещенного посредине между ними.

Тот же автор в последующей статье своей (Ausland, 1882, № 41, стр. 815) сообщает, что «он отлагает до другого случая описание обычаев, нравов, в особенности организации индейцев пуэбло, основанной на своеобразном коммунизме. Эта организация свойственна не одним только последним, но встречается или встречалась в XVI столетии среди всех племен Америки от перуанских инков до бродячих орд севера... У мексиканских туземцев родовая группа (Gens) была единицею общественной организации. Группа эта происходила от давно умершего родоначальника, но, сверх того, вытекала из предшествующего учреждения, которое признавало только происхождение от *родоначальницы-матери*. Согласно этому древнему представлению, как оно существует еще и в настоящее время между индейцами Новой Мексики, дети принадлежали к материнскому роду, а муж даже не проводил ночи в общем с женою доме, а спал в общинном помещении для собраний, словом, играл совершенно подчиненную жену роль. Эти группы были суверенны, и из их добровольного союза образовались племена.

В ожидании будущих трудов Банделье, интересно сравнить с этими поземельными порядками нынешнее аграрное устройство Мексики, хотя бы и по другим источникам. Вместе с землею, говорит К. Ламп¹, испанцы приняли от туземцев также и старинный способ обработки, старинную культуру. Для этой последней они нашли достаточные рабочие силы среди индейцев, так что им не нужно было ввозить сюда негров. Поэтому население вообще осталось при старых языках и нравах. Вместо туземных господ стали повелевать чужие: в этом состояла вся перемена, которую испытала Мексика. Это состояние вещей спокойно продержалось в течение трех столетий. В настоящее время мексиканское общество разбивается на два совершенно различные класса. Многочисленнейший из них состоит из индийского оседлого населения деревенских и земельных общин, которое живет еще при тех же воззрениях и нравах и представляет по платью и по типам почти тот же самый вид, как и предки его за триста лет. От этой малоподвижной массы кормится наподобие паразитов подвижной элемент староиспанских спекулянтов, рантье и политиков-креолов. В древних со времен завоевания изменилось лишь немного. Причина этой прочности заключается в системе *коллективного землевладения*, господствующей в деревнях. По исконному обычаю,

¹ К. Ламп, Die mexicanische Gesellschaft. Deutsche Rundschau, Januar 1881, 90 и сл.

земля принадлежит не отдельным лицам, а совокупности членов общины. Отдельное лицо не есть собственник; оно только пользуется участком, который обрабатывается им. Правда, смотря по своей рабочей силе и охоте к труду, каждый может возделывать больший или меньший участок земли, а следовательно и получать больший или меньший доход; но если он покидает деревню, то теряет и свое право¹; только улучшения, которые он произвел, оплачиваются ему. Таким образом каждый привязан к деревне,—как бедный, который, оставаясь в ней, по крайней мере, уверен в своем существовании, так и богатый, который, покинув деревню, потерял бы и условия своего богатства. Испанцы оставили эти отношения в том же виде, в каком нашли их. Вот какова была вообще их система. Управление их вовсе не было тем, что мы под ним понимаем; оно ограничивалось и ограничивается в существенном лишь тем, чтобы поддерживать в индейцах послушание к господствующей расе и обращать на службу этой последней рабочую силу индейцев в горном деле и в других предриятиях. Для достижения обоих целей существовавший у индейцев строй жизни был чрезвычайно удобен, так как каждая деревня представляла собою особое общество, которое не легко соединялось с другими, а между тем исполняло требуемое сверху легче, чем отдельное лицо.

После завоевания испанцы захватили в свое обладание для своих крупных хозяйств богатые водою и землею устья долин. Деревням были оставлены одни только камни. Деревни выносили такой захват, пока их держало в руках старое испанское господство; но они не забыли своих прав. Даже из времен испанского господства есть сообщения о спорах относительно границ между деревнями и имениями. При неровности местности и большой растянутости владений границы последних никогда не были точно определены. Подобная необеспеченность вообще дает поводы и пищу страсти присоединять к себе землю; у туземцев же эта страсть развивается до крайней степени: недаром же все они крестьяне; частью, их влечет к тому нужда, вследствие сильного возрастания их числа. По всей стране начинаются споры о земле. Подобно тому, как горы висят грозно над долинами, так горные деревни угрожают долинам. Столкновения до сих пор носят лишь местный характер и потому мало опасны; но уже существуют задатки объединения общин... Если общины придут к соединению, то они несомненно выйдут из борьбы с победой. Если бы подобное движение имело успех, то общественный быт Мексики получил бы такое устройство, основою которого послужили бы общины с коллективным

¹ «Если, говорит Зурита, кто-либо из членов кальпулли оставлял последнюю и выселялся в другую кальпулли, то он был лишаем принадлежавшего ему доколе участка; этот последний снова становился общинным владением членов общины и пр.». *Zurita, op. cit.*, 55 и 61.

землевлaдением, т. е. с известною самостоятельностью, задача же защищать их извне и между собою, равно как привести их во взаимную между собою связь, выпала бы на долю самодержца. Состояние это прежде господствовало в Парагвае, а в настоящее время в общих чертах существует в России.

Скажем теперь несколько слов об истории поземельной собственности в Китае, насколько то позволят имеющиеся в нашем распоряжении источники¹. «Мое» и «твое» никогда не играло в Китае столь большой роли, как у нас, и все запутанные отношения обязательственного права большею частью не знакомы китайцам. В древности это еще более было так, потому что в Китае вовсе не существовало частной собственности на землю. Сведения об этом, правда, весьма недостаточны, но, повидимому, делают несомненным факт, что при первых трех династиях, когда в Китае начала развиваться гражданственность, земля составляла общественное достояние. В ту эпоху раннего развития у китайцев еще не могла явиться мысль о благодетельности родовых преимуществ; оттого самое достоинство государя не было наследственным, преемственно переходившим в его роде; государь избирался общим советом правительственных лиц. Земля, как единственный в то время источник продовольствия и богатства каждого, принадлежала обществу, которое распределяло ее между своими сочленами, смотря по званию каждого. Страна и тогда уже была разделена на уделы под управлением назначаемых государем удельных князей. Князья эти, управляя народом на правах государей, не были наследственными владельцами уделов; как сам государь пользовался доходами с земель известного удела, принадлежавшего ему по званию главы империи, так и князья получали доходы с земель своего удела по званию правителей его. Подобно тому и чиновники в вознаграждение своей службы, пока состояли в должности, пользовались доходами с земель в известном уделе, в котором они находились по обязанности. Из простых людей тот только имел долю в общественной земле, кто мог обрабатывать землю и нести повинности в пользу общества, словом, человек от 20 до 60 лет.

Мало-помалу вошло в обычай назначение родственников императора в правители и во владетели уделов, а вместе с тем усилились их права. С течением времени удельное право стало предоставлять владетелю все, что ни находилось внутри удела, — следовательно земли по преимуществу стали принадлежать ему. Были и еще лица, владевшие землями: 1) члены побочной линии владетельных князей и люди, оказавшие заслуги империи,

¹ D. J. H. Plath, Gesetz und Recht im alten China. Abhandl. der Akad. der Wissenschaften (Bayrischen), X Bd., III Abtheil., 690.—Id., Die Beschäftigungen der alten Chinesen, München 1869.—Ed. Biot, Mémoire sur la condition de la propriété territoriale en Chine, «N. Journ. Asiatique», III, t. VI, 255—336.—И. Захаров, Поземельная собственность в Китае. Труды членов рос. духовн. миссии в Пекине, Сиб. 1853, т. II, 4.

и 2) служащие в государственной службе, начиная с министра и до низшего чиновника. Подобно тому, как двory государя и удельных князей содержались произведениями их уделов, а подать вносилась предметами первой необходимости, — чиновники, в вознаграждение своей службы правительству, получали от него, смотря по классу, известное количество пахотных земель, оброк с которых заменял им жалование и мог достаточно обеспечить их состояние. Земли эти составляли принадлежность *должности*, а отнюдь не лица, исправляющего должность, так что со смертью его или с лишением должности земли переходили к преемнику его; напротив, удельные и ленные земли составляли вечную собственность владетеля, наследственную в старшем колене. Этот закон майората существует в Китае по отношению к князьям до настоящего времени. Простой народ не мог владеть землями, а получал от князя участки в годичное пользование; очень часто происходила ревизия, с целью определить состояние населения, и как только в данном месте оказывалось более людей, чем сколько могло прокормиться по роду культуры, император перемещал земледельцев в другие места и давал им другие земли для обработки; то же делалось в годы засухи, местного голода и пр. Повидимому, все дело при этом состояло в том, что обширные родовые группы переделали между собою землю, как это мы встречаем в Афганистане и в Индии. Как именно распределялась земля между отдельными семействами, об этом мы уже говорили во второй главе настоящего сочинения. Так как свойства земли были неодинаковы и все паши были разделены на три разряда, с подразделением каждого на три вида, то землепашцы, для уравнивания в поземельных налогах и в средствах пропитания, или получали более средней меры (по 100 му на душу), если почва выделенного участка была самого низшего качества, или же переводились с худой на лучшую землю, если у земледельца было многочисленное семейство с большим числом способных к работе мужчин. Это непрерывное стремление уравнять шансы обработки между отдельными группами земледельцев опять-таки представляет не что иное, как обычную особенность общинных переделов, при которых, как известно, всегда обращается внимание на различие участков по плодородию, и лучшей земли дается меньше, а худшей больше. Впрочем, судя по сведениям, сообщаемым Бю, подобное уравнивание участков в Китае составляло уже результат позднейшей, более сложной системы; первоначально же количество земли за каждую семью было постоянное, но качество разнообразилось, смотря по числу лиц в семействе. Так, земля высшего качества в определенном участке представляла семью в 7 душ и в 3 плательщика податей; земля среднего качества соответствовала семье в 6 человек, и две семьи соединялись вместе, чтобы составить 5 плательщиков; земля низшего качества представляла семью в 5 душ и в два платель-

щика. При этом способе многочисленные семьи получали хорошие, а малочисленные—худые земли. Такое устройство и разделение полей сообщило им название общественных (гун-тянь). Они назывались также колодезными (узин-тянь), потому что размежевание давало пашням вид, похожий на китайский письменный знак, изображающий слово колодезь. На этой системе, как на фундаменте, стояло все здание государства, с его земским управлением, уделами, повинностями и налогами. Система общественных полей существовала очень долго, и следы ее сохранились местами (Корея) до настоящего времени. При усилении удельных князей с половины царствования Тчоусской династии усилились и сборы, а с ними потребовались изменения и в означенной системе. Желая населить плодородные, но мало тронутые пустоши, правительство Чинской династии в 350 году до р. хр. положило начало уничтожению общественных пашен, позволив каждому занимать земли сколько и где угодно в свою личную собственность. После соединения всех уделов в 221 году до р. хр., мера эта была окончательно распространена по всему китайскому государству. Но впоследствии размножение населения сделало недостаточными и вновь занятые земли. Благодаря между прочим военному положению, бедные бросали свои земли в пользу богатых или закладывали их и продавали. Словом, образовалась крупная поземельная собственность, которая сдавалась в аренду за тяжкие оброки тем же беднякам. Таким образом возник род крепостного состояния или поземельного рабства. Тогда зашла речь о восстановлении уничтоженных Чинской династиею общественных полей, откуда и пошли все позднейшие бедствия. Желание такого восстановления стало пускать все более и более глубокие корни; оставалось только отобрать земли в казну для надела их народу. Но этого не хотели крупные владельцы, да и сами правители находили эту меру несообразной духу века.

Однако после долгих колебаний перемена совершилась. В 9 веке по р. хр. министр Ван-Мань, похитивший престол у потомков Уаньского дома, желая привлечь к себе расположение народа, решил привести в исполнение проекты правительственных лиц, так часто предлагавшие прежним государям. С этою целью повелено все земли в государстве переименовать в государевы (ван-тянь). Всякий подданный имел право владеть землею, но не более как в размере одного цина; продажа этого определенного участка воспрещалась, дабы каждый, с потерей поземельной собственности, не лишился средств к существованию. По всей вероятности, при этом шла речь не о полном отчуждении земли, которого тогда не могло быть, а только об отчуждении пользования. Земли, оказавшиеся по этому узаконению лишними, у кого бы они ни находились, все должны были поступить в казну и отойти в ведение слобод и деревень для раздачи нуждающимся в них. Но вскоре, испу-

гавшись противодействия богатых, Ван-Мань отменил свою меру. При всем том уже в конце V века уравнение поземельной собственности приведено в действие в Северном Китае, где такое уравнение сил и имущества требовалось для регулирования повинностей и налогов. По этой причине в 485 году по р. хр. постановлено давать по 40 му земли мужчине, имеющему от 15 до 60 лет и по 20 му *женщине*; сверх того, каждому дому по 20 му под шелковицу и другие деревья; малолетние, старики и вдовы получают против взрослых в половину. Пахотные земли принадлежат казне, и *ежегодно* в первую луну производится раздача земель достигшим 15-летнего возраста и возвращение в казну земель тех, кто уже переступил за 60 лет и сделался неспособным к казенным работам, или умер. На этих землях воспрещается садить деревья, чтобы не подать чрез то повода к присвоению этих земель в частную собственность, так как земли, выделенные под *деревья*, должны составлять вечную потомственную собственность каждого и никогда не возвращаются в казну. Если бы у кого и было земли более законом определенного количества 20 му, то и в таком случае излишек не отбирается в казну, но всякий может продать его другому, только не покупать впоследствии более узаконенного количества. По пресечении рода, земли эти, оставшиеся без владельца, берутся в казну и раздаются не имеющим их; при раздаче бедный имеет преимущество перед богатым, родственник перед чужим. Где земли недостаточно, а между тем полновозрастные имеют в ней нужду, оттуда дозволяется переселиться в места просторные и малонаселенные. Если же полновозрастные переселиться не желают, то земли, прежде назначенные под деревья, должны быть обращаемы в пахотные и удовлетворять нуждающихся в них. Это ограничение поземельной собственности коснулось также и высшего сословия. Князя, родственники императора и вельможи все должны владеть определенными участками земли, а земским высшим и низшим чинам выделены так называемые *должностные* земли, приписанные к известной должности, но не составлявшие собственности лица, исполнявшего ее (от 6 до 15 цин). Такое распределение поземельной собственности, такая раздача земель всем подданным, уравнивавшая всех производителей в отношении к средствам приобретения, естественно ведет к заключению, что вейское правительство имело все земли в казне, иначе оно не могло бы так свободно располагать ими по своему усмотрению. Это был обход меры Ван-Маня, которая признавалась слишком насильственной. Новую меру предоставлялось владельцу земли добровольно продать *излишнюю* землю тому, кто в ней имел потребность; закон только воспрещал покупать больше определенного количества и продавать свой законной меры участок. Уравнение поземельной собственности (читай: переделы) продолжалось и при последующих династиях.

Переход казенных земель в частную собственность, совершившийся посредством самовольной сделки землепашцев, произвел изменение в соображениях правительства. Все попытки разных династий Китая уравнивать поземельную собственность и перевести земли из частных рук в казну не увенчались успехом. Продажа, заклад и сосредоточение земель в руках одного владельца существовали у них во все времена, невзирая на запрещения (но были ли это сделки над собственностью или над пользованием?). Вскоре введен был общий поимущественный налог, и не владеющие землями бедные были вполне освобождены от налогов. После восстановления права неограниченного владения землею собственность эта в Китае находится в одинаковом состоянии уже более 1000 лет. Но последствием новой системы собственности и налогов был упадок земледелия, увеличение промышленности, образование бродячего народа, увеличение поземельной собственности у богатых людей. Кроме приобретения на законном основании, богатые произвольно присваивали себе земли, принадлежавшие бедным частным лицам, или даже казне. Разделение земель на казенные и частные и назначение их осталось прежнее.

В связи с настоящим предметом, заслуживают внимания некоторые наблюдения Дж. Стаунтона¹, переводчика китайского уголовного кодекса. «Долго спорили о том», говорит он, «и до сих пор продолжает оставаться спорным вопросом, составляет ли общеупотребительный в Китае способ владения землей свободную собственность, которая совмещается в земледельце без ограничения и контроля, или же действительный и универсальный собственник почвы есть суверен, между тем как номинальный ее владелец, подобно земиндару в Индии, есть не более, как управляющий или сборщик доходов своего хозяина. Истина, вероятно, лежит в середине между обеими крайностями. Хорошо известно, что многие из купцов, ведущих торговлю с европейцами в Кантоне, имеют значительные земельные владения, и что они считают эти владения за наиболее обеспеченную, если не за наиболее важную, часть своей собственности. Миссионеры, жившие в Пекине под покровительством двора, также имели земельные имущества, пожалованные им различными императорами для поддержки их учреждений. Кроме того, обыкновенный взнос землевладельца в казначейство предполагается не свыше $\frac{1}{10}$ продукта, — пропорция, весьма отличная от той, которая требуется от райотов или от действительных возделывателей земли в Индии, и которая оставляет достаточно в руках землевладельца, чтобы дать ему возможность удержать значительный доход для самого себя, по уплате жалованья рабочим и процентов на капитал, употребленный на обработку его собственности. Так как в Китае нет публичных фондов, то покупка земли есть

¹ S. J. Francis Davis, China, Lond. 1857, 344.

главный, если не единственный способ сделать капитал производительным без страха и риска коммерческих предприятий».

Земледельческие и землевладельческие отношения древнего и даже нового Египта уже по сходству оснований, лежащих в системах орошения, представляют весьма близкую аналогию с соответствующими отношениями Перу, Мексики, Китая. Во всех этих общегитиях существовала одинаково мощная общественная кооперация, руководимая из одного общего центра; поэтому неудивительно, что и самые формы экономических и юридических отношений в существенных чертах совпадали между собою. Так, например тройное деление продукта в древнем Египте между воинами, духовенством и земледельцами, которое прекратилось с греческим завоеванием, так и бьет в глаза своим поразительным сходством с соответствующими учреждениями Китая и Перу. Заведывание хозяйственными функциями чрез посредство должностных лиц, ведущих все дело по известной общей системе, представляет вторую крупную черту сходства между всеми этими древними цивилизациями.

Фараон, читаем у Стефана¹, сделавший Иосифа своим министром и женивший его на дочери старшего гелиопольского священника, был, согласно Лепсиусу, Сетос I, отец великого Рамзеса II, Сезостриса или Сезоориса греков. Дочь последнего нашла Моисея в Ниле. Исполнение должности Иосифом приходится таким образом на XIV столетие до р. хр. и происшествию, описываемому Моисеем, было бы теперь около 3¹/₂ тысяч лет. Фараон, по предложению Иосифа, скупил пшеницу, а потом через частичную ее перепродажу «взял себе все деньги в стране». При позднейшей дороговизне народ снова жаловался на отсутствие хлеба. Так как народ не имел более денег, то он должен был отдавать свой скот, за который получал хлеб. По прошествии известного времени, так как дороговизна продолжалась, народ пришел снова к фараону и сказал: «Все деньги, весь хлеб — у нашего господина; купи нашу землю за хлеб, чтобы мы и наша земля стали крепки фараону и не умерли с голоду». Таким образом выходит, что Иосиф купил для фараона весь Египет, за исключением полей духовенства. Тогда он разделил землю между всем народом в пользование, с тем условием, чтобы они отдавали фараону $\frac{1}{5}$ жатвы, а $\frac{4}{5}$ удерживали для себя, для пищи, для посева, для дома и детей, и чтобы собственность на землю (?) отныне навсегда принадлежала фараону. Не будет большой смелостью предположить, что в данном случае мы имеем дело с тем, столь обыкновенным у всех народов в древние времена пластическим бытописанием, которое сводит на один момент развитие столетий и драматически оживляет их, чрез приурочение к определенным личностям. В Египте, как и во многих других странах, в течение столетий мало-помалу совершилось

¹ Н. Stephan, Das heutige Aegypten, Leipz. 1872, 130.

преобразование аллодиального устройства в феодальное. Что в древнейшие времена поземельная собственность и на основе ее аллодиальное устройство важнейших факторов государственной жизни в Египте составляло общее правило, следует из того же самого описания Моисея; сохранившиеся надгробные изобращения также очень часто показывают нам свободного землевладельца среди его владений и жизненной обстановки. Вследствие всякого рода повинностей во время войны и мира, вследствие голодовок и других бедствий, благосостояние свободных земледельцев было поколеблено, причем, благодаря увеличению народонаселения и свойствам права наследования, а также и недостатку прогрессивного развития в ремеслах и соответствующих улучшениях в земледелии, отдельные участки земли, служившие базисом политического и материального существования, сделались недостаточны, а расширение земли было замкнуто в определенные границы. Таким образом, произошло то, что свободные землевладельцы, чтобы защитить себя от материальных бедствий, уступили свою землю, как это случилось 2¹/₂ тысячелетия позже в государстве франков. Но уступка последовала в древнем Египте не отдельным магнатам под обязательством верности, как при ленной системе, а равно и не церкви, с ее сильно организованной защитой, как в первые столетия западноевропейских средних веков, но самому могущественнейшему государю, нередко обожествлявшему свою собственную особу на изображениях древних храмов. Поля духовенства, пользовавшегося влиянием у государя, постоянно оставались без уменьшения и составляли для этого класса хотя не исключительную, но все же солидную поддержку. Во времена Иосифа изложенный процесс развития мог быть только на несколько лет ускорен и обнять почти всю землю. Фараоны приобрели себе собственность на все поземельные участки и отдавали пользование ими народу. Происходило ли это в формах лена, или, как это вероятно, в форме наследственной аренды или эмфитевтического отношения, об этом не имеется до сих пор достаточных заключений; верно лишь то, что в самой собственности на землю пользователь не имел больше никаких прав, и напротив, остается невыясненным, насколько самостоятельно он мог распоряжаться своими правами пользования путем оставления их по наследству, отчуждения временного и вечного и т. д.

Таков взгляд на историю египетского землевладения Стефана, разделяемый также Уилькинсоном¹. Мы же, со своей стороны, возьмем на себя смелость заметить, что египетские фараоны, наподобие других восточных суверенов, по всей вероятности, располагали землею не в качестве действительных собственников, а на чисто политическом праве, которое вытекало

¹ *Wilkinson, op. cit., I, 331.*

из заведывания системою ирригации и, соответственно усложнению общественного строя и размножению населения, укреплялось все более и более. Так, например в то время, как, по мнению Био, древний китайский император был единственным собственником всей земли, Плат и Захаров утверждают, что земля древнего Китая составляла государственное и даже общественное достояние. Подобное же смешение понятий может быть легко допущено и по отношению к характеристике землевладения в Египте.

Достоин замечания то обстоятельство, что упадок земледелия в Египте совпадает приблизительно с тем периодом времени, когда было исполнено описанное превращение в отношениях поземельной собственности, и права на нее народа были умалены. Эти впечатления воспринял, повидимому, Ликург во время своего путешествия по Египту, когда он хотел обеспечить укрепление своего устройства в Спарте при помощи изречения оракула: «Наступит уничтожение Спарты, коль скоро неравный раздел земли начнет вызывать большие различия в имении граждан». Впоследствии Египет попеременно подпадал эфиопскому, персидскому и македонскому господству. Для этого времени Диодор дает нам наглядную картину общего состояния вещей. Вся земля, говорит он, разделена на три части. Одна принадлежит в собственность жрецам, другая королю, третья воинам. Есть еще, продолжает он, другие классы граждан в Египте: пастухи, земледельцы и ремесленники. Земледельцы снимают (?) за небольшую цену участки земли у короля, священников и воинов и проводят все свое время в полевой работе, так как они с детства приучены к земледелию, а потому и имеют в нем более опытности, нежели другие народы.

После блистательно начавшейся, но вскоре до крайности выродившейся династии Птоломеев, народ под конец до того упал, что было достаточно 9 римских когорт, чтобы держать в страхе всю страну, над чем смеется Страбон. Император Август сумел защитить Египет от грабежа сенаторов и крупных римских спекулянтов, которые с разорительною системою больших хозяйств и рабского хозяйства довели дело в провинции Северной Африки до того, что половина всего недвижимого имущества принадлежала шести римским семействам. Август придал стране значение императорской, а не сенатской провинции и запретил сенаторам и рыцарям вступать в нее без цезарского дозволения. Но народ был угнетен поставкою хлеба в Рим и тяжелой системою податей, удержавшейся со времен Птоломеев. Последовал ряд восстаний, которые были подавлены при Аврелиане и Диоклетиане. Эксплоатация народа владыками дошла до крайности при восточноримском господстве; вымогательства логофетов византийского двора (см. Прокоп и Агафий) работали в пользу арабского завоевания, порождая всеобщее недовольство; в том же направлении действовали преисполненные путаниц пре-

рекания с принявшими христианство египтянами о триединстве Христа и о природе его.

С арабским завоеванием в VII столетии относительно сельского быта вошел в силу магометанский закон, по которому $\frac{1}{3}$ завоеванной земли принадлежит в собственность борцам, а $\frac{4}{5}$ калифу, как главе государства. Из этой доли калиф одарил мечети, а большую часть сдал в пользование, и притом за уплату десятины, если земля сдавалась мусульманам, и пятинны, если христианам. Так как большая часть египтян приняла ислам, то они и взяли на себя означенное пользование. Если нельзя было уплатить подати деньгами или продуктами, то платили рабами. Рабство всегда существовало в Египте, при Птоломеях и римлянах оно было развито более систематически, при христианстве изгнано, при арабах снова введено в большом объеме; но обременительным это рабство не было. Дальнейшая перемена в аграрном устройстве последовала в 1171 году, когда Салагедин уничтожил господство фатимидов. Он разделил большие участки земли между своими воинами в виде ленов, а его наследники награждали таким же образом своих преторианцев-мамелюков, которых они брали к себе на службу из чужих стран, например из Черкессии. Бей их приобрел себе известную самостоятельность, которая не была сломана даже по завоевании Египта турецким султаном Селимом в 1517 году; они ограничивали власть пашей и отягощали феллахов. После кровавого их уничтожения 11 марта 1816 года Мегметом-Али, последний отобрал их участки, ссылаясь на то, что они были им сданы вопреки закону корана. Подобным же образом он поступил и с землей вакуфной, впрочем вознаградив мечети государственной рентой. Бесхозяйные имущества, оставшиеся по окончании господства мамелюков, он присвоил себе. Этим способом образовались в Египте так называемые *шифлик*, т. е. собственные земли вице-короля; в настоящее время, благодаря позднейшим прикушкам, они представляют $1\frac{1}{2}$ миллиона фелданов, т. е. около четверти культивированных земель Египта; тем же именем обозначаются имения принцев. Прежде те и другие земли обрабатывались барщиною под надзором особых чиновников, в настоящее же время барщина уничтожена, хотя феллахам от этого не легче. Наряду с *шифлик* в числе различных категорий египетского землевладения следует упомянуть еще *ибадие*. Это — имения, переданные вице-королем, под условием разработки, в частные руки в полную собственность. Прежде они отдавались безвозмездно, в настоящее же время отдаются за уплату налога в 10%, но в первые три года свободны от взноса податей. Все прочие земли называются *мира*, т. е. государственная собственность по корану. Они отдаются феллахам в пользование за уплату хараджа или подати и остаются в руках феллахов до тех пор, пока последние исправно выплачивают подать. Распоряжением 1857 года было установлено в либеральном смысле

право наследования. На основании религиозного закона правительственная земля по смерти пользователя не могла переходить к его наследникам, а должна была возвращаться обратно государству (принцип старообщинного передела)¹. Означенное же распоряжение дарует право наследования по смерти пользователя его наследникам обоюбого пола в законном порядке, и только за отсутствием таковых казна берет землю себе и снова отдает ее в пользование, причем жители ближайшей деревни имеют право преимущества. Посаженные пользователем деревья, сооруженные им машины для орошения, вырытые колодцы и построенные здания принадлежат ему и его наследникам в полную собственность. Право пользования участками дозволено на основании нового распоряжения продавать, закладывать и сдавать в аренду. Подать составляет 20% дохода, следовательно, столько же, сколько и при первых фараонах. Остаются еще участки *уде*, которых возникновение следующее. Так как Мегмет-Али заставлял взимать подати не с отдельных поселенцев на государственной земле и подразделял их между *деревнями*, из которых каждая несла солидарную ответственность за падающий на нее размер подати, и так как неоднократно повторялись случаи, когда деревни были не в состоянии выплатить подать, то он обратился за уплатой подати к капиталистам, которым дал необходимые полномочия для выжимания последней из народа. Эти предприниматели давали обедневшим ссуды для восстановления правильной культуры полей и имели право получать известную часть жатвы, которая шла на погашение и на уплату процентов на занятой капитал. В значительном числе случаев операция эта удалась довольно хорошо. Впрочем, в настоящее время подать берется уже не с целой деревни, а с отдельных участков.

Как ни темны и ни кратки имеющиеся в нашем распоряжении исторические сведения относительно тех культурно-земледельческих народов, о которых шла речь на предыдущих страницах, но одно из них вытекает несомненно, что у всех этих народов имелось общинное владение и возделывание земли, централизованное сильною политическою властью. Отсюда мы видим, что общинное земледелие и землевладение являются естественным продолжением тех общинных работ и форм владе-

¹ То же самое правило господствует и в других магометанских странах, напр., в Сирии: «Султаны, говорит Вольней (op. cit., III, 120—121), присвоив себе в силу завоевания собственность на все земли в Сирии, лишили жителей всякого права как поземельной, так и движимой собственности; жители обладают только пользованием. Если отец умирает, его наследство принадлежит султану или его откупщику, и дети могут получить наследство, только уплативши довольно значительный выкуп». Очевидно, что и в данном случае дело идет о переживании старых прав общины на поглощение частной поземельной собственности, которые перешли на султана. Сам автор прибавляет, что жители так привязаны к своей земле, что *отчуждений* почти никогда не бывает.

ния, которые мы наблюдали выше у кочевых и охотничьих народов. Уравнивание земельных участков и система передела земли представляют не что иное, как измененный, сообразно условиям земледелия, способ распределения работ и продукта между отдельными членами племени каких-нибудь отомаков или калистелов. Нечего и говорить, что гигантские системы орошения в высшей степени способствуют усилению компактности и тесноты общественной кооперации, чем объясняется относительно весьма густое население в рассмотренных нами общекитях. Но и при отсутствии орошения мы более или менее повсюду у сельскохозяйственных народов встречаем следы общинного владения, в котором вопрос об уравнивании участков имеет громадное значение. Ниже, в главе об отношениях родства, мы приведем несколько примеров, бросающих ближайший свет на первоначальные фазы полусоседного земледелия, соединенные с переделами земли между отдельными *родовыми подразделениями*. Примеры эти покажут нам, что первоначальные переделы происходят между отдельными поселениями и лишь впоследствии ограничиваются хозяевами одной деревни. Постепенное уменьшение области переделов служит наглядным доказательством, что, по мере усложнения процесса производства и размножения населения, объем единиц общинного землевладения суживается все более и более.

Уже предыдущее достаточно показывает нам, какую громадную, почти универсальную роль играет обособляющийся труд в истории первоначального образования поземельной собственности. Роль эта совершенно такова же в отношении к недвижимой, как и к движимой собственности, и, мало того, первая первоначально совершенно сливается с последней. «Человек, расчищающий почву», — говорит Круикшанк¹, — «и сеющий хлеб, может быть допущен собрать жатву таким же образом, как может быть допущено и право его на птицу, пойманную им; но сбор жатвы не будет включать в себя никакой идеи о личной собственности на землю, произведшую ее». Словом, первоначальное исключительное право относится не к самой почве, а только к доходу с нее, добытому самостоятельным трудом. В этом отношении чрезвычайно интересны факты, относящиеся к истории обладания деревьями. Повидимому, после временных посевов деревья представляют первый род недвижимой собственности, привязывающей к земле различные группы владельцев. Но хотя собственность на деревья является раньше собственности на землю, но имеются некоторые указания, что собственность на плоды предшествует самой собственности на *деревья*. Так, например, по словам Физона², на островах Фиджи земля есть собственность племени, а собственность на *деревья* простирается только на их

¹ B. Cruikshank, *Eighteen Years on the Gold Coast of Africa*, 1853, 291.

² «Globe», 1881, № 5, стр. 79. Из переписки Кондрилтона и Физона в «Transactions of the Royal Society of Victoria».

плоды, а не на *дерево*. По всей вероятности, мы имеем перед собою случай постепенного перехода от общей собственности на плоды всех деревьев, какую мы встречаем на некоторых других океанийских островах и отчасти на Таити, к отдельной собственности на плоды некоторых деревьев. Дальнейший шаг в этом движении представляет возникновение отдельной собственности на деревья, но не на землю под ними. Примеры подобных имущественных отношений мы уже приводили выше, со слов Эллиса, для островов Товарищества. Тот же вышеупомянутый Физон сообщает, что на Банкских островах собственность на землю отделена от собственности на *деревья*, которые садятся на участках без всякой претензии на таковые или получают по наследству. На Новой Гвинее, по сообщению Миклухи-Маклая¹, кокосовые деревья распределяются по семьям, как очень нужные и ценные; даже молодые деревья имеют своих владельцев. «Правительственной формы на Нукагиве», — говорит Лангдорф², — «мы, признаться, не открыли никакой Робертс, который в качестве англичанина, всегда имел в голове короля, наделил самого уважаемого человека в долине Tigoge, по имени Кетенне, этим титулом; он, вероятно, просто происходил из старейшей фамилии и как важный домовладелец имел большое родство и обширные владения; но политически он не проявлял никакой власти или преобладания. Он владелец и, быть может, наследственный, многих хлебных *деревьев*, кокосовых и банановых лесов». Согласно показаниям голландских комиссионеров, на которые ссылается Раффльс³, почти на всем пространстве Явы и совершенно независимо от права собственности на землю, яванцы заявляют свое право на все фруктовые деревья и плантации у самой дессы или кампонга. Относительно фруктовых деревьев яванцы считают тех, кто их посадил, собственниками без всяких налогов: если бы старшина захотел вторгнуться в это право, то деревня в скорости эмигрировала бы.

По свидетельству одной малайской рукописи⁴, на Суматре в индивидуальном или, вернее, семейном землевладении состоят, за исключением рисовых полей и других обработанных земель, рыболовных мест и домов, также и плодовые *деревья*. У тирибис Коста-Рики⁵ в состав истребляемой после покойника собственности входили посаженные им фруктовые *деревья*. В Персии⁶ крестьяне одной деревеньки неподалеку от Кашлина принуждены были уйти из своей родины, где они жили на владельческой земле, чтобы избавиться от мучений и вымога-

¹ «Вестник Европы», 1874, июнь, «Киннер Изумруд».

² Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, 1817, I, 112.

³ Raffles. The History of Java, 1817, I, 135 и сл.

⁴ Hollander. Handleiding bij de beoefening der Land—en Volkenkunde van Nederl. Oost-Indie 1874.

⁵ Ковалевский, op. cit., 33—34.

⁶ Polak. Persien, 123.

тельств управляющего князя Али-Кули. Уходя, они порубили все посаженные ими *деревья*, сожгли все деревянное в домах и т. п. Последний пример особенно поучителен: деревья считались их личной собственностью, несмотря на то, что были посажены на чужой земле. Впрочем, совершенно подобный же случай встречаем у Гакстгаузена¹: «Почва в казенных селах татар Елисаветпольского округа в Закавказье считается собственностью государства, но постройки, *деревья*, виноградники принадлежат крестьянам». «На Суматре», говорит Марсден², «земли так много сравнительно с населением, что жители почти не считают ее предметом права, исключая того, что в своем воображении князь заявляет права на все. Однако земля, на которой кто-либо садит и строит, с согласия своих соседей, становится чем-то вроде номинальной собственности и переносится из рук в руки; но так как она возделывателю ничего не стоит кроме его труда, то в расчет принимается только ценность *продукта*, и вознаграждение при продаже получается только за этот последний. Сообразно этому временное пользование землею есть все, на что они заявляют требование; в случае продажи, цена вообще определяется по числу кокосовых и других *плодовых деревьев*, которые посажены на земле, так как строения большей частью не имеют большой прочности. Пока существует что-нибудь в этом роде, наследник возделывателя может заявить требование на землю, хотя бы она был покинута на много лет перед тем. Если деревья были срублены, он может потребовать вознаграждения за вред, но если они исчезли по естественным причинам, то земля возвращается в общину».

«Во всех общинах Гамбии, — говорит Аткинс³, — имеются начальники, род королей тех поселений, в которых они живут. Их главное право — это собственность на все пальмовые *деревья* и *сивоас*, растущие в стране; так что без их дозволения никто не может ни нацедить из них вина, ни срезать хотя бы одну ветвь. Они дозволяют делать это известному числу жителей, обязывая их отбывать за то в свою пользу двухдневную рабочую повинность».

Следуя сообщению Дю Шалью⁴, пальмовое дерево, из которого делается холст, растет в Западной Африке в диком состоянии, но у народа апинги его сажают также вокруг хижин вместе с несколькими фруктовыми *деревьями*: это собственность, которую оставляет за собой хозяин дома и эксплуатирует только сам. Собственник деревьев, по словам автора, представляет для него в Африке новость; этого факта достаточно, чтобы показать,

¹ *Haxthausen, Transkaukasien, I, 163.*

² *Marsden, The History of Sumatra, Lond. 1774, 203.*

³ *d'Arkins, Voyage à Sierra-Leone, 76 (Walkenaer, Histoire génér. des voyages, Paris, 1826, IV).*

⁴ *Paul du Chailla, Voyages et aventures dans l'Afrique équatoriale, Paris 1863.*

что апинги находятся далеко впереди бакалаев и шекизи и даже всех прочих племен, посещенных автором. Апинги остаются на одном месте очень долго; это население оседлое, ему недостает только стада и скота, чтобы сделаться цветущею нациею. У других племен деревня есть только временная станция, покидаемая, когда в ней кто-нибудь умрет. Даже мпоингве, которые находились под влиянием внешней торговли, сохранили часть этих обычаев. Если они не могут перевести в другое место всю свою деревню, то они, по меньшей мере, разрушают дом, в котором кто-либо умер, и не дозволяют никому строить дом на том же месте.

«Подтверждением той теории», читаем мы у Миасковско-го¹, «которая выводит право собственности на предмет из употребленного на него труда, представляется то явление, что свобода распоряжения вещью возрастает для ее производителя соответственно тому, как работа овеществляется в продукте. Так например, в распоряжении корпорации Вальхвиль, в кантоне Цуг, относительно пользования корпоративным имуществом, от 31 мая 1863 года, содержится определение, что продукты растений, посаженных на корпоративной земле, могут быть свободно отчуждаемы пользующимися землею, между тем как растения, дико растущие, каковы сено и дрова, могут быть отчуждаемы только сочленам общины и ими потребляемы. Поэтому развитие отдельной собственности особенно легко совершается на тех участках общинной земли, с которой были связаны движимости, происходящие со стороны и уже бывшие в частной собственности. Доказательства этого представляет история отношений собственности на стоящие на общинной земле фруктовые деревья, дома и альпийские хижины. Как плоды, так и деревья, на которых они висели, были первоначально такою же общою собственностью, как и земля, на которой они росли. Так напр., деревенский регламент Ротеншвиля, в кантоне Ааргау определяет еще в 1691 году, что «никто в общине Ротеншвиль не может трести или обирать с общинных деревьев черешен, яблук, груш, орехов, жолудей и некоторых других плодов, а все они должны быть собираемы и продаваемы деревенским старостой». Остатки этого состояния удержались в некоторых местах до настоящего времени. Так напр., Landrecht кантона Швиц, упомянув предварительно о всеобщей жалобе на то, что при сборе черешен не жалеют ни заборов, ни травы, ни деревьев, приводит следующее постановление от 1530 года: «Так как черешни до сих пор составляли общий плод для богатого и бедного, то пусть остаются тем же и на будущее время. Если же кто хочет обеспечить свои черешни, тот может сделать на дереве знак и повесить на нем терн. А если кто станет рвать черешни с обозначенного дерева, то это будет значить, что он обокрал владельца и должен отвечать последнему за это».

¹ А. v. Miaskowski, Die schweizerische Allmend, Leipz. 1879, 18—19.

Равным образом и Landbuch Ури позволяет членам общины, но не более как двум лицам от каждого дома, срывать, начиная с определенного дня, орехи, растущие на общинной земле, черешни же только по созревании их. Но наряду с этими определениями, удержавшимися до настоящего времени лишь по исключению, в течение последних столетий получило всеобщее признание то положение, что фруктовые деревья, растущие на альменде, принадлежат временно, или пожизненно, или наследственно тому, кто посадил их. При помощи постоянного повторения и подтверждения этого положения старались поощрить со стороны общины засаживание фруктовыми деревьями альменды, даже по временам ставили его в обязанность пользующимся альмендою. Так, в к. Гларус повсюду дозволялось членам общины сажать деревья на альменде. В некоторых местностях деревья считались собственностью общины, но отдавались в пользование посадившим их лицам на 36 лет, на 10 лет, пожизненно и наследственно. С.-Галленская община Граб еще в 1872 году издала курьезное распоряжение, что одной половиною плодов с частных деревьев, стоящих на альменде, должна пользоваться община, а другою хозяева их. В Аппенцеле тот, кто посадил дерево на альменде, обладает им в безусловную собственность. Своеобразные отношения собственности существуют до сих пор в Серифтале, в конторе Гларус, на часто встречающиеся здесь кленовые лески, зелень которых придает владельцами большая ценность, как хорошей соломе: часто почва, на которой растет лес, принадлежит одному лицу, деревья другому, а пользование зеленью третьему. Но все это вело к тому, что посадивший дерево не только удерживал за собою право собственности на него, но легко распространял его и на почву, на которой росло дерево, что вело к многочисленным спорам.

Только что описанное явление одного порядка с тем, о котором упоминает г. В. Орлов в «Сборнике статистич. сведений по Московской губернии»¹, под именем приусадебных земель, подлежащих весьма редким переделам. «Земля эта,—говорит он,—часто обращается под огороды, иногда засаживается *садовыми кустами* и вообще служит для разведения растений высшей сельскохозяйственной культуры; понятно, что при этом условии весьма важно, чтобы такая земля находилась у хозяина под руками, чтобы ему всегда было легко и удобно иметь постоянное наблюдение и уход за своим участком. Кроме того, приусадебная земля является наиболее ценною для хозяина, так как на нее он кладет больше удобрений и употребляет для обработки ее больше труда сравнительно с землею полевою, причем в пользовании приусадебною землею преимущественно обнаруживается *личная инициатива*, своеобразная предприимчивость отдель-

¹ Том IV, выпуск I, Москва 1879, стр. 77—80.

ных домохозяев, вследствие чего происходит большая разница в ценности и доходности приобретаемых участков; один двор разводит капусту, приусадебный участок другого засажен ягодными кустами, третий домохозяин снимает со своего участка только траву и т. д. Поэтому-то исправный крестьянин больше всего дорожит своею приусадебною землею и не желает уступить ее другому члену общества».

Мы видим таким образом, что, начавшись с обособления предметов движимой собственности, процесс приватизирования общинного имущества постепенно и незаметно переходит на плоды жатвы и деревьев, на более или менее постоянные жилища, на самые деревья и, наконец, на почву под ними, по мере постепенного выделения из общины все более и более прочного и постоянного индивидуального труда. Дальнейший ход того же движения объясняет нам также и то, почему поля становятся частной собственностью скорее, чем луга, луга скорее, чем леса, леса скорее, чем пустыри и неудобные места. Все дело состоит в том, что на одних участках земли скопляется с течением времени более индивидуального труда, чем на других, а потому немедленно же возникают важные экономические различия между ними. В этом отношении особенно поучительна противоположность во взглядах народа на лес и на посаженные деревья. В Малороссии¹, напр., «владельческие и казенные леса не считаются неприкосновенными, особенно, если не употреблен труд на устройство и охранение их; леса же, которые подчищаются владельцем и охраняются живущими в лесных хуторах бедными семействами, получающими содержание от владельца, более уважаются, потому что право на них освящается трудом и издержками... Таким же образом бортяное дерево признается неприкосновенным, потому что на него положен труд». Универсальность этого способа воззрения достойна всякого удивления. Не говоря о том, что, напр., в средневековой Германии существовал подобный же взгляд на лесные деревья, идею права отдельной собственности на бортяные деревья можно встретить в самых противоположных странах света. Так, например, у Ланга² говорится об австралийцах следующее: «Они имеют также индивидуальную собственность на различные деревья. Я вспоминаю, что однажды, во время нашего путешествия, когда мы тяжело страдали от недостатка пищи, и в особенности растительной, наш черный проводник указал на рой пчел, пролетающий через нас, нагруженный медом и очевидно на прямом полете к улью. Мы приказали ему последовать за роем, что он и сделал, но когда достиг дерева, то, только что слезши с лошади, немедленно опять сел на нее и собрался ехать дальше. Мы спросили его о причине этого, и он указал нам знак на дереве,

¹ П. Чубинский, *op. cit.*, 681 и 701.

² Lang, *The Aborigines of Australia*, Melbourne 1865 (цитата из письма д-ра Ланга).

очевидно, сделанный каменным томагавком, и сказал, что оно принадлежит одному черному и что он не может прикоснуться к нему. В это время он почти умирал с голоду, точно так же, как и мы. Так как мы не могли быть столь церемонны при тогдашних обстоятельствах, то мы настаивали, чтобы он вырезал мед, что он, наконец, и решился сделать». С другой стороны, Грей¹ говорит: «Если двое или более людей имеют право охотиться на одном участке земли и один из них срежет верхушку с какого-нибудь дерева, то в силу их обычаев, гусеницы на этом дереве составляют его собственность, и никто не имеет права дотронуться до означенного дерева». Наконец, в Абиссинии у племени бени-амер мед принадлежит тому, кто нашел улей².

Поучительно также то однообразие форм, в каких самостоятельное приложение труда повсюду признается источником собственности недвижимой собственности. Земля у биколнигов на Филиппинских островах, говорит Ягор³, принадлежит даром всякому, кто хочет ее обрабатывать; пользование переходит к детям и прекращается лишь тогда, когда почва два года подряд остается необработанной. В последнем случае должностные лица могут отдать землю другому лицу.—В Китае⁴ бедняки, лишённые собственности, могут возделывать свободно горные земли и пустыри, подчиняясь некоторым правилам. Где в прежнее время были издержаны труд и деньги на обработку участка земли, там земля должна быть осмотрена, и местные власти должны выдать на нее документ. Если возникнет какой-либо спор по поводу такого участка земли, то подлежащее местное начальство должно немедленно подвергнуть его разбору и решить дело в пользу той стороны, которая истратила деньги и труд для приведения его в обработанное состояние и которая должна быть сделана полною обладательницею его без всякого обложения налогами.—В Никарагуа⁵, по смерти отца, собственность его разделялась между сыновьями поровну, за исключением того сына, который помогал отцу зарабатывать ее и потому получал больше остальных.—У североамериканских индейцев⁶, если кто посеет хлеб на чужом поле, то не приобретает через это себе поля; но собственник земли никогда не может потребовать себе всей жатвы; он берет себе часть ее в возмездие за употребление, которое было сделано из его собственности, и уступает часть своей собственности в уплату за труд, приложенный к ней.—Совершенно то же гласит одно инородческое обычное постановление в «Сборнике» Самоквасова, § 160:

¹ Grey, op. cit., II, 289.

² Münzinger, op. cit., 318.

³ F. Jagor, Reisen in den Philippinen, Berl. 1871, 125.

⁴ Jh. Meadows, Land Tenure in China (Trans. of the Chin. branch of the K. Asiat. Society, Hongkong 1848, 8).

⁵ Bancroft, op. cit., II, 652.

⁶ Domenech, op. cit., 245 и сл.

«Если кто пустолежащее место собственными трудами обрабатывает для хлебопашества и сенокоса и потом по нерадению своему или пришествию в бедность городьбу свою разломает, а по оставлении оной кто-нибудь из посторонних вознамерится оное место огородить, и между тем выйдет сеора, то дать время прежнему хозяину на 3 года, и если за сим его сил недостатно, донеся о том родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться бесполезною, тому, кто имеет нужду в сенокосении, позволяется огородить и тем местом пользоваться, но за очищение камней и прочего, прежнего владельца по возможности чем-либо наградить». — «Буде кто сторонний», говорится в том же «Сборнике» относительно перчинских тунгусских родов (33), «приехав будет косить на чужом покосе траву и притом без спроса у старшины и у верных людей общества и стариков и без спроса у хозяина, тогда из выкошенной травы отдать хозяину покоса две части, а выкосившему *третью* часть; и притом, что употреблено на харчи и питье, не останется втуне». — «Если кто-либо без ведома и позволения почетных родовичей», сообщает далее в том же «Сборнике» относительно братских Хоринского ведомства (134), «у постороннего кого-либо издавна на владеемом сенокосе наставит сена, такового за самовольный поступок наказать лозами (уж не русское ли это изобретение?), а накошенное сено отдать хозяину того покоса с тем, чтобы, напротив, он заплатил употребленный на той работе харч». — У самоедов¹ признается правилом, что никто не имеет права промысливать в другой земле зверя или ловить рыбу в реках, принадлежащих другим. Виновный и обличенный в таком поступке должен по присуждению князя или старшины возвратить «половину добычи владельцу тех мест, а другую половину имеет право оставить себе за труды». «В Болгарии², если бы кто-нибудь посеял хлеб на чужом участке земли, то половина урожая принадлежит посеявшему, а половина владельцу земли».

У жителей Индийского архипелага, как видно из статьи нашей «Община и государство в Нидерландской Индии», самостоятельный труд представляет почти всюду единственный титул на недвижимую собственность.

Достоин замечания, что первоначальная недвижимая отдельная собственность проходит те же стадии, как движимая собственность, а именно, подобно этой последней, она долгое время подчиняется общинной и даже иногда поглощается ею. Так, напр., мы читаем у Лавеле³: «В провинциях Явы—Черибон и Тагаль—расчищенные земли принадлежат тому, кто их подверг обработке и переходит по наследству до тех пор, пока продолжают подвергаться обработке. Однако общинная собственность мало-помалу поглощает частную, потому что общин-

¹ Соколовский, Экономич. быт, 86.

² Вогизич, op. cit., 597.

³ «De la Propriété», 53—58.

ные власти имеют интерес увеличивать общинный домен, в котором они принимают участие. В Самаранге все земли общинные; наследственных рисовых полей не имеется вовсе. Тот, кто обрабатывает пустошь, сохраняет пользование ею в течение только трех лет; после этого срока поля его входят в состав земель, подвергаемых переделу. В Пекалонгане наследственные рисовые поля представляют исключение. В Янара нашли, что рядом с общинными землями деревни существует 8 701 боу земли в руках 7 454 собственников. Расчистки, которые создают эти роды собственности, выполняются жителями наиболее достаточными, часто соединенными между собою, которые одни только имеют средства выполнять ирригационные работы, необходимые при культуре риса. Но полагают, что вновь созданная частная собственность не остается долго в руках своих владельцев; средним числом раньше 50 лет она захватывается коллективным землевладением. Если собственник бросает дессу, земля его возвращается к общине; то же самое бывает тогда, когда у него нет прямых наследников, когда он перестает обрабатывать землю, когда он не платит налогов. В провинциях Мадивен, Паджитан, Сурабойя, Мадуга, Паураван и Кедеири все обработанные влажные рисовые поля суть общинные и подвержены ежегодному переделу. Тот, кто расчищает участок в лесу или в пустоши, сохраняет индивидуальное (семейное) пользование им в течение трех или пяти лет; после этого срока земля возвращается к общине и подвергается периодическому переделу.

Вообще, во всем предыдущем выражение индивидуальная собственность следует понимать не иначе, как в условном значении: оно означает различные стадии пользования землею постепенно обособляющихся внутри общины меньших групп, семейств и частных лиц на пути к образованию частной собственности; центральное же значение, вокруг которого тяготеют и которому подчиняются все обособившиеся интересы, попрежнему остается за правами на землю всей общины. В том же самом направлении действует право перекупа, предоставляемое обычаями первобытных народов, в случае продажи членом общины своего участка навсегда или на время его родственникам, соседям, членам братства, рода, племени. Примеры этого рода обычного права так многочисленны и универсальны, что нет надобности останавливаться здесь на них.

ГЛАВА VIII

Отсутствие патриархальной семьи у первобытных народов.—Высокое положение женщины при господстве материнского права.—Родовая организация общества.—Свобода взаимных отношений молодежи обоего пола.—Новые факты, относящиеся к общинным бракам.—Слабость брачного союза у первобытных народов.—Причина перехода материнского права к отцовскому.

Новейшие исследования в области родовых и брачных отношений у первобытных народов, как известно, сильно поколебали господствовавший прежде взгляд, что древнейшею формой человеческого общества, исходною точкою развития и главной составною частью всех прочих родовых и политических союзов является так называемая патриархальная семья. В глазах прежних исследователей род, клан, племя, государство представляли, с одной стороны, не что иное, как результат медленной и постепенной агломерации семейств, а с другой,—по аналогии с патриархальною семьею, сами оказывались громадными семействами. Взгляд этот, если мы не ошибаемся, наиболее точным образом выражен Клеммом и Вайцем. «Семейство», говорит Клемм¹, «есть древнейшее человеческое общество; жители первобытных лесов Америки, бушмены Южной Африки, рыбаковы Австралии живут семействами; семейства эти вполне независимы одни от других; они то удаляются друг от друга, то соединяются на случай нападения в видах общей защиты. Американские племена, владеющие крупными стадами диких лошадей, представляют картину больших семейств, в которых мы находим старейшин, располагающих влиянием с характером отцовской власти. Целые народы образуют до известной степени семейный союз, чем и объясняются бесчисленные названия американских народов, которые все обладают одинаковым телесным строением, одинаковыми наклонностями, родом жизни, нравами и обычаями. Мы встречаем у них старейшин и рядом с ними глав семейств, которые своими советами и храбростью обеспечивают существование семейного союза. Сверх того, у них имеются уже зачатки общих юридических обычаев, признаваемых как членами, так и различными племенами. Пастушеские

¹ Klemm, op. cit., I, 205.

народы Азии стоят уже на высшей ступени; роды здесь соединяются в племена, которые живут между собою в более мирных отношениях, чем американские кланы. Князья племен пользуются большим уважением; прочие члены родов и семейств приносят им дань; воля их решает спорные вопросы. Такая жизнь возможна только на больших плоскостях; на островах же и в закрытых долинах человек скоро переходит от первоначального рыболовного быта прямо к земледелию». В том же смысле высказывается и Вайц. Рассматривая, напр., учреждение коллективной ответственности за долги и преступления у африканских народов, писатель этот кладет в основание его господство патриархального принципа, который будто бы является главнейшей характеристикой всех общественных отношений означенных народов. «Только вследствие того», говорит он¹, «что целое племя или целый народ рассматриваются, как одно большое семейство, возможно, что кредитор для получения удовлетворения обращается не только к родственнику должника, но и к любому из его земляков».

В высшей степени странно, что этот способ аргументации столь долго сохранял за собой славу непогрешимости, тогда как даже а priori ясно, что он основывается на одних только поверхностных аналогиях. Требовалось определить ближайшую характеристику общественной организации первобытного народа: вопрос решается при помощи простого подведения ее под организацию патриархальной семьи, которая представляет собою совокупность из нескольких поколений, соединенных в одно целое абсолютною властью отца или старшего в роде, общением имущества, обычаев, правов и телесного строения. Все эти признаки немедленно переносятся на каждую общественную группу древнего или первобытного общества, и, таким образом, семейством оказываются одинаково и стадное состояние людей, и род, и братство, и племя. Так, например, все ботокуды имеют одинаковые обычаи, нравы и телесное строение,—ergo, все племя ботокудов представляет не что иное, как одно патриархальное семейство. До очень недавнего времени семейство признавалось единственною организацией, представлявшею род общения имущества; такое же общение имущества существует у братства племени отомаков,—ergo, все означенное братство является одним патриархальным семейством. Члены патриархального семейства соединены родственною дружескою связью; такая же родственная связь замечается между членами рода оджибвеев,—ergo, весь род оджибвеев есть не что иное, как патриархальное семейство. Тот же предвзятый взгляд на значение патриархальной семьи склонял видеть устойчивый брачный союз там, где в действительности было общение жен или близкое к нему состояние половых отно-

¹ Waitz, II, 154—155.

шений; открывать патриархальную власть отца или старшего в роде там, где не только не существует этой власти, но неизвестны в точности и сами отцы. Спрашивается, почему одинаковое телесное строение, одинаковые нравы и обычаи, общение имущества и ответственности, дружеские родственные отношения и пр. должны являться доказательством, что то или другое первобытное племя или составная часть его представляют не что иное, как большое патриархальное семейство? Не в тысячу ли раз правдоподобнее думать, что позднейшие семейные формы сами являются во многих отношениях переживанием первоначальной родовой системы, осуществлявшейся в более широких формах родов, братств, племен и союзов племен? С другой стороны, сама первоначальная семья несколько не похожа на позднейшую; так, напр., о какой патриархальной власти отца может идти речь в тех многочисленных случаях, когда, при господстве материнского права, муж идет в род жены и остается в подчиненном положении?

Независимо от теоретических соображений, мы можем привести также и прямые свидетельства относительно многих первобытных народов, что у них дети совершенно не повинуются родителям, что отцовская власть у них, вопреки мнению Клемма, всего менее может быть названа патриархальной. «Почти не слыхано», говорит Лаба¹ о караибках, «чтобы отец приказал сыну от 16 до 18 лет идти на охоту или на рыбную ловлю, или чтобы хозяин хижины возымел намерение послать туда живущих с ним, — в подобном случае он мог бы всегда ожидать сухого отказа. Если он хочет идти на рыбную ловлю, на охоту, или необходимость принуждает его к тому, он говорит просто, как св. Петр: «я иду удить», и те, которые желают сопутствовать ему, отвечают столь законически, как апостолы: «мы идем с тобою» и следуют за ним. Нет в мире народа, который был бы более ревнив к своей свободе и который живет и с большим нетерпением ощущал бы малейшее вторжение в нее. Так они насмеяются над нами, когда видят, что мы относимся с уважением к своим старшим и повинемся им. Они говорят, что, по всей вероятности, мы просто рабы тех, кому повинемся, если они дают себе волю приказывать нам, и мы сами настолько трусы, что следуем их приказаниям». — «Отцы не имеют никакого права на послушание своих сыновей», читаем у Депона² о туземцах Южной Америки, «но они пользуются абсолютным правом над волею своих дочерей. Дочь всегда слепо должна отдавать свою руку супругу или, лучше, господину, которого назначает ей отец. Вместо того, чтобы давать за нею приданое, отец получает его от своего зятя, который выплачивает его *трудом*, дичью, рыбою и другими предметами». — «У индийцев

¹ Labat, op. cit., IV, 328.

² Depone, op. cit., 301.

Ориноко», по словам Гумилла¹, «в домашней жизни нет ни правления, ни порядка, ни союза; дети вовсе не повинуются своим отцам, а эти последние, со своей стороны, воздерживаются от всяких винушений по отношению к ним, не зная, чему учить их. В нежном возрасте отцы обращаются с детьми довольно мягко, но в зрелом они их ненавидят. В присутствии автора один сын туземца нанес своему отцу удар, и на вопрос, с какой стати он терпит такое дерзкое обращение со стороны своего сына, отец ответил, что боится кровной мести (другой род)». «На Марианских островах», говорит Ле Гобие², «дети не знают, что значит иметь уважение и почтение к своим родителям. Они признают родителей лишь настолько, насколько нуждаются в них».

Спрашивается, далее, о какой отцовской власти может идти речь в следующих супружеских союзах, основанных на существовании женской филлиации и встречающихся у первобытных народов весьма часто? «Если жених совершенно лишен средств», говорит Доменеч³, «как бывает у северных племен американских индейцев, то он идет на известное время на службу к родителям любимой им девушки; по истечении условленного срока он остается в семье жены или берет ее к себе домой. В продолженные службы ничто зарабатываемое мужем работою или охотою не принадлежит ему; он принужден все отдавать родственникам своей жены для образования условленной выкупной суммы. По заключении брачного союза муж обыкновенно присоединяется к роду, к которому принадлежит семейство жены; этот обычай возникает из того, что жена есть кормилица семейства; новой паре удобнее удерживать хозяйство в местности ей известной, где она может найти съедобные корни, которыми эти племена (селиши) большею частью существуют. Индийские женщины в этих краях третируются (относятся.—*Ред.*) с гораздо большим уважением, чем в других частях страны, и пользуются большим вниманием и властью». Нам кажется, что автор, имея перед собою одну из наиболее чистых форм брака при господстве женской филлиации, смешивает ее с позднейшею формою, когда муж является зятем—влазнем, приймаю, иными словами, идет в семью жены при отсутствии мужских наследников и занимает в ней подчиненное положение, вследствие своей бедности. Эта последняя форма брака встречается преимущественно при господстве мужской филлиации, как доказывает ее распространение между крестьянами и некоторыми инородцами Европейской России⁴.

«Я нашел», говорит Доббель⁵, «что камрадалы ухинского берега усвоили некоторые из нравов и обычаев своих север-

¹ *Gumilla*, op. cit., I, 211.

² *Le Gobien*, op. cit., 53.

³ *Domenech*, op. cit.

⁴ См. *Martens*, op. cit., 29; *Ефименко*, op. cit., 28, *Чубинский*, op. cit., 697.

⁵ *Dobbel*, *Travels*, 1830, I, 82; см. также *Steller*, 210.

ных соседей—коряков. Если у них молодой человек любит девушку и не довольно богат, чтобы получить ее другим путем, он закабаляется в рабы к ее отцу на 3, 4, 5 или 10 лет, смотря по договору, чтобы получить дозволение жениться на ней. Когда истекает условленный срок, он допускается к женитьбе на ней и живет с свекром, как его собственный сын. В течение своего зависимого состояния он живет милостью своей госпожи, которая должна быть к нему весьма благосклонна, чтобы дать ему возможность выносить так долго гнев повелительного хозяина, не дающего отдыха от сурового труда и усталости.

«Патриархальный обычай», читаем у Боуринга¹, «служить в доме отца, чтобы получить руку и сердце дочери, несколько не уничтожен на Филиппинах; кроме того здесь продолжает существовать еще более близкая связь с женихом, которая, как говорят, находится еще в употреблении в самых диких местностях Уэльса и с такими же невыгодными последствиями для слабого пола. Одомашнение жениха в доме его будущего тестя ведет к рождению большого числа незаконных детей, к частому нарушению обетов, к домашним спорам и к большой нищете».

«На Филиппинских островах», сообщает Ягор², «жених должен работать в доме родителей невесты 2, 3 и даже 5 лет прежде, чем может привести домой жену. Деньгами эту повинность выкупить невозможно. Он ест в доме родителей невесты, которые доставляют ему рис, но приварок должен добывать себе сам. В некоторых провинциях жених, кроме выкупа невесты, платит вознаграждение ее матери за материнское молоко, которым пользовалась первая. Согласно Колину (Labor evangelicus, стр. 129), вознаграждение за ночные труды и заботы, которые принимала на себя мать при воспитании невесты, или так называемый пангимуат, достигало $\frac{1}{5}$ платы за невесту. В конце службы зять строит с помощью своих родственников дом для вновь основываемой фамилии».

«В числе прочих способов получения жен», говорит Марциус³, «бразильский индеец может приобрести себе жену, работая в доме ее отца. Это бывает особенно у больших, имеющих постоянную оседлость, народцев и племен. Молодой человек, как некогда Иаков у Лавана, посвящает себя, часто на целые годы, различным службам и повинностям в доме будущего тестя, с неистощимым трудолюбием. Он ходит для него на охоту и на рыбную ловлю, помогает ему строить крышу, чистить лес, носить дрова и пр. Потом он получает жену или не получает ее, и остается в доме отца ее или не остается».

¹ Bowring, A visit to the Philippine Islands, Lond. 1859, 144—145.

² Jagor, Reisen in den Philippinen, Berl. 1873, 129.

³ Marzius, op. cit., 55.

На Суматре¹, при вступлении в брак муж следует за женою, потому что она есть представительница рода и потомственный собственник дома; дети также принадлежат к хозяйству матери. Если муж идет жить к жене, то он не рассматривается как принадлежащий к семье член, а как лицо, остающееся здесь временно (*orang menoempang*). Его собственное местожительство находится у его сестры, под надзором которой состоит вся его личная собственность, и она со своими детьми имеет право на все, что он заработает работой, торговлей или иным способом. То, что он исполняет в поле своей жены или в ее доме, принадлежит ей, и из этого в пользу своих собственных детей он не может взять ничего кроме платья; если он хочет сделать для них больше, то на это требуется согласие его наследников. Если муж умер в доме своей жены, то являются наследники для розыска, не оставил ли он чего, и если да, то берут оставленное себе; но при этом или вследствие этого они же заботятся и о погребении.

На Цейлоне² есть два рода брака—«деега» и «беена». По «деега» жена идет жить в хижину мужа; по «беена» муж идет жить в хижину жены.

У редди, в южной Индии³, господствует следующий брачный обычай: «Девушку 15 или 16 лет выдают за мальчика 5 или 6 лет. Потом она живет с каким-либо другим мужчиною, дядей или обыкновенно с двоюродным братом матери, потому что ей не дозволено образовывать связь с членами своей отцовской семьи; иногда она живет даже с отцом своего мужа, т. е. со своим свекром. Если от этой связи будут дети, то отцом их считается молодой муж. Когда он в свою очередь достигнет зрелого возраста, его жена уже стара и вышла из возраста деторождения; тогда он живет с женою другого мальчика и родит детей на счет молодого мужа».

У караибов⁴ жены часто живут в различных деревнях и посещаются по очереди мужем.

У народа кимбунда⁵, в Африке, сыновья, происшедшие от брака, принадлежат не отцу, а дяде со стороны матери, и собственный их отец, даже пока они малолетны и находятся под его присмотром, не имеет никакой власти над ними. Таким же образом сыновья наследуют не отцу своему, а дяде, и этот последний может распоряжаться ими с неограниченною властью, даже в случае нужды продать их. Только дети, рожденные от рабынь, рассматриваются как действительная собственность отца, как наследственное его имущество. То же самое говорит и Басти-

¹ *Hollander, op. cit.*

² *Davy, Ceylon, 286.*

³ *Short, Trans. of the Ethnol. Society, VII, 194.*

⁴ *Lafitau, op. cit., I, 556.*

⁵ *Magyar, op. cit., I, 284.*

ан о жителях берега Лоанго¹: «Отец не пользуется никакою властью над своим сыном. Он не может продать его подобно тому, как дядя продает своего племянника. При наступлении развода дети следуют за матерью, потому что принадлежат ее брату или их дяде. Дети наследуют матери, тогда как имущество отца переходит по наследству к его брату или к племяннику».

Согласно описанию Ливингстона², негры баланда на севере Замбезе подчиняются следующим брачным обычаям: молодой человек, желающий жениться, должен отправиться в деревню жены; при заключении брачного договора он должен принять на себя обязательство всю жизнь снабжать старую мать своей жены дровами (см. параллельный случай на Филиппинских островах); только жена может отпустить мужа; в случае развода дети составляют собственность матери; муж не в состоянии заключить самого обыкновенного договора без согласия старшей жены.

Тот же Ливингстон во втором путешествии своем по реке Замбезе³ рассказывает такую характеристическую сцену: «Наш проводник, принадлежавший к соседнему поселку, отказался идти дальше. Пока мы ожидали другого, Мазико (один из слуг автора) пожелал купить козу. Дело было почти кончено, когда появилась жена продавца и сказала своему мужу с видом, преисполненным достоинства: «Подумаешь, что у тебя нет жены; продавать козу, не посоветовавшись с женою! нанести ей такую обиду! что же ты за человек после этого?» Мазико настаивал. «Пускай говорит, что хочет, покончим дело», повторял он. Но супруг, хорошо проученный, отвечал: «Нет, я уже и без того сильно повредил себе», и отказался. Здесь женщины имеют то же влияние, как и у баланда, живущих дальше к западу, и как во многих местностях, расположенных к северу от Замбезе. В одной из этих деревень мы видели женщину, которая запретила своему мужу уступить нам цыпленка только для того, чтобы показать нам, что она госпожа».

По сообщению майора Поуэлла⁴, в пуэбло Орайбе, населенном индийцами моквеями, имел место нижеописываемый случай, который наглядно показывает, что муж не приобретает никаких прав на имущество жены и на детей. Зуниец женился на женщине Орайбе и прижил с нею троих детей. Он жил с ними в Орайбе, пока не умерла жена, что произошло во время пребывания майора Поуэлла в пуэбло. Родственники жены вступили во владение ее детьми и хозяйственным имуществом, оставив мужу принадлежавшую ему лошадь, одежду и оружие. Сверх того, ему дозволили взять несколько принадлежавших ему одеял; но те, которые составляли собственность покойницы-жены,

¹ *Bastian*, Die deutsche Expedition an der Loango-Küste, Jena 1874, I, 133, 165.

² *Livingstone*, Zambèse (питир. у Бахофена).

³ *Livingstone*, Explorat. du Zambèse etc., 1866, 553.

⁴ *L. Morgan*, Ancient Society, 535 и сл.

остались нетронутыми им. Он покинул пуэбло с майором Поуэллем, говоря, что пойдет с ним в Санта-Фе, а потом возвратится к своему народу в Зуни.—Другой случай такого же рода произошел в другом пуэбло моквеев и также сообщается майором Поуэллем. Умерла женщина, оставив по себе детей, мужа и имущество. Дети и имущество были взяты родственниками умершей; все что было дозволено взять мужу, это—его платье. Был ли он индийцем племени моквеев или другого племени, Поуэлль не мог узнать. Из этих фактов ясно, что дети принадлежали матери, а не отцу, и что ему не дозволялось брать их к себе по смерти матери. Такой же обычай существовал среди прокезов и других северных племен. Сверх того, собственность жены была отдельная и поступала в распоряжение ее родителей после ее смерти. Это, повидимому, доказывает, что жена ничего не брала у своего мужа, как и муж ничего не брал у жены. Тот же самый обычай существовал среди сельских индийцев Мексики.

Все перечисленные факты находятся в непосредственной связи с преобладанием у соответствующих народов наследования в женской линии, хотя далеко не все означенные авторы обратили внимание на это обстоятельство. Они не задали себе вопроса, почему при таких условиях муж постоянно или очень часто оказывается беднее жены и почему этой последней, а иногда и ее матери, предоставляются значительные привилегии, о которых при других брачных порядках вовсе не слышно. Все дело в том, что при господстве женской филиации настоящим потомственным хозяином имущества является именно женщина и ее род, а потому приходящий к ней мужчина поневоле занимает в ее роде зависимое и подчиненное положение. Подобная роль мужа при существовании наследования в женской линии, составляет не исключение, а общее правило, как это мы видим у весьма многих американских, африканских и океанийских народов. Напротив, при существовании мужской филиации принятие в дом жены «зятя-власяня» или приемы, назначение которого заменить собою отсутствующего мужского потомка, является именно исключением из правила. Поэтому, как ни дурно и ни шатко положение подобного зятя-приемыша, но оно все же не настолько обособлено от интересов женина рода, как при господстве женской линии.

Предыдущее показывает, как осторожно нужно обращаться с такими терминами, как «патриархальная семья», в приложении к общественным союзам на ранних ступенях развития. Достаточно отсутствия одного такого важного признака патриархального семейства, как отцовская власть, чтобы обнаружить воочию всю несостоятельность подобного объяснения дела. А между тем, общественные союзы с господством наследования в женской линии продолжают до настоящего времени обнимать весьма значительную часть земного шара. Правда, во многих случаях, например у североамериканских индийцев и у неко-

торых африканских негров, роль отца выполняет дядя со стороны матери; но это не мешает женщине занимать в семье первое место. Патриархальная семья вообще встречается гораздо реже, чем привыкли утверждать ученые. Так, мы имели уже случай видеть выше, что даже при господстве мужской филлиации, исключаящей дочерей из наследства, как например в средневековой французской и в югославянской семейной общине, о патриархальной власти старейшины не может быть и речи. В последней главе настоящего сочинения мы постараемся показать, что и старейшины более обширных общественных союзов располагают патриархальной властью очень редко.

* * *

Существует, однако, еще один разряд явлений, который устраивает господствовавшее до недавнего времени мнение, что патриархальная власть отца представляет начало всякой власти. Явления эти относятся к сравнительно высокому и свободному положению женщины, при господстве матриархата, на которое уже указывали отчасти приведенные выше примеры. Правда, европейскому уму так трудно составить себе идею об экономическом или семейном преобладании женщины, что последнее отрицается даже теми учеными, которые немало потрудились над разъяснением первобытной общественной организации. Так, например, Леббок, признавая глубокое значение женской филлиации в истории развития человеческого общества, тем не менее находит, что «было очень мало стран, если только были такие, где бы женщины допускались к отправлению верховной власти; мы не видим в истории факта, чтобы женщины когда-либо успевали добиться своих прав, и дикие женщины в особенности были далеки от этого; напротив, у рас наименее цивилизованных, напр. у австралийцев, положение женщины есть положение абсолютного рабства и пр.». Но в опровержение этого, даже оставляя в стороне те многочисленные факты преобладания женщин в древности, какие можно найти у Бахофена, мы в состоянии немедленно перечислить несколько поучительных примеров высокого положения женщины из непосредственной и близкой к нам по времени действительности.

«На островах Дружбы», говорит Маринер¹, «женщины старейших родов никогда не обрабатывают почвы и не занимают никакою грубою работою. Жители островов Самоа, Фиджи и Сандвич выговаривали тонганцам, что они распустили своих женщин; но те ответили им, что земледелие не женское дело и что мужчин-женщин никто не любит; и действительно женщины на островах Дружбы очень скромны, большие патриотки и прекрасные матери и жены. По отношению к жен-

¹ *Mariner, Tonga Islands, 1817, II, 296 и сл.*

щинам следует сделать еще одно очень важное замечание, важное потому, что оно доказывает, что женщина здесь несколько не раба мужчины; оно состоит в том, что женщины-начальницы подражают власти мужчин и имеют свои *saw-fafina* (свиты), как и *мужчины свои saw-tongata*; их *saw-fafina* состоит из жен и дочерей низших начальников и матабул; легко понять, что подобная ассоциация стремится поддерживать их ранг и независимость.

Относительно таких же женских ассоциаций на Палаузских островах Земпер¹ сообщает следующее: «Совершенно подобно мужчинам, и женщины образуют клеббергелли, имеющие также своих предводителей и обладающие, подобно мужчинам, правами признанной корпорации, не будучи, правда, обязанными к участию в войне и в общественных работах или к обитанию в общественных домах. Возникновение этих женских клеббергеллей вряд ли вызвано потребностью в разделении труда... Скорее, кажется, что здесь действительно существует потребность в известном представительстве, которая была ощущаема женщинами и признана мужчинами и которая породила эти женские клеббергелли и доставила им несомненные привилегии. Так, напр., они имеют право после смерти крея получать от жены его известные подарки, а также требовать у каждого жителя деревни соответствующей контрибуции для угощения посетителей на празднествах. Говоря короче, женские клеббергелли как по рангу, так и в отношении прав занимают такое же положение, как и мужские, и самый могущественный князь не осмелился бы выступить против подобной женской общины без поддержки своих товарищей. Отдельный мужчина, совершенно бессилён перед подобным клеббергеллем. Туземцы уходят от женщины, собравшихся в клеббергелль, а если и приближаются к ним, то не иначе, как в униженном, согбенном положении». Сходство, почти тождество палаузских клеббергеллей и тонганских *saw-fafina* и *saw-tongata*, повидимому, не подлежит сомнению.

На Марианских островах, по словам Ле Гобиена², женщины пользуются полною свободою, в хозяйстве они распоряжаются без всяких ограничений и т. п. В случае измены жены, муж не смеет тронуть ее пальцем; самое большее, что он может, это покинуть ее. Когда же, наоборот, жена заподозрит неверность со стороны мужа, то она назначает в определенном месте свидание всем женщинам; оттуда они отправляются толпою к жилищу виновного мужа и здесь истребляют деревья, посевы, словом все, что ни попадаетея им под руку. После этого они входят толпою в дом и изгоняют мужа силой, если он не удалился заблаговременно. То же самое делают с домом обвиняемого мужа родственники пожаловавшей на него жены. Отцам наследуют

¹ *Semper, Die Palau-Inseln, 114 и сл.*

² *Le Goben, Histoire des Isles Mariannes, 1700.*

не дети, а братья и племянники умершего, причем принимают его имя или имя старейшины семьи. Этот обычай, который кажется нам странным, у них установился так прочно, что не производит никаких затруднений или путаницы.

На Сандвичевых островах¹ общественные должности были наследственные и переходили, главным образом, через женщин, которые часто держали бразды правления в своих руках. Этот обычай имеет источником великую распущенность, существующую между полами: никакое дитя не имело возможности достоверно обозначить своего отца, между тем как, конечно, никакой ошибки не могло быть сделано по отношению к матери.

На островах Маршалла² (Микронезия) женщина не есть раба, но подруга мужчины и даже имеет право говорить в общественных собраниях.

На Мальдивских островах, по словам Пикара³, женщина не только передает детям свое социальное положение, но, сверх того, пользуется в семействе правами высшими, чем муж.

Положение женщины на Яве и вообще на Индийском архипелаге весьма недурное⁴. Она ест с мужчиною, она не замурована в четырех стенах и вообще пользуется положением равным с ним во всех отношениях, что может даже удивить при таком состоянии общества. Равенство между полами, что довольно замечательно, признается почти повсюду у самых даже воинственных народов. Среди народов Целебеса, почти наиболее войнолюбивых на всем архипелаге, женщина является в публичке без всякого нарушения стыда; она принимает деятельное участие во всех жизненных делах; муж советуется с нею по всем общественным вопросам, и часто она всходит на престол там, где монархия бывает избирательная. Здесь жена ест с мужем, и даже всегда из одного и того же блюда, сообразно обычаю, указывающему на равенство полов; единственная разница в пользу последнего та, что он ест с правой стороны. На публичных празднествах женщины появляются среди мужчин; а женщины, занимающие должностные посты, заседают в советах мужчин, когда обсуждаются государственные дела, пользуясь, как часто говорится, даже большею долею права рассуждать, чем следует. Но не на одном лишь Целебесе женщины достигают верховной власти. Почти нет на островах такой страны, где бы в тот или в другой период времени женщина не сидела на престоле, и всего чаще там, где правительство наиболее буйное. На Яве женщина пользуется также большим уважением как прекрасная ремесленница-художница... На Яве общее изобилие; и так как женщины трудолюбивы, заботливы и развиты, то они могут зарабатывать себе существование неза-

¹ *J. I. Jarves, op. cit., 26—27.*

² *Christman und Oberlaender, Oceanien, 361.*

³ *Ducyrier, Les Touaregs du Nord, Paris, 1864, 393.*

⁴ *I. Crawford, History of the Indian Archipelago, Edinb. 1823, 73.*

висимо от мужчины, тогда как эти последние отличаются бесконечно большим сервиллизмом и податливостью характера, чем большинство других жителей архипелага.

Японские женщины¹ не занимают в семействе такого значительного места, как китайские, являющиеся господами дома, против которых муж не может бороться безнаказанно; однако они ни в каком случае не рабы мужа, как на прочем Востоке, и представляют его помощниц в домашних делах и в воспитании детей. Хотя бы любовь и не соединяла супругов и не приносила в дом счастья, но брак, повидимому, с обеих сторон ценится довольно высоко, чтобы не портить его теми проявлениями грубости и пошлости, которые в наших цивилизованных государствах, к сожалению, случаются слишком часто. Здесь никогда не случается, чтобы муж поступил грубо с женою; даже бранные и насмешливые слова никогда не нарушают форм приличия, которые образование и обычай ввели в закон и которые во внешней жизни соблюдаются так, как этого нельзя найти нигде... Браки в Японии между высшими классами всегда условны; у среднего класса до недавнего времени они были тем же.

«Среди североамериканских краснокожих», говорит Перро², «есть народы, которые вступают в брак на всю жизнь; другие же покидают друг друга, когда им вздумается. Соблюдающие последнее правило суть проказы, волки и некоторые другие. Но отовсюду женятся, чтобы жить с женою всю жизнь, если только какая-нибудь важная причина не заставит мужа отказаться от жены. В противном случае муж подверг бы себя опасности быть ограбленным, потому что та, с которою он обращался бы дурно, чтобы взять другую, стала бы во главе своих родственников и отняла бы все, что у него есть на себе и в хижине; она оборвала бы волосы, исцарапала бы ему лицо и пр., словом, нет такой непристойности и порицания, каких она не имела бы права нанести ему, без всякой возможности с его стороны сопротивляться, если только он не хочет сделаться предметом порицания всей деревни. Если муж не женится на другой, жена, брошенная им, может его ограбить по возвращении с охоты, оставляя ему *только оружие*, которое отнимает лишь тогда, если он абсолютно не желает воротиться к ней. Но если муж в состоянии доказать неверность жены, то он может жениться на другой беспрепятственно. Большею частью, впрочем, в особенности среди молодежи, супруги оставляют друг друга, когда пожелают. Они вступают в брак на одно охотничье путешествие и делят пополам добычу. Муж может условиться с женою относительно того, что он ей даст за время, пока будет иметь желание сохранить ее за собою, под условием оставаться ему верной; она также, по окончании путешествия, может отделаться от него.

¹ Werner, op. cit., II, 75.

² Perrot, op. cit., 22—23.

Но иногда супруги живут долго вместе, особенно, когда имеют детей, которые принадлежат, по обычаям диких, матери и остаются при ней, если отец бросает ее».

«Нет-но-ква», говорит Таннер об одной североамериканской индианке¹, «несмотря на свой женский пол, рассматривалась как главный начальник отоваев. Муж Нет-но-квы был оджибвей с Красной реки, по имени «охотник», моложе Нет-но-квы на 17 лет. Он развелся с первой женою, чтобы вступить с Нет-но-квой в брак; но он имел в семье лишь второстепенное значение: все принадлежало Нет-но-кве, и она была везде и всегда правительницею всех дел... Я не видал никогда ни одного индейца, который пользовался бы властью, подобной власти Нет-но-квы: она всегда делала, что хотела, как с белыми, так и с индейцами. Эта власть, вероятно, в значительной степени зависела от того, что Нет-но-ква всегда придерживалась одной только справедливости».

Цитируя все эти показания путешественников, мы несколько не думаем отрицать рабского и угнетенного положения женщины у многих первобытных народов, широкой распространенности похищения, покупки жен и тягостей возлагаемой на них работы. Однако подобное состояние вещей относится уже к столкновению двух различных общественно-родовых систем, основанных на женской и на мужской филиации. Как только отцовское право начинает одерживать верх над материнским, немедленно возникают те условия, которые влекут к угнетению и к порабощению женщины. У существующих первобытных народов отцовское и материнское право большею частью находится в смешении, причем от материнского права остались местами одни обломки, а потому неудивительно, что и положение женщины у них представляет значительные противоречия. Сверх того, следует заметить, что одной только тяжелой работы, возлагаемой на женщин, еще недостаточно для решения вопроса о степени угнетения женщины. Во многих случаях, при господстве женской филиации, женщина могла братья за работу, как более деятельная половина рода человеческого, и лишь впоследствии, с упадком материнского права, работа могла сделаться источником порабощения женщины. «Наблюдение над существующими народами», говорит Бахофен, «поставило вне всякого сомнения факт, что человеческое общество приведено к земледелию преимущественно трудами рук женщины, между тем как мужчина продолжительно отделялся от него». И действительно, большая часть земледелия североамериканских индейцев и африканских негров, иными словами, племен, у которых всего более сохранилось до сих пор следов материнского права, отправляется трудом женщин. Тяжкая участь африканской и североамериканской женщины, совмещавшаяся с исключи-

¹ *J. Tanner, op. cit., I, 28, 40, 56.*

тельными привилегиями по отношению к праву наследования должностей и имущества в женской линии, неоднократно возбуждала внимание и удивление путешественников. Но тут, повидимому, смешивались в одно целое явления весьма различного значения. С одной стороны, женщина могла брать на себя у этих племен земледельческие занятия как главные общественные работы, наподобие того, как в древнем Египте, согласно свидетельствам Геродота, Софокла и Нимфодора, женщины заведывали начальственными и публичными должностями, появлялись на рынке и т. д., тогда как мужчины сидели за ткацким станком и заботились о домашнем уходе. В том же самом смысле говорит, например, Ливингстон¹ о женщинах племени загга, гордых обитательницах гор, соседних с Калиманджаро, которые отправляют всю торговлю своих деревень, имеют рынки в определенные дни и не позволяют ни одному мужчине ступить ногою на то место, где они продают. С другой стороны, по мере установления отцовского права мужчины начинают посвящать свои силы исключительно охоте, войне и тому подобным внешним занятиям, предоставляя на долю женщины земледелие как домашнее занятие. Отсюда легко мог последовать тот результат, что земледелие, будучи первоначально источником преобладания женщины, становится впоследствии, с укреплением оседлого состояния, источником порабощения и угнетения ее.

Вообще говоря, положение женщины у упомянутых племен далеко не везде так дурно, как привыкли думать в Европе. Так, например, у Банкрофта² мы читаем о чинуках следующее: «Занятия поделены поровну между полами; женщина готовит пищу, доставляемую мужьями, приготавливает корзины и ковры; она почти одинаково с мужчиною ловка в управлении каное, и с нею советуются во всех важных случаях; положение женщины несколько не тяжелое. Напротив, среди племен, живущих охотою или другими способами, в которых женщина принимает лишь малое участие, мы встречаем этот пол большею частью угнетенным и подвергающимся жестокому обращению». — «Несмотря на тяжкую и бесконечную работу», говорит Вайц³, «которая часто взваливается на женщину у американских индейцев, Геквельдер и Гёнтер считают ее жизнь не тяжелее, чем жизнь мужчин, кроме тех случаев, когда она должна заниматься также и полевою работою, и когда мало леса и дичи. Для правильной оценки ее участи достойно внимания замечание Маккензи, что рабство женщины у бобровых индейцев отчасти составляет естественное последствие скудных средств существования и великих усилий, которых требует охота от мужа: жизнь женщины тем труднее, чем скуднее природа, чем чаще нужды и бедствия, и чем грубее вследствие этого делаются

¹ *D. et Ch. Livingstone, Explorations du Zambèse, 1866, 263—264.*

² *Bancroft, op. cit., I, 242.*

³ *Waitz, III, 100.*

люди».—У многих негрских племен Африки собственность жены остается за нею и в ее полном распоряжении; по крайней мере, это достоверно известно относительно Лованго и Золотого Берега. В других случаях жена считается принадлежащею семье своих родных; плата, которую вносит за нее муж, признается как бы залогом, который возвращается ему не только в случае развода, но и в случае смерти жены. Если муж дурно обращается с женою, она может оставить его, даже без уплаты внесенной за нее суммы. При этом она должна только заявить о нанесенной ей обиде старейшине деревни (так это делается у мандингов). У фелуков не требуется даже и этого: у них жена может оставить мужа без всяких объяснений; впрочем, и муж может так же просто прогнать ее. Сохраняя более или менее свои права, негритянки, хотя часто и обремененные тяжелыми работами, пользуются большею свободою и уважением, чем жены сравнительно цивилизованных мавров. В Дарфуре положение женщин гораздо лучше, чем в Египте. Путешественники указывают, что в Фернандо По обращение с ними отличается кротостью и почтительностью. У мандингов женщины даже принимают участие в делах правления и составляют особое собрание, к которому в затруднительных случаях обращаются за советом.

* * *

После исследований Бахофена, Леббока, Моргана смещение семьи с родом, братством и племенем становится просто-напросто невозможным. Самый вопрос о взаимном отношении всех этих форм общественных союзов до такой степени исчерпан по существу в сочинениях последних двух ученых, что не нуждается в новом пересмотре. Вся задача, открывающаяся в этом направлении для дальнейших исследований, заключается, по нашему мнению, с одной стороны, в увеличении количества материала, могущего служить подтверждением и дополнением общинно-родовой теории, а с другой,—в разъяснении экономической основы различных родовых союзов, на которую, при всей ее глубокой важности, означенными исследователями не было обращено достаточного внимания. В конце концов, общинно-родовая организация имеет свой экономический *raison d'être*; даже более, она прежде всего экономическая, а потом уже родовая организация¹. Без обособления труда и потребления отдельных

¹ В пользу преобладания в общинно-родовой организации экономического элемента над родовым свидетельствуют, между прочим, следующие данные. На основании § 528 сербского гражданского кодекса принятие в общину чужеземца исключает по отношению к наследству даже родство по крови вне общины, если оно происходило с ведома и по единогласному решению общины. То же самое правило соблюдается в русской семье-общине (см. *Тютрюмов*, Крестьянское наследственное право, «Слово», февр. 1881), где иногда родные сыновья, не работавшие в доме отца, устраняются вовсе от наследства, между тем как другие личности, совершенно

групп населения, связанных для этой цели известными коллективными работами, никакая родовая система была бы невозможна. Роды выделяются из группы родственников именно с тою целью, чтобы устроить свою отдельную общинно-родовую организацию. Родство поддерживается фактически лишь до тех пор, пока поддерживаются между членами рода коллективные занятия и коллективное потребление. В противном случае родичи расходятся в разные стороны, забывают родной язык и нравы и образуют новые роды или сливаются с чужими родами. Все наше предыдущее изложение, в котором мы всюду отдавали предпочтение экономическому элементу перед родовым, должно вести к тому общему заключению, что не род создает общину, а община род. Нам остается придать этому заключению более конкретную формулировку и с этой целью подвергнуть краткому рассмотрению наиболее общие начала общинно-родовой системы, как она изложена у новейших исследователей.

Родовая организация общества¹ была найдена среди австралийцев и африканских негров; следы той же системы были усмотрены и у других африканских племен. Она господствовала у североамериканских индейцев—охотничьих, рыболовных и земледельческих. Подобным же образом она существовала с полною жизненностью среди греческих и латинских племен, следы же ее сохранились в различных остальных отраслях арийского племени. Та же организация или следы ее существования были найдены у рас туранской, уральской и монгольской, в ветвях тунгусской и китайской и у семитической расы среди евреев. Факты достаточно многочисленные и повелительные были собраны для того, чтобы засвидетельствовать ее древнюю универсальность в человеческой семье и всеобщее преобладание на разных ступенях развития. Исследование накопило достаточную массу фактов, чтобы показать, что это замечательное учреждение было источником и основанием древнего общества. Это был первый органический принцип, который устроил общество по определенному плану и поддерживал его в органическом единстве до тех пор, пока оно достаточно подготовилось к переходу в политическое общество. Его древность, универсальность и упорная жизненность достаточно засвидетельствованы прочным существованием на всех континентах до настоящего времени. Удивительная приспособленность родовой организации к потребностям человечества в различные периоды и при

посторонние, конечно в смысле кровного родства, делаются равноправными участниками в этом наследстве, и вообще размер участия в наследовании находится в зависимости от количества и качества труда, потраченного на общесемейную пользу. «См. также статью *Ефименко* «Трудовое начало в обычном праве» («Слово», 1878, январь), где собрано много примеров того же рода. Повсюду в подобных случаях трудовой, экономический элемент повелительно выказывает свое первенство и господство над родовым элементом общины.

¹ *Morgan, Ancient Society, passim.*

различных условиях достаточно доказывается ее преобладанием и прочностью.

Группы кровных родственников, соединенные для взаимной защиты и совместной жизни, без сомнения, существовали с самого детства человеческого общества. Но род есть союз, совершенно отличный от родства; он берет одну часть и исключает остальное; он организовал эту часть союзного родства под общим именем и с общими правами и привилегиями. Вступление в брак в пределах рода было запрещено для обеспечения выгод брака с неродственными лицами. Это был жизненный принцип организма, хотя и установившийся с большим трудом. Вместо естественной и очевидной концепции союза родственников, род был концепцией в сущности очень темною и в качестве таковой являлся продуктом высшей интеллигенции для того времени, когда возник. Прошли продолжительные периоды времени, пока идея развилась в жизни и привела ее в зрелое состояние.

В течение большей части периода дикости и всего периода варварства род человеческий был вообще организован в роды, братства и племена. Эти организации преобладали во всем древнем мире, по всем материкам, и были орудиями, посредством которых древнее общество организовалось и держалось вместе. Их строение и отношения между членами органических серий—права, привилегии и обязанности членов рода и членов братства и племени—освещают рост идеи о правительстве в человеческом уме. Главнейшие учреждения человеческого рода возникли в диком состоянии, развились в период варварства и достигли зрелости в период цивилизации. Подобным же образом и семейство прошло через последовательные формы и создало великие системы кровного родства и свойства, которые уцелели до настоящего времени. Эти системы, которые накладывают отношения, существовавшие в семье в период последовательного образования каждой системы, служат поучительным отчетом об опыте человечества, приобретенном в то время, когда семейство прогрессировало от кровно-родственной семьи через посредующие формы к семье моногамической. Идея собственности подчинялась подобному же росту и развитию. Начиная с нуля в диком состоянии, страсть обладания собственностью, как представительницей накопленных средств существования, сделалась в настоящее время господствующею над человеческим умом среди цивилизованных рас.

Род архаического периода состоял из предполагаемого женского предка и его детей вместе с детьми его дочерей и его женских потомков по женской линии и т. д.; дети его сыновей и его мужских потомков по мужской линии были исключены. С другой стороны, при наследовании в мужской линии, род состоял из мужчины-предка и его детей, вместе с детьми его сыновей и его мужских потомков по мужской линии и т. д.; дети его дочерей и его женских потомков по женской линии

были исключены. Иными словами, исключенные из рода в первом случае становятся членами рода во втором и *vice versa*.

Геродот нашел женскую линию у ликийцев. Кремер указал ее у атрусков, Курциус—у критян. В сочинении, основанном на обширном исследовании, Бахофен собрал и подверг обсуждению доказательства преобладания материнского права и материнского правления среди ликийцев, критян, афинян, лемносцев, египтян, локриан, лесбийцев, мантинейцев и среди восточно-азиатских наций. Из всех известий, говорит Бахофен¹, которые свидетельствуют о существовании и о внутренней природе материнского права, относящиеся к ликийскому народу, суть самые ясные и ценные. Ликийцы, сообщает Геродот, называли своих детей не так, как эллины—по отцу, а исключительно по матери, выставляли во всех генеалогических данных исключительно ряд женских предков и судили о состоянии детей единственно по состоянию матери. Николай Дамаскин дополняет это показание, указывая на исключительные права наследства дочерей, которое он сводит к обычному праву ликийцев, к неписанному, по определению Сократа, самим богом данному закону. Хотя Геродот не видит в этих обычаях ничего больше, кроме странного уклонения от эллинских прав, но наблюдение их внутренней связи должно привести, наоборот, к более глубокому представлению о них. Не беспорядок, а организация, не произвол, а система выступают при этом перед нами; и так как влияние всякого положительного законодательства должно быть в данном случае положительно отвергнуто, то допущение бессмысленной аномалии теряет всякую тень оправдания. Наряду с эллино-римским отцовским принципом стояло семейное право, совершенно противоположное по своим основаниям и развитию, и чрез сравнение их обеих особенности каждого освещаются еще более ярким светом. Этот способ воззрения получает подтверждение, благодаря открытию родственных взглядов у других народов. Согласно свидетельству Диодора, исключительному праву наследования дочерей по обычаям ликийцев соответствует в Египте столь же исключительная обязанность дочерей прокармливать престарелых родителей. У кантабров, по Страбону, сестры должны были ставить на ноги и снабжать приданым братьев. От локриан мы переходим к делегерам, а к ним примыкают карийцы, актолийцы, пелазги, кауконы, аркадийцы, эпирцы, минийцы, телебойцы; у всех них выступает материнское право и покоющийся на нем склад жизни при известном разнообразии отдельных черт.

Рассмотренное положение древнего общества для своего полного объяснения требует существования рода в его архаической форме, как источника материнского права. Это привело бы мать и ее детей в один и тот же род, послужило бы к устройству

¹ *Bachofen, Das Mutterrecht, V, VIII, XI, XIX и сл.*

общинного хозяйства на основе рода и придало бы роду матери преобладание в хозяйстве. Семейство продолжало бы быть окруженным остатками брачной системы, принадлежавшей к более ранним условиям семьи. Подобное семейство, состоящее из брачных пар с их детьми, естественно находило бы себе кров с родственными семействами в общинном хозяйстве, в котором различные матери и их дети были бы одного и того же рода, а предполагаемые отцы этих детей другого рода. Общие земли и обработка соединенными силами повели бы к соединенному пользованию домами и к коммунизму в жизни, так что гинекократия требует для своего образования наследования в женской линии. Женщины, сосредоточенные таким образом в обширных хозяйствах, снабжаемые из общих запасов, хозяйствах, в которых их собственный род так широко преобладает в числе, выработали бы господство материнского права и гинекократии, которые открыл и проследил Бахофен при помощи отрывков истории и традиции. «Из творящего материнства,—говорит этот последний (XI),—происходит всеобщее братство всех людей, сознание и признание которого погибает с развитием отечества. Семейство, основанное на отцовском праве, обособляется в индивидуальный организм; основанное же на материнском праве, напротив, носит тот типически общий характер, с которого начинается всякое развитие и который отличает материальную жизнь от высшей духовной (?). Смертный образ матери—земли Деметры,—лоно каждой женщины, дарит рождение новым братьям и сестрам, и это продолжается до тех пор, пока с развитием общества не разрешается единство массы и безразличное не подчиняется началу расчленения. В обществах с материнским правом эта сторона материнского принципа нашла себе много-различное выражение, даже юридически формулированное признание. На ней покоится тот принцип всеобщей свободы и равенства, который мы находим повсюду как основную нить в жизни гинекократических народов; на ней основывалось решительное отвращение к узким границам всякого рода; на ней же покоилось обширное значение известных понятий, которые, подобно римскому *parricidium*, лишь впоследствии заменили свой натурально-общий смысл ограниченно индивидуальным. Сильное чувство привязанности к родным, доброе согласие между гражданами, общие празднества и пр. характеризуют собою гинекократию. В строгом соответствии с указанными явлениями находится самая система родства, в которой не проводится никакого различия между боковыми родственниками, как в современной европейской системе, и родственниками в восходящей и в нисходящей линиях: сестры и братья матерей называются матерями и отцами и т. д.; члены одного поколения именуется братьями и сестрами, и, таким образом, смешиваются виды родства, которые различаются в новейшей системе, и расширяется смысл первоначальных выражений за пределы их

кажущегося или действительного значения. Каждый род носит особенное название; одноименные роды не вступают между собою в брачные союзы, рассматривая себя как братья и действительно будучи родственниками по крови. Род представляет большое семейство с общими религиозными обрядами, общим местом погребения и большей частью общими землями. Браки в человеческой семье начались группами, мужчины и женщины которых, за исключением детей, были общими мужьями и женами, но мужья и жены были различных родов; они окончились браками между отдельными парами с исключительным сожительством».

Самый процесс постепенного и медленного исторического преобразования обычного брака в индивидуальный и те социально-экономические последствия, какими он сопровождался, служили в последнее десятилетие предметом довольно многочисленных исследований, в которых главная роль принадлежит Леббоку и Мэргану. В настоящем случае мы находим нужным остановиться на одной новой монографии о первоначальных браках, принадлежащей перу голландского исследователя Вилькена¹. Эта замечательная работа представляет не только ясный очерк важнейших из предыдущих учений об упомянутом процессе, но и сама дает ряд новых истин в его разъяснение, заслуживающих, по нашему мнению, внимания читателей.

Существование обычного брака, говорит названный автор, может быть констатировано во всех частях света и во все времена у наименее развитых народов. Но этого еще недостаточно самого по себе, чтобы оправдать предположение, что всякое общество может считать эту форму брака за действительный пункт отправления своего развития, что гетеризм повсюду был первоначальным состоянием и что индивидуальный брак произошел из него. К такому предположению ведет еще нечто иное. То, что развилось, должно также и нести за собою следы своего развития; высшее, происшедшее таким образом из низшего, должно обнаруживать на себе влияние последнего. Такова одна из основ, на которую опирается биологическое учение эволюции; таков же базис и социологии. Если индивидуальный брак не есть первобытное учреждение, не есть нечто такое, что, если можно так выразиться, было совершенно ясно и отчетливо сознаваемо человеком с самого начала, но произошел из гетеризма, то он должен заключать в себе также и переживание гетеризма. Так оно и есть в действительности. Повсюду встречаются в связи с браком идеи и обычаи, которые совершенно чужды сущности и характеру этого учреждения и не могут быть разъяснены иначе, как при допущении, что они суть переживания от времен, когда свободная любовь была единствен-

¹ D. A. Wilken, «Over de primitieve vormen van het huwelijk en den oorsprong van het gezin». De Indische Gids, 1880, october en december.

ною формой половых сношений. Таким же образом и все учреждение общества и семейства у многих народов носит на себе печать того, что развитие общественной жизни должно было идти рука об руку с происхождением индивидуального брака из общинного.

Первый вопрос в порядке исследования состоит в том, каким образом мог развиваться на почве общинного брака брак индивидуальный? На этот счет существуют различные теории, но наиболее доступная и признанию есть та, которая предложена Леббоком в его «Началах цивилизации». По мнению этого писателя, индивидуальный брак возник благодаря похищению женщины из чужих родов. Предварительно все женщины племени были общими: мужчина таким образом не был в состоянии держать женщину для себя одного, независимо от рода; ни с одной из них он не мог заключить индивидуального брака, ибо, поступая так, он вторгался бы в права других. Но при жене, похищенной из другого рода, этого не происходило; на подобную женщину его род не имел никакого права, и тот, кто ее похитил, мог удерживать ее для себя самого. То же значение имел обычай обращать в свои подруги военнопленных женщин, причем раз возник этот обычай, он должен был быстро распространяться. Различные выгоды и удобства для мужа, связанные с обладанием отдельною женою, естественные желания самой женщины и не в меньшей степени сила и здоровье детей, рожденных и выхлещенных в браке, вот сколько, по мнению Леббока, было причин, которые должны были в конце концов совершенно уничтожить гетеризм. К этому можно еще прибавить важное значение естественного подбора, который наследственно развивал качества характера, неблагоприятные для гетеризма, и давал наиболее шансов победы племенам с индивидуальным браком над племенами, сохранившими гетерию.

Происхождению индивидуального брака от экзогамии, или от брака вне рода, старались давать различные объяснения. Мак-Леннан, например, желает видеть его происхождение в обычае детоубийства, тяготевшего на девочках, благодаря чему женщины в роде стали редки, так что сделалось необходимо идти похищать их у других. Но Мак-Леннан забывает, с одной стороны, тот статистический закон, в силу которого, хотя мальчиков рождается всюду больше, нежели девочек, но, вследствие их большей смертности в детском возрасте, цифра мужчин оказывается везде меньше цифры женщин, а с другой стороны, то обстоятельство, что число мужчин еще уменьшается под влиянием тех опасностей, которым они подвергаются исключительно. Если, поэтому, убивается много девочек, то это только восстанавливает равновесие. Сверх того, можно заметить, что хотя убийство девочек может действительно повести к недостатку женщин в племени, а таким образом и к экзогамии, но, что то же убийство причиняет подобный же недостаток

и в других родах, отчего экзогамия становится невозможной, или крайне затрудняется.

Существует еще один взгляд, которым хотели объяснить происхождение экзогамии. Морган в своем труде «Systems of consanguinity» предполагает, что убеждение в невыгодном действии брака между ближайшими родственниками должно было повести к запрещению браков в одном роде. Но является вопрос, каким образом возникло подобное убеждение? На наблюдении оно не может быть основано ни в каком случае, потому что, насколько говорят об этом факты, они иногда оправдывают совершенно противоположное заключение: народы, которые ввели у себя экзогамию, во времена допускают брачные союзы между лицами, которые стоят друг к другу очень близко по крови, как, например, между различными единокровными и единоутробными братьями и сестрами с отцовской и материнской стороны, только потому, что эти лица принадлежат к различным родам.

Теория Леббока дает, конечно, более удовлетворительное разрешение вопроса об этом учреждении. Отдельные лица брали себе жену из чужого рода, так как общение женщин рода не позволяло, чтобы хоть одна из этих последних вступила в индивидуальный брак. Понятно также, что когда, в силу навыка, установились браки вне рода, то и по миновании условий, вызвавших это учреждение, мало-помалу образовалось убеждение, направленное против брака в самом роде. Очевидно, что запрещенные браки между близкими родственниками, насколько оно встречается в настоящее время во всех частях земного шара, должно быть рассматриваемо просто, как переживание экзогамии. Сознание физиологического вреда браков между близкими родственниками было чуждо первобытному человеку, а нравственное отвращение к бракам такого рода могло явиться только в результате продолжительного опыта экзогамии. Что отвращение это имело свою продолжительную историю, доказывают многочисленные факты о браках самых близких родственников у древних и у первобытных народов, а также и у их божеств.

Есть и еще один обычай, который до сих пор составлял для этнологов загадку и находит свое объяснение в теории Леббока. Такого широко и повсюду среди диких и образованных народов распространенное учреждение—давать место браку через похищение, все равно, представляется ли похищение лишь притворным, второстепенною формою брачной церемонии, или же имеет место *de facto* и составляет законное средство, при помощи которого может быть заключен брак даже против желания девушки, или ее родителей, или той и других вместе. Относительно происхождения обряда похищения во время свадьбы нет недостатка в предположениях. Иные полагают, что обряд похищения есть только средство, которым пользуются сами женщины

из сильного чувства конфузливости и стыда, порожденного правдивностью, чтобы придать себе вид, что не собственный выбор, а только сила и насилие принуждают их выходить замуж. Но против этого объяснения говорит очень многое. Во-первых, немислима подобная стыдливость при той ничтожной половой нравственности, которою обладают многие первобытные народы. Во-вторых, открытое желание женщины к вступлению в брак, который всюду рассматривается, как единственное назначение женщины, совершенно исключает понятие об этой стыдливости. По мнению Мак-Леннана, к похищению обращались «из уважения к незапамятному обычаю. Было неслыханно с отдаленнейших времен, чтобы женщина становилась мужнею женою, не будучи похищена силою или украдена. Поистине, чего-то, казалось, недоставало, если бы брак не носил следа похищения». Леббок дает этому обычаю более сложное объяснение. Похищение и одно только похищение могло первоначально давать индивидууму право держать для одного себя жену с исключением своих соплеменников. Похищение было, таким образом, просто символом законного обладания. Сверх того, похищение не относилось несколько к тем, у кого была взята женщина, а было единственно предназначено для «поставления преграды правам рода, в который она вводилась». Последнее образует центр тяжести доказательства Леббока. Вилькен находит и это объяснение слабым. Разумеется, говорит он, тот факт, что жена была из чужого рода, был совершенно достаточен для того, чтобы сделать ее исключительным предметом обладания ее мужа. Она, само собою разумеется, не попадала в общение жен рода, куда ее приводили и, следовательно, не нуждалась в том, чтобы быть исключаемой из него: муж не нуждался ни в каком особом символе, чтобы проявить по отношению к соплеменникам свои исключительные права на жену. Притворное похищение, поэтому, никогда не должно рассматриваться, как употребляемое для этой цели. Сверх того, утверждение Леббока, что похищение, как символ, первоначально не имело никакого отношения к тем, у кого была взята женщина, должно быть, как еще менее верное, отвергнуто. Обыкновенно при этом родственники жены разыгрывают такую важную роль, что вообще получается представление, будто вся комедия происходит только ради них. Вместо того, чтобы упускать из виду эту особенность притворного похищения, ее следует, напротив, иметь в виду на первом плане, раз вопрос идет о происхождении сказанного обычая.

Если принять исходною точкою теорию Леббока, что насильственное похищение женщины из чужого рода было первоначально единственным способом совершения брака, то следует допустить, что для рода жены, для ее родственников в особенности, *похищение естественно представляло обиду*, и не столько вследствие того, что ей было нанесено насилие, сколько потому, что жена была отрываемая от ее предков, родителей и рода.

С точки зрения первобытного человека подобное похищение не могло иметь другого значения, кроме значения, подобного убийству, совершенному над одним из членов племени, следовательно, являлось величайшим позором, какой только можно было нанести племени и какой мог быть отомщен только мечом. И действительно, первоначальные похищения⁴ женщин для брака наверно должны были вести за собою постоянные войны между различными родами. Но само собою разумеется, что после того как похищения женщин стали чаще, войны по поводу их должны были сделаться реже. Браться за оружие из-за каждой женщины, которую похищал кто-либо из чужого рода, перестало быть делом, подходящим для целого рода. Похищение, умыкание из племени однако продолжало все еще считаться в общественном мнении *обидою*, и если сам род не мог уже выступать в качестве мстителя, то законы требовали, чтобы родители и родственники похищенной не оставляли ее *неотомщенной*, чтобы они требовали от похитителя или от его рода удовлетворения за нанесенный таким образом позор. Оставлять неисполненной эту обязанность, вынуждаемую общественным мнением, предписываемую мужской храбростью и мужской честью, обличало бы величайшую трусость. И это должно было длиться до тех пор, пока постепенно не установились более дружеские отношения между племенами, пока похищение женщин не получило молчаливого признания и не стало законою формой брака. Это не могло не повести немедленно к требованию удовлетворения, так как и подобное, состоявшееся уже, соглашение исключало свободный выбор. В похищении женщины продолжали еще видеть обиду, за которую похититель должен подлежать *уплате пени*. При подобном воззрении, без сомнения, не могло быть того, чтобы родители, когда брак был даже желателен для них, добровольно и открыто отступились от своей дочери, допускали беспрепятственно и у всех на глазах совершить похищение ее. С виду они наверно должны были быть против этого. Своим соплеменникам они должны были показать, что дочь их обращена во власть мужа не добровольной уступкой, а насилем или хитростью; вообще они должны были стремиться произвести такое впечатление, что совершившийся брак, вместо того чтобы произойти с их желанием и согласия, был, наоборот, в их глазах не больше, не меньше как обидою. Таким образом возникли притворное похищение и кажущееся сопротивление со стороны родственников жены; отсюда же произошел и обычай родственников выставлять себя рассерженными и опозоренными, а свадьбу, как обиду, нанесенную им словом и делом. Раз возникли, оба эти обычая сохранились у многих народов благодаря переживанию. Отношения зятя к тестю и теще, особенно же к теще, имели по необходимости не слишком дружеский характер, потому что в то время, когда совершался такой брак, жена имела больше значения, нежели муж, была хозяй-

кой дома, а также и хозяйкою того лица, которое должно было наиболее ее обидеть.

До сих пор шла речь только о поведении родственников жены при вступлении ее в брак. Как именно ведет себя при этом жена, это легко понять. Если брак рассматривался, как обидя, или родители невесты принимали на себя вид, что отпускают ее неохотно, если они должны были оказывать сопротивление и проявлять свою обиженность, то прежде всего должна была делать это сама невеста. Для нее предложение вступить в брак, даже в том случае, если оно вполне согласовалось с ее желанием и шло от личности, избранной ею самою, ни в каком случае не должно было представлять радостного события; жених должен быть для нее предметом ненависти, а не любви. То и другое должна она показать другим лицам языком и знаками. Таким образом, должны были возникнуть все те курьезные обычаи, когда невеста перед вступлением в брак плачет и кричит, рвет на себе волосы и убегает в дверь, когда невеста, как у калмыков, не дает догнать себя, когда она и по заключении брака возвращается на время домой и пр.

Есть еще одно учреждение, которое будучи освещено тем же светом, является совершенно ясным. Речь идет об учреждении *купли* невесты, столь широко распространенной у древних и новых мало развитых народов. Всего более при рассмотрении этого явления заслуживает внимания то, что у многих народов, у которых оно происходит, брак действительно является не более как куплей, самый брачный дар — не чем иным, как покупной ценой за жену. На этом основании нет мнения более распространенного, как то, что это учреждение с самого начала было куплею. В Леббоке, Песте, Мак-Леннани оно опять нашло своих новых представителей. Но как это объяснение ни кажется натуральным и простым, автор ни в каком случае не в состоянии с ним согласиться. Если принять, что брак с платою был с самого начала куплей, то отсюда следует само собой, что это учреждение могло возникнуть лишь тогда, когда *отцовская власть*, которая распоряжалась детьми неограниченно, уже существовала, а дети представляли не что иное, как часть прочного имущества, т. е. телом и душою были подчинены власти родителей. Если плата за невесту действительно была первоначально покупной ценой, то она могла встречаться лишь одновременно с существованием *patria potestas*. Эти два учреждения должны были, таким образом, всегда являться совместно: где существовало первое, там необходимо должно было существовать и второе.

Однако нет ничего столь неверного как это мнение. Существуют достоверные случаи, когда плата за невесту стоит наряду с таким учреждением, как *patria potestas*; но против этих случаев могут быть выставлены другие, в которых этого не было. Брачный дар устанавливают обыкновенно нецивилизованные и полудицилизованные народы, и в высшей степени неосновательно

отыскивать у таких именно народов *mundium* древних германцев и *patria potestas* римского права. Как ни странно это может показаться, но деспотизм отца в семействе не только не свойствен самым низшим формам общественного развития, но представляет именно критерий высшего мировоззрения. С точки зрения новейшей социологии это может быть легко объяснено. Не *патриархальное*, а *матриархальное* учреждение семейства было *наиболее первобытное*, и дикари, стоявшие всего ниже на лестнице развития, удалялись от первобытного состояния менее, нежели более образованные расы. Существует ряд фактов, — мы привели несколько из них выше, — доказывающих, что у детей первобытных народов напрасно было бы искать послушания и подчинения отцовской власти. Родители почти не имеют права наказывать своих детей; а приказывать им могут только до наступления их половой зрелости. Это одинаково относится как к мальчикам, так и к девочкам. В деле брака девушки пользуются по временам такою свободою действий, какую не обладают молодые дамы и у нас самих. Так у абипонов невеста может убежать и спрятаться от жениха и, таким образом, ускользнуть от брака, даже если бы родители заявили уже свое согласие на заключение его. Кафры иногда сильно бьют своих дочерей, если те не хотят признать назначенного жениха, и есть примеры неприятных, хотя и богатых людей, которые не могли добиться получения женщины. У пуэблосов Северной Америки девушки не только не могут быть вынуждены к браку, но часто они не ждут предложения руки, а сами избирают себе мужа и дают о том знать родителям, которые тогда ищут осчастливленную особу и знакомят ее с желанием дочери. Одно только отсутствие *отцовского деспотизма* могло создать подобные обычаи, которые служат для женщины законным средством отделаться от немилостивого брака.

Теория происхождения платы за невесту из купли, как было уже замечено выше, предполагает существование развитой *patria potestas*. Только при подобном учреждении могут возникнуть и получить сочувствие в общественном мнении, с одной стороны, требование цены за дочь, а с другой — уплата таковой. На этом основании там, где не встречается учреждения платы за невесту, не может быть терпима и *patria potestas*. В том случае, когда последней нет, плата за невесту не может иметь источником происхождения куплю (потому, что для купли нужен продавец, а таков только патриарх — отец). Мы видели, что у большей части первобытных народов существует, как правило, плата за невесту, причем однако отсутствует учреждение, напоминающее *patria potestas*. Но столь распространенное учреждение, как плата за невесту, не могло возникнуть различным образом. Если, поэтому, оно в своем происхождении у некоторых народов не было вовсе куплею, когда появляется не наряду с *patria potestas*, то еще менее было оно куплею,

когда находится рядом с отцовскою властью. Плата за невесту должна таким образом всегда происходить из чего-нибудь *другого*, а не из понятия *купли*. У некоторых народов она позже, под влиянием некоторых определенных условий, наряду с развитием *patria potestas*, преобразовалась в куплю; у других же, где недоставало благоприятных для преобразования условий, она более сохранила свой первоначальный характер.

Откуда же получила свое происхождение плата за невесту? При обсуждении обычая притворного похищения читатель видел, что первоначально с браком было соединено понятие *обиды*. Это был насильственный увоз женщины из племени, — способ, которым только и мог происходить брак в первое время, и который дал возникновение самому понятию брака. Увоз невесты был позором, нанесенным племени, который мог быть смыт только мечом, только кровью похитителя. Но если право мести первоначально было неопределенно и неограниченно, то когда впоследствии брак приобрел себе прочное положение, личный интерес привел к тому, чтобы отвести этому праву определенные границы. В те времена похищение вообще было событием, которое могло выпасть на долю каждого, и потому каждый должен был опасаться мести от другого. Причины, которые побуждали племена, некогда введшие в обычай похищение для брака, ограничить и смягчить право мести, состояли в том, что они должны были сами действовать так, как желали, чтобы действовали с ними другие. Если в первое время не обходились без кровной мести за позор похищения девицы, то впоследствии с смягчением чувства обиды постепенно стали отказываться от мести и представлять обидчику заглаживать свою вину исключительно уплатою *пени*. Таким образом, простое применение золотого правила «все, чего вы желаете от людей, делайте для них сами», привело право мести за похищение к купле за деньги или вещи, иными словами, к материальному возмещению. Но что было сначала актом чисто произвольным, стало постепенно правилом, было повсюду принято, как нравственный обычай в междуродовых отношениях. Только при установлении такого обычая похищение вошло в ту фазу, в которой оно стало представлять законную форму брака между различными родами. Что замена права мести денежною или цною пенею была в данном случае совершенно естественна и должна была повсюду распространиться, это видно из примеров истории уголовного права первобытных народов. Разве *wehrgeld* старогерманского права, или *бангун* у малайцев Падаंगा, или *гарганшава* у дайаков не представляют собою возмещения, выкупа первобытного права мести, по которому покуситель на чью-нибудь жизнь должен быть убит кем-либо из потомства обиженного? Отправляясь от предыдущего, нетрудно понять, каким образом обычай выкупа мести за обиду похищением должен был получить широкое распространение. Несомненно, что те племена, у кото-

рых этот обычай был уже установлен, должны были иметь громадное преимущество над теми, которые еще во всей строгости придерживались старого права мести. Конечно, у этих последних брак был, вместо источника увеличения населения, наоборот, прямым поводом к уменьшению его. Ясно, что первые племена должны были вытеснить вторые и что, таким образом, этот обычай, отчасти благодаря действию естественного подбора, должен был быстро распространиться по всему свету.

Теперь читателю должно быть ясно, в чем заключается источник происхождения платы за невесту. Несомненно следует признать, что эта плата есть не что иное, как переживание вышеупомянутой пени. Однако тут возникает одно затруднение. Пена должна была существовать лишь до тех пор, пока еще практиковалась сама месть. Но применение мести прекратилось, когда похищение перестало производиться в действительности; поэтому убеждение и переговоры сделались способом, при помощи которого получалась женщина от родителей. Какие же причины могли еще существовать для этих последних, чтобы продолжать настаивать на необходимости пени? Читатель должен найти ответ на этот вопрос в том, что говорилось выше о возникновении обычая похищения. Перед глазами других лиц родители должны были теперь принимать на себя вид, как будто они отдавали свою дочь в замужество против воли и были принуждены к тому насильем и хитростью; если они считали нужным показывать себя обиженными и опозоренными, то они тем более должны были придавать себе вид жаждущих мести и могущих удовлетвориться только пенею, умиловительною жертвою. Если таким образом притворное похищение считалось родителями необходимым условием для жениха при свадьбе, то и уплата известной цены в виде пени была также необходима. Таким образом, уплата цены сохранилась через переживание, и притом постепенно утрачивая свое первоначальное значение пени.

Следует еще показать, что там, где похищение существует до сих пор *de facto*, плата за невесту вполне носит характер *выкупа мести*; оба эти действия даже совершенно тождественны. У балинцев обиженные родственники имеют право преследовать и убить похитителя; но это право прекращается, коль скоро похититель приносит должную пению. У макассаров существует также особая плата за похищение, которой однако похититель может избежать, заплатив за невесту. Необходимо также взять во внимание, что там, где притворное похищение сохранилось в более чистом виде, плата за невесту сохраняет еще характер пени, или, по меньшей мере, следы того, что она некогда была пенею. Один пример этого встречается у жителей Лампонских округов Суматры. Тут можно видеть, что после похищения семейство девушки обнаруживает как бы попытку к мести, которая кончается переговорами о плате за невесту. То же самое

бывает у сумбанцев, у которых родственники являются после похищения вооруженными, как если бы они имели намерение наказать обидчика за его действие, но, удовлетворенные платою за невесту, быстро удаляются. Во многих других случаях можно встретить открытое обсуждение вопроса о брачном даре после похищения, очевидно составляющее непосредственное последствие похищения, подобно тому, как это было у древних пруссов и на Новой Гвинее (Post, 56 и 62); это также указывает, что уплата цены при заключении брака и здесь является в виде пени.

Из предыдущего видно, как мало примитивного заключается в основе того понятия о плате за невесту, что женщина за эту плату получается, *покупается*. В качестве пени, уплата известной цены первоначально была вовсе не условием, а просто последствием брака. Она имела слишком мало применения в первобытном обществе, чтобы отсюда можно было выводить право на вступление в брак, т. е. на похищение, как и при внесении *wehrgeld*—право кого-нибудь убить. Лишь тогда, когда уплата цены перестанет иметь значение пени, может получить место действительный договор, при помощи которого жених приобретает от родителей жену; но при этом еще остается вид пени, сначала бессознательно, а потом, когда о нем утратится воспоминание, то и сознательно. Однако отсюда еще очень далеко до купли-продажи жены. Подобное понятие само должно было, разумеется, образоваться лишь постепенно, лишь после того, как развилась *patria potestas*, причем дети стали составлять не более, как часть отцовского имущества и были душою и телом подчинены власти отца.

Такова новая теория похищения, как источника происхождения брачного союза и платы за невесту, принадлежащая перу Вилькена. Мы привели здесь краткое изложение из этой теории не с той целью, чтобы занять внимание читателя интересною гипотезой, а потому, что признаем учение автора вполне научным и основательным обобщением важных явлений. Недостаток места не позволил нам воспользоваться многочисленными фактическими данными, которыми автор с большою точностью подтверждает каждый шаг своей аргументации, причем, в особенности, важны те примеры, которые относятся к Индийскому архипелагу, как по своей новизне, так и по оригинальности.

Справедливость теории автора относительно платы за невесту, или пени за прекращение мести, повидимому, не подлежит сомнению. Нам всегда казалось, что продажа и покупка женщин расходятся с некоторыми учреждениями, которые мы встречаем у многих первобытных народов, каково, например, учреждение матриархата с преобладанием женщины в хозяйстве, широкий общинный быт и часто даже полное отсутствие идеи меновой ценности при первоначальных сношениях с европейцами. Естественно, поэтому, возникает тот вопрос, каким образом дикари могли продавать женщину, которая являлась представитель-

ницею своего рода, имея весьма смутное понятие о продаже и покупке продуктов своего собственного производства? Откуда могла у них явиться идея о том, что женщина есть не более, как предмет частной собственности, когда они имели весьма ограниченное понятие об этом учреждении даже относительно действительных вещей? Ясное дело, что подобные идеи могли у них образоваться не раньше, как тогда, когда усложнение общественной организации привело к укреплению отцовской власти. Происхождение платы за невесту из пени или жертвы за прекращение мести дает разрешение всем этим недоразумениям и освещает целый ряд обычаев, значение которых до сих пор оставалось загадкой. Бесспорно, что мысль о вознаграждении за прекращение мести должна была возникнуть гораздо раньше, чем понятие о купле-продаже жены. Кровная месть представляет одно из явлений, без которых не обходилось ни одно первобытное общество на самых ранних ступенях своего развития. Что похищение девушки рассматривалось, как оскорбление, требующее отмщения, это также совершенно ясно. А отсюда вытекает объяснение многих из тех формальностей и церемоний, которыми сопровождается заключение брака у первобытных народов, и которые никогда еще не были разъяснены в их взаимной связи. Теория, признававшая в приобретении невесты одну только куплю-продажу, должна была, по необходимости, игнорировать значение всех этих церемоний и формальностей. Так, например, если брак представляет только куплю, то откуда происходит гнев родственников жены? Гнев этих последних указывает несомненно на обиду, а обида требует возмещения, которое с течением времени принимает характер пени. Если, далее, договор был добровольный, то откуда недовольство невесты? Из какого источника вытекает подчиненное и служебное положение мужа у многих народов, у которых муж идет в род жены, если он купил эту жену и обратил ее в собственность?

В частности, нам кажется, что изложенная теория происхождения платы за невесту вносит окончательное решение в тот спор, который существовал несколько лет тому назад в русской литературе юридических обычаев. Так, П. С. Ефименко¹ полемизирует с профессором Кавелиным, который считает приданое и плату явлениями несовместимыми, исключаящими одно другое. Кавелин говорит, что «трудно себе представить, каким образом родственники невесты, с одной стороны, наделяли ее, а, с другой, получали за нее плату». «Это», по его словам, «было бы чем-то таким искусственным (соч. Кавелина, III, стр. 243), чего простым, здравым рассудком, которого так много у каждого развитого народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать».

¹ П. С. Ефименко, Приданое по обычн. праву крестьян Арханг. губ., «Записки И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», 1873, 45.

Приданое и плата за невесту юридические явления совсем различных порядков. Различие этих явлений относится собственно не к невесте, а к различным отношениям родов, между членами которых заключаются брачные союзы. Где есть похищение невест, насильственное отнятие их, о чем в обычаях тоже сохранились воспоминания, там еще нет между родами никаких отношений, кроме враждебных; покупка невест, по существу своему, предполагает уже мирные, не враждебные отношения между родами, существование в известной степени гражданского союза; наконец, приданое свидетельствует уже о некоторой степени развитости гражданского союза. Против этого, говорит П. С. Ефименко, можно заметить, что в то время, о котором ведет речь начальная летопись, похищение девиц не обуславливалось непременно враждебностью родов, ибо происходило по соещанию с девушками на религиозных празднествах. А что купля невест не исключает приданого, можно убедиться из аналогических явлений существования приданого у таких народов, у которых до сих пор невесты покупаются. Так, инородцы Архангельской губернии, самоеды, лошари, корелы и зыряне, наряду с куплею невест знают и приданое. Да и у других народов восточного происхождения, не вышедших еще из форм родового быта, купля невест не исключает приданого. Так бывает у остяков, морлаков, словенцев, чернягорцев, у крестьян Архангельской губернии и других великорусских губерний. Приводя эти факты, П. С. Ефименко не хочет сказать, что купля невест всегда сопровождается дачею приданого со стороны родителей невесты; такое положение могло бы быть опровергнуто данными противоположного свойства, хотя и весьма немногочисленными. Цель автора — доказать, что два такие разнородные явления, как купля невест и получение за ними приданого, легко уживаются вместе. В пользу догадки г. Кавелина не может служить и та мысль, что с одной стороны наделение невест приданым, а с другой покупка их суть вещи несообразные. Не надобно забывать и того, что и до сих пор у нас дары с одной стороны и отдаривания с другой, как между невестой и женихом, так и между их родными, составляют характеристическую черту свадебных обрядов, о чем говорится и в пословице: «подарки дарят, отдарков глядят», а, между тем, взаимные дары и отдаривания также можно бы признать явлением, заключающим в себе внутреннее противоречие.

Насколько нам может разъяснить этот спор изложенная теория Вилькена, она, по нашему мнению, ведет к заключению, что оба означенные автора права и оба неправы в различных частях своих утверждений. Совершенно прав г. Кавелин, утверждая, что где есть похищение невест, там нет еще между родами никаких отношений кроме враждебных, тогда как покупка невест уже предполагает мирные, не враждебные отношения между родами, существование в известной степени гражданского союза. Это до такой степени верно, что Вилькен, между прочим,

делает остроумную догадку, что на взаимных заключениях браков, которыми были призваны к жизни первые международные отношения, покоились наверно и древнейшие федерации, в которых, как, между прочим, у древних латинян и греков, *juв соnцibiі, erigamie* существовало только между гражданами союзных городов. Но г. Кавелин не прав, когда он выражает мнение, что приданое и плата вещи несовместимы, исключаящие друг друга. Напротив, они совершенно совместимы, потому что совершенно разнородны и даже до известной степени поступают в различные руки. Плата за невесту, как умиловительная жертва за прекращение мести, поступает в значительной степени в руки родственников жены, приданое—в руки невесты. С другой стороны, нельзя не согласиться с П. С. Ефименко, когда он настаивает на том, что плата за невесту и приданое прекрасно уживаются между собою у самых даже первобытных народов. Но автор, в свою очередь, ошибается, когда он подобную совместимость объясняет дарами и отдариваниями между женихом и невестой и родственниками их обоих. Между этими двумя родами явлений нет ничего общего. Подарки между родственниками и самими женихом и невестой потому и взаимны, что смысл их заключается в возникновении общения между двумя родами, праздноующими, под видом брачной церемонии, свое примирение после притворного похищения. Так, у макасаров невеста примиряется с женихом тем, что предлагает ему сливу. У многих народов Индийского архипелага предложение невестой жениху бетеля представляет одну из главных составных частей брачной церемонии, как, между прочим, у альфуров на Целебесе, и именно здесь можно найти объяснение этого обычая. Подобно тому, как и у макасаров, такое предложение должно было повсюду служить знаком примирения, подчинения; поэтому оно было необходимо, пока брак продолжал считаться обидою, и жених, как лицо, от которого исходила эта обида, приобретал милость невесты не сразу. Когда совершалась такая перемена, невеста должна была каким-нибудь образом дать знать об этом, и не могло быть ничего красноречивее, как вручить ему сливу, которая у индийских народов часто является символом дружеского настроения. В других местах взамен этого встречается общая трапеза жениха и невесты. Так, напр., бывает у балинцев, где после благословения брака священником невеста берет горсть риса, которая подается ей для этой цели на пизанговом листе, и кладет ее в рот мужу, после чего он делает то же по отношению к ней. У альфуров Минагассы брачная церемония состоит, главным образом, в том, что жених и невеста сообща едят немного рису и кусочек сала и пьют несколько капель пальмового вина, которое подается им священником. Чтобы понять внутренний смысл обычаев, освещенных этими примерами, следует, говорит Вилькен, обратить внимание на то значение, какое обыкновенно придают первобытные

народы общению стола (мы сказали бы общению собственности вообще). По их понятиям, сесть за один стол невозможно для лиц, которые враждебны друг другу, и где это происходит даже случайно, там должна исчезнуть всякая вражда. Понятно, что и в браке общение стола есть церемония примирения между невестою и женихом и служит знаком устанавливающегося между ними общения прав. Что же касается приданого, то его ни в каком случае нельзя рассматривать, как отдарка на подарок, потому что в большей части случаев, по крайней мере у первобытных народов, оно рассматривается, как специальная частная собственность жены.

* *
*

К многочисленным известиям о следах общинных браков у различных народов в древние и в новейшие времена, содержащихся в сочинениях Бахофена, Мак-Леннана, Моргана, Леббока, Жиро-Телона, Поста, Вилькена, Якушкина, мы можем присоединить несколько новых фактов большого интереса, на которые, сколько нам известно, не было до сих пор обращено внимания в общих сочинениях по социологии. В статье «Еще о братствах» («Слово», январь 1881), мы привели ряд сведений, относящихся к учреждению, имеющему нечто общее с так называемою в Малороссии «парубочкою громадою». Учреждение это состоит в том, что молодежь обоего пола, очевидно в воспоминание господствовавшего в прежние времена общинного брачного союза, удаляется от своих родных и живет вместе до брака. Степень распространения этого обычая в различных состояниях его развития оказывается поистине удивительной, и число показаний в его пользу может быть доведено до весьма внушительных размеров. Остановимся в данном случае на некоторых, наиболее выдающихся из них.

«Права и местные условия», говорит д'Орбинь¹, «оказывают сильное влияние на способ постройки южноамериканских жилищ. У перуанцев всякое хозяйство имеет свое отдельное жилище сравнительно незначительных размеров; у гарани, где целое семейство живет под одною крышею, каждое жилище имеет вид деревушки; у мокеев, гваранцов, чикитов, кроме частных жилищ, в каждой деревне существует обширный общинный дом, предназначенный для приема иностранцев, посетителей, а у последнего из этих народов и для молодых людей обоего пола, которые удаляются из своих семейств, чтобы жить вместе до брака».

Незамужние женщины у чинуков, говорит Банкрофт², не имеют ни малейшей идеи целомудрия и охотно оказывают свое благорасположение за нежность, или за весьма незначитель-

¹ A. d'Orbigny, L'homme américain. Paris 1839, I, 190.

² Bancroft, op. cit., I, 242.

ную собственность, выплачиваемую им или родителям; но с выходом замуж все это изменяется.

У индийского народца чибча в Новой Гранаде¹, остатки которого существуют до настоящего времени, многие празднества сопровождалась всеобщим смешением полов; здесь же существовали особые празднества по случаю достижения зрелости девушками, и местами не придавалось никакого значения девственности невесты, а, напротив, виделось в ней доказательство, что девушка не способна приобрести себе любовь.

По словам Гентера, у многих народов Северной Америки молодежь обоего пола спит в одном и том же доме, что однако обыкновенно не влечет за собою никакого разврата, хотя соблазны к нему, разумеется, облегчается; соблазнителя постигает в подобных случаях большее презрение, нежели девушку, которая позже часто находит еще случай выйти замуж.

В Никарагуа, говорит Сквайр², родители в прежнее время могли вести грязную торговлю своими дочерьми, не подвергаясь за это наказанию. Иногда девушки, родители которых были не в состоянии снабдить их соответствующим приданым, искали себе убежища в проституции. Если такая девушка, приобрести себе подобными средствами достаточное приданое, хотела положить конец этой жизни, то она прискивала себе кусок земли, чтобы построить на нем дом, сзывала к себе своих поклонников и объявляла им, что те, которые желают взять ее в жены, должны собраться и построить ей дом по ее плану, по окончании которого девушка брала за руку выбранного ею супруга, и он выражал громкую радость пред своими соперниками за это преимущество.

От Герреры, насколько он цитируется Спенсером (I, 634, 5), мы узнаем, что древние мексиканцы имели подобные же обычаи: «Родители имели обыкновение, когда девушки были готовы ко вступлению в брак, посылать их на сбор приданого и соответственно этому они ходили по стране постыдным образом, пока не набирали достаточно имущества для вступления в брак».

О древних обитателях Дарьенского перешейка говорит Банкрофт: «Проституция не была бесчестна; благородные женщины считали за непреложную истину, что было бы плебейством отказывать тому, кто чего-нибудь у них просит, и они охотно отдавались всякому, кто этого хотел, особенно, начальникам». Тот же писатель констатирует подобное же состояние вещей у других американских народов древнего и новейшего времен. Так, он говорит про такули: «Народ этот любит своих жен, выполняющих большую часть домашних работ, и тем облегчающих труд мужей, вследствие чего мужья весьма ревнивы к женам; но по отношению к незамужним дочерям, как ни странно это

¹ Waitz, op. cit., IV, 367; ссылка на Hunter, Memoirs etc., 1824, 233.

² S. Squier, Der Centralamerik. Staat Nicaragua, Leipz. 1854, 497.

может показаться, они допускают полную свободу без надзора и стыда; о народе майя там же говорится: «Родители развращают своих дочерей без стыда... Для родителей низших классов вовсе не было необычайною вещью посылать своих дочерей по всей стране, чтобы они могли собирать себе приданое проституцией»¹.

Батаки на Суматре понимают девическое целомудрие в том же смысле. «Она не лакомый кусок, если на нее никогда не села муха», говорит батак весьма пластически о женщине, которая до своего вступления в брак имела мало приключений свободной любви. У этого народа молодые девушки в половом отношении совершенно свободны и предаются громадной распущенности.

Любопытно, что и древние писатели упоминают об этом странном учреждении. Так, Геродот свидетельствует это о фракийцах и об африканском племени гинданах, Мела—об аугилах, Диодор—о жителях Балеарских островов².

У многих североамериканских племен, говорит Доменеч³, девушки пользуются такою широкою свободою, что, при помощи проституции, собирают себе приданое; но, раз вступив в брак, они все это бросают.

На островах группы Берг, неподалеку от Марианских⁴, договор о вступлении в брак соблюдается свято. Но до заключения этого договора мужчина и женщина одинаково пользуются полною свободою половых отношений: незамужняя женщина может оказывать любовь, кому захочет, не подвергаясь за это ни малейшему порицанию, даже не думая о том, что она делает что-нибудь дурное; но раз она замужем, ложный шаг для нее бесчестье. Беременная женщина, будет ли она замужняя или нет, уважается и почитается; сама женщина, гордая своим плодородием, выставляет напоказ свое положение. Молодой туземец, желая взять себе жену, отдает обыкновенно преимущество той, которая доказала самым несомненным образом, что она может создать семейство.

На Филиппинских островах⁵ девушки легкого поведения имеют сношения со всеми мужчинами и часто также выходят замуж; по временам отцы предлагают дочерей европейцам, выпрашивая у них ссуду и вводя дочерей в дом в качестве швей... Замужние женщины еще доступнее девушек, но и для последних виды на замужество вряд ли умаляются, вследствие ложных шагов в девичьем состоянии. Девушки под отцовскою властью содержатся строго лишь для того, чтобы продлить служебное время мужа.

¹ Bancroft, vol. I, 77 б., 12 б., 11, б. 76.

² Bachofen, Das Mutterrecht.

³ Domenech, op. cit., 303.

⁴ Morelli, Bibliothèque Universelle des Voyages, XX.

⁵ Jagor, op. cit., 129.

Описывая высокое положение женщины на Марианских островах, Ле-Гобие¹ утверждает следующее: «Эта власть жен над мужьями есть причина того, что громадное большинство людей не желает вступать в брак. Они нанимают себе девушек или покупают их у родителей за несколько кусков железа или чешуй черепахи. Они помещают их в общественных домах, общих для молодежи, которая живет с ними столь свободно и столь беспорядочно, что это причиняет горе той части нации, которая ведет более правильную жизнь». На Каролинских островах² существовали подобные же общие дома и для той же самой цели.

В Новой Зеландии³ девушки—госпожи своей личности и имеют полную свободу осчастливить столько любовников, сколько пожелают.

На Сандвичевых островах, по словам де Вариньи⁴, девушки гордились числом своих любовников, и юноша считал себя счастливым, если мог жениться на женщине, красота которой, оцененная всеми его друзьями, не имела более никакой для них тайны.

«В каждой ораонской деревне старого происхождения», читаем у Дальтона⁵, «имеется дом под названием «доомкоореа» (дом холостых), в котором обязаны проводить ночь все неженатые мужчины и мальчики племени. Всякий отсутствующий и проводящий ночь в другом месте деревни подвергается взысканию. В этом здании помещаются флаги, музыкальные инструменты, хвосты яков, одежда для танцев и другое имущество, употребляемое на празднествах... В некоторых деревнях имеются для незамужних девушек особые дома, и в виде дуэньи над ними назначается старая женщина. Она всегда вооружена палкою для удержания вдали мальчишек. Круговое пространство перед фронтом доомкоореи поддерживается в чистоте, как место для деревенских танцев; оно обыкновенно прикрывается тенью прекрасных старых деревьев, а вокруг располагаются места для зрителей или для уставших танцоров... Благодаря этому обычаю, взрослые юноши и девушки представляют из себя совершенно особое общество; сходиться им между собою почти не ставится препятствий; они образуют из самих себя приятную компанию, от которой старики заметно держатся вдали. Если ухаживанье оказалось зашедшим слишком далеко, то дело вообще устраивается так, что юноша вносит за девушку плату и берет ее себе в жены».

По свидетельству Эйра⁶, у австралийских народов брак не рассматривается как залог целомудрия, и подобной добро-

¹ *Le Gobien, Histoire des Iles Mariannes*, 700, 60.

² *Waitz, Die Anthropologie etc.*, V, 105.

³ *Duperrey, Bibl. Univers. des Voyages*, XVIII, 157.

⁴ *C. de Varigny, Quatorze ans aux Iles Sandvich*, Paris 1874, 295.

⁵ *E. T. Dalton, The Kols of Chota-Nagpore (Journ. of the Asiatic Society of Bengal, 1866, Part III, № CXXXVI, p. 175 s.)*.

⁶ *Eyre, op. cit.*, 320.

детели вовсе не признается. Женщины занимаются проституцией всю жизнь. У многих племен сожителство молодежи обоого пола допускается как обычай, без всякого ограничения. Молодой человек во время собрания уводит с собою молодую девушку и поутру возвращает ее обратно. Девушки на 11 году, а мальчики на 13 или 14 году входят во взаимные половые сношения.

В Нижней Эфиопии¹ незамужние девушки заключают связи со всяким встречным, лишь бы только он дал им денег. На Мадагаскаре молодые люди вступают в половые сношения в присутствии своих родителей, которые находят это похвальным и даже сами возбуждают к этому.

В стране Кимбуида² матери нисколько не заботятся о целомудрии девушек, да о том же не заботятся и мужчины.

В Судане³ только жена имеет обязанности целомудрия; девушка, кроме некоторых племен, свободна. Девство ценится более потому, что увеличивает наслаждение, чем потому, что считается за честь; потеря его не препятствует видам на брак. Все это лежит в крови, в расе (?); религия при этом осталась без влияния; строгое магометанство столь же мало успело наложить на эротического суданца свои цепи, как и христианство на абиссинца. Однако суданка вовсе не легко впадает от этого в проституцию. Девушки, живущие у родителей в деревне, большею частью, сохраняют свое девичество до свадьбы. В городах другое дело: здесь слишком многочисленны соблазны: лестные отзывы, подарки, внушающее и нравящееся мужество редко остаются без действия на это впечатлительное существо. Но почти никогда черная не отдается ради одного маммона; всегда почти в этом участвует род любви; мужчине в подобном случае бывают верны столь же долго, как он сам.

В стране кафров⁴ молодежь совершенно необузданна и распущена. Половые сношения совершаются иногда публично.

В известных частях Африки⁵, особенно в нездоровых местностях, где женщины часто бывают бесплодны, никто не захочет жениться на девушке, пока она не имела ребенка. Это дало повод к предположению, что жители этих местностей предпочитают жен, которые выработали себе известную опытность в легкой жизни. Действительная причина та, что, вступая в брак, мужчины должны платить за жену высокую цену; эту цену они рассчитывают воротить через продажу детей, которых она принесет... Куртизанки северной Гвинеи обыкновенно принадлежат правительству; они правильно воспитываются для своего промысла; они живут в стороне, имеют собственные дома, отли-

¹ *Dapper*, op. cit., 326, 7, 466.

² *Magyar*, op. cit., 284.

³ *Maltzan*, Reise nach Süd-Arabien etc., Braunschweig 1878, 96.

⁴ *Döhne*, Das Kafferland, Berl. 1843, 33.

⁵ *W. Read*, Savage Africa, Lond. 1863, 547.

чаются от скромных женщин особым платьем, или обязываются носить особый колокольчик, дающий знать об их приближении. Три коури есть установленная плата, и они получают в ней достаточно на свою пищу и одежду. Публичные женщины образуют важный элемент в государстве: когда в городе случается какой-нибудь беспорядок, то начальник города грозит отнять этих женщин у публички; холостяки приходят целой массой просить о возвращении их; также точно поступают и женатые мужчины, признающие в этом социальном зле предохранительный клапан. В действительности это учреждение рассматривается в Африке в столь благоприятном свете, что у богатых негритянок существует обычай, умирая, покупать женщины-рабынь и дарить их публике таким же образом, как английские леди оставили бы часть имения на какую-нибудь благотворительную цель. Негр твердо уверен в том, что подобные благотворители нации будут вознаграждены в лучшем мире, и что, чем больше гетер они здесь купят, тем больше будет их награда там.

У армян в Закавказье¹ неженатые молодые люди обоих полов пользуются неограниченной свободой в границах нравов и обычаев. В то время, как у всех окружающих народов покупка жен есть исконная и единственная форма заключения брака, а до тех пор девушки остаются вполне запертыми, у армян, напротив, господствует полная свобода сближения между собою. Молодые девушки ходят с открытым лицом и головою куда хотят: молодежь мужского пола открыто ищет их любви, и браки, основанные на любви, весьма многочисленны. Но свобода женщины кончается со вступлением ее в брак, хотя и возвращается к ней в другом смысле в то время, когда она становится матерью.

У вотяков² не считается неприличным, если девка забеременеет; напротив, такая девка входит в моду, и женихи начинают ее одолевать; это объясняется любовью вотяка к семье; дело в том, что вотяки считают за несчастье для себя иметь бесплодную жену. Родители вообще очень легко относятся к шалостям своих дочерей, держась своей оригинальной пословицы: «девушку мужик не любит, бог не любит». От святков вплоть до великого поста происходят так называемые посиделки. Молодые парни и девушки собираются куда-нибудь в нежилое строение, часто в баню; первые под предлогом плести ланты, а вторые для занятия пряжей, и проводят здесь зимние вечера до глубокой ночи. Сюда родители обыкновенно не заглядывают, и молодые люди предаются нередко повальному разврату... Впрочем, с выходом замуж, вотячки совершенно изменяются.

О таких же посиделках, беседах, вечеринках, играх, купаньях в различных местностях России см. у Якушкина «Обычное право», 1875, V—VIII³.

¹ *Naxthausen*, Transkaukasien, I-er Theil, 200.

² *В. Вехтерев*, Вотяки, «Вестник Европы», 1880, сентябрь, 645.

³ См. также «По деревням», «Отеч. записки», 1881, ноябрь, 36—40.

Но наиболее интересные и бросающиеся, по нашему мнению, новый свет на первобытные отношения полов сведения по обсуждаемому вопросу мы находим в книге Земпера «Die Palau-Inseln». В статье своей «Еще о братствах» мы уже обратили внимание читателя на некоторые курьезные обычаи, относящиеся к сожителству тамошних молодых девушек вместе с молодыми людьми в так называемых «баи». В настоящую минуту мы остановимся на этом предмете подробнее, передавая ближайшние обстоятельства, обуславливающие его, по возможности, ближе к подлиннику.

«Каждый из главных князей на Палаузских островах», говорит Земпер¹, «есть также начальник своей свиты (вероятно, братства или рода), с которою вместе он обладает большим домом по названию баи и где члены этого союза, так называемого клеббергелли, проводят ночь и большую часть дня. По обычаю страны, оставив судно, я занял квартиру в означенном большом доме—баи, который принадлежал моим друзьям, взявшим меня под свою специальную защиту,—кряю и его княжескому товарищу. Тут меня угощали самым любезным образом сам кряй и его клеббергелль. Правда, здесь не было особенно занимательно; рупаки (старейшие роды жителей) почти все время спали и проводили большую часть дня в ничегонеделании; в дом их, по обычаю страны, не было доступа ни одному из двух нижних кланов (родов) жителей. Единственные существа, с которыми я мог вести некоторую слабую попытку разговора, были молодые девушки—фрины, которые там ведут с князьями свободный и веселый образ жизни. Об их странном, общественно замкнутом в совершенно строгие формы образе жизни я получил точные сведения лишь впоследствии. Они часто получали визиты своих ровеслетних подруг из баи других клеббергеллей, и так как они были словоохотливей, чем рупаки, и очевидно находили удовольствие учить меня своему языку, то и я собрал с их помощью в несколько дней довольно слов».

«Однажды к жене кряя в моем присутствии пришла одна замужня женщина с жалобой на неверность мужа. Первая дала ей сначала выплакаться, а потом рассказала ей историю своей собственной жизни, как и она в своей молодости часто относилась с горечью к неверности кряя. Но в их стране это иначе и невозможно. Все мужчины одинаково дурны в этом отношении, или, лучше сказать, они поступают правильно, потому что сами женщины бывали часто первою причиною неверности мужей; и пока они не окончательно порвут отношения законных жен к незамужним девушкам, живущим в баи,—к «армунгулю», до тех пор все останется попрежнему. Пусть она подумает только о том, что она сама была несколько месяцев в Раллапе «армунгуль», и что ей очень правилась свободная

¹ *Semper, Die Palau-Inseln, 36, 65, 164, 321, 318.*

и независимая жизнь, которую она там вела, не говоря уже об *услугах со стороны замужних женщин*. Пока эти последние должны ежедневно носить пищу для «армунгуль» в бан, девушки всегда будут готовы провести несколько месяцев в бан, тем более что они по возвращении в деревню приносят с собою родителям «большую монету» и не нуждаются в долговременном ожидании мужа. Многим женщинам жизнь в бан настолько нравится, что они убежали туда от своих мужей, чтобы снова вступить в подобное учреждение. Но касаться всего этого воспрещает старый почтенный обычай; и если бы они теперь не захотели более носить пищу в бан, то мужья не имели бы никакой прислуги, так как правомерная жена никогда не должна показывать перед миром, что она с своим мужем живет в таком *доверчивом* отношении; это «мугуль» (неприлично); и если это слово когда-нибудь потеряет между ними свою силу, то наверно погибнет весь Палауз.

Автор сам был свидетелем следующих двух похищений девушек для бан. «Клеббергель мужчин из Кореры», говорит он, «прибыл на остров Крейангель за три дня до меня, повидимому, для посещения своих друзей, в действительности же для увоза нескольких девушек. У них в бан не хватало «армунгуля», а так как остров Крейангель давно уже подчинился произволу могущественных союзников юга, то и на этот раз жители острова не осмелились воспрепятствовать их предпринятию. Скоро нашлись девушки, которых привлекала веселая свободная жизнь; своим немым языком они быстро сговорились с людьми из Кореры о месте свидания; а родители жаловались и были вне себя, так как уже было слишком поздно отвоевать у разбойников девушек, сведенных во время обеда. Один ружак тоже потерял свою дочь. — Слышал ли ты, доктор, сказала автору его знакомая, туземка Акивакид на острове Пелелу, сегодня ночью наш «инатокета» (женский клеббергель деревни) убежал в Эймелиг? — Как так, сакалик (друг), я тебя не понимаю; это глупость; кто убежал в Эймелиг? — О доктор, не будь так глуп, из Эймелига пришли друзья девушек, — клеббергель мужчин, чтобы взять их с собою и дать им возможность прожить у себя несколько месяцев в бан, как «армунгуль». Теперь они, конечно, уже там и празднуют танцами удавшееся предприятие». Автор так был поражен и огорчен всем слышанным, что совершенно изменил свое прежнее хорошее мнение о туземцах, и, бегая кругом по деревне, все спрашивал, действительно ли правда, что столько девушек — около 20 — могли сразу убежать, не будучи пойманы? Автору отвечали со всех сторон, что девушки теперь выросли и стали господами самих себя; если люди из Эймелига успели их уговорить, то они были уже наперед согласны насчет платы, которая будет им дана после, за службу в бан; досадно лишь то, что эта неизбежная катастрофа случилась именно теперь, когда поля еще не обработаны; теперь

старшие женщины должны работать за тех младших, которые с легким сердцем убежали в далекий свет. Мало-помалу окончательно выяснилось, что все бегство было подготовлено заранее, что один из друзей автора, сам родом из Эймелига, подготовил в своем доме свидание похитителей и девушек, и что жена его разбудила их и свела в гавань. «Смотри, доктор», сказала Акивакид и при этом она сделала несколько узлов на шнурке, «такие узлы на веревке люди из Эймелига передали в последний праздник полнолуния нашему «инатокате»; начальница клеббергелля сохранила эту веревку и всякую ночь распускала по узлу; в ночь, когда ей следовало распустить последний узел, должны были прийти ее друзья; у них была такая же веревка с узлами». — «Но, Акивакид, как это возможно, чтобы клеббергелль так долго молчал об этом? Ведь обыкновенно всем бывает известно, что делается?» — «Да, это была большая тайна, друг; сам клеббергелль не знал ее еще, знали только начальница и еще некоторые женщины. Но если бы они что-нибудь сболтнули, то на них было бы наложено тяжкое наказание; сам ваш приятель, помогавший бегству, должен был молчать, иначе женский клеббергелль наверно поджег бы ему дом в наказание за болтовню». — «Я этого не понимаю, Акивакид, значит то, что они делали, было нечто дурное, иначе, зачем стали бы они делать это ночью?» — «Таков обычай на Палау, доктор. Дурного тут нет ничего; напротив, мы, женщины, все однажды убегали таким образом. И этот обычай прекрасный; только благодаря ему можем мы увидеть кое-что на других островах. Наши девушки из Назиасса всегда ходили в Эймелиг, девушки из Аргеутеля, Ороколе и Арделлолека ходили в Корёзу, из Корёзы в Раллап. Там они оставались три месяца в бан, выучивались служить мужчинам и быть им послушными и возвращались, принося своим родителям хорошие деньги». — «Но ты мне не сказала, отчего они не уходят днем?» — «О доктор, это было бы нехорошо; тогда это увидели бы мужчины деревни, и дело дошло бы до сильного боя. Собственно говоря, мужчины не должны отпускать девушек и потому-то все это происходит ночью, чтобы они не заметили и не начали распри. Было бы дурно, если бы при этом погиб кто-нибудь из наших мужчин; притом это было бы и бесполезно, потому что молодые девушки *должны* идти в бан, раз они выросли. Это наш макезанг (повинность). Когда молодой клеббергелль приходит в надлежащий возраст, то он должен куда-нибудь идти, и ни одна девушка не должна оставаться дома; если она это делает, то родители ее выранят, и она не так легко найдет себе мужа, потому что тогда повсюду в стране она будет считаться неловкой и глупой девушкой, которая не годится в жены; но другие, когда возвращаются домой, то скоро выходят замуж». Автор сознается, что он никак не ожидал найти при этом притворном похищении молодых девушек все регулируемым до ма-

лейших подробностей. Еще некоторые детали рассказала автору Акивакид относительно обычаев, связанных с этим «макезангом» (т. е. общественной повинностью) девушек; чем более она говорила, тем яснее смыкалась в глазах автора та цепь, которую здесь обычай, всемогущая традиция связали все общество и отдельных лиц, несмотря на кажущуюся дикую распушенность».

Замечателен также разговор, который происходил у автора в другое время с той же самой Акивакид по поводу брачных отношений. «У вас, доктор», спрашивала Акивакид, «мужья и жены живут в одном доме и нет бай, где спят мужчины?»—«Да, Акивакид, у нас это совсем иначе; муж и жена всегда живут вместе, в одном и том же доме.—«Это странно, доктор, у нас считается неприличным, чтобы муж спал в доме, где живет его семейство; поэтому мы все покинули наше жилище, когда ты поселился в нем. Муж и жена видятся только днем и только у себя дома; на улице они не знают друг друга, а по ночам встречаются только в хорошеньких красных домиках наших калидов¹. А ваши женщины довольны тем, что у них нет бай? Когда у нас жена рассердится на мужа, то бежит в первый бай, тогда муж, если хочет опять примириться с нею, должен выкупить ее за маленькую монету у клеббергелля, которому принадлежит все, что есть в бае, и сам бай; если он не может заплатить денег, то не имеет на нее и права. Тогда она остается у мужчины до тех пор, пока другой, более сильный мужчина, чем первый ее муж, не выкупит ее у них. Как же ваши женщины могут себя защитить от своих мужей, если они жестоко и плохо обходятся с ними?»—«У нас муж и жена гораздо крепче связаны друг с другом, чем у вас, им не нужно никакого бай, и если они не могут сойтись, тогда их разделяет аруан (община); жене нет поэтому надобности бежать к другому мужчине.—«Ну, так я, доктор, не могла бы жить в Ангабарде (Европе); я уже раз убежала от своего мужа и отлично провела время в клеббергелле. Сестра твоего приятеля также недавно ушла в бай, в Ороколь, потому что муж ее нарушил верность; ей за это аруан отрезал бы ухо в наказание, но теперь ее охраняет от рупаков клеббергелля.—«Но почему же аруан не наказывает неверного мужа?»—«Мужчины, доктор, гораздо хуже нас; они должны бы терять жизнь за свою неверность, но этого не делается, друг; тогда у нас не осталось бы мужей. Мужчины очень дурны относительно нас, это правда; почему же нам не быть столь же свободными, как и они? Мы же свободны лишь тогда, когда нас кто-либо охраняет, и так как рупаки, т. е. начальство, не столь многочисленны, то мы должны идти в бай, где мы, по крайней мере, можем быть свободны.—«Но ведь и вы также живете в клеббергелле (женском) и при-

¹ «Калид», повидимому, есть то же, что «тотем» у североамериканских индейцев.

нимаете к себе друзей, отчего же ваш клеббергелль не защищает вас от мужей?»—«Ах, доктор, ты глупый человек, видно, что ты плохо знаешь обычаи Палауза. Как же мы стали бы жить без мужчины? Наш клеббергелль может охранять нас лишь тогда, когда мы с своими *друзьями* по временам отправляемся в Коксаль; тогда наши мужья не должны ехать с нами и тогда мы совершенно свободны».

В дополнение к этим фактам приведем еще, со слов автора, описание здешнего родства. «Понять это родство», говорит автор, «тем затруднительнее, что оно здесь отличается большою сложностью. Представьте себе, что сын берет в жены взрослую дочь своей сестры, брат его—сестру своей свояченицы; подумайте о том, что это продолжается в течение двух поколений и еще усложняется величайшею легкостью разводов и многочисленными случаями усыновления; тогда вы можете составить себе понятие о том смешении, которое должно господствовать в отношениях родства этих островитян. Почти в каждой семье можно найти женщину, имеющую уже третьего или четвертого мужа, которые все еще живы и которым всем она оставила детей. Как легко устраивается и выполняется развод, относительно этого представила блестящий пример одна красавица, предлагавшая себя автору в жены: не найдя возможности получить его в свои защитники, она сделала предложение одному туземцу, и так как она принадлежала к влиятельному семейству, то он согласился взять ее себе в четвертые жены; детей своих она оставила обманутому мужу. Сверх того, чрезвычайно сильно распространен обычай усыновления детей, именно мальчиков, и принятые дети до того сливаются с собственными, что в позднейшем возрасте они совершенно утрачивают сознание принадлежности к другой семье. И все же эти странные выдумки, которые, разумеется, довольно часто могут иметь следствием браки между братьями и сестрами, не оказывают ни малейшего влияния на семейную жизнь людей. Даже и у нас на родине некоторые родители могли бы взять в пример любовь, с какою мои голые друзья на Палаузских островах ухаживают за своими усыновленными детьми, и многие европейские дети могли бы взять урок с детского, но не лакейского послушания, какое оказывают здесь мальчики и девочки своим родителям. Но какова может быть причина этого обычая, который хотя и равняется усыновлению, но в сущности сводится на обмен детей? Быть может, обычай этот порожден сознанием, что ни один муж не может постоять за верность своей жены, и потребностью сразу устранить все сомнения относительно правоспособности того или другого дитяти? При такой системе, разумеется, не может происходить споров о наследстве, так как усыновленный сын вступает в права собственных детей».

Только что рассмотренные курьезные учреждения не чужды и другим океанским островам. Таково же, например, учреж-

денше *ултаосов* на Марианских островах¹. Во время завоевания островов испанцами они составляли замкнутое общество и распространили по всей группе островов свои особые дома (род бан). Мужчины жили в них в состоянии общинного брака с девушками знатных семейств, нарушая всякие границы и доходя даже до кровосмешения, и не только никто не ставил им в преступление подобной распущенности, но пребывать в этих домах считалось для обоих полов за высшую честь; девушки, пробывшие в таком обществе, были уважаемы гораздо более, нежели девственницы. На своих празднествах они пели песни эротического содержания, но не на обыкновенном, а на более старом языке. У них существовал особый знак — палка с выдолбленной сердцевинной, украшенная тремя кусками древесной коры и пучками волос. Что *ултаосы* представляли религиозное общество, это видно, во-первых, из того, что они пользовались большим почетом, а также значительным влиянием в политических делах; во-вторых, из того, что именно они оказали самое сильное сопротивление введению христианства, которое находилось в противоречии с их распущенностью; в-третьих, из того, что у них был особый язык, запрещенный всем прочим людям, и особые песни. Судя по этому описанию, нет ничего удивительного в том, что это общество часто сопоставляли с обществом *аероис* на островах Товарищества (Freycinet, II, 370, Lutteroth, 6). Название *аероис* и *ултаос* имеют один и тот же смысл и наверно представляют одно и то же слово; учреждения обоих обществ также совершенно одинаковы. Правда, *аероисы* на Таити почти все были обязаны убивать своих детей; быть может, то же было и на Марианских островах, по крайней мере, нигде не упоминается о детях *ултаосов*; но если *ултаосы* и не принимали участия в этом жестоком обычае, то это ничего не говорит против их сходства с *аероис*, так как, повидимому, и на Таити этот обычай имеет позднейшее происхождение.

В недавнее время английский миссионер Кодрингтон сообщил Королевскому обществу в г. Виктории любопытное описание нравов и обычаев жителей островов Банковой группы, в которых оказываются поразительные черты сходства с палаузскими и маррианскими учреждениями. То же самое можно сказать о некоторых обычаях островов Дружбы² и Каролинских³.

¹ T. Waitz, Anthropologie etc., VI, 148 (Gerland's Fortsetzung).

² См., напр., Waitz-Gerland, Anthropologie, B. VI, 1872, 121—123, где рассказывается о существовании на острове Тонга особых домов для молодых девушек, которых посещают юноши.

³ См. Otto Finsch, Ueber die Bewohner von Ponape (östlich. Karolinen). Zeitschrift für Ethnologie, 1880, Heft I, 316 и сл.). Тот же род явлений, или замечательно с ним сходный, встречается у многих североамериканских индейцев (Waitz, op. cit., B. III, 112; De Charlevoix, History etc. of New France, 1856, I, 126), у жителей островов Формозы и Церама и у инасцев Малайского архипелага (W. Joest, Zeitschr. für Ethnologie, 1882, Heft II и III и v. Rosenberg, Der Malaysche Archipel., 1878, 158), у австра-

Возвратимся теперь к обычаям Палаузских островов и отметим некоторые наиболее характеристические их черты, чтобы дать о них более цельное представление. Юноши одной деревни, повидимому, принадлежащие к местным старейшим родам рупаков, совершают ежегодное похищение девушек другой определенной деревни и живут с ними несколько месяцев в общинном браке, уплачивая их родителям известную сумму местных денег. Похищение, к которому они прибегают, носит на себе смешанный характер притворного или символического похищения с одной и фактического с другой стороны; оно притворно, потому что сами девушки и их родственники уже наперед признают его установившимся обычаем и даже обычаем хорошим; оно совершается отчасти и *de facto*, так как самый момент похищения девушек тщательно скрывается от их родственников мужчин, во избежание серьезного боя с похитителями. Пребывание в состоянии общинного брака не только не оказывает никакого вредного влияния на репутацию девушек, но, как это бывает и в других странах, вызывает особое к ним уважение и, благодаря приданому, облегчает им вступление в брак. Затем девушки возвращаются домой и здесь уже вступают в индивидуальный брак. Самое вступление в индивидуальный брак представляет как бы некоторое понижение того состояния, в котором пребывала девушка до брака. Выйдя замуж, она, повидимому, находится в подчиненном, служебном положении относительно девушек, живущих в общинном браке, например носит им пищу. Сверх того, оставляет желать многого также и прочность брачных уз: так, жены часто меняют мужей, пользуются полной свободой в определенные дни года и убегают от своих мужей в бая, откуда те должны их уже выкупить, как вновь принадлежащих мужчине. Самые отношения между мужем и женой носят характер чего-то враждебного и как бы стыдящегося чужого глаза: они не живут и не едят вместе, встречаются только урывками и в тайне, словно совершили своим бракосочетанием какое-либо преступление. Ко всему этому присоединяются браки между близкими родственниками, которые необходимо происходят при отсутствии экзогамии, ведущей за собою брак в чужом роде, а равно так называемое усыновление, вытекающее из классификационной системы родства. Система эта, господствующая почти всюду на океанийских островах, допускает, как известно, более широкие классы родства, чем современные европейские; отец и дяди здесь соединяются в одну группу—все это отцы для данного лица; все его братья и двоюродные братья—это его братья, все его дети и племянники—его дети. Вот эта-то система и дает место тому, что Земпер называет усыновлением, ведущим будто бы к тому, что дитя совершенно забывает о своей родной

лицей (*C. S. Wake, The Jour. of the Anthropol. Instit., 1871, 77*) и у дарфурцев (*Bastian, Rechtsverhältnisse, XIX*).

семье. То же самое говорит и другой путешественник Гаффарель (Les colonies françaises, 1880, 387—388) об усыновлении на Маркизских островах: «Дитя, рождающееся на этих островах, не принадлежит ни матери, ни отцу. Его усыновляет или покупает третье лицо, делаясь его легальным отцом. Когда дитя является в мир, оно кормится грудью матери в течение 5—6 месяцев, потом отрывается от нее и отдается в семью *по закону*. Настоящая мать, правда, проливает несколько слез, но она скоро утешается, съедая свинью, которую она получила в обмен за плод своего чрева. Что касается до дитяти, то оно входит до прочно в семью усыновителей, что скоро забывает свою естественную семью,—безразличие, которое вскоре делается взаимным». Мы не в состоянии составить себе ясного понятия об этом очевидно весьма интересном и важном обычае, так как приведенные описания его отличаются некоторою поверхностностью. Но нам все же кажется, что ошибочность суждения обоих авторов покоится на том, что они принимают океанийскую семью в смысле современной европейской, состоящей из отца, матери и детей и отделенной правом частной собственности от всех прочих семей и индивидуумов. Но даже в таком случае, что за нелепость была бы покупать чужих детей и продавать своих собственных? Очевидно, что дело в сущности идет не об усыновлении детей чужой семьей, а просто о переходе их из одного отделения рода в другое, и, весьма вероятно, из мужнина в женин, так как дети повсюду в Океании считаются принадлежащими к роду матери.

В целом наиболее характеристическая особенность брачных обычаев Палаузской группы заключается в том, что здесь похищаются девушки не для индивидуального брака, как следовало бы по теории Леббока, а для общинного, и что в индивидуальный брак они вступают не через похищение, а в собственном роде. Подвести это явление под эндогамия и на этом остановиться, еще не значит разрешить его: оно во всяком случае показывает, что обычай экзогамии имел первоначально совсем иное значение, чем впоследствии, а следовательно, опровергает то предположение, что индивидуальный брак возник *исключительно* через похищение. Но это еще не все: похищение девушек на этих островах отличается отчасти притворным характером, следовательно составляет уже переживание более древнего обычая, как о нем и отзывались туземцы. Таким образом обычай похищения женщины на Палаузе может быть рассматриваем как весьма важная историческая ступень экзогамии, предшествовавшая возникновению индивидуального брака через похищение и, в то же время, сама прибегавшая к притворному похищению, которым впоследствии воспользовался индивидуальный брак, как уже готовым средством.

Перейдем теперь к дальнейшим, недавно собранным путешественниками, фактам, относящимся к обычаям гетеризма. «Что меня всего более поразило на улицах Бискары», говорит

Мальцан¹, это большое число молодых женщин из того класса, который в Египте называется *альме*. Здесь этих девушек зовут по имени того племени, к которому они принадлежат почти без исключения—*найлия*. Их племя есть улад-наиль, обитающее в Сахаре. Все эти девушки ходили без покрывал и были богато обвешаны разными кузнечными изделиями странной формы. Волосы их свободно падали длинными темными волнами на голую бурю грудь. Костюм их—род широкой рубашки с рукавами, сделанной из пестрой материи, также богато украшенной. В таком виде они бродили по улицам, дружелюбно смотрели на проходящих, делали им по временам таинственные знаки, останавливались около кого-нибудь из них, обменивались несколькими словами, шли дальше, заглядывали в двери кафе, входили туда или для танцев или для того, чтобы угоститься кофе насчет одного из своих многочисленных почитателей. Немного погодя толпа быстроногих найлия совершила свое вторжение в кафе. Эти легкие и гибкие, как все дочери Сахары, девушки прежде всего, подобно усталым птицам, бросились на соломенные ковры на полу. Потом они быстро вскочили и начали прыгать, бегать и, наконец, танцевать. Танец был пренеполнен страсти. «Ты видишь найлия в первый раз?» спросил меня мой сосед кулугли (смесь турка и араба).—«Да», ответил я, «и удивляюсь в высшей степени, что вижу такое множество столь молодых еще существ,—большой части им было не более 12—14 лет,—отдавшимся такому печальному ремеслу».—«Да, так назвали бы его в Алжире; и здесь также девушка-туземка, если бы избрала такое занятие, была бы вытолкнута родителями, как бесчестная. Но улад-наиль, племя, к которому принадлежат эти найлия, имеет иное понятие о чувстве чести. Все эти девушки, которых вы здесь видите и которые в настоящее время отправляют ремесло альме, возвратятся через несколько лет к себе на родину, и, без сомнения, все сделают хорошие партии».—«Что же», спросил я, «приносят ли они вознаграждение за свой неправильный образ жизни в приданое своим мужьям?»—«Приданое,—нет, ни одна женщина не приносит мужу приданое у арабских племен. Деньги, которые заработала себе найлия во время исполнения ремесла альме, принадлежат не мужу, не ей самой, а ее отцу».—«Итак, отец пользуется потерю чести собственной дочери?»—«Да, но для улад-наиль это не означает бесчестия; бесчестьем это им показалось бы лишь тогда, если бы девушка находила в этом удовольствие или выгоду; на это они смотрели бы как на разврат. Но промысел отправляется только в послушание отцовской воле и как спекуляция; цель заработка отнимает в их глазах у промысла всякий греховный характер; это уже не сладострастие, а ремесло, и притом ремесло не для самих себя, а для

¹ *Maltzan, Drei Jahre im Nordwesten von Afrika, Leipzig 1863, III, 108, 109.*

родителей. Отец извлекает таким образом двойную выгоду из своей дочери: он пользуется ее лучшими годами, посвящая ее ремеслу альме, а потом продает ее мужчине своего племени и получает снова около 200 фр. за нее.—«Но», сказал я, «возможно ли, чтобы мужчина пожелал иметь женою столь обезценный субъект?»—«Об этом, отвечал кулугли, улад-наиль позаботились достаточно. Они заставляют всех своих девушек вести один и тот же промысел, за исключением, быть может, только дочерей шейха. При этом нет другого выбора, как жениться на альме, так как о соединении с чужим племенем не помышляет у улад-наиль ни один мужчина. Кроме того, все эти девушки богаты, т. е. имеют множество дорогих украшений, переходящих к ним по наследству от матерей и составляющих их неотъемлемую собственность».

Здесь, следовательно, мы снова имеем случай индивидуального брака внутри рода и общинного брака вне рода, подобно Палаузским островам. Причины этого курьезного совпадения столь противоположных явлений, повидимому, одинаковы в обоих случаях: ограничение территории в первом случае морем, во втором пустынею, и отсутствие другого выбора в мужья, кроме мужчин собственного рода: нехватает только одного похищения, чтобы параллель была совершенно полная.

Еще Кемпфер¹, голландский путешественник конца XVII столетия, описывает существующий у японцев обычай посылать своих девушек в чайные дома. «Касьмац», говорит он, «или город проституток, образует южную часть города Нангасаки, содержит в себе лучшие дома города и населен только содержателями чайных домов. Учреждение это снабжено множеством девушек и считается после миакского знаменитейшим во всем королевстве. Девушки от 12 до 20-летнего возраста занимают за известную сумму, в числе от 7 до 30, помещаются в чайном доме и содержатся хозяином его. Они имеют удобные комнаты и ежедневно упражняются в танцах, игре на музыкальных инструментах, в письме и в других занятиях, соответствующих их полу и сообщающих им привлекательность. Младшие суть служанки и вместе ученицы старших и более опытных. По мере возрастания их ловкости и улучшения манер, и по мере того как они начинают приносить хозяину большую прибыль, поднимаясь в спросе, достоинство их повышается, обращение с ними улучшается, и цена за них, получаемая хозяином, все увеличивается. Цена может простираться от двух *masses* до двух *ицуба*; последняя есть высшая, установленная начальством. Девушки худшего класса, которые уже отслужили свою службу или приговорены к наказанию, должны в передней дома содержать вечернюю и ночную стражу, зажигая проходным фонари за один *mass*. Если на этих девушках женятся, то они

¹ W. Heine, Japan und seine Bewohner, Leipz. 1860, 141.

признаются среди обыкновенных граждан за совершенно честных женщин, потому что не виноваты в своих проступках и в то же время хорошо воспитаны. Сами же их хозяева, как бы ни были богаты, никогда не признаются за честных людей и не должны смешиваться с последними; им придается весьма постыдное имя: *катсува*, т. е. челюсть; они считаются даже отверженными и причисляются к низшему классу *уетта* или дубильщиков, которые в Японии исполняют должность палачей и должны жить поблизости от судебных мест, отдельно от честных людей. Катсува угнетены еще постыдною повинностью, состоящею в том, что при судебных экзекуциях они должны посылать на помощь уеттам своих домашних слуг, или поденщиков».

Мужчины, женщины, дети, старики, молодежь обоего пола, говорит Вернер¹, купаются в Японии без стеснения вместе. Женщин моют мужчины-прислужники и при этом нет речи о купальных костюмах. Дитя с 10-летнего возраста посвящено во все тайны. Вообще японцы стыда не имеют и даже вряд ли имеют слово в языке для выражения его. Мужчины и женщины ходят почти голые. Много, конечно, этому способствует также и климат, который даже знатных европейских дам заставляет покидать значительную часть своего костюма. В соответствии с такими взглядами находится в Японии учреждение чайных домов. Это рестораны и в то же время публичные дома, в которых находится от 20 до 40 и более девушек. Только между этими учреждениями и подобными им нашими есть значительное различие: те находятся под внимательным контролем правительства, и девушки нисколько не теряют чести от своего ремесла, тогда как девушки, которые занимаются проституцией вне чайных домов, столь же презираемы у японцев, как и у нас. Итак, читатель видит, что в Японии все же есть нравственность и стыд, и границы этих понятий проведены очень тесно. Чайные дома следует рассматривать, — как бы парадоксально это ни казалось иному, — как пансионы и воспитательные учреждения для недостаточных семейств граждан. Бедные родители, имеющие кучу детей, рассчитывая, что не будут в состоянии дать им достаточное прокормление, отдают своих дочерей на 9-м или 10-м году на известное число лет, обыкновенно на 10—12, в чайный дом. Это совершается по контракту, под надзором государства, которое определяет вознаграждение, назначаемое родителям, и, до известной степени, берет на себя опеку над детьми. Чайные дома суть рестораны и клубы молодых людей, которые посещают их ради молодых девушек. Поэтому интерес хозяина состоит в том, чтобы держать хороших девушек, а также по возможности хорошо их воспитывать, развивать могущие у них быть таланты и приманивать ими гостей. Они не только изучают все

¹ R. Werner, Die Preussische Expedition nach China, Japan und Siam 1860—62, Leipz. 1863, II, 71—99.

женские искусства и развиваются в хороших хозяек дома, но их учат, сверх того, музыке, танцам, чтению, письму, чему они в отцовском доме никогда не выучились бы. Иной гражданин среднего класса берет себе жену из этого чайного дома, и эта последняя столь же уважается с этого времени среди членов общества, как если бы она вступила в дом своего жениха девиственницей.

В Иокогаме правительство построило чайный дом для одних иностранцев, так называемый Ганкиро, который обставлен роскошным образом и напоминает европейские города. Он содержит не менее 300 комнат и столько же девушек, которые разделяются на три различно оплачиваемые класса. Правительственные чиновники ведут управление, и в их руках находится вся деловая часть учреждения. Поистине, это единственное в свете правительство, содержащее публичный дом! Что можно сказать о нем? Таков обычай; в нем ничего не находят дурного, и влияние правительства на народ не страдает от этого. Несмотря на все это, японки, по видимому, одинаково отличаются нравственною наружностью и тонким обращением, все равно, воспитаны ли они в семействе или в чайном доме. Девушка без стыда у нас пошла, противна и обнаруживает свой характер в манерах; японкам же врождены такт и грация; они никогда не теряют этих качеств и никогда не бывают пошлы. При этом браки редко заключаются по любви, и вообще нежности между полами автор у японцев почти не заметил.

Семейные люди, с семьею и друзьями ходят в чайные дома, где заставляют девушку сыграть себе что-либо или прочесть. Почти каждая девушка учится играть на гитаре и петь. После обеда обыкновенно являются танцовщицы. Эти последние, подобно гитарным девушкам, составляют особый *цех*, но отличаются от других девушек в чайных домах тем, что они недоступны, как эти. Различается два рода танцев: один выполняется двумя, другой—одним лицом. В первом движения очень просты и в них нельзя найти ничего изящного; зато во втором танце обнаруживается вся врожденная грация японок: движения тела необыкновенно привлекательны и выразительны, но при этом весьма спокойны, и собственно танец есть ходьба, при которой всего больше работают руки и верхняя часть тела.

В Японии есть три класса прислужниц: девушки первого класса—наши горничные—убирают волосы и платье своей госпоже и содержат в порядке ее комнату; второй класс служит у стола, сопровождает госпожу на прогулках и ухаживает за детьми; третий класс смотрит за кухней и выполняет прочую грязную работу. В день свадьбы ловкая девушка второго класса посылается в дом невесты, чтобы прислуживать ей. Все три класса девушек берутся только из чайных домов.

Если оставить в стороне разницу культур, то единственным крупным различием соответствующих учреждений в Японии и на Палаузских островах является то, что у палаузцев замуж-

ние женщины прислуживают девушкам, предающимся свободной любви, тогда как в Японии вторые прислуживают первым. Повидимому, подобное положение вещей в Японии должно бы представлять собою момент дальнейшего развития и обособления индивидуального супружества, чем то, каким оно отличается на Палаузских островах.

В Китае роль чайных домов играют, повидимому, так называемые цветочные суда. Цветочное судно, говорит Лаволле¹, не имеет ни парусов, ни весел: это деревянный дом, поставленный на джонку. Внешняя стена образуется из бамбукового трельяжа, элегантно вырезанного и покрытого живыми красками — зеленой и красной, в смеси с золотом. Повсюду множество цветов. Итак, цветочные суда суть учреждения более или менее роскошные, где пьют чай, курят, играют, и где чай, трубки и карты содержатся куртизанкой. Все китайцы, молодые и старые, женатые и холостые, мандарины, ученые, кушцы входят без всякого стыда на цветочные суда, совершенно так, как мы входим в ресторан. Они проводят здесь четверть часа, час, вечер, иные ночь; но они могут сказать, что выпили только чашку чаю; их репутация добродетели остается совершенно цела. Вход на цветочные суда строго воспрещается европейцам.

Замечателен следующий очерк положения гетер в этой стране. «В Китае² куртизанки вербуются специально среди бедных девушек, покупаемых в детском возрасте у их нищих родителей. Воспитанные с самого нежного возраста в домах удовольствия, девушки эти часто лишены всякого сожаления, всякого стыда о своем положении. Для них это — ремесло, как и всякое другое. Итак, их не отравляют встревоженное сознание, ненависть к соблазнителю и презрение общества; они остаются честными женщинами, насколько могут быть ими в подобном положении; они отдают только свое тело, сохраняя за собою душу; они, да будет нам дозволено это сравнение, несколько напоминают тех христианок, которых римские императоры насильственно предавали разврату, но у которых они не могли испортить ни сердца, ни души. Китайская куртизанка, образованная, хорошо воспитанная, питаемая чтением сочинений древних мудрецов, очищенная изучением поэзии и полированная посещением молодежи высшего образованного класса, — гораздо выше честной, невежественной буржуазной китайской женщины. Отсюда такое множество браков честных китайцев с этими женщинами». И далее: «Китайская куртизанка всегда имела великое и здоровое влияние на нравственность китайца, потому что только в ее обществе он мог найти любезный и умный разговор, которого он напрасно стал бы искать в другом месте при такой формальной противоположности обычаев обще-

¹ *Lavallee, Voyage en Chine, Paris 1852, 342—343.*

² *Roman Chinois, traduit par Schlegel, Préface X—XII.* Цитировано в ниже упоминаемой статье *Вилькена, De Indische Gids, 1880, December.*

ния между обоими полами... Всякая болезнь имеет свой кризис, через который человек должен пройти прежде, чем стать здоровым. И подобно тому, как салоны регентства составляли переход от животно-грубого, холостого общества к обществу смешанному, хорошо воспитанному, таким же образом и в Китае будар начитанной куртизанки есть медленный переход к более высокому состоянию общества, когда китайский народ покинет свою систему запертия женщины, чтобы дать им место в обществе. Но если когда-либо Китай решится на этот великий шаг в цивилизации, он будет этим обязан ученым и умным куртизанкам, которые, показав, чем женщина может сделаться, благодаря свободе, облегчат к нему путь.

Если мы теперь обобщим сходные черты всех выше изложенных фактов по вопросу о взаимных отношениях молодежи обоего пола у многих первобытных народов, то придем к следующим заключениям. 1) В совершенную противоположность установившимся в цивилизованном обществе воззрениям на девическое целомудрие, девушки первобытных народов, большею частью, не только вполне открыто предаются свободной любви, но и в весьма многих случаях заслуживают себе за это не порицание и позор, а, напротив, сочувствие и поощрение окружающих. 2) Более или менее повсюду этот способ отношения между молодежью обоего пола ведет к приобретению приданого, как частной собственности невесты или ее родственников. 3) Во многих случаях молодежь каждого пола в отдельности, принадлежащая к данной родовой группе, образует особенные общественные организации, по всей вероятности, служащие для соединения сходных возрастов, так как и взрослые члены подобной группы также составляют особые ассоциации в общем разделении занятий. Все это вместе взятое служит очевидным доказательством, что в данном случае речь идет не о случайном только проявлении особенных нравственных понятий, а о более или менее всеобщем обычае народов, стоящих на известных ступенях развития, которые относятся к нему с открытым уважением. Такое обширное значение означенного странного обычая должно иметь также и соответствующую ему широкую основу, заключающуюся, частью, в самой родовой и экономической организации подобных народов, как о ней было уже сказано выше, частью же, в религиозных идеях, разделяемых на низких ступенях общественного строя. В том и другом отношении обычай этот одинаково указывает нам на существование исторической эпохи, в которую индивидуальный брак играл лишь второстепенную роль, уступая первое место свободным сношениям полов, так что лишь впоследствии, при вновь возникших условиях существования, первый одержал верх над последними и более или менее вытеснил их из общества.

Религиозный характер гетеризма у весьма многих народов давно уже обращал на себя внимание ученых, хотя и не был до

последнего времени достаточно разъяснен. Приведем несколько примеров, относящихся к этому предмету.

Священную проституцию в Индии Дюбуа¹ описывает следующими чертами: «В деревне Монгуре имеется маленький храм, посвященный Типамме, женскому божеству, в честь которого ежегодно устраивается знаменитый праздник. Богиня, помещенная в превосходно украшенном паланкине, движется процессией по улице; перед нею помещается другое божество, мужское. Эти две фигуры, совершенно нагие, имеют положение наиболее бесстыдное, и, при помощи механизма, им сообщается нечестивое движение во все время шествия процессии. Эта отвратительная картина, достойная остервенелой толпы, созерцающей ее, возбуждает взрывы веселости, которая проявляется в восклицаниях и раскатах смеха... Богиня Типамма могурская не одна в своей семье; у нее есть шесть сестер, которые ни в чем не уступают ей в деле приличия и вежливости: каждая из них имеет свой храм, подчиненный тем же ритуалам. На всем юге Миссора, начиная от Аламбади до Винада, на пространстве более 300 лье, эти отвратительные вакханалии пользуются величайшим кредитом».

«В изолированных местностях существуют храмы, в которых самый утонченный разврат есть единственный культ, приятный почитаемому в них божеству. Здесь также обещают плодородие женщинам, которые, отбрасывая всякий стыд, отдают свои прелести всякому приходящему. Здесь ежегодно в январе совершаются празднества, которые суть место свидания всего, что есть самого распущенного в обоих полах. Многие бесплодные женщины, в надежде избавиться от своего недуга, являются сюда, давши обет отдаться определенному числу мужчин. Другие, с совершенно потерянными нравами, спешат явиться сюда, чтобы засвидетельствовать богине места свое уважение публичной проституцией, на самом пороге ее храма. Подобные же храмы, всегда избирающие для себя более или менее пустынные местности, существуют в Джуижьюнагата, около Каримадаи, в округе Коимбатур, а также неподалеку от Мудон-Дараи, на восток от Миссора. У ассирийцев и вавилонцев, по свидетельству Геродота и Страбона, каждая женщина была обязана раз в жизни предаваться проституции в храме Милитты, соответствующей греческой Венере. Этот обычай настолько шел в разрез с началами той стыдливости, которою сама природа наделила даже большую часть животных, что многие новейшие писатели, и в том числе Вольтер, заявляли сомнение в ее истинности. Но что сказали бы они о нечестивых празднествах, которых изображение я только что представил? Власть мужей в Индии такова, что, конечно, не без их участия идут жены направо

¹ J. A. Dubois, Moeurs etc. des Peuples de l'Inde, Paris 1825, II, 368, 370, 377, 358—354, I, 476 (загл. святишник).

и налево искать для них потомства; но разве суеверие знает какие-либо границы?»

«Среди замечательных подробностей, сопровождающих большие торжества, есть одна, которой я не могу пройти молчанием. В определенное время года устраивается большая процессия, и обстановка, в которой она совершается, привлекает громадное стечение любопытных обою пола. Идол Венгатты-Суара движется по улицам на превосходной колеснице; брамины, присутствующие при церемонии, расходясь в толпе, избирают красивейших женщин, каких только встретят, и требуют их у родителей именем Венгатта-Суары на службу, для которой, по их словам, они предназначены. Некоторые лица, у которых не совершенно пропал здравый смысл, понимая, что каменный бог не нуждается в женщине, отказывают в выдаче своих дочерей, сердятся и открыто упрекают браминов в обмане. Эти последние, нимало не смущаясь, обращаются к другим лицам более мягкого характера, которые, будучи очарованы честью, оказываемую им столь великим богом, желающим породниться с их семьею, спешат отдать женщин и девушек на руки его служителям».

«Куртизанки, или танцовщицы, приписанные к каждому храму, носят имя *дева-десса* (рабыни или служанки богов); но публика обозначает их более энергическим именем проститутки: в самом деле, они юридически обязаны делиться своими прелестями со всяким, кто того потребует и уплатит за это деньги. Кажется, что в принципе они были предназначены служить развлечением исключительно для браминов. При всем том, эти развратные женщины, публично торгующие своею красотой, посвящены специальным образом культуре божеств Индии. Всякая пагода, сколько-нибудь замечательная, имеет их у себя на службе от 8 до 12 и более. Их официальные функции состоят в танцах и в пении два раза в день, утром и вечером, внутри храмов и, сверх того, при всех публичных церемониях. Они исполняют танцы с достаточною грацией, хотя имеют вид распушенный, а жестам их недостает приличия. Что касается их песен, то это, большею частью, произведения бесстыдной поэзии, в которых описываются некоторые из походов их богов. Приличие и вежливость, характеристические черты индийских нравов, требуют повелительно, чтобы знатные лица во время своих показных и других визитов сопровождалась известным числом этих куртизанок¹. Все время, которым позволяют им располагать эти обязанности, посвящается ими нечестивой тор-

¹ Любопытно, где можно встретить параллель этого обычая: «Широкими преимуществами пользовались они (гетеры) с древних времен в Вене. Здесь они присутствовали при торжественных въездах императора, отправляясь к нему навстречу и вручая ему букеты цветов. И на всех публичных празднествах, на годичных скачках, в ванхантических танцах ремесленных подмастерьев главную роль играли девы-радости, покрытые цветами» (v. Hellwald, Culturgeschichte, II, 342, цитировано у Wilken'a).

говле; нередко можно видеть, что самое местопребывание их богов становится театром их распущенности. С самого детства их дрессируют для этого последнего ремесла. Их берут из различных каст, и есть в их числе такие, которые принадлежат к весьма порядочным семействам. Встречаются также довольно часто беременные женщины, которые, ради счастливого разрешения от бремени, дают обет, с согласия своих мужей, посвятить носимое ими дитя, если оно будет девушкой, на службу пагоде; они далеки от мысли, что этот нечестивый обет имеет в себе нечто, несовместимое с материнской нежностью. Справедливо, впрочем, что родители, дочери которых ведут этот род жизни, не испытывают никакого осуждения со стороны общественного мнения. Это единственные женщины в Индии, которые имеют привилегию учиться читать, танцевать, петь; честная и добродетельная женщина постыдилась бы приобрести тот или другой из этих талантов. Эти женщины получают постоянное жалованье за свои священные функции; но жалованье умеренно, и они его пополняют с выгодой продажей своей красоты. Они хорошо одеваются и украшаются, но, с соблюдением полной скромности,—не видно нигде наготы.

У древних евреев¹ поклонение доброй богине Ашере, тождественной в основании с Астартой финикийки, Танитой карфагенянки и Милиттой ассирийской, равным образом принимало форму религиозного гетеризма. Как земное божество, проявляющее свою силу в растительности, Ашера служила обыкновенно предметом поклонения в рощах и лесах. Святилищами Ашеры были очаровательные места, зеленые и тенистые леса, часто орошаемые текучими водами, таинственные убежища, в которых было слышно одно воркованье голубей, посвященных богине. Символ Ашеры—простой ствол дерева с обрубленными ветвями и без листьев—был эмблемою зиждительной, производительной силы. На высоких местах, где приносились жертвы, около главы Ваала или Иеговы и символа Ашеры, ставились шатры священных гетер. Библия обозначает праздник священных гетер именем «Soucoth Benoth»—шатры девушек. В настоящее время в науке преобладает мнение Моверса, который сравнивает это имя с именем великих торжеств еврейского года, праздником кущей или скнни. Одетые в блестящее платье, с волосами, влажными от благоуханий, щеками, покрытыми румянцами, окружностью глаз, зачерненной антимонием, бровями, удлинненными при помощи мази из гумми, мускуса и черного дерева, служительницы Ашеры ожидали в этих шатрах на пространных постелях обожателей богини; они назначали свою цену и условия и опускали деньги в кассу храма. В праздничные дни пилигримы

¹ I. Soury, La Bible et l'archéologie. Revue des deux Mondes, 1872, 1-er Fevrier, 599—602. См. также C. P. Tiele, Vergelijkende Geschiedenis van de Egyptische en Mesopotamische Godsdiensten, Amsterd. 1872, Eerste Deel, 466—467, 478 и сл., 501 и сл.

являлись в святилище толпою и посещали шатры. Часто эти служительницы Ашеры не принадлежали к святилищу. Сидя у входа в город, на краю дороги, с опоясанным веревкою лбом, они отдавались всякому прохожему и посвящали богине деньги, получаемые от чужестранца. Иногда это бывали бесплодные женщины, которые посвящали себя культу богини, чтобы сделаться матерями. Богиня оплодотворяемой земли, Ашера была также богиней зачатия. Ленорман замечает, что Милитта Геродота воспроизводит в точности эпитет Мулидиты—«создательницы», который принадлежал великой богине природы, ассирийской Белите, матери всех богов и всех существ. Рассматриваемая как Мулидита, Белита была смешана в вавилонской религии с Зарпанитой, или с производительницей семян. Святилищем Зарпаниты был род караван-сарая, большое здание, снабженное кельями. Подобные же кельи, служившие тому же назначению, существовали и в Иерусалиме, где Ашера имела свой символ и была почитаема.—Проституты были обоего пола. Мужчины назывались «кедешим», женщины—«кедешотэ», т. е. святые, посвященные, обреченные. Плата, поступавшая к ним, шла на поддержку храмов и культа в Иерусалиме, в Библосе, в Карфагене, в Гираполисе. В Армении и в соседних странах подобное же значение имел культ богини Ананты, вавилонской Анаты, и сопровождался подобною же проституцией. Кедешими ходили по городам и селам в сопровождении флейщиков и барабанщиков. Они танцевали под музыку, наносили себе при публичке увечья. Потом, наиболее бешеный из них, весь покрытый кровью, принимался пророчествовать. Все кончалось сбором фиг, масла, хлеба и денег. То же самое делали и кедешотэ—женщины. Они проходили по стране, играя на тимпанах, цимбалах и двойной флейте. Сирийки всегда славились в древности репутацией хороших музыкантов. Этот род баядерок, повидимому, был весьма многочислен в городах Финикии и Иудеи.

Факты, изложенные на последних страницах, представляют, при всех своих особенностях, дополнительное доказательство того, что свободные отношения между молодежью обоего пола не только пользуются всеобщей распространенностью, широкою терпимостью и даже известным родом предпочтения и религиозного уважения у первобытных и отчасти у культурных народов, но и повсюду носят одну и ту же характеристическую окраску. Если какое-нибудь общественное явление встречается у различных народов, в различные времена и в различных концах земного шара, то оно всегда бывает обязано своим существованием какой-нибудь общей причине. Такою причиною в данном случае является происхождение индивидуального брака из общинного, вследствие чего, даже при установлении и укреплении последнего, продолжают еще существовать многочисленные следы гетеризма не только в внебрачном состоянии женщины, как мы это уже видели, но также и в брачном. В послед-

нем именно смысле необходимо понимать так называемую протитуцию гостеприимства и дружбы, с одной стороны, с другой же—широко распространенную среди первобытных народов распущенность замужних женщин. Приведем несколько примеров этой последней, а потом обратимся к изучению ближайших причин происхождения всех этих обычаев.

Многочисленные примеры гостеприимства, которое выражается в том, что хозяин отдает в распоряжение гостя свою жену или дочь, настолько известны, что нам нет надобности останавливаться здесь на них с подробностью. Достаточно будет сослаться на два, на три наиболее характеристических случая. Вот, напр., отчет Марко Поло относительно отправления этого обычая у жителей Хамиля, к востоку от Тянь-шанских гор¹: «Чужестранцев здесь принимают весьма дружелюбно, и когда мужчины удаляются, женщины и девушки предоставляются вполне в распоряжение гостей. Обращение к этому знаку гостеприимства они рассматривают как большую честь и полагают чрез то приобщиться божественной благодати. Женщины в этом отношении следуют приказаниям своих мужей. Вследствие строгого распоряжения монгольского князя Менчуку, обычай этот не соблюдался в течение трех лет, хотя с большим неудовольствием и сожалением. Так как жители пришли к заключению, что они в течение этого времени были посещаемы урожайными и всякими иными несчастьями, то было отправлено посольство к великому хану с настоятельной просьбою восстановить древний, унаследованный от предков обычай. Великий хан отвечал на это: «так как вы столь сильно желаете пребывать в своем стыде, то да будет ваша просьба уважена. Ступайте назад, оставьте в своих недостойных обычаях, выводите своих женщин и давайте им себя бесчестить, получая за это постыдную плату». С этим ответом послы вернулись домой, к величайшей радости всего народа, который до настоящего времени удерживал свой старый обычай». Совершенно подобный же случай приводит Буркгардт² относительно арабского народа аль-мерекде, ветви великого племени азир. По его словам, этот народец также соблюдал странный обычай своих предков, давая каждому чужестранцу, который останавливался в его шатрах или домах, какую-либо женщину семьи для компании в течение ночи, и обыкновенно это была жена самого хозяина... Не без трудности вагабиты заставили это племя отказаться от своего обычая, и когда два года спустя обнаружился недостаток воды, то мерекде смотрели на это бедствие, как на наказание, посланное им за оставление похвальных обычаев гостеприимства, которые практиковались в течение столетий их пред-

¹ *Wutke*, Die ersten Stufen der Geschichte der Menschheit, 178. Цитировано Wilken'om, op. cit.

² *Bibl. Universelle des Voyages*, XXXII, 378—381.

камн». Тот же обычай встречается и на Индийском архипелаге. О дайаках Сидина, в западной части Борнео, сообщают¹, что мужчины весьма нередко мешают между собою жен и что если кто-либо придет в кампюнг и там найдет одноименное с собою лицо, то он имеет право поместиться у своего тезки, которого не только дом, но и жена в буквальном смысле слова состоят в его распоряжении. Также и обитающие на судах Оранг-Сека в Билитоне, повидимому, повинуются обязанности гостеприимства, предлагая своих жен гостям. Когда секу посещает мужчина, то он (хозяин судна) отправляется на переднюю часть судна и оставляет свою жену одну в обществе гостя, а сам в это время забавляется тем, что бьет в барабан, причем игра носит название *lon tjoing*, и удары сопровождаются печальнейшим песнопением, подобным погребальной музыке; в этом занятии он проводит всю ночь до пробуждения дня, не отдыхая ни на минуту.

Мы не станем цитировать многочисленные примеры свободной любви, отправляемой женщиною перед вступлением в брак, в первую ночь, причем право на последнюю принадлежит сначала всей общине, потом старейшинам и духовенству, наконец, самому отцу. Укажем только на следующие два в высшей степени характерные случаи. «Часто на улице Бенгуаллы» говорит Маджар², «видна так называемая «вакунга», т. е. толпа молодых и старых женщин, которые с развевающимися знаменами и бречащими колокольчиками водят из дома в дом празднично одетую и закрытую покрывалом девушку, называемую ими «воугола», предлагая уступить ее девичество тому, кто более заплатит за то. Это они делают, как меня уверяли, особенно в тех случаях, когда родители девушек бедны и не могут доставить издержек, необходимых для свадьбы. Но не довольно того, что они публично торгуют девичеством девушки; на следующее утро пьяная вакунга снова является в дом, где они оставили воуголу накануне вечером. Тогда они выводят из дому обесчещенную девушку, навязывают запачканную простыню на длинную палку, ведут таким образом несчастную жертву по улицам, называя ее имя с бесстыдным криком и славят ее добронормочное поведение перед всяким встречным. Потом они приводят обесчещенную невесту к жениху, который награждает их за труды и за приданое, добытое таким образом через их посредство, быком и порядочным количеством водки». Тот же обычай, по словам Буркгардта³, существовал, повидимому, в прежнее время у арабов: «До завоевания вагабитами, между арабами азира было в обыкновении выводить своих взрослых дочерей в лучшем платье на базар и, ходя перед ними, кричать: «кто хочет кушать девственность?» Брак, иногда условленный заранее, всегда совер-

¹ *Wilken*, op. cit., De Indische Gids, October, 1880.

² *Lad. Magyar*, Reisen in Süd-Africa, Pest u. Leipzig 1859, I, 10—11.

³ *Burkhardt*, Bibl. Univers. des Voyages, XXXII, 379—381.

шался на рыночной площади, и ни одна девушка не должна была выходить замуж иначе¹. Ниже мы постараемся разъяснить описанный обычай при помощи одного нового исследования; теперь же отметим как вопрос: не составляет ли существующие у некоторых народов, например, у болгар² и у малороссов³, обыкновение публично, во время свадьбы, доказывать сохранение невестою девичества, через показание гостям ее простыни, простого переживания обычая, подобного бенгуальскому, с изменением, под влиянием развития, значением и характером? Сходство торжественных церемоний, одинаково соблюдаемых во всех этих случаях, невольно наводит на эту мысль.

Можно было бы еще сомневаться, что источником происхождения индивидуального брака является брак общинный, если бы первый из них у весьма многих народов не нес на себе следов сравнительно недавнего происхождения. Так, напр., у австралийских народов, по словам Эйра⁴, брак не рассматривается как залог целомудрия, и подобной добродетели вовсе не признается. Женщины занимаются проституцией всю жизнь; муж отдает жену другу; давать жену на время приходящим издали считается гостеприимством. Если случайно приблизятся к стану несколько родов, а мужья на ночь куда-нибудь ушли, то есть обычай пользоваться чужими женами и поутру возвращаться каждому в свой стан. Легко можно понять, что любовь между супругами едва может существовать, когда все относящееся до женщин подчиняется произволу мужчин, и такая распущенность общения полов дает подрастающему поколению многочисленныя поводы преждевременного развития страстей.

«На островах, близких к экватору и на всех тропических», читаем у Моренго⁵, «все классы народа предавались самым

¹ Нечто подобное описанному обычаю сообщает Бастиан в своем сочинении «Die deutsche Expedition an der Loango-Küste», Jena 1474, I Band, 175: «При достижении половой зрелости молодая девушка отводится тем, кто искал ее руки у родителей, или самими родителями в так называемый Casa das tintas (до вступления в брак), чтобы быть рекомендованной желающим вступить в брак. В течение этого времени посетители могут с нею играть, сожительство же с нею не дозволяется, так как дверь остается открытой, а сожительство допускается только при закрытой двери. Пребывание в означенном Casa может продолжаться около 5 месяцев, пока помещенную там девушку не потребует какой-либо мужчина к сожительству или к браку. Если достигает зрелости дочь вождя (в 11—13 лет), то ради этого устраивается праздник, чтобы передать ее жениху, если такой уже нашелся и сделал о ней предложение. В ином случае она, с выкрашенным телом, помещается в Casa das tintas на случай, не найдется ли кого, кто заплатил бы родителям за первую ее красоту. Если этого не произойдет, то ее передают рабу, который, как прежде в Арракане духовные лица, предпринимает переданную ему обязанность, а затем может оставаться с нею в браке или отпустить ее».

² Богшич, Юридич. быт болгар. Извлечение Майнова, loc. cit. 587.

³ Кистяковский, К вопросу о цензуре нравов малор. народа, «Записки И. Р. Г. О. по отдел. этногр.», VIII, 1878.

⁴ Eyre, op. cit., 318—320.

⁵ Moerenhaut, op. cit., II, 56.

возмутительным излишеством. Проституция женщин со многими мужчинами была там господствующею страстью. В Губуан и Либуан, которые посещаются лишь с недавнего времени, женщины были почти общи. На Маркизских островах одна женщина имеет часто до двадцати любовников; на островах Опасного архипелага порча нравов была столь же скандальна, чтобы не сказать более. Однако острова Товарищества были из всех наиболее распущенные по нравам своих жителей.

«Папуасы», так свидетельствует русский путешественник Миклуха Маклай¹, «рассматривают половые отношения подобно прочим физическим потребностям (еда, сон и пр.) и не делают из них никакой искусственной тайны». Он же описывает следующий вид брачного состояния на полуострове Малакке: «Девушка, после того как она состояла в браке несколько дней или недель с одним мужчиною, идет добровольно и с согласия его к другому, с которым снова проводит более или менее продолжительное время. Таким же образом она обходит кругом всех мужчин общины, пока не возвратится к первому своему мужу, у которого однако опять-таки не остается и продолжает заключать подобные временные, регулируемые случаем и желанием супружеские союзы».

«Было бы трудно», говорит Маршан², «приписать другой причине, кроме бешеной распущенности, ту странную легкость, с какою они (женщины Маркизских островов) входят в сношения с иностранцами, которых никогда не видали, которых никогда более не увидят и которым все они наперерыв спешат делать заявления и вызовы. Сначала думаешь, что их мотивом служит интерес, что неумеренное желание получить новые для них предметы, как ленты, ножи, зеркала, бусы, преодолевает стыдливость; но эту мысль оставляешь, когда видишь, что часто они отдают свою любовь, а не продают ее. Если даже был заключен договор и им отказывают в условленной плате, после того, как они со своей стороны выполнили условие, они не проявляют ни печали, ни неудовольствия; можно было бы подумать, что на подобный отказ они смотрят только как на нарушение формы, которое не касается сущности дела. Среди этой легкости, этой распущенности нравов, которая отдает их всякому мужчине безразлично, они сохраняют вид стыдливости и скромности, как невольную дань, которую порок (?) оказывает добродетели. Когда они приплывали к кораблю без всякой одежды, они сохраняли всегда узкий пояс, с которого висели банановые листья, и, повидимому, были весьма озабочены тем, чтобы не показать себя сполна; но эти листья, непрерывно приводимые в беспорядок движениями их тела, прятали то, что они хотели скрыть от взоров, не более, чем руки стыдливой

¹ Ethnologische Excursionen, «Naturkundig Tijdschrift voor Nederl. Indie», XXXVI, 298 (нар. у Wilken'a).

² *Marchand*, Biblioth. Universelle des Voyages, XV, 404—405, 406, 407.

Венеры. Хирург Робле говорит, что часто французам представляли девушек, которым можно было дать на вид не более 8 лет, и они уже не были девственницами. Часто видели мужчины и женщин, которые публично и при громких аплодисментах многочисленных зрителей обоего пола, предавались акту, которому одни только животные, и то только некоторые, отдаются без соблюдения тайны. Мужчинам столь же мало знакома ревность, как и женщинам верность. Каждая женщина тут, повидимому, есть жена каждого мужчины, каждый мужчина — муж каждой женщины; каждый предлагает иностранцу честь каждой безразлично и равнодушно. Мендана сделал замечание, что всякая хижина или жилище были, по выражению Фигуэроса, общиною; испанцы судили по числу покрывал, разостланных на земле, что каждый дом должен был заключать в течение ночи большое число лиц, спавших как попало от общения постели до общения женщины».

О том, как часто меняют своих мужей жены на Палаузских островах, мы уже говорили выше. То же самое происходит и на Индийском архипелаге¹. Так, например, о горных жителях острова Пеллинга, принадлежащего к группе Банган, рассказывают, что брак между ними совсем неизвестен. Точно так же и альфуры на Бору не имеют никакого понятия о брачном состоянии: мужчины и женщины встречаются между собою лишь временно и сочетаются без всякого стыда на глазах у каждого. Если перейти теперь на Суматру, то мы найдем здесь описание народа лубу в местности Мадайллинг, который предается любви совершенно свободно и женится даже на матерях и сестрах своих. Подобное же состояние всеобщего смешения полов должно было, судя по описаниям, существовать еще в недавнее время в округе Тонганаванг, в Минагассе-Менадо.

Геррера в своей «Истории Америки» (1, 216) говорит: «Они (береговые племена Венесуэлы) не соблюдают никаких законов или правил в супружестве: мужчины берут столько жен, а женщины столько мужчин, сколько хотят, оставляя друг друга по желанию и не видя в этом ничего дурного ни для той, ни для другой стороны. У них совершенно неизвестно то, что называется ревностью; такое житье им весьма нравится и никого не оскорбляет. Они живут в больших домах, столь обширных, что в них помещается до 160 человек».

У южноамериканцев, по словам Нейвида², браки происходят без всяких церемоний и определяются единственно волею обоих лиц и их родителей и столь же легко расторгаются; если во время отсутствия мужа другой имел удачную охоту, то жена может перейти к последнему, и будет за это, самое большее, только побита.

¹ См. *Wilken*, *De Indische Gids*, 1880, October.

² *Neuwied*, *op. cit.*, 34.

Среди туземцев Бразилии¹ можно найти если не брак, то род постоянного отношения между мужчиною и женщиною; община ни во что подобное не вмешивается, и потому жена рабыня мужа. Моногамия далеко преобладает; она, повидимому, основывается на ленивом темпераменте мужчин. Впрочем, у ботокудов бывает жен до двадцати. Другие племена, особенно в северной части страны, живут в неправильной полигамии. Обладание многими женами считается признаком роскоши и тщеславия.

«Поутру», говорит Росс², «другая семья эскимосов пришла с севера, принеся с собою немного тюлена и несколько кож, и ее сопровождал старик, которого мы еще не видели, но который был отцом известных нам детей. Нам кажется, что его жена покинула для него своего третьего мужа. Насколько мы могли понять, такой поступок был вполне легальным или был обычаем, равносильным закону. На следующий день мы принимали посещение этой молодой женщины, старика и двоих детей. Кроме этой жены старик имел еще одну, тогда как двое молодых людей имели одну супругу на двоих; однако, все общество жило в мирном общении. Была еще старуха с двумя мужьями, которые дополняли эту странную полигамическую семью... Мена женами для получения большего количества детей не составляет у эскимосов редкости».

«На Яве не редкость видеть женщину³, которая до тридцати лет развлеклась с тремя или четырьмя мужьями. Был даже один случай, когда женщина жила с двенадцатым супругом. Ревность к женщинам мало известна индийским островитянам».

«Когда я говорю о браках, то это лишь способ выражения⁴. Союз мужчины и женщины не имеет ничего ни постоянного, ни торжественного в этой стране (Уганда), где смешение полов представляет вполне животный характер. Так, например, всякий мконгу, владеющий молодою девушкою, отдает ее королю, чтобы избегнуть наказаний, которые мог бы навлечь на себя. Если один из соседних князей есть отец известной красавицы, то король Уганды может получить ее в виде подати. Улакунгу (начальники) снабжаются женами от монарха соответственно своим заслугам, причем между ними распределяются или пленные женщины, взятые во внешних войнах, или те, которые захвачены у одного из их товарищей, виновных в возмущении».

«В Абиссинии», пишет Брюс⁵, «женщины живут, как будто бы они были общи целому миру, и их удовольствия имеют границей одну лишь их добрую волю. При всем том, выходя замуж, они имеют претензии принадлежать лишь одному мужчине;

¹ Marzius, op. cit., 53.

² Ross, Bibliothèque Universelle, XL, 133.

³ Crawford, History of the Indian Archipelago, Edinb. 1823, 79.

⁴ Speke, Les Sources du Nil, 331.

⁵ Bruce, Voyage aux Sources du Nil, en Nubie et en Abyssinie (1768—72), A. Montémont, 21.

но и тут они себя не очень стесняют, и эта обязанность, подобно большей части других, есть не более как шутка... Хотя иезуиты много говорили о браке и о полигамии в Абиссинии, но не менее верно, что в Абиссинии неизвестно то, что мы разумеем под браком; в силу взаимного соглашения мужчины и женщины соединяются без всяких церемоний, оставляют друг друга и снова составляют пары, сколько раз хотят, даже если женщина, разведшаяся с первым мужем, имела уже детей от другого.

«У кафров», по словам Дене¹, «мужья отдают друг другу своих жен в ссуду на целые годы и живут в открытом прелюбодеянии... Они совершенно погружены в телесные наслаждения и имеют в полном смысле слова глаза, полные разврата; каждый зарится на жену своего ближнего столь сильно, что страсть обыкновенно становится фактом; почти каждый мужчина, кроме своих собственных жен, имеет еще любовницами жен другого и каждая жена имеет любовниками мужей других жен».

Если это описание брачных отношений у кафров грешит чересчур миссионерским характером, то немного разнится с ним и более объективное изображение дела Лихтенштейном²: «Чувства нежной, целомудренной и взаимной любви, основывающиеся на совпадении характеров и настроений, совершенно чужды кооса (кафрам). Только потребность взаимной помощи в домашней жизни и естественный инстинкт завязывают у них, повидимому, связь между девушкой и юношей. При всем том браки часто продолжают всю жизнь».

«На Мадагаскаре», говорит Далпер³, «женщины не менее мужчин отданы бесстыдству и никогда не упускают случая удовлетворить себя по этой части, имея всегда, кроме мужей, одного или двух друзей. Если бы муж это заметил и стал обращаться с женою хуже прежнего, то она ушла бы от него без церемоний, чтобы воспользоваться удовольствиями жизни с теми, которые ей более нравятся.—Среди замужних нарушение супружеской верности считается за проступок или обиду, за которую платят штраф, как за деяние, не влекущее потери чести».

Мы могли бы значительно увеличить число фактов, свидетельствующих о крайней легкости брачных уз у первобытных народов, мало чем отличающейся от полного общения жен. Но достаточно и этих, чтобы дать понять читателю, что моногамический индивидуальный брак представляет, сравнительно говоря, довольно поздний плод цивилизации, и прежде своего окончательного установления принужден выдерживать титаническую борьбу с своим мощным противником гетеризмом, в каком бы замаскированном виде не проявлялся этот последний. Спрашивается, в чем именно лежит источник этого первоначально столь неравного столкновения, если несомненно то, что воз-

¹ Döhne, Das Kafferland etc., Berl. 1843, 33.

² Lichtenstein, op. cit., I, 430.

³ Dapper, op. cit., 326—327, 466.

держанье, соединенное с установлением индивидуального брака, составляло крупный шаг в общей борьбе за существование, обеспечивая гораздо большее размножение населения, лучший уход за детьми, а следовательно и большую крепость их здоровья и т. п.? Иными словами, как можно объяснить себе, что в то время, когда целомудрие среди замужних женщин поощряется и ценится, у незамужних, наоборот, оно не обладает ни малейшей ценностью и даже считается за пренебрежение к браку? Каким образом, далее, примирить строгое воздержание, налагаемое мужьями на жен, с тою готовностью, с которою они предлагают своих жен друзьям и гостям? Как возможно одним словом понять, что столь различные явления, как брак и проституция, которые должны друг друга исключать, становятся рядом и пользуются одинаковым уважением?

Вот что отвечает на эти вопросы голландский писатель Вилкен, талантливый очерк которого о «Первобытных формах брака и о происхождении семьи» мы уже цитировали несколько раз¹, и мнение которого об этом предмете нам кажется вполне основательным.

Леббок был первым ученым, который сделал попытку свести рассматриваемое явление на общинный брак. Общине женщины в племени должно было, по его мнению, первоначально устранить индивидуальный брак, далее, установить взгляд на него как на привилегию, причем некоторое вознаграждение следовало в пользу тех, чьи права были им нарушены. Исключительно законное обладание женщиной могло быть получено лишь при помощи временной уступки уже существовавшим общинным правам. Поэтому-то женщина, прежде, чем вступить в брак, должна была принадлежать всем. Иными словами, гетеризм должен был получить удовлетворение прежде брака. Из того же источника Леббок выводит гетеризм в браке, проституцию дружбы и гостеприимства. Ясно чувствуется слабая сторона этого объяснения. Экзогамия, согласно представлениям самого Леббока, была древнейшею формою индивидуального брака. Каким же образом в таком случае рассматривать гетерические обычаи, как поощрение существующих общинных прав? Женщина, принадлежавшая к чужому племени, не подпадала общине женщины у племени мужа. Кроме того, если бы брак стоял так

¹ A. Wilken, Over de primitieve vormen van het huwelijk en den oorsprong van het gesin. De Indische Gids, 1880, October en December. Нам пришлось ознакомиться с этим интересным исследованием лишь по окончании нашей собственной работы, находящейся перед читателем, а потому мы могли воспользоваться им только в незначительной степени. При чтении упомянутого очерка нас приятно поразило то, что мы нашли в нем подтверждение некоторых собственных воззрений. Так мы сходимся в общих чертах с автором во взглядах на характеристичность взаимных отношений молодежи обоего пола у разных первобытных народов, а также во взглядах на значение и особенности матриархата в его влиянии на организацию семьи.

высоко, то не могло бы быть и речи о каком-либо вознаграждении, в смысле указанном Лейббоком. Затем, приведенное объяснение не бросает ни малейшего света на богослужебный характер, отличающий жертвы свободной любви у столь многих народов. Вместо того, чтобы упускать из виду эту особенность, ее нужно ставить на первый план, когда идет вопрос о происхождении гетерических обычаев вообще.

Решение этого вопроса в вышеозначенном смысле заключается в том простом воззрении, что первобытный человек с установлением индивидуального брака мог прийти также и к тому, чтобы считать гетеризм божественным учреждением. В первобытных обществах людей все старое, переданное предками, всегда является как угодное богам. «Особенность примитивных общин», говорит Беджгот (*Physics and Politics etc.*, 141—2), «составляет то, что на большую часть их обычаев раньше или позже нарастает как бы сверхъестественная санкция. Вся община охвачена мыслью, что если старый обычай будет уничтожен, то произойдут невыразимые бедствия, такими путями и от таких причин, которых вы не можете даже и вообразить». То же должно было произойти и при установлении индивидуального брака. В противоположность последнему, как порождению человеческого произвола, общинный брак должен был возвыситься в своей славе как обычай, освященный традицией и угодный божествам.

Если иметь в виду сказанное, то гетерические обычаи, связанные с браком, объясняются сами собою. Что удивительного в том, что человек колебался порвать сразу с свободной любовью, что он боялся привлечь на себя гнев богов за то, что он покинул старое, богоподобное в пользу нового, человеческого. Прежде всего старое не должно быть ни уничтожено, ни изменено. Напротив, следует стараться удовлетворить, примирить богов с новизною, при помощи благочестивого поклонения, придания старому обычаю большого значения против нового и окружения его блеском. Если, таким образом, служение свободной любви, согласно старому божественному праву, было назначением женщины, то это назначение должно быть поставлено на первом плане; должно быть прежде всего представлено доказательство, что, вопреки введенной новизне, назначение это чествуется как высшее и священнейшее для женщины, как такое, которое составляет долг хотя не всех, но во всяком случае лучших и благороднейших из них. И можно ли что-нибудь подобное выразить лучше, можно ли дать яснее понять преимущество старого назначения над новым, как не требованием от женщины, чтобы она свое девичество принесла в жертву не на брачном ложе, а на алтарь свободной любви?¹ Может ли мужчина иметь лучшее средство выразить сочувствие первобытному

¹ См. выше обычай бенгуэльских негров и арабов азира.

назначению женщины, как отказаться ввиду его от *jus primae noctis*? Таким образом с индивидуальным браком должно было связываться понятие, что девичество женщины принадлежит свободной любви, что не дозволяется мужчине захватывать ее в цепи брака, пока она девственница. Отсюда и женщина, прежде чем вступить в брак, должна посвящать себя гетеризму. И на этом дело не останавливается: благоприятствование свободной любви должно иметь место и в самом браке. Если оно угодно божеству и людям, то не может быть дурно для самой женщины отдаваться также и другим лицам, кроме законного мужа; не может быть это дурно и для мужа, почему он без сопротивления отдает свою супругу друзьям и гостям.

Вот где находится источник гетерических обычаев, связанных с браком. В основании их лежит представление о гетеризме, как о божественном учреждении. Если же обратить внимание на то, что у народов древности жертвы, приносимые на алтарь свободной любви, принимали участие в служении матерям-богиням, то основание этому следует искать также и в почитании этих богинь. Но можно признать даже *a priori*, что мы имеем здесь дело с переживанием того времени, когда богини были еще чисто фетишистическими божествами, богинями земли и плодородного всепроизводящего неба-океана. Таким образом в поклонении земле и небу можно видеть присутствие элементов, которые, при установлении индивидуального брака, хотя не исключительно вели к пониманию гетеризма как божественного учреждения, но все же значительно способствовали этому.

Следует заметить прежде всего, что земля, как богиня-мать, никогда не опиралась сама на себя, но постоянно служила предметом поклонения по своему отношению к небу. Если небо было представителем зиждительной силы, то земля была оплодотворяющей силой; земля представляла собою приемник, в котором содержались и вынашивались зародыши природы, и так как она была в этом смысле женским божеством, то небо представляло активный, зиждительный принцип, и потому не могло быть мыслимо иначе как мужчиною. Единственно из соединения, из сочетания двух божеств произошло все и поддерживается существование всего, если только размножение всего должно быть непрерывным. При антропоцентрическом понимании явлений, служивших предметом фетишистического поклонения, удивительно ли, что люди, приписывая земле и небу значение личностей, представляли себе соединение, сочетание того и другого, служившее источником всякой жизни, подобным тому сочетанию, которое необходимо человеку для размножения своего рода, иными словами, что означенное сочетание рассматривалось ими как чисто половое? Если взглянуть на мифы о браке между небом и землею, основу древнейшего культа первых земледельческих народов, то наряду с идеею о земле, как о матери, стояла идея о небе, как об отце. Когда древние греки

называли Ураноса и Гею мужем и женою, они разумели под этим действительное половое сочетание между небом и землею; то же самое представление должный были иметь также индус-арийцы, когда они называли Дайоса отцом и Пртиви матерью. Что это соединение первоначально рассматривалось как чисто половое, свидетельствует обычная при бирманских свадьбах формула, по которой, следуя Ягурведе, жених говорит невесте: «Я—небо, ты—земля, приди и вступим во взаимный союз». То же самое представление о браке между небом и землею лежит также в основе богослужения китайского и хамито-семитического, в особенности же, сирийско-финикийского. Тот же миф распространен повсеместно среди полинезийских племен, и нигде его нельзя встретить в более простом, детском, прозрачном и поэтическом виде, как в новозеландской легенде о детях неба и земли. Здесь достаточно указать на то, что эта легенда исходит из представления, что от Ранги, неба, и Папа, земли, произошли все люди и вещи. То же представление можно встретить на Индийском архипелаге среди тиморцев и алфуров Минагассы, «Дождь», говорит Макс Мюллер (Essays, I, 361), «представляется во всех первобытных мифологиях арийской расы, как результат объятий неба и земли. Светлое небо, говорит Эсхил в отрывке, который можно было бы признать за взятый из Веды, любит проникать в землю; земля, со своей стороны, жаждет брака с небом; дождь, падающий с любящего неба, оплодотворяет землю, и она производит для смертных пастбища овцам и дары Цереры». Представление о весне, в особенности о месяце мае, как о времени объятий, брака неба и земли, встречается в первоначальных мифах почти всех арийских народов и сохранилось даже в новейшей европейской поэзии.

Нет ничего удивительного в том, что это соединение люди стремились вызвать, выманить, когда отсутствовали приписываемые ему столь желанные результаты. И могло ли это быть сделано лучше, могли ли люди обратиться к более сильному средству, чтобы сблизить между собою два божества, как прибегая к такому действию, которым могла бы быть пробуждена их производительная сила. Такова была древняя вера в возможность беременности через симпатию, такова же вера в симпатию у диких Африки, когда их волшебники принуждают небесные силы давать дождь, или, еще лучше, у яванцев, которые воображают, что усиливают плодородие рисовых полей, бегая с своими женами нагишом в ночную пору по полям и принося жертвы Линге и Иони. После этих примеров нечего удивляться, что народы, у которых существовало фетишистическое поклонение небу и земле, пришли к тому, что стали стремиться к достижению столь желательного соединения между этими двумя божествами через совершение *conjunctio venerea*. С возникновением этого поклонения подобный обычай должен был образоваться сам собою.

Совершенно аналогично поклонению земле фетишистическое поклонение небу-океану, из которого некогда развилось служение богиням-матерям. Производительную, размножающую силу природы встречаем мы на этот раз в соединении с водою или, лучше сказать, с небесными водами. Но богиня небесных вод, мать-богиня, не могла сделаться источником жизни и растительности иначе как путем соединения с другим божеством, олицетворением небесного огня, жгущего и оплодотворяющего, всепроникающего и одушевляющего, который скрывался в глубине океана-небес, проявляясь в солнечном свете, в звездах, в молнии, с которыми смерть зимою и возрождение весной растительной силы земли состояли в такой тесной связи. И здесь также соединение богини небесных вод с богом космического огня представлялось как чисто половое, и, весьма вероятно, что его стремились пробуждать или вызывать при помощи того же самого средства оплодотворения.

Представление о браке между землею и небом, о таинственном действии небесного огня в водах небесного океана составляет основу древнейшего богопочитания первых земледельческих народов. Каково же то влияние, которое должно было иметь это богопочитание на отношения людей к общинному браку при установлении брака индивидуального? Очевидно, что здесь, как и в других случаях, благодаря уважению ко всему традиционному, свободная любовь должна была рассматриваться как божественное учреждение. Это мнение должно было укрепиться вследствие того обстоятельства, что здесь отправление *conjunctio venereae* в качестве религиозной церемонии было связано с богослужением. Во времена общинного брака это совершалось естественно в форме свободной любви; то же осталось и по установлении индивидуального брака. Уклонения всего менее могли быть терпимы в богослужебных обычаях и церемониях. Таким образом, свободная любовь оставалась связанною с богослужением богине-земле, в связи с богиней небесных вод. Поэтому, свободная любовь являлась как желательная богиням форма половых сношений: требовалось примирить этих богинь с индивидуальным браком, умиловить их за нарушение учреждения свободной любви. Это объясняет нам гетеризм и жертвы целомудрия богиням-матерям у народов древности. Богослужебные обычаи оказываются, однако, упорнее, нежели богослужебные понятия; как бы ни изменялись воззрения на божество, но культ остается совершенно неизменным. С жертвами целомудрия должно было происходить то же самое. Раз связанные с богиней земли, с богиней небесных вод, они должны были продолжать оставаться частью богослужения до тех пор, пока богини продолжали оставаться фетишами, пока они не отделились от природы и не стали одухотворенными, сверхъестественными существами, действительными божествами.

Если приведенное представление о происхождении гетерических обычаев, связанных с браком, верно, то эти последние должны были первоначально вполне иметь смысл *жертвы*, которую люди стремились примирить богов с нарушением переданного от предков учреждения свободной любви. Однако там, где эти обычаи с самого начала не составляли части особого культа, богослужебный характер, которым они первоначально отличались, был быстро утрачен. Само собою разумеется, что, с течением времени, в гетеризме должны были произойти всевозможные изменения и ограничения, которые уничтожили всякие следы от первобытного понятия о расположении к свободной любви. Так, например, время, в течение которого девушка должна была приносить жертвы свободной любви, должно было все сокращаться, пока не ограничивалось днями, которые предшествовали браку непосредственно. Таким же образом *ius primaе noctis* из общего права постепенно сделалось правом чужеземцев, духовенства, старейшин, князей, наконец, даже самого отца.

Таковы в кратких чертах результаты этой части исследования Вилькена. Читатель согласится с нами, что они бросают много света на происхождение гетерических обычаев, связанных с браком, которые действительно повсюду носят на себе более или менее религиозный характер. Только традиционно-богослужебное их значение может объяснить то странное уважение, каким сопровождается их применение у столь многих народов земного шара, часть которых давно уже вышла из первобытного состояния и могла сохранить одни лишь переживания подобных обычаев.

В ряду вопросов, представляемых семейными и брачными отношениями народов, находящихся на низших ступенях развития, особенно интересным является вопрос о том, какие важнейшие причины повели человеческое общество к замене материнского права отцовским, без упразднения рода? В качестве частного факта переход этот совершался в большом числе случаев среди североамериканских индийцев. Так у оджибвеен в настоящее время господствует отцовское право, тогда как у их соплеменников—делаваров и могоган—продолжает существовать материнское право. Первоначально филиация в женской линии несомненно преобладала во всем алгонкинском племени. Вероятно, такая же архаическая форма женской линии существовала и у древних родов Греции и Рима, но потом была заменена мужскою. Для совершения означенной перемены нужен был соответствующий мотив. Мотив этот различными писателями объясняется различно. По мнению Жиро Телона¹, первое при-

¹ Giraud Teulon, La mère chez certains peuples de l'antiquité, 32.

знание отчества составляло не что иное, как акт самопожертвования со стороны какого-либо великого гения древности. «Первый», говорит он, «согласившийся признать себя отцом, был человеком гения и сердца, одним из величайших благодетелей человечества. Докажи на самом деле, что дитя принадлежит тебе? Уверен ли ты в том, что оно есть другой ты, т. е. плод, что ты дал ему рождение? Или, быть может, ты, благородный изобретатель, направляешься к завоеванию высшей цели при помощи великодушной и добровольной доверчивости?» В столь же возвышенном, но не менее ложном свете рассматривает замену материнского права отцовским Бахофен¹. Он справедливо признает эту замену «важнейшим поворотным пунктом в истории половых сношений». Но он рассматривает этот период, как освобождение разума от обманчивых видимостей природы; как поднятие человеческого существования выше законов материального мира; как признание того факта, что видительная сила есть самая важная; словом, как подчинение материальной части нашей природы духовной ее части. «Оковы теллуризма разбиваются, и взгляд поднимается до высших областей космоса». Отвергая, и совершенно основательно, оба эти воззрения, ввиду их неопределенного и даже метафизического характера, Леббок² придерживается мнения, что признание отцовской ответственности вытекало из силы обстоятельств, вспомоществуемой внушениями естественных привязанностей. С другой стороны, прибавляет он, усвоение родства в отцовской линии, вместо родства в материнской линии, вероятно, произошло из естественного желания, которое ощущает каждый, оставить *свое* имущество *своим* собственным детям. Правда, что за исключением Афин, мы находим весьма мало следов этого перехода; но так как легко понять, какие причины его произвели, и трудно предположить, что когда-либо могла иметь место обратная перемена; что, кроме того, родство в мужской линии чрезвычайно, чтобы не сказать универсально, распространено у всех цивилизованных народов³, тогда как противоположная система весьма распространена у дикарей, то очевидно, что это изменение должно было иметь место довольно часто». Вполне соглашаясь с Леббоком, что переход в отцовскую линию был вынужден силою обстоятельств, мы, тем не менее, находим не вполне удовлетворительным данное им объяснение этих обстоятельств. На каком основании муж стал в один прекрасный день считать имущество и детей *своими*, когда и то и другое, как мы видели, в течение целых столетий, без всякого

¹ *Bachofen*, op. cit., 27.

² *Lubbock*, op. cit., 143—144.

³ Среди современных европейских народов следы существования материнства были указаны у басков, у некоторых племен Кавказа и, по всей вероятности, при тщательном исследовании, оказались бы и у других горных и замкнутых древних народностей.

препятствия с его стороны, считалось принадлежностью жены? Само собою разумеется, что на это были свои объективные причины и что одного внушения естественных привязанностей, которые, однако, в предыдущий период ничем себя не проявляли, для достижения этого результата было совершенно недостаточно. — Более обстоятельный ответ на этот вопрос дает Морган, хотя и он, повидимому, обращает более внимания на внешнюю, чем на внутреннюю сторону дела. Мотив перехода в мужскую филиацию был, по мнению Моргана¹, следующий: «После того как начали собирать в стада домашних животных, после того как эти последние сделались источником существования, равно как предметами индивидуальной собственности, и после того как обработка земли повела к отдельной собственности на дома и поля, — должен был необходимо возникнуть антагонизм против преобладающей формы семьи, потому что она исключала от наследования детей собственника, отчество которого сделалось более известным, и отдавала его собственность родовым родственникам. Борьба за новый закон наследования, поднятая отцами и их детьми, могла доставить достаточный могущественный мотив для совершения перемены. По мере накопления собственности и принятия ею постоянных форм и по мере возрастания количества ее в руках отдельных лиц, наследники по женской линии постепенно исключались бы из наследования, и замена женской линии мужскою становилась бы обеспеченною. Подобная перемена оставила бы наследование попрежнему в пределах рода, но она поместила бы детей в род их отца, а во главе детей поставила бы агнатов. Временно, во всей вероятности, дети принимали бы участие в распределении имущества наравне с остальными агнатами; но расширение принципа, на основании которого агнаты исключают остальных членов рода, привело бы со временем к тому результату, что кроме детей были бы исключены и все агнаты, и детям принадлежало бы исключительное право наследования. Еще далее, сын вступил бы в линию наследования *должности* своего отца. Таким сделался закон наследования у афинских родов во времена Солона и несколько спустя, когда собственность стала переходить поровну к сыновьям, на которых возлагалась обязанность содержания дочерей и снабжения их приданым при выдаче в замужество, а за отсутствием сыновей — поровну к дочерям. Если детей не было вовсе, наследство переходило к родичам-агнатам, а за отсутствием и последних, — к более отдаленным членам рода. Римский закон XII таблиц был в сущности таков же. Именно тут-то имена животных, прилагаемые к женским родам, заменяются человеческими».

Объяснение Моргана, без сомнения, ближе к истине, чем все предыдущие; но и оно возбуждает некоторые вопросы и сом-

¹ Morgan, Ancient Society, passim.

нения. Если собирание стад животных и обращение их в личную собственность служило одним из мотивов к переходу из женской филлиации в мужскую, то каким же образом совершался этот переход у тех народов, которые не имели вовсе или имели лишь незначительное количество домашнего скота? В числе таких народов находятся многие полуохотничьи, полужемледельческие туземцы Северной Америки. С другой стороны, если к тому же переходу ведет отдельная собственность на дома и поля, то как объяснить существование мужской филлиации у земледельцев-общинников наподобие русских крестьян? Независимо от этого, введение отдельной собственности на дома и поля не только не дает нам объяснения означенного перехода к мужской линии наследования, но и само нуждается в довольно сложном объяснении. Ясное дело, что вопрос о замене женской филлиации мужской представляет значительную сложность.

По нашему мнению, ключ к решению этого вопроса заключается в *порядке разделения родов* по мере постепенного перехода их к оседлости и в усвоении ими не индивидуальной, а *родовой собственности на землю*. В основании этого расселения, как и всех прочих переложений и сочетаний общественного сложения труда, лежит закон народонаселения, который при данных относительных условиях постоянно принуждает население снискивать свое пропитание все более и более упорным трудом с все меньшего и меньшего пространства земли. До тех пор, пока существование общества обеспечивается при помощи простого, однородного, краткосрочного и более или менее случайного труда, господствует то полустадное состояние общества, с общением жен, или переходные ступени от последнего к начинающим обособляться родовым группам, какие мы встречаем и в настоящее время на Индийском архипелаге, в Полинезии и в Меланезии. Нечего и прибавлять, что при существовании благоприятных условий почвы, климата и т. п., которые дают обществу возможность вести борьбу с внешней природою при помощи самого ничтожного труда, подобное эластическое и зачаточное состояние родовых отношений может продолжаться целые тысячелетия. Но по мере все более и более усиленного давления закона народонаселения, по мере того, как труд становится все сложнее и продолжительнее, постоянное и правильное, одновременно вступает в действие и процесс постепенного образования все более и более изолирующихся, совместно трудящихся родовых групп или групп родственных. Принцип изолирования родов состоит, как известно, в том, что одноименные роды перестают вступать между собою в брак, а приобретают себе сначала мужей, а впоследствии жен из чужих родов. Группы родственных, рука об руку с родовым характером, самым несомненным образом носят также и хозяйственный характер—обособленных коллективных личностей первого, второго и т. д. порядков, представителей все более и более частной соб-

ственности на землю и на движимые вещи. В этом смысле может идти речь о принадлежности в собственность целым племенам охотничьих, рыболовных, кочевых и земледельческих народов тех территорий, на которых они снискивают свое пропитание более или менее коллективной работой. В том же самом направлении идет и позднейшее обособление отдельных частей подобной территории между отдельными родами, братствами, племенами, а также и все возрастающее обособление участков между волостями, марками, отдельными общинами, большими семьями, малыми семьями и, наконец, отдельными лицами.

Для характеристики этого процесса обособления участков в его позднейших стадиях, сошлемся на Мэна, который в своей «Early History of institutions»¹ приводит два в высшей степени интересных свидетельства, заимствованных его другом Уитли Стоксом из «Liber Hymnorum», относимой к XI столетию, и из другого манускрипта XII столетия. В первом из них говорится (folio 5 A): «В это время (т. е. во время сыновей Эда Слэна) многочисленны были человеческие существа в Ирландии, и таково было их число, что обыкновенно получалось на каждого человека не более трех раз девяти борозд земли, т. е. по девяти борозд болота, по девяти—пахотной земли и по девяти—леса». В другом ирландском манускрипте, относимом к XII столетию,—«Lebor na Huidr'e» говорится, что «в Ирландии, пока не пришел период сыновей Эда Слэна, не было ни заборов, ни плетней, ни каменных стен вокруг земли, а одни только пахотные поля; в этот же период, вследствие *обилия* хозяйств, были введены в Ирландии границы». Эти любопытные утверждения, говорит Мэн, могут быть рассматриваемы, без сомнения, только как свидетельства в пользу существования в Ирландии в то время, когда они были написаны, убеждения в совершившемся в тот или в другой период переходе от коллективной системы к системе ограниченного пользования землей и традиции о времени этого перехода. Но поучительно то, что в обоих документах переход этот одинаково приписывается *возрастанию населения*; в особенности же интересно заключающееся в «Liber Hymnorum» описание нового распределения земли, которое признавалось занявшим место какого-то более старого. Периодическое распределение между отдельными хозяйствами определенной доли лугов, лесов и пахотной земли продолжает существовать и в наши дни в поземельных порядках швейцарских альпсид, представляя несомненное наследство от древнего устройства некоторых швейцарских кантонов в качестве тевтонских сотен. По нашему мнению, приводимые Мэном примеры представляют наглядное доказательство постепенного обособления земельной собственности или все более и более интенсив-

¹ Op. cit., 113.

ного пользования ею между все меньшими и меньшими кругами индивидуумов, под давлением закона народонаселения.

Другой подобный же пример встречаем мы в шотландском местечке Ньютон на Айре. «Здесь», говорит автор одной интересной заметки об архаических поземельных обычаях в Шотландии¹, «было найдено, что ежегодные переделы земли не удовлетворяют более требованиям века, а потому был совершен переход от старых общинных земель к землям, составляющим частную собственность, который весьма поучителен для этой фазы развития землевладения. На основании «New Statist. Account of Scotland» оказывается, что здесь общая собственность подвергалась от времени до времени переделу между 48 свободными людьми, начиная от основания местечка (1314 год). Первый передел, относительно которого имеются кое-какие сведения, происходил в 1604 году и существовал до 1615. Вследствие отсутствия записей в общинную книгу, в течение значительного промежутка времени после этого периода не имеется никаких сведений о последующих переделах до передела 1655 года, который также предназначался на 11 лет. Но с 1666 по 1771 год новый передел производился каждое семилетие, и наделы были аккуратно записаны в списки. В 1771 году хозяева решили, что передел должен оставаться без изменения в течение 57 лет; а когда истек и этот период в 1827 году, то было постановлено, что неизменность участков, на которые тогда был брошен жребий, будет продолжаться 999 лет. В 1833 году было снова постановлено, что права собственности на участки должны быть переданы тем хозяевам, которые пожелали бы держать свою землю таким образом. Приведенное известие ясно показывает, как под влиянием экономических причин, переделы с течением времени замедляются все более и более, пока не приводят хозяев к тысячелетнему пользованию землею или, что то же, к праву собственности на нее.

Предыдущее ведет нас к заключению, что процесс постепенного кристаллизирования человеческого общества в братские, родовые и племенные группы сливается в одно общее течение с первоначальными фазами гигантского процесса общественного обособления труда, как тому служит, между прочим, наглядным доказательством родовое происхождение каст, т. е. промышленных учреждений по преимуществу. Начавшись в бродячем состоянии общества, обособление родовых групп является вместе с тем и первоначальным обособлением труда, ведущим в свою очередь к обособлению сначала движимой, а впоследствии и недвижимой собственности. Дальнейшее развитие того же самого процесса постепенного усложнения труда, под давлением борьбы за существование, влечет за собою глубокие

¹ *Laurence Gomme, Archaic Land Customs in Scotland. The Antiquary, September 1881, 99.*

преобразования в общинно-родовом строе общества, превращая мало-помалу родовую организацию последнего в территориально-политическую.

Переход от первобытного бродячего состояния общества к состоянию территориальному и оседлому сопровождается весьма крупными и глубокими переменами в области отношений родовых, экономических и политических. «Земельный домен», говорит Морган, «попрежнему принадлежал племени сообща; но одна часть его была уже отделена в пользу правительства, другая для религиозных целей, а третья, наиболее важная, та, из которой народ извлекал свое существование, была разделена между различными общинами или родами лиц, жившими в одном поселении». Действительно, разбросанность одноименных родов по всей территории, занимаемой племенем, и соединение разноименных родов в одном и том же поселении представляют наиболее характерную черту означенного переходного состояния общества.

«Жители Юкатана», сообщает Диего де Ланда¹, «очень заботятся о том, чтобы знать происхождение своих семейств и чрезвычайно гордятся, если кто-либо из членов семьи отличился. Сыновья и дочери получают совместное имя отца и матери, первое как собственное, второе как нарицательное. Поэтому-то и говорят, что эти индейцы все между собою родственники и носят одно и то же имя, и они сами считают себя таковыми. Действительно, если случается, что кто-нибудь из них находится в какой-либо отдаленной и неизвестной местности и не знает куда обратиться, он произносит свое имя, и немедленно к нему спешат находящиеся там члены одного с ним рода, принимают его к себе и обращаются с ним с крайнею нежностью». Подобные же порядки расселения описывает голландский контролер Брезлер², производивший исследование о землевладении в области Кедири, на острове Яве. «Чрезвычайно дурное влияние на благосостояние туземцев», говорит он, «оказывает то обстоятельство, что каждый обитатель дессы (деревни) имеет уверенность в том, что он может сделаться участником во владении полями во всякой другой дессе, в силу одного того факта, что он в ней поселится. По ничтожнейшим причинам он покидает свое поле и наследие, чтобы переселиться в другую дессу, где его радушно принимают в общину и дают ему занять место того, кто оставил дессу по столь же незначительным причинам. В некоторых дессах существует до двух третей населения, пришедшего со стороны; вследствие этого никто не чувствует себя привязанным к почве интересом или склонностью к улучшению ее, ввиду того, что улучшение достанется не ему самому, а неизвестному лицу».

¹ *Diego de Landa*, op. cit., 135.

² См. статью в «*Indische Gids*», October 1880, «Об истории поземельной собственности на Яве», стр. 674.

Совершенно то же самое рассказывает Голландер¹ про членов одного и того же «зуку» или братства на Суматре, которые случайно или намеренно заходят в отдаленные от своего кампюнга местности. «Зуку», говорит он, «является прежде всего административно-родовым подразделением племени и составляет часть кампюнга или *paget*. Каждый зуку состоит обыкновенно из нескольких родов или семейств, признаваемых членами зуку. Члены зуку живут не только по соседству друг с другом в одном и том же месте, но рассеяны по всей стране, так что трудно найти кампюнг, который не был бы населен лицами, принадлежащими к четырем или десяти и более различным зуку. Тем не менее, каждый малаец знает с точностью, к какому зуку он принадлежит, зовется его именем и повинуется *единственно* предписаниям, даваемым *его* старейшинами. Правление над членами каждого зуку в деревне выполняется пангулу или главою зуку, достоинство которого наследственно. Все пангулу известной деревни образуют деревенское правление, а все пангулу округа—окружное. За пангулу следует по рангу пангулу кетиль или малый пангулу. Из различных родов зуку только в одном достоинство пангулу наследственно; остальные имеют право для обеспечения своих интересов избирать каждый своего малого пангулу, который должен заботиться исключительно о делах своего рода. В Падангских горных областях часть земли составляет собственность отдельных семейств, другая часть—собственность отдельного зуку, третья—принадлежит кампюнгу или деревне, четвертая—округу или соединению кампюнгов. Нечего и говорить, что в обладании семейств находятся исключительно рисовые поля и другие обработанные места, а также дома, плодовые деревья и тому подобная интенсивная трудовая собственность. Собственность зуку составляют близлежащие заросли, равнины и так называемые поля *alang*, т. е. пустоши, где каждый может свободно охотиться, брать дрова, собирать естественные произведения, пасти свой скот и т. п. С согласия пангулу, земля эта может поступать под обработку в срочное пользование отдельных лиц. Собственность кампюнга или деревни естественно составляют все недвижимые имущества, имеющие чисто местный характер и связующие в одно территориальное целое несколько различных зуку, входящих в один кампюнг: таковы дороги, площади, рыночные и купальные места в кампюнге, бали (общественные здания), мечети и места, находящиеся под ними, водопроводы для орошения рисовых полей, если только нельзя придать им при помощи плотин особых направлений. Собственность округа или нескольких кампюнгов состоит из следующих имуществ: отдаленные крупные леса и новь, где каждый имеет право

¹ J. J. de Hollander, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Oost-Indië, 1874.

охотиться, собирать естественные произведения и даже занять часть земли и сделаться ее временным владельцем, с ведома и согласия пангулу, в области коего она находится, далее, избранные места для водопоя буйволов, ручьи и реки, в которых ловля рыбы для всякого свободна, места для собирания серы и употребление теплых ключей в соседстве с ними». В этом разграничении прав на землю и на другое недвижимое имущество между различными коллективными единицами собственников, начиная от округа и кончая семейством, мы встречаем прекрасный пример пространственного расположения исторических пластов все более и более частных прав на землю, по мере распада первоначального племени на отдельные округа, кампонги, зуку и селения. По всей вероятности, все пространство страны первоначально было занято сообща всем местным племенем, и лишь постепенно обособились различные подразделения его, каждое на своей отдельной территории, со все большею интенсивностью прав на землю отдельных групп каждого из них. В то время, как внутри одной большой общины происходит все большее и большее обособление отдельных частей общей территории, другие части той же территории продолжают поддерживать связь целого, и, таким образом, объясняется одновременное существование различных классов собственности. Не подлежит сомнению, что наиболее живучим ее типом является совместная собственность кампонга, и что рано или поздно, под давлением потребностей оседлого земледелия, она поглотит собою собственность отдельных зуку, разбросанную по всей стране, и сольет самые зуку в одну местную политическую и экономическую организацию.

Очевидно сходные с только что описанными общественные учреждения и отношения собственности на землю различных родов встречаются, по словам Ковалевского¹, в некоторых местностях Индии. «Родовые союзы из нескольких сот членов, владеющих сообща десятками квадратных миль, еще, правда, далеко не редкость, но подразделения этих союзов, так называемые токс, берри и путти, состоят друг с другом лишь в слабой связи. Каждая путти (подобно каждому зуку) имеет свое самоуправление, выбирает свободно своего старшину (лумбердар), платит отдельно от других подразделений падающую на нее сумму государственных сборов, производит взимание их и раскладку между своими членами, связанными друг с другом круговой порукою. Каждый из членов путти получает свой надел из одних только земель последней. Все вместе владеют общим выгоном и другими угодьями, независимо от членов остальных путти. Не следует думать однако, что между обособившимися таким образом ветвями одного рода не существует больше никакой связи. Последняя не обнаруживается, правда, при нормальном

¹ М. Ковалевский, Общинное землевладение, Москва 1879, 76, 81.

ходе дел в пределах каждой путти, пока эти дела касаются интересов лишь отдельных членов последней; зато, как только те или другие *чрезвычайные* обстоятельства вызывают в среде той или другой путти явления, прямо затрагивающие интересы всех членов рода, созданная единством происхождения и продолжительною жизнью обща связь высших подразделений рода с низшими и всех между собою выступает с прежнею силой, не только допуская, но даже требуя *участия* всех членов рода в *местных* делах отдельной путти. Всего чаще такое вмешательство имеет место при несостоятельности того или другого из территориальных подразделений рода в уплате суммы правительственных сборов. Чтобы избежать наступающей в этом случае, в силу закона, принудительной продажи части принадлежащих им земель, продажи, конечным результатом которой было бы уменьшение занятой родом территории, индийское право требует распространения круговой поруки с членов низшего подразделения на членов высшего, с членов *путти* на членов *бери*, с последних на членов *ток* и в конце концов на членов всего братства—*бяхара*. В том же смысле должно быть истолковываемо право предпочтительной покупки, в случае принудительной продажи, участка в общинном имуществе отдельного владельца, прежде всего за округом, к которому принадлежит продавец, а затем, за следующим высшим подразделением рода, и пр., так, что последним из рекомендуемых законом покупателей может быть самое братство, т. е. род во всем его составе».

Обобщение пользования землею между подразделениями рода, живущими в двух соседних или в одном поселении, и переход такового из отдельного в совместное, повидимому, совершается посредством периодических переделов, имеющих целью уравнивать различие в плодородии и в положении отдельной собственности каждого подразделения рода. Таким образом, с самого же начала сколько-нибудь прочного земледелия территориальный принцип получает преобладание над родовым. «Я не должен упустить из виду», пишет в своем любопытном отчете о кадастрации Густингура в области Пешавур комиссар Джемс 17 апреля 1852 года¹, «один крайне оригинальный обычай, до сих пор существующий в некоторых местностях; я разумею обычай периодического обмена земель между отдельными поселениями и *их* подразделениями (кунди). В некоторых округах этот обмен касается только земель; жители одной кунди переходят на землю другой и наоборот, так, например, в Сафур-Кель и в Судос-Кель; тогда как в других самые *эсилища* переходят из рук в руки. Последнее имеет место каждые 5 лет между жителями следующих двух поселений—Пруйгур и Тарнах, а также между обывателями обеих кунди селения Кешги».—

¹ М. Ковалевский, *op. cit.*, стр. 81.

«Между некоторыми селениями в округе Юзуфчаль», сообщает в свою очередь комиссар кадастрации в той же области Лёмсен в отчете от 17 января 1853 года, «существовал еще недавно обычай периодического обмена землями и жилищами, обыкновенно каждые 5—7 лет». Все подобного рода обмены стали выходить из употребления, начиная с 1847 года. Прибавим еще, что в последнее время обмен встречается все реже и реже и вот по какой причине: «С течением времени», говорит отчет о кадастрации Густнугура, «обмен полей *между* отдельными родственными друг другу *селениями* начал встречать нередко сильную оппозицию со стороны заинтересованных лиц; временные владельцы высших по плодородию земель нередко стали отказывать в уступке их соседям, взамен худших; всюду, где сила и влияние были на их стороне, обмен земель *между селениями* совершенно прекратился...» Но если обмен усадьбами также прекратился повсюду, то мена участками пахотной земли между владельцами одной и той же общины доселе продолжает держаться во многих местностях. Земли каждой общины, равно как и каждого из подразделений ее—кунди, разделены на известное число наделов, сообразно числу имеющих в общине или в ее подразделениях общинных владельцев. Каждый из последних получает в свое пользование земли, различные по своему плодородию и способу употребления. Так как наиболее способные к обработке участки расположены по течению рек или на протяжении каналов для ирригации, то, в интересах удержания равенства наделов, необходимо было предоставить каждому из владельцев равное пользование как способною к ирригации землею, или так называемой *шолгура* (от шода—рис), так и не способной к ней, известной под наименованием *гульми*. Вот почему, прежде, чем выделить каждому семейству соответствующий ему надел, или так называемый *букра*, в каждой общине производится раздел всей принадлежащей ей земли на несколько конов, смотря по различию в свойствах и производительности почвы, точь-в-точь как это имеет или имело место в России и Германии. Эти коны известны в Пенджабе под названием *wind*. Владельцы наделов-букра получают участки, одинаковые во всех конах.

Довольно близкую параллель с только что описанным способом пользования землями в Индии представляет система переделов земли на Яве, о которой мы, в данном случае, не станем упоминать во избежание излишних повторений¹. Но не одну параллель, а просто тождество, даже и в названиях, можно найти между пенаурским способом обмена земель и соседним афганским. Вот как описывается этот последний Эльфинстоном

¹ См. мою статью «Община и государство в Нидерл. Индии», «Отеч. зап.», 1881, март.

в его сочинении о Кабуле¹. «От четырех сыновей Кизе Абдул-решида Серрабуна произошли четыре крупные подразделения афганцев, которые продолжают до сих пор носить их имена. Афганские племена суть семьи потомков этих четырех лиц; каждое из них носит имя своего непосредственного родоначальника. Можно допустить, что пока число семейств было мало, они все состояли под управлением своего общего родоначальника; но как только число их увеличилось, они разделились на четыре крупные группы, из которых каждая находилась под главенством своей старшей ветви; когда же малопомалу нация распространилась по обширной стране и племена одного и того же деления отделились на большое расстояние друг от друга, то связь их ослабела, и каждое племя осталось под властью своего собственного вождя, совершенно не зависящего от общего главы расы. Впоследствии каждое племя разветвилось на различные деления, и у наиболее многочисленных и разбросанных племен эти ветви отделились и управляются каждая своим собственным независимым главою; однако они сохраняют общее имя и идею об общем происхождении и *предке*. Название улуса применяется или к целому племени или к одной из независимых ветвей. Слово это, повидимому, означает род кланового общежития. Улус разделен на несколько ветвей, каждая под управлением собственного главы, который подчиняется главе улуса. Эти ветви в свою очередь подразделяются на дальнейшие группы, так что самая последняя из них ограничивается всего несколькими семействами. Каждая группа имеет своего главу, подчиненного главе высшего деления, к которому она принадлежит. Каждая группа носит собственное имя, взятое у ее непосредственного предка. Глава улуса именуется ханом и избирается всегда из старейшей семьи улуса. Право выбора принадлежит иногда эмиру, иногда самому народу. Глава подчиненных делений также всегда избирается народом из старейшей семьи; исключение составляет только самое низшее деление, в котором превосходство указывается часто самою природою, когда старик бывает главою 10 или 12 семейств, образующихся из его сыновей и внуков.

Внутреннее распределение земель, говорит в другом месте Эльфинстон², среди подчиненных ветвей племени юзуфчи и между отдельными членами этих ветвей не было описано; однако оно может быть легко приведено в известность на основании нынешнего состояния собственности в стране юзуфчи, и, как читатель увидит, оно заключает в себе весьма своеобразные учреждения. Племя юзуфчи подразделено на две большие ветви, юзуф и муидар, занимающие, каждая, особые области. Полная

¹ Н. М. Elphinstone, An Account of the Kingdom of Caubul etc., Lond 1839, II, 241 и сл.

² Id., II, 13—14 и сл.

собственность на землю принадлежит каждому клану; каждый из кланов подразделил свои земли между хаилами на общем собрании клана, и эта мера была проведена через все подчиненные деления. Каждый хаил получил свои земли в вечное владение, но между своими собственными подразделениями он делил земли *по жребию* на известное число лет, с обязательством вновь обменивать их в конце этого периода на участки других подразделений, так чтобы каждое из них принимало участие в плодородии или бесплодии почвы¹. Так, например, каждое независимое деление каузучи удерживает земли, предназначенные ему при первоначальном переделе; но подразделения его самого обмениваются своими землями по жребию способом, который может быть освещен следующим примером найкпикгайля, деления хаила каузучи и клана анкочи, в настоящее время независимого улуса, разделенного на 6 кланов. Земли найкпикгайля разделены на две части, равные по объему, но не вполне одинаковые по плодородию. Если жребий упадет на половину, которая уже обладает лучшей частью земли, то она удерживает обладание ею; но если он падает на другую половину, то немедленно происходит обмен (передел). Обе половины улуса сходятся через каждые десять лет для бросания жребия в деревне, лежащей на границах обеих полос земли, в присутствии множества народа для засвидетельствования церемонии. Обмен земель совершается без большого труда и путаницы; каждый клан одной половины улуса соединяется в пару с кланом другой, и оба переходят на землю каждого, соединенные таким образом. Когда жребий определил, что половина улуса удерживает за собою свои прежние земли, то три клана каждой половины бросают жребий между собою для нового распределения их доли, которая разделяется на три части. Бывали случаи, что половина улуса, обладавшая лучшими участками земли, отказывалась подчиниться старому обычаю метания жребия; но против нее высказывалось столько улусов, что она волей-неволей должна была уступать и бросать жребий по обыкновению. Обычай этот называется *вайи*. Он преобладает у всех юзуфчи, а также у магомеджи. Однако, период, в течение которого удерживаются в одних руках земли, везде различен. В Бунере, например, вайи исполняется ежегодно. У юдунов, ветви юзуфчи, отдельные лица переделывают между собою землю, но вайи между кланами не существует. У отмаункаль, наоборот, все племя бросает жребий через каждые 20 лет. Среди гундепуров в Дамауне земли также делятся на шесть долей, соответственно числу кланов племени, и все кланы бросают жребий относительно порядка, в каком им приходится избирать свои доли. Период, в течение которого

¹ В высшей степени важное указание на то, что первоначальные переделы относятся не к отдельным хозяевам, как впоследствии, а к целым общинам.

возобновляется эта церемония, не установлен постоянным образом, как у юзуфчи; но когда происходит один вайш, в совете племени решается, когда должен произойти ближайший, причем срок вообще простирается от трех до четырех лет. За исключением уже упомянутых восточных афганцев и двух или трех кланов урунчи, никто более не имеет этого обычая. Существуют следы употребления его у некоторых племен в Хорасане; но единственный уцелевший случай его существования, дошедший до автора, относится к барайчам, где одна деревня по временам бросает жребий с другою деревнею, или отдельное лицо с другим, но без всякого вайша среди кланов.—Такой же обычай, по свидетельству Вольнея, существует до настоящего времени на острове Коренке. Повидимому, он же практиковался и древними германцами, как на то указывают известные места из Цезаря и Тацита.

Главы кланов найкпикгайля имеют немногим больше власти, чем сам глава этого улуса; тем не менее, к ним обращаются по поводу споров между отдельными лицами, особенно, если последние живут в различных деревнях, так как каждый клан, вместо того, чтобы быть собранным в одном месте, разбросан по различным деревням, в которых он живет совместно с членами других кланов, причем, однако, все живут в отдельных частях поселения и под управлением отдельных начальников. Впрочем, ни один из этих начальников не имеет власти, равной власти английского констебля... Одна часть галликгайля, одного из членов найкпикгайля, живет в настоящее время в деревне Галлоха, разделенной на части между тремя другими кланами. Каждый клан живет отдельно под властью своего собственного старшины (муширы), и эти части деревни называются *кунди*. Все относящиеся к одному кунди принадлежат к одному клану, и этот кунди, повидимому, не более связан с другими кунди той же деревни, чем если бы они жили в различных частях страны. Муширы каждого кунди содержат публичные здания, в которых ведутся все совещания; сюда же сходятся люди для разговоров и для забавы; здесь же они принимают гостей и совершают все общественные дела, не смешиваясь с членами других кунди. Отдельные кунди от времени до времени переменяют свое местожительство.

В другом месте («Еще о братствах», «Слово», 1881, январь) мы указывали на сходство этих кунди с братствами в Черногории и на Кавказе. «Случается», говорит профессор Богинич, «что черногорское братство образует территориальную единицу, составляя одно или несколько поселений; но бывает и так, что братские кучи (задруги) разбросаны по разным поселениям, так как рядом живут члены разных братств. Тем не менее, во всех делах они тянут к своему братству, исключая небольшого числа дел, когда в силу естественного порядка вещей необходимо действовать сообща с живущими вместе

(см. выше собственность кампонга), например, когда нужно устроить дорогу через село и т. п.». Расселение черкесских братств в кавказских горах представляет подобную же характеристику.

Сходство, почти тождество древнемексиканских порядков землевладения и расселения с только что описанными своею очевидностью просто бросается в глаза. «Мы встречаем у Герреры», говорит Морган, «упоминание о «родстве» у ацтеков, показывающее, что ему были известны группы лиц, связанных кровными узами. Легко может быть, что он говорил о родах, не умея назвать их настоящим именем. Подобный же неопределенный термин «колено», употребляемый им для обозначения более обширных групп, становится для нас вполне понятным, если мы применим его к «братству». Мы узнаем от того же писателя, что Мексико разделялся на четыре квартала, из которых каждый был занят одним коленом или группой людей, находящийся в родстве более близком, чем по отношению к обитателям других кварталов. По нашему мнению, такой факт может быть объяснен только тем, что жители одного квартала, считавшиеся все в родстве между собою, составляли братство. Это предположение подтверждается дальнейшим показанием Герреры, что кварталы разделялись на более мелкие подразделения, связанные родством. Такие подразделения будут для нас вполне понятны, если мы признаем в них роды. Подобные же кварталы, с таким же родственным населением, мы видим у тласкаланцев, соседей и союзников мексиканцев... Наше объяснение получит еще большую силу, когда мы увидим, что и римские и греческие племена селились в городах таким же точно порядком... Испанский писатель Клавигеро замечает, что «земли, составлявшие в Мексико собственность городских и сельских общин, разделялись на столько участков, сколько в городе было частей, и каждая часть города владела своим участком *независимо* от прочих. Эти земли не могли быть отчуждаемы ни в каком случае. В каждой из этих общин мы должны признать род, прикрепление которого к земле на праве общего владения было естественным последствием родовой общественной системы».

* *

Общий вывод, который мы можем сделать из предыдущего описания порядков землевладения и расселения различных родовых групп, состоит в следующем. Так как одноименные родовые группы разбросаны по всему пространству страны, а разноименные живут совместно в одних и тех же поселениях, то поземельная собственность и общественная власть приобретают совсем особенный характер. Поземельная собственность при этом характеризуется тем, что она есть общая для наиболее близких родственников, живущих часто на далеком расстоянии

друг от друга, хотя и находящиеся в постоянных сношениях между собою¹. С другой стороны, та же собственность есть частная для более отдаленных родственников, живущих по соседству друг с другом, но соединенных между собою гораздо менее прочною связью. Таким же образом общественная власть старейшины каждой отдельной родовой группы простирается на всех членов этой группы во всей стране, и в то же время не простирается на членов разноименной группы, живущей по соседству. Такое странное сочетание родовых и территориальных отношений, совершенно чуждое уму современного европейца, является, повидимому, одною из интегральных и чрезвычайно важных ступеней в истории развития общества. Каждый народ, переходивший от кочевого или бродячего к прочному земледельческому состоянию, должен был пройти через это смешанное состояние, включающее в себя одновременно элементы старого родового и нарождающегося территориально-политического общества.

Расселение одноименных родовых групп по всей стране и разноименных по соседству, повидимому, имеет причинную особенность родового склада бродячего общества. В этом последнем дети обоюго пола обыкновенно следуют за матерью, а муж идет в род жены или жен. «Отец», говорит Грей², «женится на многих женщинах, и часто все они различных семейств, так что дети постоянно распределяются между ними; они не соединены между собою никакою общею нитью союза, и достаточно одного этого обычая, чтобы воспрепятствовать этому народу когда-либо вырваться из состояния дикости. Туземец дает рождение потомству совершенно иного семейного имени, нежели он сам, так что *один* и тот же *округ* страны никогда не *остается* в течение двух последовательных поколений *за одним* и тем же *семейством*». Подобные обычаи при переходе к полуоседлому земледелию естественно приводят к скоплению разноименных групп в одних местах и к разбросанности одноименных групп по всей стране, а отсюда уже, как последствие, вытекают все остальные особенности имущественного и политического строя означенного переходного состояния общества. Таковы переделы земли между разноименными соседними группами, совершающиеся в то время, когда границы недвижимой собственности более крупных родовых делений установились уже неподвижно (см. Афганистан). Таково же самостоятельное родовое правление

¹ «По словам священника Терентьева, у лопарей сохранились еще следы родового быта, главным образом, в их пользовании рыбными и звериными угодьями. Все их реки, озера, лесные угодья и т. п. разделены искони *между родами*, с правом каждому роду по наследству владеть известными участками, так что *каждому* из них досталось по *нескольку участков* в различных местностях. Этим обстоятельством, по его мнению, обусловливается кочевая жизнь лопарей». А. Я. Ефименко, Юрид. обычаи лопарей, *op. cit.*, 55.

² Grey, Two expeditions in Australia, II, 223 и сл.

каждой из соседних групп, ведущее мало-помалу к соединению всех старейшин местности в одно коллегиальное правительственное учреждение. Таково же, далее, непрерывное перемещение одноименных родственников из одной общины в другую. Но подобное общественное состояние очевидно не может быть долговечным, если ему не благоприятствуют самые условия природы, например, большое плодородие почвы, изолированное островное положение и т. п. В обыкновенных же случаях, по мере того, как экономические потребности все более и более прикрепляют земледельца к одному месту, соседские, территориальные отношения приобретают все большее преобладание над отношениями родовыми, и, сообразно этому, перестраивается на новых началах вся общественно-экономическая организация. Земли разноименных соседских групп при посредстве переделов сливаются в одно целое, территориальная политическая власть заменяет родовую, муж, привязанный к земле, перестает ходить в род жены, а берет ее в свой род, брак становится более постоянным, происхождение дитяти от отца делается известным, и мужская филиация вступает на место женской, как в наследовании имущества, так и в наследовании должностей и занятий. Остальное доделывает устанавливающаяся, при новых условиях, форма разделения труда между полами, при которой на долю женщины падают одни домашние работы и соединенное с ними угнетенное положение в обществе. Таковы, по нашему мнению, главные причины замены женской филиации мужскою, а также и возникновения более постоянной формы брака, постепенно переходящей из полигамической в моногамическую.

ГЛАВА IX

Общие понятия о происхождении обмена. — Отсутствие правильной идеи об обмене и о разделении труда у первобытных народов. — Военные атрибуты первоначального обмена. — Обмен, производимый общественной властью. — Злоупотребления представителей этой власти. — Непосредственный обмен и его неудобства. — Возникновение денежного обмена. — Суда гвоздей, скота и пр.

«Разделение труда внутри общества», говорит К. Маркс¹, «и соответственное ограничение индивидуумов специальными сферами занятий, развивается из противоположных точек отправления. Внутри семейства и развившегося из него племени возникает естественное деление труда из различий возраста и пола, следовательно на чисто физиологической основе, которая расширяет свой материал по мере расширения общегития, увеличения народонаселения, и, особенно, по мере столкновения между различными племенами и порабощения одного из них другим. С другой стороны, обмен продуктов возникает в тех пунктах, где приходят в столкновение различные семейства, племена, общины, так как не отдельные лица, а семейства, племена и пр. выступают в начале культуры самостоятельно одни против других. Различные общины находят неодинаковые средства производства и жизненные припасы в своей естественной окружности. Именно это естественное различие и вызывает при соприкосновении общин обмен взаимных произведений, а вместе с тем и постепенное превращение этих произведений в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, а только ставит различные сферы последнего во взаимные отношения, и таким образом превращает их в более или менее зависимые одна от другой отрасли совокупного общественного производства. Здесь возникает общественное деление труда при посредстве обмена первоначально различных, но самостоятельных одна относительно другой сфер производства. Там же, где исходным пунктом служит физиологическое деление труда, особые органы непосредственно связанного целого разрешаются, разлагаются, — чему дает главный толчок обмен товаров с чужки-

¹ «Das Kapital», Hamburg 1867, 335—336.

ми общезнаниями, — и становятся самостоятельными до той степени, при которой связь различных работ выполняется посредством обмена продуктов, как товаров. В одном случае первоначально самостоятельные сферы производства лишаются самостоятельности, в другом первоначально несамостоятельные приобретают себе самостоятельность».

Что обмен есть чисто историческое явление, развивающееся медленно и постепенно на основе общения труда, доказывают те многочисленные описываемые путешественниками случаи, в которых первобытные народы проявляют отсутствие всякого представления о разделении труда и обмене. Так, например, получив предмет мены от европейца, дикарь часто удерживает за собою эквивалент этого последнего.

«Условие, которое следует соблюдать при торговле с каран-бамми», говорит Лаба¹, «состоит в том, чтобы убирать с их глаз и немедленно уносить купленную вещь; в противном случае, если бы им пришла фантазия взять ее назад, то они сделали бы это без церемоний и не желая отдавать цены за полученное ими».

Жители островов Бедного Рыцаря долго отказывались продать экипажу Кука² какое-либо из своих оружий, несмотря на высокую цену, предлагаемую им за таковое. Под конец, однако, один из них показал кусок кости, обрезанный в виде топора, и согласился продать его за кусок материи. Ему передали материю с судна, но он мгновенно отплыл в открытое море, увозя с собою также и топор. — Некоторые из нуткас, которые явились торговать с экипажем³, обнаружили расположение к мошенничеству; они хотели уносить товары, ничего не давая в обмен за них. Впрочем, это случалось довольно редко, и было достаточно оснований сказать, что они вносят в торговлю много благожелательства. Но они так живо желали получить железо, медь и всякий иной металл, что немногие из них имели силу сопротивляться желанию украсть этот драгоценный предмет, если находили к тому случай.

«Один из обитателей побережий Берингова пролива», говорит Бичи⁴, «прибывший к кораблю в каюке, получив немного табаку, который был ему предложен за копые, решился не отдавать ни того, ни другого; и как ни старались получить от него назад захваченную им вещь угрозами, чтобы не поощрять дальнейшей навязчивости, но все это было безуспешно».

Впрочем, наряду с приведенными фактами, встречаются и противоположные им, указывающие на существование более ясных представлений о характере обмена. «Однажды», говорит

¹ *Labat*, op. cit., II, 54. См. также *Du Tertre*, op. cit., 385 и *Rocheport*, op. cit., 404.

² *Cook*, 1-er Voyage, VI, 51.

³ *Id.*, 2 Voyage, IX, 392.

⁴ *C. Beechey*, Voyage to the Pacific and Beering's Strait, Philad. 1832, 263.

Сноу¹, «я был в вигваме у жителей Огненной земли, напрасно стараясь купить одно из их каноэ. В это время я увидел новый колпак, только что конченный одним молодым человеком. Желая иметь что-нибудь в качестве образца их способностей, я предложил дать несколько пуговиц за этот колпак, и покупка была очень скоро окончена. Тогда я передал колпак одному туземцу, стоявшему около меня; найдя, что колпак совершенно нов и чист, он попробовал положить его себе за пазуху,—но крик и шум, немедленно начавшиеся вокруг, привели меня в удивление. Я не мог понять в чем дело, пока туземцы своими указываниями и угрозами не дали понять, что дело шло о колпаке. Думая, поэтому, что собственник раскаялся в своей сделке, я взял колпак у соседа и был готов уже возвратить его, как сцена мгновенно изменилась. Шумные и сердитые возгласы превратились в очевидные выражения восхищения, и мне было дано понять, что колпак принадлежал мне, а не другому лицу. Иными словами, оказалось, что, по их мнению, сосед мой, положив колпак себе за пазуху, заявил на него право вместо меня, правомерного собственника, и в ту минуту, когда они увидели, что я снова вступил в обладание, они были удовлетворены».

Вторая характеристическая черта первоначального обмена—это неумение дикарей отдать себе отчет в действительной меновой стоимости вещи. Первобытный человек рассматривает приобретаемую вещь исключительно с точки зрения ее кажущейся или действительной полезности, новизны и т. п. качеств, и готов отдать за нее результат гораздо большего собственного труда. Вытекая из отсутствия идеи о разделении труда, как основы обмена, подобные воззрения дикарей оказываются всюду весьма выгодными для европейских торговцев, которые приобретают их продукты по цене в несколько раз нижешей против действительной стоимости, иными словами, просто-напросто надувают дикарей.

«Замечательно», говорит Лаба о караибх², «что они часто предпринимают путешествие в опасное время года, единственно с тою целью, чтобы купить какой-нибудь пустяк,—ножик или что-нибудь подобное, и что они отдадут за этот нож все, что привезут с собою, тогда как не дали бы и самой малейшей части, если бы вместо этого ножа им предложили целую лавку товаров другого рода... Покупать у них гамаки перед тем, как они ложатся спать, нечего и думать,—не продадут ни за какую цену, потому что понимают их значение; поутру, совсем другое дело: тогда они не размышляют о пользе гамаков,—предусмотрительность их не на столько велика,—и они отдадут вам их за всякую цену».

¹ *W. Parker Snow, A two years cruise off Tierra del Fuego, Lond. 1857, I. 347.*

² *Op. cit., 150, 53—54. См. также Du Tertre, 385.*

«Какое туземцев Новой Гвинеи в Гумбольдтовой бухте», читаем у Спрэй¹, «оставались около нас все время, и между экипажем судна и туземцами развилась живая меновая торговля. На человека, незнакомого с Южным океаном, производит поразжающее впечатление вид того, как дикари отдают за пару кусков заржавленного железа или за нитку бус полные руки оружия или поясов, ожерелий и серег, свою трудную работу многих дней. Целый день шла мена, и было замечательно, как пробуждалась алчность туземцев при виде наших товаров, как они были готовы отдать все, чем обладали, за маленькие топоры, ножи, бусы или железо. Шум и толкотня вдоль судна превосходили всякое описание, дикари не только болтали и кричали, но и испускали громкий и резкий шипящий звук, который означал: «посмотри-ка скорей сюда», чтобы привлечь внимание экипажа к их товарам. Впрочем, вообще, они проявляли в мене большую честность, выставляя свои лучшие товары на конце копья, чтобы получить за них какое-нибудь железное кольцо, которое казалось им особенно ценным; сильно искомыми предметами были, сверх того, малые топоры и длинные ножи, тогда как хлопчатобумажным тканям и карманным часам, которых пестрые узоры и светлые краски также привлекли на время их внимание, они, повидимому, придавали лишь незначительную ценность».

«Сначала внимание маркизцев возбудили гвозди²; они хотели иметь в обмен одни только гвозди, и это не потому, что они знали их пользу и употребление: единственное назначение, какое они делали из гвоздей, состояло в ношении их на ушах,—или в виде украшения на шее и у пояса. За гвоздями последовали зеркала, за зеркалами свистки, за свистками мелкие ножи; но увлечение каждою из этих безделок было лишь эфемерное; затем были забрапы стеклянные цветные шарики и также в скором времени подверглись презрению. Лента, кусок красной материи, какая-нибудь игрушка почти всегда получали преимущество над топором, пилою или каким-нибудь столярным или слесарным орудием, которых народы Великого океана ищут с такою алчностью, потому что преимущество этих орудий для быстрого выполнения работы не могло ускользнуть от их взоров и решает их выбор».

«Туземцы острова Амаката в канале св. Георгия предлагали нам кое-какие плоды³, требуя в обмен железа, железа и железа: таково было слово, выходящее изо всех уст, с такою же алчностью, с какою европеец сказал бы: золота, золота. Гвозди, ножи служили для уплаты за несколько сухих коконов, прекрасных бананов, ожерелий, сделанных из рыбьих зубов, флейт и инструментов вроде колокола, которыми они ловят рыбу; но рынок был бы весьма мало производителем для туземцев, если бы

¹ *W. Spry, Die Expedition des Challenger, Leipz. 1877, 170.*

² *Marchand, op. cit., 420.*

³ *Lesson, op. cit., 42.*

у них не было прекрасных раковин, которые оживляли ревность экипажа, и которые они отдавали за самые ничтожные орудия: один островитянин сумел приобрести себе топор, и его радость была так велика, что он испускал отчаянные крики, которым отвечали хором его товарищи».

«Восточные эскимосы Седельных островов¹ очень скоро обнаружили свое желание обмениваться и проявили значительную хитрость, показавши сначала лишь незначительное количество товаров, состоявших, главным образом, в жире, китовом усе, рыбьих костях, тюленьих шкурах, одежде, оленьих кожах, рогах и моделях судов. За это они получили мелкие пилы, ножи, гвозди, жестяные котлы и булавки. Приятно было видеть радость и слышать восторженные крики всего общества, когда кто-нибудь из них выменивал товар. Никто не обнаруживал стремления перебить что-нибудь у другого или проникнуть в ту часть судна, где происходила мена, пока эскимос, ранее занявший там место, не кончал своей сделки и не удалялся. Из всего этого следует, что эскимосы живут между собою в добром согласии, что споры «о моем» и «твоем», которые в густонаселенных странах служат основой величайших преступлений, здесь не имеют места. Причина та, что общественное устройство этих народов похоже на семейный союз и что у них существует известное взаимное уважение и терпимость. Спор и драк никогда не замечали у полярных народов, хотя своекорыстие вовсе не чуждая им страсть; но, повидимому, враждебные склонности пробуждаются у них и проявляются только относительно иноземцев».

«Торговля гренландцев² отличается простотою и краткостью. Они меняются между собою всем, в чем нуждаются, и так как они весьма непостоянны и любопытны, подобно детям, то обмен ведется иными из них без конца и к большому вреду для их хозяйства. Они могут отдать самую полезную вещь за понравившуюся им дурную, а если им предложить за дурную вещь, которая им нравится, самую лучшую, то они ее не примут, желая иметь непременно то, что им нравится».

Внешний характер первоначальных меновых сношений обнаруживается, с одной стороны, во враждебных признаках той формы, в которой часто совершаются эти сношения между различными племенами, а с другой, в ведении торговли главами общин и племен.

«Когда бразильские дикари», говорит Марциус³, «желают вступить между собою в торговлю, то они одновременно снимают свое оружие и кладут его около себя; но как только торговля окончена, на что указывают известные, часто повторяемые с обеих сторон слова, то они немедленно и в такт снова хватаются за оружие. Очевидно этот обычай представляет юридический

¹ Klemm, op. cit., 302 (по Франклин).

² Dav. Crantz, Historie von Grönland, 1770, B. II, 226.

³ Marzius, op. cit., 44 и 45.

символ. Быть может, он есть обещание взаимной дружбы и спокойной оценки в течение мены. Но при обратном схватывании оружия в такт черты лица контрагентов, повидимому, принимают внушительное выражение, как будто они хотят сказать, что сумеют настоять силою оружия на правильном выполнении договора. Подобные же образные выражения или знаки сопровождают, кажется, всевозможные сделки, в основе которых лежат правовые отношения, как и вообще символы являются юридическим языком грубого человечества».

По нашему мнению, источник происхождения описанного обычая, как и некоторых других, о которых мы сейчас скажем, заключается в том, что торговле между различными племенами должен был предшествовать взаимный грабеж, служивший, вероятно, первоначальным способом ознакомления с продуктами соседей. Только долговременная взаимная борьба могла научить дикарей прибегать для удовлетворения взаимных потребностей к обмену на нейтральной почве, вследствие чего этот последний долговременно сохраняет следы враждебного происхождения. В подтверждение справедливости этой точки зрения можно сослаться на всем известный замкнутый характер первобытных обществ и на те непрерывно продолжающиеся войны, которые они ведут между собою.

Врангель¹, описывая ярмарку в Островном, на которую собираются главным образом русские и чукчи, говорит следующее: «Поднятие флага послужило знаком открытия ярмарки. Немедленно после этого, чукчи в полном вооружении копьями, луками и стрелами пришли в движение, приблизились торжественным и хорошо исполненным маршем к крепости и поставили свои сани с товарами полукругом перед крепостью. Как только прозвучал колокол, то по всей русской стороне точно прошел электрический удар: старые и юные, мужчины и женщины, все бросились в безумной, пестрой суматохе на ряды чукчей. Каждый спешит прибежать к саням первый, выбрать лучшее и по возможности сбыть повыгоднее собственный товар, которым он нагружен по уши. Самые живые и бойкие были русские; таща одною рукой тяжелый мешок табаку, в другой держа пару казанов, на поясе и на плечах топоры, ножи, деревянные и костяные табачные трубки, стеклянный жемчуг и т. п., эти странствующие склады товаров кидаются от одних саней к другим и, громко крича, провозглашают цены своих товаров, на известной общепринятой ярмарочной терминологии, смешанной из русских, чукотских и якутских слов. Шум, давка и толкотня превосходят всякое описание».

Капитан Коцебу² следующим образом описывает способ ведения торговли между чукчами и чибучами Северной Аме-

¹ F. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien etc., Berl. 1834, 273.

² Kotzebue, op. cit., I, 211.

рики: «Чужеземец является, кладет на берег известные товары и потом удаляется; тогда является чибук, рассматривает вещи, кладет столько кож рядом, сколько считает нужным дать, и уходит в свою очередь. После этого чужеземец опять приближается и рассматривает предложенное ему; если он удовлетворен этим, он берет шкуры и оставляет вместо них товары; если же нет, то он оставляет все вещи на месте, удаляется вторично и ожидает придачи от покупателя. Так идет вся торговля глухо и молчаливо, и здесь чукчи покупают шкуры для торговли с русскими». «На Фернандо-По», по словам Смита¹, «по песку протягивается черта, по обе стороны которой кладутся предметы обмена, а в остальном соблюдается описанный выше образ действий».

«Странный род торговых сношений», говорит Винтерботтом², «встречается у одного народа, который живет на берегах Нигера. Он ведет дела с кучками из земли мавров, которые ежегодно приходят к нему, но так, что ни покупатели, ни продавцы не видят и не обманывают друг друга. Купцы отправляются в определенное время месяца в известное место, где они вечером находят все, что хотят купить, главным образом, золотой порошок в маленьких, отделенных одна от другой кучках. Против этих куч купцы кладут все то, что они хотят дать за каждый товар. Их товары состоят из кораллов, бус, поясов и других подобных пустяков, которые они оставляют, уходя. На другой день негры в свою очередь являются туда и уносят с собой товары, если они довольны обменом, или в противном случае уменьшают положенную против них кучку золота. Это странное известие было сообщено как действительный факт кавалером Де-ла-Гушем, состоявшим в должности вице-губернатора в Горее в 1788 году, г. Вадструму во время его пребывания там, и подтверждено несколькими лицами, бывшими тогда также в Горее и собственными глазами видевшими жизнь внутренней страны. Известие это в точности совпадает с одним местом у Плиния, где этот писатель описывает, как народ, называемый им серы, поступает в своих торговых сношениях с иноземцами и между прочим говорит: «Если обмен нравится, то они уносят положенные рядом с продаваемыми предметами товары на противоположном берегу (*Fluminis ulteriore ripa merces positae juxta venalia tolli ab his, si placeat permutatio*)». — Заслуживает также упоминания, что прежде между индийцами Нью-Фаундленда имела место подобная же торговля. «В прежние времена», говорит Картрайт в своем «Путешествии в Лабрадор», «вблизи Бонависты жителями тамошней гавани велась выгодная торговля. Они имели обыкновение класть всевозможные товары на известное место, где находились ин-

¹ *I. Smith*, 203, см. *Zeitschr. f. Allgem. Erdkunde*, II, 243, Bemerkung.

² *Winterbottom*, op. cit., 230 и сл.

дийцы; в чем они нуждались, то они выбирали и за то оставляли меха. Но раз неподалеку от склада спрятался разбойник и застрелил одну женщину, когда она только что собралась выбрать то, что ей наиболее пришло. С этого времени они всегда держали себя враждебно по отношению к европейцам». — В описании посольского путешествия, предпринятого в 1721 году коммодором Стеартом в Меквинец, встречается известие, относящееся к подобному же роду торговли, которое содержит в себе следующее: «Они посылают (из Марокко) такие караваны в Гвинею. Тамашние города, с которыми они состоят в торговых делах, носят всевозможные имена, напр., Томботу, Нигер или Черная река и т. п. Товары, которые они возят в Гвинею, заключаются в соли, каури, обработанном шелке, около 500 штук английской материи и всевозможных шерстяных мануфактурных товарах, которые готовятся в Берберии. Самый важный из этих товаров есть, как автор слышал, соль; туземцы натирают себе солью зубы, которые, за недостатком ее, сильно портятся и начинают гнить... Когда караваны отсюда идут назад, они везут с собою множество золотого песку, страусовых перьев, слоновых клыков и рабов-негров, которые принадлежат в собственность императору. Род и способ, какими ведутся торговые сношения в некоторых из упомянутых стран, достаточно странны. Купцам вовсе не приходится видеть тех, с кем они ведут торговлю. Они переходят через реку, ставят соль в кружках на обычном месте и снова удаляются. Тогда являются покупатели, высыпая соль и за нее всыпают в кружки столько золотого песку, сколько, по их мнению, соль стоит. Если мавры довольны этим, то они берут золото; в противном случае они переворачивают кружку и снова уходят. Потом они находят или больше золота или возвращенную им соль»¹.

Следующая цитата, заимствованная нами у Раффенеля², а им почерпнутая из Navigations d'Alouys de Ça Damos-ta, доказывает существование того же обычая у жителей страны, соседней с африканскою страной Мелли и отделенной от этой страны *большою водою*. «Относительно этой воды мы не могли узнать, сладка ли она, или солоня, т. е. река ли это или море. Но автор думает, что это была река; если бы это было море, то здесь не стали бы с опасностью для жизни от невыносимого жара переносить на голове соль, которую эти черные не умеют перемещать иначе, не владея ни верблюдами, ни другими животными. Подумайте только, какое множество людей требуется на носку этой соли, и как велико число тех, которые пользуются ею. Но раз соль прибыла на эту воду, они поступают следующим образом: владельцы соли делают из нее кучки; после этого все,

¹ См. подобные же факты в статье М. Кулишера, О происхождении и развитии торговли, «Слово», 1878.

² Raffenet, Nouveau Voyage dans le pays des nègres, Paris 1856, I, 194—195.

принадлежащие к каравану, удаляются на полдня, уступая место другому роду черных, которые не хотят ни допустить себя видеть, ни говорить и являются на больших барках, как будто бы они шли с острова и потом пристали к земле. Прибывшие на барках, увидав соль, кладут известное количество золота против каждой кучи и удаляются, оставляя и золото и соль; по отъезде их возвращаются принадлежащие к каравану и берут золото, если его количество достаточно; если же нет, то они оставляют его с солью. Затем возвращаются прибывшие на барках, берут ту кучу соли, которую нашли без золота, и прибавляют, если хотят, золота у других куч соли или же оставляют соль. Подобным образом они ведут мену этим товаром одни с другими, не видя друг друга и не говоря, вследствие древнего обычая, который, хотя и кажется весьма странным, но проверен автором на основании показаний многих купцов как арабов, так и азаногов, и сверх того, автор сам видел лиц, на слова которых можно было положиться с достаточной уверенностью.—Автор спрашивал у названных выше купцов, как могло быть, что король Мелли, столь великий и могущественный государь, не нашел средства узнать насильно или добровольно, что это за род людей, которые не хотят позволить ни видеть себя, ни говорить с собою. Ему ответили, что недавно один король велел схватить и доставить к нему кого-нибудь из этих людей. Посоветовавшись с другими относительно способа действий, король постановил, чтобы несколько людей накануне того дня, когда караван будет временно уходить назад, выкопали рвы около того места, где расположены кучи соли, и потом легли бы здесь в западню, выжидая, пока снова вернутся черные с золотом и соли, чтобы немедленно наложить на них руку и привести их в Мелли. Все это было исполнено от начала до конца так, как желал король; было задержано четверо, а остальные спаслись бегством; троим из этих четверых дана была свобода и только один должен был остаться для удовлетворения воли короля. Однако никто не сумел извлечь из этого черного ни одного слова (какие языки с ним ни употреблялись), а также и заставить его есть, так что по прошествии четырех дней он умер. Этим упорным отказом он, по всей вероятности, хотел научить черных Мелли молчанию. Другие же думают, что нежелание отвечать на предлагаемые вопросы происходило от презрения, вызванного неодинаковостью обращения с ним и с его товарищами (Léon l'Africain. De L'Afrique 'et des choses mémorables qui y sont contenues, t. II, p. 365—369). Итак, настоящего смысла этого обычая не понял ни король Мелли, ни автор Navigations, ни сам Раффенель, просто потому, что никто из них не знал других подобных случаев.

Читатель согласится с нами, что приведенные примеры прекрасно иллюстрируют антагонистический характер первоначального обмена, не утраченный им окончательно и в нове

ные времена. Имея, по всей вероятности, своим первобытным источником взаимный грабеж между различными соседними племенами, обмен и впоследствии продолжал всегда служить резкою характеристикою разделения интересов, установления точного понятия о «моем» и «твоем»¹. Новейший обмен утратил только грубые символические формы, указывавшие без прикрас на его военное происхождение, сохранив за собою свой исконный враждебный характер в более мягкой форме так называемого соперничества личных интересов или хозяйственного эгоизма. Вот почему даже у самых образованных народов обмен между близкими родственниками продолжает считаться вещью неподходящею, источником взаимного охлаждения родственных чувств и, насколько возможно, заменяется дарением. Бликие родственные связи воспитываются исключительно в мирной атмосфере общения имуществ, в которой обмену в собственном смысле нет ни участия, ни места. Напротив, с чужим племенем, на черте разделения имуществ, обмен представляет удобную форму сношений, связующую мало-помалу в одно относительно мирное целое предварительно враждовавшие племена.

Во избежание затруднений, которые могла бы представить торговля с целым племенем или общиной, живущими еще в общении имущества, заведывание первоначальною торговлей берут на себя обыкновенно представители этих племен и общин, их старейшины и начальники. При этом они сначала входят в торговые сношения с иноземцами исключительно именем и в интересах своих общегитий, но впоследствии мало-помалу присваивают себе право собственности на произведение своих сограждан. Если торговые связи оказывают громадное влияние на развитие частной собственности вообще, то еще более способствуют они развитию частной собственности, а вместе с нею, и политической власти старейшин и окружающего их высшего класса общества. Во многих случаях торговые сношения вызывают самое существование представителей народа и поднимают на значительную высоту таких лиц, которые еще накануне не пользовались никакою политическою властью в рядах своих сограждан. В доказательство всего этого приведем несколько примеров.

Фрезье² описывает странный способ ведения торговли у некоторых индийцев Чили, обитающих в андских горах, который вполне соответствует вкусу дикарей. Он говорит, что испанские торговцы, тотчас же по прибытии в местность, идут к старейшине поселения и делают подарок ему и всякому отдельному члену его семейства. После этого старейшина приказывает бить в барабан, чтобы уведомить своих рассеянных сограждан о прибы-

¹ Первоначальное похищение и последующая покупка жем и рабов проходит исторические стадии общего процесса обмена.

² Speke, Les Sources de Nil, 344.

тии торговцев, с которыми они могут вступить в сделки. Собравшись около дома старейшины, индийцы рассматривают товары, состоящие из зеркал, ножей, топоров, гребней, иглолок и т. п. Осмотревши все и сойдясь в цене, каждый уносит к себе то, что ему нравится, и уходит, не платя, так что торговец отдает топор, не зная кому и не видя никого из своих должников. Наконец, когда ему приходит время уезжать, старейшина вторым ударом в барабан дает приказание платить, и всякий с полной точностью приносит то, о чем он сошелся с торговцем.

У нуткас¹ при прежних сношениях с европейцами старейшина торговал от имени целого племени; но его приговоры были подвергаемы одобрению некоторых семейств, из которых каждое, повидимому, составляло само род подчиненного правительства.

Корольки Лоанго² большею частью соперничают со своими подданными в торговле, которую они стремятся сполна захватить в свои руки и монополизировать: королевские должностные лица суть необходимые посредники при всевозможных торговых сделках в Сулимана, в Локуго и часто в других местах.

«Когда мы однажды остались одни с королем Уганды Мтезой», говорит Спик³, «я представил ему критическое положение моих людей, прося у него позволения доставлять им ежедневно покупкою необходимые съестные припасы; но он ограничился, вместо всякого ответа, тем, что сказал мне: достаточно дать ему знать обо всех наших потребностях, и мы будем всегда снабжены всем необходимым в изобилии. Вот что означало, иными словами, это странное обещание: не мучьте меня более и отдавайте мне прямо в руки, что у вас будет по части товаров; вся Уганда в вашем распоряжении; берите в моих обширных садах, что вам понравится».

В случае торговли с бразильскими купцами⁴ начальник племени является хитрейшим и опытейшим комиссионером для прочих: он заключает торговые сделки, доставляет и получает предметы мены, снабжает посланцев белых съестными припасами, дает им охрану, если они желают ехать через повинующиеся ему области, и заботится о дальнейшей отсылке их товаров. Но, с другой стороны, где уже возникла торговля с белыми, там дух предприимчивости вождя, сделавшегося неограниченным, привлекается преимущественно к охоте за людьми, так как продажа добытых рабов есть источник обогащения. Почти повсюду во внутренних провинциях, где живут еще многочисленные племена индийцев, ведется эта постыдная торговля людьми, и она представляет главную причину страшно быстрого уменьшения индийского народонаселения.

¹ *Lafitau*, op. cit., 303—304.

² *Bancroft*, op. cit., II, 168.

³ *Waitz*, op. cit., II, 130.

⁴ *Marzius*, op. cit., 14.

Вот в каких мрачных чертах изображает южноамериканскую торговлю рабами путешественник прошлого столетия Гумилла¹: «По прошествии нескольких дней плавания (по Ориноке) путешественники встретили целую армию караيبов, которые только что перед тем покончили торговлю с народцами, настолько нуждающимися в орудиях и вместе с тем лишенными естественной родительской любви, что отдают караибам дочь или сына за топор, за нож, за четыре нитки стекляруса, так как вид этих пустяков производит на них большее впечатление, нежели нежность и слезы жертв их жадности. Потом караибы продают их голландцам, у которых находятся все по уши в долгу. Плата, которую дает голландец караibu за раба, состоит в сундуке, снабженном замком, в котором заключается 10 топоров, 10 больших ножей, 10 малых ножей, 10 ниток бус и пр. Караибы, разумеется, платят за рабов гораздо дешевле, чем за сколько продают их голландцам. Вообще, со времени утверждения здесь голландцев, торговля сделалась главной причиною войн, так как голландцы покупают у караибов всех пленников, каких найдут, и постоянно платят им вперед».

В древнем Египте² право вывоза излишнего продукта и сбыта его иноземцам принадлежало исключительно правительству, как это ясно доказывается продажей хлеба израильтянам из государственных запасов и сборов, производившихся одними только фараонами; вероятно, землевладельцы имели обычай передавать (?) правительству все остающееся от земли при приближении каждой последующей жатвы. Любопытно упорное постоянство этого обычая в Египте, пережившее целые тысячелетия и ясно указывающее на существование столь же постоянных для него причин, заключающихся в общественно-экономической организации народа. «Одна из мер Магомета-Али», говорит Лютке³, «состояла во введении монополии, по которой феллахи были принуждены продавать все произведения почвы и своего труда исключительно правительству по ценам, установленным им самим, вследствие чего правительство получало через вывоз всего этого громадную прибыль, сельское же население чем далее, тем более разорялось».

«Мусульмане Марокко», читаем у Мальдана⁴, «от природы имеют большую любовь к торговле и несомненно известные способности к ней. Но тирания императора не дает процветания никакой торговле. Этот заместитель пророка выступает сам в качестве купца и пользуется своей верховной властью для того, чтобы поддерживать собственные коммерческие спекуляции. Так, почти всякая выгодная отрасль торговли в Марокко есть

¹ *Gumilla*, op. cit., II, 260.

² *Wilkinson*, Manners and customs of ancient Egyptians, 178.

³ *Lütke*, op. cit., 115.

⁴ *Maltzan*, Drei Jahre im Nordwesten von Afrika, Leipz. 1863, IV, 130—131.

монополия, которую отправляет или сам император, извлекая из нее всю прибыль, или отдает на откуп всех больше предлагающему и таким образом отбирает себе хорошую долю добычи. Табак, сера и кошениль суть исключительные монополии императора, которые эксплуатируются им лично. Торговля скотом, воском, пробками и шивьяками представляет монополию, которую император сдает в аренду, получая за то в год сумму около 250 000 гульденов. Из этой сравнительно небольшой суммы можно сделать заключение о низком уровне торговли. Пшеница образует особую монополию, которая через подкуп достается министру».

У прибрежных малайцев северной Суматры¹ старейшины присвоили себе естественные произведения почвы, имеющие сбыт на сторону, так что собирание слоновой кости, камфары, золота и пр. может происходить не иначе, как за уплату тяжелой пошлины в их пользу. В области Палембанг султан считается собственником всех необработанных произведений, например, слоновых клыков и т. п. Сверх того, султан удержал за собою привилегию продажи самых прибыльных продуктов, каковы перец, кофе, золото, бензое и другие, которые должны ему поставляться населением за весьма низкую цену. Но самая тяжелая повинность есть так называемый *тибан-тукон*, т. е. обязанность принудительной купли поставляемых султаном товаров за определенные им цены, которые превышают действительную стоимость на 200—400%; плата должна производиться деньгами и продуктами, которым цена опять-таки устанавливается самим султаном.

Таким же образом и бирманский король, имея монополию на главные товары заграничного вывоза (хлопок, свинец, дерево, рубины) и пользуясь прибылью их на свои личные расходы, покупает их у народа по определенной цене и потом снова продает купцам за наличные деньги или посылает в Рангун для продажи там².

Правительственная торговля московских царей с англичанами и другими народами представляет еще один известный пример рассматриваемого нами явления.

Так называемые регалии и право сбора пошлин с заграничных товаров, по всей вероятности, коренятся в том же самом учреждении. Во всяком случае, известная часть доходов начальников первобытных племен обыкновенно имеет источником подарки или пошлины за провоз через страну товаров. Слоновые клыки и золото составляют поистине род первобытной регалии для некоторых африканских королюков. Вот, например, что говорит Компаньон³ о пользовании рудниками в Бамбуке:

¹ Hollander, op. cit., 685.

² A. Bastian, Die Völker der oestl. Asien, Leipz. 1866, II, 199.

³ «Voyage de Compagnon à Bambouk (Afrique Centrale)», Walcker. Hist. gén. des Voyages, Paris 1866, t. III, 248.

Жители этой богатой страны не имеют права обрабатывать во всякое время землю или искать золотых рудников по своему желанию. Этот выбор зависит от власти их фаримов или старейшин их деревень. Фаримы извещают, частью, в пользу публики, частью, в своем собственном интересе, что рудник будет открыт в такой-то определенный день. Все, кто нуждается в золоте, отправляются в назначенное место и приступают к работе; другие носят воду, третьи промывают металл. Фарим и старшие негры стерегут золото, которое было промыто и принимают меры, чтобы рабочие не утащили часть его. После окончания работы золото делится, т. е. фарим начинает с того, что отбирает свой пай, обыкновенно составляющий половину; к этому он прибавляет в силу древнего права все слитки, превосходящие известную величину. Работа продолжается до тех пор, пока фарим находит нужным, и когда она окончена, никто не имеет права дотронуться до россыпи или рудника». Ниже мы еще скажем несколько слов о той безыгодной внутренней торговле, которую ведут старейшины со своим собственным народом посредством ссуды скота, железа и т. п.

Раз установившаяся первоначальная торговля носит в течение продолжительного времени исключительно меновой характер. Пестрые группы различных произведений обмениваются одни на другие в случайных пропорциях и при более или менее случайных встречах различных племен, без всякого признака чего-либо вроде общего эквивалента или денег.

Отсутствие отдельных профессий и изолирование племен является на Новой Каледонии¹ причиной почти полного отсутствия обмена. Этому не помогает и то, что различные местности производят различные естественные продукты. Есть всего две-три местности—Твуака и особенно Муеу, которые обладают рынками.

Североамериканские индейцы представляют уже шаг вперед в направлении обмена. «Дикие народы этой страны», говорит Лафито², «постоянно торгуют одни с другими. Их торговля имеет то общее с торговлею древних, что она представляет непосредственную мену припасов на припасы. Все они имеют нечто такое, чего другие не имеют, и торговля обращает все эти вещи от одних к другим. Таковы: зерновой хлеб, гончарные изделия, меха, табак, одеяла, лодки, дикобразы, дикий рогатый скот, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, словом, все, что только находится в потреблении для поддержания человеческой жизни».

В Бразилии³, где пробудилась среди дикарей кое-какая культура, известные предметы приготавливаются в запас для торговых целей. Так, мауге вырезают луки из красного дерева

¹ De Rochas, op. cit., 248.

² Lafitau, op. cit., 332.

³ Dr. Marzius, op. cit., 41.

и готовят тесто гварана; муидруку делают украшения из пестрых перьев; жены миранга плетут ежегодно значительное число гамаков из пальмовой древесины, которые доходят до дальних индейцев Суринама и Эссеквебо. Так точно многие племена занимаются разведением кур и готовят на продажу муку. Все эти предметы не продаются, а обмениваются на другие товары. Ни у одного народа Бразилии неизвестно чего-либо служащего всеобщим представителем денежной ценности, не говоря уже о деньгах; если они обладают металлом, то употребляют его лишь для украшений. В Мексике, как известно, еще во времена ацтеков бобы какао играли роль монеты, как коури в Ост-Индии и Африке. На Амазонской реке эти бобы, как и сассапарель, ваниль, гвоздика и пр., собираются для торговли с белыми; но единица не служит мерою известной ценности. Это полное отсутствие всяких денег характеризует степень образования американских туземцев. «Вы приходите», говорит Монтескье, «к одному из неизвестных народов; если вы видите монету, то можете успокоиться: вы находитесь в благоустроенной стране».

«Несмотря на весьма ограниченное чувство собственности, эскимосы¹ поддерживают род торговли между собою и для этой именно цели предпринимают некоторые из своих наиболее отдаленных путешествий. Впрочем, простая любовь к путешествиям может при этом иметь в виду не менее барышей. Для обмена служат такие предметы, которые производятся или встречаются только в определенных местностях и которые, тем не менее, считаются почти необходимыми; таковы, например, мыльный камень, лампы и сосуды, изготовляемые из него, китовые кости, китовый ус, некоторые сорта шкур, иногда готовые суда и каюки, некоторые роды пищи. В отдаленные времена эскимосы переходили, повидимому, в этих путешествиях за свою настоящую южную границу. В новейшее время было открыто более правильное торговое сообщение, при помощи которого некоторые азиатские товары достигали до эскимосов средних территорий, быть может, даже до берегов Дэвисова пролива и Гудсоновой бухты; с другой стороны, иные сорта товаров путешествовали оттуда к Берингову проливу, причем велась только внутренняя торговля между самими эскимосами. Никаких сообщений этого рода, повидимому, не существовало между упомянутыми путями и Гренландией; но жители различных частей Гренландии, за исключением самых северных племен, всегда поддерживали взаимные сношения. Однако, даже при существовании последних взаимная торговля между туземцами вряд ли могла дать возникновение какой-либо организации труда или поощрить какой-либо род промышленности, что в свою очередь могло бы сопровождаться какими-либо результатами для развития мест-

¹ Rink, op. cit., 9—10.

ных мануфактур. Каждая община родичей, обладая лодкой и шатром, должна доставлять себе все необходимое для обеспечения удобной жизни, исключая немногие произведения, упомянутые выше среди главных предметов торговли».

«Гренландцы¹ ведут торговлю частью между собою, частью с купцами и с судовладельцами. В своей среде они устраивают род ярмарок. Где только сойдется большое число гренландцев, например по поводу танцев или зимою на так называемый солнечный праздник, там всегда найдутся люди, которые выставят на показ свои товары и займут, в каком товаре сами нуждаются... Всего больше они торгуют сосудами из мягкого камня, который не везде можно найти. Сверх того, так как южане лишены китов, а северяне дров, то всякое лето с юга и с востока страны тянутся из-за 100 до 200 миль гренландские суда к Диско с новыми каюками и женскими лодками, с принадлежащими к ним орудиями; на эти предметы вымениваются китовый ус, кости и жиры китов, которые на обратном пути снова отчасти продаются. Купцам гренландцы продают меха лисиц и шкуры тюленей, всего же более жир... За это они получают не деньги, которые у них не имеют ценности, так как им все равно, что им повесить на шею, золотую ли монету или пфенниг, бусу или бриллиант, а разные товары. Деньги и бусы они уважают только за то, что они блестят; неоднократно они выменивали украденный испанский талер или гинею за пару зарядов пороху или за пачку табаку. Напротив, железо тем более у них в цене, что они могут его употреблять в дело. Они приобретают от купцов по прочно установленной цене железо для стрел, ножи, пилы, бурава, струги и иглолки; далее, льняную и хлопчатобумажную материю, шерстяные чулки и шапки, носовые платки, доски, ящики, деревянные блюда и жестяные тарелки, зеркала, гребни, ленты и всякие игрушки для детей. Табак, который они нюхают, служит у них родом ходячей монеты; за всякую услугу, оказываемую ими, они ожидают пачки табаку; табаком же платят им за портяжку и сапожную работу; иной бедняк охотнее продаст платье с тела и будет страдать с детьми от нужды, чем откажет себе в табаке. От этой страсти к табаку некоторые семейства приходят в такую же нищету, как в других странах от спиртных напитков, которые для гренландцев, к счастью, слишком дороги».

«Дариенские индийцы² ведут значительную торговлю кокосовыми орехами, кокосовым маслом, кокосами, черепашьей скорлупой, хлопковыми и травяными гамаками, растениями, слоновью костью и каное из дерева кали-кали, которое крепче и тверже кедра и магогани. Они получают в обмен крашенный коленкор, рубахи, коленкорные штаны, зеркала, табак, ром

¹ Krantz, 226.

² Dr. Cullen, The Darian Indians (Transact. of the Ethnol. Society, Lond. 1861, New series, IV).

и водку. Они не хотят брать никакой монеты в обмен за свои продукты, а также не желают продавать золотого порошка; индийцам внутренней страны строжайше запрещено приносить его на берега.

«Деньги имеют мало движения среди туркменов¹; их купли и продажи состоят в мене баранов, верблюдов, лошадей и пр. Они не накапливают денег, и богатство их состоит в верблюдах, кобылах и лошадях, в ценном оружии, наконце, в украшениях и в женском платье».

Следующий рассказ Камерона² служит наглядным указанием того, чего бывают лишены люди в обменах, не имея постоянной денежной единицы. «Забавно было видеть, как мне пришлось платить наемную плату за лодку на рынке в Кавеле, на берегу Танганайки. Агент Саида требовал уплаты слоновой костью, которой однако у меня не было; тогда я узнал, что Магомет Иби-Салиб располагал слоновой костью и желал иметь сукно; однако это известие принесло мне еще немного пользы, пока наконец я не услышал, что Магомет Иби-Гариб имел сукно и желал иметь проволоку. Эта последняя у меня, по счастью, была, и таким образом я дал Магомету Иби-Гарибу требуемое количество медной проволоки, он передал Магомету Иби-Салибу сукно, а этот последний дал агентам Саида требуемую слоновую кость; тогда только я получил от последнего право воспользоваться лодкою».

Первые следы употребления монеты встречаются у народов крайнего севера Америки³. У некоторых из них обращались вместо денег кожи морской рыбы. У других (колумбийцев) единицею ценности является вообще одеяло, а также в широком употреблении длинная белая раковина с мыса Flattery, водящаяся на значительной глубине, ценность которой зависит от ее длины. Первобытным орудием обмена у чинуков была раковина гиаква, доставляемая с северного берега, ценность которой также находилась в зависимости от ее длины; со времени торговых сношений с белыми к прежнему их орудию обращения были присоединены бобровые шкуры и одеяла. У индийцев Калифорнии единицею обмена является раковина *alljcochick*.

Торговля в древней Мексике⁴ велась не только при помощи непосредственной мены, но и купли-продажи. Здесь существовало несколько сортов обращавшихся денег, которыми пользовались для покупки, хотя, повидимому, ни один из них не был подвергаем чеканке. Первый сорт составляли зерна обыкновенного какао, называемые «патлахте» или «патасте», от слова «patla», — менять, обменивать, из которых туземцы и в настоящее время изготовляют напиток невысокого качества. Вторым

¹ *Fraser*, XXXV, 107.

² *V. L. Cameron*, *Quer durch Afrika*, Leipz. 1877, I, 241.

³ *Bancroft*, *op. cit.*, I, 107—108, 217, 238, 347.

⁴ *Brasseur*, *op. cit.*, III, 627.

сортом монеты были куски хлопчатобумажной материи— «шатолюкуакли», служившие исключительно для покупки предметов необходимости. Третий сорт составляло золото в порошке в перьях. Четвертый сорт состоял в кусках меди, разрезанных в форме буквы Г, и служил для приобретения предметов малой ценности. Давок в Мексике не было¹, но различные мануфактурные и сельскохозяйственные продукты привозились для продажи на большие рынки главных городов. Базары повторялись каждые пять дней и были поддерживаемы большим стечением людей, приходивших покупать и продавать изюм всей соседней страны. Каждому роду продуктов отводился особый квартал. Многочисленные сделки совершались без всякой путаницы и с полным соблюдением справедливости под надзором должностных лиц, приставленных для этой цели.

Жители Юкатана² занимались торговлею с особым увлечением. Они перевозили соль, рабов и материи на землю Улуа и в Табаско и обменивали их здесь на табак и каменные безделушки, которые были их монетой... Они имели еще другой род монеты, который приготавлился из красных раковин, доставляемых извне и служивших сверх того для украшения. На своих ярмарках они торговали всем, что производила их страна. Они давали товары в кредит без процентов и уплата производилась честно.

На Палаузских островах³ роль денег играют камни, черешки стекла, кусочки фарфора или эмали. Таких денег считается до семи сортов; ценность их в торговле определяется, во-первых, соответственно их величине, во-вторых, их положению в ряду различных видов монеты. Денег первого сорта «брак» существует на всей группе островов всего три или четыре экземпляра; вторым сортом монеты служит «пангунган», красный камень, быть может, яспис, который знатные женщины с большою гордостью носят на шее; третий сорт денег представляет «кальбукун»,—повидимому, агат определенной цилиндрической формы. Таковы деньги высшего класса, никогда не идущие в народ. Начиная от «кальдоира» все прочие сорта принадлежат обыкновенной торговле, и ценность маленького «аделоббра» или «оделонгля».—оба, повидимому, белые или зеленые куски стекла,—часто недостаточна для того, чтобы купить туземную пачку сигар или горсть бананов. Все эти монеты имеют тонкое цилиндрическое отверстие, сквозь которое протягивается нитка, или для того, чтобы носить их на шее как украшение, или для предохранения от утраты, посредством привязывания их в плетеные мешки, служащие для сбережения всяких вещей. Употребление описанных родов денег повлекло за собой попытку

¹ Prescott, op. cit., 69.

² Diego de Landa, op. cit., 126.

³ Semper, op. cit., 61.

контрабандного ввоза черешков и бутылочного стекла, но жители прекрасно умеют отличать свою монету от чужой.

Подобная же монета из красного камня и твердой породы раковин известна среди многих индийских племен Северной Америки¹. Она называется «вампу»² и называлась подобно ожерелью. В прежние времена эта монета служила орудием мены, но когда индийцы ознакомились с ценностью металлов, то она почти перестала обращаться как монета и ценится только как украшение. Белые пробовали подделывать эту монету, но не могли ввести в заблуждение индийцев, откуда и произошла поговорка: «ни еврей, ни чорт не могут подделать индийской монеты». Для приготовления своих вампунов индийцы употребляли гвоздь, укрепленный в куске дерева, который вращали на раковине, пока кусок ее не отделялся от главной массы; очевидно, что подобный процесс требовал весьма значительного труда.

«В целом мире нет такого разнообразия монет и орудий обращения, как в Африке. Торговля есть одна из главных страстей негра, и нельзя оспаривать, что он является упорным, прилежным и хитрым торговцем, какими редко бывают представители других народов, стоящих на ранних ступенях развития, за исключением разве малайцев³. Особенно выдающимися африканскими торговцами считаются мандинги, которые ведут большую часть обмена с странами, лежащими к северу от Сиерра-Леоне. Некоторые из этих людей являются от времени до времени в Кап-Кост-Кастль и в другие форты Золотого Берега, пройдя предварительно большую часть Африки. Торговля обыкновенно ведется караванами, под начальством особого старейшины, который пользуется почти неограниченной властью над отдельными членами каравана. В некоторых странах Дарфура⁴ почти каждая местность имеет особое орудие мены. В Борну, кроме коури, деньгами являются хлопчатобумажные материи определенного размера и рода, в Логуне куски железа подковообразной формы, в Вадае хлопчатобумажные материи и сукно, то же самое в Багирми и дальше к западу, в Бонни металлические, большей частью, медные кольца, у понгбесов внутри страны Понгво, равно как от Сенегала до мыса Мезура-

¹ *Domenech*, op. cit., 254.

² В новейшее время стало известно, что раковина «вампу», кроме денежной роли, служила еще у различных североамериканских племен для сообщения известий, с какою целью, в качестве соответствующих известным понятиям знаков, нашивалась на «пояс-вампу» и посылалась в другие племена, причем, если известие важно, то, после прочтения, вручался собранию и самый пояс в подтверждение речи посланного. Сверх того, те же пояса «вампу» служили еще вроде государственного архива, содержа в себе описание важных событий и тщательно сохранялись индейцами. См. об этом у *Waltke*, *Geschichte der Schrift*, I, 152—153.

³ *Lesson*, op. cit., 100.

⁴ *Waltz*, op. cit., II, 103.

до,—железные слитки. На Золотом Берегу счет идет на унции золота и так называемые аки ($\frac{1}{16}$ унции).

Железо было первым предметом, который привлек к себе внимание туземцев. Его полезность для изготовления орудий войны и земледелия заставляла предпочитать его всему, и потому в скором времени на значительном пространстве Африки железо сделалось мерою, по которой устанавливалась ценность всех других товаров. Известное количество какого-нибудь товара, казавшееся неграм равным по ценности железному слитку, составляло на языке торговцев *барру* этого специального товара. Двадцать листов табаку рассматривались, например, как барра табаку; галлон спирту (или спирту и воды, смешанных вместе) называлась баррой рому; барра любого товара считалась равною по ценности барре всякого другого товара. Как и повсюду, при этом должно было неизбежно случаться, что, смотря по редкости или изобилию товаров на рынке, соответственно спросу на них, относительная их ценность подвергалась колебаниям, так что явилась необходимость прибегнуть к соблюдению большей точности. Сверх того, количество товаров, разумеемое под баррой в различных местностях, не одинаково. Так, например, ружье, стоящее 20 шиллингов, продается за 6 барр, но столько же барр табаку продается всего за 4—5 шиллингов, 20 листов табаку составляют одну барру, один галлон рому стоит столько же. Штука материи идет в одной местности за 6, в другой за 8, в третьей за 10 барр. Оценивая свои товары, купец складывает все свои барры с приблизительной накидкой, стараясь приспособиться так, чтобы *сумма* более дорогих барр была уменьшена *числом* более дешевых. Впрочем, и в одной и той же стране монетная единица от времени до времени изменяется. Так, Барт, в своем путешествии 1849—1855 года¹, жалуется на утомление; какому подвергались его люди в Кукава, в Борну, при покупке своих еженедельных припасов, так как в то время там не было никакой монетной единицы. Прежняя единица страны, фунт меди, давно вышла из употребления, хотя название ее «ротль» продолжает существовать попрежнему. «Габаса» или связка хлопка, которая так же была в обычае в прежнее время, начала заменяться коури или «кунгона», которые были введены скорее в видах спекуляции управляющего класса, чем для удовлетворения естественных потребностей обитателей, хотя нельзя отрицать, что они очень полезны при покупке мелких товаров и гораздо удобнее хлопковых связок. Восемь коури или «кунгона» считаются равными одной «габаса», или 33 кунгона одной «ротль». Далее, для покупки более крупных предметов здесь имеются рубашки всякого рода и величины, начиная от «дора»—самой короткой и маленькой, совершенно

¹ *H. Barth, Travels and Discoveries in North and Central Africa. Lond. 1858, II, 310—311.*

негодной для употребления и стоящей 6 ротлей, до самой большой, стоящей от 50 до 60 ротлей. Но хотя это установленная цена,—отношение ротля к австрийскому талеру, имеющего широкое обращение в Борну, подвергается крайним колебаниям, вызываемым, по всей вероятности, спекуляциями правящего класса, который скупает коури и тем роиает талер от 100 ротлей или 3 200 коури до 40 или 50 ротлей.—Мелкий земледелец, раз в неделю приносящий свою пшеницу на рынок Кукова, ни в каком случае не хочет брать платы раковинами и редко согласится взять талер: поэтому лицо, желающее купить пшеницу, если имеет только талеры, должно прежде всего разменять талеры на раковины или купить раковины; потом за раковины оно должно купить «кульгу» или рубашку; и после целого ряда сделок оно может привести к успешному концу покупку хлеба, будь это пшеница, маис или рис. Утомление, испытываемое от этого рода мены, так велико, что Барт часто видел своих слуг возвращающимися с рынка в состоянии крайнего истощения сил.

Посетив в новейшее время народец бонго, путешественник Швейнфурт¹ указывает на новые изменения в орудиях мены. «Железо, пускаемое народцем бонго в обращение», говорит он, «всегда имеет тройкий вид: 1) «меги», т. е. простой наконечник копья от 1 до 2 футов длиною, как и у племени джур, 2) «логго-куллутти», т. е. черная, грубая лопата, и 3) «логго» — отделанная лопата, которая в качестве «молоты» нашла такое широкое распространение вдоль по течению Верхнего Нила «Логго-куллутти» это римский «асс» бонго, центральноафриканский эквивалент наших денежных ценностей. Согласно показанию майора Денгама, объезжавшего центральный Судан еще в 1824 году, — в Логгоне на нижнем Шари уже в то время были в обращении, в качестве орудия обмена, куски железа, которые вполне соответствуют деньгам бонго, но уже во время Барта употребление их давно пришло в забвение. «Логго-куллутти» состоит из плоской, круглой, в величину тарелки, железной доски от 0,25 до 0,35 метра в диаметре; с одной стороны к ней приделана ручка, а с другой якоревидный придаток. В этом виде железо было собираемо богатыми в больших количествах, и еще в настоящее время оно служит, наряду с наконечниками копий и лопатами, в качестве денег и условной монеты для производства всякой купли или уплаты за невесту. Только в новейшее время, как в северных частях осмотренной автором местности, так и в бонго, приняла денежную ценность и представляет любимейший предмет мены — медь. Стекланный жемчуг обесценивается с году на год все более и более и продолжает служить исключительно целям женского тщеславия; уже с давнего времени он перестал накапливаться и зарываться, подобно драгоценным металлам. Раковины коури, повидимому, были весьма ценны и любимы

¹ Schweinfurth, *op. cit.*, 105.

в древнее время, когда бонго еще могли вступать по временам в сношения с магометанским миром через посредство Дембо, граничащего с арабами баггара, родственного с джур племени шилуков; теперь же они давно уже вычеркнуты из списка ценных вещей. Так как золото и серебро, подобно всем прочим металлам в магометанских странах восточного Судана, обрабатываются лишь в незначительном количестве, как предмет украшения, то нельзя удивляться, что они для бонго остались почти совершенно неизвестны.

Народы кимбунда¹ не знают никаких чеканенных денег; вместо денег они употребляют европейские продукты, как-то: материи, водку, ружья, порох, различные фарфоровые и стеклянные бусы и пр. и некоторые туземные продукты: мабала (род грубой ткани), крючки, тонкие покрывала и соль. Собственно говоря, они имеют лишь одно мерило, которым измеряют все товары, даже жидкости, или, скорее, определяют цену всех товаров ценностью, соответствующую этому мерилу. Последнее относится к длине; части его суть: науду, бекка и кирана. Науду равняется приблизительно одному локтю или эллию, два науду составляют одну бекку, четыре бекки—одну кирана. Сверх того, науду подразделяется на $\frac{1}{4}$, $\frac{2}{4}$ и $\frac{3}{4}$ науду. Но так как цена европейских товаров зависит не от длины только или количества, но также и от качества, то для лучшего понимания дела необходимо перечислить чаще всего встречающиеся у южноафриканских народов произведения и определить их различные цены соответственно принятому мерилу, равно как установить цены делимых и неделимых предметов, которые не суть материи, по отношению к материям. Пять наиболее ценных тканей означаются у туземцев одним общим именем «китакава», другие четыре «фиера». Прочие ткани, как, например, тонкие французские сукна, шали, платки, хорошей работы украшения из металла и стекла служат в отдаленных странах центральной Африки только для подарков князьям и не имеют в торговле никакого сбыта, так как грубые народы не умеют их ценить и не покупают вследствие высокой цены. Две ткани из первых пяти ценятся на 100% выше трех остальных. Цена этих последних опять-таки на 100% выше цены остальных, так что одна бекка первых стоит столько же, сколько две бекки вторых. Из сказанного следует, что среди этих народов, всегда требующих за свои продукты по возможности большее количество материй, купец должен обращать особенное внимание на то, чтобы давать как можно меньше материй «китакава». Вообще здесь менее торгуются о мере материи, чем о качестве и названии ее. Водка считается бутылками; каждая бутылка оценивается в две бекки материй «фиера». Мешок пороху приравнивается одному эллию тканей фиера. Ружья соответствуют четырем кирана, из кото-

¹ Magyar, op. cit., 292.

рых половина «катакава», а другая половина «фиера». Пять кремней считается в одном науду тканей «фиера», 10 листов бумаги стоит столько же. Бусы продаются большими или меньшими шнурками, и каждый шнурок, смотря по качеству, идет за 1 науду до 1 кирана материй «катакава» или «фиера». Внутренняя торговля народов кимбунда, сравнительно с их внешнею торговлей, весьма незначительна; предметы последней—рыба, рогатый скот, овцы, туземные железные крючки. Взрослого раба или молодую рабыню можно кушить за 25—40 элей различных европейских материй. Хороший бык стоит столько же, сколько и раб. Цена козы вдвое выше, чем овцы, потому что коза употребляется на жертвоприношения, а овца нет. За крючки чужие народцы дают шестеро больше, чем свои. Предметами иностранной торговли кимбунда, самой обширной в южной Африке, за уничтожением торговли рабами, служат слоновая кость, носорожьи рога и воск. Эти предметы вымениваются у внутренних народцев на европейские товары, и притом воск прямо и исключительно на эти последние, кость же и носорожьи рога, частью, на последние, частью, на рабов и на быков, смотря по потребностям соответствующих народов. Есть такие народы, которые не нуждаются ни в каких европейских товарах; от них можно добыть слоновую кость и рога только за рабов или за быков. Торговля постоянно ведется большими караванами.

Насколько означенные факты способствуют освещению вопроса о генетическом развитии денежного товара, они наводят на следующие заключения. Первоначальными деньгами являются самые ценные предметы, служащие в виде украшений и очень часто зарываемые, как сокровища, в землю. Первобытные народы обыкновенно ценят лишь те украшения, которые вошли у них в обычай, и, наоборот, не придают ровно никакого значения самым красивым бусам, игрушкам и другим вещам, привозимым европейцами, но не имеющим обращения среди окружающих племен¹. В дальнейшем своем развитии орудие обмена приурочивается или к важнейшему предмету местного потребления или к важнейшему предмету ввоза. Низшие металлы, железо и медь, повидимому, весьма рано приобретают значение орудия обращения и мерила ценности. По крайней мере, у африканских народов, железо не представляет предмета, с которым познакомили их европейцы, а с давнего времени добывается многими народами на месте при помощи весьма первобытных способов.

Торговля, могущественнейшее средство к созданию неравенства движимого имущества, в некоторых местах ведется еще совершенно демократическим способом. Вот как описывает торговлю западной Африки Дю Шаллю²: «Различные предметы ввоза и вывоза передвигаются обыкновенно по речным потокам,

¹ Philip, Researches in South Africa, II, 131.

² Du Chailly, Voyages et aventures dans l'Afrique Equatoriale, 1863, 11—12.

единственным большим путем сообщения страны. Берега заняты целым рядом различных племен. Так, например, мпонгвы занимают устье реки и область, простирающуюся на несколько миль выше; далее их сменяют шекпаны, а этих последних другие племена, по меньшей мере, до двенадцати, прежде нежели достигнешь гор Сиерра дель Кристалл. Каждый из этих народов присваивает себе привилегию действовать в качестве посредника относительно смежных с ним и взимает за свои услуги весьма тяжелую пошлину. Никакое нарушение этого права не допускалось под опасением войны. Предположим, что какой-нибудь негр внутренней страны, обладающий слоновым клыком или куском красного дерева, нуждается в обмене их на товары белого человека. Он ни за что не решится сам явиться с ними на рынок. Если бы он имел так мало смелости, что осмелился бы решиться на такое предприятие, то его имущество было бы конфисковано, и сам он, попавши в руки тех, монополию которых он оспаривал, был бы приговорен к уплате штрафа или даже продан в рабство. Правила торговли обязывают его доверить продукт кому-либо из членов соседнего племени, более близкого к берегу; этот в свою очередь передает его начальнику или приятелю соседнего племени, и таким образом слоновая кость или красное дерево проходят около дюжины рук, пока не достигнут до конторы negocianta на берегу. Естественно, что это усложнение вредит торговле белых, удорожая продукты; но в этом лишь половина зла. Хотя производитель продал свою слоновую кость, и предмет этот был потом перепродан около двенадцати раз, но вся эта торговля в своей основе есть не что иное, как комиссионная сделка, без действительной уплаты денег вперед. На самом деле первый владелец кредитовал каждого последующего посредника предметом своей собственности, не получая в обмен никакого соответствующего эквивалента, даже косвенного. Когда последний владелец продал кость или красное дерево купцу или капитану из белых, то он начинает с того, что за свои важные услуги удерживает из цены довольно большую пошлину, потом остаток передает своему ближайшему соседу вверх по течению реки. Этот последний, в свою очередь, берет себе за труды новую комиссию и передает остаток дальнейшему соседу; так что, в окончательном счете, бедняге, который пустил дело в ход и послал клык, остается лишь самая малость.—Другого рода препятствия оказываются тому, чтобы кто-либо один, более ловкий нежели его собратья, организовал в свою пользу правильное торговое предприятие: ни одному члену племени не дозволяется захватывать больше дела, чем сколько приходится на его долю. Несколько лет тому назад одному ловкому мпонгве пришло в голову, что в коммерческих сношениях честность легко может сделаться лучшим правилом поведения; он настолько следовал этому внушению, что белые и туземцы внутренней страны в короткое время доверили ему большое количество дел.

Но не успел еще он стать как следует на ноги, как другие начали грозить ему отравой и обвинять в колдовстве; наконец, против него поднялось такое движение, что он был принужден отказаться от ведения предлагаемых ему дел и, так сказать, уйти от торговли, чтобы спасти свою жизнь».

Однако торговые сношения делают свое дело, обогащая купеческий класс в ущерб большинству населения. Всего опаснее для последнего в этом отношении иностранные купцы. В стране, жители которой имеют весьма ограниченные потребности и где каждый находит вокруг себя и в своей собственной деятельности средства удовлетворения их, внутренней торговли почти не существует. Так у сомалов¹ она состоит только в обмене небольшого количества естественных произведений, собираемых бедуинами, за некоторые товары или продукты, привозимые извне жителям берега; часто даже торговля производится непосредственно между бедуинами и иностранными торговцами, которыми обыкновенно бывают баннае и евнухи. В конце северо-восточного муссона они собираются во множестве в различных портах берега; грузы их состоят из фиников, рису, подбора американских хлопковых материй грубого качества, под названием «кгам», так называемого индийского хлопка «кгам-ель-инди», суратских хлопковых произведений, табаку и небольшого количества железа. Торговцы эти, будучи в каждом порте в небольшом числе и являясь в нем единственными владельцами экзотических произведений, захватывают в свои руки большую часть торговли и имеют полную возможность устанавливать по произволу условия обмена. Оттого торговля всегда велась к большой невыгоде бедуинов, которые продают свои продукты ниже их действительной ценности и гораздо ниже продажной цены, приобретаемой товарами, по выходе из рук торговцев баннае и евнухов. Эти последние, не довольствуясь эксплуатацией своих несчастных покупателей в самый момент обмена, остаются с года на год хозяевами рынка, устраивая так, что в конце каждого года бедуины являются их должниками... Средняя относительная ценность различных предметов, над которыми совершаются эти операции непосредственной меновой торговли, следующая: одна фразела² или 20 ретелей гумми соответствуют двум фразелам рису или фиников, 20 локтям американской хлопковой материи, 30 локтям индийской, $1\frac{1}{2}$ или 2 сухим бычачьим кожам или 1 пиастру деньгами; ценность ладана обыкновенно относится к ценности гумми, как 1:4. Если сблизить приведенные ценности в стране сомалов с ценами, по которым товары покупаются на месте производства торговцами, ввозящими их, то нетрудно судить о громадных

¹ M. Guittain, Documents sur l'histoire de l'Afrique orientale, Paris 1855, II, 453—455.

² 1 фразела=20 ретелей, 1 ретель=442 граммам=16 пиастрам Марии Терезии.

барышах баниан и евухов. Штука ткани, называемой кгампаль-инди, имеющая 100 локтей длины, обходится банианам и $1\frac{1}{2}$ пиастра, т. е. в ценность, за которую им дают более 3 фразел гумми и 10—13 фразел ладану и около 15 ретолей мирры. За мешок фиников в 120 ретолей, купленный в Маскате за $1\frac{1}{4}$ пиастра, они получают три фразелы гумми и количество ладану или мирры, соответствующее относительным оценкам, приведенным выше. Рис, просо и другие предметы ввоза доставляют соответствующие барыши. В то же время текущие цены на торгах следующие: 1 фразела гумми, смотря по качеству, равняется $1\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{4}$ пиастра; 1 фразела ладана— 1 — $1\frac{1}{2}$ пиастра, 1 фразела мирры— $2\frac{1}{2}$ —4 пиастра.

Однако описанные вымогательства представляют не более как шутку, сравнительно с теми, какие позволяют себе русские торговцы с сибирскими инородцами. Китайские товары, чай, дабы продают наши купцы на Алтае и на Чуе русским подданным калмыкам¹. Чай там ценится в два теленка или в одного большого барана; большие дабы, купленные за два чая, продаются за три... Интересна также продажа товаров за мелкий скот, оставляемый на вырост у хозяев. Теленок, например, купленный за рубль, остается у первоначального хозяина: это ему нужно потому, что корова без теленка не дает молока; в четвертый же год покупатель вытребует этого теленка уже в виде взрослого быка, так что из одного рубля у него делается 15 или 20; в случае же смерти скотины, покупщику уплачивается стоимость теленка, частью, звериными шкурами и другими товарами, а частью, мелким скотом, который оставляется у хозяев опять на вырост, так что купец обирает иногда от одного чая в течение многих лет скот и шкуры в стоимости нескольких быков. Такие же расчеты производятся за товары, данные вперед за осень, за белковые шкуры и орехи. В 1860 году Радлоу имел случай видеть процесс, по которому одному торговцу за несколько белковых шкур и за два шила, в общей сложности за *двадцать восемь копеек*, присуждено было получить от двоюродца, живущего около реки Шибита—*восемьдесят одного быка!*

* * *

История долговых обязательств вообще представляет одну из самых интересных и важных страниц в истории человечества. В Риме и Греции, у кочевых и у рыболовных народов долги одинаково служат источником неравенства в состояниях и быстрого разъединения общественных классов. Жаль только, что данные, относящиеся к процессу задолжания народов у своих начальников, помещиков, ростовщиков и торговцев, отличаются крайней скудостью. Приведем несколько примеров подобного

¹ *Ядринцев*, Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири, «Отеч. зап.», 1877, декабрь, 217.

задолжания, которые нам удалось найти в сочинениях путешественников и других исследователей.

По словам Кука¹, народцы островов Товарищества говорили его экипажу, что до прихода капитана Уаллиса, открывшего Таити, они так высоко ценили железо, что один начальник на Таити, у которого было два гвоздя, получал от них довольно значительный доход, сужая их своим соотечественникам для пробития отверстий во всех тех случаях, когда их собственные средства были недостаточны. Отец Кантова говорит, что старейшины Каролинских островов также обогатились от отдачи в ссуду гвоздей. Если случайно иностранное судно оставляет у них на островах какие-нибудь старые куски железа, то они принадлежат по праву тамолам, которые заставляют делать из них по возможности лучшие орудия. Эти орудия составляют фонд, из которого тамол извлекает значительный доход, потому что он отдает их в ссуду, и ссуда оплачивается довольно дорого.

Мэн в своей «Early History»² справедливо замечает, что ссуда скота племенным старейшиною значительно способствует усилению его власти. Согласно ирландскому Brehon-Law вождь должен быть прежде всего богатым человеком, и одного богатства часто достаточно для того, чтобы попасть в вожди. В чем же должно состоять его богатство? Роджерс говорит о земле, как о самом дешевом товаре в средние века. Остаются скот, овцы и особенно быки. Поэтому можно думать, что и предметом искательств у двора был более скот, нежели земля. Вождь имел много скота, который получался им в виде военной добычи. Сверх того, все возрастала его власть над пустошью, а через нее и система раздачи своего скота фермерам или членам племени вообще. Вот что пишет Дэгмор³ о наиболее передовой расе южной Африки, кафрах: «Так как скот составляет единственное богатство этого народа, то он является единственным посредником его в таких сделках, как обмен, уплата или вознаграждение. Свита начальника служит ему за скот; никто не в силах поддержать свое влияние или обеспечить за собою известное число адептов, если не имеет средств снабдить этих последних тем, что одновременно составляет их деньги, пищу и одежду. Поэтому начальник нуждается в постоянном фонде, из которого он должен удовлетворять зависимых от него; о количестве требуемого фонда можно судить по характеру запроса на него. Свита, двор начальника, состоит из людей, собранных во всех частях племени, молодых, ловких и храбрых, которые являются к нему на кратковременную службу, чтобы добыть скота, и через то получить средства на покупку жен, оружия и других

¹ Cook, IV Voyage, X vol., Biblioth. Univers., 322.

² H. S. Maine, Lectures on the early history of institutions, Lond. 1875, 140 и сл.

³ Dugmore, Compendium of Kafir Laws and Customs. Mount Coke, British Kafiraria, 27.

желаемых ими вещей; получив требуемое, они возвращаются домой и дают место другим. Таким образом ближайшая свита начальника непрерывно изменяется и предъявляет постоянный запрос на его средства. Скот у вождя образуется путем наследства, подарков, штрафов, конфискаций, грабежа. О скоте в древних ирландских и римских законах говорится положительно на каждом шагу. Первоначальное римское право считало скот наравне с землею в числе *res mancipi*. У индусов скот имеет религиозное значение. Значение скота при начале оседлости, как орудия земледелия, еще важнее, чем в пастушеский период. Во всем «Brehon-law» штрафы, налоги, доходы вычисляются в скоте, не исключительно натурой, но довольно часто. Святость быка в Индии и причисление его к *res mancipi* в Риме, по всей вероятности, имели в виду сохранение быка для культуры, когда он уже перестал быть орудием мены. Недостаток скота у свободных членов племени и обилие его у главы племени, переходящее даже за пределы незанятого пространства земли, повело к отдаче его в ссуду и к обращению членов племени в зависимость от вождя. По всей вероятности, старые ирландские порядки найма скота в значительной степени помогают реальному объяснению так называемой коммендации, господствовавшей в начале средних веков во всей Западной Европе.

Интересно, что подобные же ссуды скота старейшинами или вождями племени своим соплеменникам мы встречаем и у некоторых других кочевых и полукочевых народов. Так, например, по словам Эллиса¹, доходы мадагаскарского короля слагаются из добычи, налогов, пошлин, штрафов и конфискаций. Под добычей обыкновенно разумеется доля завоеванных вещей, рабов, скота и пр. Королю назначается третья часть всего составляющего добычу скота и, сверх того, по 4 доллара с каждого пленного раба. Остаток распределяется между служащими в армии; и так как король доставляет войскам оружие и амуницию, то требование его на большую часть добычи рассматривается как достойное и справедливое. Обыкновенно король распределяет безденежно значительное число своего скота на различные сроки, а остальное продает береговым торговцам для вывоза.

«Богатый человек», читаем в статье Бюттнера², «при условиях, господствующих в стране Дамара (южная Африка), не в состоянии держать свой скот в одном месте, так как есть лица, обладающие многими сотнями коров, не говоря уж о таких богачах, которых скот считается десятками тысяч коров, даже без быков и мелкого скота. Сам автор один раз насчитал в одном только личном хозяйстве владельца, в селении Камагереро, свыше 300 телят почти исключительно однолетних, иными словами, для хозяйства дошло сверх 300 коров; в стране встре-

¹ W. Ellis, History of Madagascar, I, 357 и сл.

² Büttner, Aus Natur- und Völkerleben Süd-West-Africa's. Das Ausland, 1882, № 42 и 43.

чаются повсюду стада этого хозяина. Поэтому каждый богач вынужден, вместе с собственным главным хозяйством (*онганда*), иметь еще сколько-нибудь других мест (*озогамбо*) для скота, в которых надзор принадлежит младшим братьям или другим близким родственникам хозяина, а, за отсутствием их, опытным старым слугам. Сверх того небезопасность всяких отношений в анархической стране побуждает вообще народ гереро *разделять свой скот на возможно большее число партий*, для того, чтобы какая-нибудь эпидемия или внезапный грабительский набег злых соседей не лишили сразу всего имущества. Немногие, конечно, имеют достаточно членов семьи или рабов, чтобы быть в состоянии усмотреть за всем при помощи своих людей. Отсюда вошло в общий обычай передавать каждому знакомому и родственнику по несколько штук скота для надзора и ухода, частью в виде залога, частью для оказания взаимной услуги, причем каждый из друзей и знакомых берет, сколько может получить. Вследствие этого во всяком месте для скота и в каждом стаде имеется значительное число владельцев, независимо от того, что каждый член семьи получает от своего отца для собственного употребления и нужды особый *ресулиум*. При этом скот отдельных владельцев редко обозначается особым знаком (при помощи разреза на ухе, *окулака*, а также искусственного сгибания рогов своих быков). Вообще же каждый владелец знает весь свой скот, так сказать, в лицо, по форме рогов и по бесконечно большому числу других мелких признаков; каждая штука среди тысяч выскивается с такою же верностью, с какою мы в большой толпе людей всегда узнаем своих знакомых. — Так как каждый до известной степени имеет на руках скот каждого, то мир и по крайней мере поверхностное согласие между всеми гереро более или менее обеспечены, тогда как здесь можно было бы ожидать такой же анархии, как и у других кочевников. Если бы в каком-нибудь углу страны кто-нибудь дозволил себе сделать зло против самого малейшего из малых, то наверное в руках друзей его врага оказалась бы часть его скота, которую легко отнять из мести или, по меньшей мере, задержать, пока спор не разрешится ко всеобщему удовлетворению... В системе содержать скот во многих пунктах жители имеют превосходный способ скрывать свое богатство, так как никто, кроме самого собственника, не может составить понятия об имуществе, разбросанном по целой стране. Так как ни одна штука скота специально не отмечена, а также неизвестно никакое искусство книговодства, и не делается никаких письменных отметок, то можно себе представить, какая значительная умственная сила нужна для богатого гереро, чтобы удерживать в голове, где находится весь скот, и не забыть при этом вновь отелившихся телят и ягнят. Понятно, что пастухи, как только заметят, что их контролируют не строго, сейчас же начнут хозяйничать в свою собственную пользу; тогда, всякий вновь рожденный бычок будет

принадлежать пастуху, а все, что умрет, — умрет из господского стада, и в одно мгновение ока стадо растает, как лед. Поэтому владелец должен постоянно находиться в путешествии для осмотра своих стад, чтобы, при помощи постоянного упражнения, довести свое знакомство с стадами до тонкости почти невероятной».

«Благодаря тому обстоятельству, что собственность гереро состоит в скоте, следовательно постоянно охраняется и точнеешим образом контролируется, самое наследственное право у них получило своеобразный характер. Это право наследования, несмотря на свою произвольность, подчинено известной системе. Человек умирает и оставляет жену с маленькими детьми. Кто должен теперь управлять скотом? Если одни только слуги, то скоро все будет разграблено. Потому, даже и по нашим понятиям, этим делом должен заняться мужчина, взрослый и достаточно сильный для того, чтобы оказывать защиту семейству и принять его под свою опеку. Продать наследство и превратить его в деньги невозможно там, где торговля скотом не в правах, где вообще нет такого количества других ценных предметов в руках народа, чтобы иметь возможность заплатить за большое стадо скота. Притом эгоизм гереро располагает их ничего не делать без вознаграждения, и потому каждый постарался бы по возможности больше пожить от слабых и невежественных. Но, так как никакой закон не охраняет слабого от сильного, то подобный опекун в короткий срок лишил бы, конечно, наследников всего их имущества. Поэтому если кто-нибудь умрет, то остающиеся после него не наследуют в собственном смысле этого слова; напротив, все, так сказать, семейство переходит по наследству к ближайшему из друзей покойного: скот умершего становится его скотом, слуги также, даже жены умершего становятся его женами и дети — его детьми. Повидимому, у гереро не проводится никакого различия между собственными детьми и сводными; язык доказывает то же, не зная слов для мачехи, вочима, сводных детей. Хотя существуют слова для *дяди* и *тетки* в широком смысле, равно как и для *племянника* и для *племянницы*, но эти слова употребляются больше в разговоре взрослых людей; дети же еще при жизни родителей зовут братьев и сестер отца и матери отцами и матерями, и точно так же братья и сестры всегда признают себя кровными братьями и сестрами. Отец по-герерски — *таге*, мать — *мама*. Эти слова однако применяются исключительно к *моему* отцу и к *моей* матери, но имеют значение и для всех членов восходящей линии, хотя *дед* и *бабка* называются в домашнем быту больше всего *стариками*. Подобным же образом не существует общего слова для обозначения братьев и сестер, так же как нет общего слова и для обозначения отдельных братьев и сестер; для старшего брата и старшей сестры есть свои имена и для младших своих».

«Из сказанного основного положения наследственного права

следует, что богатые и сильные люди, чем дольше живут, тем сильнее и богаче становятся, тогда как младшее поколение, дети и беспомощные, не имеют никакой собственности.—Обычай страны не требует, чтобы опекун выдавал отцовскую часть возросшим сводным детям по окончании срока совершеннолетия (вероятно, потому, что все имущество признается принадлежащим всей общинно-родовой группе, которая всегда имеет право наследования *sui generis*?). Сводные дети, подобно родным, до смерти нового отца остаются в отцовской власти. Подрастающий ребенок вскоре подучивается матерью попросить опекуна о козах, других же животных, при случае, он выпросит у теток и дядей, так что дети не только содержатся из общего имущества, но приобретают и собственный скот, на молоко которого лишь они имеют право. Новое поколение этих коз натурально принадлежит тем же детям, и так как отец или опекун заведует *resulium* детей бесплатно, то имущество ребенка растет вместе с ним самим. Сюда же присоединяются от времени до времени подарки скотом мальчику или девочке от отдаленных родственников; чем старше и могущественнее кто-либо, тем скорее он получает подарок или отдельное место со скотом, содержатель которого естественно пользуется молоком скота, вверенного его надзору, хотя и должен всегда отдавать свежесотелвшихся коров и коз господину по его требованию.—Таким образом имущество старого богача складывается из следующих частей: 1) из того, что он получил от отца или от опекуна, в качестве семейного пекулиума, следовательно, то, что он наследует из семейной собственности; 2) из того, что он получил в подарок от отдаленных родственников, как семейную собственность; 3) из того, что ему передается в виде мест со скотом; 4) из того, что он, как опекун других семейств, наследовал с малолетними. *Вся эта собственность состоит из скота*; ягнята и телята всегда принадлежат к тому же имуществу, к какому принадлежат и матери... Если такой человек умирает, то обыкновенно каждая штука скота идет по собственному пути,—именно, все снова возвращается назад к первоначальному семейству. Что человек имел из семейного имущества, остается в его семействе; то же, что он получил в подарок от доброты других семейств или в виде пользования местом со скотом, возвращается в семейства и наследникам дарителей и скотовладельцев; семейства снова разрываются и берут себе имущество своих отцов.—Если принять во внимание, что ничего не делается на письме, что подобное имущество иногда обнимает многие тысячи быков, овец и коз, и что весь порядок покоится только на точном закреплении в памяти родословной этих тысяч скота, то при мысли о подобном регулировании наследства может закружиться голова. Потому нечего удивляться, что смертный случай и открытие наследства приводят в возбуждение всю страну. Вообще существует обычай,

что больной, особенно тяжело больной, посещается всею своею роднею; вокруг смертного ложа собираются жители целого местечка. Если же умер старый вождь, то сходятся со всех сторон другие главы, чтобы разделить наследство или чтобы добиться удовлетворения своих претензий; из более бедных людей многие также считают себя имеющими право на наследство, в виде какой-нибудь козы или теленка, которых умерший должен был подарить еще за несколько лет ранее. Таким образом при могиле собираются сотни людей, надсмотрщики над скотом со всех сторон сгоняют сюда скот умершего, и тут точнейшим образом определяется во всеуслышание родословная каждой отдельной штуки, как и вообще это составляет любимую тему разговоров гереро. Что в таком случае появляются и ложные претенденты, это вполне естественно; но несомненно также и то, что могущественные делители наследства умеют позаботиться об удовлетворении всех, кто предъявляет правильные требования. Иногда целые месяцы сидят князья при разделе наследства; происходящие при этом споры отличаются такой глубиной и основательностью, что европеец, не имеющий понятия о родословных и истории жизни быков, овец и коз, не в состоянии даже оценить их».

«Таково приблизительно наследственное право гереро без завещания. Но бывают случаи, что умирающий сам определяет, как следует поступить с его скотом, т. е. до известной степени составляет завещание. Насколько автору известно, против подобных распоряжений на случай смерти не бывает никаких возражений, так как каждый боится священной воли умирающего. Иногда ближайшие младшие родственники соединяются между собою, соглашаясь удерживать в свою пользу все наследство и, самое большее, удовлетворить самых близких родичей, чтобы не дать уменьшить это наследство чужому, далеко стоящему властелину, который навяжет себя в делители наследства. Так, наследники Зерауаса удалили Камагареса (которого европейцы называли старым Вильгельмом) от наследства и удержали все для себя».

У корелов и у самоедов Большеземельской тундры имеется обыкновение раздавать на поддержку скот¹. Последние раздают бедным оленей на подмогу из приплода. Бедный пасет взятых оленей богача, кормится от них, а за труд часть берет часть приплода, остальную же часть его возвращает хозяину, вместе со взятыми на подмогу оленями. В Канинской же тундре богатые самоеды отдают оленей бедным на следующих условиях: бедный берет несколько штук, напр., десяток неученых оленей и употребляет их для езды целый год; когда же объездит их хорошенько, то смиренных отдает хозяину и берет снова необъезженных. Обычай давать бедным оленей на поддержку очень распространен, потому что богатые самоеды считают себя обяза-

¹ А. Ефименко, *op. cit.*, *passim.*

ными помогать беднякам на том основании, что их многочисленные стада вытаскивают мох в тундре, общем самоедском достоянии.

Таким образом трудно решить, где в подобного рода сделках кончается род общины имущества и где начинается эксплуатация бедных богатыми, низших классов высшими. Следующий пример выставляет это смещение альтруизма и эгоизма в еще более рельефном свете.

По представлениям бурят, говорит Шапов¹, ни один член их родовой скотоводческой общины не мыслим, да и не может существовать без рогатой скотины, хотя бы то без одной коровы. Вследствие этого они исстари имели обычай даром давать коров тем бурятам, которые по каким-либо обстоятельствам не имели ни одной скотины. Даже и теперь еще этот старинный обычай соблюдается, хотя и не с прежнею *бескорыстностью*. И теперь еще богатые, скотные буряты имеют обычай раздавать коров на дойку бедным, бесскотным сродичам. Как бы ни был затемнен этот обычай эгоистически-свокорыстными расчетами, но все-таки он как переживание, как архаизм, выражает первобытное естественно-общинное стремление к возможно равномерному распределению главного источника жизненного обеспечения скотоводческой общины—рогатого скота.

Наряду с изложенными более или менее уточненными способами закрепощения населения власти начальников, у многих первобытных народов находится также в большом употреблении система ссуд под работу и даже рабство за долги². Вот, например, что рассказывает о кредитных сделках на Филиппинских островах путешественник Ягор³. «Индиец, желающий занять деньги, должен представить значительное обеспечение и платить по 12½% в месяц. Более пяти долларов он нелегко найдет занять, так как на основании (испанского) закона он может быть ответствен лишь в этой сумме. В северных и западных частях острова торговля и кредит развиты еще меньше, нежели на востоке, который ведет бойкую торговлю с прочими жителями архипелага. Здесь наличные деньги почти вовсе не даются в ссуду, а ссужаются только товары по одному реалу в месяц за каждый доллар ценности. Если должник не в состоянии уплатить в назначенный срок, то у него сплошь и рядом отбирается кто-нибудь из детей и обязывается до уплаты долга служить кредитору бесплатно за одну пищу. Автор видел молодого человека, который служил даром одному месту в течение пяти лет, чтобы заработать долг в 5 долларов, сделанный его отцом, а на восточном берегу за долг отца в три доллара хорошенькая девушка служила в течение двух лет у одного туземца, который был известен за развратника. В Борон-

¹ А. Соколовский, Экономич. быт, 90 (по Шапову).

² См. об этом статью М. И. Кулишера, Ростовщизны и ростовщичество, «Слово», 1879, май и июнь.

³ F. Jager, Reisen in den Philippinen, Berl. 1873, 233.

гане автору показывали кокосовую плантацию в 300 деревьев, которая 20 лет тому назад была взята за долг в 10 долларов и с тех пор состояла в пользовании кредитора, как его собственность; за несколько лет пред тем должник умер, и его детям с большим трудом удалось получить свою собственность обратно, по уплате первоначального долга. Бывает так, что туземец занимает у другого 2½ доллара, чтобы выкупиться от годичной повинности в 40 дней, и потом служит своему кредитору целый год, потому что не в состоянии аккуратно заплатить долг.

Mutato nomine, de te fabula narratur могли бы мы сказать о матушке-России, где, как известно, только ленивый не заставляет крестьянина работать за выданные вперед деньги.

На Суматре¹ так называемые *панделинги* суть те обоего пола лица, которые вследствие долгов вынуждены работать на своих кредиторов. Они рассматриваются, как члены домашней прислуги, имеют право на маленькую долю жатвы риса и могут делаться свободными через уплату долгов или вступая в родство с своим кредитором или кредиторшей. Происхождение панделингства на Суматре Крауфорд объясняет совершенно теми же причинами, как и закрепощение крестьян в средние века в Западной Европе, т. е. голодом вследствие разорения от войны, или внутренним потрясением, побуждающим массы народа закладывать свои услуги богатым и влиятельным лицам. Таково начало весьма многочисленного класса фактических рабов, который в настоящее время номинально, если не в действительности, перестал существовать.

Система заклада рабочей силы², как она практикуется в некоторых местностях Золотого Берега и внутри страны к Лагону, представляет замечательную черту домашней жизни в Африке. Эта система составляет специально африканский способ платить долги трудом заложенных рабов. Ссуда вообще делается по ростовщическим процентам, так что нередко сумма в 50% должна быть уплачена владельцем заложенного человека, прежде нежели он может быть выкуплен. Что касается до уплаты долга, то среди племени эфин у старого Калабара существует для этого весьма простой и легкий способ, состоящий в признании того факта, что ответственность за долги падает не на отдельное лицо, а округ, к которому принадлежит должник. Если, например, житель соседнего города был должен кому-нибудь, то кредитор, если располагает властью, имеет право захватить имущество или лицо всякого другого человека в том же округе и держать его в тяжком заключении, пока не будет уплачен долг его соседа.

О рабстве в его различных формах будет сказано подробнее в конце следующей главы.

¹ *Hollander, op. cit., 147.*

² *Hutchinson, On the Traits of African Tribes (Transact. of the Ethnol. Soc., Lond. 1861, I, 329).*

ГЛАВА X

Общественно-должностная деятельность у различных первобытных народов. — Демократические и общинно-родовые ее начала. — Ремесленные корпорации и возникновение каст. — Ремесленники, как чуждая общине каста. Рабство и его характеристика.

Нам предстоит теперь перейти к рассмотрению вопроса о происхождении и значении различных общественных классов, встречающихся у первобытных народов. Общественно-должностной класс, ремесленники и рабы, — таковы три главнейшие группы личностей, специальный род деятельности которых весьма рано выделяется из безразличной массы общинных занятий населения. Постепенное обособление класса лиц, призываемого к отправлению общественно-должностной деятельности, или, что одно и то же, деятельности по объединению и сосредоточению различных общественных процессов, занимает бесспорно первую ступень в истории разделения труда среди родовой общины. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что в ряду этих процессов преобладающая роль должна быть отведена основным, чисто экономическим процессам общественного производства и потребления, которые с наибольшей настоятельностью нуждаются в регулировании и надзоре. Мы уже имели случай видеть, что во многих общежитиях первобытных народов общественно-должностная деятельность заключается в регулировании охоты, рыбной ловли, земледелия, орошения, в заведывании торговлею и в распределении между жителями продуктов различных отраслей производства. Сверх того, мы старались показать, что интенсивность и размеры означенной деятельности находятся в тесной внутренней зависимости от интенсивности и размеров самой ассоциации производителей, чем между прочим и объясняется существование сильных и прочных политических организаций в тех странах, в которых осуществление и регулирование системы орошения земли составляет условие самого существования общества. Все это способствует иллюстрации той, очень мало до сих пор исследованной истины, что первоначальные политические союзы людей неразрывно сливаются в одно целое с экономическими союзами, иными словами, что при подобном состоянии вещей

не может быть еще и речи об отделении экономической организации общества от политической.

Правда, наряду с широкими общественно-экономическими функциями, общественной власти принадлежали в то время также весьма значительные военные и жреческие функции. Но при ближайшем рассмотрении дела нельзя не согласиться, что религия и война в то время находились в теснейшей связи с народной экономией. Известно, например, что военные функции правительственного класса на ранних ступенях развития, как по своей организации, так и по внутреннему значению, представляют своего рода охоту, с которой они по всей вероятности и соединялись первоначально в одно целое, как то доказывает, между прочим, однородность орудий охоты и войны. Что же касается до жреческих или религиозных функций, первоначально сливающихся в одном общественном классе с другими объединительными функциями, то и они исчерпывались главным образом посредничеством этого класса между богами и людьми, с целью удовлетворения настоятельных нужд этих последних. Таким образом *нужда*, и притом именно экономическая—в телесном здоровье, в тепле, в хороших урожаях, в многочисленном населении и т. п., обыкновенно служила предметом молитв, воссылавшихся к богам народом и особенно жрецами, и причиною тех материальных жертв имуществом и кровью, которые приносились богам. «Зачем», спрашивал Бовадилля у членов одного среднеамериканского племени¹, «зачем ходите вы во храмы и что там говорите и делаете?»— «Храмы для нас то же самое, что для христиан церкви; там находятся наши божества и там мы зажигаем в их честь благоухания; мы просим их о здоровье, когда мы больны, о дожде, когда нам его нужно, потому что мы бедны, и если бы почва высохла, то мы не имели бы никаких плодов земли; короче, мы просим у богов всего, в чем мы нуждаемся. Первый кацик идет во храм и молится там именем нас *всех*, прочие индейцы не входят туда с ним. Он остается на молитве в течение целого года и в это время ни разу не покидает храма. Когда он снова возвращается, то в честь ему устраивается большое празднество с танцами и пиршеством». Около тех же совершенно земных нужд и явлений вращаются и представления первобытных народов о будущей жизни, в которой уже пребывают их предки и будут пребывать они сами среди лучшей земной обстановки. «Некоторые религии первобытных народов», говорит Тайлор², «открывают перед нами божественный Пантеон, созданный по образцу земного общественного строя, где простой народ изображается большим числом человеческих душ и проникающих весь мир духов, между тем, как аристократии соответствуют великие

¹ E. G. Squier, Der Central-amerik. Staat Nicaragua, Leipz. 1854, 504.

² Tylor, Die Anfänge der Cultur, II, 334—338.

политеистические боги, а король является высшим божеством. «Господство над миром Гиллана», говорит Моллина (History of Chili, II, 84), «представляет собою прототип арауканского государственного устройства. Он есть великий Тоqui (властитель) невидимого мира, и, в качестве такового, имеет своих апоульменов и своих ульменов, которым он вверяет управление менее важными делами. Идеи эти конечно весьма грубы, но следует признать, что арауканцы не единственный народ на свете, который устраивает небесные дела по образцу земных». Таким же образом в Иорубе господствующее богоучение, повидимому, выведено из аналогии с формами и обычаями гражданского правительств. Народ имеет только одного короля и так же точно лишь один бог господствует над его миром. Кто нуждается в короле, тот обращается к нему через посредство его слуг, придворных, дворян, располагает в свою пользу придворного, к которому обращается с словами ласки и с подарками. Подобным же образом никто не может прямо приблизиться и к богу; но сам всемогущий, говорят они, учредил различные роды *ориза*, которые являются защитниками и посредниками между ним и родом человеческим. Богу не приносят никаких жертв, так как он ни в чем не нуждается; но *оризы*, которые очень похожи на людей, радуются подаркам в виде овец, голубей и других вещей. Люди стараются склонить в свою сторону *ориза* или посредника, чтобы он наградил их счастьем, не собственною своею силою, а божьею.

«В Китае», продолжает Тайлор, «мы имеем случай изучать у культивированной расы переживание религии, относящейся к доисторическому миру, которое до настоящего времени поддерживается в неприкосновенности государственной властью. Государственная религия Китая в своем господствующем учении состоит в почитании Tien'a, *неба*, которое отождествляется с Schang-ti—верховным императором, и за которым непосредственно следует Tu, т. е. *земля*; ниже их стоят в почитании великие духи природы и предки. Возможно, что эта вера, как полагает проф. Макс Мюллер, образует этнологически и даже лингвистически часть и долю всеобщего поклонения небу туранских племен Сибири. Во всяком случае она совпадает с основною его идей, с обоготворением высшего неба. Д-р Legge приписывает Конфуцию наклонность ввести в свою религиозную систему имя Tien, *неба*, вместо лично господствовавшего божества Schang-ti, которое известно древнейшей религии и встречается в древнейших книгах. Но скорее верно то, что мудрец, согласно своему характеру хранителя древней мудрости, а не нововводителя, только поддержал традицию старой веры. Притом это предположение соответствует обыкновенному ходу развития теологических представлений: в первобытных мифологиях божественное небо господствует над низшими духами мира, прежде нежели эта детская и поэтическая вера

перейдет в более политическое представление о небесном властителе. Превосходно замечает Плат: «В китайской системе все в природе оживлено духами, и все эти духи следуют известному порядку. Подобно тому, как китаец не может представить себе Китайской империи без толпы вассалов-князей и чиновников, точно так же не может представить он и владыку неба без толпы духов». На небо переносится не только политическое устройство собственного земного общества, но также и привилегии тех классов, которые раньше других создают свои религиозные представления. Простое перенесение одной жизни в другую «делает здешних господ и рабов господами и рабами также и там; такое вполне естественное учение весьма обыкновенно. Но есть случаи, в которых одна земная каста поднимается в будущей жизни в крайне исключительное положение». Воздушный рай *Raiatea*, с его благоуханными и вечно цветущими цветами, с его юношами и девушками, блистающими совершенством, с его блестящими празднествами и развлечениями, был предназначен только для привилегированного класса *Ageois* и начальников. То же самое встречается в религиях островов Дружбы и древнего Перу, где в рай попадают одни только представители аристократии. История той знатной дамы, которая подтвердила свою надежду на будущее блаженство уверенностью, что «они подумают дважды, прежде, чем оттолкнут особу моего положения» — звучит для нашего уха, как простая шутка, но, подобно другим подобным шуткам, она есть архаизм, который на древнейшей ступени культуры не имел в себе ничего смешного. В счастливую землю *Tongarsuks* попадают, как свидетельствует Краунц, лишь такие гренландцы, «которые *годились в работу* (ибо других понятий о добродетели они не имеют), которые совершали великие дела, поймали много тюленей и моржей, много вытерпели, утонули в море, или умерли во время рождения». Так, Шарлевуа рассказывает о живущих к югу индийцах, что они имеют надежду после смерти охотиться на лугах вечной весны, если были на земле хорошими воинами и охотниками. Подобно этому Лескарбо говорит о вере виргинских индийцев, что добрые пойдут на покой, а злые на муку, причем злые — это их враги, они же сами — добрые, так что они, по их представлению, будут после смерти вести веселую жизнь, в особенности, если хорошо защищали свою страну и убили много врагов».

Насколько демократический характер и гармоническое совпадение первобытной общественно-должностной деятельности с интересами представляемой ею общины вытекают из родовой организации первобытного общества, — это уже слишком достаточно разъяснено Морганом в упомянутом ранее сочинении его «Древнее общество», чтобы нам была надобность останавливаться здесь на том же предмете. Но одною родовой организацией нельзя еще ограничиться для полного выяснения этих

свойств. Общинно-родовая система дает нам понять, и то не вполне, лишь одну сторону дела, а именно наследственность общественно-должностной деятельности в известных старейших родах или семействах; между тем, действительность представляет нам, частью наряду с наследственностью, частью в исключение ее, полную свободу выбора достойнейших, которая очевидно действует наперекор родовым разграничениям. Сверх того, самая наследственность должностей в значительной степени обуславливается чисто экономическими причинами, какова, например, сравнительная недостаточность производительной силы труда на ранних ступенях развития, которая дает возможность покрывать *расходы на содержание и подготовку к общественной деятельности лишь небольшого числа членов племени, составляющего особый класс*. Нельзя также отрицать и того обстоятельства, что наряду с наследственностью должности специальный характер воспитания и среды создает также и наследственность способностей, требуемых отправлением должностной деятельности. Однако лишь мало-помалу общественные должности из временных превращаются в наследственные и снабженные действительными атрибутами власти. Самый процесс этого превращения даже в течение продолжительного периода времени оказывается совершенно бессильным внести сколько-нибудь существенные изменения в первоначальное равенство экономического положения и рода занятий членов общины. Читая, например, что вожди того или другого первобытного племени наравне с прочим народом занимаются охотой, рыбной ловлей, земледелием, мы не можем не признать глубоко демократического характера за их первоначальным учреждением. В том же смысле высказываются и те свидетельства, которые дают понять, что уважение к представителям общественных должностей покоится гораздо менее на их власти, чем на их почетном положении.

Говоря короче, идея сильной единоличной власти, повидимому, совершенно чужда первобытному миросозерцанию и нарождается лишь мало-помалу соответственно тем историческим изменениям, которые происходят в экономическом укладе общества.

Обращаясь к ближайшей характеристике происхождения и значения общественно-должностной деятельности у народов, стоящих на низких ступенях развития, мы должны немедленно сделать замечание, что, как ни разноречивы в этом отношении показания различных наблюдателей, но большинство их все же совпадает в том, что первобытная общественная власть отличается большою слабостью и полным подчинением общественному мнению. Для доказательства этой истины мы можем представить довольно полновесный материал.

Начнем с австралийцев, как с одного из наиболее первобытных народов, какие только известны на земном шаре. Ни в одном

из известных австралийских племен, по свидетельству Эйра¹, не было найдено признанного начальника, хотя повсюду имеются некоторые руководящие люди, которых мнения и желания имеют большой вес для прочих. При иных равных условиях особенное уважение возбуждает в себе возраст. Седовласые старцы обыкновенно третируются (относится—Ред.) с уважением, пока они не составляют никакой тягости для окружающих; когда же они становятся ветхи, то всякая связь рвется, и они покидаются, как негодная вещь. Автор вообще склонен думать, что уважение, которое может внушить туземец своим товарищам, обуславливается в значительной степени его личною силою, храбростью, благоразумием, энергиею, ловкостью и другими подобными качествами, на которые, быть может, влияют косвенно его семейные связи и принадлежащая ему власть. В народных собраниях старшие обсуждают общественные дела отдельно от других. Членам племени делаются внушения, но не приказаны.

По словам Ольдфильда², правительство каждого австралийского племени чисто республиканское; у них не признается никакого морального превосходства одного человека над другим; все одинаково заинтересованы в выполнении своих простых обычаев. Каждый член племени уважается другими лишь соответственно его ловкости в пускании копья и в уклонении от копья, пущенного другими. Никто не претендует на специальные привилегии и не пытается избегнуть повиновения обычаям, обязательным для других. В крупных делах они правильным образом совещаются о предпринимаемых шагах и поступают соответственно решениям большинства. Старики третируются с некоторым уважением, но это относится более к их взаимным отношениям; в иных случаях с ними обращаются презрительно.

Начальники полинезийских племен, читаем у Притчарда в его «Полинезийских воспоминаниях» (410), имеют вид более тонкий, чем простой народ; они выше прочих и интеллектуально и физически, контур их лиц более резкий, определенный, череп гораздо шире. Их превосходство приписывается поверхностными наблюдателями тому предполагаемому факту, что они не трудятся, и питаются лучше и правильнее, чем простолюдины. Однако, повидимому, начальники работают, и количество получаемой ими пищи находится в связи с их деятельным участием в работах их племен; пища, хотя формально и предоставляется начальнику, но разделяется им с народом, как из видов политики, так и на основании обычая. Обычай требует, чтобы начальники более или менее трудились с своим народом и чтобы,

¹ Eyre, op. cit., I, 315—317.

² Oldfield, The Aborigenes of Australia (Transact. of the Ethnol. Society, III, 256).

принимая на себя руководство во всяком деле, они стремились поощрять усилия. Тот же обычай требует, чтобы глава семейства брал на себя руководство во всем, что касается семьи. В племенных делах начальники имеют руководящее влияние, как главы народа, в семейных же делах, как главы своих семейств; поскольку начальники принимают активное участие в делах племени и охотно делят труды своего семейства, они популярны и получают пищу. Древний обычай облек обязанностью снабжать начальников пищею на Самоа класс *тула-фале*, на Тонга—*матабуле*, на Фиджи—*матаивануа*, т. е. земледельцев, и в качестве таковых, глав семейств в каждой группе. Но обычай также постановил, что не деятельный, ленивый начальник, который воздерживается прилагать свою руку ко всему предпринимаемому племенем, получает от земледельцев лишь мало пищи; в таком случае действительным руководителем или начальником становится подчиненный ему или близкий родственник, которого добровольная деятельность и выдающаяся ловкость привлекает внимание племени, вследствие чего он получает долю пищи. Большой или ленивый начальник удерживает за собою только титул. Итак, хотя древний обычай предписывает доставление пищи начальнику, в действительности доставление ее находится в зависимости от более или менее деятельного участия начальника в работах племени и регулируется последним.

Очевидное различие общественных классов¹, существующее на Таити, не оказывает столь существенного влияния на благосостояние нации, как можно было бы предположить. Под властью одного общего суверена², народ распадается на классы *ариа*, *манагуна* и *тоу-тоу*, которые имеют какое-то отдаленное сходство с классами феодальной системы в Европе. Там, где климат и обычай страны почти не требуют одежды, где легко на каждом шагу собрать сколько угодно растений, доставляющих приличную обычную одежду, и где удовлетворение всех жизненных потребностей доступно каждому индивидууму, там честолюбие и зависть должны быть почти неизвестны. Правда, высшие классы народа почти исключительно обладают некоторыми лакомыми предметами, каковы свиньи, рыба и птица; однако стремление к подобным ничтожным предметам роскоши может, пожалуй, сделать несчастным отдельное лицо,

¹ G. Forster, A Voyage round the World, Lond. 1877, I, 365.

² «Первый из этих суверенов, Помаре I, умерший в 1803 году и игравший такую большую роль в политической истории Таити, с самого начала, т. е. за тридцать или сорок лет назад, имел под своим управлением всего одну провинцию. Благодаря своему предприимчивому и честолюбивому уму, он успел достигнуть высшей власти. Благоприятствуемый обстоятельствами, оплодотворенный английскими морзянками, которые не только снабжали его оружием и амуницией, но и сражались за него, он сумел приобрести и передать своим наследникам положение, которого без того не мог бы достигнуть (Th. Arbousset, Tahiti, Paris 1867, 31)».

но не целую нацию. Вообще говоря, отношения между высшими и низшими классами здесь весьма мягки, королевская власть патриархальна.—Автор видит, что различие между отдельными общественными классами на Таити не покоится на различии прочих, установившихся отдельных функций, и, подобно многим другим англичанам, прибегает к свойствам климата, чтобы объяснить мягкость отношений между ними. Не гораздо ли проще было обратить внимание на то, что преобладание одних классов над другими на Таити, как и во многих иных странах, основывается на старшинстве рода, а не на классовых или экономических преимуществах.

«На острове Новой Зеландии», говорит Полак¹, «первоначальное начальство было установлено людьми, которые обнаружили свое превосходство над другими в благоразумии, храбрости и уме, и были призваны племенами к власти, как обладающие высшей степенью подобных ценных качеств. Избираемая таким образом первоначально из целой массы лиц, должность с течением времени начинает замещаться по выбору из небольшого числа привилегированных семейств, пока наиболее влиятельное из них, под давлением беспокойных партий, не сделается наследственной династией. В настоящее время население Новой Зеландии разделяется на племена, численный состав которых колеблется между 300 и 3 000 душ. Правление номинально вручено начальнику, называемому *рангатира-пуи* или *арики*, власть которого имеет источником или древнее происхождение или брак с дочерью могущественного начальника, или безотчетную храбрость, или высшие умственные способности, заявленные в туземных собраниях при подаче голосов по делам племени. Каждый начальник есть верховный правитель своего округа; округ же часто находится во владении нескольких племен, расчлененных на меньшие деления, в свою очередь распадающиеся на семейства, во главе которых стоят старейшины, обладающие неограниченными хозяйственными правами, передаваемыми по наследству. Низшие начальники исполняют каждый в своих семействах ту же власть, как и *рангатира-пуи*. Отец (?) есть должностное лицо своей семьи, имеющее право на жизнь и смерть своих детей и слуг». Если в этом описании сгладить некоторые черты, указывающие на абсолютную власть начальников, то перед нами развернется довольно полное изображение родовой правительственной иерархии, меньшие деления которой в общих делах подчиняются более крупным и все соединяются под властью древнейшего деления в лице своих полувыборных, полунаследственных старейшин. Ошибка автора состоит в том, что он считает эту общественную организацию, построенную как бы сверху из одного общего центра, чрез назначение высшим начальником

¹ I. Polack, Manners and Customs of the New-Zealanders, I, 23 и 36.

ниших, тогда как в действительности она построена снизу и отнюдь не привела к различию политических классов.

Приведенные соображения еще более подтверждаются характеристикой общественной власти на Новой Зеландии, находимую нами у другого писателя, Томсона¹. «Каждое племя», говорит он, «признавало одного человека своим главою, который вместе с племенем признавал главу нации своим законным сувереном... Каждая нация из нескольких племен содержала в себе несколько классов лиц: *арихи*, или жрец и начальник, соответствующий королю, *тана* или ближайшие его родственники, соответствующие королевской фамилии, *рангатиры* или начальники, соответствующие дворянству; *уара тутуа* или средний класс, *уара*—нижний класс и *тауракарека* или рабы. Эти классы не определены *точно* и редко различаются кем-либо, кроме тех, которые заботливо исследовали этот предмет... Отдельные лица, входящие в состав этих классов, редко меняли один из них на другие, хотя среди первых пяти происходило движение; но это движение вообще шло вниз и редко вверх. Начальники не были окружены роскошью, а только отличались достоинством осаки. Начальниками были старшие сыновья старших ветвей семейства, прямые наследники древних вождей эмигрантов с Гавай... Тесно связаны с должностью начальника права собственности на землю, и сам Набот был менее привязан к винограднику, наследству своих отцов, чем новозеландцы привязаны к своим землям. Необходимо подняться до первых переселенцев, чтобы объяснить, как была регулирована поземельная собственность племен. По прибытии эмигрантов из Гавай каждый начальник овладел округом, который и сделал его собственностью и собственностью его потомков. *Не было установлено никакой внешней границы*; не отделяли особые границы и собственности каждого человека (потому что ее и не было!). Начальник имел первое право на весь округ, потом его старший сын, потом второй сын; но все свободные лица, мужчины и женщины, составлявшие нацию, были *собственниками почвы*. По мере возрастания народонаселения, увеличилось и число землевладельцев, и тесное родство с начальником было забыто. Но, несмотря на это, все знают, что они имеют законное право на землю, и ни одна часть земли не может быть отдана кому бы то ни было без их разрешения. У начальника находилось в обладании самое значительное количество земли, так как он был ближайшим по происхождению к начальнику, овладевшему землею впервые. Право на землю давалось завоеванием и занятием. Право рыбной ловли в реках и в море принадлежало местным землевладельцам».

Так как нам уже известно из других источников, цитированных в главе о поземельной собственности, что новозеланд-

¹ A. S. Thomson, The Story of New-Zealand, Lond. 1859, I. 93.

ская поземельная система есть система широкого общинного владения и пользования землею, то мы вправе отнести критически ко всему тому, что говорится Томсоном о суверенных правах тамошних начальников. Напротив, мы еще более убеждаемся, что перед нами просто родовая община, не допускающая постоянной единоличной власти, но в то же время основанная на признании общего родоначальника, а следовательно и некоторого старшинства родов. Убеждение наше находит себе самое точное подтверждение в следующих словах Полака¹: «Каждое племя Новой Зеландии образует род республики, и каждый округ управляется непосредственным начальником, достоинство которого признается *только на войне*. В своей деревне он не имеет ни особой власти, ни права давать предписания; права его состоят в ничегонеделании и в получении пищи из запасов других семейств; но у него нет ничего, кроме рабов, которых он сам пленил на войне, и иной прерогативы, кроме татуировки, обозначающей его ранг, которой никто иной носить не может. Ему не оказывают никакого внимания, никакого специального уважения, когда он является в среду воинов. Дети начальника не наследуют ему по смерти, а наследуют его *братья* в порядке своего рождения».

На Сандвичевых островах, говорит де Вариньи², было множество начальников, разделенных между собою частью соперничеством честолюбий и семейною ненавистью, частью же конфигурацією почвы и трудностью сообщений. Жители различных островов мало знали друг друга, и даже на одном острове пропасти и горы образовали множество преград, установили множество границ. Начальник и его семейство были священными особами. Он имел право жизни и смерти над членами племени; но, будучи абсолютным господином тех, кто его окружал, он сам был *рабом* обычаев расы и своего положения. Между различными начальниками постоянно велись войны; каждый из них завидовал территории соседа и мечтал об увеличении своей... Представлявшаяся каждому начальнику необходимость собирать вокруг себя большое число воинов и быть уверенным в их преданности, умеряла деспотизм. Злоупотребление властью порождало недовольство, которое переходило в бегство массами. Беглеца всегда были уверены, что будут отлично приняты соседним начальником, который был рад увеличить свои силы насчет сил своего врага... Характер туземцев представляет странное смешение уважения к начальникам и независимости от них. В присутствии своих старших они говорят мало, но ответы их ясны, точны. Они всем говорят «ты»: «вы» не употребляется у них, за исключением означения множественного числа. Но это «ты» несколько не означает не-

¹ I. Polack, op. cit., I, 23 и сл.

² De Varigny, Quatorze ans aux îles Sandwich, Paris 1874, 295—296.

достатка уважения или чрезмерной фамильярности; такое предположение опровергается их внешним видом и способом держать себя. Впрочем, их уважение не имеет в себе ничего сервилистического; оно есть уважение людей, которые допускают социальные различия, равно как преимущества ранга и образования, но в то же время чувствуют сами себя господами и не несут никакого ига. Они уважают свое начальство, но судят его; они знают, что должны повиноваться только законам, и как бы высоко ни стоял начальник, власть его применяется лишь в строгих границах его официального назначения, если он им облечен, или частных прав, которыми обладает каждый господин над своими наемниками; последние могут покинуть господина и покидают, когда им заблагорассудится.

Для характеристики так называемых монархических учреждений на Сандвичевых островах интересно то, что, подобно Помаре I на Таити, господство первого короля этих островов, Камеамеа I, над всеми Гавайскими островами, из которых он создал впервые род деспотической монархии, не простирается далее конца XVIII и начала XIX столетия! И это еще не все. Подобно тому же Помаре I, он воспользовался для этого помощью англичан. «Ванкувер», говорит Бичи¹, «значительно способствовал усилению власти этого начальника, оказывая ему отличия, которые не могли ускользнуть от внимания других начальников, и, построив для него судно с палубой, доставившею ему значительное преобладание и возможность держать всех в своей зависимости. В благодарность за это Камеамеа уступил (?) острова королю Великобритании, и с тех пор туземцы считают себя подлежащими покровительству последнего». Совершенно таким же образом, англичанин Уильсон в конце прошлого столетия создал королевскую власть одного из местных родовых старейшин на Палаузских островах, предоставив в его распоряжение корабельный экипаж с своего корабля и пушки для ведения войны с соседними островами. Упуская из виду подобные факты, путешественники часто находили феодальные учреждения и деспотическую монархию в таких странах, где, если и были какие-либо следы учреждений этого рода, то разве новейших, а не древних политических образований. Достаточно было бы лишь небольшого внимания, чтобы немедленно определить, что в подобных случаях имеешь дело не с какою-либо чуждою цивилизациею, а с произведениями европейских рук.

Вот, например, как характеризует отношения власти и господства на океанийских островах французский путешественник Мюренго². По словам его, все обитатели этих островов имели род феодального правительства, аристократию, уста-

¹ Biblioth. Universelle des Voyages, (XIX, 343).

² *Moerenhaut*, II, 4.

повлеченную с незапамятных времен, многочисленные члены которой не переставали оспаривать друг у друга верховную власть. Каждый остров, как бы он ни был мал, разделялся на два и более округа, из которых каждый имел всегда начальника, независимого или временно платящего дань другому. Случайный исход борьбы или подчинял остров власти одного лица или разделял его между многими; но ни в чем и никогда эти правительства не были *устойчивы*; за исключением Сандвичевых островов (в чем состояло это исключение, мы только что видели), *нигде* у этих островитян не было найдено династий, которые бы царствовали в течение продолжительного ряда лет¹. У наиболее диких, например, у новозеландцев, или у тех, которые были еще канибалами, начальники не имели других прерогатив, кроме права вести народ на войну, но и тут безличной храбрости они командовали недолго. Однако, свою власть начальники выводили не из одного факта предводительства на войне; прежде всего это была власть наследственная, а потом, как бы ни были дики начальствовавшие лица, они уже призывали к себе на помощь суеверие и фанатизм. Так, на Новой Зеландии, на Маркизских островах, равно как на островах Товарищества и Сандвичевых, личность правителя была священна, и главные начальники имели над народом власть почти абсолютную, хотя даже и эта власть не всегда уважалась подчиненными начальниками. Эти страны близко подходили к феодальной системе, в европейском смысле слова, особенно на Сандвичевых островах, где народ был рабом (?), как и повсюду, где эта система была в силе, потому что на перечисленных островах начальники почти произвольно распоряжались жизнью и имуществом своих подданных. Впрочем, такой произвол нигде не был дозволен обычаем, а существовал лишь в силу суеверия и фанатизма. Основанием и поддержкою власти начальников служил жестокий обычай человеческих жертвоприношений; боги, ужас народа, были всегда благоприятны начальникам, и если кто-либо имел несчастье не нравиться этим последним, то мог быть уверен, что падет жертвою богам. Второю опорой их власти было табу. Впрочем, народ повиновался только старшим начальникам, а не младшим. Но дело в том, что главных начальников было не по одному, а по несколько, а где был один, там существовал род аристократии в виде независимых или лишь временно зависимых от главного начальника местных окружных начальников. Эти местные начальники пользовались у себя большею властью, чем главный начальник во всей стране, добытой завоеванием. Кроме высшей аристократии, было еще большое число низших начальников,

¹ Ниже мы увидим, что этот признак составляет одну из важнейших характеристик первобытного сплочения больших масс народа в одно политическое тело.

вроде баронов, под именем *таванас*, и крупных землевладельцев под названием *ратитас*, которые все вместе составляли океанийский феодализм и играли относительно главных начальников целого острова или его части роль феодальных баронов относительно королей в средневековой Европе. Главные правители не могли действовать без помощи низших начальников, так как эти последние и их люди составляли войско. Жреческая власть была также весьма значительна. Нередко жреческие и административные функции соединялись в одном лице, так что правительству придавался характер истинной теократии. Все должности были наследственными.

Указывая на отсутствие у океанийцев постоянных династий, на наследственный характер власти начальников и на религиозные или жреческие ее функции, заставлявшие питать к ней особенное уважение, Моренго описывает в сущности не что иное, как общинно-родовые учреждения, выдаваемые им за феодальные. Разве европейские феодалы были когда-нибудь жрецами, приносившими человеческие жертвы, и разве в феодальную эпоху могли существовать в Европе женская филмация и другие атрибуты первобытного общества, свойственные большей части океанийских народов? Но, если даже найдут, что все подобные учреждения могли иметь что-либо общее с европейским феодализмом, то наверно не причислят к той же категории каннибализма, детоубийства и сожигания жен. Утверждать это или что-нибудь подобное, значит, совершенно пренебречь самым существенным орудием социологии — изучением явлений общественной жизни не иначе, как в историческом их сосуществовании. Нельзя отыскивать общественных и политических параллелей между океанийским царством каменных и костяных орудий и европейским железным веком.

Моренго видит в принесении человеческих жертв начальниками одно лишь поощрение суеверия и фанатизма, из которых в свою очередь выводит могущество власти правителей. Но он забывает при этом систему миросозерцания всех первобытных народов, которые не только верят в будущую жизнь, но представляют ее себе совершенно подобною настоящей. Душа только оставляет тело на время, а не совсем покидает его. Доказательством служит широко распространенный обычай погребения, вместе с умершим, предметов пищи, других полезных вещей, жены, рабов и т. п., чтобы все это продолжало в будущей жизни отправлять при умершем свое земное назначение. По временам, как известно, желая особенно почтить то или другое божество, дикари приносят в жертву собственных детей. Разве и в таком случае можно вести речь о деспотической власти, принуждающей их к тому? Принося человеческие жертвы и совершая другие подобные жестокости, общественная власть действовала не в силу своего деспотического характера, а в точном соответствии с миросозерцанием народа.

Все недостатки аргументации Моренго, как и других многочисленных писателей, открывающих феодализм и монархическую власть у первобытных народов, состоят в том, что они не смотрят в корень дела, а блуждают взором только по поверхности. Знай Моренго об экономической организации полинезийских народов то, что известно, например, голландскому резиденту на Индийском архипелаге Боссхеру, то он конечно не сочинил бы на Маркизских островах феодальных владельцев вроде европейских. Вот что говорит нам Боссхер¹ об экономическом укладе полинезийских островитян, одним ударом устраняя возможность всякой дальнейшей полемики об их феодальных учреждениях: «Прежде чем голландская Остиндская компания поставила свою ногу на Молуккские острова, земельная собственность была здесь повсюду подчинена *полинезийскому праву*, на основании которого собственность принадлежит коллективному народу, так что всякое право находилось у народа и исходило от народа. Начальники полинезийских стран не обладали *никакими суверенными правами*; им не принадлежало также никакой другой подобной власти, иначе, как в той мере, в какой они были исполнителями народной воли. Так как начальники не могли свободно распоряжаться землею, не располагая никакой суверенной властью, то они натурально не могли уступить по договору подобных прав Остиндской компании, или кому-либо другому». Спрашивается, какой же феодализм мог совпасть с подобной системой землевладения?

Понятие о существовании на океанийских островах феодализма и монархической власти, как исконных местных учреждений, несмотря на всю свою несостоятельность, проникло столь глубоко в сознание исследователей, что до самого последнего времени считалось положительно общепринятым². Так, например, вот что мы читаем у Кристмана и Оберлендера³: «В общественном отношении Меланезия далеко отстает от Полинезии. Население островов распадается на множество племен, которые, вместо государственной связи, враждебны между собой. Некоторые племена имеют начальников, власть которых однако всегда незначительна; эти племена в свою очередь рас-

¹ См. журнал *De Indische Gids*, 1879, October. *De Minahassa questie...* door C. Bosscher.

² Заметим мимоходом, что продолжатель Вайца Герланд совершенно испортил VI том его классической Антропологии, априорно и фантастически навязывая всем океанийским народам более сложное и высшее политическое прошедшее с сильною монархическою властью и феодализмом, нежели их настоящее состояние. Материалом для этого совершенно неверного и даже нелепого предположения послужили Герланду труды многих путешественников, которые несомненно принимали одну вещь за другую. Недостаток времени и места не позволяет нам привести подробные доказательства в пользу полной несостоятельности взглядов Герланда на характеристику политической организации океанийцев, и потому мы отсылаем читателя для убеждения в том к VI тому Антропологии Вайца.

³ *Christman* и *Oberlaender*, *op. cit.*, 220, 324, 328.

членяются по деревням на многочисленные мелкие разветвления, которые при важных поводах соединяются и иногда становятся под общую власть. При всем том, народ всюду противопоставляется одному начальнику, и среднего класса не существует. Напротив, в Полинезии общество везде строго разделено на два сословия, благородное, которое находится в родстве с богами, и простой народ, который принадлежит только земле и не имеет души; но на большей части групп имеется и третий класс—землевладельцев (не достает, следовательно, только фермеров!); и здесь и там, например: на Таити, высшее дворянство происходит от короля, королевской фамилии и ее ближайших родственников. При этом мы здесь довольно часто находим род *феодалной системы*, по которой один король или вождь имеет под своею властью многих вождей, выводящих от него свою поземельную собственность (?) и оказывающих ему военные услуги. Знатные одни суть обладатели всякого права, всякой силы, всякой собственности; они стоят в связи с богами и являются их представителями на земле. Простой народ вполне зависит от знатных, которым принадлежит все, что он вырабатывает и чем обладает. Поэтому дворянство и все к нему принадлежащее отделено от простого народа строжайшими религиозными запрещениями, за нарушение которых грозит смертная казнь. На подобную же феодальную систему наталкиваемся мы и в Микронезии (Ладроны Марианские, Каролинские, Маршалевы и Жильбертовы острова). Население здесь обыкновенно разделено на три ступени,—дворянство, полудворянство и народ; по временам промежуточной ступени нет вовсе. Часто во главе многих начальников стоит король, который однако не имеет большой власти, а только пользуется почетом и правом председательствования в народных собраниях».

«Тут все есть, если нет ошибки». Все, сказанное автором об организации народных собраний и правительственной власти у океанийских народов, все, что нам известно из других источников относительно общинной поземельной и движимой собственности у этих народов, об их широчайшем гостеприимстве и о системах их родства,—согласно свидетельствует, что мы просто имеем перед собою различные ступени развития общинно-родового быта, а совсем не феодальное общество. Неверно поэтому, будто знатные люди океанийских островов суть «единственные обладатели всего права, всякой силы, всякой собственности, всей работы простого народа». Тут автор, по всей вероятности, принял процесс распределения начальником продуктов среди жителей (см. выше, утверждение Причарда) за полное и окончательное присвоение себе собственности высшими классами. Сам же автор делает то сообщение, что «на Самоанских островах начальники делают обыкновенные ежедневные занятия с простонародьем: они ходят на рыбную ловлю, обрабатывают свою плантацию, помогают при постройке дома».

Все это, впрочем, нисколько не мешает высокому почитанию народом представителей старших родов и даже близости их к богам, в которых народ прежде всего видит своих собственных предков, отошедших в лучший мир. Это нисколько не вредит правильному значению и той общераспространенной идеи, будто правящему классу у океанийских народов принадлежит вся земля. Подобная идея означает отнюдь не частное право начальников на землю, а только право управления ею, вытекающее из их общественно-должностной функции и представляющее не что иное, как олицетворение народной воли. На этой почве местами очень рано возникает право старейшин располагать свободною землею, право на угощение съестными припасами у всякого члена общины и пр. Жаль, что автор обратил так мало внимания на те народные собрания, в которых решаются все важнейшие вопросы внутренней и внешней жизни океанийских народов, и о которых он говорит лишь мимоходом; тогда он увидел бы действительность в совершенно ином, но зато более верном свете.

Вопреки всякой предвзятой теории господства у первобытных народов феодальных учреждений и деспотической власти, целый ряд отрывочных замечаний, бросааемых мимоходом различными путешественниками по поводу местных политических учреждений, подтверждает существование у таких народов общинно-родовой системы, а не феодального общества или монархии. Так, например, Кук¹, говоря о системе правления на островах Дружбы, сообщает следующее наблюдение: «Между ними господствует субординация, которая напоминает феодальную систему наших предков. Никакой народ в мире, из самых цивилизованных, повидимому, не может превзойти этих островитян *в добром порядке их собраний*, в рвении, с каким они повинуются своим начальникам, *в гармонии, господствующей между всеми классами народа, настолько что они представляют как бы одного человека, руководимого неизменными началами...* Некоторые островитяне сказали мне, что *власть короля неограниченна*, и что он господин собственности и жизни своих подданных; но *небольшое число наблюдений*, сделанное нами по этому предмету, *более противно, нежели благоприятно идее деспотического правительства*. Так Ваги, старый Тубу и Фину, действовали, как мелкие суверены, и часто нарушали меры короля, возбуждая тем его жалобы». Спрашивается, в чем же тут заключается субординация, напоминающая феодальную систему? Если—в иерархии старейшин, то эта последняя одинаково свойственна и родовым союзам, только с оставленным каждому из них большей самостоятельности и независимости действий. Для объяснения гармонического строя общества также достаточно одних родовых учреждений, кото-

¹ Cook, Troisième Voyage, X, p. 65.

рые, как всем известно, отличаются большим сплочением и строгой военной дисциплиною. В том же самом смысле должна быть объясняема и слабая власть так называемого короля.

Ближайшее рассмотрение системы общественных классов на островах Дружбы совершенно убеждает в справедливости только что сделанного нами заключения. Вот что мы находим об этой последней в известном сочинении Маринера¹: «Здесь существует», по его словам, «несколько отдельных классов общества: духовенство, происшедшее от богов и распадающееся на старшее и младшее, король и благородные *эги*, благородные *матабулы*, *мооас* и *тооас*. Власть и влияние короля вытекают из следующих источников: из наследственного права, из предполагаемого покровительства богов, если он законный наследник, из репутации воина, из благородства предков, из силы и числа его дружины. Под *эги* разумеются благородные, которые состоят в родстве или с высшими духовными семействами, или с королевским. *Матабулы*—средняя дружина короля; *мооас*—их сыновья, братья, внуки и пр. Матабулы занимают по рангу ближайшее место к начальникам; они представляют род почетной стражи при начальнике; они его компаньоны, советники и помощники; они надзирают за надлежащим исполнением его приказаний и желаний и могли бы быть названы его министрами; им придается большее или меньшее значение, смотря по достоинству начальника, при котором они состоят; они заведуют всеми церемониями и имеют наследственный ранг. Предполагается, что матабулы были первоначально отдаленными *родственниками* благородных первого класса или произошли от лиц, прославившихся своею опытностью и мудростью, и что знакомство и дружба с ними сделались в этом отношении полезными для короля и для других высших начальников. Так как никто не может быть признан матабулом, пока не умер его отец, то большинство матабул находится в возрасте выше среднего. Будучи знакомы со всеми обрядами и церемониями, обычаями, нравами и делами Тонга, они всегда считаются людьми высшего знания и опытности. Когда матабул умирает, то матабулом становится его старший сын, а за отсутствием сына ближайший брат отца. Все сыновья и братья матабул суть *мооас*. *Мооас*—следующий за матабулами класс народа; они или *сыновья* и *братья* матабул или потомки их. Подобно тому, как сыновья и братья матабул суть *мооас*, и как ни один *мооа* не может быть матабулом, пока не умерли его отец и брат, которым он наследует,—сыновья и братья *мооас* суть лишь *тооас*, и ни один *тооа* не может стать *мооа*, пока не умерли его отец или брат, которым он наследует².

¹ W. Mariner, Tonga Islands, Lond. 1817, II, 80 и сл.

² Это повышение в ранге отдельных членов тонганской общины в случае открывающейся вакансии представляет большое сходство с организацией древней ирландской семьи,—сходство тем более поразительное,

Мооас оказывают большую помощь при публичных церемониях, накопляя пищу и каву¹ под надзором матабулов: иногда, в особенно важных случаях, они распоряжаются и действуют вместо самих матабулов. Подобно матабулам, они входят в состав свиты начальников и приобретают значение соответственно рангу этих последних. Большая часть мооас занимается каким-нибудь ремеслом (об этом см. ниже) и, сверх того, вместе с матабулами, следят за порядком в обществе и за поведением младших начальников в отношении к своим подчиненным. Тооас представляют самый низкий класс—большинство народа. По рождению они все крестьяне, но некоторые из них употребляются в ремеслах—татуировочном, поварском, резьбе дубин (оружье) и пр. Каждый высший начальник и правитель имеет вокруг себя род свиты—*sow-pofa*, которая состоит из низших начальников и матабул; при каждом низшем начальнике имеется также свита—*sow-tongata* или дружина, состоящая, главным образом, из мооас и отчасти из тооас; матабул не имеют при себе свиты. Значительное число *sow-pofa* живет и поочет в ограде или близ ограды главного начальника (каждая ограда включает несколько домов), но есть и такие, которые проводят ночь и большую часть времени у себя на плантациях. Свои собственные плантации имеют не только низшие начальники, но и матабулы и мооас; но в то время, как низшие начальники обыкновенно живут на своих плантациях, большая часть матабул и мооас обитает поблизости от главного начальника².

что в некоторых из разделений этой последней видны следы той самой классификационной (Морган) системы родства, которая господствует на островах Тонга и заменяется в Европе системой описательной. Как известно, классификационная или первобытная система допускает более широкие классы родства, исключая первую, вторую, третью и т. д. ступени родства. Отец и дяди здесь соединяются в одну группу, иногда на стороне отца, иногда на стороне матери—все это отцы данного лица. Таким же образом все его братья и кузены суть братья. Древняя ирландская семья разделялась на четыре группы, по четыре члена в трех и по пяти в одной, заключая всего семнадцать членов, с переходом в высший ранг одного из членов каждой, когда в нее прибывает новый член. Семнадцатый член есть родоначальник; остальные ступени родства служат для наследства по классификационной системе (*H. S. Maine, Lectures on the early history of institutions, Lond. 1875, 208—209*).

¹ Спиртный напиток.

² Мы уже указывали в другом месте на сходство мужских и женских свит на островах Дружбы с так называемыми клеббергеллями на Палауских островах. Но только в настоящую минуту нам возможно обнаружить это сходство во весь рост. «Ма», говорит д-р Земпер (*Die Palau-Inseln, 36*), «есть король в собственном смысле, которому, наряду с председательством в княжеском совете, вверяются исключительные права решения и надзора за религиозными празднествами и все, что связано с культом предков. Ему подчинен раздатчик милостыни (*Almosenier*), по имени Инаекло, также имеющий место и голос в совете князей. Второе лицо в государстве(?)—Крей—воин и главнокомандующий, а равно распорядитель всеми общественными и общинными работами, истинный мажордом, который и здесь,

Как ни сложна, повидимому, тонганская общественная организация, но один общий критерий, связывая в одно целое все ее составные части, в сильной степени способствует упрощению понятия о ней. Критерий этот—*взаимное родство* всех групп тонганского общества. Благородные высшего класса находятся в родстве с духовенством и с королевской фамилией, матабулы с благородными высшего класса, мооас с матабулами, тооас с мооасами, следовательно все одинаково входят в состав одной обширной родовой группы и распределяются в ней соответственно старшинству рода. Отсюда видно, что разделение тонганцев на различные общественные классы не имеет ничего общего с феодально-сословною организацией, а следовательно здесь не может быть и речи ни о каком дворянстве, королях и т. п. Если же вспомнить, что общественное сложение многих других групп населения океанийских островов имеет много общего с организацией тонганцев, как в том соглашаются сами защитники феодальной теории, то к выводу, добытому из наблюдений над тонганцами, необходимо придать весьма обширное распространение. Еще более: каждый род занятий на островах Дружбы образует не столько особый существенный класс, сколько принадлежность известного *возраста*. Так, например, тооас занимаются земледелием и некоторыми особыми ремеслами, пока не умрут их отцы и братья мооас, что дает им возможность самим сделаться мооас и переменить свой род занятий; таким же образом мооас, по смерти своих отцов

на Тихом океане, часто играл подобную же роль, как Тайкун в Японии, или мажордом Меровингов в государстве франков; в княжеском совете он заседает наравне с Мадом. К тому и другому на больших празднествах и при торжественных заседаниях совета, касающихся благосостояния отечества, примыкает по *свите* более мелких князей (рунаков). Это подразделение всей совокупности князей на состоящих в свите Креи и Мада не ограничивается одною только общественной жизнью. Каждый из обоих главных князей есть вместе с тем глава своей свиты; вместе с свитою он обладает большим домом, под названием *баи*, в котором члены этого союза, так называемого *клеббергелля*, проводят *ночи* и большую часть *дня*. Таким образом в Айбуките и, подобно ему, во всех прочих общинах страны, первый класс князей в собственном смысле образует два так называемые *клеббергелля*. Во втором классе населения, у так называемых мелких князей (*kikegi girack*) или у свободных, как и в третьем классе—зависимых, или *армо*, встречаются подобные же, но более многочисленные *клеббергелля*, которые можно, пожалуй, сравнить с нашими *полками*, так как здесь действительно господствует всеобщая воинская повинность. Начиная с 5- и 6-летнего возраста, все мальчики обязаны вступить в подобные *клеббергелля* и принимать участие в войне или в предписанных правительством публичных работах. Но в них свободные и зависимые не строго отделяются друг от друга, хотя первые всегда занимают первые места, частью как свободные, а частью потому, что из их числа назначаются князья в собственном смысле, по выбору и наследственно. Итак, многие из лиц второго класса принадлежат к одной из многочисленных низших категорий только в известном возрасте, а впоследствии переходит, в качестве рунаков, в княжеский совет; между тем люди, принадлежащие к *армо*, остаются до конца своей жизни в полках второго порядка. Подразделение здесь имеет место лишь настолько, что в каждый отдельный *клеб-*

и братьев, делаются матабулями и также переменяют род занятий, а матабули, если не теперь, то прежде, вероятно, переходили в класс эги или высших благородных. По всей вероятности, тонганская общинно-родовая организация представляет собою не что иное, как один из моментов первоначального развития родовых каст, а именно тот, когда касты не обособлены еще в отдельные группы личностей, а образуют эластическую организацию возрастов. Материалом для этой организации служит, с одной стороны, исконное разделение труда между возрастными и полами, а с другой, братский характер родства, основанного на материнском праве. Справедливо говорит Бахофен (*Das Mutterrecht*, 103), что «разделение на касты и материнское право одновременно не только по своему возникновению, но и по внутреннему соотношению. С материнским правом связана полнейшая достоверность происхождения, и именно поэтому оно является простейшею основой самого кастового устройства. В Египте отдельное лицо пользовалось в пределах своей касты широкою свободою, и на празднествах общего божества все египтяне чувствовали себя, как одну, удостоенную одного преимущества общину, как один народ; всякое кастовое различие уступало при этом общинному со-

бергелль, заключающий в себе 35—40 человек, допускаются только *равновозрастные* мальчики или мужчины, так что каждый из них в течение своей жизни (нормальной продолжительности) *принадлежит*, по меньшей мере, к *трем или четырем различным клеллбергеллям*.—В сущности каждая отдельная деревня образует самостоятельное государство, расчлененное упомянутым образом. Каждое из них имеет также особые титулы для соответствующих должностей, которые никогда не бывают одинаковы. Часто эти отдельные деревни существуют как самостоятельные государства рядом друг с другом, как на Пелелу и на Крейангеле, или многие из них подчиняются одной более могущественной, вступая к ней в известное вассальное отношение».

Большое сходство с тонганскою и палаузскою организацией общественных классов представляют соответствующие учреждения на группе Банковских островов. Вот что сообщает о них английский миссионер Кодрингтон Королевскому обществу в Виктории (*Globus*, 1882, *M. Eckardt, Religiöse Anschauungen und sociale Einrichtungen auf den Banks-Inseln*): «Политические отношения на Банковских островах совершенно своеобразны. Жители этих островов не знают никакого начальника и те, кого путешественники обозначали этим именем, суть только члены известных ранговых классов, называемых *Su r w e* или *S u q u e*,—важное учреждение, существующее также на острове Саломоне и на Гебридах и образующее своеобразную связь, соединяющую отдельных членов племени. *S u r w e* обнимает только мужской пол. Значение каждого лица находится в зависимости от того рангового класса, к которому оно принадлежит. Для каждого из этих классов предназначено особое, снабженное кухонною печью, отделение, в *gatol'e*, общинном доме, которым обладает каждая деревня. Здесь происходят общие собрания, в которых совещаются о принятии новых членов, а также устраиваются обеды для членов, тогда как женщины и дети едят в своих хижинах. Если кто-либо *волеюается в ранге*, то он должен заплатить каждому из членов известную сумму, состоящую для высших классов из свиней. К высшему классу принадлежат лишь весьма немногие, обладающие значительною властью. Они определяют, кому следует перейти в высший класс, кого нужно совсем исключить и т. п.

знанию. Во всех изложенных чертах обнаруживается особенность того, основанного на преобладании матери *jus naturale*, которое держится на естественном равенстве всех членов народа». На островах Дружбы преобладание права матери не подлежит сомнению. Мы уже говорили выше о высоком положении женщин на островах Тонга. Наследственное достоинство здесь передается в женской линии, женщины уважаются и даже почти обоготворяются, наиболее знатные имеют при себе женские свиты.

Мы могли бы значительно увеличить число примеров, доказывающих, что в феодально-деспотическом правлении родовых вождей, стоящих во главе океанских народов, не все обстоит благополучно, и что путешественники чересчур поспешно принимали общую грубость нравов, жестокие религиозные церемонии и возвышение некоторых вождей под влиянием европейцев за выражение феодализма и монархической власти; но достаточно и этих, потому что нам еще не раз придется обращаться к подобным же примерам из других стран.

«Правление чукчей», говорит Банкрофт¹, «можно назвать почти патриархальным. Всюду способный или старый человек получает в племени преобладание и руководит своими товарищами. Некоторые племена допускают номинальных начальников, но их власть незначительна; они не могут ни требовать отчета, ни управлять движениями народа. Власть их, повидимому, применяется только в сношениях с другими народами. Социальных различий не существует никаких. У калашей должность вождя избирательная, и степень власти зависит от способностей вождя; у одних вождей власть чисто номинальная, другие делаются большими деспотами. Кроме наследственного дворянства (?), из которого избираются все вожди, нация распадается на два больших деления или класса, носящих названия животных. У колумбийцев начальниками бываюг часто женщины. При первых встречах с белыми, начальники нередко торговали за целое племя, однако, подвергая свои решения одобрению нескольких семейств, из которых каждое, повидимому, представляло род подчиненного правительства. В некоторых поселениях начальник пользуется абсолютною властью и широко применяет ее к совершенно в высшей степени жестоких актов единственно ради собственного удоволь-

Прежде каждый член был обязан под опасением штрафа обедать только в *g a m a l ' e*; теперь это не так уже строго обязательно. Среди эссенций существует *подобное же соединение*, только собственного *g a m a l ' я* у них нет. — Члены высших классов, большую частью, принимают участие в союзе, который, по мнению народа, находится в сношениях с духами. Все заседания их присходят в *S a l o h o g o*, отдельном месте близ деревни, куда никто кроме них не может входить. Каждому из принадлежащих к этому союзу предоставляется право налагать на вещи *табу*, т. е. запрет, который выражается в прикреплении к вещи особого знака — липового листа.

¹ *Bancroft, op. cit., I, 65, 107—108, 167, 193, 217, 240, 347—349.*

ствия. Система правления у нуткас называлась патриархальной, наследственной и феодальной. У них нет никакой конфедерации; каждый класс независим от остальных, за исключением того, что сильные племена естественно господствуют над слабыми. Власть начальника чисто номинальна и ограничивается почти одним только внешним почетом; начальник занимает почетное место на часто повторяющихся публичных празднествах, председательствует во всех совещаниях племени и всеми уважается. Между начальником и народом стоит класс благородных, составляющий около $\frac{1}{4}$ всего населения и распадающийся на несколько ступеней, из которых высшая отчасти наследственна, хотя, подобно всем низшим, достижима при помощи храбрости или чрезвычайной щедрости. Все второстепенные начальники должны быть утверждаемы племенем, а некоторые назначаются вождем. В племени точно определено место каждого человека, и строго соблюдаются соответствующие ему привилегии. Есть начальники, имеющие широкую власть в военных экспедициях. Гарпунщики также образуют род привилегированного класса, достоинство которого передается от отца к сыну.—У колумбийцев, живущих южнее, правление самое простое; каждое лицо совершенно независимо и является полным господином своих действий. В каждом племени имеется номинальный начальник, который иногда приобретает большие привилегии своим богатством и личными качествами, но власти не имеет, а только управляет движениями племени во время военных вторжений. Нет никаких следов наследственных достоинств или каст; иногда лишь наследуется богатство. О системе правления чинуков можно сказать немного кроме того, что при его помощи весьма успешно достигалось поддержание мира и хорошее регулирование взаимных отношений общин. Каждый союз деревень представлял обыкновенно целое политическое тело, номинально управляемое начальником, наследственным или выбираемым за богатство и популярность; такой начальник в своих отношениях к племени пускал в ход не столько власть, сколько нравственное влияние, но тем не менее его мероприятиям редко оказывалось сопротивление. В хозяйстве власть принадлежала не самому старшему, а самому деятельному и полезному его члену.—У калифорнийских индейцев наследственное достоинство начальника почти неизвестно. Если сын наследует должность отца, то только потому, что наследует его богатство; когда же является более богатый человек, то прежний правитель получает отставку и новый занимает его место. Быть начальником значит иметь положение, а не власть, он может давать советы, но не приказывать, и если подданные не захотят ему повиноваться, он не может вынудить их к тому. У бухты Тринидад индейцы были управляемы начальниками, которые имели над ними власть только во время охоты и рыбной ловли.—У команчей не существует правительства, господствует

полная свобода и отсутствие всяких продолжительных стеснений. Номинальная власть вождя приобретает посредством выбора и подчинена совету воинов. Вождь может быть низложен во всякое время. Иногда случается, что какое-нибудь одно семейство удерживает главенство в племени в течение многих поколений, благодаря храбрости или богатству его членов. В мирное время вождь почти совершенно лишен власти; но в военное время, в видах достижения успеха, распоряжениям его повинуются беспрекословно».

Организация индийских племен Северной Америки не отличается большою сложностью¹. Индейцы от природы прямые, великодушные и простые, как в частной, так и в социальной жизни; они не нуждаются в могущественной власти для контроля над собою, так как семейные споры и пререкания, относящиеся к собственности, почти неизвестны между ними. Духовенство и врачи присутствуют при публичных церемониях. Начальники руководят военными экспедициями, но в мирное время не имеют другого влияния, кроме зависящего от их добродетелей, заслуг и талантов. Как только старческий возраст или болезнь лишают начальников способности отправлять военную власть, их замещают сыновьями или другими воинами, которых признают более способными к отправлению должности вождя. У некоторых племен общественные дела ведутся советом старейшин, решения которых принимаются по большинству голосов (или единогласно). Глава семейства судит сам и без апелляции все частные дела. Нет ничего проще их обычаев, из которых главный, имеющий прочную опору в общественном мнении, состоит в уважении к возрасту и опытности. Отдельные лица не имеют другого влияния, кроме приобретенного мудростью в советах и храбростью в бою. Родственные связи устанавливают среди племен не физическую или моральную власть, а только братство, кланство. Власть начальников (сахемов) не более как номинальная в тех случаях, когда их нравственные качества и храбрость не соответствуют их положению; в подобных случаях они бывают лишены всякого влияния, и место их во главе племени естественно занимает воин, который приобрел больше славы и известности в совете или в охотничьих и в военных экспедициях, а первые объявляются общественным мнением недостойными или неспособными удерживать свое положение. Среди команчей власть начальника скорее фиктивная, чем действительная; но у них имеется много мелких начальников, предводительствующих военными отрядами. Дакоты в прежнее время не имели начальников вовсе; согласно преданию, учреждение это имеет лишь недавнее происхождение и возникло только со времен *английского господства* в этих странах. Должность начальника у этого племени, как и у большей части

¹ *Domen ech*, op. cit., 337, 340.

северных племен, сделалась наследственной, но власть его весьма ограничена. Никто не считает себя обязанным повиноваться верховному решению, если таковое не было провозглашено общим советом выборных племени. Одним словом, начальники суть только представители воли воинов; их власть умирает вместе с ними и переносится к их наследникам лишь в том случае, когда последние считаются способными увековечить славу, приобретенную их отцами. Весьма странный обычай, встречающийся у различных племен, особенно у «сососей» и «лисиц», состоит в провозглашении военного закона сахемами, которые сдают свою гражданскую власть военным начальникам, когда племя возвращается домой по окончании зимних охотничьих экспедиций. Это есть мера предосторожности, имеющая целью воспрепятствовать отдельным семействам отставать, а другим двигаться быстрее прочих и являться в деревню раньше остальной общины; в отношении первого пункта существовало опасение, что отставшие могли быть изрублены; во втором прибывающие раньше могли бы впасть в искушение захватить съестные припасы тех, кто запоздал прибытием. Как скоро был провозглашаем военный закон, военачальник принимал на себя управление походом на суше и на воде, и каждый вечер давал предписание, чтобы шатры или каное были сгруппированы в одном месте, а не разбрасывались по произволу отдельных лиц; нарушители этого предписания немедленно наказывались уничтожением их каное и их шатров. Этот закон выполнялся до возвращения в деревню, где сахемы естественно восстанавливали свою власть, с которою они расставались в видах общественной безопасности.—Селиши не имеют никакой правильной формы правления; они живут группами от 200 до 300 человек, и во всякой из этих групп имеется один человек, который благодаря уму, богатству или храбрости приобретает влияние над остальным племенем и принимает название начальника. Его влияние, совершенно личное, осуществляется скорее при помощи убеждения, нежели прямого приказа; но если он человек решительный, то его влияние бывает по временам весьма велико.

Обстоятельное и в высшей степени важное исследование о формах правления различных индийских племен Северной Америки, со включением и древних мексиканцев, в котором с большою ясностью доказывается общинно-родовое происхождение и устройство этих форм, содержится в известном сочинении Моргана «Древнее общество». Отметим только в двух словах общее воззрение Моргана на политический строй древней Мексики, имеющее одинаковое применение и к Юкатану и к Перу. «Испанские писатели», говорит Морган, «смотревшие на совершенно чуждую для них культуру глазами людей, привыкших к феодальному строю общества, увидели в Мексике монархию и назвали королем то лицо, которое они считали

высшим правителем ее. Позднейшие историки продолжали смотреть на Монтецуму таким же образом и даже называли его императором¹. Судя по тем сведениям, которые дошли до нас о тогдашнем состоянии ацтеков, мы можем заключить, что они находились на средней ступени варварства, которой свойственно еще родовое устройство, исключаящее идею об единичной власти». Действительно, где было возможно испанским писателям того периода почерпнуть близкое знакомство с основами родового общества, научное исследование которого принадлежит лишь новейшему времени? Им не было иного выбора, как бессознательно принять за полное тождество те внешние, поверхностные сходства, которые представляли вновь виденные ими формы культуры с оставленными дома европейскими.

«Ни в одной части Южной Америки», говорит д'Орбиньи², «за исключением Перу, нельзя найти национальной организации, так как население разбито там на множество мелких самостоятельных племен, из которых каждое имеет своих временных и изредка наследственных начальников, вооруженных властью, всегда ограниченной и нередко прекращающейся по окончании войны. Деятельность этих начальников носила не везде одинаковый характер: у чиквитов вожди, избранные советом старейшин, исправляли должность врачей и волшебников, вследствие чего присоединяли к своим политическим функциям еще религиозные. У гварани они были наследственные и часто имели под своим главенством второстепенных начальников. У арауканцев, патагонцев, пуэблоков военная храбрость и ораторский талант оказывали решающее влияние на исход выбора, и власть начальников сводилась к нулю во время мира. То же было у мокеев. У шаррго, тобасов и других народов шако, старики назначают временных начальников, если имеется в виду произвести нападение. У юракаров, наконец, не признается никакого начальства, и индивидуальная свобода уважается до такой степени, что даже сын не считается обязанным повиноваться отцу».

«Семь ботокудов», читаем у Чуди³, «живут ордами, одна около другой. Каждая из этих орд имеет своего начальника-вождя. Он храбрейший и сильнейший из племени, но никакие законы или предписания не подчиняют ему других членов клана; он не должен требовать от них никакого повиновения. Его власть признается молчаливо. Общие потребности, общие опасности соединяют отдельных членов племени, и так как

¹ В последнее время Адольф Банделие (см. *Das Ausland*, 1882, № 33, «Die historische Entwicklung Mexikos», стр. 646) обвиняет историков Мексики в той же самой ошибке, говоря, что они приняли за императора или короля просто вождя племени, которое в своей организации всецело покоилось на *материнском праве*.

² *D'Orbigny, op. cit.*, I, 226.

³ *Tschudi, Reisen durch Süd-America*, Leipzig, 1866, II, 824.

о начальнике предполагается, что ему известны лучшие охотничьи места и что в битве он храбрейший, то остальные следуют за ним, не будучи вынуждены к тому никаким специальным повелением. В случае нужды каждый действует по своему усмотрению. Эта ассоциация стоит почти не выше ассоциаций стад животных, во главе которых находится смелейший и храбрейший индивид. Связь клана с племенем еще слабее, нежели связь семьи с кланом. Главы у племени не существует вовсе. Клань одного племени ведут взаимные войны, и нередко бывает, что кланы различных племен соединяются для набега против кланов их собственного племени. Семья (вернее, несколько соединенных семей) есть единственный более узкий союз ботокудов¹.

На каждом Антильском острове, обитаемом караибскими, есть, по словам Рошфора¹, несколько разрядов начальников, каковы: начальник деревни, начальник пироги, командующий ею во время войны, главный начальник, командующий всем флотом и, наконец, еще великий начальник, или кацик, избираемый в вожди на всю жизнь и удостоиваемый больших почестей. Он же созывает собрания деревень, частью, для празднеств, частью, для совещаний о войне. Нельзя быть избрану на эту должность, не убивши многих врагов, или, по меньшей мере, начальника их. Дети не чаще других наследуют должность отца, если личные достоинства не дают им на то права. Когда великий начальник говорит, то все молчат; когда он входит в деревню, каждый уступает ему дорогу; ему же принадлежит первая и лучшая часть кушаний на пиршестве... Но ни один начальник не повелевает над всем племенем и не имеет власти над другими начальниками. Когда караобы идут на войну, то они избирают из всех начальников генерала армии, который делает первое нападение; но по окончании похода, он не имеет никакой власти нигде кроме своего острова. В прежнее время претендент-в начальники острова должен был выдержать несколько походов, вести себя в них храбро, бегать, плавать и нырять лучше остальных. Сверх того, требовалось, чтобы он мог пронести такую тяжесть, какой его соперники не могли бы выдержать. Наконец, он должен был представить ясные доказательства своего терпения: ему жестоко искалывали грудь и плечи зубом агути, самые близкие друзья делали ему глубокие разрезы в различных частях тела. Несчастный, желавший получить должность, должен был выносить все эти испытания, не обнаруживая ни малейшего признака боли; напротив, он должен был казаться довольным и смеющимся, как будто бы он находился в самом спокойном и веселом настроении.

«Подчинение слабого, трусливого и ленивого человека», говорит Марциус², «тому, кто имеет преимущество над осталь-

¹ De Rochefort, op. cit., 436, 454.

² V. Martius, op. cit., 14, 16, 23.

ными по физической и умственной силе, глубоко лежит в человеческой природе; только на этом и основывается достоинство и положение главы среди первобытных жителей Бразилии. Только личные качества поднимают члена племени до степени вождя или предводителя. Телесная сила, ловкость, богатство, ум и редкий, особенно у индейцев, подъем честолюбия, — побуждающий человека думать за других, чтобы руководить и повелевать ими, таковы качества, создающие начальника. Одна из древнейших и любопытнейших летописей о географии и этнографии Бразилии (*Die «notizie de Brazil» etc.*) утверждает о тушинамбах, что они по смерти начальника выбирали ему наследника, причем принимали во внимание семейство умершего; о макамакрасах в северном Гойазе также говорится, что у них был на 3 000 человек наследственный начальник, и, кроме того, семь военачальников; вообще же автору сообщали, что подобный выбор совершается без соблюдения формальностей и помимо всякого отношения к семейству умершего. По видимому, начальник получает высшее достоинство между своими товарищами столько же благодаря выдающимся личным качествам, сколько вследствие предложения от всей совокупности членов племени, т. е. по молчаливому соглашению первый повелевает, а последние повинуются. В торговле с бразильскими купцами начальники берут на себя большую часть трудностей. У чилийских дикарей тот избирается в руководители, кто может снести на плечах самое длинное бревно. Караибы Антиллов и Гвианы уверяют достоинство начальников и верховных повелителей лишь после целого ряда доказательств выносливости кандидатов к боли и телесным усилиям. Степень власти начальников различна, соответственно их личным качествам; но вообще нигде не встречается большой склонности у всех повиноваться взглядам и желаниям одного. Иногда у вождя есть большая семья или годные к бою друзья, чтобы придать силу его признанию... Там, где началась торговля с европейцами, начальник торгует рабами, а иногда при помощи их и своей семьи заводит и большую обработку поля, чем другие. Тогда он дает пиршества в своем доме, где также сходятся и собрания общины, которые он имеет право созывать из глав семейств. Заседание ведется с полной свободой. Начальника не обогащают никакие подарки или налоги его единоплеменников; вообще ни один род налога не известен бразильским дикарям; у них нет также ни дмоена, ни фиска. У индейцев Даргеиз существовал, по словам Герреры, род барщины при обработке поля и сооружении хижины начальнику; в течение этого рабочего времени трудящиеся были прокармливаемы начальником. Если для военного предприятия нужно большое количество съестных припасов, то отдельные семьи сносят их по числу своих носящих оружие членов, или даже по доброй воле. Если предстоит отдаленный военный поход, а община не обладает достаточным количеством

съестных припасов, то она соединяется для обработки участка земли, чтобы добыть требуемое количество, преимущественно, муки маниока».

«Относительно организации патагонцев¹, следует иметь в виду, что они не оказывают повиновения никакому главному кацнику, хотя и могут согласиться на подчинение общему начальнику; они не соединены политически с пампасами или араукадцами, исключая случаев вступления в брак или добровольной ассоциации. Естественное стремление патагонцев направляется к сохранению независимости и отсутствия субординации, ввиду того, что один человек так же хорош, как и другой. Слова умирающего Куастро: «я умираю, как я жил, никакой кацник не приказывает мне», прекрасно выражают господствующие чувства по этому предмету. Тем не менее, все группы, как бы малы они ни были, во время странствований состоят под начальством кацника или «гоунока», который иногда обозначается именем отца; но власть этого последнего часто ограничивается одними распоряжениями по части охоты и похода. Некоторые начальники наследственны, но это не есть неизменное правило: среди северных индейцев существуют мелкие начальники, сделавшиеся обладателями нескольких лошадей и принявшие титул кацников; между ними соблюдается большой этикет в обращении и взаимный обмен подарков».

Ограничимся приведенными примерами относительно Нового Света и перейдем к народам Старого Света². Парри не заметил у эскимосов никакого начальства; только своим ангелочкам (волшебникам) они оказывают известное уважение. Краиц утверждает, что глава семейства управляет последним как умеет, что он ничего никому не приказывает и сам ни от кого не принимает приказаний. Ительмены (камчадалы), согласно Штеллеру, в прежнее время имели эрем, т. е. господ, которых власть однако ограничивалась только командованием в походах; в правовые же отношения господ не должны были вмешиваться. Сверх того, в каждом остроге или роде были еще свои начальники, обыкновенно старейшие и разумнейшие; камчадалы иногда, страха ради, уступали власть над собою «удалому человеку»; но и ему они повиновались свободно, и убивали как собаку, если он с своей стороны убивал кого-нибудь из них.—Чтобы быть знаменитым тунгусом, следовало иметь не только храбрость или военные заслуги, но и большой рост, особенную физическую силу, счастье на охоте, много скота, всего же более многих сыновей. Во главе каждого племени стоял старейшина—Даруга, подобно тому как во главе семейства—отец. Даруга избирался из особой семьи, и, кроме возраста, должен был отличаться достойным поведением и богат-

¹ G. Musters, At home with the Patagonians, 184.

² G. Klemm, op. cit., II, 293, III, 64 и сл.

ством. Есть у тунгусов и благородные семейства,—князья, тайша и зайсанги. Вообще у тунгусов мы находим уже большее единение между отдельными частями племени, чем, например, у лапландцев и у самоедов. Власть начальника у них уже более постоянна и сильна, языки менее разнообразны. Сибирские, как и лапландские, номады живут небольшими группами под главенством старейшин, без более тесной связи. Калмыки и монголы, напротив, с незапамятных времен находились под властью племенных князей, подобно тунгусам; так было до времен Чингисхана. Каждое племя имело своего главу и хлопотало о том, чтобы властелин был взят из него, а не из другого племени, так что монголы никогда не могли согласиться относительно одного падишаха, пока не явился Темуджин, который их собрал, подчинил всех силой и назвал себя Чингис, т. е. сильный. Власть князей наследственна и сильно уважается; зайсанги также, большею частью, наследственны. Подати состоят в десятинах от скота. Племенной князь обозначает день, когда стада должны покинуть старое местопребывание и вступить в новое странствование; приказанием и наказанием его всякий подчиняется безропотно.

У остяков¹ спорные случаи решаются старейшинами каждого рода к общему удовольствию сторон; в противном случае обращаются к князю. Должность князя (учрежденная русскими) и старейшин наследственна. Если сын князя мал, то община назначает дядю или ближайшего родственника в опекуны его; если сына нет, то ближайший родственник занимает должность отца. Ни князю, ни старейшине жалованья не платят, а приносят лишь добровольные дары.

Лопари² в административном отношении делятся на волости, а волости на погосты. Каждый погост есть особое общество, называемое миром и с особым управлением. Мирская сходка заправляет в своем погосте всеми его делами, как частными, так и общественными. На сходках главными распорядителями являются старики и люди позажиточнее; молодые присутствуют только для того, чтобы знать, о чем шло дело. В собрании допускается каждый лопарь, имеющий вежу или туну. Больше уважается голос зажиточных и наиболее полезных миру. Перевес в решении берет та сторона, в которой люди позажиточнее, хотя бы в ней голосов было и меньше. На должности выбирают более значительных.—У корел при выборах в общественные должности предпочитают, кажется, достаточных.—Самоеды, при выборе в старшины, не имеют в виду каких-либо умственных и нравственных качеств человека, а единственно материальное его положение. Даже физические недо-

¹ *A. Castren, Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—48, St. Petersburg. 1853, 286.*

² *А. Ефименко, Юридические обычаи лопарей, корелов, самоедов, op. cit.*

статки, как то глухота и т. п., не служат препятствием, лишь бы избираемый был богат, обладал большим числом оленей, чтобы, в случае недоимки, мог покрывать ее, взнося подати за немущих.

Калмыцкие племена¹ во все времена были подчинены наследственным старейшинам. Весь народ разделен на части, под начальством мелких князей, которые дали себе титул нойонов и которые почти совсем не повинуются своему хану. Клан, управляемый нойоном, называется улусом; он разделяется на меньшие части *аймаки*, которые располагаются станом один около другого; каждый аймак находится под управлением дворянина под названием зайсанг. Аймаки подразделяются с целью пастьбы на многие группы, из которых каждая состоит из 10—12 шатров. Группы называются *шатуи*—горшок; это слово означает, что вся группа должна есть из одного горшка. Во главе каждого шатуна имеется свой начальник, подчиненный первому зайсангу своего аймака, который в свою очередь подчинен нойону. Последний ежегодно получает десятину от всех животных своих подданных. Нойон имеет право подвергать подданных телесным наказаниям, какие найдет нужными, резать им носы и уши, когда они совершают какой-нибудь проступок, но он не осмеливается казнить кого-либо публично. Улусы обыкновенно распределяют между собою детей нойона, если отец не оставит других распоряжений и если некоторые из его сыновей не сделаются духовными лицами: это распределение всегда в высшей степени непропорционально.

«Киргизы² управляются старейшинами, главами семейств, бегами, бегадирами, султанами и ханами. Титул бега, повидимому, наследственный; но кто не может поддерживать его своими заслугами и качествами, тот скоро теряет его; тогда как человек, сумевший заставить уважать себя, получает этот титул, частью в силу незаметно устанавливающегося обычая называть его султаном, частью на основании выбора народного собрания. Старейшиною обыкновенно становится старик, советам которого привыкли следовать; он должен иметь состояние и многочисленную семью; чтобы повелевать этим народом требуется соединение двух упомянутых условий, в связи с солидным умом. Каковы бы ни были моральные качества киргиза, если он богат, у него всегда будут друзья; с другой стороны он будет тем могущественнее, чем многочисленнее его семейство. Бегадиры суть киргизы признанной храбрости, предприимчивого ума, сражающиеся партизанами во время войны. Султаны суть родственники хана: они почти всегда сохраняют некоторое влияние на киргизов; с ними обращаются с большим уважением, но если они не имеют заслуг, то не находят никакого подчи-

¹ Pallace, Voyage en différentes provinces de l'empire de Russie, I, 1788, 256.

² G. de Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, Paris 1826, 46, 254.

нения у киргизов. Хан располагает на практике правом жизни и смерти над киргизами, которые имеют гарантию против его деспотизма в одном только общественном мнении; нигде и прочем это мнение не бывает так сильно, как у кочевого народа. Недовольная партия удаляется от несправедливого начальника и выбирает себе другого. Поэтому, хан принужден держаться установленных обычаев и сообразоваться с законами корана. Снисходительность увеличивает власть хана: он старается привязать к себе муллу, затем чтобы этот последний объяснял все законы сообразно его интересам; и так как священные книги и их комментарии подлежат различным толкованиям, то хан пользуется этою неясностью, чтобы приобрести власть для совершения поступков, на которые он без того не решился бы. Он окружает себя также советниками из уважаемых в орде киргизов и старается пленить их щедростью или лестью. Но всех этих предосторожностей было бы мало, если бы он не умел нравиться подданным своей деятельностью и храбростью, а иногда и суровостью. Итак, власть хана покоится на всеобщем согласии; раз хан признан подданными, он может царствовать деспотически, лишь бы только действовал в национальном интересе. Власть его ограничивается общественным мнением; он нуждается в содействии последнего, чтобы управлять; горе ему, если бы он захотел действовать наперекор мнениям общества; та же сила, которая сделала его могущественным, не замедлила бы и низвергнуть его. Номады вообще так легко могут покинуть страну, в которой бродят, что их начальники принуждены обращаться с ними справедливо и часто даже льстить им. Бухарский хан, не соблюдавший этого правила, потерял большое число туркмен, которые, подчинившись хивинскому хану, стали доказывать свою верность последнему чрез разорение земель бухарских. Кроме того, какими или правители округов уже по малому размеру страны не могут уподобляться неограниченным персидским сатрапам.—Организация военной силы, администрация финансов и источники доходов хана весьма тесно связаны между собою в Бухаре. Страна рассматривается как собственность завоевателя, который старается извлечь из нее возможно больший доход, подчиняясь религиозным законам и принося жертвы, необходимые для приобретения вооруженной силы. Это почти система аренды и феодальная система, в силу которой земли давались в вознаграждение за военные заслуги. Бухарский хан извлекает большую часть своего дохода из доменов. Содержание армии главный предмет его расходов; подобно турецкому султану, он имеет войска на жалованьи и сверх того такие, которые держат за службу бенефиции, образуя милицию в случае общего призыва. Потребность подразделить домены и бенефиции и ввести порядок в администрацию послужили причиною разделения Бухары на сорок округов или туменов. Начальник тумена не

имеет другого содержания, кроме продукта своей аренды. Казначейство не получает и половины дохода, потому что начальник вычитает из этой суммы содержание провинциальных чиновников и войска, живущего на месте. Доходы с доменов получают теми же начальниками; они берут земли в аренду за $\frac{2}{3}$ жатвы и взывают что им следует с земледельцев.

У черкесов народ¹ разделялся на беев или шейхов, старшин, простонародье и слуг или рабов. Низший свободный класс народа никогда не был прикреплен к своим начальникам наподобие слуг или крепостных, хотя и отбывал в их пользу повинности и платил подати. Кавказские князья и дворяне, войдя в сношения с русскою знатью, сделали неожиданное и приятное для себя открытие, что русское простонародье было, большею частью, крепостным, а потому и сами вскоре присвоили себе не только собственность на землю, лежащую в их территории, но также и право собственности на живущих там кавказцев. Когда в Закавказье происходило регулирование владения землею, то многие, особенно грузины, стоявшие в связи с тогдашним управлением, сумели извлечь из этого большие выгоды;—не принадлежавши часто к княжескому авантю, они тем не менее присвоили себе это достоинство, причем нередко становились господами таких лиц, которым иной раз сами бывали подчинены в прежнее время. Таким образом было введено здесь крепостное право, никогда прежде здесь не существовавшее, и нельзя сказать, чтобы, обогатив князей насчет народа, русское правительство приобрело себе благорасположение последнего. Законами шестидесятых годов крепостное право было здесь, правда, отменено, но далеко не вполне.

Каждое племя арабов² заключает в себе одно или многие главные семейства, члены которых носят титул шейхов. Один из этих шейхов есть главный начальник всех других; это генерал маленькой армии. Одно племя отличается от другого по имени своего начальника или по имени главного семейства. Когда говорится об отдельных его членах, то их зовут детьми такого-то, хотя они в действительности не все суть его крови, и сам он уже умер. Так, говорят Бени-Темин, Улад-Таи, дети Тенина, Таи.—Правительство этих племен есть в одно и то же время республиканское, аристократическое и деспотическое, не будучи окончательно ни тем, ни другим, ни третьим; оно республиканское, потому что народ имеет главное влияние на все дела и ничего не делается без согласия большинства; оно аристократическое, потому что семьи шейхов имеют некоторые прерогативы; наконец, оно деспотическое, потому что главный шейх имеет неограниченную, почти абсолютную власть. Если шейх человек с характером, он может злоупотреблять своею

¹ Klemm.

² Volney, op. cit., I, 112—116.

властью; но для такого злоупотребления существуют довольно узкие границы. В самом деле, если бы какой-нибудь начальник сделал крупную несправедливость, например если бы он убил араба, то ему было бы почти невозможно избегнуть возмездия... Если шейх раздражит своих подданных жестокостью, то последние покидают его и переходят в другое племя.—Для покрытия своих издержек шейх имеет лишь собственные стада, иногда засеянные поля и некоторые пошлины за право провоза, но все это ограничено. Тот шейх, к которому автор отправлялся в 1784 году в стране Газ, считался наиболее могущественным; однако, его расходы были не выше расходов крупного фермера, его движимость состояла из нескольких шуб, ковров, оружия, лошадей и верблюдов и не могла стоить более 50 000 ливров; следует заметить, что в этот счет внесены четыре породистые кобылы по 6 000 ливров каждая и верблюды в 10 ливров. Простоте и даже бедности простых бедуинов соответствует бедность их шейхов.

«Афганские племена¹, подобно бурятам и якутам, подразделяются на улусы, которые в свою очередь распадутся на меньшие деления все более и более мелкого порядка, причем самое последнее из них ограничивается всего несколькими семействами. Каждое племя, улус и его подразделения имеют отдельных начальников, из которых каждый подчинен главе высшего деления. Каждая группа носит свое имя, взятое у ее непосредственного предка. Глава улуса именуется ханом. Он избирается всегда из старейшей семьи улуса. В большей части случаев выбор остается за эмиром, который может удалить хана по произволу и заменить его другим из его *родственников*; в некоторых же улусах хан избирается народом. В обоих случаях обращается некоторое внимание на первородство, но большее на возраст, опытность и характер. Вследствие такой неопределенности отношений нередко после смерти хана возникают споры и появляются партии, которые подкупают министров эмира и ублажают его самого обещаниями будущих доходов. Глава подчиненных делений также всегда избирается народом из старейшей в нем семьи, за исключением только самого низшего деления, в котором превосходство часто указывается самою природою, когда старик бывает главою 10 или 12 семейств, образовавшихся из его сыновей и внуков. Глава улуса командует на войне, но подчиняется решениям совета старейшин, которые в свою очередь находятся под влиянием мнений членов своих делений. Иногда он вмешивается в спор между двумя кланами, но успех его в улаживании подобных споров зависит более от его аргументации, чем от власти, и более от каприза спорящих, чем от другой причины. В самом

¹ Elphinston, An Account of Kingdom of Caubul. Lond. 1839, II, 217 и сл.

деле вся власть главы вытекает из его личного значения, а это последнее зависит от его рождения и добропорядочного поведения; он не пользуется никаким казенным доходом и имеет не больше богатства и подчиненных членов, чем глава всякого другого улуса. Главам подразделений принадлежит столь же ограниченная власть; но к ним обращаются по поводу споров между отдельными лицами, особенно если последние живут в различных деревнях. Ни один из этих начальников по размеру власти не может поравняться с английским констеблем.

Равенство отношений сохранялось чрезвычайно ревниво донскими казаками¹. Когда, например, в 1592 году Нащокин, по московскому обычаю, предложил раздать присланное с ним жалование «лучшим атаманам по доброму сукну, иным по среднему, а остальным всем сукна рославские», то казаки решительно восстали против такого раздела, говоря: «у нас больших нет никого, мы все равны: мы сами разделим на все войско, по чему достанется». Особенных распоряжающих властей, равно как и старшинства лиц у них вовсе не было. Исполнительную власть представляли войсковой атаман и войсковые асаулы. Письменною частью заведывал войсковой дьяк. Все эти лица выбирались кругом. Войсковой атаман лично первоначально не имел особенной власти. Он был лишь блюститель порядка и исполнитель приговоров народа. В войсковом кругу голос его был равен голосу всякого казака, и все преимущество его состояло, кажется, в том, что представления и доводы атамана народ принимал иногда с большим уважением. Атаман не мог ничего предпринять по собственному произволу, иначе с бесчестьем мог бы лишиться своего достоинства. Избирались атаманы погодно. По окончании срока, если его не выбрали вновь, он опять вступал в ряды простых казаков. Во время походов выбирали второго атамана.

Вся совокупность только что цитированных сведений относительно организации общественно-должностной деятельности на ранних ступенях развития, как бы ни различались между собою эти последние, одинаково свидетельствует в пользу широкого демократического характера означенной деятельности, оправдывая известное выражение Madame de Staël: «despotisme est moderne, liberté est ancienne». Этому не мешает даже то, что большее богатство и принадлежность к привилегированной семье очень рано начинают противодействовать господству свободного избрания на общественные должности. Все эти ограничительные условия на первых порах гораздо более сливаются с действительными потребностями населения, чем впоследствии. С одной стороны, большее богатство той или другой личности может являться не только причиной выбора на общественную должность, но и последствием такового. В этом отно-

¹ П. Соколовский, Экономич. быт, 1878, 213.

шении весьма поучительны следующие слова, сказанные одним абиссинцем путешественнику Лефебру¹ в ответ на вопрос, в чем состоит характер местного дворянства. — «Ни в чем, кроме независимости. У нас богатый человек, у которого много друзей, выбирается в судьи в спорах, не требующих пролития крови; его же во время войны ставят во главе экспедиции; но все его солдаты суть добровольцы, и никто не обязан ему повиноваться». Автор заметил, что богатый может не быть столь же способен, как другой, для заведывания военными операциями. «Невозможно», ответил абиссинец, «чтобы трус процветал у нас; никто не присоединится к нему для обработки его земли, никакая женщина не согласится служить ему. Мои соотечественники, как и все люди, то злы, то добры, но они презирают трусов, потому что трусы злее других и не имеют страха божия». С другой стороны, старейшие роды или семейства могут в течение долгого времени представлять самые надежные гарантии хорошего управления, благодаря своей наследственной опытности в делах этого рода и лучшей подготовке к ним.

«Индийско-азиатский народ нагас», говорит Спенсер², «не имеет никакого внутреннего правительства, не признает никакого короля и имеет идею о подобном лице только от других. Спрошенные об этом предмете, нагас гордо вколачивают свое копьё в землю и, опираясь на него, объявляют, что другого раджи у них нет. Они назначают главою деревни какого-нибудь старика, который имеет репутацию высшего ума или, быть может, большого богатства. Положение главы или Гаон-ура представляет известную степень власти; но власть эта весьма умеренна и может быть во всякое время нарушена, потому что племя крайне опасается самой мысли о подчинении кому-либо из своей среды. Должность Гаон-ура не есть наследственная и даже не пожизненная. Мелкие споры и разногласия обсуждаются советом старейшин, причем спорящие охотно подчиняются их решению. Однако, говоря точно, в общине нагасов не существует и тени установленной власти, и как это ни удивительно, отсутствие правительства не влечет за собой никакой заметной анархии или сумятицы. — Власть или титул старшины деревни ангамов наследственны. В большей части деревень имеется по два начальника, но их власть номинальна; их приказаниям повинуются лишь настолько, насколько они совпадают с желаниями и удобствами общины... Все старания были приложены к тому, чтобы побудить старейшин деревни Кономаг освободить людей, которые были прикосновенны к нападению и разрушению английского поста при Лунке в 1844 году... Но они, в качестве старейшин, не могли освободить преступников: община не допускала их проявить такую власть... Ангамы не

¹ T. Lefebvre, Voyage en Abyssinie, Paris, II, 66.

² H. Spencer, Descriptive Sociology, Lond. 1876, Tabl. XLIV.

имеют никакого признанного вождя или начальника, хотя избирают оратора, который однако лишен власти и ответственности; отсюда большое затруднение, встреченное англичанами при торговле с этим племенем, — сделки, заключенные с оратором, признавались ничтожными общиною. — Бодо и джималь вообще не расположены принимать на себя службу и делать что-либо для иностранцев, в качестве ли солдат, слуг или возничих... В их собственных общинах нет ни слуг, ни рабов, ни чужеземцев; и так как условия их жизни стремятся к увековечию схода мнений, то ни традиции их, ни религия, ни обычаи не санкционируют какого-либо искусственного различия рангов. Хотя они не имеют идеи об общей кровной связи, но среди них нет никаких сект, кланов или каст, так что каждый бодо и каждый джималь равны между собою абсолютно, как по праву и закону, так и в действительности. И это равенство не есть мертвая буква: напротив, бодо и джималь чрезвычайно хорошо питаются и весьма удобно одеваются и помещаются, и как скоро вы познакомитесь с ними, их голос, взгляд и поведение все выражает отсутствие того низкого страха и хитрости, которые вас так поражают при столкновении с народом в Бенгалии, большинство которого гораздо хуже питается, одевается и живет, чем бодо или джималь. Вряд ли нужно прибавлять, что у них нет никаких общественных законов и никакой политики, нет даже следов той деревенской экономии, которая так отличает индо-арийские общества. Их обычаи слишком кочевые и простые, чтобы допустить существование деревенской системы, с свойственным ей множеством наследственных должностных лиц и ремесленников. Они живут в лесах мелкими общинами, состоящими из 10—40 домов, которые беспрепятственно переносятся с места на место. Каждая из таких общин состоит, однако, «под главенством начальника—Граа, как называют его они сами, или Мудола, как называют его в соседстве; начальник этот располагает властью, которая вытекает более из добровольного согласия, нежели из принуждения, и в случае крайней сложности разделяется с начальниками двух или трех соседних деревень».

Ни один пример не бросает столько света на степень взаимного воздействия между самым могущественным правительством и находящимся под его владычеством более или менее первобытным народом, как следующее место из показания Чарльза Меткальфа в отчете избранного комитета английской палаты общин 1832 года¹: «Сельские общины Индии суть маленькие республики, имеющие при себе почти все, в чем нуждаются, и независимые от всяких внешних сношений. Они, повидимому, остались целыми там, где не уцелело ничто. Ниспровергается династия за династией, революция следует за революцией,

¹ Vol. III, Appendix 84, 331. Цитировано у Elphinston, History of India, Lond. 1866, p. 68.

индусы, патаны, моголы, мараты, сики, англичане поочередно становятся хозяевами, но сельская община остается тою же самою. В смутные времена она вооружается и укрепляется; неприятельская армия проходит через страну, деревенская община собирает свой скот внутрь своих стен и пропускает неприятеля, не вызывая его. Если грабеж и опустошение направлены против нее самой и сила неприятеля не допускает сопротивления, члены общины убегают в дружественные деревни; но когда буря промчится, они возвращаются и снова берутся за свои занятия. Хотя бы страна в течение целого ряда лет оставалась сценою постоянного грабежа и убийства, так что в деревнях нельзя было бы жить, тем не менее рассыпавшиеся поселение возвращаются обратно, как скоро восстанавливается господство мирного владения. Сыновья занимают места своих отцов; то же место для деревни, то же положение домов, те же земли занимаются вновь потомками людей, изгнанных во время опустошения страны; и изгнала их вовсе не пустая сила, потому что часто во времена тревожений и смут они удерживают свои посты и укрепляются настолько, что бывают в состоянии сопротивляться грабежам и угнетению. Этот союз сельских общин, из которых каждая образует маленькое самостоятельное государство, более всего прочего способствовал сохранению индусского народа при всех революциях и переворотах, вышедших на его долю, и в значительной степени служил причиной его благосостояния, свободы и независимости».

Мы видим, таким образом, что нельзя назвать в строгом смысле слова деспотическою или абсолютною даже очень сильную правительственную власть, когда она лишена органической связи с внутреннею жизнью общины, и не переходит за пределы чисто внешних сношений с последнею, каково взимание податей и повинностей. Подобная правительственная деятельность центральной власти, без сомнения, может служить источником многообразных угнетений населения общины; но не касаясь внутренних и коренных основ общинного устройства, она все-таки оставляет общинам значительную свободу действия.

Эльфинстон и в новейшее время Гибтер обратили внимание на различие между административною и экономическою организацией двух типических форм деревенской общины в Индии, которые, по нашему мнению, представляют не что иное, как различные исторические ступени хозяйственно-политического развития общества. Изобразив начала общего административного и хозяйственного строя индусской общины, с ее *единым* наследственным старейшиною, который является в одно и то же время и представителем власти суверена и защитником интересов самой общины, Эльфинстон¹ говорит следующее: «Таков спо-

¹ *Elphinston, History of India, 71.*

соб деревенского управления в тех местностях, где нет никого между сувереном и земледельцем. Но на севере и на крайнем юге Индии каждая деревня есть община, которая представляет род муниципии, а жители суть ее фермеры. Где существуют подобные фермеры, там деревня иногда управляется *одним* старейшиной, как и выше описано; но чаще, всякая *отрасль* семьи, составляющей общину, или каждая семья, если их больше, чем одна, имеет своего собственного *главу*, который заведывает ее внутренними делами и соединяется с главами других делений для заведывания общими делами деревни. Составленный таким образом совет занимает точно такое же положение, какое предоставляется в других случаях одному старейшине, и члены его делят между собою вознаграждение, присвоенное правительством этому должностному лицу. Число членов совета зависит от числа делений, но редко превосходит 8 или 10. Каждый из этих глав вообще избирается из *старшей* отрасли своего деления, но никогда не располагает ни большим богатством, ни иными какими-либо отличиями, чем другие земледельцы. Распространенный взгляд состоит в том, что все эти земледельцы произошли от одного или нескольких индивидуумов, которые впервые заняли деревню. Предположение это, повидимому, подтверждается тем фактом, что до настоящего времени часто встречается в мелких деревнях лишь по одной семье земледельцев, а в крупных небольшое число семей, но каждая из них разветвилась на такое число членов, что не редкость видеть, как весь земледельческий труд совершается земледельцами без помощи съемщиков земли или рабочих. Права земледельцев коллективны; и хотя эти права почти всегда более или менее разделены между ними, но никогда не обособляются окончательно. Земледелец, например, может продать или заложить свое право; но на это нужно прежде всего согласие деревни, затем покупатель вступает вполне на место продавца и принимает на себя все его обязательства. Если семейство вымирает, доля его возвращается в общинный фонд.

Если мы не ошибаемся, то различие между единоличную и коллективную администрацию в отдельных общинах Индии основывается на том факте, что во втором случае мы имеем дело с родовой администрацией нескольких братств, обитающих вместе, а в первом с *позднейшей*, территориальной администрацией. Иными словами, различие это совершенно совпадает с различием между административным устройством зуку на Суматре и кунди в Афганистане, с одной стороны, и с европейскою общиною, с другой, о котором мы говорили выше. При первоначальном расселении различные братства одного и того же рода селятся вместе, а потому и имеют *отдельное* начальство и отдельную поземельную собственность. Лишь впоследствии все жители одного места становятся сообщниками по земле и выбирают *общее* начальство.

Еще более характерный в этом отношении пример приводит Гёнтер: «В Ориссе», говорит он, «мы видим многие отдаленные стадии общества, разбросанными перед нашими глазами, каждую с более или менее развитою системою прав, начиная от группы семейств Кандийских горных областей и кончая системою отсутствующих лордов в британских округах, расположенных по изгибам. Простейшую форму сельской организации в Ориссе представляет деревня кандов. Подобная деревня обрабатывает лишь незначительную часть земли и состоит из совокупности семейных хозяйств, из которых *каждое* имеет своего главу. Здесь не существует никакого короля или князя, который мог бы предъявлять какие-либо права на почву, или взимать налоги или ренту в какой-либо форме. Как каждое семейство имеет своего главу, так для удобства ведения общественных дел и каждая деревня имеет также своего главу. Но начальники деревень никогда не получают вознаграждения за свою службу и не владеют никакими средствами принуждать других к подчинению своей власти; они просто представители глав семейств и председатели на их совещаниях. Живут начальники деревень ежегодно обработкою земли совершенно так же, как и другие главы семейств. Единственную их собственность составляет доля из перешедших от предков полей, полученная ими после смерти отца. Такая кандийская деревня с соединенными хозяйствами походит в некоторых основных пунктах на индусские деревни соседних равнин. Подобно последним, она состоит из кучки земледельческих семейств, имеющих одинаковое право владения наследственной землею; как и индусские деревни, она признает главу, которой владеет своею должностью на праве, наполовину наследственном, наполовину избирательном; и там, и здесь община слагается из двух резко разграниченных классов,—из земледельческих семейств и нескольких хозяйств безземельных ремесленников полурабов. При всем том, между кандийскою деревнею и соседними индусскими общинами существуют и важные различия. Прежде всего, хотя и те и другие суть группы земледельческих семейств с правами на землю, но в индусской деревне группа образует самостоятельный организм, власть которого признается всяким отдельным членом, между тем как в деревне кандов *каждое семейство* состоит отдельно, как особая единица под властью своего собственного отца семейства. В индусской деревне существует целый ряд прав на землю, принадлежащих частью суверену, частью общине, так что действительному земледельцу остается одно только право пользования: деревня кандов ничего не знает о таких правах; полное обладание землею, включающее все элементы—занятие, владение и право передачи, сосредоточивается здесь в руках *семейства*, члены которого обрабатывают поля. Итак, отсюда следует, что хотя и деревня кандов, и деревня индусов одинаково обладают тем характеристическим

признаком, что живут под главенством полувыборных, полунаследственных старейшин, но функции этих должностных лиц весьма различны. В индусской деревне старейшина выполняет важные обязанности, за которые он получает определенное вознаграждение; власть его держится главным образом на силе общественного мнения, и, если есть в том надобность, на помощи подчиненных ему деревенских стражей: в деревне кандов старейшина есть только бесплатный председатель совета глав семейств, без всякой власти, вознаграждения или какого-либо служебного отличия; это первый между равными. Так, например, и в деревне кандов и в индусской старейшины одинаково присутствуют при продаже земли; но в индусской деревне регистрация старейшины требуется как условие действительности передачи, тогда как в деревне кандов главы семейств ревниво выставляют на вид, что они обращаются к старейшине деревни не для того, чтобы получить его санкцию, а лишь для того, чтобы обеспечить публичность сделки чрез присутствие его в качестве свидетеля. Однако, между деревнями того и другого рода существует близкая аналогия в способе выбора старейшины из определенного семейства не чрез действительное голосование, а посредством молчаливого прохождения мимо наследственного представителя, если он считается недостойным этой чести. Но такая форма избрания обща и другим народам, кроме кандов и индусов. Что касается до сходства в территориальном отношении, то хотя в обоих случаях деревня представляет род территориальной юрисдикции с хозяйствами в центрах, но деревня кандов никогда не составляла определенного *территориального целого*, что между тем является крупнейшею характеристикою индусской деревни. В некоторых деревнях пастбища разделены, в иных нет, и на протяжении больших пространств отдельные деревни не имеют никаких границ, так как каждый канд может требовать для занятия любой участок внутри границ своего племени. Тогда как индусская деревня переживала всевозможные формы угнетения и насилия, и в конце долгого периода анархии составляет единственную неизменяющуюся черту страны, деревня кандов часто имела характер скорее временной расчистки, чем постоянного поселения, и была в некоторых местностях передвигаема с места на место чрез каждый десяток лет. Одним словом, деревня кандов представляет собою простую группу хозяйств, соединенных в одном месте для удобства отдельных семейств, индусская же деревня есть целое с сильным притяжением частей».

Если под отдельным семейством, главою семейства и отдельно недвижимою собственностью семейства в изложении Гёнтера разуметь братство, главу братства и недвижимую собственность братства, то ясно, что мы имеем пред собою ничто иное, как переход от полубродячего родового состояния к состоянию территориально-политическому, которое более раннюю ступ-

пень образует деревня кандов, а более позднюю индусская деревня. Усиление и сосредоточение власти старейшины и большее объединение ее в индусской деревне представляет естественный результат соединения в одно территориальное целое соседского землевладения прежних братств. Таким образом опять оказывается, что интенсивность власти находится в зависимости от интенсивности самой ассоциации производителей, или, употребляя выражение Крауфорда, «привязанность народа к земледелию, лишая его части мужества и делая его самого более покорным перед властью, чем странствующие племена, а собственность его более доступною захвату, все более и более обращала его к власти».

Описание различных форм общественно-должностной деятельности на Индийском архипелаге, представляющих большое сходство с только что упомянутыми, читатель, если пожелает, может найти в статье нашей «Государство и община в Нидерландской Индии» («Отечественные записки», 1881, март), а потому мы не станем останавливаться здесь на этом предмете.

Если доставление земледелию требуемой им воды посредством сооружения и регулирования системы орошения служило источником развития сильной правительственной власти, то не менее важную роль играл вопрос водоснабжения в тех странах, в которых существование земледелия зависело от количества дождя. В обоих случаях действительная или кажущаяся способность известных личностей распоряжаться условиями существования общества внушает к себе религиозное уважение и тем способствует укреплению общественной власти. В этом отношении нигде более чем в Африке мы не встречаем такого распространения среди различных племен веры в способность начальников по произволу посылать или прекращать дождь, соответственно требованиям земледелия. Сами начальники подчас глубоко уверены в существовании у них подобной способности и с столь же глубокою наивностью считают возможным вызвать непогоду через простое подражание ей. Неудивительно, что подобные качества более всего прочего способствовали тому религиозному поклонению некоторых африканских народов своим начальникам, которое признается многими европейскими путешественниками за деспотическую форму правления.

«Африканские короли», говорит Вайц¹, «часто приписывают себе божественное происхождение. С этим находится, впрочем, в близкой связи то, что народ имеет совершенно фантастическое представление о силе короля и одаряет его сверхчеловеческим могуществом. Как на Нигере белым приписывают господство над погодой и над всякими болезнями, так в Лоанго и на Белом Ниле считают погоду зависящею от короля, вслед-

¹ Waitz, *Antropologie*, II, 129.

ствие чего короля убивают, когда долго нет дождя. У банжаров или фелуков король, который в то же время есть высший жрец, т. е. лицо, состоящее в распоряжении таинственной волшебной силы, также делается ответственным за национальное бедствие, но расплачивается за это не жизнью, а только телесным истязанием. Тою же волшебною силою обладают в Африке пользующиеся известностью знахари, преимущественно иностранцы. По словам миссионера Моффа¹, дождетворцы, всегда имеющие наиболее почта среди чужих народов, являются вообще людьми с недюжинными умственными способностями, и только убеждение в естественном превосходстве своего гения дает им смелость покорять умы народа видениями своей фантазии. Однако искренность этого убеждения нередко подлежит сомнению. Тот же Моффа рассказывает, что он встретился среди барологгов с одним подобным дождетворцем, который, за некоторые услуги, сделался с ним весьма близок. Он извлекал выгоду из некоторых лекарств автора и поэтому смотрел на него, как на доктора, принадлежащего к его собственному братству. В ответ на некоторые замечания автора он как-то сказал: «Только умные люди могут быть дождетворцами, так как, чтобы обманывать столько народу, требуется большой ум». И прибавил: «Вы и я знаем это». Другой дождетворец, призванный за 200 миль в страну батленисов, нашел облака этой страны гораздо труднее управляемыми, чем той, которую оставил. Он жаловался, что тайные мошенники не слушаются его воззваний. Когда его заставили повторить свои опыты, он отвечал: «Вы даете мне только овец и коз, поэтому я могу вам сделать только козий дождь; дайте мне жирного быка, и я пошлю вам бычий дождь». Но все его ухищрения оказались безуспешными, и он был с позором изгнан из страны. Знахари, говорит Бёртон², являющиеся дождетворцами в сухих местностях, располагают вместе с тем силой останавливать дождь в неудобных по сырости климата местностях центральной и западной Африки. Значение, придаваемое в этом отношении способностям европейцев, высказывается в следующем забавном эпизоде: «Однажды», говорит Барт³, «когда я спокойно сидел у себя дома в Массене, внезапно появился в комнате слуга губернатора Агид Муза, хорошо ко мне расположенного, с весьма серьезным видом, и спросил по поручению губернатора, правду ли толкуют в городе, что как только собирается гроза, и облака появляются на небе, то он, Барт, выходит из дома и прогоняет облака; в городе будто бы не раз замечали, что, едва он, Барт, посмо-

¹ *Moffat, op. cit.*, 312—314.

² *C. Burton, On M. du Chaillu Equator. Africa. Transact. of the Ethnological Society*, 324.

³ *H. Barth, Travels and Discoveries in North and Central Africa, Lond.* 1858, III, 377.

трит на облака с повелительным видом, все они проносятся мимо, не оставляя ни одной капли дождя».

«Начальник страны Оббо», говорит Беккер¹, «держит в подчинении ее жителей тем, что выдает себя за колдуна и делателя дождя. Если кто из подданных не угодит ему или откажет в дани, то Кагиба проклинает его скот и кур или грозит засушить хлеб на его поле, и страх этих наказаний заставляет непокорных повиноваться. Определенных податей в Оббо не существует, а по временам Кагиба просто требует от народа известного числа коз и жизненных припасов. Подданные повинуются, так как Кагиба—старый и опытный правитель и знает, когда предъявлять свои требования. Наступает, например, время посева, а дождя нет или очень много дождя; Кагиба пользуется случаем, собирает народ и пускается в объяснения: как ему прискорбно, что они своим поведением вынудили его послать такую неблагоприятную погоду, но что это их вина; если они так алчны и скупы, что не хотят позаботиться о нем, то как же они могут ожидать, чтобы он заботился об их нуждах? В заключение он объясняет, что ему нужно коз и хлеба. «Нет коз, нет и дождя», говорит Кагиба, «таков наш договор, друзья; делайте как хотите; я ждать могу, надеюсь, что и вы можете». Если народ жалуется, что дождя слишком много, то Кагиба угрожает наслать на них гром и молнию на веки, если не принесут ему столько сотен корзин хлеба и пр. В случаях болезни Кагибу призывают не как доктора медицины в нашем значении, а как доктора магии».

Религиозное значение, придаваемое начальникам многими племенами Африки, в связи с военною их силою, является в глазах многих исследователей прямым доказательством, что правление этих племен носит деспотический характер. Впрочем, достойно замечания, что ни один из числа известных нам путешественников по Африке не высказывает этой характеристики безусловно, а всегда присовокупляет к ней такие ограничения, которые невольно заставляют усомниться в ее верности. Так, например, Пройар² говорит о правительстве Лоанго и Каконго следующее: «Правление у этих народов чисто деспотическое. Они утверждают, что их жизнь и имущество принадлежат королю, что король может распоряжаться тем и другим и отнимать когда заблагорассудится, без всякого суда, без всяких жалоб со стороны потерпевших. Они оказывают королю в его присутствии знаки уважения, похожие на обожание. Простой народ убежден в том, что могущество короля не ограничивается пределами земли, и что он имеет довольно власти, чтобы заставить падать дождь с неба; поэтому когда продолжительная засуха заставляет опасаться за урожай, то они не упускают

¹ «Путешествие по верховьям Нила», 186—187.

² *Proyart, Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique, 1776, 119.*

случая поставить королю на вид, что если он не озаботится поливкой земли своего королевства, то они умрут с голоду и будут поставлены в невозможность принести обычные дары. Во всех провинциях и городах имеются правители, назначаемые королем. Старейшины деревень суть также должностные лица короля. Благородного класса в этих странах нет, кроме князей, и дворянство сообщается лишь через женщин; так что все дети княгини суть князья и княгини, хотя бы они были рождены и от крестьянина-отца; и наоборот, дети князя и даже короля не считаются благородными, если отец их не женат на княгине, что бывает очень редко, потому что брак с княгиней должен быть единоличен. Но в другом месте¹ Пройбар говорит уже нечто иное: «Князья (т. е. родственники короля) не избавлены от домашних работ, и часто их можно видеть, подобно другим, занятыми возделыванием земли». У Мадьяра² мы читаем про административную организацию народа кимбунда: «У этого народа всякий взрослый, носящий оружие человек есть неограниченный господин своей личности, членов семьи и собственности. Главы семейств одной деревни держатся тесно вместе ради общей пользы. В каком отношении отдельные главы семейств находятся к *секуду*, в таком же отношении находится последний к князю. Хотя различные округа совершенно независимы один от других и управляются свободно, но для отражения неприятельских вторжений имеется род всеобщей воинской повинности, причем воины соединяются в группы под начальством главы округа. Того, что соединяет отдельных и независимых глав семейств с «секуду», этих последних с народом, а народ с князем и что препятствует дикой государственной организации перейти в еще более дикую анархию и совершенно разложиться,—мы должны искать в дворянстве, в колдовстве и в обычном праве. Дворянства существует два класса—один из родственников короля, другой из старейшин народа. В первом классе дворянство наследственно, во втором основано на выборе. Оба класса сильно ненавидят и преследуют один другой. Народ любит второй класс, многочисленный и богатый, который защищает его от первого класса и от короля. При всем том народ не огражден против насилий князя и держащегося за него первого дворянского класса. Впрочем, эти злоупотребления власти не остаются безнаказанными: короли кимбунда, большею частью, умирают насильственной смертью».

«У кафров», говорит Клемм³, «тирана-главу покидают его подданные, как то же бывает у калмыков. Альберти приводит один пример старейшины, покинутого племенем за то, что он объявил себя единственным наследником своих подданных».

¹ Id., 10.

² Magyar, op. cit., 270.

³ Klemm, op. cit., II, 322.

«Король у кафров», утверждает Вайц¹, «почти везде пользуется большим уважением, его встречают с величайшею покорностью; у южных кафров он обладает почти абсолютною властью и неприкосновенен даже во время войны. Но в то же время король не стоит *visus* обычаев и прав: когда он нарушает обычай, то народ отказывается от него и уходит или лишает его короны, как это уже Массуди рассказывал про зууди. Отсюда же объясняется и обычай, господствующий у зулусов и бечуанов, что король, несмотря на свое могущество, должен допускать совершенно свободную критику своих действий в определенные дни года или на всех общественных собраниях». «Кафры», сообщает Ле-Вальян², «управляются общим начальником, или, если хотите, чем-то вроде короля. Наследственная власть этого начальника очень *ограничена*; не получая субсидий, он не может иметь никакого войска на жалованьи; вообще он далек от деспотизма; это отец свободного народа: его не уважают, не боятся, а любят. Часто король менее богат, чем многие из его подданных, потому что, имея право брать сколько хочет жен, он разоряет себя на расходы для своего королевского двора, которые он должен пополнять из своей частной кассы (скот), чем и приводит свою собственность к нулю. Жизнь его украшена не лучше и не выше, чем другие; он собирает вокруг себя семейство и сервал, что составляет групу в 12—15 хижин; окружающие его земли он обрабатывает *сам*. Обыкновенно каждый сам собирает свой хлеб, чтобы употреблять его как хочет». — «В прежние времена», говорит Маклеан³, «начальник кафров получал ред подати из продукта страны и по временам скот. В настоящее время этот обычай почти совершенно вышел из употребления, и народ довольствуется тем, что приносят эти вещи в дар начальникам, когда они посещают соседние крааи. Десять или двенадцать лет тому назад у фингос часто отнимали их собственность и сады; но теперь права их вообще признаны и уважаются. Пока Кафрария (страна кафров—*Ред.*) была населена слабо, жители часто по различным причинам перемещали местопребывание; но в последние годы перемещения стали реже, а в будущем обещают быть еще более редкими. Но даже когда страна была населена слабо, кафр никогда не покидал своего дома только из любви к перемене и часто оставался в одной и той же местности в течение двух-трех поколений. Причины перемещения состоят в необходимости найти новые пастбища и поля, в смерти главы крааля, в чрезмерном накоплении навоза».

Достаточно одних только приведенных указаний на грубые формы полукочевой жизни, свойственные различным народам Африки, чтобы убедиться в том, что о действительном, поли-

¹ Waitz, II, 391.

² Le Vaillant, op. cit., II, 72.

³ C. Maclean, A Compendium of Kafir Law and Customs, Mount-Coke, 1858, 149.

тическом монархизме по отношению к ним не может быть и речи. Напротив, не подлежит сомнению, что мы опять-таки имеем дело с общино-родовою властью, которую большей части путешественников угодно называть патриархальною. Но для явщегося убеждения в отсутствии у африканских племен сложившейся монархической власти приведем еще несколько примеров.

«У готтентотов¹ характер власти деспотический, но за превышение власти монарх может поплатиться уменьшением числа подданных. Привязанность этого народа к принципу наследственной монархии (?) настолько велика, что неизвестно ни одного случая в стране, когда бы кто-либо из второстепенных начальников узурпировал это отличие; но если начальник недоволен, то он с своею свитою может удалиться из-под власти короля и соединиться с другим племенем; в слабо населенной стране и среди племен, которых все богатство состоит в скоте, это должно бывать довольно часто. К этому препятствию, которое должно представлять значительную гарантию против злоупотреблений властью, можно присовокупить еще одно: все важные вопросы и особенно все вопросы, относящиеся к войне и миру, решаются в общественных собраниях по имени «шестшо».

«Правительственное устройство в Африке² большею частью монархическое, по крайней мере, по имени; аристократия пересиливает власть короля, которая нигде не наследственна, за исключением, быть может, одних фулахов. Но и здесь право первородства значит мало, если нехватает остальных нужных качеств. У цимманеров и булламеров корона остается, правда, в руках одной и той же семьи; но старейшины местечек, от которых зависит выбор, имеют полное право избрать в короли самого отдаленного родственника этой семьи, если найдут его годным для того. Впрочем, за эту честь не особенно гонятся, как это бывает в Европе, так как она приносит более расхода, чем прибыли. В каждой деревне имеются, сверх того, особые старейшины, которые держат общие собрания для обсуждения общественных дел.

«Четыре короля, или, лучше сказать, штатгальтеры долины Шембы-Шембы, говорит Бастиян³, избирают в своей среде одного главного короля, который обыкновенно в определенный срок заменяется другим. До приобретения европейских титулов все князья страны назывались *мани*. Их главные советники были: *мангово* для иностранных дел и приема чужеземцев, его наместник *ма-упуту*, далее *ма-кака*, или главнокомандующий, без разрешения которого никто не мог издавать воззвания к войне, *ма-фука* или министр торговли, которому подчинялось все, касающееся интересов белых, *ма-*

¹ Philip, Researches in South Africa, Lond. 1827, II, 132.

² Winterbottom, op. cit., 165.

³ Bastian, Ein Besuch in S-t Salvador, 1859, 57.

кимба или надсмотрщик за лесами и реками; ма-банца или правитель города и ма-беле. В большей части государств король назначает перед смертью ма-бама (господина ужаса), который ведет судебные дела в течение продолжающегося до погребения междуцарствия.—В Лоанго пять князей, имевших право на корону, должны были жить в отдаленных деревнях, не имея доступа в столицу. Когда первый из них вступал на место умершего короля, то второй следовал за первым, за ним шли другие, занимая места стоявших за ними, и только пятый князь снова подвергался выбору. В Каконго также был избирательный король. В Конго князья Бауда, Лунда и Сонго представляли собою трех избирателей короля, к которым во время португальского влияния присоединился также и епископ св. Сальвадора, обладавший в качестве духовного курфюрста короной, присланной Урбаном VIII.

По словам Burton'a¹, «в стране Уанайке царят повсюду грубые свобода, равенство и братство при полном отсутствии законов. Никто не приказывает там, где никто не повинуется. Сам начальник копает своей лопатой, подобно рабу, клочок земли, засаженный мансом или маниоком. Споры решаются советом старейшин, согласно обычному праву. Сам главный начальник не осмеливается требовать себе никакого подчинения.—Равным образом и начальники Вуазарама² «не имеют иной власти, кроме основанной на состоянии или на личных их заслугах. Они образуют класс с наследственной властью, который распадается на пять различных должностей: начальник деревни, его главный советник и выше их старейшины трех степеней. Начальник деревни, если не пользуется исключительным влиянием, делится с своим советником предметами, которые вымогает у путешественников».—«По примеру диких животных³, инстинкт приводит негров под чье-нибудь управление: вот почему они учредили начальников для своих деревень и мелких подразделений народа. Власть вождей абсолютная, хотя и ограниченная советами старейшин. Общественный доход, взимаемый ими в весьма малом размере, обращается исключительно в пользу начальника и его старейшин. В качестве, например, поземельного налога, начальник присваивает себе право пить à discretion и по мере изготовления, по очереди у каждого своего подданного, просьяное пиво «помбе». Если убьют слона, он требует часть мяса и один из клыков; все кожи леопардов, рысей и зебров также принадлежат ему по праву. Когда торговцы привозят свои товары, он может, не обращая внимания ни на справедливость, ни на более или менее установ-

¹ R. Burton, Zanzibar, Lond. 1872, II, 94.

² C. Burton, Voyage aux grands lacs de l'Afrique Orientale, Paris 1862, 102.

³ I. Speke, Les sources du Nil, Paris 1865, Préface, 10—11.

ленный тариф, предъявить всякое требование, которое считает возможным вынудить.

У басутов¹ сыновья наиболее могущественных начальников должны в течение известного числа лет вести *жизнь простых пастухов*. Есть даже начальники, которые считают своею обязанностью прерывать время от времени течение своей администрации, чтобы возвращаться к занятиям своей ранней юности, что всегда им ставится в большую заслугу. Это практикуется особенно тогда, когда животных нужно водить на отдаленные пастбища.—Власть верховного начальника у инам-инам² *ограничивается* высшим командованием над взрослыми мужчинами страны. В виде налога он получает от жителей своей области, кроме слоновой кости, которая принадлежит ему исключительно, половину мяса из добычи от общественной охоты. В западных частях страны, где процветает торговля мальчиками и девочками насчет угнетенных рабских племен, он получает часть налогов также и этим товаром.—Правительство всех государств, разбросанных по западному берегу Африки³, может быть названо *деспотическим*, но этот *деспотизм ограничивается* степенью могущества короля. Он может все сделать, если имеет в руках силу; иногда же он испытывает сопротивление и бывает не в силах заставить своих вассалов повиноваться иначе, как ведя с ними войну, из которой не всегда выходит победителем; иными словами, устройство государства предоставляет королю безграничную власть, которой однако его подданные отказываются повиноваться, когда могут: поразительная картина первых возрастов европейских монархий!—Власть государя у мандингов⁴ ни в каком случае *не может считаться неограниченной*. Во всяком важном деле король созывает совет начальников или *старейшин*, которых мнением он руководствуется и помимо которых он не может ни объявить войны, ни заключить мира. В каждом значительном городе есть главное должностное лицо, должность которого наследственна, и дело которого состоит в поддержании порядка, во взимании пошлин с путешественников и в председательстве во всех *совещаниях* по местной юрисдикции и администрации. Эти совещания заседают на открытом воздухе с большою торжественностью; все стороны вопроса здесь излагаются свободно, свидетели допрашиваются публично, и следующие за тем решения встречаются публично с одобрением.

Да простит нам читатель эти детальные описания африканской правительственной власти. Мы хотели ими показать, что деспотизм африканских королей, не имеющих часто полной

¹ Casalis, op. cit., 161—162.

² Schweinfurth, op. cit., 238.

³ Degrandpré, Voyage à la côte occidentale d'Afrique, Paris 1801, I, 163.

⁴ Compagnon, Voyage au Bambouk (Histoire des Voyages, édit. Walckenaer, 1826, III, 120).

одежды для прикрытия своей наготы, совсем не так страшен, как о нем привыкли говорить¹. Нет сомнения в том, что деморализация торговли и грабежа рабов успела уже пустить глубокие корни в общественной жизни африканских негров и в значительной степени усилила власть начальников. Но даже из-под

¹ Следующий рассказ Бюттнера (Aus Natur- und Völkerleben Südwestafrikas. Das Ausland, 1882, № № 42 и 43) о затруднениях, испытываемых иногда знатными лицами у народа гереро (страна Дамара) в юго-западной Африке, приводит к мысли, что не страх, а скорее смех есть то чувство, с которым можно относиться к африканским политическим властям. «Среди гереро», говорит Бюттнер, «никто не побоялся в отсутствие кого-либо из своих родственников или друзей воспользоваться принадлежащими им вещами. Поэтому, у кого есть много имущества, у того много и друзей, которые с удовольствием берут к себе на некоторое время, до полного истребления, в ссуду вещи своего отца, дяди, хозяина, и которые охотно готовы при этом не слишком точно проверить близость своего родства с ними. Так, например, положим подобный *богач*, располагающий сотнями слуг, приобретает себе европейские платья. Если он желает все это платье удерживать для себя, то он будет принужден, несмотря на чрезмерный жар тропического солнца, надевать на себя одну штучку на другую. Так, Камагереро, в настоящее время самый могущественный князь в стране, когда он в присутствии автора позволил себя фотографировать, был одет следующим образом: пара башмаков, три пары панталон из толстой материи; сколько было на нем рубашек, автор не может сказать, но, сверх того, на нем был жилет, вокруг тела была обвита большая шаль, потом следовал толстый пиджак, шаль вокруг шеи и поверх всего этого шафрон, а на голове шарф, над которым была калабрийская шапка, а сверх ее шелковый колпак, вышитый жемчугом,—и все это при температуре, когда всякий другой охотно сбросил бы с себя все, что не было необходимо! Без сомнения, повод обратиться в странствующий магазин платьев состоял для Камагереро лишь в том, что если б он оставил свои платья без доброго надзора дома, то не только нелегко бы их нашел, но еще имел бы удовольствие видеть одного из своих милых и верных друзей и вассалов важничавшим в его глазах этим платьем перед публикой. Автору, кроме того, известен случай, когда тот же Камагереро просил у одного из его друзей кусок мыла, чтобы быть в состоянии самому, своими сиятельными руками, мыть свое платье, так как считал за верное, что если б он отдал его кому-нибудь в мытье, то не получил бы назад платья, а только ответ: «в этом платье нуждаюсь и сам, ты же довольно богат, чтобы купить другие». Поэтому многие здесь желали бы, по образцу европейцев, обзавестись сундуками с замком, чтобы сберегать в них те вещи, которые не нужны ежеминутно. Для внимательного наблюдателя народного духа любопытна та характеристическая черта, что никто не считает за преступление брать себе в «ссуду» свободно лежащие вещи родственника или друга, но взломить запорное имущество и взять что-нибудь из подобного помещения считалось бы за воровство и получило бы дурную славу среди знакомых. Кто не увидит в этом воззрений нашей детской, в которой каждый из братьев и сестер может играть с свободно лежащею игрушкой, если собственник ее в этот момент отсутствует и не может сам заняться этим? То же, что действительно сберегается, должен вынимать только сам собственник. Столь знатному и богатому человеку как Камагереро, разумеется, среди гереро, ничто бы не помогло, хотя бы он и достал себе сундук с замком, так как, если бы этот сундук был когда-либо открыт, то весьма легко кто-нибудь вынул бы из него вещи, положил бы их чистенько рядом, а самый сундук взял бы себе на неопределенное время в ссуду».

Этот обычай, повторяющийся и у других народов и соединяющийся у гереро с такими обычаями, как поклонение специальным животным, может указывать на что угодно, только не на феодализм.

этой власти нетрудно видеть широкое самоуправление старейшин, т. е. чисто родовую форму правления.

Военный характер власти африканских начальников особенно хорошо выясняется на следующем примере. «Воины племени матабеле¹ собираются пред вождем и хором кричат: «Мозелекатсе, дай нам врага». Одно слово тирана решает тогда кровавую судьбу соседнего мирного племени; воины исчезают и когда возвращаются, то должны, как победители в виде триумфа, гнать перед собою добытые стада; в противном случае им будет худо: гнев Мозелекатсе заставит страшно расплатиться за трусость... Послушание требованиям начальника доводится часто до бессмыслицы. Если, например, львы натворили зла в стадах, то стража не смеет явиться к начальнику без шкуры грабителей; толпа окружает дикое животное и бросается на него с размахнутыми ассегаями, не обращая внимания на опасность смерти и на раны; многие становятся жертвами льва, но прежде чем он освободится, острые клинки ассагаев со всех сторон вонзаются в его тело, и он падает на изувеченные трупы своих смелых врагов. Еще ужаснее бывает борьба в том случае, когда тирану взбредет дикая фантазия взять животное, возбудившее его гнев, живьем, чтобы он мог заколоть его собственной рукою. Так, например, однажды Мозелекатсе приказал принести живьем крокодила, который унес теленка, и его дикие воины разрешили эту страшную задачу: они нашли пресмыкающееся на низкой воде, бросились на него толпою и принесли его нетронутым к своему начальнику. Когда раз пришли юные воины и потребовали мяса, Мозелекатсе спросил их, сумеют ли они удержать быка? По мановению руки начальника был пригнан сильный бык, в одну минуту молодежь опрокинула его на землю; довольный обнаруженной храбростью, начальник дозволил им убить его. В другом случае, когда строили крааль, и люди прибегли для этого к помощи топоров, Мозелекатсе спросил: «На что им топоры? Они должны уметь строить крааль голыми руками».—Следует знать твердость и неприступность африканского колючего кустарника, чтобы явление крааля, выстроенного из больших ветвей, показалось геройским делом, которое, кроме матабеле, могло бы выполнить редкое племя».

Нельзя не видеть с первого взгляда, что грубые нравы племени, молодечество и храбрость, порождаемые непрерывным ведением войны, гораздо лучше объясняют приведенные поступки матабеле, нежели абсолютная власть их вождя. Последний мог бы всегда сказать в свое оправдание, что, вызывая своих соплеменников на подвиги храбрости, он действовал в интересах целого племени, с целью развития в нем силы сопротивления. Сверх того, мы видели выше, что у некоторых южно-

¹ M. Park, op. cit., 7.

американских индейцев совершение подобных же подвигов возлагается не начальником на народ, а народом на начальника, в видах испытания его годности. Не знаем лучшего доказательства, как это, что в данном случае мы имеем дело с свойствами характера, принадлежащими не одним лишь начальникам, а всему полудикому народу.

Наиболее деспотическим принято считать в Африке правление так называемого королевства ашанти. Но вот что говорит по этому поводу весьма опытный и образованный исследователь Круиксганк¹: «Правление ашанти не может быть названо ни деспотическим, ни конституционным, ни олигархическим, ни республиканским, но имеет по частям черты всех этих различных форм и зависит главным образом от индивидуального характера и богатства начальника. Сверх того, оно значительно умеряется традиционными обычаями и прецедентами, которые, повидимому, определяют объем власти начальника, равно как и привилегии народа, и одинаково обязательны как для того, так и для другого. От этой причины происходит то, что мы встречаем здесь странное смешение актов деспотизма с случайными проявлениями широкой свободы и равенства, при которых власть начальника является почти не существующею. Богатство, состоящее частью в большом числе рабов, частью в золоте, представляет вернейшее обеспечение власти.—Одна и та же система правления существует у вассаров, денкара, у ассинов, у абра, у акинов, у аквапинов и других народов близ Золотого Берега. Ни у одного из этих племен обладание властью не сообщает вождю такой силы, чтобы он мог действовать наперекор общему мнению своих подданных, так что, при всем внешнем блеске власти, начальник есть не более, как кукла, приводимая в движение волею народа, которым он, повидимому, повелевает деспотически. Впрочем, такое положение проявляется только в случаях общего интереса, в остальных же он обладает действительною властью».

Так как распадение на крайне мелкие племена или орды, ведущие между собою непрерывную и истребительную войну, составляет наиболее характеристическую черту всех первобытных обществ, то неудивительно, что, во избежание этого неустойчивого состояния, в их среде постоянно возникают многочисленные попытки к соединению в одно целое нескольких племен, путем ли федерации или завоевания. Но насколько мало соответствует условиям существования первобытных обществ новый правительственный строй, порождаемый подобною переменою, видно из того, что, по единогласному приговору многих исследователей, делавших свои наблюдения в различных странах земного шара, все подобные попытки оказы-

¹ *Br. Cruickshank, Eighteen Years in the Gold Coast of Africa, 1853, 233—236.*

ваются крайне несостоятельными и, так сказать, роют яму самим себе. Так, мы уже приводили на предыдущих страницах мнение Моренго, что «только исход борьбы подчинил океанийский остров закону одного или разделял его между многими; но ни в чем и никогда эти правительства не были устойчивы, и нигде у этих островитян не было найдено династий, которые царствовали бы на всем острове в течение продолжительного ряда лет». Буквально то же самое высказывает Крафорд¹ относительно общежития Индийского архипелага следующими словами: «Слабость, неумелость и варварское состояние даже наиболее образованных народов Индийского архипелага повсюду являются препятствием к учреждению прочных политических тел, и вследствие этого даже самые замечательные государства имели только временную продолжительность. Последовательный ряд способных начальников ниспровергал федеральные учреждения, но если один за другим следовали бездарные начальники, то из их слабых рук власть попадала в руки правителей провинций, которые делались наследственными главами отведенных каждому из них юрисдикций; а так как общество уже ознакомилось с началами абсолютного правления, то для восстановления этого последнего следовало лишь появиться и иметь успех новой линии узурпаторов из ряда мелких суверенов, возникших на развалинах последнего абсолютного правительства».

Совершенно совпадает с мнениями двух упомянутых писателей взгляд на судьбу африканских монархий, высказанный Спрэем²: «В прежние времена все манганы были соединены под властью Унди, своего великого начальника, царство которого простиралось от озера Шизуа до берегов Лоангуа. После смерти Унди империя раздробилась на клочки, и обширная провинция, соприкасавшаяся с Замбезе, была поглощена баньями.—Африканские империи всегда неизбежно подвергаются подобной участи. Начальник с чрезвычайными способностями подчиняет себе часть соседних народцев и основывает королевство, которым управляет более или менее хорошо. Преемник этого начальника, не унаследовавший его военных доблестей, плохо защищает завоевания, которые ему достались. Более ловкие чем он вассалы пользуются этим, чтобы разделить с ним власть, и через несколько лет от королевства не остается ничего более, кроме приятного воспоминания. Подобное положение дел, которое можно рассматривать, как нормальное для африканского общества, дает место частым войнам; население, разоренное и уменьшившееся, тоскливо вздыхает по правительству, которое было бы достаточно сильно, чтобы обеспечить ему мир». Наконец, то же самое воззрение находим мы и у Вай-

¹ I. Crawford, History of the Indian Archipelago, Edinb. 1829, III, 3 и сл.

² W. I. Spry, Die Expedition des Challenger, Leipz. 1877, 239.

ца¹: «Политическое устройство негрских племен», говорит он, «часто считали абсолютно-монархическим. Однако это может быть утверждаемо только относительно немногих из них, хотя и верно то, что у большей части народов большинство начальников управляет совершенно деспотически. Только у немногих негрских народов сила государя вполне неограничена по закону, а где это не так, там правитель умеет доставить себе фактическую власть, перед которой все должно гнуться, так как государственные силы слишком неразвиты, чтобы с какой-либо стороны было возможно продолжительное и успешное сопротивление нападкам и злоупотреблениям власти. Но означенное *сосредоточение власти бывает лишь кратковременно, и обладание ею не довольно обеспечено*, потому что все зависит здесь от личности самого государя, а также главным образом от его богатства. Если другой член семейства государя или наместник провинции, или храбрый воин сумеют интригами или блестящими заслугами приобрести себе славу и уважение, то государь обыкновенно должен опасаться не только того, что его слава померкнет, но и того, что сам он будет устранен... Не совсем ошибочно говорит Раффенель, что, сообразно патриархальному принципу, негры уважают только возраст. Но когда он прибавляет, что в каждом племени семья государя всегда есть та самая, которая дала племени первое происхождение, то это может иметь значение лишь гипотезы, которая, повидимому, вообще не подтверждается, хотя и справедливо, что даже в тех случаях, когда происходит насильственное удаление с трона, значение государя, большею частью, обыкновенно остается в прежней силе и только вступает в правительстве другой член того же семейства». Из всех этих аргументов неоспоримо следует, что сильная деспотическая власть не есть и не может быть постоянною формою общественно-должностной деятельности у большинства первобытных народов и на первоначальных ступенях цивилизации, так как ей сильно противодействуют родовые и общинные начала, проявляющиеся в противоположном направлении.

Резюмируя все сказанное на предыдущих страницах, мы приходим к тому общему заключению, что общественно-должностная деятельность у первобытных народов составляет результат действия родовых и экономических начал, из которых последние, по крайней мере первоначально, большею частью одерживают верх над первыми. Широкое преобладание власти народных собраний и советов старейшин над единоличною властью начальников, свободное избрание способнейших на определенную только функцию и на непродолжительное время в одинаковый род жизни и занятий у начальников и народа—бесспорно свидетельствуют в пользу означенного заключения. Все эти условия отправления общественно-должно-

¹ Waits, Anthropologie, II, 126.

стной деятельности в наиболее чистом и простом виде встречаются у народов охотничьих и рыболовных и отчасти у кочевых. С переходом к оседлому земледелию, который захватывает гораздо более продолжительный период времени, чем обыкновенно полагают, значение сосредоточенной единоличной общественной власти все более и более возрастает. Нам неизвестно ни одного примера, где мало-мальски прочная земледельческая оседлость не влекла бы за собою немедленного усиления и сосредоточения власти высшего общественного класса. Пример африканских народов, из которых самую сильную правительственную власть имеют всего более занимающиеся обработкою почвы, отлично доказывает это. Причин этого явления следует искать, во-первых, в прикреплении к почве, которое обуславливается оседлым образом жизни и не дает возможности уходить от угнетения начальников, а, во-вторых, в большей сложности интересов и занятий земледельческого населения, требующей и большего вмешательства со стороны обособившейся от целого общественной власти. Сверх того, только земледелие дает существование более или менее обширным общественным союзам, способным к самостоятельной защите. Охотничьи и рыболовные народы обыкновенно состоят из множества мелких и совершенно изолированных, независимых и взаимно враждующих племен. Союзы племен, наподобие ирокезского, представляются в охотничьем быту явление довольно редкое и во всяком случае недостаточно прочное. Кочевые народы, благодаря обладанию скотом, образуют почти сплошь более многочисленными группы, и притом, по временам, под властью весьма сильных предводителей. Но все подобные союзы, за отсутствием надлежащих условий прочной организации, бывают непродолжительны и с течением времени снова возвращаются в первоначальное состояние изолированных и разрозненных групп. Только в тех случаях, когда с переходом к земледелию является необходимость прибегнуть к сооружению каналов, резервуаров и других приспособлений для орошения, которые могут быть предприняты и поддерживаемы лишь систематически и в значительных размерах, при помощи многочисленного и тесно сплоченного населения,—только там развивается очень рано сильная общественная власть. В том же направлении усиления власти правящих классов действуют всякие внешние сношения с чужеземцами и в особенности завоевание,—все равно, ведет ли оно завоеванный народ к обращению в рабство или в крепостное состояние.

Совершенно обратному положению вещей,—да позволено нам будет сделать здесь маленький скачок мысли,—свободные политические формы новейшей Европы и Америки в значительной степени обязаны своим происхождением той новой комбинации общественной работы, которая отвязала население от земли и сделала перемещение людей и продуктов

одним из условий самого существования общества. Не можем объяснить всей важности этой гигантской перемены в строении общества лучше как следующими словами Бенжамена Константа¹: «При нынешнем состоянии цивилизации и при торговой системе, среди которой мы живем, вся общественная власть должна быть ограниченной и абсолютная власть не может существовать. Торговля сообщает собственности новое свойство—обращение: без обращения собственность есть только пользование; власть может всегда оказывать влияние на пользование, потому что она может отнять его, но обращение ставит невидимое и непобедимое препятствие этому действию общественной власти. Действие торговли простирается еще далее: она не только освобождает отдельные лица, но, создавая кредит, делает зависимою саму власть. Деньги, сказал один французский автор, суть наиболее опасное оружие в руках деспотизма, но в то же время и самая могущественная узда на него; кредит подчиняется общественному мнению; сила по отношению к нему бесполезна; деньги прячутся или уходят,—и все государственные операции останавливаются. Кредит не имел того же влияния у древних (и, прибавим от себя, у первобытных народов): их правительства были сильнее частных лиц; частные лица наших дней сильнее политических властей. Богатство есть сила, которою всего свободнее можно располагать в каждый момент времени; это сила наиболее применимая ко всем интересам, и следовательно, наиболее действительная и наиболее внушающая повиновение; власть угрожает, богатство вознаграждает; от власти ускользают, обманывая ее, а чтобы получить благорасположение богатства, нужно служить ему: богатство должно одержать верх над властью. Вследствие подобных же причин личное существование теперь менее связано с политическим существованием. Отдельные лица перемещают вдалеку свои богатства (наподобие кочевников, недовольных своим начальством); они несут с собою все удовольствия частной жизни; торговля сблизила нации и сообщила всем им почти сходные права и обычаи; правители могут быть врагами, народы суть соотечественники; лишение родины, которое у древних было казнью, сравнительно легко в новое время, и, вместо того чтобы быть тягостью, часто бывает приятно. Потерять родину в древности значило потерять жену, детей, друзей, все привязанности и почти всякое социальное удовольствие: эпоха такого патриотизма прошла; то, что мы любим в родине, как и в свободе—это обладание нашим имуществом, безопасность, возможность спокойствия, деятельности, славы, тысячи благ. Слово «родина» напоминает нашей мысли скорее соединение этих благ, нежели топографическую идею специальной страны: когда их отнимают у нас дома, мы отправляемся искать их на чужбине».

¹ B. Constant, Principes de Politique, II, 254—255.

Второй весьма важный класс занятий, выделяющийся из общей массы экономической деятельности первобытного общества, составляют ремесленные занятия. За таким состоянием общества, когда все и каждый его члены, за исключением естественных различий, обусловленных возрастом и полом, отправляют всевозможные роды занятий, следует другое состояние, когда мало-помалу обособляются определенные группы личностей, отправляющие сначала временно, потом пожизненно, а впоследствии и наследственно, различные специальные занятия в форме каст, цехов и иных корпоративно-общественных тел. Процесс постепенного выделения или специализации профессий этого общественного класса, представляет две следующие характеристические черты, из которых одна имеет, повидимому, всеобщее, а другая только местное значение. 1) Класс ремесленников образуется не в одиночку, иными словами, не личными усилиями отдельных личностей, а общинно-родовыми группами, наподобие тех более обширных групп, какие возникают у первобытных народов в видах общего достижения целей охоты, рыбной ловли, земледелия, искусственного орошения, строения домов и судов, изготовления сетей и пр. Иными словами: то, что прежде производилось всею общиною по очереди или совместно, начинает изготовляться только частью этой общины, отдельною группою большею частью родственных личностей, которые в своей собственной сфере продолжают подчиняться всем обычаям общинной жизни: отсюда произошли искусственные братства, гильдии, касты, ремесленные корпорации и пр. 2) У многих народов ремесленный класс образуется из остатков завоеванного народа, и потому является полурабским, презираемым классом, который только по прошествии значительного промежутка времени сливается в одно неразрывное целое с господствующею над ним общиною. Эта последняя черта ремесленных занятий особенно важна в том отношении, что она, повидимому, указывает на глубокое значение завоевания, в смысле ускорения процесса усложнения и развития общества при помощи разделения труда между победителями и побежденными.

Примеры первоначального распределения занятий по равно-возрастным и половым группам представляют нам, как мы уже отчасти видели выше, туземцы островов Дружбы и Палаузских. Что подобное возникновение отдельных групп социальных производителей должно было иметь более или менее универсальное распространение, на это указывает тот всеобщий факт, что даже у самых первобытных народов труд разделяется по возрастам и полам, откуда остается один шаг к обособлению различных возрастов и полов в отдельные группы производителей. Можно даже сказать, что первоначальное различие сил

и способностей по отдельным возрастам и полам является исходным пунктом всех видов позднейшего разделения труда, как между различными общественными классами, так и между членами одного и того же хозяйства.

«В числе туземцев островов Дружбы», говорит Маринер¹, «которые занимаются различными ремеслами, есть многие, предающиеся этим ремеслам потому, что отцы их занимались тем же делом и следовательно научили их ему; такими ремеслами бывают большею частью занятия, которые считаются требующими уметственных усилий и потому заслуживающими уважения. Сверх того, они не имеют достаточной причины, за исключением быть может лени, оставлять эти занятия, тем более, что за свою ловкость, они получают подарки от своих начальников. Нет никакого положительного закона, который обязывал бы лиц, занимающихся ремеслами, следовать профессии отцов, никакого другого мотива к этому, кроме почетного значения, придаваемого их ремеслам, их собственного интереса и общего обычая. Большая часть профессий, за исключением лишь некоторых, отправляется одинаково классами мооас и тооас. Матабулы не входят в число ремесленников, если не считать нескольких строителей каное и наблюдателей за похоронными обрядами, которые имеют также большую опытность в резьбе украшений, в обкладке палиц, а также в изготовлении палиц, копий и другого военного оружия, что не представляет отдельных профессий, а выполняется строителями каное, умеющими обращаться с топором. Иными словами, не существует самостоятельных обкладчиков костью и изготовителей военного оружия, которые не были бы и строителями каное. Все строители каное и надсмотрщики за похоронными обрядами, которые не причисляются к матабулам, принадлежат к классу мооас, так как никто, принадлежащий к столь низкому классу как тооас, не может заниматься таким уважаемым ремеслом. Остальные профессии исполняются и мооас и тооас, — за исключением профессий цирюльника, повара и земледельца, которые все относятся к классу тооас. Из различных профессий одни наследственны, другие нет; к числу последних относятся татуировка, украшение резьбою палиц, гравирование ручек, обкладывание оружия костью, брадобрейство. Перечисленные ремесла не наследственны, потому что не настолько достойны уважения, чтобы привлечь кого-либо к занятию ими из подражания отцу; они практикуются теми, кто имеет к ним естественное призвание. Но две самые низшие профессии, повара и земледельца, суть наследственные, так как дети естественно принимаются за занятия отцов, не требующие никакого таланта или изучения: всякий знает, как расчислить и сносным образом вскопать землю. Независимо от того, родившимся в этом

¹ W. Mariner, Tonga Islands, Lond. 1817, II, 93 и сл.

классе не представляется другого выбора, так что, в случае предписания начальника, они поневоле должны избрать означенный род занятий призванием своей жизни. Повар часто считается выше земледельца, он следит за снабжением провизией, наблюдает за целостью продовольственных запасов, за кровлями и оградами жилищ, по временам присматривает за плантацией и иногда сам работает на ней. Главный повар вообще имеет довольно высокое мнение о себе и пользуется некоторым уважением со стороны низших поваров и обыкновенного крестьянства. — Есть еще целые ряды других ремесел, одни из которых исполняются мужчинами, а другие женщинами, но которые не считаются профессиональными, так как не охватывают всей жизни отдельных личностей, вследствие чего к занимающимся ими не прилагается выражение *toofonga* (ремесленник); среди них нужно упомянуть главным образом искусство выполнения хирургических операций, постройку укреплений, изготовление канатов, луков и стрел, палиц и копий, чем занимаются мужчины, между тем как изготовление *ganitu* (растение, похожее на хлопок), покрывал, корзин, гребней и пр. составляет временное занятие женщин даже высшего класса».

Если вспомнить, что каждый последующий класс общества на островах Дружбы вступает на место предыдущего по смерти своих отцов, то мы в данном случае скорее имеем дело с группировкою различных занятий по возрастам, нежели по наследственным группам. Сверх того, мудро поняв наследственность должностей в таком обществе, в котором, как сознается сам Маринер, происхождение от того или другого отца считается неизвестным. Остается думать, что наследственность профессий переходит в одних и тех же женских родах, как это положительно доказано относительно наследования тонганцами высших общественных должностей. Но так или иначе ни в каком случае не следует представлять себе отдельных профессий на островах Дружбы под видом самостоятельных промышленных корпораций, наподобие средневековых немецких или французских цехов, которые ведут торговлю произведениями своей деятельности. Нет, профессии эти еще несомненно сливаются в одно неразрывное целое с остальною общиною, как это мы увидим даже на гораздо более поздних ступенях развития, например в индусской общине. О продаже и покупке ремесленных произведений тут еще не может быть и речи.

Фиджийцы славятся высоким развитием гончарного искусства¹; гончары у них образуют особую касту и изготавливают глиняные продукты, которые могут быть поставлены наряду с более грубыми сортами европейских, чему следует удивляться,

¹ *Christman und Oberlaender. Oceanien, die Inseln der Südsee.* Leipzig. 1873, 164, 165, 166, 220.

если принять во внимание простоту их орудий. Весьма искусные строители каное также составляют особую касту, имеющую во главе начальника, который выдается своею ловкостью и умением. Кроме того фиджийцы умеют хорошо строить дома, и плотники входят в состав особой наследственной касты, глава которой, называемый *рокола*, имеет большое значение. На сооружение дома нужно, однако, получить разрешение от короля, которое приобретается подарком китового уса, после чего властитель дает требуемые приказания, и сто—полтора человека немедленно отправляются на место. На Самоа также есть ремесленники-строители.—По всей вероятности, во всех этих случаях мы имеем дело с такими же временными зародышами братских каст или гильдий, какие представляют тоофонга на островах Дружбы и клевбергелли на Палаузских островах.

«На Цейлоне», говорит Дэви¹, «существует такое же кастовое устройство, как и в Индии, с многочисленными подразделениями. Касты развились при помощи естественной наследственности отдельных занятий; чем теплее климат, чем ленивее характер населения, чем легче поддерживается существование, тем меньше бывает у народа расположения к перемене. Таким образом обычай может постепенно установить то, что первоначально возникло вследствие необходимости или пользы; а впоследствии может притти правительство для подтверждения и освящения традиционной системы, с целью увековечить промыслы и предупредить их разрушение, равно как извлечь все возможные выгоды из их разделения. Сами чингалаи относят происхождение у них каст к моменту образования общества. Впрочем, тут касты слабее, чем в Индии, и большинство свободно выбирает себе профессии. Касты браминов нет вовсе. К касте кшатриев (воинов) принадлежат, например, рыболовы, кузнецы, портные, гончары, цирюльники, прачки-мужчины, косцы, литейщики железа, барабанщики и пр. Каждая каста несет какие-либо обязательства и повинности относительно целого общества и правительства».

О кастах на Цейлоне у Percival (Ceylon, 266—267) говорится следующее: «Народ кандийцев разделяется на многие касты, из которых каждая строго отличается от других своими преимуществами. Первая каста обнимает дворян, которые видят свою славу в том, чтобы удерживать свою кровь в постоянной чистоте и поэтому никогда не смешиваются браками с низшими кастами; женщина, обесчестившая себя союзом с человеком низшей касты, немедленно лишается жизни. Ближайшую ступень за дворянами занимают художники, именно живописцы, и те ремесленники, которые считаются за самых высших, как золотых дел мастера, кузнецы и плотники. Одежда у этой касты та же, как и у дворян, но они не имеют права есть за одним столом с дво-

¹ Davy, Ceylon, 132.

рянами, а также вообще бывать в их обществе. Те, которые причисляются к низшим ремесленникам, как цирюльщики, гончары, прачки, ткачи и т. п., образуют третью касту, к которой также принадлежат и солдаты. Четвертая каста заключает в себе крестьян и поденщиков всякого рода, которые или возделывают собственную землю, или работают за наемную плату. Преимущество, которым пользуются ремесленники над земледельцами и солдатами, представляет собою при подразделении на касты нечто совершенно необыкновенное и не встречается нигде, кроме Цейлона. Оно указывает на известную степень цивилизации и любви к искусствам, которая хотя и не соответствует несколько нынешнему состоянию этих островитян, но вполне совпадает с архитектурными остатками от лучших дней, еще сохранившимися в некоторых местностях от опустошений времени и врагов. Все эти четыре касты, согласно общему обычаю индусов, никогда не смешиваются между собою; сын продолжает промысел отца из поколения в поколение, и каста, в которой родился человек, ставит его честолюбия и склонностям непреодолимые границы. Однако, сверх приведенных каст, здесь, как и в различных странах Индии, есть еще одна несчастная раса «вытолкнутых», которая в течение многих столетий продолжает оставаться предметом мучений со стороны варварского и неестественного управления. Тот, кто объявлен, по приговору духовенства, потерявшим свою касту за преступления или за нарушение суеверных обычаев, и выталкивается из нее, не только сам лишается на всю жизнь чести, но подвергается такому же наказанию всех своих детей, внуков и все свои последующие поколения. Никто из другой касты не может вступать с кем-либо из них в брак, и они не должны заниматься ни торговлей, ни ремеслом, не должны даже подходить близко ни к какому человеческому существу, кроме товарищей своей нищеты; если же они случайно до чего-нибудь дотронутся, то вещь эта считается запятанною и проклятою. Так как они не могут отправлять никакого рода работ, то для удовлетворения своих необходимейших потребностей должны просить милостыню, вследствие чего во все времена представляли большую тягость для общества. Так как эти несчастные, благодаря железному скипетру предрассудка, присуждены к подобному состоянию разорения и стыда, и им просто невозможно при помощи хорошего поведения когда-либо возвратиться в свое прежнее состояние, то им нечего ни терять, ни приобретать, и потому они естественно становятся способными каждую минуту совершить самое отвратительное преступление».

Весьма интересен взгляд Макса Мюллера на индусские касты, составляющие прототип цейлонских и настолько, по видимому, общеизвестные, что мы не считали нужным вообще останавливаться на них. По мнению М. Мюллера (*Essais sur la mythologie comparee*, Paris 1873, La Caste, IX), «индусская

каста не всегда была одним и тем же учреждением, хотя и представлялась в таком виде и самим браминам и европейцам. В гимнах Веды, этого высшего источника религиозной власти браминов, существовавшего, по взглядам их, еще до начала времен, нет ничего, что авторизировало бы сложную систему каст, ничего, что провозглашало бы те вредные привилегии, которых требуют брамины, ничего, что вводило бы в закон униженное положение, отведенное Судре. Нет в ней также законов, запрещающих различным классам народа жить, есть и пить совместно; нет законов, которые запрещали бы брак между людьми, принадлежащими к различным кастам; нет и законов, которые налагали бы неизгладимый знак на тех, кто произошел от таких браков. Все, что можно найти в Ведах, по крайней мере, в древнейшей части их, т. е. в гимнах, это стихи, в которых сказано, что священник, воин, муж и серв составляли одинаково части Браммы. «Когда они разделили между собою человека, сколько его составили они? Чем был его рот? Чем были его плечи? Как зовут его ляжки и ноги? Брамана была его ртом, Рагания его плечами, Вайзия сделался его ляжками, а Судра родился из его ног». Читатель видит, что и это место не содержит ничего в пользу подтверждения касты, в том смысле, в каком ее понимают теперь. Индусская каста есть человеческий закон, установленный именно теми, кто извлекал из нее наиболее выгод. В Веде (356) нет никакого текста, к которому можно было бы воззвать в защиту законов, дозволяющих брак между детьми и запрещающий вдовам, находящимся еще почти в детстве, вновь выйти замуж; нечестивый обряд, предписывающий сжигать вдову одновременно с трупом мужа, одновременно противен как букве, так и духу Веды».

«Насколько мы можем, по новым источникам, проследить в прошедшем сложную систему настоящей касты в Индии, мы находим, что она происходит, по меньшей мере, из трех различных источников, вследствие чего является возможность провести различие между кастами этнологической, политической и профессиональной. Каста этнологическая рождается повсюду, где входят в соприкосновение различные расы. Существует и всегда существовала взаимная антипатия между белым и черным человеком, и каждый раз как эти два типа встречались между собою, частью при завоевании, частью при миграции, белый человек никогда не упускал случая установить известные социальные границы между собою и более темною кожей. Арии и Судры, повидимому, также чувствовали эту взаимную антипатию. В древнее время удаление, причиняемое различием крови и цвета, было еще значительнее; даже в стране, где негр научился говорить на том же языке и почитать того же бога, как и его господин, общественное осуждение не в состоянии вполне изгнать это старое чувство, которое, повидимому, входит в тело и кровь белого человека и заставляет его избегать с от-

вращением объятий своего черного соседа. Чувство расы дает ощущать свое влияние настолько сильно, как если бы оно было врождено человеческой природе. Между греком и варваром, между саксонцем и кельтом, между англичанином и иноземцем есть нечто такое, что можно назвать ненавистью, антипатией, недоверием или простою холодностью,—что в первобытном обществе неизбежно приводило к системе каст, и что в странах наиболее цивилизованных никогда не будет вполне искоренено (?). Чувство, существовавшее в Риме между патрицием и плебеем, было чувством касты, и в течение продолжительного времени на брак сына плебея с дочерью патриция смотрели в Риме столь же дурно, как в Индии на брак судры с дочерью брамина. К этим двум классам общества, правителям и управляемым, дворянству и народу, присоединяется третий класс, весьма древний по происхождению почти во всех странах,—духовенство. Читая в особенности историю Востока, мы видим, что она наполнена борьбою между дворянством и духовенством из-за *политического преобладания*. *Профессиональная каста* в действительности не что иное, как дальнейшее развитие социального движения, ведущего к учреждению касты политической. После того, как оба высшие класса отделились от массы народа, общество все скорее и скорее идет к организации более совершенной, в особенности при помощи новых подразделений среди средних классов. Устанавливаются различные профессии, различные ремесла, и раз им даны привилегии, они начинают защищать их чрез ассоциации и корпорации с тою же ревностью, как и дворянство и духовенство свои привилегии. Некоторые ремесла и профессии становятся более почетными и более влиятельными, чем другие, и чтобы поддержать этот почет, члены подобных корпораций стремятся получить правила, применяемые с большею суровостью и дающие чувствовать их иго более тяжело, нежели законы, тяготеющие над остальною нацією. Этому моменту соответствовало положение Европы в средние века, и оно сохранилось отчасти до настоящих дней наперекор всякой цивилизации: антипатия между саксом и кельтом, различие между дворянством и буржуазией, расстояние, отделяющее человека, ведущего торговлю золотом и серебром от того, который торгует сапогами и башмаками, все это существует донныне и является почти необходимым в развитии всякого общества».

Далее автор показывает, что первый след касты в Индии был чисто *этиологический*. Индия была покрыта слоем туранских обитателей, пока не овладели ими *арии*, т. е. народ, говоривший по-санскритски. И теперь еще можно найти в Индии следы этого туземного населения. Большая масса первых колоннов была, однако, отодвинута к югу; даже в настоящее время все языки на юге Индии вполне отличны от санскрита и новейших санскритских диалектов. С течением времени образовалась

браманическая конституция, в которой, при высоком значении духовенства и королей, землевладельцев и воинов, часть ариев, не захотевших подчиниться их привилегиям, получила название *вративес* или племен; с другой стороны, туземцы, подчинившиеся браманизму, образовали четвертую касту *судр*; тогда все, которые не входили в этот кадр, были названы *дазисус*.

Изложенная браманическая конституция не была однако установлена в один день, и повсюду в гимнах и эпических поэмах встречаются следы войны между *ариями* и туземцами, и борьбы между двумя высшими классами, из которых каждый хотел захватить политическую супрематию. Долгое время три высшие класса, брамины, кшатрии и вайзии, рассматривали себя, как части одной расы ариев, отличающиеся от четвертого класса судр. Брамины даже претендуют на божественное происхождение и говорят, что было время, когда было всего одно существо—брамины, который создал военные божества и корпорации богов, как прелюдию создания людей. Ману, правда, представляют все касты индусского общества,—а число их значительно,—как результат смешанных браков между четырьмя первобытными кастами. Согласно Ману, четыре первоначальные касты, соединяясь между собой всеми возможными способами, дали рождение шестнадцати смешанным кастам, которые, продолжая вступать в взаимные браки, произвели новый длинный ряд смешанных каст... Если взглянуть поближе, то нетрудно видеть, что все эти смешанные касты суть в действительности *профессии*, ремесла и корпорации полубразованного общества. Чтобы явиться на свет, они не дожидались смешанных браков. Промышленность, торговля, ручной труд развивались без всякого отношения к касте в этнологическом или политическом смысле слова... Так, после того как политическая каста мало-помалу угасла в Индии, не оставив позади себя ничего, кроме общего различия между браминами и смешанными кастами, возникла новая система каст, которой характер был чисто *профессиональный*, хотя искусственно прикрепленный к зданию древних политических каст. Эта система, до сих пор находящаяся в силе в Индии, оказала значительное влияние на состояние индийского общества. В эпохи истории, когда общественное мнение слабо и отправление правосудия недостаточно, необходимо должны возникнуть учреждения, подобные индусским кастам. Люди, имеющие одинаковые интересы, одинаковые занятия и одинаковые принципы, соединятся для взаимной защиты и, приобретя влияние, не довольствуются защитой своих прав, а требуют значительных привилегий. Они налагают обыкновенно на своих членов известные правила, которые считаются необходимыми для интересов их касты или ассоциации. Эти правила, хотя иногда и кажутся незначительными, соблюдаются отдельными людьми с большею точностью, чем самые законы религии, так как нару-

шение последних может быть прощено, тогда как упущение первых повлекло бы за собою исключение из касты и потерю ее. Каждая каста должна знать свое дело, и чем оно выгоднее, тем более каста оберегается от входа других лиц. Священники потому-то и были самыми рьяными защитниками системы каст, что их каста была наивыгоднейшая. Они начали с сообщения своей касте священного характера в глазах народа, потом они превратили касту, если можно так сказать, в громадную паутину, которая разделила классы, семейства, отдельные лица, сделала невозможным всякое соглашение с целью общего действия, и чрез то давала возможность духовенству нападать на посягавших оборвать паутину. Каждая каста гордится собою, не ест и не встречается в браке с другою. Обедать вместе значило у восточных людей совсем не то, что у нас: это нечто гораздо более важное, чем обеды, на которых мы соединяемся, чтобы пользоваться удовольствием общества: это значит обедать по-семейному; никто не приглашает на обед и никто не хочет быть приглашенным. Во всяком случае в касте есть чувство взаимности: никто в Индии не унижается своею кастою, и наиболее низкий пария столько же гордится своей кастою и желает сохранить ее за собою, как и сам брамин. Турасы, из класса судры, смотрят на свои дома, как на запятнанные, и выбрасывают свою кухонную посуду, если к ним войдет брамин. Есть другой класс судры, члены которого также выкидывают свою кухонную посуду, когда брамин поставит ногу на их судно. Приглашайте к себе на праздник, где был бы европеец самого высокого ранга, человека, принадлежащего к одному из самых низких классов судра; он повернется и убежит с отвращением».

Читатель конечно согласится с нами, что приведенное в предыдущих строках в кратких чертах содержание теории касты Макса Мюллера бросает гораздо больший свет на этот сложный предмет, чем распространенные другие его разъяснения. Не только нынешнее состояние каст, но и историческое их происхождение объяснены Максом Мюллером, хотя и кратко, но вполне удовлетворительно.

Характеризуя помянутое выше различие между общинною организацией деревни кандов и индусской деревни соседних долин, Гёнтер¹ указывает, между прочим, на одинаковое существование и там и здесь чуждой низшей касты ремесленников, не имеющей никакого отношения к земле. Но эти гелоты имели отнюдь не одинаковое положение в той или другой деревне. В деревне кандов они никогда не пытались подняться до вступления в деревенскую организацию. Семьи хозяев разрешали маленькой колонии корзинщиков, гончаров и других бедных *странствующих* ремесленников чужой расы строить свои хи-

¹ F. Hunter, Annals of rural Bengal. Orissa, Lond. 1872, II, 202 и сл.

жины в конце единственной улицы домов, составлявших деревню кандов; но они делали это только в видах собственного удобства и для избавления себя от занятий, менее почетных, нежели хозяйство или война. Они обращались с поселенцами с мягкостью, оплачивали за всякое зло, сделанное им другими кандами, сохраняли для них долю на домашних празднествах и платили им зерном за работу; но тем не менее чужестранцы никогда не поднимались в деревне кандов выше ранга служебных ремесленников. Напротив, в деревне индусов низшие касты являются более в виде свободных поденщиков, употребляемых, частью, в промышленности, но также в значительных размерах и в земледелии, социально презираемых и совершенно отрезанных от религиозной политики высших классов, но гораздо ближе подходящих к составу сельской общины. Насколько эти различия указывают на прогресс и развитие, автор не желает подвергать исследованию, хотя в наших глазах от положения касты ремесленников в деревне кандов до положения ее в деревне индусов совершился несомненный прогресс в том отношении, что отдельные части общины слились в одно неразрывное целое.

Следующие примеры покажут нам, до какой степени слияния может достигнуть сожитительство ремесленников с земледельцами, если даже предположить, что первые составляли первоначально чуждую и низшую касту. Остановимся прежде всего на перечислении деревенских должностных лиц у тондамандамов, состоящих в ведомстве форта св. Георга в Индии¹. Туземные имена всех этих лиц мы опустим ради краткости. 1) Счетчик, ведущий всякого рода счета, относящиеся к деревне, пользуется за свои услуги участком земли, входящим в состав *общинных земель* и расположенным на краю деревни, близ границы, с целью предупреждения вторжений в нее; кроме того, он получает плату за ведение счета при измерении стогов, а также вознаграждение за обрезку стеблей от сухого зерна. 2) Сторож, обязанный стеречь границы деревни, жатву, столбы, стоги и прочую собственность деревни; он пользуется известным количеством общинной земли, часть которой вообще лежит близ крайней границы деревни, а также платой снопами; это должностное лицо ответственно за всякое воровство из стогов деревни, а также за всякую собственность жителей, украденную ночью. 3) Кузнец, назначение которого состоит в изготовлении железных орудий, требуемых земледелием и в оказании помощи при постройке домов земледельцев, причем в предыдущем случае земледельцы снабжают его только железом и углем, в последнем же они ему платят за работу; он также владеет участком общинной земли и получает плату снопами.

¹ On the Revenue System of Fort S-t Georges. Journ. of Asiatic Society (Great Britain), I, 278—300.

4) Столяр, который изготавливает все деревянные сельскохозяйственные орудия; он получает ту же плату, как и кузнец. 5) Золотых дел мастер, который ставит пробу на все деньги деревни; он же работает по золоту и серебру и получает участок и плату снопами. 6) Бронзовых дел мастер, обязанность которого отливать изображения для пагод и изготавливать бронзовые горшки для употребления жителей; он пользуется участком общинной земли, но существует не во всякой деревне. 7) Резчик по камню, который вырезывает изображения, строит пагоды и делает каменные ступки, точильные камни и пр. для употребления жителей, за что ему дается по доброй воле участок общинной земли, но не во всякой деревне. 8) Гончар доставляет глиняные горшки земледельцам, круглые горшки для колодцев и трубы для шлюзов пруда и также пользуется участком и платою снопами. 9) Цирюльник сопровождает все свадьбы и похороны земледельцев и пользуется участком, снопами и добровольною платою от жителей за свои труды. 10) Мужчина-прачка моет одежду жителей и сопровождает все свадьбы и похороны; получает участок и добровольную плату. 11) Рабочий сопровождает главного земледельца деревни, объявляет общине обо всех свадьбах и смертных случаях и пользуется известным количеством общинной земли и платою из снопа. 12) Портной шьет платье жителей и молится на празднествах и во время измерения жатвы; за это получает плату зерном, смешанным с соломой; иногда лечит больных в качестве *кадети* или змеиного врача. 13) Маслобоек выжимает масло для употребления жителей и для пагод; за эту услугу он не получает никакой определенной платы, но изъят от профессиональной *повинности*. 14) Лавочник держит лавку в деревне и снабжает жителей бакалейными товарами; он также освобожден от *повинности*. 15) Садовник для возделывания земли и посадки садов и фруктов также избавлен от *повинности*. 16) Рыбак или лодочник; его обязанность открывать и закрывать шлюзы бассейна; он же служит перевозчиком, если деревня расположена на берегу реки; за это получает участок земли, плату снопами и пр., сверх того, ловит в бассейне рыбу и продает ее в деревне. 17) Так называемый *вахан*, которого обязанность совершать церемонии (*рија*) в пагоде деревенского божества и нести на голове горшок с огнем в случае какого-либо спора; имеет право на плату от деревни. 18) *Тотти*—пария по касте; он употребляется для измерения всех запасов зерна, разносит письма и деньги, поливает поля и сжигает мертвых; он обладает участком и получает плату. В добавок к этому существует календарь-брамин, обязанный указывать счастливые и несчастные часы для начала пашни, посева, жатвы, орошения и пр. и участвующий в качестве священника при брачных и похоронных церемониях. Есть также пастухи и сторожа для присмотра за скотом и овцами земледельцев.

Факт наделения большей части деревенских ремесленников участком земли наглядно показывает нам ту тесную связь, какая существует между ремеслом и земледелием. Ремесленники, без сомнения, и сами занимаются в свободное время земледелием, а остальную их выручку составляет натуральная плата хлебом, наследственная и постоянная. Нассе и Мэн¹ обратили внимание на то, что во многих приходах Англии известные участки земли общинного поля с незапамятных времен были известны под именем того или другого ремесла; при этом часто встречается народное поверие, что никто, не занимающийся ремеслом, не может быть законным собственником земли, соединенной по имени с этим ремеслом.

Другую любопытную черту отправления различных ремесел в индусской общине указывает Эльфинстон. Приведа список деревенских ремесел, довольно близко соответствующий вышеупомянутому, он говорит относительно должности полевого сторожа следующее: «Должность его наследственна в одном семействе, все члены которого обязаны содействовать выполнению его обязанностей. Это единственная должность, в которой применяется соединенный способ отправления. В большей части остальных сообщники действуют *по очереди*: неудобство такого порядка наиболее очевидно в должности счетчика, так как, благодаря частой перемене рук, отчеты теряются или запутываются, и ни один из сообщников не остается настолько долго в должности, чтобы усовершенствоваться в своем деле». Таким образом, меняло, священник, астролог (нередко выполняющий также обязанность школьного учителя), кузнец, слесарь, цирюльник, горшечник, кожевник имеют до известной степени переменные занятия и не принадлежат к особым кастам. Портной, прачка, доктор, музыкант, министрель и некоторые другие не составляют всегдашней принадлежности деревни и, повидимому, ведут бродячую жизнь. Танцующая девица бывает только на юге Индии. Министрель рассказывает поэмы и сочиняет стихи; главнейшая его задача состоит в составлении генеалогий, что при широком распространении субституций в Индии и при сложных стеснениях ко вступлению в брак между отдельными семьями делает здесь обязанность генеалога гораздо более серьезною, чем в Англии. Все последние профессии, должно полагать, отличаются уже большею специализациею.

Наряду с теми ремесленными элементами, которые сливаются с сельскою общиною в одну тесную и цельную организацию, имеются часто и такие элементы, которые пристегнуты к ней чисто внешним образом. Так, по словам Мэна², высокие должностные лица уверяли его, что насколько хватает их опыта, торговец хлебом никогда не бывает наследственным торговцем,

¹ «Village Communities», 126.

² Op. cit., 126—127.

инкорпорированным в индусскую деревенскую группу¹, а также не бывает и членом городских муниципий, которые выросли из одной или многих деревень. Отрасли промышленности, остающиеся таким образом вне органической группы, суть те, которые доставляют свои товары с отдаленных рынков. Сверх того, в центральной и южной Индии есть некоторые деревни, к которым наследственно привязан известный класс личностей таким образом, что он не образует никакой части естественного и органического агрегата, обнимающего большинство земледельцев общины. Эти люди рассматриваются, как нечистые; они никогда не входят в деревню или входят только в отдаленные части ее; их прикосновение избегается как заразительное. Трудно читать или слышать сообщения о них, не обращая мыслью к тем странным расам или классам, которые в некоторых европейских странах почти до наших дней считаются носящими на себе наследственное пятно таинственной нечистоты. Но эти индусские «выкидыши» имеют на себе до крайности ясные знаки своего происхождения. Хотя они и не включены в состав деревни, но находятся в зависимости от нее; они несут определенные деревенские обязанности, в том числе обязанность установления границ, относительно которого авторитет их признается реши-

¹ То же самое утверждает и Кэмпбелль в своей «Modern India», стр. 88, говоря об организации индусской деревни: «Ростовщики и вообще занимающиеся торговлею жители признаются скорее союзниками, нежели членами деревенской общины, так как они не имеют прямого голоса в управлении, а представляют из себя уважаемых (?) денежных людей, которые увеличивают благосостояние общины, и с которыми все вступают в сделки. От них получают ссуды, они же берут весь хлеб и отдают его в кредит по рыночным ценам, а также и налог уплачивается чрез них. Деньги представляют силу во всех общинах.—Но другие жители, плотники, кузнецы, священники и пр. и обширный класс рабочих, которые занимаются всяким делом, исключая действительного земледелия, и во временах привлекаются к помощи в нем, считаются *низшими* и получают ежегодное вознаграждение за свои услуги хлебом». Он же в другом месте (стр. 108) упоминает об индусском ремесле воров (ниже мы укажем на существование подобного же цеха в Египте): «В преступлении, как и в других вещах, мы также обладаем началом разделения труда. Вор здесь вообще есть вор профессиональный и соответственно этому ловкий. Внезапные и случайные воровства здесь не часты; вследствие этого подобные преступления совершаются более артистически и не так легко открываются, как в большинстве других стран. Легкости воровства способствуют открытый характер страны, жилищ и нравы народа. В своих жилищах они обыкновенно держат большие количества имущества в виде украшений, драгоценных металлов и тому подобных ценностей, а жилища эти вообще так строятся, что стену легко проткнуть; но наибольшая легкость для преступления состоит в эгоистическом и несимпатичном настроении, которое естественно возникло у народа, подвергавшегося стольким завоеваниям; в силу такого настроения и случае преступления делается очень мало общих усилий для открытия виновника, которое обыкновенно оставляется на долю тех, кто заинтересован в нем непосредственно».

В Бирманской империи, по словам Бастиана* презираемыми классами являются погребальщики, нищие, проститутки и выкидыши. Также и сторожа тюрем и слуги палаточей остаются исключенными из общества людей.

* A. Bastian, Die Völker des östlichen Asien, 1866, II, 199.

тельным. Они очевидно представляют население чужой крови, земли которого были заняты колонистами или завоевателями, образовавшими общину. Вообще говоря, сила поглощения, которою обладала община на ранних ступенях своего развития, судя по некоторым указаниям, была громадна. Но способность ассимилирования чужеземных элементов теряется с течением времени; кроме того, по всей вероятности, иногда встречался материал слишком упорный и неподдающийся, чтобы быть вполне поглощенным. Очевидно, что к этой категории следует отнести и упомянутую низшую касту».

Существование подобных низших каст в недрах земледельческой общины не ограничивается одной Индией. В Афганистане, по словам Эльфинстона¹, кроме факиров, т. е. завоеванного племени, употребляемого в земледелии, имеется еще известный класс людей, трудящихся в качестве каменщиков, ткачей, красильщиков и пр., так как сами афганцы никогда не занимаются каким-либо из этих ремесел. Положение некоторых из этих ремесленников весьма замечательно. Кузнецы, слесаря, цирюльники и барабанщики примыкают к отдельным кунди (братствам) афганцев, за которыми они следуют, когда те переменяют свое место жительства. Все прочие остаются на местах и получают индивидуальную плату; даже хозяин ремесленника обязан платить ему за работу. — Другой подобный же пример париев встречается у одхтанитов (так называли арабские генеалоги южных арабов), которые, по словам Мальдана², имели большое сходство с другими древними восточно-азиатскими культурными народами, каковы персы и индусы. Они обладали довольно сложным культом, религиозными памятниками на письме и в изображениях, государственными учреждениями, цветущими городами. Сословные различия, повидимому, были у них весьма разнообразны. Надписи раскрывают перед нами большое число титулов и высших и низших начальников; мы почти можем заключить о существовании известного рода дворянства. Где высшие сословные ступени были обозначены так тщательно, там мы можем предположить такие же резкие расчленения и в низших сферах и признать в высшей степени вероятным, что кастообразное исключительное положение одной части народа в южной Аравии имеет древнейшее происхождение. Нибур был первый, указавший на класс париев в Йемене; он сравнил их с цыганами, и это сравнение верно, — только последние больше странствуют, чем южно-арабские парии, которые часто прикреплены к одним местам. Автору всегда приходилось слышать упоминание о двух классах парий — ахдам и шумр. Имя ахдам означает слугу, и это слово в точности определяет их отношение к господствующему

¹ *Elphinstone, The Kingdom of Cabul, II, 29.*

² *Maltzan, Reise nach Süd-Arabien, Braunschweig 1873, 182.*

племени. Значительное число ремесл презирается гордыми бедуинами, и их исполняют ахдам; они бывают дубильщиками, прачками, гончарами, мясниками и всегда считаются запятанными этими более или менее нечистыми ремеслами, но не настолько нечистыми, чтобы сообщать свою нечистоту также и вещам, выходящим из их рук. Последнее применяется, повидимому, к племени шумр. Ахдам живут отдельно от бедуинов, вне городов и местечек, иногда в особых кварталах, посещают мечети, но не дома арабов; они также заботливо избегают соприкосновения с шумр, как и бедуины соприкосновения с ахдам. Шумр не посещают и мечетей; они живут только в городах собственно Йемена, и притом всегда особо; большая часть их, повидимому, прокармливается в качестве поставщиков банок, музыкантов,—барабанщиков, флейтчиков; и это такие ремесла, которые, правда, также презираются, но сами по себе не влекут более низкого положения, нежели положение ахдам; шумр получают от жителей значительные подарки в вознаграждение за игру и пр.—Дальнейший подобный же случай мы встречаем в Африке. У тебу, свидетельствует Рольфс¹, т. е. у северных народов Африки, мы находим то замечательное явление, что кузнецы и серебряных дел мастера рассматриваются, как вытолкнутая из общества каста. Ни один тебу не должен жениться на дочери кузнеца, ни один кузнец не получит дочери свободного тебу. Обидеть кузнеца признается низостью, потому что он считается остальными тебу совершенно невменяемым. Здесь невольно возникает мысль: не представляют ли, быть может, кузнецы у тебу иного племени, например переселившихся к ним евреев? Впрочем, они нимало не отличаются от прочих тебу ни языком, ни лицом, ни цветом волос или кожи, и сами тебу говорят, что они происходят от их плоти и крови,—только ремесло делает их достойными презрения. То же самое явление встречается у народа Сомали (*Gaggenmacher*, *Reise im Somali-Lande*, Gotha 1876, 31), у которого кузнецы и седельщики, несмотря на высокие качества своей работы, подвергаются крайнему презрению. Совершенно противоположное этому мы видим у баучи. Здесь лучший в цехе кузнец имеет первое достоинство после ламедо (начальника); его титул—*серки-у-макера*, что можно перевести словами: «великий железный мастер». Насколько высоко вообще стоит ремесла в этом государстве, видно из того, что все ремесла здесь поделены на *цехи*, во главе которых находится мастер, имеющий название князя, так как серки значит князь или принц. Так, между прочим, мы находим князя портных—серки-у-думки, князя мясников—серки-у-фуа.—Наконец, в Японии, как мы имели уже случай заметить выше, существует низшая

¹ *Rohlf's. Land und Volk in Afrika*, Bremen 1870, 102. См. также *N. chtigall, Sahara und Sudan*, Berl. 1879, I, 440.

каста *уэтта* или дубильщиков, которые исполняют должность палачей и должны жить поблизости от судебных мест, отдельно от честных людей. К числу подобных же каст принадлежат лавасы в Бирме и будасы в Абиссинии, из которых последние суть одновременно кузнецы и гончары, колдуны и оборотни своих округов.

Факты эти, по всей вероятности имеющие в действительности гораздо большее распространение, чем позволяет о том судить находящийся у нас под руками материал, согласно свидетельствуют в пользу предположения, что, подобно торговле, колдовству, рабству и другим элементам разделения труда в общине, ремесло является во многих случаях элементом чуждым общине, втиснутым в нее извне. Еще более подтверждается это предположение, если мы вспомним, что у древних греков и римлян¹, равно как у средневековых германцев, ремесла были в одинаковом презрении у старограждан, а сами ремесленники одинаково представляли зависимый класс людей, обязанный различными повинностями в пользу граждан и лишенный многих прав, принадлежавших этим последним. Если мы не ошибаемся, то с этой же точки зрения должно быть объяснено и то интересное явление, что ремесленники очень часто обитают в особо отведенных для них местностях, что, между прочим, одинаково относится к ремесленникам и евреям средневековых германских городов. Названия улиц, повсюду уцелевшие в современных германских городах, каковы *Juden-Gasse*, *Gerber-Gasse*, *Weber-Gasse* и т. п., служат наглядным доказательством, что все эти ремесленники когда-то обитали в особо отведенных для них улицах. Правда, подобный способ поселения в некоторых случаях мог означать и нечто иное, например близкие родственные отношения членов одного и того же цеха, братства,

¹ По словам Платона (*Respublica*, liber V): «Природа не создала ни башмачника, ни портного; подобные занятия унижают людей, их отирающих; поэтому последние суть жалкие наемники, нищие, лишенные имен и своим родом занятий исключенные из политических прав». Ксенофонт заявляет (*Oekonomicon* IV и VI): «На теле работника должна отразиться суровость его труда; но мудро и духу остаться свободным от того же влияния; поэтому, справедливо исключают из общественных должностей тех, кто посвящает себя ручной работе». Аристотель говорит (*Polit.* IV, VIII, 5 и 6. V; II, 1, VII, II, 2): «Хорошее правительство никогда не допустит ремесленника к пользованию гражданскими правами. Свойство гражданства принадлежит не всем свободным людям по одной той причине, что они свободны. Оно принадлежит только тем, кто не имеет необходимости работать, чтобы жить, следовательно тем, кто не нуждается в посвящении себя какому-либо ремесленному занятию. Ремесленными же занятиями называются все те, которые не способны образовать сердце и ум свободного человека; все роды призвания, которые безобразят тело или исполняются за наемную плату». — Цицерон (*De off. I. tit. II*, cap. 42): «Что может выйти честного из мастерской? Все рабочие, к какому бы ремеслу не принадлежали, образуют низкий класс, не достойный звания гражданина» (цитировано у *E. Jäger*, *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich*, Berl. 1876, 4 и 5).

гильдий и т. п., или близкие соседские отношения, как например в русской или швейцарской деревне, поголовно посвящающей себя какому-нибудь одному ремеслу. Но это соображение несколько не устраняет того факта, что живущие таким образом совместно родственники или сообщинники состояли очень часто из подневольных и зависимых людей. Так, мы уже имели случай видеть, что многие из ремесленников общины тондамандамов имеют свои участки земли близ деревенской границы, что ремесленная каста деревни кандов живет в конце улицы, что вообще низшие касты в Индии и на Цейлоне или не входят в деревню, или же посещают одни лишь отдаленные части ее, что ахдам и шумр всюду живут в особых местностях, что уетта в Японии обитают близ присутственных мест и т. п. Тот же самый факт встречается неоднократно и в других странах. Вот что, например, читаем мы у Люттке¹ об устройстве и размещении различных ремесел в Египте: «Относительно состояния ремесленников и рабочих в Египте замечательно то, что среди них существует вполне расчлененная и строго поддерживаемая цеховая организация. Ремесла, большею частью, разделяются даже пространственно, так что, например, одна или несколько соединенных вместе улиц заняты исключительно башмачниками, другие плотниками, третьи ткачами шелка, четвертые красильщиками и т. п. Сверх того, каждый цех имеет особого главу в лице своего шейха, — учреждение, которое, быть может, должно быть сведено еще к древнему Египту, где по отчетам историков было совершенно то же, и где эта организация шла так далеко, что, следуя Диодору, даже воры составляли цех и имели старшину цеха, с которым в случае нужды входили в сношения сами власти (не напоминает ли это нашей тюремной общины?). Нынешняя организация, хотя, быть может, и не простирается на воров², но заботливо оберегается и поддерживается правительством, потому что доставляет ему хорошее средство для управления городским населением. Шейхи суть официальные представители своих цехов, ответственные за них перед правительством и обязанные наблюдать за их поведением, уплатою податей и пр.» — Ту же самую топографическую близость между представителями одного и того же ремесла подметил путешественник Вагнер³ в Тавризе. «Более замечательно», говорит он, «нежели балаганы с товарами, представлены здесь мастерские ремесленников. Все ремесла от самого грубого до самого тонкого имеют своих представителей на этом базаре.

¹ Lüttke, Aegyptens Neue Zeit, Leipz. 1873, I, 114—115.

² Даже и это имело место, по крайней мере, до двадцатых годов настоящего столетия, как о том сообщает Партей (Wanderungen durch Nilthal), а также Лауе, который упоминает об этом, как о недавно уничтоженном учреждении.

³ M. Wagner, Reise nach Persien und dem Lande der Kurden, Leipz. 1852, I, 349.

Обыкновенно родственные профессии расположены на самом близком расстоянии одни от других».—Существование ремесленных корпораций с подобным же размещением в древней Мексике, в Юкатане и в Перу, повидимому, не подлежит сомнению. В Перу, следуя Прескотту¹, различные провинции страны доставляли лиц, в особенности подходящих к различным занятиям, которые обыкновенно были наследственны от отца к сыну. Так, один округ доставлял людей знакомых с работою в рудниках, другой—самых лучших рабочих по металлу или по дереву и т. д. Ремесленников правительство снабжало материалом, и ни от кого не требовалось, чтобы он давал своего времени на общественную службу больше, чем условленное количество; после того, за одним следовал другой на равный же срок. Следует заметить, что все, кто были вызываемы к правительственным работам, не исключая и земледельцев, содержались во время работ на общественный счет. Все это служит наглядным доказательством, что первоначальная история ремесленных и иных корпораций теснейшим образом связана с родовой группировкою населения, из которой они произошли на свет.

Говоря вообще, цеховая форма промышленности встречается у народов, находящихся на ранних ступенях развития, гораздо чаще, чем принималось прежде. Известны многочисленные виды цехов в европейской и азиатской Турции, на Кавказе, в Персии, в Японии. В стране африканских фулахов, по словам Винтерботтома (op. cit., 123), и у некоторых других внутренних народцев, дело зашло уже так далеко, что ремесла или промыслы отделяются одни от других и делятся на известные классы. Один класс этих ремесленников, называемый *гаррауки*, т. е. башмачники, имеет исключительное право готовить кожу и производить из нее всякого рода полезные и необходимые предметы, например сандалии, седла, уздечки и пр. Другой особый класс образуют так называемые кузнецы. Они готовят не только все роды орудий, нужные для повседневного употребления, но делают также прекрасную накладную работу на ручках книжалов, оттачивают клинки и пр.; для женщин они готовят всевозможные изящные украшения из золотой и серебряной монеты. Работают кузнецы большею частью хорошо, если принять во внимание их несовершенные инструменты. Тут мы видим одну из промежуточных ступеней в истории развития ремесла, на которой в одних руках соединяется целый ряд позднейших специальностей, связанных в одном общем понятии изготовления металла или кожи². Последующую ступень соста-

¹ Prescott, History of the Conquest of Peru, Philad. 1874, 58.

² Следующий пример, цитируемый Бертоном (Abeokuta and the Camaroon Mountains, Lond. 1863, II, 160), доказывает, что подобное соединение в одних руках различных ремесел не представляет в Африке изолированного явления. «По дороге», говорит он, «мы прошли мимо пяти

вит распадение классов на более мелкие части, а о предыдущей ступени можно получить представление из следующего сообщения Винтерботтома. «На морском (западном) берегу», говорит он, «почти вовсе неизвестно, или, по меньшей мере, не введено разделение ремесл и работ. Самый ловкий человек в деревне обыкновенно кузнец, столяр, каменщик и ткац; таковы работы, которые всего чаще требуются жителями. Такое же элементарное устройство ремесла встречается и у многих других народов Африки, с тою только разницею, что некоторые из них, например джур и бонго, почти поголовно занимаются обработкою грубой железной руды в молоты, копы и пр., которые потом расходятся по другим африканским племенам, тогда как у мандингов, в Бамбарре, в Каарте, в Вадаи и у иолофов кузнецы образуют особые касты. Подобные же касты и у тех же народов представляют дубильщики, сапожники и певцы-барды»¹

Интересную, хотя далеко не достаточно исследованную форму ремесла представляет, далее, бродячее ремесло, одно из самых первобытных и наиболее распространенных. В России, в Турции, в Китае оно является одною из господствующих форм мелкой обрабатывающей промышленности. Так, например, из местностей Ресна и Пресна близ Монастыря¹ постоянно находятся в отсутствии от 1 600 до 2 000 душ христианского населения из общего числа в 6 000 душ. Они уходят в феврале или в марте и возвращаются домой в октябре, принося с собою средним числом от 80 до 90 рублей, а иногда и вдвое более. Ресна высылает преимущественно садовников и разносчиков в Константинополь, его окрестности и Варну. Пресна дает

больших мастерских Абекуты—кузнеца, столяра, ткача, красильщика и гончара. Я заходил в них, чтобы осмотреть мастерские и взглянуть на их способы работы, что заслуживает описания ввиду их сходства и даже тождества со способами отдаленного центра, востока и юга. На основании совокупных трудов различных путешественников, посетивших отдаленнейшие части континента, мне кажется, было бы легко доказать существование в прежние времена тесной связи между народами, в настоящее время не знающими о существовании друг друга. В самом деле, многие предметы до того точно остаются одними и теми же, например меха, и к тому же они столь искусственны, что удаляют всякую мысль об истинном изобретении, так что можно только подозревать существование общего центра для всех рас, которым они общи. *Кузнец*, который есть вместе мастер серебряных, золотых, медных и железных дел, сидит в открытом шатре из лиственных ковров; огонь его из скорлупы пальмового ореха не хуже огня из каменного угля; его меха те же, что были в древнем Египте и Греции, что описываются каждым африканским путешественником, начиная от М. Парка, и встречаются от Иниамбези до земель овамбо... Кузница похожа на кузницу Золотого Берега: это перпендикулярный контик из сухой глины, сквозь который проходят концы мехов, доставляя правильный приток воздуха, наковальня каменная, молот—кусочек железа... Ткачами и столярами бывают мужчины (ткацкий станок похож на индийский и египетский), красильным и гончарным промыслом занимаются женщины».

¹ Reports from. H. M. diplomatic etc. agents abroad, Lond. 1870, Calvert, 240.

столяров, пильщиков, каменщиков, разносчиков, поденщиков. То же самое происходит почти во всем санджаке. Дома остаются достаточно людей для обработки земли, иногда же для этого входят в особые соглашения и сделки. Из Эпира¹ также уходит ежегодно масса народу на заработки в Константинополь и в другие места. Здесь ремесла монополизированы различными народностями; так, все оловянных и свинцовых дел мастера—евреи, серебряных и медных—валахи, лучшие плотники и столяры из округа Коницы, предполагаемые потомки туземных эспиротов, кузнецы—цыгане, ковали—мусульмане. Во многих местностях азиатской Турции главнейшие ремесла находятся в руках христиан, что является новым подтверждением внешнего для общины значения ремесла.—В Китае, по словам Пуссельга², нет крупных промышленных заведений. Все ремесленники здесь кочевые; они переходят из города в город и носят с собою орудия своего промысла. Кузнец имеет при себе квадратной формы коробку, которая снабжена поршнем, заменяющим кузнечные меха, и служит ему сидалищем в случае нужды, а также сундук для инструментов; слесарь, которому его линейка служит тростью в путешествии, переносит также в сундуке скамью, на которой работает; точильщик, сидящий на переносной скамье, вращает свое точило ногами; мешок ткача содержит шпульки, колеса и остов его станка; каменщик, еще менее обремененный, имеет при себе лишь лопатку и шнурок. В соседстве всех городов существует большое число кирпичников.

Чего не доделает бродячий или корпоративный ремесленник, то исполняется, и притом в громадных размерах, домашнею промышленностью общины и преимущественно женщины. Путешественники часто удивляются, какое множество самых разнообразных и требующих тонкого соображения работ возложено, сравнительно с мужчиной, на женщину, и не без основания заключают из этого о высших умственных способностях последней у многих первобытных народов. В какой степени все подобные работы исполняются женщиной добровольно, и в какой принудительно, как работою мужа, об этом можно составить себе понятие только при тщательном изучении каждого отдельного случая.

* * *

Скажем теперь несколько слов о третьем из общественных классов, нарушающих своею деятельностью равенство первобытного общества, а именно о рабах. В качестве военнопленных и их потомства, а также наследственных должников, рабы встречаются на ранних ступенях развития гораздо чаще, чем давала бы основание ожидать простота общественной организации

¹ *Ib.* Further Reports, Lond. 1871, Stuart, 765.

² *A. Poussielgue, Voyage en Chine et en Mongolie, Paris 1866, 243.*

той эпохи; но приобретение рабов покупкою, исключая быть может только жен, представляет, повидимому, совершенно новый вид рабства, возникший через сношения с европейцами, и лишь впоследствии укоренившийся среди самих дикарей.

Оставление жизни рабу под условием производства какой-нибудь презираемой работы, является, повидимому, одною из наиболее древних и примитивных причин возникновения рабства. Естественно поэтому, что, при условиях охотничьей, рыболовной, вообще бродячей жизни, военнопленные рабы составляют почти общее правило. Но несмотря на грубость нравов, господствующую при подобном состоянии общества, несмотря на предполагаемое существование религиозной связи между человеком и его собственностью—рабом, отчеты путешественников, за небольшими исключениями, преисполнены хвалебных отзывов о мягкости обращения дикарей с их рабами,—мягкости, которая часто не только напоминает родственные отношения, но и действительно подводится под них. Чтобы понять это, следует помнить, что первобытное родственное общество обладает удивительной способностью всасывать в себя посторонние элементы на той же родственной основе и вместе с тем считает врагом всякого, кто не находится с ним в действительном, предполагаемом или искусственном родстве: или враг или родственник,—другой выбор первобытному обществу неизвестен. На этом основании раба можно принести в жертву на могиле его господина, как принадлежащую ему собственность, но морить его голодом или заставлять работать через силу представлялось бы нарушением основных начал общинно-родового быта.

На Новой Зеландии, по словам Полака¹, рабы и рабство существовали с незапамятных времен и состоят из военнопленных, из потомков рабов и из остатков уничтоженных племен, которые ведут жалкое существование в лесах около разоренных мест прежнего благоденствия и отдаются под покровительство могущественных соседей, делаясь их слугами. Раб или таурекарека есть не то несчастное существо, каким британская публика привыкла считать раба-африканца в британских колониях. Рабы третируются так же, как самые низшие свободные в деревнях; за исключением ношения воды, рубки дров, прядения льна и *сарки ници* (то же самое на островах Дружбы), во всех прочих операциях им помогают свободные люди и люди всякого достоинства, состоят ли эти операции в вырубке деревьев и вывозе их из лесу на продажу, или же в домашнем шитье, расчистке земли, посадке растений, приведении в движение каное, изготовлении парусов, построении дома, форта или каное.

¹ J. S. Polak, Manners and Customs of the New-Zealanders, Lond. 1844, II, 52.

На Фиджийских островах рабы или *kaisis* составляют, согласно утверждению Эрскина¹, большинство народа и находятся в большом унижении. Показание это однако следует принимать с осторожностью ввиду постоянно встречающегося у путешественников смешения с рабами низших слоев океанийского населения, которые в то же время оказываются в родстве с высшими.

Ни у эскимосов², ни у чукчей³ рабства не существует и следа. У колюшей⁴ рабы, по Симпсону, составляют до одной трети населения. Внутренние племена порабащают своих пленников, но, вопреки береговым племенам, не имеют ни наследственного рабства, ни систематической торговли рабами. Согласно Коцебу, колюши в случае смерти своего вождя убивают на его могиле двух рабов. При всем том с рабами обращаются довольно хорошо⁵, как с детьми, позволяют им иметь собственность и даже иногда вступать в брак.—В древней Мексике рабу⁶ дозволялось иметь свое семейство, собственность и даже рабов. Дети раба были свободны; никто не мог быть рожден для рабства в Мексике. Рабы не продавались своими хозяевами, если только последние не были вынуждаемы к тому бедностью. Они часто освобождались при смерти хозяев, а по временам вступали с ними в брак, так как там не существовало никакого физического отвращения, основанного на различии крови или расы.—У бразильцев⁷ имеются хорошо содержимые рабы из детей военнопленных; их причисляют к семье, но не дозволяют им вступать в брак с свободными. Впрочем, обращение с рабами не везде одинаково.—Настоящий дифирамб обращению с рабами встречаем у Добрицгофера относительно абипонов⁸: «Военнопленных испанцев, евреев, негров и помесь их абипоны не мучили, как рабов, но, собственно говоря, держали наподобие детей, мягко и дружественно. Если кто-либо из хозяев хотел получить от пленного себе услугу, то выражал свою волю не повелительным, но просящим голосом: «если тебе будет приятно, то прошу тебя, сжался надо мною, приведи мою лошадь». Бежит ли пленный, отказывается ли от послушания, никогда я не видал, чтобы его наказали словом или ударами. Доброта, благосклонность, доверие многих к своим пленным таковы, что раздевают себя, чтобы одеть их, отни-

¹ I. E. Erskine, *Journal of the Western Pacific*, Lond. 1853, 158.

² B. Seemann, *Narrative of the Voyage of H. M. S. Herald*, Lond. 1853, II, 1859. Впрочем, у Ринна встречается следующая характеристика: «род жизни и хозяйства у эскимосов не позволяет обращаться с рабами иначе, чем с членами семейства».—

³ Bancroft, I, 65.

⁴ Ibid., I, 107—108.

⁵ Waitz, *op. cit.*, II, 327.

⁶ Prescott, *op. cit.*, 18.

⁷ Marzius, 24—25.

⁸ M. Dobrizhoffer, *Historia de Abiponibus*, Vienna 1784, II, 148—149.

мают у себя пищу, голодают, но подают ее нуждающемуся. Старуха, жена Алайкинского кацика, на моих глазах часто седлала и снаряжала лошадь своему пленному негру. Другая старушка, мать кацика Ребахиквийского, в течение многих ночей давала свое молоко больному пленному мальчику, и для ухода за ним лежала днем и ночью на земле. Такою мягкостью, таким заслуживающим благодарности уходом абигоны до того привязывали к себе своих пленных, что последние, имея ежедневные случаи к побегу, никогда не думают о нем, будучи довольны своей участью. С другой стороны, многие уже выкупившиеся из плена и возвратившиеся на родину добровольно возвращались к своим абигонским хозяевам, за которыми следовали без размышления на войну и охоту. Сами будучи испанцами, они обагряли свои руки испанской кровью. Сколько испанцев родом, с детства воспитанных у абигонов, в их нравах и обычаях, представлялись врагами своей родины, Парагвая. Сколько христиан перебили они в союзе с дикарями в своих кровавых и варварских экспедициях, будучи не только товарищами дикарей в пути, но и руководителями их по дорогам, участниками всех грабежей, убийств и пожаров, словом, орудием бедствий общества, подобно тому, как лузитанцы, испанцы и итальянские отступники от святой религии бежали к алжирским и мароккским пиратам и довели их до совершенства в искусстве мореплавания, для грабежа своих народов».

«Татары», читаем у Гюка¹, «не принадлежащие к княжескому семейству, суть рабы (?); они живут в полной зависимости от своих господ. Кроме уплаты налогов, они обязаны охранять стада своих господ, но им не запрещается воспитывать скот также и на свой счет. Однако сильно ошибся бы тот, кто подумал бы, что в Татарии рабство жестоко и тяжело, как у некоторых других народов. Благородные семьи почти ничем не отличаются от рабских; рассматривая существующие между ними отношения, трудно было бы отличить господ от рабов; те и другие живут в шатрах и проводят свою жизнь одинаково в пастыбе скота. У них нигде не видно роскоши и могущества, которые держались бы вдали от бедности. Когда раб входит в шатер господина, последний не преминет предложить ему молока и чаю; они охотно курят вместе и обмениваются трубками. Дети господ играют и борются с детьми рабов около одного и того же шатра. Нередко можно видеть, что семейства рабов делаются собственниками многочисленных стад и ведут свои дни в изобилии. Мы встречали многих рабов, которые были богаче своих господ, и это несколько не беспокоило последних. Рабство среди монгольских татар менее

¹ *Нис. Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine, Paris 1850, I, 273.*

тяжко и оскорбительно для гуманности, чем крепостное право средних веков; монгольские господа никогда не дают своим рабам тех унижительных кличек, которые служили когда-то для обозначения крепостных и пр.; они называют их братьями, но никогда вилланами, никогда канальями, никогда «gens taillable et corvéable à merci».

«Рабство есть удел жизни значительной доли населения в Сиаме¹, но не абсолютное рабство, какое прежде существовало в Вест-Индии или в Соединенных штатах, а такое, которое включает в себя зависимость более сносную, нежели обыкновенное домашнее рабство. Всякий сиаец обязан посвящать $\frac{1}{3}$ года на службу королю; это средневековые барщинные работы только в преувеличенном виде. Кроме сиамцев здесь есть лаос, камбодийцы, бурма и другие расы, подчиненные во время войны и ставшие абсолютными вассалами своих хозяев или суверена. При всем том примеры жестокости в обращении с рабами немногочисленны; рабы вообще веселы и, будучи заняты разными работами, забавляются песнями и играми. Но наибольшая доля так называемых рабов принадлежит к числу *должников*², так как неуплата долга дает кредитору право на обладание телом должника, трудом которого он может располагать для уплаты должных ему процентов или для погашения самого долга».

Нижний класс черкесского народа³ образуют рабы, которые все суть военнопленные или украденные по прекращении грабежа между отдельными народцами, большею частью, русские и татары или перебежчики-поляки. Но тогда как у негров рабы составляют большинство, у черкесов их очень мало. Простой образ жизни черкесов делает должность слуги мало необходимою; последний требуется только для пособия женам в домашней работе. Сверх военнопленных становится рабом всякий, кто придет в страну, не имея в ней друзей, и притом рабом того, кто первый его встретит; таким-то образом перебежчики из русской армии становились рабами. С закрытием границы грабеж людей прекратился, за отсутствием места, куда можно было бы вывозить рабов. С рабами вообще обращаются хорошо, и если они не делают попыток к бегству и ведут себя послушно, то смотрят на них как на членов семейства. Нередко после многолетней верной службы рабы получают и свободу. Рабы женятся, имеют собственность, получают подарки и в случае дурного обхождения могут приписывать себе другого господина; на войну они не ходят, но обрабатывают землю, ухаживают за лошадьми и служат гостям.

¹ S. J. Bowring, The Kingdom and People of Siam, Lond. 1857, I, 123.

² О рабстве на Малайском архипелаге см. мою статью «Община и государство в Нидерландской Индии», «Отеч. зап.», 1881, март.

³ Klemm, op. cit., 56.

Настоящее царство рабства во всех формах—Африка. Еще Мунго Парк¹ определял число рабов в Африке втрое больше числа свободных. Рабы здесь не имеют другой платы за свои услуги, кроме пищи и одежды; с ними обращаются хорошо или дурно, смотря по хорошему или дурному расположению духа господ, которым они принадлежат. Однако, обычай установил относительно обращения с рабами известные правила, нарушать которые считается постыдным. Так, рабы домашние или родившиеся в доме господина третируются с гораздо большею мягкостью, чем рабы, купленные за деньги. Рабы, рожденные в рабстве, более многочисленны чем остальные. Война есть источник, производящий наиболее рабов, как, вероятно, она же была и причиною происхождения рабства. Естественно думать, что племя, взявшее более пленных, чем могло обменять голова на голову, находило выгодным сохранить своих пленных и заставить их работать, сначала вероятно ради их собственного пропитания, а потом для пропитания их господ. Но так или иначе, а в Африке постоянно бывает так, что военнопленные становятся рабами победителей. Когда воин слабый или несчастный вымалывает пощаду у своего победителя-врага, он тем самым отказывается от всякого права на свою свободу и покупает жизнь ценою независимости.

Вот один пример недавнего обращения в рабы целых племен. «Когда в 1856 году», читаем у Швейнфурта², «первые хартумцы вступили в землю бонго, они нашли здесь всю область подразделенною на множество мелких округов и совершенно независимых одна от другой общин, причем здесь господствовала обыкновенная анархия африканских крошечных республик; такого общежития, как например у динков, которое соединило целые округа при помощи племени, выдающегося над другими по числу воинов, здесь не было, и в каждой деревне считался главою общины тот, кто сумел оказывать на жителей влияние своим богатством. В некоторых случаях это влияние старейшины деревни поддерживалось связанною с его званием профессиею волшебника. Вместо могущественных, объединенных племен, нубийцы нашли здесь только отдельные округа, в которые и вторгались. Поэтому грубым шайкам наемников, религия которых не только извиняет, но даже признает заслугою в глазах божества всякое насилие над язычниками и неверными, было легко сделаться господами страны. В несколько лет эти шайки разделили всю область между немногими торговцами слоновою костью из Хартума, которых предприимчивый дух, внезапно пробужденный преувеличенными слухами о сокровищах, добытых на Верхнем Ниле европейцами (Петерик, Понсе и друг.), развил неожиданную силу. Жители стали рассматриваться,

¹ *Mungo Park*, op. cit., I, 45, 50.

² *G. Schweinfurth*, Im Herzen von Africa, Leipzig. 1872, 95.

как крепостные, и были вынуждаемы переменять свое местожительство, причем их для лучшего надзора и эксплуатации поселяли в сербах, построенных вокруг всей страны. Под защитой этого рода крепостей хартумские торговые компании приняли все меры для прочного занятия страны. Они основали здесь прочие поселения, чтобы, пользуясь близостью водного пути, иметь возможность с наибольшим удобством производить набеги на юг за слоновой костью. Это было тем легче, что бонго, как земледельцы, доставляли все средства для содержания поселений. Едва лишь половине народа удалось спастись бегством от внезапно наступившего рабства».

Круксганк¹ давно уже сделал верное замечание, что самая идея прочного рабства явилась у негров после сношений с европейцами. «Раньше таких отношений», говорит он о неграх западного берега, «у них существовало нечто приближающееся к равенству. После первых встреч с европейцами и введения в среду негров европейских товаров, между различными классами общества возникла большая субординация, индивидуальная собственность ассоциировалась с индивидуальным трудом, и номинальная зависимость приняла характер твердо выраженного рабства. Торговля значительно увеличила число рабов, или скорее, придала рабству новый характер, сделав личность раба предметом *отдельного* договора или сделки, меняемым за золото или за товары. До введения торговли рабами состояние человека мало затрагивалось его зависимым положением, так как он продолжал оставаться членом той же общины и пользоваться всем тем, что было доступно каждому. Но приманка европейских товаров создала нужду в золоте, для добыwania которого требовался *труд* раба. Отсюда произошло резкое обособление между сильным и слабым классами общества и превращение номинального рабства в действительное: до сношений с европейцами рабство было учреждением родовым, раб был членом того племени, в котором родился. Поэтому-то туземцы Золотого Берега могут быть, по справедливости, названы расою рабов;—рабство представляется здесь наследственным состоянием, в котором рожден почти каждый без исключения. Глава семьи в этой расе может располагать членами семьи, как собственностью, хотя последние иногда и возмущаются против его власти и даже замещают его другим. Правда, между родственниками и рабами существует большое различие, хотя, в тех случаях, когда этого требуют интересы семьи, право главы продать родственника неоспоримо. Вообще, право сопротивления членов семьи не более как исключение. Рабы приобретаются во множестве богатыми людьми при посредстве займов».

В тех местностях, где раб еще не приобрел окончательного значения товара, общее положение рабов довольно сносно.

¹ Cruickshank, op. cit., 1853, 311.

С рабами нередко вступают в брак женщины свободного класса, причем дети от подобного брака также считаются свободными. Бывали даже случаи, что тот или другой раб занимал должность начальника. Так, у народа кимбунда¹ «рабы имеют довольно свободного времени, женятся на свободных женщинах, и потому дети их также часто свободны. Рабыни, большею частью, суть наложницы господ и, как таковые, входят в состав семейства. Слабость власти, тяготеющей над рабами, видна из того, что они часто убегают от своих господ или перебегают от одного из них к другому, нарочно убивая с этой целью какое-нибудь животное того лица, к которому хотят перейти. Чтобы сделаться рабом другого, достаточно даже произвести легкий разрыв на его платье и сказать при этом: «я твой раб». Если раб боится, что прежний хозяин его выкупит, то он совершает что-нибудь более крупное, например, убивает и съедает чужого быка, за что отдается в рабство на веки; за ним идут жена и дети, что очень выгодно новому хозяину. Обладание рабынями, приобретаемыми чрез побег, признается обычаем, и прежний их владелец часто бывает вынужден выдать также их платье и все прочее, оставленное ими, особенно, если они бежали к могущественному господину. Возвращение бежавших таким образом рабов в высшей степени затруднительно, или же вовсе невозможно. Новый владелец соглашается возвратить раба лишь из особой дружбы к прежнему его господину, или за хорошее вознаграждение. Всякий, кто это делает, падает в мнению рабов, желающих бежать, а следовательно лишается возможности приобретать себе работников. Не только рабы имеют обыкновение менять таким образом своих господ, но и свободные люди добровольно отдаются в рабство какому-нибудь сильному господину, в случае бедности или преследования за долги; с этого времени они рассматриваются как умершие относительно всего, что произошло раньше; на все их предыдущие проступки набрасывается покрывало, и господин их должен отвечать денежными штрафами только за те совершаемые им проступки, в которых они делаются виновными, как его рабы».

В заключение мы считаем не лишним противопоставить этой картине «дикого» рабства небольшое изображение «цивилизованной» формы рабства тех же народов в одной из европейских колоний. Подобное сравнение невольно наводит на мысль, что положение рабов у диких народов во многом превышает состояние их у образованных европейцев.

Взглянем на обетановку и жизненные условия цветных рабов и полурабов на испанском острове Порто-Рико. Для этого мы воспользуемся основательным очерком английского

¹ Magyar, op. cit., 284, 289.

консула Купера¹, относящимся к 1870 году. «Правление острова Порто-Рико», говорит автор, «сходно с правлением прочих испанских колоний и находится во власти генерала, под названием главного капитана, который является верховным начальником по всем ведомствам—военному, гражданскому и духовному. Эта автократическая форма правления имеет свои преимущества в стране с антагонистическими расами и оказывает благоприятное влияние на состояние общества, привлекая из Испании обширный и образованный класс, который доволен своею участью и верен своему флагу; этот класс образует аристократию острова. Но не одни офицеры армии суть испанцы; из испанцев же набираются и солдаты всего регулярного войска, достигающего 3 000—4 000 человек. Милиция и полиция в числе около 20 000 человек также состоит из белых, и на эти силы правительство может положиться всецело. Ближайшую ступень социальной лестницы занимают купцы и лавочники, состоящие, большею частью, из испанцев, приобретших себе богатство промышленностью; испанские же креолы и иностранцы входят в этот класс в весьма небольшом числе, главным образом, благодаря препятствиям, которые ставит им правительство. Свободное цветное население благоденствует, соответственно своему образованию; многие из числа его суть лавочники и даже иногда землевладельцы. Рабочие или поденщики *принуждены работать*, без внимания к их цвету, на основании закона о «рабочих книжках», и легко зарабатывают по полдоллара в день, чего достаточно для воздержания их от пороков, связанных с праздностью, и для удовлетворения их чрезвычайно примитивных потребностей. Рабы здесь, по видимому, более независимы и менее угнетены, чем в других местах, так как свободные всех цветов работают вместе с ними, чем устраняется унижение, приписываемое определенному роду труда. Всех рабов считалось до 35 000. Между различными расами и классами здесь не существует никакого заметного предрассудка относительно цвета; все они живут между собою в согласии и с замечательным отсутствием преступлений. Однако, в таком положении они удерживаются сильным правительством, которое не позволяет им бросаться в мутное море политики. Мятельные соображения о правах рас и национальностей представляются торпедами, которые угрожают величайшим взрывом обществам, вроде Вест-индского; опасение такого взрыва было сильно увеличено недавними событиями на Сан-Доминго и Ямайке. Однако опасность может быть наилучшим образом отвращена при помощи известных мер, принятых правительством. Меры эти состоят в *принуждении* каждого к исполнению первой его обязанности относительно

¹ Further Reports of H. M. diplomatic etc. agents abroad, 1875. Cooper, 616.

общества, — к *работе* для своего существования, и в то же время в отвлечении ума от положений, которые недоступны пониманию большинства и впоследствии могли бы сделаться горящим факелом в его руках. Каким образом произошло то, что Порто-Рико, владея пространством земли в 14 раз меньшим, нежели Куба, производит только на $\frac{2}{3}$ меньше сельскохозяйственных произведений? Автор не медлит заявить, что этот результат всецело зависит от действия закона о «рабочих книжках», введенного в силу генералом дон Жуаном де Пейнеле. «Хотя нельзя отрицать, что это закон принудительный, — а какой же закон не принудителен, — но все же следует заметить, что он *безпристрастен* в своем применении, потому что не направлен против какого-либо *одного класса*, расы или цвета, а безразлично требует от каждого человека *в положении рабочего*, чтобы он периодически доказывал, что живет добросовестно, а не бесчестно на счет общества. Закон этот, по мнению автора, сделал рабочие классы благоденствующими и независимыми, не делая их нахальными, подобно свободному цветному населению Гаити, Сан-Доминго и Вест-индских островов. Он так сильно увеличил приращение ручной силы в стране, что земледелие и промышленность возросли до неслыханной раньше степени. Закон этот заслуживает специального внимания, потому что он в известном смысле *заменяет* рабство. Сущность его состоит в том, что в полиции ведется точный список всем свободным людям, продающим свой труд, и каждому из них выдается рабочая книжка, в которой наниматель обозначает день поступления, продолжительность службы, день отхода и *поведение* рабочего. За неимение книжки виновный подвергается 8-дневной принудительной работе за половинную плату на общественных дорогах и т. п. Наниматель, аттестовавший дурного рабочего хорошо, подвергается за первый раз штрафу в 6 долларов, за второй — двойному, а за следующие разы — все его заявления лишаются значения, хотя бы они были и правильны. Местные магистраты должны наблюдать за тем, чтобы рабочие были *постоянно заняты*. В свободное время, т. е. при отсутствии частной работы, рабочие трудятся на общественных дорогах за обыкновенную плату, а в случае дурного нрава — за половинную в течение шести месяцев. Таково положение *свободных рабочих* на острове Порто-Рико, превращенных почтенным генералом-диктатором в замаскированных рабов. — Теперь посмотрим, как живут здесь настоящие рабы-негры, которых числится около 40 000. Рабы, мужчины и женщины, работают на плантациях, режут и чистят сахарный тростник, а дети смотрят за скотом в имении. Работа продолжается во время жатвы до 20 часов в сутки без всякой прибавки вознаграждения, сверх положенного довольствия. Одежда и пища рабов очень дурны. Жилища рабов — широкие сосновые коробки — около 8 фут ширины, укрепленные на столбах, отстоящих от земли на два фута; в них

есть дверь, а иногда маленькое окно; здесь живет раб, один или с семейством. В некоторых имениях рабы живут не в отдельных помещениях, а в общих квартирах. Это также коробки, по шире, из которых в одну запираются на ночь все мужчины, а в другую все женщины и стерегутся. В большей части имений не обращается ни малейшего внимания на приличия, чистоту и вентиляцию в этих помещениях; грязь и вонь царят внутри и снаружи. Жилища, одежда, пища и условия работы свободных поденщиков с рабочими книжками почти не отличаются от рабских, если даже не хуже таковых. Предварительным законом 23 июня 1869 года рабство на Порто-Рико было, правда, отменено, но как? Все рабы до 2-летнего возраста освобождались от рабства, но до 18 лет должны были оставаться у владельцев, все, кому минуло 60 лет, также объявлялись свободными. Очевидно, что от такого освобождения рабам ни тепло, ни холодно. Сверх того, немедленно явились проекты постепенного освобождения рабов, но с тем, чтобы закон о *рабочих книжках* оставался в силе и чтобы в течение всего срока отмены рабства правительство поощряло ввоз *свободных негров*. Практических последствий нового закона в семидесятых годах еще не было никаких.

Таково же положение рабского и свободного местного населения и на острове Кубе. «Войско и полиция», говорит один очевидец¹, «суть единственные опоры испанского господства на Кубе; туземное белое население в громадной массе настроено против них. На поддержку черного населения можно было бы рассчитывать только в случае эмансипации рабов; но испанское правительство прекрасно знает, что если оно освобождает негров, то колония без рабства потеряет всякую ценность для Испании».

«Туземцы»², найденные на Кубе испанцами по завоевании, вскоре были уничтожены гнетом тяжелой барщины в пользу испанцев. После этого были выписаны сюда негры, которых поставляли испанцам генуэзцы и португальцы. В начале XVIII века на Кубе было не более 20 000 рабов, так что их оказалось мало для сахарной культуры. По утрехтскому миру Англия получила право ввозить в испанскую Америку в течение 30 лет 144 000 рабов, а в 1789 г. торговли рабами на Кубе, Порто-Рико, Сан-Доминго и Порто-Белло стала свободною для всех народов. От этого развился громадный ввоз негров с 1791—1816 г., когда было законно и незаконно ввезено 30 000 рабов, а с 1818 по 1820 г.—156 084. До середины тридцатых годов средним числом в год ввозилось до 40 000, хотя за это время не было официальной статистики, вследствие запрещения законом ввоза

¹ K. Scherer, Aus d. Natur- und Völkerleben im tropischen Amerika, Leipzig, 1864, 368 и сл.

² «Sklaverei und Emanzipation auf Cuba». Das Ausland, 1882, № 51 (на основании монографии Ларринаги о хозяйственном положении Кубы).

рабов еще в 1820 г. Даже после 1835 г. ежегодно ввозилось по 24 000 негров на мелких судах, в количестве 600—700 душ на каждом. Хотя в следующее десятилетие (пятидесятые годы) торговли неграми сильно упала, но еще и в семидесятых годах отдельные грузы с человеческим мясом приходили в Кубу. Полное прекращение торговли рабами может быть достигнуто только чрез отмену рабства. Хозяйственное развитие Кубы всегда стояло в прямом соответствии с числом рабов, от низких занятий которых уклонялось все прочее население, вследствие чего еще более укреплялось и становилось необходимым для земледелия рабство. В то время, как на Порто-Рико наряду с 50 000 рабов существовало еще 40 000 свободных рабочих, белых и цветных (мы видели, какова их свобода под властью диктатора!), на Кубе обработка плантаций находится исключительно в руках рабов, которых много также занимается и домашними работами (прислуга).

«Вообще обращение испанцев с рабами было мягкое (?) и отношение к ним патриархальное (?). Первые определения испанского правительства относительно судимости несвободных относятся еще к 1789 г. и были заменены в 1842 г. управлением над рабами. По этим определениям рабство могло возникнуть только чрез рождение от рабыни и чрез ввоз, остальные же поводы прошлых столетий в настоящем были отменены. Когда же с запрещением торговли рабами в 1820 г. уничтожились и эти причины рабства, то рабами остались только или прибывшие до этого срока или родившиеся от рабынь. Как велико было число тех цветных, которые, вопреки закону, были обращены с потомками в рабство, видно из постепенного возрастания числа рабов на Кубе, которое, благодаря процветанию торговли, в 1817 г. равнялось 199 145, в 1827—285 942, в 1830—310 438, в 1841—436 495, потом падало до 1861 г., когда снова достигло 370 553. Хотя продажа рабов и запрещалась, но покупатели могли безопасно пользоваться рабами, как своею собственностью. Правда, под влиянием повторяемых требований Англии, Испания с 1817 года не раз запрещала торговлю рабами, в 1817 в области к северу от экватора, а в 1820 к югу; но эти меры не принесли успеха, и торговля, попрежнему, велась блистательно. Англичане, получившие позже право брать себе в призы рабовладельческие суда, хотя и теснили рабство; но не очень, в пользу чего говорят, например, ничтожные наказания против строителей судов, установленные еще в 1842 году. Комиссия, собранная (в 1865 г.) в Испании, не пришла ни к какому результату относительно освобождения рабов, и начальство продолжало управляться с ними попрежнему. Только под конец, с прекращением рабства, исчезла и торговля рабами.

«Мало известен тот факт, что рабы, освобождаемые испанцами на схваченных ими судах, превращались в «Emancipados»

и отдавались под защиту ответственным лицам, на которых должны были из благодарности (?) работать. Патрон платил правительству ежемесячный налог, а через 5 лет «Emancipado» получал все права свободных цветных на острове. Все это повлекло за собою громадные злоупотребления. Часто «Emancipado» отдавался наиболее дающему сеньору и не пользовался выгодами ни действительных рабов, ни свободных цветных. Нередко по истечении пятилетнего срока он снова оставался «Emancipado», под предлогом интересов дисциплины, которая не могла терпеть, чтобы рабы смотрели на своего прежнего товарища, как на свободного человека (поистине, дорога в ад вымощена добрыми намерениями!). Генерал-капитану Пецуэле, при всем его старании, не удалось освободить бывших на Кубе 25 000 «Emancipados», и только генерал-капитан Манцано в 1867 г. освободил 170 негров, оставшихся от 5 000 «Emancipados», приставших к Кубе с 1824 по 1832 г. Домашняя служба рабов походила на службу европейской прислуги, но надзиратели за полевыми работами сильно злоупотребляли своею властью; при всем том на Кубе было лучше; там не возникало таких вооруженных восстаний, какие были на Ямайке и на других островах Вест-индского архипелага. При всем *сравнительном* мягкосердечии господ, последние, по правительственным правилам, имели право приобрести раба, продать или уступить его другому владельцу, а в случае сопротивления даже убить раба на месте. Зато господин имел и обязанности относительно рабов: он должен был их одевать, кормить, помогать им в болезни, воспитывать в религии, давать праздники в воскресенье и в другие дни, кроме времени жатвы, и дозволять работать на особой земле в свою пользу. Негры до 17 и после 60 лет не должны были работать весь день (9—10 часов, во время жатвы 16), женщины вовсе не должны были принуждаться к работе, «которая не соответствует их полу и сложению тела». Если господа не могли согласиться о браке своих негров обоего пола, то они продавали жениха и невесту третьему господину, и тот их уже женил. Неисполнение этих предписаний наказывалось 200 долл. штрафа. Однако, многое из изложенного оставалось мертвою буквою. Впрочем бывали и отпуски из рабства за большие заслуги, равно как в случае вступления раба в брак с господами, производства его в священники, вступления на почву Испании, в случае старости, а также чрез выкуп (который вел к еще большему закрепощению здоровых негров, ценившихся всего дороже). Статистика 1862 г. показывает для одного Ingenio (сахарная плантация) пространством около 20 кабаллерий (1 кабалл.=14 гектарам) производство около 1 900 ящиков сахару и среднюю потребность в 116 рабах. Семьдесят четыре раба представляют, при всяких обстоятельствах, достаточное число для доставления подобного продукта, так что излишек 42 рабов, при средней

ценности их по 800 долл., представляет мертвый капитал в 33 600 долл. На Порто-Рико в 1865 г. было 42 000 рабов, но из них только 12 000 работали на плантациях. Рядом было 7 000 свободных поденщиков. Здесь в 1873 г. последовало освобождение рабов. Зато на Ямайке и Тринидаде плантаторы много потеряли, а простой народ и рабы выиграли себе поземельные владения и самостоятельность, причем прежнее крупное землевладение мало-помалу сменилось мелким. Но на Барбадосе, Антигуе и на других островах рабство осталось попрежнему и земля удержалась в руках плантаторов, которые к тому же с большим успехом ввели усовершенствования для замены недостатка в рабочих.

«Испанский чиновник Куэйно работал еще в сороковых годах над планом освобождения рабов на Кубе. Он хотел, прежде всего, уменьшить население негров, а потом, вследствие невозможности для белых работать на плантациях, думал покинуть производство сахара и перейти к мелкой культуре табака, какао и пр., улучшить скотоводство и культуру полей и снова насадить вырубленные леса. Но испанское правительство не желало подходить близко к вопросу об эмансипации негров, и потому проект Куэйно, как он ни был разумен, не имел успеха. Но уже в 1866 году отчеты умных генерал-капитанов Пецуела, Серрако и Дульче об уничтожении рабства побудили испанское правительство к учреждению комиссии, которая выработала полный план эмансипации. План этот был особенно хорош тем, что не требовал особых жертв ни от правительства, ни от плантаторов, и что переход к свободе совершался в нем постепенно (?), на основании опыта других стран. Однако и этот проект не прошел даже первой стадии, и единственный результат весьма популярной комиссии был тот, что она постановила образовать избирательный совет для исследования необходимых реформ, который, однако, вследствие революции в Испании в 1868 году, не был ни избран, ни установлен. Почти в то же время восстание, вспыхнувшее на Кубе и разорившее страну в течение 10 лет, не привело ни к чему существенному в хозяйственном отношении, а только усилило печальное бумажно-денежное хозяйство и уничтожило всякий кредит. Но во время самого восстания в 1870 году закон Море установил постепенное освобождение рабов на Кубе. Этого закона также оказалось недостаточно, и он создал только новое переходное состояние. Освобождение рабов выше 60-летнего возраста и детей рабов, родившихся после публикации закона, вступило в силу немедленно, без вознаграждения плантатору, а также без надлежащей регулировки положения освобожденных. Последствия этого закона видим из следующих чисел:

Освобожденных рабов на Кубе было		Осталось рабов	
1873 г.	26 667	1870 г.	363 288
1874 "	50 046	1873 "	287 628
1875 "	72 295	1876 "	199 000
1876 "	84 771	1879 "	195 563 ж
		3531 так называемых <i>Coartados</i> .	

«Наконец 18 февраля 1870 г. был опубликован закон, по которому право на рабов отменялось по истечении 8 лет следующим образом: те лица, которые во время выхода закона находятся еще фактически в состоянии рабства, будут поставлены под покровительство своих прежних господ. Этот протекторат переносится по закону и на детей, но муж и жена не должны быть отделяемы от детей и дети до 11 лет от своих родителей. Патрон удерживает за собою право пользоваться работою своих клиентов и представлять их пред судом, но должен их одевать, кормить и заботиться об их здоровье. Он обязан платить им установленную законом заработную плату и давать их детям определенное элементарное школьное образование и обучение какому-нибудь ремеслу. Клиент получает свидетельство (рабочую книжку), в котором прописаны его обязанности и права. Это состояние прекращается в разные сроки, соответственно разделению клиентов патрона на 4 категории. Из них старейшая четверть будет освобождена через 5 лет, и потом ежегодно по четверти, пока, после восьмого года все негры не будут свободны. Для *Coartado*, наряду с возможностью выкупа, допущены еще другие привилегии. Однако, с прекращением патронатства, все негры еще четыре года будут обязательно работать. Кто не в состоянии указать определенные занятия, тот будет, как бродяга, принуждаем к работе на общественных постройках и т. п. за плату. По истечении и этих четырех лет, негры вступают в полное пользование всеми гражданскими и политическими правами. Патроны удерживают дисциплинарную власть, но без права телесных наказаний. По другим преступлениям для всех негров—общие суды.—Изложенный закон отличается от предыдущих отсутствием прямого вознаграждения плантатора деньгами; надеются выбить из раба то же самое при развитии торговли на продукты его ближайшего труда; другой расчет на китайских кули. Но китайцы, с одной стороны, скоро деморализируются и деморализируют других, а, с другой, стремятся поскорее вернуться домой и уклоняются от обработки плантаций. На Кубе с 1827 по 1869 г. китайцев высадилось 126 000 из 142 000, севших в Макао, что дает смертность в 11%! Поэтому, теперь стали думать не о замене одних рабов другими, а об изменении самой хозяйственной системы; однако нехватает капитала на улучшения. Местами уже появились поземельные банки для мелких землевладельцев (в пров. Порто Принципе); хотят также привлечь колонизацию, поощряя ее различными

льготами, в виде сбавки цены с земли и откладывания платежа, а также ссудами до 100 долл. по 6%; для доставления капитала образуется особая компания».

Не углубляясь в историю рабства в других европейских колониях, которая представляла бы не более, как повторение сказанного, мы можем бесспорно прийти к заключению, что новейший вид рабства для промышленно-капиталистических целей есть наиболее ненавистный и гнусный из всех, когда-либо существовавших. Даже принесение рабов в жертву первобытными народами может найти свое относительное оправдание в общем складе жизни этих народов, порождающем грубые военные нравы и суровое религиозное мировоззрение. Рабство на Востоке, рабство в Риме могут быть объяснены, если не оправданы, подобными же общими причинами. Но нет человека в мире, который мог бы найти хоть одно слово в защиту той новейшей системы рабства, которая служила и служит единственно для целей накопления капитала и для обогащения класса цивилизованных извергов, прикрывающих свою алчность соображениями какой-то фиктивной общественной пользы.

* * *

На предыдущих страницах приведено немало фактов, свидетельствующих о полном и всестороннем единстве и сплочении составных элементов отдельного первобытного общежития, каковы бы ни были те отношения, в которых оно находится к другим общежитиям. Мы видели также, что общественная власть не составляет исключения из этого правила, и что на первых порах ее интересы могут совершенно сливаться с интересами общежития, так что, следуя выражению Кука, целое общество представляется как бы одним человеком, действующим по известным неизменным законам. Причина этого явления заключается главным образом в простоте экономической организации первобытного общества, которое допускает непосредственное заведывание процессом общественного производства со стороны общественной власти. Раз общественная власть сама является одним из ответственных деятелей общественного производства, интересы ее не могут находиться в антагонизме с интересами всех прочих производителей. Но с течением времени, по мере приватизирования процесса общественного производства, общественная власть должна была естественно удалиться от первоначальной своей экономической функции. Только благодаря этому обстоятельству могла возникнуть новейшая теория *laissez faire, laissez passer*, отождествляющая понятие государства с понятием учреждения для внешней и внутренней защиты общества (с идеею ночного сторожа, по остроумному выражению Лассалья) и отказывающая государству во всяком вмешательстве в общественно-производственный

процесс. Основным предположением этой теории было, как известно, не что иное, как воображаемое, и нигде в действительности не осуществившееся представление о полном равенстве условий производства и сбыта для каждого из производителей, которое, при отсутствии всякого государственного вмешательства, способно будто бы привести к наиболее выгодным результатам как для отдельных лиц, так и для всего общества. Фактическое устранение государства из области заведывания процессом общественного производства и переход последнего в руки частных предпринимателей, служили поддержкой значения упомянутой теории, насколько ей удалось проникнуть в действительную жизнь. Тем не менее, подобное отношение между государством и обществом, как между постороннем для общества силой, объединяющею чисто внешним образом бесчисленное множество изолированных и часто противоположных между собою частных интересов, представляет совершенно такое же временное, историческое отношение, как и соответствующая ему форма общественной комбинации труда. Условия соперничества между частными хозяйствами далеко не так одинаковы в действительности, как предполагали защитники свободной торговли и государственного невмешательства. Крупный капитал и крупная промышленность ежедневно и у всех на глазах побивают мелкие капиталы и промыслы, и таким образом естественно ведут к монополии. Что же касается до монополии, то она снова превращает частную форму производства в общественную, в которой общественной власти необходимо найдется место. Сверх того, многие отрасли промышленности с самого же начала ведутся частью государством, частью его подразделениями,—провинциями, округами, городскими и сельскими общинами. Таким образом проявляется двойное историческое течение, одинаково направленное к централизованному производству и превращению его из множества частных в одно сплоченное и бесконечно сложное общественное производство. Весь этот ход хозяйственно-политического развития является наглядным доказательством той истины, что, как бы ни усложнились и ни расчленились формы сложения труда в обществе, взаимное тяготение отдельных групп человечества преодолевает это разделение, и каждый дальнейший шаг истории ведет в сущности к теснейшему сплочению и объединению отдельных элементов общественно-производственного процесса, а следовательно и той части человеческого рода, которой предстоит уцелеть в борьбе за всеобщее существование.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
П. И. Кушнер (Кнышев). Предисловие	IV
Предисловие	5
ГЛАВА I	
Общинная охота и рыбная ловля.—Общинное пастушество . . .	5
ГЛАВА II	
Общинные работы по выжиганию лесов.—Общинные работы по орошению, как-то, по сооружению каналов и резервуаров и регулированию рек.—Общинная эксплуатация систем орошения . .	32
ГЛАВА III	
Общинные сельскохозяйственные и некоторые промышленные работы	66
ГЛАВА IV	
Постройка жилищ общими усилиями.—Общее пользование жилищами.—Общее потребление пищи	98
ГЛАВА V	
Гостеприимство.—Дарение.—Случайный и изменчивый характер труда и потребления.—Отсутствие способов сношений	121
ГЛАВА VI	
Понятия первобытных народов о движимой собственности.—Движимая собственность у народов рыболовных и охотничьих.—Движимая собственность у народов кочевых и сельскохозяйственных.—Знаки собственности.—Воровство.—«Муру»	158
ГЛАВА VII	
Понятие первобытных народов о собственности на землю.—Недвижимая собственность у народов рыболовных и охотничьих.—Недвижимая собственность у народов кочевых.—Недвижимая собственность у некоторых сельскохозяйственных народов.—Значение труда в истории образования первоначальной недвижимой собственности	199
ГЛАВА VIII	
Отсутствие патриархальной семьи у первобытных народов.—Высокое положение женщины при господстве материнского права.—Родовая организация общества.—Свобода взаимных отношений молодежи обоего пола.—Новые факты, относящиеся к общинным	

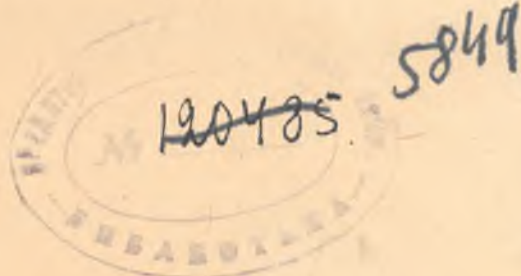
бракам.—Слабость брачного союза у первобытных народов.—
Причина перехода от материнского права к отцовскому 253

ГЛАВА IX

Общие понятия о происхождении обмена.—Отсутствие правильной
идеи об обмене и о разделении труда у первобытных наро-
дов.—Военные атрибуты первоначального обмена.—Обмен, произ-
водимый общественной властью.—Злоупотребление представителями
этой власти.—Непосредственный обмен и его неудобства.—Воз-
никновение денежного обмена.—суда гвоздей, скота и пр. 338

ГЛАВА X

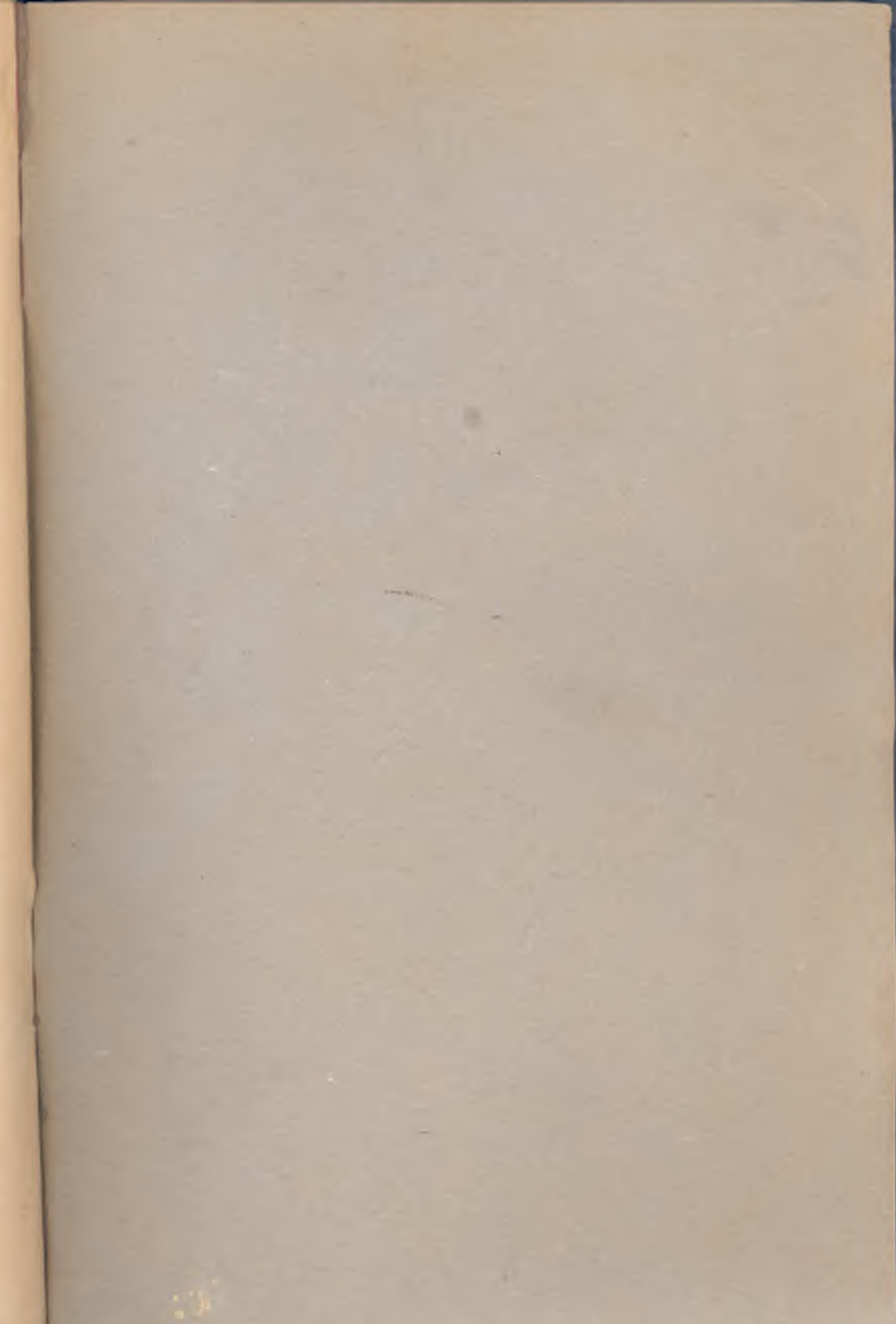
Общественно-должностная деятельность у различных первобытных
народов.—Демократические и общинно-родовые ее начала.—Ре-
месленные корпорации и возникновение каст.—Ремесленники, как
чуждая общине каста.—Рабство и его характеристика 372

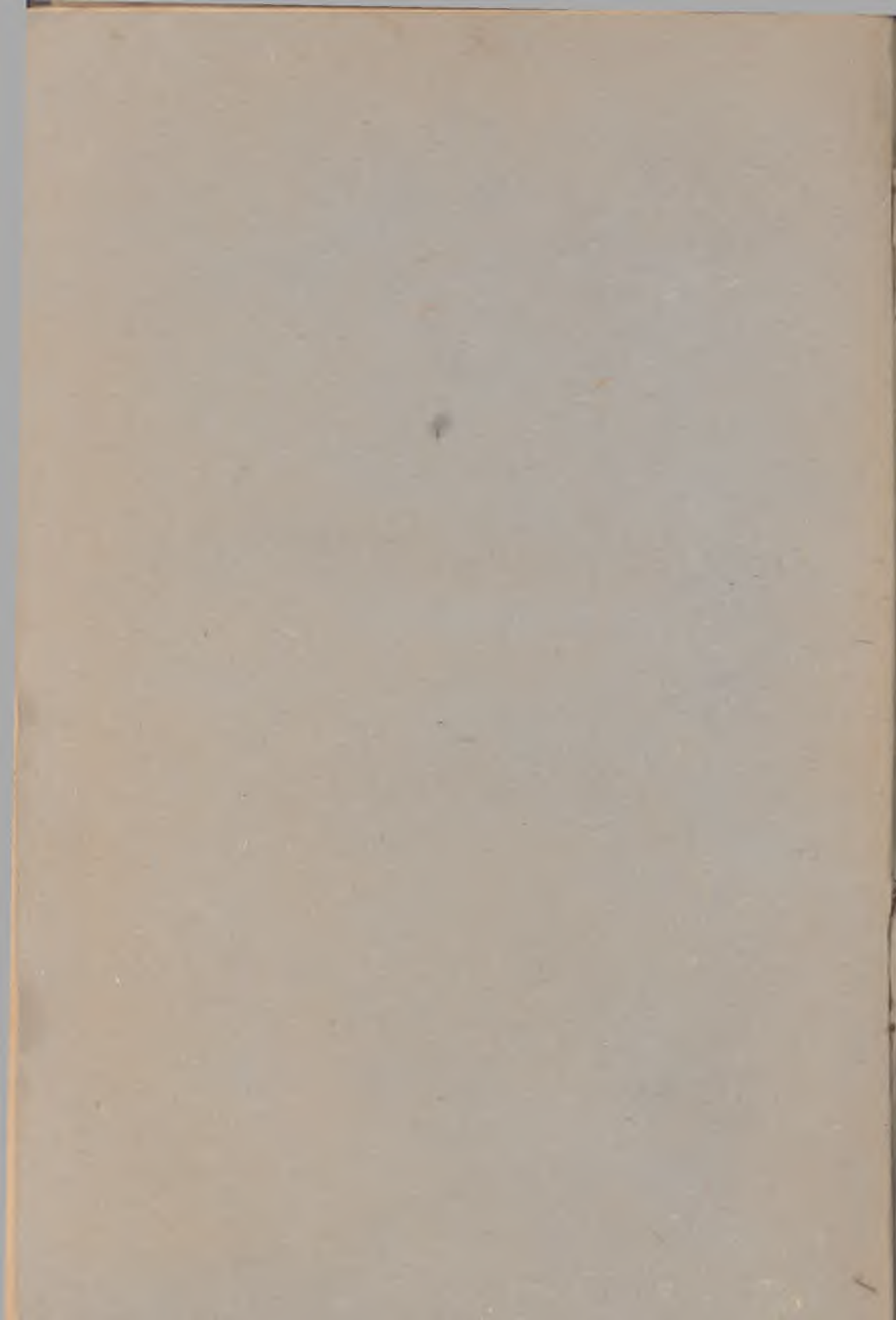

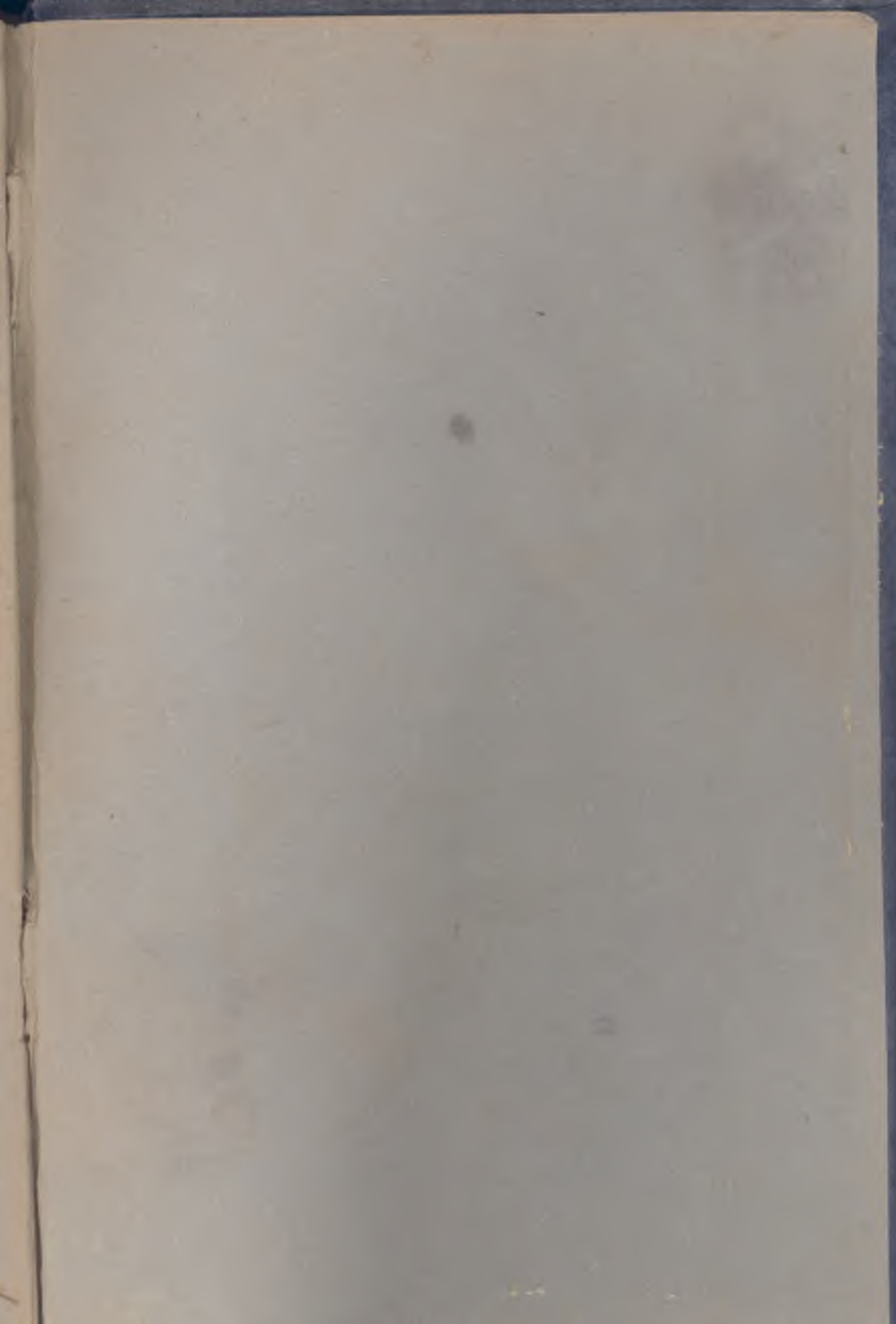
*Редактор Т. Каневская. Технический редактор
Л. Кошуткина, корректоры Рольдбург и Черно-
мордик*

Сдано в набор 27/III 37 г. Подписано к печати
24/IX—37 г. формат 60×92/6. Печ. л. 30. Уч.
зач. л. 31,91. Серия—Монография. Отгиз № 1908
Зак. № 594. Тираж 10.000 экз. Цена книги.
6 р. 40 к. Переплет 1 р. 25 к. Уполномоченный
Главлита Б 10877.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трех-
прудный, 9.

K1717